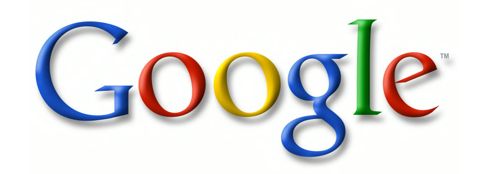
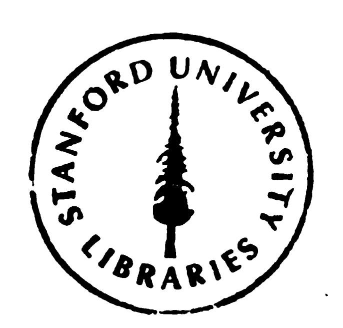

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ИМПЕРАТОРЪ

АЛЕКСАНДРЪ I.

ИМПЕРАТОРЪ

АЛЕКСАНДРЪ I

и

ИДЕЯ СВЯЩЕННАГО СОЮЗА.

ПРОФЕССОРА

В. К. Надлера.

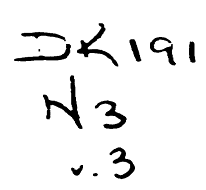
Томъ III.

Изданіе книгопродавца Н. Киммеля

въ Ригѣ

1887.

Дозволено цензурою. Кіевъ, Апрѣля 23 дня 1887 года.

Харьковъ. Типографія Окружнаго Штаба.

съ ВЫСОЧАЙШАГО соизволенія

ЕГО

ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

ГОСУДАРЮ

НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ

ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ

всеподданнѣйше

ПОСВЯЩАЕТЪ

Авторъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

его мнимая болѣзнь, его ослѣпленіе.—Австрійская диспозиція и распоряженія начальниковъ частей.—Безпорядокъ въ союзной арміи.—Споры въ отрядѣ Евгенія.—Русскіе штыками пролагаютъ себѣ путь въ Теплицкую долину.—Вмѣшательство короля прусскаго.—Позиція при Пристенѣ.—Новые Ѳермопилы.—Атаки Вандамма и неслыханный героизмъ русскихъ.—Послѣднія силы истощаются.—Спасеніе.—Императоръ Александръ въ горахъ.—Бивуачные или боевые дымки?—Бесѣда съ Меттернихомъ и графъ Коллоредо.—Движеніе пруссаковъ въ тылъ Вандамму.—Что привело ихъ туда.—Сраженіе при Кульмѣ.—Диспозиція Толя.—Австрійцы обходятъ непріятеля.—Пруссаки на высотахъ Ноллендорфа.—Отчаянная попытка Вандамма.—Катастрофа.—Вандаммъ предъ своимъ побѣдителемъ.—Значеніе Кульмскаго боя.—Поворотъ войны.—Битвы при Гросъ-Беренѣ, Кацбахѣ и Денневицѣ.—Гибель Наполеона становится неизбѣжною.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Третій томъ моего сочиненія „Императоръ Александръ I и идея священнаго союза“ является въ свѣтъ нѣсколько позже, нежели предполагалось это первоначально. На то были различныя причины, главнымъ же образомъ, недосугъ автора, отвлекаемаго отъ работы другими неотложными дѣлами.

И при обработкѣ этого тома авторъ руководился тѣми же основными идеями, которыя проникаютъ всю его книгу, которыя руководили и руководятъ его во всей его жизни. Авторъ убѣжденъ, и онъ пришелъ къ этому убѣжденію путемъ тщательнаго изученія историческихъ фактовъ, что въ жизни народовъ и государствъ проявляется во всемъ своемъ величіи руководство Божественнаго Промысла, что чудное сплетеніе судебъ и событій не есть результатъ какихъ нибудь законовъ, подобныхъ закону тяготѣнія, а тѣмъ менѣе слѣпаго безсмысленнаго случая. Для бездушнаго механическаго закона нѣтъ мѣста въ исторіи, т. е. въ той области, гдѣ дѣйствуетъ свободная человѣческая воля, а случайное сплетеніе фактовъ никогда не могло бы произвести того стройнаго и величаваго развитія, какое поражаетъ насъ во всемірной исторіи. Никому, даже величайшимъ умамъ, не говоря уже объ обыкновенныхъ смертныхъ, не дано прозрѣвать въ таинственные пути Божественнаго Провидѣнія. Авторъ, сознающій всю ограниченность своихъ силъ и способностей, никогда не дерзалъ провозглашать себя непогрѣшительнымъ

истолкователемъ путей, которыми ведетъ Божественное Провидѣніе человѣчество; но онъ не хотѣлъ закрывать глаза передъ свѣтомъ Божественной истины, тамъ, гдѣ сіяніе этого свѣта озаряло и поражало наблюдателя, тамъ гдѣ рука Господня являлась воочію надъ мятущимися народами и царствами.

И въ настоящемъ томѣ авторъ въ состояніи былъ отмѣтить нѣсколько такихъ моментовъ, когда вѣяніе Божественнаго духа въ исторіи становилось ощутительнымъ и понятнымъ для самихъ участниковъ и очевидцевъ событій. Сюда относятся такія всемірно-историческія событія и явленія, какъ: непонятное ослѣпленіе генія Наполеона, какъ перемиріе въ Плесвицѣ, какъ Кульмскій бой и непосредственно предшествовавшее ему, по истинѣ, непостижимое сплетеніе такъ называемыхъ случайностей. Повторяю, авторъ смотритъ на эти событія также какъ смотрѣли на нихъ лучшіе современники, такіе возвышенные умы и чистые характеры какъ Императоръ Александръ, баронъ Штейнъ и другіе. Авторъ не приписываетъ себѣ никакихъ открытій; вся его цѣль состоитъ лишь въ томъ, чтобы напомнить людямъ нашего времени тѣ моменты въ жизни ихъ отцевъ, когда рука Божья надъ народами показывалась передъ очами всѣхъ во всемъ своемъ страшномъ, всесокрушающемъ и всеспасающемъ величіи.

Авторъ предчувствовалъ, что рѣшаясь на подобное напоминаніе, онъ навлечетъ на себя негодованіе тѣхъ людей, которые привыкли смотрѣть на исторію съ такъ называемой естественной точки зрѣнія, для которыхъ религія относится къ категоріи оставленныхъ точекъ зрѣнія, какъ и всѣ другіе виды болѣе или менѣе идеальнаго міросозерцанія.

Если на автора посыпалась грубая брань именно съ этой стороны, если либеральные рецензенты постарались поднять на смѣхъ его, „провиденціальную точку зрѣнія“ и если нашлись даже между ними лицемѣры, которые утверждали, что „авторъ приписалъ Провидѣнію роль недостойную“, то всѣ эти обстоятельства нимало не затрогиваютъ автора и онъ считаетъ оскорбленіемъ своего нравственнаго чувства вступать въ какую бы то ни было

полемику съ господами, давно уже отрѣшившимися отъ всякихъ религіозныхъ убѣжденій.

Не считаетъ онъ нужнымъ также отвѣчать и на идущіе изъ того же лагеря упреки, касающіеся самыхъ пріемовъ его изслѣдованія,—упреки, несомнѣнно вызванные не столько дѣйствительными промахами и погрѣшностями автора, сколько общимъ характеромъ и направленіемъ его книги. Конечно авторъ, за немногими исключеніями, не могъ пользоваться какими-нибудь неизвѣстными до сихъ поръ историческими матеріалами. Живя въ провинціальномъ городѣ, пользуясь пособіями ограниченными, онъ принужденъ былъ основать свой трудъ, главнымъ образомъ, на печатной литературѣ. Ему казалось, однако-же, что пересмотръ и тщательное изученіе этой литературы даютъ полную возможность освѣтить избранный имъ вопросъ съ его точки зрѣнія. И въ этомъ томѣ авторъ пользовался обширнымъ и разностороннимъ матеріаломъ. Укажу между прочимъ: на проповѣди и разсужденія митрополита Филарета, на переписку М. А. Волковой, на письма князя М. И. Кутузова, на записки и письма Шишкова, на достопамятности генерала К. Ф. Толя, изданныя Бернгарди, на біографію Фридриха-Вильгельма III епископа Ейлерта, на жизнеописанія Блюхера Шерра, Іорка-Дройзена, Гнейзенау-Перца, на колоссальный трудъ того-же Перца о Штейнѣ. Особенное значеніе имѣли для автора при составленіи этого третьяго тома, недавно напечатанныя записки Н. Н. Муравьева, записки графини Эделингъ, корреспонденція Наполеона (26 томъ), громадный дипломатическій матеріалъ, собранный въ извѣстной книгѣ Онкена, „Австрія и Пруссія въ войнѣ за освобожденіе“, записки герцога Евгенія Виртембергскаго и его адъютантовъ, мемуары маршала Мармона, Сынъ Отечества за 1813 годъ и другія русскія и иностранныя изданія того времени. Не могу не упомянуть также записокъ Арндта, мемуаровъ графини Шуазель-Гуфье и превосходной книги „Наполеонъ какъ полководецъ“, графа Іорка Ф. Вартенбургъ, офицера германскаго генеральнаго штаба. Называя главнѣйшія мои пособія и источники, я не думаю, однако-же, называть ихъ всѣ, такъ какъ

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

[illegible]

[illegible]
[illegible]

ГЛАВА I.

Внутренній смыслъ великихъ событій 1812 года.— Мнѣніе Филарета митрополита Московскаго: Наполеонъ и Александръ; государство христіанское и государство революціонное; причины успѣховъ русскихъ.—Общій характеръ памятниковъ 1812 года.—Кутузовъ въ своихъ письмахъ къ женѣ.—Религія и суевѣріе.—Русскія барыни въ моментъ нашествія.—Письма М. А. Волковой.—Патріотизмъ и религія въ высшихъ слояхъ нашего общества.—Патріотизмъ въ столицѣ и провинціи.—Тамбовское общество въ 1812 году.—Г-жа Сталь и Петербургскіе патріоты.—Наши крестьяне и французы.—Самъ Богъ ополчается за насъ!—Императоръ Александръ и судъ Божій на ледяныхъ поляхъ.—Библейскія пророчества.—Какъ молились тогда русскіе люди.—Манифестъ 3-го ноября.—Заслуги дворянства и простаго народа.—Бѣдствіе народа.—Воззваніе о помощи.

Внутренній смыслъ великихъ событій 1812 года не остался сокровеннымъ и непонятнымъ для современниковъ. Всѣ они тѣми или иными словами, въ той или другой формѣ, повторяли одну и туже мысль, озарившую, подобно молніи, милліоны умовъ. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ іерарховъ русской Церкви, Филаретъ, митрополитъ Московскій, лучше и полнѣе другихъ выразилъ сущность этой мысли [1]. За что шла великая борьба 1812 года? Быть можетъ, дѣло шло въ ней, какъ и во многихъ другихъ войнахъ объ интересахъ чисто политическихъ, но маловажныхъ и скоропреходящихъ? Нѣтъ! отвѣчаетъ намъ архипастырь русской Церкви. Нашествіе Наполеона на Россію было послѣднимъ страшнымъ натискомъ французской революціи на ту державу, которая одна, за

[1]) Мысли и замѣчанія Филарета по поводу великихъ событій отечественной войны встрѣчаются въ различныхъ его произведеніяхъ, но, главнымъ образомъ, въ его знаменитомъ разсужденіи: „О причинахъ успѣховъ нашихъ въ войнѣ 1812 года“.

исключеніемъ островной Англіи, успѣла удержать еще до той поры и свою независимость, и свое достоинство [1]). „Буря мятежа разрушила и престолъ царя и алтари Христовы у народа, который дотолѣ, повидимому, дышалъ только легкимъ вѣтромъ, и ужасныя развалины омывалъ продолжительный дождь кровавый. Изъ порывовъ безначалія родился, какъ сильный вихрь, похититель власти, который то уносилъ престолы съ мѣста, гдѣ они были, то поставлялъ ихъ на мѣстахъ, гдѣ ихъ не было, и который, наконецъ, поднявъ большую часть Европы, несъ обрушить ее на Россію" [2]).

Что сталось-бы съ Европою, съ человѣчествомъ, если-бы этотъ послѣдній натискъ силъ разрушительныхъ увѣнчался такимъ-же успѣхомъ, какъ и всѣ предъидущіе, если-бы Россія пошатнулась и пала въ неравной борьбѣ? „Что если-бы на сіе время, когда такъ укрѣпился и возвысился сей излишній на земли, что если-бы Господь не воздвигъ потребнаго на ней? Что было-бы съ народами, которые со дня на день, умножая собою число порабощенныхъ, чрезъ сіе самое умножали число орудій порабощенія и увеличивали силу поработителя? Что было-бы со священнымъ царскимъ достоинствомъ, которое непорфирородный царь оскорблялъ сугубо и уничиженіемъ порфирородныхъ и возвышеніемъ непорфирородныхъ? Что было-бы съ народнымъ духомъ, что было-бы съ просвѣщеніемъ и разумомъ образованнѣйшей части свѣта, когда неограниченное самолюбіе никакихъ границъ не уважающаго властителя непремѣнно требовало, чтобы все умѣло только раболѣпствовать передъ нимъ, чтобы добродѣтель подвизалась только исполнять его волю, истина—ему ласкательствовать, знаніе—изобрѣтать только средства для его цѣли, искусство—производить ему памятники его славы или размножать его идола? Чего надлежало ждать христіанскому богослуженію отъ мнимаго въ своей землѣ возстановителя онаго,

---

[1]) „Особенное время, на которое имѣющій въ рукѣ своей власть земли, какъ необходимо потребнаго воздвигъ Александра I-го, было не тихое утро Россіи, но бурный вечеръ Европы". Изъ слова надъ гробомъ Александра I-го.

[2]) Изъ слова надъ гробомъ Александра I-го.

который далъ ему видъ возстановленія только для того, чтобы черезъ то получить себѣ видъ освященія...?“ [1]).

И такъ человѣчеству и всѣмъ идеальнымъ сторонамъ его жизни грозили полнѣйшее изсякновеніе и духовная смерть, если-бы Россія пала подъ ударами Наполеона. Но Россія устояла и вышла побѣдительницею изъ небывалаго страшнаго испытанія. Чѣмъ-же объяснить такой чудесный никѣмъ не предвидѣнный исходъ? Проповѣдникъ указываетъ прежде всего на личный моментъ. „Какое безпредѣльное благодѣяніе имѣющаго въ руцѣ своей власть земли, что воздвигъ на землѣ Александра, дабы заключить бездну золъ, открывшуюся передъ нами“, восклицаетъ онъ. „Богъ, который воздвигъ Александра на время необычайныхъ браней и подвиговъ, научилъ его противопоставлять оружіямъ воинства плотскимъ не однѣ плотскія, но наипаче духовныя.... хитрости—правду, дерзости—твердость и терпѣніе, надменности—кротость и смиреніе, надеждѣ на искусство и силы человѣческія—упованіе на помощь и провидѣніе Божіе“ [2]).

Но одинъ личный моментъ не въ состояніи еще объяснить всего чуда избавленія Россіи и Европы. Благочестивые, человѣколюбивые, истинно-христіанскіе монархи стояли тогда и во главѣ другихъ европейскихъ государствъ. Стоитъ лишь припомнить личнаго друга императора Александра, короля Прусскаго, Фридриха-Вильгельма III. Онъ былъ образ-

[1] Въ этихъ немногихъ словахъ Филаретъ мастерски изобразилъ роковыя послѣдствія Наполеоновскаго владычества для европейскаго міра. Исторія Наполеона Ланфре, изслѣдованія Трейчке, мемуары Ремюза ознакомили уже массу образованной публики съ истиннымъ характеромъ Наполеоновскаго режима и разсѣяли, наконецъ, ореолъ, окружавшій такъ долго голову желѣзнаго деспота. Наполеонъ не терпѣлъ ни политической, ни общественной, ни научной свободы. Онъ требовалъ, чтобы наука и искусство работали только для него, чтобы всѣ таланты служили только ему. Все свободное и сколько-нибудь независимое казалось ему пустою и вредною идеологіею. Даже общественныя увеселенія должны были совершаться лишь по его разрѣшенію и по установленной имъ программѣ. На христіанскую Церковь Наполеонъ смотрѣлъ, какъ на полицейское учрежденіе, весьма пригодное для сдерживанія буйныхъ инстинктовъ толпы. Служители Церкви должны были быть такими-же слѣпыми и покорными орудіями его воли, какъ гражданскіе префекты и военные генералы.

[2]) „И что-же послѣдовало? Идолъ Франціи сокрушился о грудь Россіи!“ Изъ рѣчи надъ гробомъ Александра I-го.

цомъ истиннаго человѣка и христіанина на тронѣ. И что-же? Его государство, считавшееся еще такъ недавно первою военною силою во всей Европѣ, пало при первомъ прикосновеніи къ нему желѣзной руки завоевателя: только великодушное предстательство русскаго императора спасло тогда монархію Фридриха Великаго отъ окончательнаго уничтоженія. Александръ могъ сокрушить Наполеона лишь потому, что онъ стоялъ во главѣ русскаго, а не какого либо иного государства. Монархіи Европы пали передъ напоромъ представителя революціи, потому что въ ихъ народахъ была поколеблена и искажена идея христіанскаго государства, потому что царская власть утратила въ нихъ религіозную основу своего существованія, и народы перестали видѣть въ своихъ прирожденныхъ государяхъ избранниковъ Божіихъ и представителей власти Бога на землѣ.

„Что есть государство?“ [1]) вопрошаетъ Филаретъ. „Нѣкоторый участокъ во всеобщемъ владычествѣ Вседержителя, отдѣленный по наружности, по невидимою властью сопряженный съ единствомъ всецѣлаго. Итакъ, чѣмъ постояннѣе оно удерживаетъ себя въ союзѣ Верховнаго Правителя міра соблюденіемъ его закона, благочестіемъ и добродѣтелью, тѣмъ точнѣе входитъ во всеобщій порядокъ его правленія, тѣмъ обильнѣе пріемлетъ отъ него силы къ своему сохраненію и совершенствованію. Оставивъ Бога, оно можетъ быть оставлено на нѣкоторое время самому себѣ, по закону его долготерпѣнія или въ ожиданіи его исправленія, или въ орудіе наказанія для другихъ, или до исполненія мѣры его беззаконія, но вскорѣ поражается правосудіемъ, какъ возмутительная область Божіей державы“.

Такова религіозная идея государства. Кто-же не согласится, что идея эта была искажена не въ одной Франціи,

[1]) Все это разсужденіе о государствѣ мы находимъ въ разсужденіи Филарета: „О причинахъ успѣховъ нашихъ въ войнѣ 1812 г.“ „Участь государствъ“, замѣчаетъ Филаретъ въ этомъ-же классическомъ произведеніи, „опредѣляется вѣчнымъ закономъ истины, который положенъ въ основаніе ихъ бытія и который, по мѣрѣ ихъ утвержденія на немъ или уклоненія отъ него, изрекаетъ на нихъ судъ, приводимый потомъ въ исполненіе подъ всеобъемлющимъ судоблюстительствомъ провидѣнія“.

но и на всемъ западѣ, что новыя политическія теоріи давно превратили уже здѣсь государство въ бездушный механизмъ, въ учрежденіе временное, случайное [1]).

Государство можетъ быть разсматриваемо, по мнѣнію Филарета, „какъ великое семейство человѣковъ, которое, по умноженіи своихъ членовъ и раздѣленіи родовъ, не могши быть управляемо, какъ въ началѣ, единымъ естественнымъ отцемъ, признаетъ надъ собою въ семъ качествѣ избраннаго Богомъ и закономъ государя. Чѣмъ искреннѣе подданные предаются отеческому о нихъ попеченію государя и съ сыновнею довѣренностью и послушаніемъ исполняютъ его волю; чѣмъ естественнѣе государь и поставляемые имъ подъ собою правители народа, по образу его, представляютъ собою отцевъ великаго и въ великомъ, меньшихъ семействъ, украшая власть благотвореніемъ, растворяя правду милосердіемъ, простирая призрѣніе мудрости и благости отъ чертоговъ до хижинъ и темницъ: тѣмъ соединяющія правленіе съ подданными узы неразрывнѣе, ревность ко благу общему живѣе, дѣятельность—неутомимѣе, единодушіе—неразлучнѣе, крѣпость необоримѣе. Но когда члены общества связуются токмо страхомъ и одушевляются токмо корыстью собственною; когда глава народа, презирая его, употребляетъ орудіемъ своего честолюбія и злобы: тогда есть покорные невольники, доколѣ есть крѣпкія оковы, есть служители кровопролитія, доколѣ есть надежда добычи, а при наступленіи общей опасности всѣ связи ослабѣваютъ, народъ безъ бодрости, престолы безъ подпоры, отечество сиротствуетъ“ [2]).

Таково государство естественное, и его противоположность государство искусственное, насильственное, революціонное. Гдѣ на всемъ европейскомъ западѣ можно было найти тогда тѣсное единеніе между правителями и народами,—

---

[1]) Въ XVIII вѣкѣ развился съ одной стороны монархическій абсолютизмъ, не признававшій въ своемъ самомнѣніи ни божескаго, ни человѣческаго права, и явились, съ другой стороны, тѣ абстрактныя теоріи о верховенствѣ народной массы, о безпредѣльныхъ правахъ личности, объ общественномъ договорѣ, о правѣ мятежа, которыя впервые осуществлены были такъ ужасно во времена великой французской революціи.

[2]) Изъ разсужденія „О причинахъ успѣховъ нашихъ въ войнѣ 1812 г.“

единеніе, основанное на правѣ естественномъ, на отцовской любви государей и сыновней преданности подданныхъ? Гдѣ ее встрѣчаемъ, наоборотъ, отношеній искусственныхъ, механическихъ, основанныхъ на страхѣ или корысти? Развѣ одинъ Наполеонъ являлся атаманомъ громадной разбойничьей шайки,—развѣ его вассалы и сатрапы, развѣ многіе изъ его противниковъ не были лишь его подобіями въ маломъ видѣ? [1]).

„Государство“, говоритъ далѣе Филаретъ, „есть союзъ свободныхъ нравственныхъ существъ, соединившихся между собою съ пожертвованіемъ частію своей свободы для охраненія и утвержденія общими силами закона нравственности, который составляетъ необходимость ихъ бытія. Законы гражданскіе суть не что иное, какъ примѣненныя къ особеннымъ случаямъ истолкованія сего закона и ограды, поставленныя противъ его нарушенія. Итакъ, гдѣ священный законъ нравственности непоколебимо утвержденъ въ сердцахъ воспитаніемъ, вѣрою, здравымъ, не искаженнымъ ученіемъ и уважаемыми примѣрами предковъ: тамъ сохраняютъ вѣрность къ отечеству и тогда, когда никто не стережетъ ее: жертвуютъ ему собственностію и собою безъ побужденій воздаянія или славы, какъ не опасаются умереть отъ законовъ и когда могли-бы сохранить жизнь ихъ нарушеніемъ. Если-же законъ, живущій въ сердцахъ, изгоняется ложнымъ просвѣщеніемъ и необузданною чувственностью,—нѣтъ жизни въ законахъ писанныхъ; повелѣнія не имѣютъ уваженія, исполненіе—довѣрія; своеволіе идетъ рядомъ съ угнетеніемъ, и оба приближаютъ общество къ паденію“ [2]).

Уяснивъ идеальное государство и давъ понять, какъ далеко удалились отъ него западныя державы, гдѣ такъ назы-

---

[1]) Стоитъ лишь припомнить такого звѣрскаго тирана, какъ король Виртембергскій, Фридрихъ I, достойный вассалъ Наполеона,—такихъ достойныхъ исполнителей варварскихъ приказовъ Наполеона, какъ большинство его маршаловъ и администраторовъ, или такихъ тупоумныхъ деспотовъ, какъ Фердинандъ VII Испанскій,—чтобы убѣдиться въ истинѣ сказаннаго въ текстѣ.

[2]) Безъ сомнѣнія, Филаретъ рисуетъ въ этихъ словахъ государство идеальное, и странно было-бы утверждать, что Россія Александра I во всѣхъ отношеніяхъ уподоблялась этому высокому и недосягаемому идеалу; но не подлежитъ тѣмъ не менѣе сомнѣнію, что она все-таки ближе подходила къ нему, нежели государства западныя.

ваемое просвѣщеніе давно уже убило и извратило чистый законъ нравственности, гдѣ свобода превращена была въ анархію, а порядокъ и добровольное повиновеніе въ мертвый механизмъ и насиліе власти, Филаретъ продолжаетъ: „Приложимъ сіи всеобщія истины къ настоящему положенію отечества; онѣ покажутъ составъ и мѣру его величія".

„Вѣруетъ Россійское царство, что владѣетъ Вышній царствомъ человѣческимъ; и неотступно держась вѣрою и упованіемъ Всемогущаго сего Владыки, отъ него пріяло мощь, дабы, не колеблясь, удержать на раменахъ своихъ всю тяжесть своего бѣдствія, когда всѣми земными силами было или боримо или оставляемо [1]). Когда правота и великодушіе упражнены были въ мѣрахъ безопасности вѣроломствомъ и нарушеніемъ народныхъ правъ, благочестивѣйшій монархъ не поколебался, но поручилъ свое дѣло Богу и не усомнился въ народѣ своемъ. Вѣрный народъ не поколебался, но ввѣрилъ судьбу свою Богу и монарху. Продолженіе и возрастаніе общей опасности нигдѣ не могло быть примѣчено, развѣ при алтаряхъ, гдѣ моленія становились продолжительнѣе, возрастало число притекающихъ; отверзающіяся Господу сердца, уже не таясь собратій, изливались въ слезахъ умиленія, и гдѣ отходящіе на брань принимали послѣднее напутствіе [2]). Когда противу черезмѣрнаго числа вражескихъ полчищъ правительство принуждено было поставить неискушенныхъ въ брани гражданъ, вѣра запечатлѣла ихъ собственнымъ своимъ знаменіемъ, утвердила своимъ благословеніемъ, и сіи неопытные ратники подкрѣпили, обрадовали, удивили старыхъ воиновъ. А когда неистовыя скопища нечестивцевъ не оставили въ мирѣ и безоружную вѣру, когда наипаче въ богатой древнимъ благочестіемъ столицѣ исполняли свои руки святотатствами, осквернили храмы живаго Бога и ругались его святынѣ,—усердіе въ вѣрѣ превращалось въ пламенную, неутомимую ревность наказать хулителей, и даже въ ободряющую надежду, что врагъ

[1]) Россія была дѣйствительно оставлена всѣмъ міромъ въ началѣ войны 1812 года, такъ какъ союзъ съ Швеціею не имѣлъ никакого серьезнаго значенія.

[2]) Объ этомъ возростаніи религіознаго чувства, по мѣрѣ возростанія опасности, свидѣтельствуютъ всѣ памятники 1812 года какъ офиціальные, такъ и частные, какъ русскіе, такъ и иностранные. См. между прочимъ ниже.

въ опасности, обращались отъ нихъ къ опасности общей; семейства менѣе, нежели обыкновенно, плакали, провождая новыхъ ратниковъ; забывали родство, помышляя объ отечествѣ. Можно сказать, что въ Москвѣ, въ самое время несчастнаго ея превращенія изъ столицы россійской въ ужасный станъ французскій, подданные Александра были вѣрнѣе своему государю, нежели рабы Наполеона своему повелителю; ибо извѣстно, что своевольство французскаго войска, еще болѣе пагубное для него самого, нежели для опустошенной имъ столицы [1]), не могло быть укрощено ни присутствіемъ, ни повелѣніями, ни правосудіемъ, ни самою жестокостью Наполеона; между тѣмъ какъ граждане московскіе, сохраняя послушаніе къ своему государю, по многократнымъ и ласковымъ и грознымъ требованіямъ, не хотѣли даже предстать иноплеменному властителю, рѣшаясь страдать и умирать, но убѣгать съ нимъ сообщенія, оставляя его съ одними тѣлохранителями носиться по безлюднымъ путямъ вокругъ Кремля, какъ толпы привидѣній около надгробныхъ памятниковъ“.

Итакъ, русскій народъ побѣдилъ и потому, что его государство покоилось на незыблемой, чисто семейной связи между государемъ и населеніемъ. Вслѣдствіе такой связи не обнаружилось ни малѣйшаго колебанія, ни малѣйшей розни въ моментъ великой, общей опасности. Русскій государь лишь потому отважился на борьбу съ непобѣдимымъ, что́ былъ увѣренъ безусловно въ безграничной вѣрности своего народа. Ему стоило лишь произнести свое царственное слово,—и весь народъ поднялся на защиту государства. Наполеонъ ожидалъ найти въ Россіи рознь и вражду между сословіями, онъ разсчитывалъ на измѣну высшихъ, на сочувствіе закрѣпощенной массы. И что-же? Въ то время, когда въ другихъ странахъ не только отдѣльныя личности, но даже и цѣлые классы населенія, если и не привѣтствовали его, какъ освободителя, то относились совершенно безучастно къ паденію государства и на перерывъ спѣшили преклониться передъ завоева-

---

[1]) Мы уже знаемъ, что это своевольство и полный упадокъ дисциплины способствовали въ большей мѣрѣ гибели великой арміи, нежели морозъ и голодъ.

Такъ анализируетъ великій христіанскій проповѣдникъ ту общую истину, которая признавалась тогда всѣми безъ различія; такъ пытается отвѣтить онъ на вопросъ, почему Богъ избралъ орудіями своего промысла Александра и Россію. Тысячи и милліоны умовъ современниковъ не способны были къ такому анализу; но всѣ они безъ изъятія сознавали и исповѣдывали громогласно, что Самъ Господь силъ ополчилъ десницу Россіи и ея царя на сокрушеніе тирана.

Раскройте любой изъ памятниковъ вѣчно памятнаго 1812 года,—и васъ поразитъ на первыхъ-же строкахъ живая и сильная струя религіознаго чувства, проникающая всѣхъ современниковъ этой эпохи въ большей или меньшей степени. Впечатлѣніе будетъ одинаково, все равно, — возьмете-ли вы офиціальный документъ, частное письмо, мемуары назначенные для потомства. Безразличны также званіе, происхожденіе, положеніе составителей или авторовъ. Всѣ они, и русскіе, и иноземцы [1]), и лица, занимавшія высшіе государственные посты, и люди частные, говорятъ, правда, на различныхъ языкахъ, выражаются различными способами, но всѣ выражаютъ одну и ту-же мысль. Всѣ они отдаютъ должную дань справедливости храбрости войскъ русскихъ, безграничному энтузіазму и самоотверженію народа русскаго, непоколебимой твердости императора Александра; но всѣ единодушно приписываютъ въ тоже время чудесный исходъ борьбы всесильной помощи Всевышняго, всѣ видятъ въ потрясающихъ событіяхъ времени руку Всемогущаго [2]).

---

[1]) Замѣчательно, что у самихъ французовъ, участниковъ экспедиціи Наполеона на Россію, высказывается убѣжденіе, что Наполеонъ пораженъ былъ самимъ провидѣніемъ. Особенно любопытное мѣсто находимъ мы въ этомъ отношеніи у Лабома. „Такъ, замѣчаетъ онъ въ концѣ своей книги, исполнились пророчества Наполеона, произнесенныя имъ передъ началомъ кампаніи 1812 г., съ тою лишь разницею, что они относились не къ Россіи, а къ нему самому. Увлеченный своею судьбою, онъ былъ пораженъ неотразимымъ ударомъ провидѣнія, возвратившаго политическое равновѣсіе и свободу Европѣ, а Франціи ея благосостояніе“. См. Labaum. Relation de la campagne de Russie en 1812, стр. 431.

[2]) Въ письмѣ С. М. Танѣева къ графу Аракчееву мы встрѣчаемъ такое выраженіе: „Нахожу, что всякому приключенію въ свѣтѣ бываетъ свидѣтель Богъ. Кто бы могъ подумать за пять мѣсяцевъ тому назадъ, что мы, истребя и отнявъ все до-чиста у непріятеля, будемъ на Вислѣ. Все это содѣйствіе Божіе“ и

Таковъ всегда [illegible] самъ маститый главнокомандующій. Просматривая письма Кутузова къ женѣ [1], мы выносимъ убѣжденіе, что человѣкъ этотъ, воспитанный въ Екатерининскую эпоху невѣрія, проводившій всю свою жизнь или въ средѣ легкомысленнаго свѣтскаго общества, или въ военномъ станѣ, обвиняемый современниками въ лицемѣріи, былъ въ дѣйствительности человѣкъ глубоко религіозный и вѣрующій. Мы видѣли, какъ поступилъ Кутузовъ въ тотъ моментъ, когда онъ получилъ извѣстіе о выходѣ Наполеона изъ Москвы. Спрашивается, неужели и въ эту минуту, и притомъ въ присутствіи лишь двухъ особенно близкихъ къ нему лицъ — Толя и Коновницына, Кутузовъ могъ играть роль? Знаменательны слова молитвы почтеннаго старца въ эту минуту. Онъ говорилъ, рыдая передъ образомъ Спасителя: „Боже, создатель мой! Наконецъ, Ты внялъ молитвѣ нашей, и съ сей минуты Россія спасена“ [2]. И съ того момента, когда счастіе оружія окончательно повернуло на нашу сторону, когда армія Наполеона, какъ-бы пораженная божественнымъ проклятіемъ, бѣжала изъ предѣловъ Россіи и таяла быстро какъ снѣгъ на глазахъ своихъ преслѣдователей, и тогда Кутузовъ спѣшилъ прежде всего воздать хвалу Всевышнему и былъ болѣе кого-либо другаго крайне далекъ отъ всякаго самохвальства. „Богъ мнѣ даровалъ побѣду вчера“; „здѣсь, слава Богу, хорошо все“; „Наполеонъ бѣгаетъ по ночамъ съ мѣста на мѣсто“; „я, слава Богу, здоровъ, французы непонятно какъ бѣгутъ и теряютъ очень много людей“ — вотъ фразы, которыя мы то и дѣло встрѣчаемъ въ его письмахъ къ женѣ [3]. „Благодаря Бога, у насъ все идетъ изъ лучшаго въ лучшее“. Правда, на ряду съ этими словами смиренія встрѣчаются и возгласы иного рода. Кутузовъ не можетъ скрыть

[illegible] Письма главнѣйшихъ дѣятелей въ царствованіе императора Александра I, стр. 77.

1) Эти письма въ высшей степени важны для характеристики знаменитаго полководца, напечатаны въ „Русской Старинѣ“ 1872 г. Письма относятся къ періоду времени отъ [illegible] до [illegible] г.

2) См. выше на [illegible] стр.

3) См. письма отъ 7-го октября, отъ 26 октября и отъ 28 октября. „Русская Старина“ 1872 г., стр. [illegible].

своей радости, что провидѣніе избрало его своимъ борцомъ въ этой священной войнѣ. Ему льститъ сознаніе, что первый полководецъ міра принужденъ бѣжать передъ нимъ, что онъ освобождаетъ изъ подъ власти непріятеля одну за другою области русскаго царства [1]). Въ такихъ возгласахъ высказывается Кутузовъ—человѣкъ, но они не противорѣчатъ нисколько тому глубоко религіозному настроенію, которое проникаетъ его въ эту эпоху, на славномъ закатѣ жизни. Кутузовъ такъ преисполненъ мыслію о славѣ освободителя отечества, что не стремится ни къ какой иной славѣ. Онъ призванъ къ совершенію одного этого великаго подвига, вмѣстѣ съ нимъ должно окончиться и его земное поприще. Онъ тоскуетъ по временамъ, что результатъ преслѣдованія не вполнѣ соотвѣтствуетъ его ожиданіямъ; онъ досадуетъ, что по винѣ Чичагова не взята была въ плѣнъ вся непріятельская армія; но онъ тотчасъ-же смиряется, соображая, что грѣшно скучать и досадывать при такихъ обстоятельствахъ, что надо и за то благодарить Бога, что непріятель доведенъ до такого „бѣднаго состоянія“ [2]). Религіозность князя Кутузова отличается характеромъ чисто національнымъ. Онъ стоитъ на почвѣ своего народа и своей Церкви. Дитя вольнодумнаго, философскаго вѣка, онъ раздѣляетъ въ глубинѣ души вѣрованія своихъ солдатъ. Онъ твердо вѣритъ въ заступничество небесной Владычицы; онъ блюдетъ за тѣмъ, чтобы образъ Богоматери Смоленской сопутствовалъ войскамъ его во всѣхъ битвахъ. Послѣ битвы при Красномъ онъ думаетъ прежде всего о томъ, какъ-бы отправить обратно въ Смоленскъ чу-

---

[1]) „Я, слава Богу, здоровъ, мой другъ, хотя и очень трудно. Должно меня утѣшать то, что я первый генералъ, передъ которымъ Бонапарте такъ бѣжитъ“. Письмо отъ 20-го октября. „Кланяйся нашимъ, увѣрь ихъ, что сколь ни утѣшительно гнать передъ собою перваго на свѣтѣ полководца, сколь ни утѣшительно въ теченіи мѣсяца и нѣсколькихъ дней возвратить подъ скипетръ Россіи пять губерній, непріятелемъ оторванныхъ, но сладко было-бы мнѣ жить съ вами“. Письмо отъ 14-го ноября.

[2]) „Не могу сказать, чтобы я былъ веселъ, не всегда идетъ все такъ, какъ хочется. Все еще Бонапарте живъ“. Письмо отъ 19 ноября. „Вчерась я былъ скученъ и это грѣхъ; грустилъ, что не взята вся непріятельская армія въ полонъ“. Письмо отъ 20-го ноября. „Русская Старина“ за 1872 годъ, стр. 656.

дотворную икону съ „хорошимъ приданымъ". Жаль ему разставаться съ вѣрнымъ залогомъ побѣды: „еще третьяго дня, пишетъ онъ, стояла она во время сраженія за батареею" [1]. Онъ пораженъ не менѣе послѣдняго солдата чудеснымъ совпаденіемъ, случившимся при возвращеніи образа Богоматери въ Смоленскъ. „Когда", пишетъ онъ женѣ, „съ большою церемоніею вносили образъ Смоленской Богоматери въ соборъ и поставили на мѣсто и стали пѣть молебенъ и при Евангеліи: „и пребысть Маріамъ яко три мѣсяца и три дни и возвратись въ домъ свой".—множество народу ужаснулось и сочли, что со дня возвращенія столько протекло времемени" [2]. Кутузовъ готовъ даже раздѣлять суевѣрія своихъ солдатъ, ихъ вѣру въ различныя примѣты. „Здѣсь въ арміи, пишетъ онъ, много вѣрятъ примѣтамъ: шестому числу, въ которое много славныхъ происшествій было: Бородино 26-го; разбитъ Неаполитанскій король 6-го: разбитъ Бонапарте и корпусъ Нея истребленъ 6-го" [3]. Въ такомъ отношеніи Кутузова къ религіознымъ чувствамъ своихъ солдатъ и даже къ ихъ суевѣріямъ мы въ правѣ усматривать съ одной стороны знаменіе времени, а съ другой—мы должны искать въ немъ одну изъ главнѣйшихъ причинъ того безграничнаго довѣрія, съ которымъ относилась армія къ своему вождю.

Но оставимъ высшую сферу и перенесемся въ совершенно иной кругъ. Заглянемъ въ частную переписку свѣтской женщины-аристократки, относящуюся къ тому-же 1812 году [4]. Въ первыхъ письмахъ, когда все еще было спокойно,

---

[1]) Письмо отъ 7-го ноября.

[2]) Письмо отъ 30-го ноября. Не менѣе характерно для Кутузова и то, какъ распорядился онъ добычею, предоставленною въ его распоряженіе казаками. „Теперь вотъ коммиссія: донскіе казаки привезли изъ добычи своей сорокъ пудъ серебра въ слиткахъ и просили меня сдѣлать изъ его употребленіе, какое я разсужу. Мы придумали вотъ что: украсить этимъ церковь Казанскую. Здѣсь посылаю письмо къ митрополиту и другое протопопу Казанскому. И позаботьтесь, чтобы письма были вѣрно отданы, и о томъ, чтобы употребить хорошихъ художниковъ". Письмо отъ 23-го декабря, стр. 660.

[3]) См. Письмо отъ 30-го ноября, стр. 657.

[4]) Всѣ ниже приведенные отрывки изъ писемъ принадлежатъ перу М. А. Волковой, дочери дѣйствительнаго тайнаго совѣтника А. А. Волкова. Они адресованы къ Варварѣ Ивановнѣ Ланской. П. Б., напечатавшій эти письма въ „Рус-

когда лишь одни люди, посвященные въ политическія дѣла, чуяли близкую, страшную бѣду, корреспондентка наша погружена всецѣло въ свою обычную среду, въ свои мелочные будничные интересы. Балы, наряды, свѣтскія новости фигурируютъ въ письмахъ на первомъ планѣ. Сегодня мы узнаемъ о музыкальномъ вечерѣ съ знаменитостями у графини Разумовской, завтра получаемъ комическое описаніе бала въ дворянскомъ Московскомъ собраніи [1]). Но вотъ слышатся первые отдаленные раскаты грома и религіозное чувство, составляющее всю внутреннюю сущность жизни этихъ, лишь повидимому, пустыхъ женщинъ, побѣдоносно вырывается наружу. Онѣ вдругъ начинаютъ говорить инымъ, и посмотрите, какимъ языкомъ! „Мы дожили до такой минуты, когда, исключая дѣтей, никто не знаетъ радости, даже самые веселые люди. Насъ ожидаетъ, быть можетъ, страшная будущность, милый другъ! Безграничная покорность волѣ Господней, совершенное, слѣпое подчиненіе его неисповѣдимымъ приговорамъ,—единственныя чувства, могущія успокоить насъ въ такое время, когда страхъ весьма основателенъ. Будемъ молиться, милый другъ! [2]).

Гроза надвигается все ближе и ближе. Непріятель уже въ предѣлахъ Россіи, приходятъ слухи о нашихъ побѣдахъ, и

скомъ Архивѣ“ за 1872 г., говоритъ о личности М. А. Волковой: „Она скончалась въ дѣвицахъ въ 1859 году и погребена въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Высокими нравственными качествами пріобрѣла она уваженіе самого императора Николая Павловича, который выслушивалъ ея правдивыя рѣчи и около 1839 года выписалъ ее къ себѣ въ гости въ Петербургъ, гдѣ приказалъ отвести ей помѣщеніе въ зимнемъ дворцѣ и окружалъ вниманіемъ. М. А. Волкова не должна быть забываема въ историческихъ преданіяхъ, какъ благороднѣйшая представительница стариннаго московскаго быта. Съ образомъ мыслей ея и со взглядомъ на событія 1812 года вполнѣ согласуются тѣ молитвы, которыя написалъ покойный митрополитъ Филаретъ для молебствія 25-го декабря въ память изгнанія изъ Россіи Наполеона и его рабовъ. Великій церковный витія былъ въ этомъ случаѣ лишь выразителемъ того, что думало народное большинство за одно съ лучшими своими представителями“. „Русскій Архивъ“ 1872 г. стр. 2433—34.

[1]) См. Письма отъ 15, 22, 29 апрѣля, 6, 9, 13, 18, 26 мая, 1, 7 и 14 іюня.

[2]) Письмо отъ 24 іюня. Въ этомъ письмѣ слышатся еще отголоски прежняго веселаго тона и милаго злословія. Стоитъ прочесть напр. описаніе наружности Растопчина и характеристики трехъ жалкихъ парочекъ, чтобы убѣдиться въ этомъ.

сется, не оскудѣваетъ, а растетъ и крѣпнетъ вмѣстѣ съ бѣдою. „Мы съ мама пріобщались нынче. По моему мнѣнію, теперь самая пора для покаянія, потому что лишь искреннимъ раскаяніемъ въ грѣхахъ можемъ мы умилостивить Бога“ [1]). Вмѣстѣ съ твердою вѣрою проявляется и любовь къ младшей братіи, къ простому народу [2]). Какою глубокою вѣрою проникнутъ этотъ народъ, съ какою радостью несетъ онъ свое послѣднее достояніе и свою кровь на алтарь отечества [3]), съ какою покорностью, съ какимъ уваженіемъ относится онъ къ распоряженіямъ властей законныхъ! [4])

---

[1]) Письмо отъ 5-го августа.

[2]) „Народъ ведетъ себя прекрасно. Увѣряю тебя, что не достало-бы журналистовъ, если-бы описывать всѣ доказательства преданности отечеству и Государю, о которыхъ безпрестанно слышишь и которыя повторяются не только въ самомъ городѣ, но и въ окрестностяхъ и даже въ разныхъ губерніяхъ“. Письмо отъ 5 августа.

[3]) Нынче утромъ я пошла въ ту церковь, гдѣ мы были съ тобою въ прошломъ году; она была полна народу, хотя сегодня нѣтъ праздника. Всѣ молились съ усердіемъ, какого мнѣ не приходилось еще видѣть, почти всѣ обливались слезами. Не могу выразить тебѣ, до чего я радовалась этому усердію, потому что я твердо убѣждена, что лишь искренними молитвами можемъ мы снискать милосердіе Божіе. Послѣ обѣдни одна женщина съ мужемъ своимъ служила молебенъ. Мужъ, одѣтый въ военный мундиръ, повидимому, готовится поступить на службу. Онъ и жена оба плакали. У меня болѣзненно сжалось сердце при видѣ горькихъ слезъ бѣдной женщины“. Письмо отъ 12 августа.

[4]) „Вчера утромъ пріѣхала прислуга дяди, а также и крестьяне изъ его имѣнія подъ Дорогобужемъ. Несчастные бросались къ нему въ ноги, прося о помощи. Какъ будто онъ можетъ помочь имъ и оградить ихъ отъ разоренія, въ случаѣ ежели по глупости или вслѣдствіе измѣны ихъ предадутъ огню и мечу; надо видѣть уваженіе этихъ бѣдныхъ людей къ верховной власти. Одинъ изъ мужичковъ объяснялъ намъ, что они-бы бѣжали, чтобы спастись, но указъ царскій не позволяетъ имъ бросать свои избы, пока французы не смѣнятъ нашихъ войскъ. Посуди, до чего больно видить, что злодѣи въ родѣ Балашова и Аракчеева продаютъ такой прекрасный народъ. Но увѣряю тебя, что ежели сихъ послѣднихъ такъ ненавидятъ въ Петербургѣ, какъ и въ Москвѣ, то имъ не сдобровать въ послѣдствіи. Растопчинъ очищаетъ Москву отъ подобныхъ исчадій... Здѣсь ежедневно ловятъ французскихъ шпіоновъ. Народъ такъ раздраженъ, что мы не осмѣливаемся говорить по французски на улицѣ. Двухъ офицеровъ арестовали: они на улицѣ вздумали говорить по французски; народъ принялъ ихъ за переодѣтыхъ шпіоновъ и хотѣлъ поколотить, такъ какъ не разъ ловили уже французовъ, одѣтыхъ крестьянами или въ женскую одежду, снимавшихъ планы, занимавшихся поджогами и предрекавшихъ прибытіе Наполеона,—словомъ смущавшихъ народъ“. Письмо отъ 15 августа. Конецъ этого письма очень любопытенъ. Онъ показываетъ, какъ болѣзненно-подозрительно настроено было тогда

защищая свое отечество и правое дѣло, чѣмъ заслуживаютъ благословеніе Божіе. Я стараюсь проникнуться этимъ чувствомъ, а равно внушить его другимъ“ [1]).

Страшныя бѣдствія, постигшія отечество, заставляютъ задумываться людей, не привыкшихъ до тѣхъ поръ думать. Они начинаютъ доискиваться причинъ нашихъ несчастій, начинаютъ всматриваться пристальнѣе въ свое собственное сердце, въ окружающую среду и съ ужасомъ замѣчаютъ, что мы сами, сильные и богатые міра сего, вожаки и руководители націи, были первыми виновниками всѣхъ бѣдъ. „Когда я думаю серьезно о бѣдствіяхъ, причиненныхъ намъ этою несчастною французскою націею, я вижу во всемъ Божію справедливость. Французамъ обязаны мы развратомъ; подражая имъ, мы приняли ихъ пороки, заблужденія; въ скверныхъ книгахъ ихъ почерпнули мы все дурное. Они отвергли вѣру въ Бога, не признаютъ власти, и мы, рабски подражая имъ, приняли ихъ ужасныя правила, чванясь нашимъ сходствомъ съ ними, а они и себя и всѣхъ своихъ послѣдователей влекутъ въ бездну. Не справедливо-ли, что гдѣ нашли мы соблазнъ, тамъ претерпимъ и наказаніе? Одно пугаетъ меня,—это то, что несчастія не служатъ намъ урокомъ; не смотря на все, что дѣлаетъ Господь, чтобы обратить насъ къ себѣ, мы противимся и пребываемъ въ ожесточеніи сердечномъ“ [2]).

Но это послѣднее замѣчаніе аристократки относится лишь къ ея собственной средѣ. Высшіе и руководители одни виновны во всемъ, они накликали на общее отечество небывалую бѣду и они-же одни не каются, не прибѣгаютъ въ своемъ несчастіи къ Господу силъ. Они по прежнему заняты больше всего интригами, они не довѣряютъ народу, они смущаютъ его нелѣпыми вымыслами объ измѣнѣ нашихъ вождей, о слабости нашихъ силъ, о необходимости покориться врагу. Счастіе, что народъ не походитъ на нихъ, что онъ умѣетъ сочетать въ себѣ львиную храбрость съ покорностью

---

[1]) Письмо отъ 17 сентября.
[2]) Письмо отъ 17-го сентября.

свѣтской болтовнѣ, мы ихъ не могли понять, но мало-помалу мы свыклись съ ихъ разговоромъ, и теперь я съ удовольствіемъ слушаю ихъ разсужденія о самыхъ серьезныхъ предметахъ“ [1]).

Все, что доходитъ въ эту тяжелую годину до аристократки изъ ея прежней обычной среды, глубоко возмущаетъ ея душу. Ея подруга пишетъ ей изъ Петербурга о г-жѣ Сталь. Она отвѣчаетъ ей такъ: „Въ моемъ грустномъ настроеніи я встрѣтила далеко не благосклонно твои размышленія о г-жѣ Сталь. Скажи, что сталось съ твоимъ умомъ, если можешь ты такъ интересоваться ею въ минуты, когда намъ грозитъ бѣдствіе. Вѣдь, если Москва погибнетъ, все пропало! Бонапарту это хорошо извѣстно; онъ никогда не считалъ равными обѣ наши столицы. Онъ знаетъ, что въ Россіи имѣетъ громадное значеніе древній городъ Москва, а блестящій, нарядный Петербургъ почти тоже, что всѣ другіе города въ государствѣ. Это неоспоримая истина. Во время всего путешествія нашего, даже здѣсь, вдалекѣ отъ театра войны, насъ постоянно окружаютъ крестьяне, спрашивая о матушкѣ Москвѣ. Могу тебя увѣрить, что ни одинъ изъ нихъ не упоминалъ о Питерѣ. Жители Петербурга вмѣсто того, чтобы интересоваться общественными дѣлами, занимаются г-жею Сталь. Имъ я извиняю это заблужденіе, они давнымъ давно впадаютъ изъ одной ошибки въ другую; доказательство—приверженность вашихъ дамъ къ католицизму. Но вѣдь твоимъ, милый другъ, рѣдкимъ умомъ, я всегда восхищалась, а ты поддаешься вліянію атмосферы, среди которой живешь. Это меня крайне огорчаетъ. Я этого отъ тебя не ожидала. Да что-же такого сдѣлала эта дрянная Сталь, чтобы возбудить такой восторгъ? Корина сумасшедшая, безнравственная; ее-бы слѣдовало посадить въ домъ умалишенныхъ за ея сумасбродство и за бѣганіе по Европѣ пѣшкомъ съ капюшономъ на

---

[1]) „Здѣсь есть одинъ дорогой въ этомъ отношеніи человѣкъ; какъ и мы, онъ несчастный эмигрантъ. Это г. Мертваго, занимавшій нѣкогда весьма значительные посты и вынужденный оставить службу. Я рѣдко встрѣчала такой возвышенный умъ и свѣтлый разумъ; бесѣда его пріятна и занимательна“. Письмо отъ 7 октября.

бургѣ въ русскій театръ ѣздятъ болѣе, чѣмъ когда-либо. Нечего вамъ дѣлать! не знаю, какъ русскій, гдѣ-бы онъ ни былъ теперь, хоть въ Перу, можетъ потѣшаться театромъ [1]). Не такъ смотрятъ на вещи въ другихъ мѣстахъ. Шаховскіе, прибывшіе издалека, разсказываютъ, что взятіе Москвы привело всѣхъ въ крайнее отчаяніе, въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ" [2]).

Но вотъ Господь оглянулся на свой вѣрный, столь тяжело испытанный имъ народъ. Въ 20 числахъ октября по всей Россіи разнеслась радостная вѣсть, что Наполеонъ оставилъ Москву. „Хотя я убѣждена, что остался лишь пепелъ отъ роднаго города", пишетъ наша корреспондентка, „но я дышу свободнѣе при мысли, что французы не ходятъ по милому праху и не оскверняютъ своимъ дыханіемъ воздуха, которымъ мы дышали. Единодушіе общее. Хотя и говорятъ, что французы ушли добровольно и что за ихъ удаленіемъ не послѣдовали ожидаемые успѣхи, все-таки съ этой поры всѣ мы ободрились, какъ-будто тяжкое бремя свалилось съ плечъ. Намедни три бѣглыя крестьянки, разоренныя, какъ и мы, пристали ко мнѣ на улицѣ и не дали мнѣ покою, пока я не подтвердила имъ, что истинно въ Москвѣ не осталось ни одного француза. Въ церквахъ снова молятся усердно и произносятъ особыя молитвы за нашу милую Москву, которой участь заботитъ каждаго русскаго. Не выразить чувства, испытаннаго нами нынче, когда послѣ обѣдни начали молиться о возстановленіи города, прося Бога ниспослать благословеніе на древнюю столицу нашего несчастнаго отечества" [3]).—„О какъ

---

[1]) Впрочемъ, петербуржцы ѣздили въ это время въ русскій театръ изъ патріотизма и восхищались „Димитріемъ Донскимъ" Озерова, также какъ восхищались они прежде „Федрою" Расина.

[2]) Въ письмѣ отъ 30-го сентября читаемъ такой отзывъ о простомъ русскомъ народѣ: „Мы живемъ противъ рекрутскаго присутствія; каждое утро насъ будятъ тысячи крестьянъ; они плачутъ, пока имъ не забрѣютъ лба, а, сдѣлавшись рекрутами, начинаютъ пѣть и плясать, говоря, что не о чемъ горевать, видно такова воля Божія. Чѣмъ ближе я знакомлюсь съ нашимъ народомъ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что не существуетъ лучшаго и отдаю ему полную справедливость".

[3]) „Купцы, бѣжавшіе изъ Москвы, собираются вернуться туда по первому санному пути посмотрѣть, что съ нею сталось и по мѣрѣ силъ возстановить

ля отравляютъ воздухъ на десятки верстъ въ окружности“ [1]).— „Изъ западныхъ окраинъ Россіи приходятъ самыя неутѣшительныя вѣсти. Вся Смоленская губернія—это одно обширное кладбище, гдѣ валяются непогребенными сотни тысячъ нашихъ и непріятельскихъ труповъ, гдѣ среди страшныхъ пустынь и грудъ развалинъ шайки вооруженныхъ людей продолжаютъ добивать отсталыхъ, бѣгущихъ непріятелей. Что можетъ родиться изъ всѣхъ этихъ ужасовъ, какъ не страшная, всепоглощающая чума? Но, впрочемъ, гораздо лучше думать какъ можно менѣе о будущемъ. Сама религія, въ которой обрѣло себѣ въ этотъ моментъ утѣшеніе и опору страждущее человѣчество, учитъ насъ не пектись о завтрашнемъ днѣ, предоставляя его на благость Всемогущаго. Господь чудеснымъ образомъ вывелъ всѣхъ насъ изъ тяжкаго кризиса; было-бы неблагодарностью съ нашей стороны, ежели-бы мы слѣпо не положились на Его волю съ полною увѣренностью, что тогда все пойдетъ хорошо!“ [2])

Страшныя воспоминанія въ свою очередь не даютъ покою, и отъ нихъ единственное прибѣжище—религія. Перебирая духомъ все случившееся, мы приходимъ къ убѣжденію, что Господь, наказавъ насъ по мѣрѣ вины нашей, все-же избавилъ насъ отъ самаго худшаго. „Кто могъ предположить, что событія примутъ такой оборотъ? Кто могъ осмѣлиться обозначить предѣлы зла, которое въ состояніи были сдѣлать намъ французы до и по вступленіи своемъ въ Москву. Во всемъ видѣнъ перстъ Божій, и особенно безграничное милосердіе провидѣнія, которое, наказавъ насъ по правосудію своему, не допустило, однако, до крайней гибели. Опасались худшаго, нежели то, что случилось. Божія благодать спасла насъ отъ горя, которое для насъ было-бы тяжелѣ многихъ другихъ. Ты помнишь, что при отъѣздѣ моемъ изъ Москвы мнѣ пришла ужасная мысль; я боялась, чтобы каннибалы не оскорбили гробницъ нашихъ отцовъ. Меня еще сильнѣе стала тревожить эта мысль, когда намъ разсказали, что чудо-

---

[1]) Письмо отъ 25 ноября.

[2]) Письмо отъ 25 ноября.

[illegible]

мало-по-малу оно начинаетъ принимать мистическій оттѣнокъ. „Знаешь-ли, что у меня бывали минуты, когда меня такъ мучило все, что мнѣ приходила мысль идти въ монастырь для избѣжанія всѣхъ горестей, которыя мы испытываемъ, живя въ свѣтѣ“ [1]).—„Если-бы монашеская жизнь была такова, какой ей слѣдуетъ быть, то живя въ уединеніи, мы приближались-бы къ величайшему блаженству, которое лишь возможно на землѣ. Въ свѣтѣ-же, посреди развлеченій, мы забываемъ ближняго. Что бы ты мнѣ ни говорила, я все-таки остаюсь при моемъ убѣжденіи, что уединеніемъ мы ограждаемся отъ многихъ скорбей. Въ свѣтѣ мы напускаемъ на себя неестественную чувствительность, напрашиваемся на разнаго рода непріятности и подвергаемся искушеніямъ. Чѣмъ меньше нитей, привязывающихъ насъ къ жизни, тѣмъ менѣе ощутительна потеря ихъ. Ты ошибаешься, думая, что я хочу избавиться отъ всякихъ привязанностей. Между ними есть такія, которыя самъ Богъ внушаетъ намъ: слѣдуетъ каждому исполнять свой долгъ. Хотя Господь запрещаетъ любить кого-либо болѣе, чѣмъ Его Самого, но повелѣваетъ любить ближняго, а чувство это слѣдуетъ хранить и въ монастырѣ“ [2]).

Такимъ-то образомъ отражались потрясающія событія отечественной войны въ душѣ женщины знатнаго происхожденія, получившей модное французское воспитаніе, отторгнутой съ самаго дѣтства отъ всего роднаго. Но струя религіозно-патріотическаго одушевленія не ограничивалась въ то время какимъ-либо извѣстнымъ общественнымъ слоемъ. Проистекая изъ одного и того-же могучаго источника, оно охватывало всю націю, наполняло сердца всѣхъ и каждаго, начиная отъ царя и оканчивая послѣднею бѣдною крестьянкою. Она вызывала въ жизнь такіе высокіе примѣры христіанской добродѣтели, подобные которымъ мы можемъ встрѣтить лишь въ первые вѣка христіанства. Что могло сравниться съ доблестью простаго русскаго воина, взятаго на всегда отъ родной семьи,

---

1) Письмо отъ 2 декабря.

2) „Впрочемъ не бойся: пока я нужна кому-либо на свѣтѣ, я не рѣшусь идти въ монастырь. Теперь я имѣю счастіе посвящать матушкѣ все мое время“. Письмо отъ 31 декабря.

осужденнаго на вѣчную солдатскую службу, лишеннаго всякой надежды на повышеніе, на выходъ изъ своего положенія? И эти люди, терять которымъ было нечего, шли безропотно, съ энтузіазмомъ на смерть. Одушевляемые своею твердою безхитростною вѣрою. они совершали чудеса храбрости и не было болѣе вѣрнаго убѣжища отъ смертоносныхъ атакъ непріятельской конницы, какъ среди желѣзнаго карре этихъ неиспорченныхъ доблестныхъ сыновъ народа [1]). Но едва-ли не поразительнѣе были тѣ подвиги христіанскаго смиренія, которые совершала въ эту чудесную эпоху, въ своей скромной средѣ, простая необразованная русская женщина! Въ то время, какъ наши крестьяне расправлялись самымъ безжалостнымъ образомъ съ непріятельскими солдатами, попадавшими къ нимъ въ руки, когда обращеніе съ несчастными плѣнниками, даже со стороны лицъ высокообразованныхъ, оставляло желать много лучшаго, когда благородные офицеры считали дѣломъ гуманности пристрѣлить изнемогающаго отъ усталости француза,—въ это желѣзное время, одна бѣдная Орловская мѣщанка испросила позволенія взять къ себѣ въ домъ нѣсколькихъ плѣнныхъ. Она выбрала сама изъ большой партіи пятерыхъ наиболѣе несчастныхъ, наиболѣе нуждающихся въ помощи. Она принялась ходить за ними, какъ любящая мать, и снабжать ихъ всѣмъ необходимымъ. Истративъ на нихъ все, что имѣла, до послѣдняго рубля, она, не рѣшаясь и тогда покинуть ихъ, стала обходить городъ нищею и полученными подаяніями продолжала содержать ею призрѣваемыхъ. И таже самая женщина считала своихъ гостей погаными нехристями. Когда ихъ вмѣстѣ съ другими плѣнными отправили далѣе, она разбила всю посуду, изъ которой они пили и ѣли, потому что боялась осквернить ею самою себя и своихъ близкихъ. „Не знаю, говоритъ современникъ, можно-ли найти примѣръ чувства болѣе истинно христіанскаго“ [2]).

---

[1]) См. описанія Бородинской битвы у Бернгарди, Богдановича, Евгенія Виртембергскаго и другихъ.

[2]) Воспоминанія К. К. Павловой. Въ тѣхъ-же воспоминаніяхъ находимъ мы слѣдующіи фактъ, рисующіи обратную сторону картины. Одинъ старый мужикъ, разговорившись разъ о 12 годѣ, разсказалъ мнѣ, между прочимъ, и слѣдующее:

Одушевляя на такіе подвиги, возрожденное и обновленное тяжелыми бѣдствіями христіанское чувство научало тогдашнихъ людей, образованныхъ и необразованныхъ, смотрѣть на всѣ событія съ точки зрѣнія, по преимуществу, религіозной, открывало имъ вездѣ и во всемъ праведную и спасительную десницу Божію. Наполеонъ задумалъ уничтожить драгоцѣнную святыню народа русскаго, онъ приказалъ подложить подъ Кремль цѣлыя массы пороху, но Богъ не попустилъ сего злодѣянія, замѣчаетъ современникъ: „цѣлые водопады, по сказанію самихъ французовъ, низринулись съ неба на землю, чтобы въ утробѣ ея затушить адскій огонь. Уголъ арсенала, часть стѣны и Никольской башни взлетѣли только на воздухъ; но, о чудо новое, не только икона, на башнѣ висящая, даже стекло ее покрывающее, остались невредимы“ [1]).

Наполеонъ покидаетъ Москву и направляется на югъ къ Калугѣ. Кто-же останавливаетъ его на этомъ пути? Наша армія? Нѣтъ! она открыла ему дорогу. Десница Божія заслоняетъ ему входъ во внутреннія, изобильныя области Россіи и насильно поворачиваетъ его на тотъ самый путь, гдѣ не задолго передъ тѣмъ земля стонала подъ шагами шести сотъ тысячной арміи,—гдѣ отъ ея приближенія все гибло, все превращалось въ пепелъ,—гдѣ, слѣпое орудіе провидѣнія, онъ самъ готовилъ себѣ гибель. „Когда съ неописанною радостью узнали у насъ о томъ, то всѣ вскрикнули: „ну теперь ему конецъ! Нѣтъ, еще не совсѣмъ“. отвѣтъ былъ свыше. но онъ уже не далекъ“ [2]).

„Вотъ матушка, какъ наступилъ морозъ, и французамъ стало не въ моготу отъ холода и голода, всѣ они и разбрелись, какъ стадо, кто туда, кто сюда, какъ попало. Куда удаль дѣвалась! Только-бы уйти отъ нашихъ. Тащатся по дорогамъ, истощалые, а другіе, почитай, уже и ногъ не волочатъ. Вотъ бывало и наткнемся мы, парни, на одного, возьмемъ и приведемъ въ деревню,—такъ бабы то и купятъ его у насъ за пятакъ: сами хотятъ убить. Ну бабье-ли это дѣло? Одна пырнетъ ножомъ, другая колотитъ кочергою, опять другая тычетъ веретеномъ; мучаютъ, мучаютъ, иногда жалко станетъ, глядя; подойдешь да хватишь его порядкомъ по головѣ. А онѣ-то, ну, ругаться, зачѣмъ молъ не далъ имъ самимъ убить до смерти“. „Русскій Архивъ“ за 1875 года кн. 3, стр. 228.

[1]) Воспоминанія Вигеля, ч. IV-ая, стр. 68. Неудача взрыва не можетъ быть, впрочемъ, объясняема однимъ дождемъ. См. журналъ „Вѣра и Разумъ“ за 1885 г.

[2]) Воспоминанія Вигеля, ч. IV-ая, стр. 69.

„Въ началѣ ноября мрачныя тучи закрываютъ небо, снѣгъ покрываетъ землю; зима со всѣми своими ужасами спѣшитъ къ намъ на помощь. Ужасный сѣверный вѣтеръ, какъ гнѣвъ Божій, внезапно настигъ еще многочисленныя толпы несчастныхъ непріятелей, полуодѣтыхъ, полуобутыхъ. Одни, еще согрѣты мужествомъ, отстрѣливались; другіе, будучи не въ силахъ владѣть оружіемъ, роняли его изъ окоченѣлыхъ рукъ и тысячами сдавались. Небо явно споспѣшествовало намъ. Стихіи сдѣлались нашими союзницами; отъ проливнаго дождя, спасшаго древній Кремль, до жестокаго мороза, близь Смоленска, истребившаго большую, лучшую часть непріятельской арміи, едва прошло три недѣли“ [1]).

Дѣло Россіи съ Наполеономъ—это не простая война, это судъ Божій; само провидѣніе произнесло въ ней свой рѣшающій приговоръ,—вотъ въ какомъ мнѣніи сходятся единогласно тысячи и милліоны,—вотъ что̀ говоритъ громогласно вся Россія и повторяетъ вслѣдъ за нею ошеломленная радостною вѣстью Европа!

Точно также смотритъ на ходъ борьбы и на конечный результатъ ея и вѣнценосный вождь народа русскаго. Неслыханныя несчастія, разочарованіе во всѣхъ средствахъ политической и военной мудрости, во всѣхъ измышленіяхъ человѣческихъ, очистили и смирили душу императора Александра и вывели его на спасительный путь религіозно-нравственнаго возрожденія. Это возрожденіе осталось-бы неполнымъ и несовершеннымъ, если-бы удары судьбы продолжали преслѣдовать императора Александра до конца, если-бы ему пришлось искать убѣжища отъ гордаго завоевателя на отдаленнѣйшихъ окраинахъ своей имперіи. Историкъ не въ

[1]) См. Вигель, Воспоминанія ч. IV стр. 69. Приписавъ, вопреки истинѣ, въ этомъ мѣстѣ своихъ записокъ такое громадное значеніе морозу въ дѣлѣ истребленія непріятельской арміи, Вигель нѣсколькими страницами ниже говоритъ, противорѣча самому себѣ, но болѣе согласно съ истиною: „все еще толкуютъ о генералѣ Морозѣ, забывая, что этотъ годъ осень стояла у насъ теплѣе, чѣмъ во Франціи, что первыя пораженія при Тарутинѣ и Малоярославцѣ были въ началѣ октября и что на протяженіи почти четырехъ сотъ верстъ отъ Москвы до Смоленска, когда еще генералъ этотъ не думалъ показываться, уже цѣлыя бригады и дивизіи начинали исчезать въ непріятельской арміи.

правѣ говорить, что произошло-бы съ императоромъ Александромъ въ томъ случаѣ, если-бы ему пришлось испить до конца чашу бѣдствій, если-бы ему пришлось дѣйствительно питаться однимъ хлѣбомъ въ отдаленнѣйшемъ углу Сибири. Быть можетъ, нѣжная и любящая душа императора, душа столь чуткая къ страданіямъ своего народа, не выдержала-бы страшнаго испытанія и подломилась-бы подъ его тяжестью; быть можетъ, лучъ божественной истины, возсіявшій въ душѣ его со временъ московскаго пожара, угасъ-бы въ безднѣ и мракѣ отчаянія. Но провидѣнію не угодно было испытывать Александра свыше силъ его, свыше силъ человѣческихъ! Прошло не болѣе мѣсяца послѣ пожара Москвы, а уже нельзя было сомнѣваться болѣе, что великая борьба должна окончиться не въ пользу Наполеона [1]).

Одна радостная вѣсть слѣдовала за другою; но странное, чудное дѣло! и тутъ, въ этой второй половинѣ кампаніи повторилось, хотя и въ обратномъ направленіи, все то, что ознаменовало собою всю первую ея половину. И теперь всѣ планы, всѣ соображенія, всѣ хитросплетенія ума человѣческаго оказались въ концѣ концовъ пустыми, суетными и излишними. Въ Петербургѣ составляли сложные и искусственные военные планы; Кутузовъ и другіе генералы принимали и одобряли ихъ, но ни одинъ изъ нихъ не былъ выполненъ въ дѣйствительности. Такая-же участь постигла и комбинаціи, изобрѣтаемыя нашими стратегами въ главной квартирѣ Кутузова. Все, что мы ни придумывали, рѣшительно не удавалось намъ. Мы собирались заградить непріятелю путь въ Калугу, но принуждены были отступить послѣ Малоярославецкаго сраженія. Мы хотѣли перерѣзать ему путь отступленія подъ Вязьмою, но ограничились лишь слабою атакою на одинъ изъ его корпусовъ. Подъ Краснымъ мы дѣйствительно заградили путь Наполеону, но затѣмъ, какъ-бы испугавшись собственной смѣлости, открыли ему свободную

[1]) Императоръ Александръ ранѣе кого-либо другаго пришелъ къ убѣжденію въ несомнѣнной побѣдѣ Россіи. Это видно изъ его разговора съ графомъ Огинскимъ въ началѣ октября 1812 г.,—разговора, который мы приведемъ ниже въ слѣдующей главѣ нашего сочиненія.

дорогу. На Березинѣ мы собирались во что-бы то ни стало изловить Наполеона и уничтожить всю его армію. Наши стратеги разсчитывали дни и часы, когда должны были прибыть къ берегамъ роковой рѣки всѣ наши арміи. Даже публика, мало знакомая съ географіею Россіи, намѣтила Березину мѣстомъ гибели Наполеона и его полчищъ. „Странно и непонятно!“ говоритъ современникъ. „Безъ всякаго знанія мѣстности, еще прежде чѣмъ достигъ онъ Березины, народный гласъ уже избралъ берега ея мѣстомъ его казни“ [1]). И что-же? Масса публики могла удовлетворить свою жажду мести, читая и перечитывая ужасы, ознаменовавшіе Березинскую переправу [2]); но ни для кого не осталось тайною, что главная цѣль наша не была достигнута, что Наполеонъ ушелъ вмѣстѣ съ своими войсками, оставивъ намъ на жертву однихъ безоружныхъ.

И другія наши комбинаціи оказались совершенно неосновательными. Поляки, остававшіеся при С.-Петербургскомъ дворѣ, продолжали неустанно увѣрять императора, что ихъ соотечественники перейдутъ на нашу сторону, какъ только счастіе отвернется отъ Наполеона, но случилось совершенно иное. Поляки продолжали сражаться противъ насъ съ ожесточеніемъ, а Чичаговъ доносилъ государю, что во всей западной нашей окраинѣ только одни жиды радуются нашимъ успѣхамъ, а поляки бѣгутъ отъ нашихъ войскъ, какъ отъ чумы. Германскіе патріоты, нашедшіе убѣжище въ Россіи, высказывали убѣжденіе, что нѣмецкіе солдаты Наполеона массами будутъ покидать ненавистныя знамена тирана и переходить къ русскимъ. Самъ Штейнъ высказывалъ въ этомъ отношеніи несбыточныя надежды. По его мысли положено было сформировать цѣлый легіонъ изъ нѣмецкихъ перебѣжчиковъ. Въ дѣйствительности, нѣмецкіе солдаты великой ар-

---

[1]) Воспоминанія Вигеля, ч. IV, стр. 73.

[2]) Чувство мести, какъ свидѣтельствуетъ Вигель, не было, однакоже удовлетворено. „Ужасами переправы черезъ Березину не могла быть удовлетворена въ насъ жажда мести: намъ подавай самого Наполеона, а онъ ускользнулъ. Нельзя изобразить общаго негодованія на Чичагова; всѣ состоянія подозрѣвали его въ измѣнѣ, снисходительнѣйшіе кляли его неискусство“. Вигель, ч. IV, стр. 73.

мія оказались столь-же вѣрными своему знамени, какъ и французскіе. Въ Москвѣ нѣмцы свирѣпствовали хуже самыхъ французовъ, а въ битвахъ на Березинѣ они дрались съ отчаянною храбростью. О перебѣжчикахъ, кромѣ обычныхъ въ каждой войнѣ, не было и рѣчи. Пришлось формировать легіонъ изъ нѣмецкихъ плѣнныхъ, да и то дѣло подвигалось крайне медленно [1]).

Всѣ русскіе, не исключая самого Кутузова и другихъ нашихъ генераловъ, ждали какъ избавленія наступленіе зимы. Но зима наступила въ 12 году очень поздно, да и далеко не принадлежала къ числу суровыхъ. Все было, такимъ образомъ, повидимому, противъ насъ,—и, однакоже, результатъ превзошелъ въ концѣ концовъ всѣ наши ожиданія. Кампанія окончилась совершеннымъ истребленіемъ непріятельской арміи и какимъ истребленіемъ, чудовищнымъ, небывалымъ во всемірной исторіи! Полумилліонное ополченіе Наполеона не было разбито или взято въ плѣнъ,—нѣтъ, оно исчезло, въ буквальномъ смыслѣ слова, съ лица земли. Предъ этимъ ужасающимъ фактомъ блѣднѣли всѣ примѣры и катастрофы прошлаго. Что значили, въ самомъ дѣлѣ, въ сравненіи съ катастрофою 1812 года, всѣ разсказы древнихъ о гибели безчисленныхъ полчищъ Ксеркса. То были полчища, гонимыя бичемъ безсмысленнаго деспота, а здѣсь погибла стройная армія, составленная изъ образованнѣйшаго населенія Европы, предводимая искусными генералами, двигаемая геніемъ величайшаго изъ полководцевъ.

Императоръ Александръ былъ посвященъ, безъ сомнѣнія, лучше кого-либо изъ своихъ подданныхъ въ дѣйствительный ходъ военныхъ операцій. Напряженно слѣдилъ онъ за каждымъ шагомъ нашихъ и непріятельскихъ армій; неудачи нашихъ плановъ, послѣдовательное ускользаніе Наполеона изъ всѣхъ ловушекъ, поставленныхъ ему на пути, становились ему извѣстны ранѣе и полнѣе другихъ. Императоръ продолжалъ относиться съ крайнимъ недовѣріемъ къ страте-

[1]) Извѣстія о формированіи германскаго легіона собраны у Перца, Stein's Leben, т. III.

гическимъ способностямъ главнокомандующаго. Осыпая Кутузова и другихъ генераловъ щедрыми наградами, онъ не скрывалъ однакоже своего недовольства отъ людей близкихъ ему результатами нашихъ военныхъ дѣйствій [1]).

Императоръ могъ знать также лучше кого-либо другаго о дѣйствительныхъ причинахъ, наносившихъ каждый день громадный уронъ непріятельской арміи, приближавшихъ ее съ каждымъ часомъ все ближе и ближе къ неизбѣжной и страшной гибели. Онъ могъ знать, что надъ истребленіемъ непріятеля работаютъ не одинъ морозъ и голодъ, а также неутомимое преслѣдованіе казаковъ и нашихъ легкихъ войскъ, яростное ожесточеніе нашихъ крестьянъ и, наконецъ, страшный безпорядокъ, господствовавшій въ рядахъ великой арміи уже послѣ выхода ея изъ Москвы. Но какъ-бы далеко ни шли свѣдѣнія, получаемыя императоромъ Александромъ, какъ-бы точны и полны ни были они, а все же конечный результатъ не могъ не поразить и самого императора. Императоръ все ожидалъ извѣстій о рѣшительныхъ битвахъ, о преграждении путей отступленія непріятелю, о сдачѣ цѣлыхъ корпусовъ; такихъ извѣстій не воспослѣдовало, но реляціи главнокомандующаго и свѣдѣнія, шедшія изъ другихъ источниковъ, доносили каждый день о непонятномъ и быстромъ бѣгствѣ Наполеона, о тысячахъ плѣнныхъ, массѣ пушекъ, трофеевъ и всевозможной добычѣ, забираемой каждый день нашими войсками, о тысячахъ труповъ, устилавшихъ всѣ дороги отступленія и преслѣдованія, о невѣроятныхъ сверхъчеловѣческихъ бѣдствіяхъ, обрушившихся на голову нашего врага.

Какъ должны были дѣйствовать подобныя вѣсти на впечатлительную душу императора Александра, на его сердце, воспламененное и проникнутое божественнымъ свѣтомъ вѣры, на его пламенное воображеніе, возбужденное въ высокой степени чтеніемъ пророческихъ мѣстъ Священнаго Писанія? Онѣ должны были прежде всего укрѣпить его незыб-

[1]) Императоръ не скрывалъ, впрочемъ, своего недовольства и отъ самого Кутузова ни въ письмахъ своихъ къ нему, ни въ личной бесѣдѣ съ нимъ, по прибытіи въ Вильну.

лимо въ вновь пріобрѣтенной вѣрѣ. Эта вѣра не имѣла ничего общаго съ тою дѣтскою прозаическою моралью, которую внушали ему его воспитатели, начиная отъ республиканца Лагарпа и оканчивая отцемъ Самборскимъ. Тутъ не было и слѣдовъ той абстрактности, того чисто формальнаго отношенія къ Верховному существу,—существу, въ сущности безличному, безсильному и излишнему, которую старались внушить ему съ самаго нѣжнаго дѣтства. Тутъ была вѣра живая, выработанная имъ самимъ, купленная дорогою цѣною страшно тяжелыхъ испытаній, внутренней борьбы, безсонныхъ ночей, мучительныхъ, безотрадныхъ дней. Эта вѣра родилась въ немъ сама собою, безъ всякой посторонней помощи и воздѣйствія. Голицинъ, правда, намекнулъ ему случайно на Библію, священникъ поразилъ его внезапно прочитаннымъ, хорошо знакомымъ ему текстомъ: Шишковъ подобралъ для него мѣста изъ Св. Писанія; но все это были не болѣе какъ случайности, какъ внѣшніе толчки, ускорившіе и облегчившіе его возрожденіе. Вліяніе этихъ людей на императора Александра столь-же знаменательно, какъ и то обстоятельство, что Библія, случайно упавшая на полъ, раскрылась именно на томъ псалмѣ, который впервые влилъ въ его душу увѣренность и надежду, послѣ столь тяжкихъ дней уныпія и отчаянія. Во всѣхъ этихъ людяхъ и обстоятельствахъ слѣдуетъ усматривать не случайность, а прямое и непосредственное дѣйствіе промысла Божія, ведущаго человѣка путями чудными и невѣдомыми во храмъ спасенія. Само провидѣніе дало ему въ руки книгу книгъ, книгу божественнаго откровенія; оно научило его читать и понимать ее. Въ этой книгѣ нашелъ онъ отголосокъ своихъ недавнихъ страданій и борьбы; въ ней прочелъ онъ исторію страшнаго нашествія, ужасной судьбы, обрушившейся на него самого, на его народъ, на его древнюю столицу. Въ этой-же книгѣ онъ находитъ теперь описаніе своего избавленія, торжества своего народа надъ властителемъ и тираномъ цѣлаго міра.

И въ самомъ дѣлѣ, къ кому, какъ не къ его гордому противнику, могутъ относиться сіи боговдохновенные слова пророка:

„Се кипарисъ въ Ливанѣ, добръ отраслями, и высокъ величественнымъ, и даже до облакомъ и среди облакъ бысть власть его. Вода воспита его (Наполеонъ родился на островѣ), бездна вознесе его (Наполеонъ возвысился изъ бездны низкаго званія), рѣки привесе окрестъ корений своихъ, и составы своя испусти во вся древеса полевая. Сего ради вознесеся величество его паче всѣхъ древесъ польныхъ, расширишася вѣтвія его, и вознесошася отрасли его отъ воды многи, егда протяжеся... Сосны не подобны отраслямъ его, и еліе не бысть подобно вѣтвіямъ его: во отрослямъ его возгнѣздишася вся птицы небесныя, и подъ вѣтвьми его раждахуся вся звѣри польнія. Подъ сѣнію его вселися все множество языковъ. И возгордѣся величествомъ своимъ и вознесеся сердце его и далъ власть свою въ средину облакъ" [1].—„Какое вѣрное изображеніе великаго моего противника", могъ думать Александръ, читая эти поэтическія строки пророка Іезекіиля. Развѣ Наполеонъ не возвысился подобно кедру надъ всею землею, развѣ подъ сѣнью его не искали убѣжища всѣ народы міра, порабощенные имъ, развѣ корни его владычества не разошлись по цѣлому материку, развѣ онъ не возгордился выше мѣры своимъ величіемъ, своею властью,—развѣ онъ не сталъ ругаться, наконецъ, надъ человѣческимъ и божескимъ правомъ? И въ этомъ превознесеніи его, въ этой непомѣрной гордынѣ заключается причина его теперешняго паденія.

Но кто-же сокрушилъ его, непобѣдимаго? По наружности онъ, Александръ, и вѣрный народъ его, но въ дѣйствительности они были не болѣе, какъ орудіями Всевышняго. Его паденіе описано тѣмъ-же боговдохновеннымъ пророкомъ: тогда прогнѣвался на него Богъ и „предалъ его въ руцѣ князя и сотворилъ ему пагубу по нечестію его, и погнаша и истребиша его, и повергоша на горахъ и во всѣхъ дебрѣхъ падоша вѣтви" [2]).

Наполеонъ преданъ Самимъ Богомъ въ руки Александра; русскіе гонятъ и истребляютъ его полчища; по горамъ и по дебрямъ разсѣяны трупы его воиновъ.

[1]) Іезекіиль, гл. 31.

[2]) Іезекіиль, гл. 31.

„И сотрошася отрасли его на всякомъ полѣ и снидоша отъ покрова его вси людіе языковъ и разориша его“ [1]). И отъ страшнаго паденія Наполеона въ Россіи потрясутся основы его могущества во всѣхъ покоренныхъ странахъ; порабощенные народы поднимутся противъ него и разрушатъ его державу.

„Въ паденіи его почиша вся птицы небесныя, и на стеблію его быша вся звѣри сельніи, яко да не возносятся величіемъ своимъ вся древеса, яже въ водѣ, и не дадятъ власти своея средѣ облакъ. Плакася о немъ бездна... и померче Ливанъ“. (Плакала его родина Корсика и помрачилась слава Франціи). „Отъ гласа паденія его потрясошася вся бывшая подъ сѣнію его древеса, и сведошася во адъ язвеніи отъ меча и живущія подъ покровомъ его среди жизни своей погибоша“ [2]).

Основы могущества Наполеона пошатнутся повсемѣстно. Грохотъ его паденія потрясетъ и увлечетъ за собою въ гибель искавшихъ защиты и благополучія подъ его могучимъ покровомъ, извлеченныхъ имъ изъ мрака ничтожества и бѣдности.

Темны и сокровенны послѣднія слова пророчества. Одно будущее можетъ разгадать ихъ. Въ нихъ предначертана конечная судьба великаго завоевателя. „Тако возліяся на него бездна и покры его вода многа, яко пустыню вѣчную; да не населится, ни же востанетъ; да взыщется и не обрящется во вѣки“.

Темны и непостижимы послѣднія слова пророчества. Борьба еще не окончилась, конечная судьба завоевателя еще покрыта мракомъ; но Россія, ея царственный вождь, а съ ними и весь міръ вправѣ возликовать и возрадоваться. Если къ кому либо, то именно къ нимъ вполнѣ примѣнимы слѣдующія слова Библіи: „Господь воцарися; да радуется земля, да веселятся острови мнози. Облакъ и мракъ окрестъ его.... Огонь передъ нимъ предыдетъ и попалитъ окрестъ враги его. Освѣтиша молнія его вселенную; видѣ и воздвижеся земля. Горы яко воскъ растаяша отъ лица Господня, отъ

---

[1]) Іезекіиль, гл. 31.
[2]) Іезекіиль, гл. 31.

[illegible]

[illegible] И [illegible] ко мнѣ [illegible] и не будеть [illegible][4].—[illegible] яко приложится къ тебѣ [illegible] и придутъ къ тебѣ стада верблюдъ. покрыше [illegible] Се корабли фарсийскiи яко об[illegible] летатъ, и яко голуби съ птенцы своими[5].—[illegible] и житa твоя умножатся[6].—По-

[illegible]

ля твоя исполнятся тука, овцы будутъ многоплодни и волове твоя толсти; удолія умножатъ пшеницу, пустыни возвесялятся и холмы радостью препояшутся. Не услышится неправда на земли твоей, ни сокрушеніе, ни бѣдность въ предѣлахъ твоихъ; но прозовутся забрала твоя спасеніе и врата твои хвала. Не зайдетъ бо солнце тебѣ и луна не оскудѣетъ тебѣ, будетъ бо Господь тебѣ: свѣтъ вѣчный" [1]).

Государь вчитывается въ эти божественныя слова. Онъ видитъ, что многія изъ пророчествъ уже сбылись чудеснымъ образомъ. Уже врагъ, пораженный божественнымъ гнѣвомъ, бѣжитъ изъ предѣловъ Россіи, устилая путь сотнями тысячъ труповъ; уже новый Іерусалимъ—Москва возстаетъ изъ развалинъ и пепла, уже вѣрный народъ его ликуетъ вокругъ него, радуясь своему спасенію, возсылая горячія мольбы къ Предвѣчному. Государь имѣлъ случай наблюдать, какъ молится его народъ. Онъ навѣрное подписалъ-бы слова очевидца-иностранца, съ изумленіемъ посѣщавшаго въ это время столичные храмы, биткомъ набитые молящимися. „Религіозность русскихъ, пишетъ онъ, столь-же глубока, какъ поверхностна она у ихъ сосѣдей (поляковъ). Я поистинѣ дивился лицамъ молящихся въ церквахъ и на улицахъ, когда раздавался утренній или вечерній звонъ. Какъ все останавливалось и складывало руки (?), какъ все смотрѣло глубоко, словно заглядывало въ небо и въ самого себя, словно внезапно переносилось изъ веселости предъидущей минуты, изъ суеты житейской въ иной міръ. Словно ударилъ громъ и приковалъ всѣхъ къ мѣсту, гдѣ только что всѣ беззаботно двигались и шумѣли. Тутъ чувствуешь, что въ этомъ народѣ есть внутренняя сила, есть твердая и не разрушимая сущность. У послѣдняго крестьянина написано на лицѣ: „я также нѣчто",—выражается великая, несокрушимая общность, нѣчто похожее на гордость, о чемъ смиренный нѣмецъ не имѣетъ и понятія" [2]). Императоръ, впервые узнавшій свой народъ въ

---

[1]) Псаломъ 64.; Исаія, гл. 60.

[2]) Изъ воспоминаній Арндта о 1812 г. „Я не говорю это въ качествѣ человѣка, который-бы ихъ особенно любилъ и ими восхищался; но таково именно впечатлѣніе, которое они произвели на меня. Они не любятъ нѣмцевъ, они даже

[illegible]

[illegible]

[illegible]

словомъ, всѣ неслыханныя доселѣ неистовства и лютости открыли напослѣдокъ то самое въ дѣлахъ, что въ глубинѣ мыслей его долгое время таилось. Могущественное, изобильное и благополучное царство Россійское рождало всегда въ сердцѣ врага страхъ и зависть. Обладаніе цѣлымъ свѣтомъ не могло его успокоить, доколѣ Россія будетъ процвѣтать и благоденствовать. Исполненъ сею боязнію и глубокою ненавистію къ ней, вращалъ, изобрѣталъ, устроялъ онъ въ умѣ своемъ всѣ коварныя средства, которыми-бы могъ нанести силамъ ея страшный ударъ, богатству ея всеконечное разореніе, изобилію ея повсемѣстное опустошеніе. Даже хитрыми и ложными обольщеніями мнилъ потрясти вѣрность къ престолу, поруганіемъ-же святыни и храмовъ Божіихъ поколебать вѣру и нравы народные заразить буйствомъ и злочестіемъ. На сихъ надеждахъ основалъ онъ свои пагубные замыслы и съ ними, на подобіе тлетворной и смертоносной бури, понесся въ грудь Россіи. Весь свѣтъ обратилъ глаза на страждущее наше отечество, и съ унылымъ духомъ чаялъ въ заревахъ Москвы видѣть послѣдній день своей свободы и независимости. Но великъ и силенъ Богъ правды! Не долго продолжалось торжество врага. Вскорѣ стѣсненный со всѣхъ сторонъ храбрыми нашими войсками и ополченіями, почувствовалъ онъ, что далеко дерзкія стопы свои простеръ, и что ни грозными силами своими, ни хитрыми соблазнами, ни ужасами злодѣйствъ, мужественныхъ и вѣрныхъ Россіянъ устрашить и отъ погибели своей избавиться не можетъ. Послѣ всѣхъ тщетныхъ покушеній, видя многочисленныя войска свои повсюду побитыя и сокрушенныя, съ малыми остатками оныхъ ищетъ личнаго своего спасенія въ быстротѣ стопъ своихъ: бѣжитъ отъ Москвы съ такимъ уничиженіемъ и страхомъ, съ какимъ тщеславіемъ и гордостію приближался къ ней. Бѣжитъ, оставляя пушки, бросая обозы, подрывая снаряды свои и предавая въ жертву все то, что за скорыми пятами его послѣдовать не успѣваетъ. Тысячи бѣгущихъ ежедневно валятся и погибаютъ. Тако праведный гнѣвъ Божій караетъ поругателей святыни его! Внимая съ отеческимъ чадолюбіемъ и радостнымъ сердцемъ симъ великимъ и зна-

менательнымъ подвигамъ любезныхъ нашихъ вѣрноподданныхъ, въ началѣ приносимъ мы теплое и усердное благодареніе источнику и подателю всѣхъ отрадъ—Всемогущему Богу. Потомъ торжественно отъ лица всего отечества изъявляемъ признательность и благодарность нашу всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ, яко истиннымъ сынамъ Россіи. Всеобщимъ ихъ рвеніемъ и усердіемъ доведены непріятельскія силы до крайняго истощенія и главною частью или истреблены, или въ полонъ взяты. Всѣ единодушно въ томъ содѣйствовали. Храбрыя войска наши вездѣ поражали и низлагали врага. Знаменитое дворянство не пощадило ничего къ умноженію государственныхъ силъ. Почтенное купечество ознаменовало себя всякаго рода пожертвованіями. Вѣрный народъ, мѣщанство и крестьяне показали такіе опыты вѣрности и любви къ отечеству, какіе одному только народу русскому свойственны. Они, вступая охотно и добровольно въ ополченія, въ самомъ скоромъ времени собранныя, явили въ себѣ мужество и крѣпость пріученныхъ къ бранямъ воиновъ. Твердая грудь ихъ и смѣлая рука съ такою же неустрашимостію расторгала полки непріятелей, съ какою, за нѣсколько передъ тѣмъ недѣль, раздирала плугомъ поля. Таковыми наипаче оказали себя подъ Полоцкомъ и въ другихъ мѣстахъ с.-петербургскія и новгородскія дружины, отправленныя въ подкрѣпленіе войскъ, ввѣренныхъ графу Витгенштейну. Сверхъ того изъ донесеній главнокомандующаго и другихъ генераловъ съ сердечнымъ удовольствіемъ видѣли мы, что во многихъ губерніяхъ, а особливо въ Московской и Калужской, поселяне сами собою ополчались, избирали изъ себя предводителей и не только никакими прельщеніями враговъ не были уловлены, но съ мученическою твердостію претерпѣвали всѣ наносимые имъ удары. Часто приставали къ посылаемымъ отрядамъ нашимъ и помогали имъ дѣлать поиски и нападенія. Многія селенія скрывали въ лѣса семейства свои и малолѣтнихъ дѣтей, а сами, вооружась и поклявшись передъ святымъ евангеліемъ не выдавать другъ друга, съ невѣроятнымъ мужествомъ оборонялись и нападали на появляющагося непріятеля, такъ что многія тысячи онаго ис-

треблены и взяты въ плѣнъ крестьянами и даже руками женщинъ, будучи жизнію своею обязаны человѣколюбію тѣхъ, которыхъ они приходили жечь и грабить. Толь великій духъ и непоколебимая твердость всего народа приносятъ ему незабвенную славу, достойную сохраниться въ памяти потомковъ. При таковыхъ доблестяхъ его, мы вмѣстѣ съ православною Церковью и Святѣйшимъ Сvнодомъ и духовенствомъ, призывая на помощь Бога, несомнѣнно надѣемся, что естьли неукротимый врагъ нашъ и поругатель святыни не погибнетъ совершенно отъ руки Россіи, то по крайней мѣрѣ по глубокимъ ранамъ и текущей крови своей почувствуетъ силу ея и могущество. Между тѣмъ почитаемъ за долгъ и обязанность симъ нашимъ всенароднымъ объявленіемъ изъявить передъ цѣлымъ свѣтомъ благодарность нашу и отдать должную справедливость храброму, вѣрному и благочестивому народу Россійскому“ [1]).

Документъ этотъ любопытенъ и знаменателенъ во многихъ отношеніяхъ. Онъ писанъ Шишковымъ, но, безъ сомнѣнія, мысли, выраженныя въ немъ, всецѣло принадлежатъ самому императору Александру. Никогда еще великія историческія событія не отражались такъ ясно и правдиво въ официальномъ документѣ, какъ въ этой благодарственной рѣчи Царя русскаго къ своему народу,—рѣчи, произнесенной передъ лицомъ всего свѣта. Императоръ приноситъ прежде всего теплое и усердное благодареніе Господу силъ; въ Немъ, въ источникѣ всякой жизни и всякаго спасенія, усматриваетъ онъ главную причину, содѣйствовавшую нашему избавленію изъ рукъ врага, считавшагося дотолѣ непобѣдимымъ. Преклоняясь благоговѣйно предъ всесильною десницею Всемогущаго, императоръ проходитъ молчаніемъ, какъ истый христіанинъ, труды, подъятые имъ самимъ и его правительствомъ на защиту родной земли. Онъ не говоритъ ни слова ни о своихъ дипломатическихъ успѣхахъ, ни о стратегической мудрости лицъ, поставленныхъ имъ во главѣ нашихъ армій. Не въ

---

[1]) Текстъ манифеста см. въ полномъ собраніи законовъ за 1812 г., а равно въ приложеніи къ первому тому записокъ Шишкова.

нихъ, не въ этихъ обстоятельствахъ второстепенныхъ усматриваетъ онъ причину торжества и побѣды Россіи. Въ самомъ народѣ русскомъ, въ его рвеніи и усердіи, въ его безграничной прирожденной преданности власти царской, вѣрѣ отцовъ и дорогому отечеству видитъ онъ главную причину побѣдоноснаго отраженія непріятеля и страшной гибели его несмѣтныхъ полчищъ. Императоръ отдаетъ должную дань справедливости всѣмъ сословіямъ народа русскаго. Онъ благодаритъ дворянство русское за то, что оно не усумнилось предоставить силы своихъ крѣпостныхъ въ распоряженіе государства; онъ говоритъ съ признательностью о щедрыхъ пожертвованіяхъ купечества; но выше всего онъ ставитъ самопожертвованіе, ревность и безпредѣльную преданность низшихъ слоевъ населенія, массы русскаго народа. Онѣ, эти массы, наполняли собою ряды тѣхъ желѣзныхъ полковъ, предъ которыми разбились яростные натиски первыхъ воиновъ міра; изъ него, изъ этого сѣраго, бѣднаго народа вышли тѣ безстрашныя дружины земскаго ополченія, предъ которыми обратили тылъ на берегахъ Двины непобѣдимые легіоны Сенъ-Сира и Виктора. Эти-же бѣдные, темные люди брались поголовно за оружіе во всѣхъ тѣхъ областяхъ имперіи, куда проникало нашествіе, и не только оказывали энергическую поддержку регулярнымъ войскамъ, но и вели сами истребительную войну противъ непріятеля. Манифестъ давалъ ясно понять, что безъ нихъ, этихъ темныхъ людей, всегда выносившихъ на своихъ плечахъ государство и менѣе всѣхъ пользовавшихся его благами, никогда не была-бы достигнута такъ блистательно вся цѣль нашихъ дѣйствій, нашего преслѣдованія, истребленіе непріятельскихъ полчищъ. И къ кому-же, какъ не къ этой массѣ, какъ не къ этому темному люду относились тѣ слова манифеста, гдѣ говорилось о соблазнахъ, съ которыми приближался къ народу русскому Наполеонъ, которыми онъ мнилъ поколебать его исконную вѣрность престолу и отечеству. И въ самомъ дѣлѣ, съ какими соблазнами подходилъ Наполеонъ къ русской массѣ! Она изнывала въ вѣковомъ рабствѣ, завоеватель предлагалъ ей свободу; она томилась въ бѣдности, онъ осыпалъ ея деньгами въ видѣ

фальшивыхъ ассигнацій [1]). И что-же? Масса отвергла эти щедрые подарки, предлагаемые погаными, чужими руками, и понесла свое послѣднее достояніе и свою кровь на алтарь отечества. И царь русскій не усумнился признать передъ лицемъ всего свѣта великія заслуги этой массы, не поколебался объявить передъ лицемъ всей земли русской, что ей обязаны своимъ спасеніемъ и онъ самъ, и Россія, а можетъ быть и Европа.

Но народъ заплатилъ дорогою цѣною за свои великодушныя усилія. Пострадали всѣ сословія, но безмѣрны были потери тѣхъ крестьянъ, которые принимали главное участіе въ борьбѣ. Области, пораженныя непріятельскимъ нашествіемъ, опустошены были въ конецъ. Поселяне потеряли свое послѣднее достояніе. Мечъ, чума, голодъ, пожаръ совершали свое разрушительное дѣло въ небывалыхъ чудовищныхъ размѣрахъ. Еще война продолжала свирѣпствовать, еще города и села пылали по пути бѣгства и преслѣдованія, а страшная зараза, распространяемая повсюду издыхающимъ врагомъ, только что начинала производить свои чудовищныя опустошенія. Невозможно было еще думать объ опредѣленіи вреда, причиненнаго непріятельскимъ вторженіемъ, объ исчисленіи потерь, понесенныхъ народнымъ благосостояніемъ. Рано было еще думать о сколько нибудь достаточномъ вознагражденіи пострадавшимъ [2]); но сострадательное сердце им-

---

[1]) О фальшивыхъ ассигнаціяхъ Наполеона см. между прочимъ: „Русскій Архивъ" за 1865 г. „Къ исторіи 1812 г." О фальшивыхъ ассигнаціяхъ, выпущенныхъ Наполеономъ, стр. 491, и тамъ-же статью Липранди: „Еще о фальшивыхъ ассигнаціяхъ", стр. 873.

[2]) Первыя мѣры пострадавшему населенію приняты были правительствомъ еще въ исходѣ 1812 г. Уже тогда департаменту удѣловъ повелѣно было оказать вспоможеніе изъ собственныхъ суммъ своихъ разореннымъ подвѣдомственнымъ ему крестьянамъ. Тогда-же отпущенъ былъ изъ казны одинъ милліонъ рублей для закупки хлѣба и заимообразной раздачи его государственнымъ крестьянамъ Смоленской и Калужской губерній. Всѣмъ крестьянамъ и мѣщанамъ раззоренныхъ мѣстностей прощены были всѣ числившіеся на нихъ недоимки и всѣ подати за вторую половину 1812 и за 1813 гг. Купцы, приписанные къ городамъ, занятымъ и разореннымъ непріятелемъ, освобождены были отъ платежа процентовъ на капиталы ихъ на будущій годъ. Но само собою понятно, что всѣ эти первоначальныя мѣропріятія должны были оказаться недостаточными. См. полное собраніе законовъ. Т. XXXII, № 25313.

ператора и положеніе несчастныхъ не терпѣли отсрочки. По почину самого императора Александра возникла мысль объ особомъ учрежденіи въ помощь пострадавшимъ и разореннымъ отъ непріятеля городскимъ и сельскимъ жителямъ. Тамъ, гдѣ бѣдствія были такъ велики и всеобщи, тамъ гдѣ средства государства поглощены были иными не менѣе настоятельными надобностями, тамъ не достаточно было правительственной помощи, мало самыхъ царскихъ щедротъ, тамъ необходимо было прибѣгнуть къ посильной помощи тѣхъ областей царства русскаго, которыя не пострадали отъ нашествія, тѣхъ сословій, въ рукахъ которыхъ скоплялись плоды народнаго труда. Воззваніе о помощи вышло изъ подъ краснорѣчиваго пера того самого человѣка, который умѣлъ говорить такимъ простымъ и сильнымъ языкомъ, который передавалъ такъ вѣрно мысли и чувства своего государя. Воззваніе дышетъ тѣмъ истинно христіанскимъ, библейскимъ чувствомъ, которое проникаетъ въ это время всю душу императора Александра.

„Одна изъ первѣйшихъ должностей человѣка“, говоритъ воззваніе, „есть сострадать и помогать подобному себѣ. Все его къ сему доброму свойству и благому расположенію души преклоняетъ и убѣждаетъ. Обратится-ли онъ къ природѣ,— она говоритъ ему: ты самъ человѣкъ, подверженъ бѣдамъ, смерти и потому въ несчастіи каждаго долженъ видѣть самого себя. Отнесется-ли онъ къ благонравію и добродѣтели,— онѣ твердятъ ему, что нѣтъ ничего почтеннѣе и любезнѣе въ человѣкѣ, какъ жалость и милосердіе и нѣтъ ничего презрительнѣе и противнѣе въ немъ, какъ безчувственность и жестокосердіе. Прибѣгнетъ-ли онъ къ вѣрѣ и закону? Послушаемъ Самого Богочеловѣка, Христа, вѣщающаго съ престола славы Своея въ день страшнаго суда: „пріидете (говоритъ Онъ милосердымъ), благословеніи Отца Моего, наслѣдите уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра. Взалкахся бо и дасте ми ясти; возжадахся и напоисте мя; страненъ бѣхъ, и введосте мене; нагъ и одѣясте мя; боленъ и посѣтисте мене, въ темницѣ быхъ и пріидосте ко мнѣ“. Тогда отвѣчаютъ Ему праведницы: глаголюще, „Господи! когда тя видѣхомъ алчуща,

и напитахомъ? или жаждуща, и напоихомъ? Когда-же тя видѣхомъ странна и введохомъ? или нага и одѣяхомъ? когда-же тя видѣхомъ болящa или въ темницѣ, и пріидохомъ къ тебѣ. И отвѣщавъ царь речетъ имъ: аминь глаголю вамъ: понеже сотвористе единому сихъ братій моихъ меньшихъ, мнѣ сотвористе". Потомъ, обратясь къ немилостивымъ и жестокосердымъ, говоритъ имъ: „Идите отъ мене проклятіи во огнь вѣчный, уготованный діаволу и агеламъ его. Взалкахся бо, и не дасте ми ясти; возжадахся, и не напоисте мене; страненъ бѣхъ и не введосте мене; нагъ и не одѣясте мене; болѣнъ и въ темницѣ и не посѣтисте мене. Тогда отвѣчаютъ ему и тіи глаголюще: Господи! когда тя видѣхомъ алчуща, или жаждуща, или странна, или нага, или больна, или въ темницѣ и не послужихомъ тебѣ? Тогда отвѣщаетъ имъ, глаголя: аминь глаголю вамъ, понеже не сотвористе единому сихъ меньшихъ, ни мнѣ сотвористе". Изъ сихъ божественныхъ словъ видимъ мы, что человѣколюбіе и дочь его милосердіе не только сродны человѣку, яко воспоминаніе о самомъ себѣ въ другомъ подобномъ ему; но еще и толь тѣсно сопряжены съ Самимъ Богомъ, что онъ простертую брату нашему руку помощи или утѣшенія пріемлетъ, какъ-бы оная къ нему простерта была, и самая бѣдная наша, насыщающая сироту или вдовицу, лепта насыщаетъ Самого Царя царей и Владыку міра. Онъ даже не признаетъ себя любимымъ отъ насъ безъ любви нашей къ подобнымъ намъ. Святое Писаніе говоритъ: „Иже имать богатство міра сего, и видитъ брата своего требующа, и затворитъ утробу свою отъ него, како любы Божія пребываетъ въ немъ? Не любимъ словомъ, ни же языкомъ, но дѣломъ и истиною. Аще кто речетъ, яко люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, ложь есть: ибо не любяй брата своего, его-же видѣ, Бога его-же не видѣ, како любить можетъ?" Толь богоугодны и спасительны для насъ дѣла милосердія! Когда-же во всякое время благородному сердцу полезно и пріятно помогать страждущему человѣчеству, то сколь наипаче оное нужно и достохвально въ нынѣшнія времена, когда рукою безчеловѣчнѣйшаго изъ враговъ во многихъ губерніяхъ селенія и домы соотечественниковъ нашихъ ис-

[illegible] что имѣ-
[illegible] или сыно-
[illegible] оставлъ
[illegible] ...ами. без
[illegible] предлагаетъ
[illegible] и ни-
[illegible] число ихъ
[illegible] удовле-
[illegible] воленія
[illegible] ...мъ Ги-
[illegible] ...ченія
[illegible] ...теля го-
[illegible]

[illegible] ...сашія
[illegible] ...да. что
[illegible] въ но-
[illegible] была
[illegible] пока
[illegible] рѣшилъ
[illegible] ...ы. вы-
[illegible] ...малъ онъ
[illegible] имя
[illegible] въ ка-
[illegible] интересы
[illegible] ...вотъ во-
[illegible] ...времен-
[illegible] принимали
[illegible] и си-
[illegible] въ немъ
[illegible]

[illegible] въ под-
[illegible] помощь до-
[illegible] жителямъ,
[illegible]

ГЛАВА II.

Война или міръ?—Партіи и ихъ взгляды.—Старорусскіе патріоты.—Разговоръ Кутузова съ Шишковымъ.—Религіозность императора Александра и его польскіе планы.—Штейнъ о возстановленіи Польши.—Поляки пользуются настроеніемъ Александра.—Графъ М. Огинскій въ кабинетѣ Государя.—Амнистія или возстановленіе Польши?—Проэкты открытыхъ писемъ и прокламацій.—Солдатская пѣсенка и польское мнѣніе о свободѣ русской печати.—Наполеонъ подъ Калугою и Александръ король Польскій.—Хлопоты Огинскаго о Польскихъ измѣнникахъ.—Шишковъ и совѣщаніе объ амнистіи съ польскими нотаблями.—Чарторыжскій вспоминаетъ объ императорѣ Александрѣ.—Варшавская конфедерація и великій князь Михаилъ Павловичъ будущій король Польши.—Александръ отсрочиваетъ на время свои польскіе планы.—Докладная записка Штейна.—Александръ—освободитель Европы.—Онъ призываетъ народъ свой къ новымъ усиліямъ.—Русскіе финансы и совѣты Штейна.—Цѣли войны.—Неопредѣленность плановъ.—Династическіе и національные интересы.—Александръ отправляется на театръ войны.

Политика исключительно національная имѣла и въ 1812 году не мало представителей въ средѣ высшаго Петербургскаго общества. Сюда принадлежали всѣ люди, порицавшіе съ самаго начала вмѣшательство императора Александра I въ дѣла европейскаго Запада. По мнѣнію такихъ людей, Россіи не было ни малѣйшей надобности вовлекаться въ борьбу, кипѣвшую въ Европѣ, становиться за или противъ Наполеона. Мы испытали, говорили они, и ту и другую систему и убѣдились въ ихъ одинаковой непригодности для насъ. Мы заключили союзъ съ Наполеономъ и навязали себѣ разорительную континентальную систему; мы разорвали союзъ съ Наполеономъ и подверглись страшному, чуть не погубившему насъ нашествію. Не слѣдуетъ повторять теперь вновь старыхъ ошибокъ. Наполеонъ изгнанъ изъ предѣловъ

Россіи, и мы должны довольствоваться этимъ великимъ результатомъ. Намъ слѣдуетъ остановиться на нашихъ границахъ и предоставить Наполеона и Европу ихъ собственной участи. Нѣтъ основанія опасаться, что французскій императоръ отважится повторить свое нашествіе. «Довольно и одного раза быть такъ отпотчивану»[1]. Да и на какіе шансы можемъ мы разсчитывать, перенося войну за границы имперіи? На какихъ союзниковъ можемъ мы надѣяться? На Пруссію? но она безсильна и порабощена, въ городахъ и крѣпостяхъ ея стоятъ французскія войска. На Австрію? но Наполеонъ женатъ на дочери австрійскаго императора и имѣетъ отъ нея сына. На мелкихъ нѣмецкихъ государей? но они давно уже продали себя безвозвратно Наполеону. На Англію? но она преслѣдуетъ свои корыстныя, опасныя для насъ цѣли, да и не можетъ оказать намъ иной помощи, кромѣ денежной. Продолжая борьбу съ Наполеономъ, мы рискуемъ подвергнуть себя новымъ пораженіямъ. Что будетъ съ нами, если мы возвратимся назадъ, прогнанные и съ потерями? Мы опять подымемъ Наполеона и утратимъ всѣ пріобрѣтенныя нами до сихъ поръ преимущества. Не скажетъ-ли Европа: они сразились, прогнали взаимно другъ друга и кто изъ нихъ одержитъ верхъ подъ конецъ,—неизвѣстно? И въ виду такой перспективы, мы должны идти впередъ, оставлять безъ призрѣнія сожженную Москву, разгромленный Смоленскъ и окровавленную Россію, продолжать войну и требовать отъ нашего изнуреннаго народа и новыхъ армій и средствъ для ихъ содержанія! Не лучше-ли, не безопаснѣе-ли оставаться у себя дома и предложить угнетеннымъ державамъ, чтобы они воспользовались сами удобнымъ случаемъ для освобожденія себя изъ-подъ ига Франціи? Мы можемъ даже обѣщать имъ вспомоществованіе частью нашихъ силъ, но мы отнюдь не должны ставить на карту еще разъ и нашу народную честь, и наше національное существованіе[2].

---

[1]) Слова Кутузова въ приводимомъ нами ниже разговорѣ его съ А. С. Шишковымъ.

[2]) Большинство приведенныхъ здѣсь доводовъ заимствовано изъ бесѣды А. С. Шишкова съ княземъ Кутузовымъ, происходившей въ Вильнѣ въ декабрѣ

Такъ разсуждали люди, считавшіе себя настоящими русскими патріотами, но хотя въ ихъ средѣ встрѣчались даже такія выдающіяся лица, какъ самъ престарѣлый фельдмаршалъ Кутузовъ, какъ государственный секретарь Шишковъ, можно было однако-же сказать напередъ, что императоръ Александръ ни въ какомъ случаѣ не согласится стать на ихъ точку зрѣнія. Александръ слишкомъ хорошо зналъ характеръ Наполеона, его положеніе въ Европѣ, его колоссальныя средства. Онъ справедливо полагалъ, что останавливаться на границахъ Россіи значило дать Наполеону возможность собрать новыя громадныя силы, возстановить свое потрясенное владычество на Западѣ и повторить нашествіе на Россію съ большими шансами на успѣхъ. Но и помимо

1812 года. Вотъ эта замѣчательная бесѣда, въ томъ видѣ, какъ передаетъ ее Шишковъ въ своихъ запискахъ:

Шишковъ. „Разрѣшите мое сомнѣніе, зачѣмъ идемъ мы за границу?

Кутузовъ. Для продолженія войны.

Ш. Зачѣмъ продолжать ее, когда она кончена? Можно-ли предполагать, что Наполеонъ, пришедшій сюда со всѣми своими и европейскими силами, и самъ, по истребленіи всѣхъ его полчищъ и снарядовъ, насилу отселѣ ускакавшій, можетъ покуситься вторично сюда придти?

К. Я думаю, что не придетъ. Довольно и одного раза быть такъ отпотчивану.

Ш. А сидя въ своемъ Парижѣ, какое можетъ онъ сдѣлать намъ зло?

К. Намъ конечно нѣтъ; но господство его надъ другими державами, Австріею, Пруссіею, Саксоніею и проч. останется тоже, какое доселѣ было.

Ш. Если мы идемъ освобождать ихъ, то цѣль войны должна быть та, чтобъ Наполеона свергнуть съ престола, ибо если въ нихъ самихъ не будетъ твердости, то онъ, и по замиреніи, рано или поздно снова возобладаетъ надъ ними: честолюбивыя намѣренія его не престанутъ въ немъ пылать. Буде-же предполагается вырвать изъ рукъ его Францію, то это, по многимъ причинамъ, не такъ легко: 1-е, Пруссія безсильна, порабощена; во многихъ ея городахъ и крѣпостяхъ сидятъ французы. 2-е, Наполеонъ женатъ на дочери австрійскаго императора и уже имѣетъ отъ нея сына. 3-е, саксонскій король, по разсчетамъ своимъ, или отъ страху, преданъ совершенно французскому двору. По всѣмъ симъ обстоятельствамъ, можетъ быть и самыя побѣды наши не ободрятъ ихъ столько, чтобъ поднять оружіе и вступить съ нами въ союзъ. И такъ, не будучи въ нихъ увѣрены, мы идемъ единственно для нихъ, оставляя сгорѣвшую Москву, разгромленный Смоленскъ и окровавленную Россію безъ призрѣнія, съ новыми надобностями требовать отъ нея и войскъ и содержанія ихъ.

К. Да! признаться должно, что этотъ великодушный нашъ поступокъ и ожидаемая отъ того слава сопряжены съ немалымъ пожертвованіемъ и великою отважностью.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

и развилась не на народной почвѣ, что она проникла въ душу императора не изъ лона національной Церкви, а изъ общаго источника всѣхъ христіанскихъ исповѣданій—Библіи. Просвѣтителями Александра явились не представители православной Церкви, а люди нетвердые въ смыслѣ религіознаго образованія, къ тому-же люди, проникнутые восторженнымъ духомъ мистицизма. Религіозность, брошенная ими въ душу Александра, чужда была поэтому всякаго національнаго оттѣнка. Религіозность эта не придавала никакого значенія догматическимъ разностямъ исповѣданій; она преслѣдовала лишь одну задачу внутренняго просвѣщенія человѣка, его примиренія и въ дальнѣйшемъ своемъ высочайшемъ развитіи его единенія съ Божествомъ [1]). Такая религіозность уживалась,

---

я тогдашнихъ моихъ мнѣній. Мнѣ внушала ихъ опасность, чтобъ Россія, жертвуя собою для другихъ и ратоборствуя больше для славы, нежели для пользы своей, не подверглась, съ ущербомъ благоденствія своего, какимъ-либо новымъ злоключеніямъ". (Почтенный адмиралъ не подозрѣвалъ, что политика, которую онъ предлагалъ, скорѣе всего могла привести Россію къ новымъ злоключеніямъ). „Человѣкъ судитъ по обстоятельствамъ, ему представляющимся, не зная Божескихъ, сокрытыхъ отъ него предопредѣленій. Я и понынѣ въ толь скоромъ паденіи возросшей до высочайшей степени силы Наполеоновой не иное что вижу, какъ особенное произволеніе Творца вселенной. Властолюбіе, соединясь съ безвѣріемъ, достигло до такой степени кровопійственнаго буйства, что возмутило спокойствіе всѣхъ народовъ и навлекло на себя гнѣвъ Божій. Его, а не человѣческая рука поразила сіе чудовище. Она, безъ всякаго насилія и принужденія, соединила всѣхъ разнодержавныхъ и разномыслящихъ людей въ одну душу, воздвигла справедливую сторону противъ несправедливой и всѣ ея, даже иногда несогласныя, или необдуманныя, или противныя успѣхамъ начинанія и предпріятія, неисповѣдимыми путями своими, обращала ей въ пользу и торжество. Многія, видимыя мною въ продолженіи сей брани, дѣйствія совершенно меня въ томъ удостовѣрили".

Такъ разсуждалъ Шишковъ послѣ событій совершившихся, такъ поздно познавъ онъ волю Всемогущаго. Императоръ Александръ съ самаго начала вѣрилъ въ эту волю и возложилъ на нее всѣ свои упованія. Выше всѣхъ политическихъ разсчетовъ и соображеній человѣческихъ стояло для него незыблемое убѣжденіе, что Господь, осѣнившій несокрушимымъ щитомъ Своимъ Россію, доведетъ до побѣдоноснаго конца тяжелое, но святое дѣло освобожденія человѣчества, подъятое имъ. Александръ понималъ также, что побѣда Россіи можетъ обратиться въ постыдное пораженіе, если она остановится на половинѣ пути. Въ этой вѣрѣ, въ этомъ пониманіи истинныхъ интересовъ Россіи и заключается безсмертная заслуга Александра.

[1]) Что Александръ и послѣ своего религіознаго возрожденія стоялъ именно

но на эту идеальную почву,—которые говорили ему, что Россія, не нуждаясь ни въ какихъ завоеваніяхъ, великая и побѣдоносная, можетъ выступить именно въ этотъ моментъ всеобщимъ и безпристрастнымъ миротворцемъ и пріобрѣсти себѣ тѣмъ самымъ не только неувядаемую славу, но и преимущества чисто нравственныя, болѣе прочныя и существенныя, нежели выгоды матеріальныя. Въ такомъ смыслѣ говорили Александру не только иностранцы, которыхъ можно-бы было заподозрить въ заднихъ мысляхъ, но и люди несомнѣнно русскіе и по происхожденію и по убѣжденіямъ. По свидѣтельству Штейна, образовалась даже цѣлая партія, впрочемъ немногочисленная, которая старалась доказать императору, что ея мнѣніе одно можетъ принести желанный миръ и что ея широкіе и истинно христіанскіе совѣты одни лишь могутъ соотвѣтствовать благородному и свободному образу мыслей Александра [1]).

Но императоръ, внимательно выслушивая эти совѣты и подавая видъ, что онъ намѣренъ послѣдовать имъ, въ тоже время не въ силахъ былъ оттолкнуть отъ себя и другихъ людей, смотрѣвшихъ, повидимому, на дѣло съ не менѣе высокой и христіанской точки зрѣнія. Эти люди принадлежали къ польскому лагерю. Не трудно было, казалось, понять, что совѣты этихъ людей вытекаютъ изъ самаго мутнаго и крайне эгоистическаго источника, что вся сумма ихъ политическихъ стремленій и идеаловъ сводится къ возстановленію аристократической польской республики, что она идетъ, слѣдовательно, въ разрѣзъ и съ интересами русскаго народа, и съ интересами закрѣпощенной польской массы. Горькіе опы-

---

[1]) „Успѣхи русскаго оружія вліяютъ самымъ различнымъ образомъ на общественное мнѣніе. Одни надѣются, что Россія заключитъ миръ послѣ изгнанія непріятеля и предоставитъ Европу ея собственнымъ движеніямъ; другіе требуютъ расширенія имперіи по крайней мѣрѣ до Вислы и гегемоніи Россіи на материкѣ; третьи хотятъ установить такой общественный порядокъ въ Европѣ, который основывался-бы на справедливости и на истинныхъ интересахъ народовъ. Само собою понятно, что эта третья партія самая слабая“... Такъ характеризуетъ Штейнъ различныя теченія общественнаго мнѣнія въ Петербургѣ. См. Перцъ, Stein's Leben. T. III, стр. 205; письмо къ графу Мюнстеру.

[illegible]

[illegible] Если прежде онъ стремился возстановить Польшу во имя отвлеченной идеи справедливости, то теперь это возстановленіе казалось ему обязательнымъ по чувству вновь сознаннаго имъ христіанскаго долга. Вѣчная Божественная правда, какъ ему казалось, требовала удовлетворенія и искупленія прежней великой неправды, совершенной его предшественниками и союзниками ихъ, разрушившими самостоятельную жизнь польскаго народа. Безспорно, что поляки явились въ послѣднюю войну озлобленными врагами Россіи и преданными слугами французскаго императора, но развѣ можно ставить имъ въ вину такой ихъ образъ дѣйствій? Развѣ они не имѣли повода мстить за нанесенную имъ смертельную обиду, развѣ они не имѣли основанія усматривать въ Наполеонѣ единственную опору своей національной идеи? Если и можно ихъ упрекнуть въ чемъ-либо, то развѣ въ слишкомъ большой довѣрчивости къ Наполеону. Несправедливымъ казалось ему также утверждать, что возстановленіе Польши можетъ въ чемъ-либо повредить истиннымъ интересамъ Россіи. Напротивъ, воз-

становляя Польшу, платя добромъ за зло, Россія не только совершитъ великій христіанскій подвигъ, не только завершитъ достойнымъ образомъ подъятую ею священную войну, не только заложитъ первый краеугольный камень новаго порядка вещей въ Европѣ,—порядка, основаннаго на идеяхъ христіансвой любви и божественной правды, но и извлечетъ для себя изъ этого акта несомнѣнныя и великія политическія выгоды. Возстановленная Польша,—Польша, соединенная притомъ съ Россіею властью одного государя, явится для Россіи самымъ твердымъ оплотомъ съ западной стороны, ея вѣрнымъ и вѣчнымъ союзникомъ въ будущихъ европейскихъ осложненіяхъ и столкновеніяхъ. Этого мало. Поляки могутъ оказать Россіи великія услуги и въ настоящей, далеко не оконченной еще борьбѣ. Правда, они держались до сихъ поръ Наполеона и несли ему охотно въ жертву свое достояніе и свою кровь; но стоитъ лишь открыть имъ глаза, убѣдить ихъ окончательно, отъ кого должны они ожидать возстановленія своего униженнаго и раздробленнаго отечества,—и они совершенно и навсегда измѣнятъ свои симпатіи, перейдутъ душою и тѣломъ подъ побѣдоносныя знамена Россіи.

Такъ разсуждалъ императоръ Александръ [1]), и его польскіе приближенные старались убѣдить его всѣми силами въ вѣрности его взглядовъ и сужденій. Ничего не стоило, повидимому, разрушить эту систему лжесплетеній; стоило лишь посмотрѣть на вопросъ съ иной точки зрѣнія, съ точки зрѣнія интересовъ русскихъ и общеевропейскихъ. Эту задачу принялъ на себя, между прочимъ, Штейнъ, пользовавшійся такимъ сильнымъ нравственнымъ вліяніемъ на императора Александра. Неоднократно пытался онъ доказать государю, что возстановленіе Польши въ ея прежнихъ размѣрахъ не только можетъ возстановить противъ Россіи ея западныхъ сосѣдей, но что оно противорѣчитъ истиннымъ интересамъ самой Россіи. Допустимъ, говорилъ онъ, что возстановлен-

[1]) Само собою понятно, что всѣ приведенныя здѣсь разсужденія не находятся въ полномъ видѣ ни въ одномъ оффиціальномъ или частномъ документѣ; но тѣмъ не менѣе каждое изъ нихъ можетъ быть подтверждено словами и дѣйствіями Александра и его польскихъ приближенныхъ.

Польша получитъ отъ русскаго императора свободную конституцію. Въ такихъ случаяхъ произойдетъ неизбѣжно одно изъ двухъ: или русскіе государи будутъ уважать и охранять конституцію, или-же нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ, духъ недовольства, всегда существующій въ Польшѣ, найдетъ для себя новую пищу, новый и законный предлогъ къ возстанію, къ отторженію отъ Россіи, къ возстановленію независимости. Въ первомъ-же случаѣ трудно будетъ самодержавному русскому монарху проявлять неограниченную власть въ своемъ отечественномъ народѣ, во всей разноплеменной Россіи, и въ то-же время быть конституціоннымъ королемъ въ своей Польшѣ, соблюдать ненарушимо разъ, хотя-бы и искусно, проведенныя линіи ограниченія верховной власти. Но допустимъ, доказывалъ онъ далѣе, что разъ дарованная конституція будетъ соблюдаема свято и ненарушимо, что она будетъ распространена на всѣ земли, входившія въ составъ старой Рѣчи Посполитой до Днѣпра и Двины: что станется тогда съ русскимъ самодержавіемъ и,—могъ-бы прибавить Штейнъ,—съ русскою народностью? Не будутъ-ли они въ скоромъ времени поглощены польскимъ республиканизмомъ и анархіею, или же, отстаивая свое существованіе, не поглотятъ-ли они ихъ въ свою очередь? [1]).

Штейнъ указывалъ Александру и на другое чрезвычайно важное обстоятельство. Возстановленіе Польши, говорилъ онъ, идетъ въ разрѣзъ съ желаніями и стремленіями громаднаго большинства русскаго народа. Русскіе презираютъ поляковъ, они ненавидятъ ихъ за ихъ легкомысліе и измѣнчивость, за

---

[1]) См. Перцъ, Stein's Leben. Т. III, стр. 206—208. Партія, замѣчаетъ Штейнъ, стремящаяся къ расширенію имперіи, поддерживается всѣми поляками. Они желаютъ возстановить Польшу, какъ особое конституціонное государство, соединенное съ Россіею лишь личною властью государя. Наибольшимъ вліяніемъ пользуются находящіеся здѣсь (въ Петербургѣ) поляки: Огинскій, Сапѣга, Любомірскій, зять гофмаршала Толстаго (этотъ послѣдній поддерживаетъ также польскія идеи). Армфельдтъ съ своею обычною суетливостью, хитростью и поверхностностью принимаетъ дѣятельное участіе во всемъ этомъ".— „Способенъ-ли", задаетъ Штейнъ вопросъ, „пользоваться разумно свободою народъ, состоящій изъ дворянъ, жидовъ и забитыхъ крѣпостныхъ,—народъ, извращенный кромѣ того двухсотлѣтнею анархіею?

ихъ коварство и вѣроломство [1]). Такія доводы Штейна встрѣчали, безъ сомнѣнія, полное одобреніе со стороны тѣхъ русскихъ государственныхъ людей, съ которыми говорилъ императоръ о своихъ польскихъ планахъ. По крайней мѣрѣ, впослѣдствіи въ Вѣнѣ, ни одинъ изъ русскихъ министровъ, спрошенныхъ государемъ, не одобрилъ его польскихъ плановъ. Но всѣ эти доводы и доказательства не произвели ни тогда, ни теперь желаннаго дѣйствія на Александра. Гдѣ же слѣдуетъ искать причинъ такого страннаго явленія? Неужели, государь, только что убѣдившійся во-очію въ непоколебимой преданности своего народа, могъ отнестись такъ равнодушно, даже враждебно къ интересамъ и стремленіямъ этого самаго народа? Мы полагаемъ, что Александръ лишь потому не поддался увѣщаніямъ Штейна и русскихъ государственныхъ людей, что онъ понималъ интересы Россіи совершенно иначе, нежели они. Онъ твердо вѣрилъ въ возможность примиренія русскихъ съ поляками, онъ смотрѣлъ на свободныя учрежденія, проектируемыя имъ для Польши, какъ на школу для самой Россіи; онъ полагалъ, что самолюбіе русскаго народа получитъ полное удовлетвореніе, когда Самодержецъ Россійскій соединитъ подъ своею властью Россію и Польшу и раздвинетъ предѣлы имперіи далеко на западъ. И что самое главное, никто изъ противниковъ польской идеи императора не постарался взглянуть на дѣло съ точки зрѣнія высшей нравственности и справедливости; никто не попытался доказать ему, что возстановленіе такого уродливаго политическаго организма, какимъ была покойная Рѣчь Посполитая, никоимъ образомъ не можетъ соотвѣтствовать требованіямъ Божественной правды, и что аристократическая республика польскихъ магнатовъ и шляхтичей пала не вслѣдствіе коварства и злонамѣренности своихъ сосѣдей, а вслѣдствіе своего собственнаго полнѣйшаго извращенія и страшнаго противорѣчія вѣчнымъ и неприложнымъ законамъ справедливости.

Не разъяснивши эту сторону вопроса, Штейнъ и русскіе совѣтники императора сдѣлали большую ошибку и отдали

[1]) Перцъ, Stein's Leben. T. III, стр. 208.

благороднѣйшаго и глубоко религіознаго Монарха на жертву польской интригѣ. Огинскій, Сапѣга, Любомирскій и другіе поляки, окружавшіе Александра, и ихъ русскіе и не русскіе сторонники (въ числѣ таковыхъ можно указать на гофмаршала Толстаго, зятя его Любомирскаго и на хорошо извѣстнаго намъ шведскаго графа Армфельда) не упускали изъ виду ни одной изъ тѣхъ сторонъ въ характерѣ и міровоззрѣніи императора Александра, которыя дѣлали его доступнымъ и воспріимчивымъ къ ихъ совѣтамъ и внушеніямъ. Они чрезвычайно искусно обращали въ свою пользу и его высокій гуманный образъ мыслей, и его либеральныя убѣжденія, и его христіанскій энтузіазмъ. Шагъ за шагомъ, неуклонно и вѣрно стремились они къ своей цѣли. То, чего не могъ, или не хотѣлъ дать имъ Наполеонъ, долженъ былъ дать имъ великодушный Монархъ Россіи. Они съумѣли поддержать Александра въ его иллюзіяхъ, они съумѣли убѣдить его окончательно, что возстановленіе Польши доставитъ ему громадныя выгоды въ продолжающейся борьбѣ съ Наполеономъ, увѣнчаетъ его безсмертною славою, что оно не будетъ противорѣчить истиннымъ интересамъ Россіи, и что оно будетъ угодно Всеблагому и Всеправедному Богу, могучая рука Котораго только что спасла Россію отъ паденія и конечной гибели.

Уже въ концѣ сентября мѣсяца 1812 г., въ тотъ моментъ, когда счастіе видимо начало измѣнять Наполеону, императоръ Александръ поспѣшилъ заявить своимъ польскимъ приближеннымъ, что приближающееся торжество Россіи не должно вселять въ нихъ тревожныхъ опасеній, не должно подрывать ихъ надеждъ на возстановленіе отечества. 10 октября графъ Огинскій, одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ польскихъ агитаторовъ, былъ потребованъ во дворецъ. Онъ засталъ государя въ возбужденномъ, поднятомъ настроеніи духа. Алексанръ сообщилъ графу о поѣздкѣ Лористона въ русскій лагерь, о своихъ военныхъ планахъ, о своей твердой увѣренности въ побѣдѣ Россіи [1]). „Надѣюсь, сказалъ онъ, что съ помощью

---

[1]) „И такъ, сказалъ Александръ графу, вы видите, что уже стараются начать съ нами переговоры... Лористонъ былъ посланъ въ лагерь Кутузова и къ

Божіею, мы принудимъ непріятеля очистить не только мои русскія провинціи, но и Бѣлоруссію и Литву. Я призвалъ васъ сюда, чтобы объявить вамъ, что я намѣренъ обратиться съ прокламаціею къ польскимъ подданнымъ моей имперіи. Я не хочу, чтобы отчаяніе и ужасъ сопровождали возвращеніе моихъ армій въ Литву. Я знаю, что не всѣ вели себя тамъ, какъ слѣдуетъ, но большинство вашихъ земляковъ не потеряло своихъ правъ на мое покровительство и на мое довѣріе, и я хочу, чтобы прокламація убѣдила ихъ въ этомъ. Я не потерплю какихъ бы то ни было преслѣдованій, я не упустилъ изъ виду тѣхъ плановъ, которые обсуждали мы съ вами въ началѣ кампаніи" [1]).

„Это сообщеніе императора, говоритъ графъ, глубоко тронуло меня, тѣмъ болѣе, что послѣ возвращенія своего въ Петербургъ, онъ не упомянулъ ни однимъ словомъ о нашихъ планахъ. Я былъ убѣжденъ, что онъ твердо намѣренъ продолжать войну и не принимать никакихъ мирныхъ предложеній; но не смотря на все довѣріе, внушаемое мнѣ имъ, мнѣ трудно было вѣрить, что очищеніе Москвы и отступленіе Наполеона воспослѣдуютъ такъ скоро. Я не могъ хорошо понять, какимъ образомъ вслѣдствіе инструкцій, посланныхъ императоромъ начальникамъ армій, Наполеонъ будетъ

моему сожалѣнію имѣлъ разговоръ съ фельдмаршаломъ... Кутузовъ человѣкъ тонкій; онъ не позволитъ обмануть себя увѣреніями Наполеона о его дружественномъ расположеніи ко мнѣ; но я не хотѣлъ-бы, чтобы кто-нибудь могъ повѣрить даже въ возможность мирныхъ переговоровъ. При теперешнемъ положеніи невозможно и думать о какомъ-бы то ни было сближеніи, пока непріятель не выйдетъ изъ предѣловъ Россіи... Я надѣюсь, что съ помощью Провидѣнія мы принудимъ его къ отступленію, и если мои планы исполнятся, то Наполеону будетъ не легко добраться назадъ во Францію; во всякомъ случаѣ, это будетъ стоить ему большихъ жертвъ. Мой планъ начертанъ... Кутузовъ будетъ дѣйствовать сообразуясь съ движеніями непріятеля въ Москвѣ; Витгенштейну и Штейнгейлу я предписалъ дѣйствовать наступательно. Въ этотъ моментъ Чичаговъ съ Дунайскою арміею находится уже на Волыни и принялъ начальство надъ войсками, дѣйствующими противъ Шварценберга. Принудивъ къ отступленію сего послѣдняго, онъ оставитъ противъ него наблюдательный корпусъ, а самъ двинется на Минскъ и прибудетъ туда съ 80,000 ч., по моему разсчету, черезъ три недѣли"... M. Oginski's, Denkwürdigkeiten. T. III, стр. 169.

[1]) M. Oginski's, Denkwürdigkeiten. T. III, стр. 169 и 170.

такъ отрѣзанъ на пути своего отступленія, что лишь съ трудомъ успѣетъ достигнуть вновь границъ Франціи. Я не былъ посвященъ въ операціонные планы; я не зналъ, какія силы могутъ быть противопоставлены непріятелю, я не имѣлъ даже точнаго представленія о состояніи главной арміи, бывшей подъ начальствомъ Кутузова. Да и кто могъ предвидѣть тогда тѣ сверхъестественныя событія, посредствомъ коихъ спасло тогда Провидѣніе Россію отъ ея враговъ" [1]. „Я слушалъ императора, не пытаясь проникнуть въ его планы, не позволяя себѣ никакихъ разсужденій и думалъ лишь объ одномъ, какъ бы поскорѣе исполнить приказанія Его Величества. Такъ какъ я не зналъ, въ какомъ родѣ должна быть составлена прокламація къ полякамъ, то я позволилъ себѣ предложить нѣкоторые вопросы и просить разъясненій по этому предмету. Императоръ отвѣчалъ мнѣ: „Въ этотъ моментъ я не могу имѣть иного намѣренія кромѣ того, чтобы успокоить поляковъ и дать имъ увѣренность, что въ провинціяхъ, куда собираются возвратиться мои войска, не совершено будетъ никакого акта возмездія. Эта прокламація не только должна дать имъ новый знакъ моего благоволенія, но и служить иструкціею для моихъ генераловъ, предписать имъ тотъ образъ дѣйствій, которому они должны слѣдовать".

Этотъ отвѣтъ императора смутилъ пламеннаго польскаго патріота. Онъ понялъ, что дѣло идетъ пока не о возстановленіи Польши и не о какихъ бы то ни было политическихъ обѣщаніяхъ его землякамъ, а просто объ амнистіи, о прощеніи тѣхъ польскихъ подданныхъ русскаго императора, которые въ моментъ нашествія Наполеона отважились нарушить долгъ присяги. Огинскій осмѣлился замѣтить государю, что если дѣло идетъ лишь объ амнистіи, то достаточно послать особыя инструкціи на этотъ счетъ главнокомандующимъ; но что, если императоръ желаетъ ободрить поляковъ въ провинціяхъ, занятыхъ нынѣ непріятелемъ и распространить свои благосклонныя намѣренія и на предѣ-

[1] „Und wer konnte damals die übernatürlichen Ereignisse voraussehen, welche die Vorsehung vorbehalten hatte, um Russland von seinen Feinden zu befreien?"

лы герцогства Варшавскаго, тогда, по его мнѣнію, слѣдовало-бы возбудить этою прокламаціею надежды на возстановленіе Польши, какъ только успѣхи русскаго оружія представятъ къ этому возможность.

Императоръ отвѣчалъ: „Да, это разумѣется само собою. Вы знаете образъ мыслей, который питалъ я всегда по отношенію къ вашимъ землякамъ. Ожесточеніе, съ которымъ боролись поляки въ этой кампаніи противъ моихъ армій, показываетъ, что не всѣ они отплатили мнѣ добромъ, но я ограничиваюсь лишь сожалѣніемъ о тѣхъ изъ нихъ, кои позволили Наполеону увлечь себя обманчивыми обѣщаніями. Я съ своей стороны не измѣнилъ моего намѣренія и сдержу свое слово, какъ только настанетъ для того время. Вы поймете, что я не могу думать объ организаціонныхъ планахъ, пока дѣло идетъ объ изгнаніи и истребленіи непріятеля, все еще сильнаго, не смотря на всѣ его ошибки и потери. Но я прошу васъ составить упомянутую прокламацію къ полякамъ, и такъ какъ она появится лишь тогда, когда обстоятельства рѣшительно склонятся въ нашу пользу, то я уполномочиваю васъ объявить въ ней, что я намѣренъ возстановить Польшу и что я разсчитываю при этомъ на довѣріе поляковъ“ [1]).

Польскій графъ не удовольствовался, однакоже, и такимъ рѣшительнымъ заявленіемъ русскаго императора [2]). Спустя нѣсколько дней, онъ рѣшился обратиться къ государю съ письмомъ, въ которомъ старался доказать, что для возбужденія поляковъ и привлеченія ихъ на сторону Россіи не достаточно одной амнистіи, что необходимо дать имъ болѣе точныя и опредѣленныя обѣщанія на счетъ ихъ національной будущности [3]). Графъ начинаетъ съ того, что высказы-

---

[1]) M. Oginski's Denkwürdigkeiten. T. III, стр. 170—172.

[2]) Само собою понятно, что за отсутствіемъ другихъ источниковъ, мы никоимъ образомъ не можемъ провѣрить, было-ли таковое заявленіе произнесено императоромъ въ дѣйствительности, или нѣтъ. Только событія, происшедшія впослѣдствіи, доказываютъ, что Огинскій говорилъ сущую правду.

[3]) Мы приводимъ только содержаніе письма и выдержки изъ него, важныя для нашей цѣли. Полный текстъ письма читатели найдутъ въ мемуарахъ Огинскаго (Т. III, стр. 172—178), а переводъ его напечатанъ въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1874 г. Т. I. стр. 686—691.

ваетъ сомнѣнія въ возможности слишкомъ скорой и рѣшительной побѣды надъ Наполеономъ. Онъ полагаетъ, что Наполеонъ успѣетъ пробиться или въ южныя провинціи— въ Украину, Подолію и Волынію, или-же въ Литву, гдѣ онъ присоединитъ къ себѣ войска Виктора, Сенъ-Сира и Макдональда. И въ томъ и въ другомъ случаѣ поляки могутъ пріобрѣсти, по мнѣнію графа, громадное, чуть не рѣшающее вліяніе на дальнѣйшій ходъ войны. Наполеонъ найдетъ въ польскихъ областяхъ, если только жители отнесутся къ нему сочувственно, не только хорошія зимнія квартиры и матеріальныя средства для продолженія войны, но можетъ организовать противъ Россіи, съ помощью поляковъ, чрезвычайно опасную партизанскую войну. Поляки показали и во время Барской конфедераціи, и во время послѣдняго возстанія въ 1794 г., насколько они искусны и страшны въ подобнаго родѣ войнѣ. Нельзя пренебрегать такою выгодною для Наполеона возможностью, необходимо во-время принять противъ нея рѣшительныя мѣры. Въ чемъ-же должны заключаться эти мѣры? Необходимо во что-бы то ни стало привлечь на свою сторону симпатіи поляковъ. „И вообще почему-же не дать благородной націи, возлагающей всѣ свои надежды на Ваше Императорское Величество, хотя какое-нибудь утѣшеніе? [1]) Почему не поставить ее въ извѣстность о Вашихъ благосклонныхъ намѣреніяхъ, Государь? Почему не утвердить ее въ ея надеждахъ?“ Всего лучше было-бы, по мнѣнію графа, если-бы императоръ провозгласилъ себя безъ дальнѣйшихъ околичностей королемъ польскимъ [2]), или если-бы онъ заявилъ объ этомъ своемъ намѣреніи въ письмѣ къ князю Кутузову, которое должно быть, разумѣется, обнародовано. Подобное заявленіе имѣло-бы, по мнѣнію графа, магическое

---

[1]) Буквально: „Die von Ew. Kaiserlichen Majestät alles erwartet“. Сочиняя эту фразу, графъ вѣроятно забылъ, что земляки его ожидали въ этотъ моментъ всѣхъ благъ отъ одного Наполеона.

[2]) „Вашему Императорскому Величеству подобаетъ извлечь пользу изъ войны, утвердивъ политическую систему Европы и предначертавъ границы имперіи, кои сдѣлаются неприступными съ той поры, какъ Польша будетъ служить имъ валомъ и укрѣпленіемъ“. M. Oginski's Denkwürdigkeiten. T. III, стр. 173—174.

дѣйствіе. „Съ какимъ одушевленіемъ сражались-бы поляки, служащіе въ арміяхъ Вашего Величества, за государя, который возвратилъ имъ ихъ отчизну! Съ какимъ рвеніемъ поспѣшили-бы подъ Ваши знамена тысячи другихъ! Съ какимъ энтузіазмомъ принята была-бы эта вѣсть во всѣхъ польскихъ провинціяхъ, не занятыхъ непріятелемъ? Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали-бы поляки въ Литвѣ и въ герцоргствѣ Варшавскомъ возвращенія Вашихъ армій! Повсемѣстно поляки оставили-бы того, кто возбуждалъ въ нихъ лишь тщетныя надежды и поспѣшили-бы броситься къ ногамъ истиннаго благодѣтеля и возстановителя Польши. И если польскіе солдаты не дезертировали-бы изъ армій Наполеона, (ибо они неспособны безчестить себя и пятнать національный характеръ) [1]), то во всякомъ случаѣ ихъ сопротивленіе ослабѣло-бы, ихъ воодушевленіе угасло-бы и они ждали-бы лишь удобнаго случая, чтобы покинуть службу и возвратиться въ отечество“.

Графъ убѣжденъ, между прочимъ, что проектъ возстановленія Польши будетъ безусловно одобренъ каждымъ просвѣщеннымъ министромъ, всякимъ разумнымъ и мыслящимъ человѣкомъ [2]). Союзники Россіи станутъ помогать ей съ удвоеннымъ рвеніемъ, такъ какъ рѣшительный шагъ провозглашенія императора русскаго польскимъ королемъ, докажетъ имъ, что Россія не намѣрена отступать и передъ самыми энергическими средствами для продолженія войны съ Наполеономъ [3]). Англія одобритъ возстановленіе Польши

[1]) Честь и національный характеръ нисколько не мѣшали полякамъ дезертировать изъ русской арміи, или служить шпіонами у Наполеона.

[2]) Любопытно, что графъ противопоставляетъ этимъ мудрымъ министрамъ и мыслящимъ людямъ—Петербургскую публику, которая не можетъ одобрить и понять его плановъ вслѣдствіе своего легкомыслія. Не мѣшало-ли, замѣтимъ мы съ своей стороны, этому пониманію и то обстоятельство, что Петербургское общество было все-таки общество русское?

[3]) Кого понимаетъ графъ подъ этими союзниками Россіи? Если только Швецію и Испанію, то не говоря уже о томъ, что эти союзники не имѣли особеннаго значенія для Россіи, у нихъ не было ни малѣйшей причины удв[illegible] своего рвенія, вслѣдствіе провозглашенія Александра королемъ пол[illegible] ція и Испанія и безъ того не сомнѣвались въ твердо[illegible]

уже потому, что усмотритъ въ немъ для себя важныя торговыя выгоды [1]). Вся Европа, страдающая теперь подъ игомъ Наполеона и боящаяся въ тоже время подпасть подъ иго торжествующей Россіи, посмотритъ съ удовольствіемъ на возстановленіе Польши, какъ на преграду, воздвигаемую между Россіею и остальнымъ материкомъ. Лишь одинъ Австрійскій домъ можетъ быть обезпокоенъ чрезвычайнымъ усиленіемъ Россіи вслѣдствіе возстановленія Польши; но развѣ нельзя сблизиться съ этимъ домомъ, развѣ нельзя будетъ открыть ему глаза на его собственные интересы, развѣ нельзя будетъ побудить его возвратить Галицію, обезпечивъ ему иное вознагражденіе при заключеніи всеобщаго міра? Наконецъ, и всѣ истинные русскіе патріоты, понимающіе настоящіе интересы Россіи, свободные отъ предразсудковъ и ненависти, должны усмотрѣть въ возстановленіи Польши могущественное средство для славнаго окончанія этой войны и предупрежденія будущихъ войнъ. Русскіе помѣщики, потерявшіе въ послѣднее время богатыя имѣнія въ бывшихъ польскихъ провинціяхъ, должны быть лично заинтересованы въ возстановленіи Польши [2]).

„Наконецъ этотъ актъ долженъ показать всѣмъ тѣмъ, которые полагаютъ, что Ваше Величество способны купить миръ цѣною новыхъ жертвъ [3]), что Вы заняты въ настоящее время такимъ проектомъ, который долженствуетъ увѣнчать Вашу славу, расширить предѣлы Вашей имперіи и навсегда обезпечить безопасность и спокойствіе Вашихъ подданныхъ".

государя продолжать борьбу съ Наполеономъ до конца, и пожаръ Москвы былъ для нихъ лучшимъ ручательствомъ, нежели возстановленіе Польши.

[1]) Торговые интересы Англіи были ровно ни при чемъ при возстановленіи Польши. Эта фраза имѣла-бы смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если-бы Александръ намѣревался дать англичанамъ право безпошлинной торговли въ Польшѣ. Въ дѣйствительности, какъ оказалось это на Вѣнскомъ конгрессѣ, Англія была противъ возстановленія Польскаго королевства подъ властью русскаго императора.

[2]) Интересы этихъ помѣщиковъ не имѣли ровно ничего общаго съ возстановленіемъ Польши. Они должны были получить обратно свои имѣнія и безъ того, тотчасъ-же послѣ занятія нашими войсками западнаго края.

[3]) Число людей, думавшихъ такимъ образомъ, не могло быть особенно велико осенью 1812 года, и Александру не было ни малѣйшей надобности заботиться о ихъ скорѣйшемъ разубѣжденіи.

Графъ не удовольствовался и этимъ посланіемъ къ императору. Полагая, что надо ковать желѣзо, пока оно горячо, и очевидно считая императора Александра способнымъ заявить теперь-же передъ лицомъ всего свѣта о своихъ безграничныхъ симпатіяхъ къ полякамъ, онъ составилъ и письмо императора къ князю Кутузову и отправилъ его къ государю. Письмо это показываетъ ясно, до какой степени считали Огинскій съ компаніею русскаго государя своимъ орудіемъ, обреченнымъ служить польскимъ національнымъ цѣлямъ.

„Когда вы вступите въ Польшу“ [1]), заставляетъ Огинскій говорить императора Александра въ этомъ письмѣ [2]), „то скажите полякамъ, что я всегда умѣлъ цѣнить ихъ храбрость, ихъ любовь и вѣрность отечеству и государю. Скажите имъ, что я твердо намѣренъ возстановить королевство Польское и провозгласить себя королемъ польскимъ, какъ только войска мои очистятъ страну отъ непріятеля. Скажите имъ, что соединенные навсегда съ Россіею мною и моими преемниками, они сохранятъ вѣру своихъ отцевъ, отдѣльное управленіе и національные законы, основанные на столь дорогой для нихъ конституціи 3-го мая 1791 года. Скажите имъ, наконецъ, что добродѣтельный энтузіазмъ, одушевлявшій ихъ и заставлявшій желать возстановленія отечества, могъ только возвысить мое уваженіе къ нимъ, что я далекъ отъ всякой мысли порицать или преслѣдовать ихъ за прошлое и что я буду довѣрять преимущественно тѣмъ изъ нихъ, кои, одушевленные чистѣйшимъ гражданскимъ духомъ, дали наибольшія

---

[1]) И изъ этого любопытнаго документа мы приводимъ лишь отдѣльныя мѣста. Подлинный текстъ см. въ мемуарахъ Огинскаго (Т. III, стр. 178 — 182), переводъ „въ Русскомъ Архивѣ“ за 1874 г. кн. I, стр. 692—695.

[2]) Письмо начинается громкими фразами объ отступленіи Наполеоновыхъ полчищъ. „Но недостаточно, говорится въ немъ далѣе, что Наполеонъ отступаетъ за наши границы; необходимо отнять у его ненасытнаго честолюбія всякую возможность нарушать и впредь наше спокойствіе. Надо подать руку государямъ, силою принужденнымъ слѣдовать его повелѣніямъ. Надо освободить націи, порабощенныя имъ. Надо открыть глаза слабымъ, ослѣпленнымъ его счастіемъ и разсѣять призракъ его непобѣдимости“. И т. д. въ томъ-же родѣ.

доказательства своей преданности и привязанности къ отечеству“ [1]).

Но едва-ли не любопытнѣе всего заключеніе письма. Вотъ какимъ образомъ долженъ былъ опредѣлять въ немъ русскій главнокомандующій результаты и плоды гигантской борьбы русскаго народа за свое самобытное существованіе и вѣру отцевъ: „Соединеніе двѣнадцати милліоновъ людей, жаждущихъ возстановленія отечества, подъ однимъ знаменемъ, возвращеніе потеряннаго ими 16 лѣтъ тому назадъ политическаго строя, соединеніе королевства Польскаго съ Россійскою имперіею, сочетаніе двухъ храбрыхъ націй, гордящихся одинаковымъ происхожденіемъ, неразрывными узами братства и взаимной защиты,—таковы должны быть славные результаты вашихъ побѣдъ въ странѣ, существованіе которой столь необходимо для нашей славы и для интересовъ нашей имперіи“ [2]).

Краснорѣчивое посланіе къ фельдмаршалу Кутузову, казалось, однакоже, еще недостаточнымъ пылкому польскому патріоту. Надо, думалъ онъ, связать какъ можно скорѣе великодушнаго, но недальновиднаго русскаго государя еще болѣе офиціальными и торжественными заявленіями и обѣщаніями. Пусть письмо къ главнокомандующему русскими арміями подготовитъ лишь умы къ манифесту, исходящему непосредственно отъ Самодержца Всероссійскаго. Пусть Александръ обратится въ этомъ манифестѣ съ такими словами къ полякамъ [3]):

---

[1]) Другими словами, русскій императоръ долженъ довѣрять преимущественно тѣмъ полякамъ, которые, изъ любви къ ойчизнѣ, являлись самыми злыми врагами Россіи и ярыми сторонниками Наполеона. Наглость, по истинѣ небывалая въ исторіи!

[2]) Графъ не счелъ, разумѣется, нужнымъ объяснять, почему самостоятельное существованіе Польши было такъ необходимо для славы и для интересовъ Россіи.

[3]) Мы приводимъ только послѣднюю часть манифеста. Не менѣе курьезна, впрочемъ, и первая часть. Въ ней императоръ напоминаетъ полякамъ о своихъ всегдашнихъ симпатіяхъ къ ихъ націи, о своихъ заботахъ о ихъ языкѣ, законахъ и правахъ, и говоритъ о своемъ исконномъ твердомъ намѣреніи возстановить Польшу. Если императоръ не могъ исполнить до сихъ поръ этого плана, то виною этому былъ Наполеонъ. Затѣмъ Огинскій заставляетъ русскаго императора утверждать, что поляки сражались неохотно за Наполеона въ Испаніи.

„Свершилось! Богъ благословилъ наше оружіе! Храбрая русская нація доказала свое мужество. Посягательство непріятеля оказалось безуспѣшнымъ. Возстановленіе Польши должно быть однимъ изъ великихъ результатовъ войны. Его требуетъ интересъ имперіи, отъ него зависитъ счастіе двѣнадцати милліоновъ людей! Поляки! какъ глава націи, которая, подобно вамъ, ведетъ свою родословную отъ храбрыхъ славянъ,—націи, которая поклялась бороться до послѣдней капли крови за неприкосновенность своихъ границъ, за свою независимость и славу, во главѣ арміи, извѣстной своей храбростью, рѣшимостью и геройскою преданностью;—связанный интересами и дружбою съ Великобританіею, Швеціею, Испаніею, Португаліею, Турціею, одушевляемый желаніемъ обезпечить вашу судьбу и навсегда предохранить Россію отъ нападеній, подобныхъ теперешнему, создавая изъ Польши важнѣйшій оплотъ для имперіи, объявляю передъ лицомъ неба и земли, что я возобновлю и возстановлю королевство Польшу, понимая подъ этимъ именемъ всѣ польскія воеводства и области, доставшіяся по тремъ раздѣламъ 1772, 1793 и 1796 г.г. Россіи, а равно округа Бѣлостокскій и Тарнопольскій и все герцогство Варшавское. Возлагая на мою главу корону Польши, отдѣльную по праву господства, но соединенную моимъ лицомъ съ Русскою имперіею, я принимаю эту корону для меня и для моихъ потомковъ. Я смотрю на конституцію 3 мая 1791 г., какъ на основной законъ польской націи, я буду властвовать, управлять вами и заботиться объ утвержденіи вашего благосостоянія, примѣняясь къ ея положеніямъ. До заключенія мира, или по крайней мѣрѣ, до окончательнаго изгнанія непріятеля изъ предѣловъ цар-

Поляки увлекались и ошибались, но они руководились самыми благородными побужденіями. „Я далекъ отъ мысли осуждать ваше воодушевленіе; я воздаю ему должную справедливость и умѣю цѣнить его. Куда-бы ни влекла васъ судьба, надежда возстановить ваше отечество одушевляетъ васъ и направляетъ ваши шаги. Для достиженія этой цѣли жертвовали вы достояніемъ, кровью, жизнью. Эта стойкость, это постоянство, съ которыми вы охраняли вашъ національный духъ, пріобрѣли вамъ всеобщее уваженіе и навсегда привлекли меня къ вамъ". См. текстъ манифеста въ мемуарахъ Огинскаго (Т. III, стр. 183—187), переводъ въ „Русскомъ Архивѣ" за 1874 г. ч. I, стр. 695—699.

ваетъ сомнѣнія въ возможности слишкомъ скорой и рѣшительной побѣды надъ Наполеономъ. Онъ полагаетъ, что Наполеонъ успѣетъ пробиться или въ южныя провинціи— въ Украину, Подолію и Волынію, или-же въ Литву, гдѣ онъ присоединитъ къ себѣ войска Виктора, Сенъ-Сира и Макдональда. И въ томъ и въ другомъ случаѣ поляки могутъ пріобрѣсти, по мнѣнію графа, громадное, чуть не рѣшающее вліяніе на дальнѣйшій ходъ войны. Наполеонъ найдетъ въ польскихъ областяхъ, если только жители отнесутся къ нему сочувственно, не только хорошія зимнія квартиры и матеріальныя средства для продолженія войны, но можетъ организовать противъ Россіи, съ помощью поляковъ, чрезвычайно опасную партизанскую войну. Поляки показали и во время Барской конфедераціи, и во время послѣдняго возстанія въ 1794 г., насколько они искусны и страшны въ подобнаго родѣ войнѣ. Нельзя пренебрегать такою выгодною для Наполеона возможностью, необходимо во-время принять противъ нея рѣшительныя мѣры. Въ чемъ-же должны заключаться эти мѣры? Необходимо во что-бы то ни стало привлечь на свою сторону симпатіи поляковъ. „И вообще почему-же не дать благородной націи, возлагающей всѣ свои надежды на Ваше Императорское Величество, хотя какое-нибудь утѣшеніе? [1]) Почему не поставить ее въ извѣстность о Вашихъ благосклонныхъ намѣреніяхъ, Государь? Почему не утвердить ее въ ея надеждахъ?“ Всего лучше было-бы, по мнѣнію графа, если-бы императоръ провозгласилъ себя безъ дальнѣйшихъ околичностей королемъ польскимъ [2]), или если-бы онъ заявилъ объ этомъ своемъ намѣреніи въ письмѣ къ князю Кутузову, которое должно быть, разумѣется, обнародовано. Подобное заявленіе имѣло-бы, по мнѣнію графа, магическое

---

[1]) Буквально: „Die von Ew. Kaiserlichen Majestät alles erwartet“. Сочиняя эту фразу, графъ вѣроятно забылъ, что земляки его ожидали въ этотъ моментъ всѣхъ благъ отъ одного Наполеона.

[2]) „Вашему Императорскому Величеству подобаетъ извлечь пользу изъ войны, утвердивъ политическую систему Европы и предначертавъ границы имперіи, кои сдѣлаются неприступными съ той поры, какъ Польша будетъ служить имъ валомъ и укрѣпленіемъ“. M. Oginski's Denkwürdigkeiten. Т. III, стр. 173—174.

дѣйствіе. „Съ какимъ одушевленіемъ сражались-бы поляки, служащіе въ арміяхъ Вашего Величества, за государя, который возвратилъ имъ ихъ отчизну! Съ какимъ рвеніемъ поспѣшили-бы подъ Ваши знамена тысячи другихъ! Съ какимъ энтузіазмомъ принята была-бы эта вѣсть во всѣхъ польскихъ провинціяхъ, не занятыхъ непріятелемъ? Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали-бы поляки въ Литвѣ и въ герцоргствѣ Варшавскомъ возвращенія Вашихъ армій! Повсемѣстно поляки оставили-бы того, кто возбуждалъ въ нихъ лишь тщетныя надежды и поспѣшили-бы броситься къ ногамъ истиннаго благодѣтеля и возстановителя Польши. И если польскіе солдаты не дезертировали-бы изъ армій Наполеона, (ибо они неспособны безчестить себя и пятнать національный характеръ) [1]), то во всякомъ случаѣ ихъ сопротивленіе ослабѣло-бы, ихъ воодушевленіе угасло-бы и они ждали-бы лишь удобнаго случая, чтобы покинуть службу и возвратиться въ отечество“.

Графъ убѣжденъ, между прочимъ, что проектъ возстановленія Польши будетъ безусловно одобренъ каждымъ просвѣщеннымъ министромъ, всякимъ разумнымъ и мыслящимъ человѣкомъ [2]). Союзники Россіи станутъ помогать ей съ удвоеннымъ рвеніемъ, такъ какъ рѣшительный шагъ провозглашенія императора русскаго польскимъ королемъ, докажетъ имъ, что Россія не намѣрена отступать и передъ самыми энергическими средствами для продолженія войны съ Наполеономъ [3]). Англія одобритъ возстановленіе Польши

---

[1]) Честь и національный характеръ нисколько не мѣшали полякамъ дезертировать изъ русской арміи, или служить шпіонами у Наполеона.

[2]) Любопытно, что графъ противопоставляетъ этимъ мудрымъ министрамъ и мыслящимъ людямъ—Петербургскую публику, которая не можетъ одобрить и понять его плановъ вслѣдствіе своего легкомыслія. Не мѣшало-ли, замѣтимъ мы съ своей стороны, этому пониманію и то обстоятельство, что Петербургское общество было все-таки общество русское?

[3]) Кого понимаетъ графъ подъ этими союзниками Россіи? Если только Швецію и Испанію, то не говоря уже о томъ, что эти союзники не имѣли особеннаго значенія для Россіи, у нихъ не было ни малѣйшей причины удвоивать своего рвенія, вслѣдствіе провозглашенія Александра королемъ польскимъ. Швеція и Испанія и безъ того не сомнѣвались въ твердомъ намѣреніи русскаго

уже потому, что усмотритъ въ немъ для себя важныя торговыя выгоды [1]). Вся Европа, страдающая теперь подъ игомъ Наполеона и боящаяся въ тоже время подпасть подъ иго торжествующей Россіи, посмотритъ съ удовольствіемъ на возстановленіе Польши, какъ на преграду, воздвигаемую между Россіею и остальнымъ материкомъ. Лишь одинъ Австрійскій домъ можетъ быть обезпокоенъ чрезвычайнымъ усиленіемъ Россіи вслѣдствіе возстановленія Польши; но развѣ нельзя сблизиться съ этимъ домомъ, развѣ нельзя будетъ открыть ему глаза на его собственные интересы, развѣ нельзя будетъ побудить его возвратить Галицію, обезпечивъ ему иное вознагражденіе при заключеніи всеобщаго міра? Наконецъ, и всѣ истинные русскіе патріоты, понимающіе настоящіе интересы Россіи, свободные отъ предразсудковъ и ненависти, должны усмотрѣть въ возстановленіи Польши могущественное средство для славнаго окончанія этой войны и предупрежденія будущихъ войнъ. Русскіе помѣщики, потерявшіе въ послѣднее время богатыя имѣнія въ бывшихъ польскихъ провинціяхъ, должны быть лично заинтересованы въ возстановленіи Польши [2]).

„Наконецъ этотъ актъ долженъ показать всѣмъ тѣмъ, которые полагаютъ, что Ваше Величество способны купить миръ цѣною новыхъ жертвъ [3]), что Вы заняты въ настоящее время такимъ проектомъ, который долженствуетъ увѣнчать Вашу славу, расширить предѣлы Вашей имперіи и навсегда обезпечить безопасность и спокойствіе Вашихъ подданныхъ".

государя продолжать борьбу съ Наполеономъ до конца, и пожаръ Москвы былъ для нихъ лучшимъ ручательствомъ, нежели возстановленіе Польши.

[1]) Торговые интересы Англіи были ровно ни при чемъ при возстановленіи Польши. Эта фраза имѣла-бы смыслъ лишь въ томъ случаѣ, если-бы Александръ намѣревался дать англичанамъ право безпошлинной торговли въ Польшѣ. Въ дѣйствительности, какъ оказалось это на Вѣнскомъ конгрессѣ, Англія была противъ возстановленія Польскаго королевства подъ властью русскаго императора.

[2]) Интересы этихъ помѣщиковъ не имѣли ровно ничего общаго съ возстановленіемъ Польши. Они должны были получить обратно свои имѣнія и безъ того, тотчасъ-же послѣ занятія нашими войсками западнаго края.

[3]) Число людей, думавшихъ такимъ образомъ, не могло быть особенно велико осенью 1812 года, и Александру не было ни малѣйшей надобности заботиться о нихъ скорѣйшемъ разубѣжденіи.

Графъ не удовольствовался и этимъ посланіемъ къ императору. Полагая, что надо ковать желѣзо, пока оно горячо, и очевидно считая императора Александра способнымъ заявить теперь-же передъ лицомъ всего свѣта о своихъ безграничныхъ симпатіяхъ къ полякамъ, онъ составилъ и письмо императора къ князю Кутузову и отправилъ его къ государю. Письмо это показываетъ ясно, до какой степени считали Огинскій съ компаніею русскаго государя своимъ орудіемъ, обреченнымъ служить польскимъ національнымъ цѣлямъ.

„Когда вы вступите въ Польшу" [1]), заставляетъ Огинскій говорить императора Александра въ этомъ письмѣ [2]), „то скажите полякамъ, что я всегда умѣлъ цѣнить ихъ храбрость, ихъ любовь и вѣрность отечеству и государю. Скажите имъ, что я твердо намѣренъ возстановить королевство Польское и провозгласить себя королемъ польскимъ, какъ только войска мои очистятъ страну отъ непріятеля. Скажите имъ, что соединенные навсегда съ Россіею мною и моими преемниками, они сохранятъ вѣру своихъ отцевъ, отдѣльное управленіе и національные законы, основанные на столь дорогой для нихъ конституціи 3-го мая 1791 года. Скажите имъ, наконецъ, что добродѣтельный энтузіазмъ, одушевлявшій ихъ и заставлявшій желать возстановленія отечества, могъ только возвысить мое уваженіе къ нимъ, что я далекъ отъ всякой мысли порицать или преслѣдовать ихъ за прошлое и что я буду довѣрять преимущественно тѣмъ изъ нихъ, кои, одушевленные чистѣйшимъ гражданскимъ духомъ, дали наибольшія

[1]) И изъ этого любопытнаго документа мы приводимъ лишь отдѣльныя мѣста. Подлинный текстъ см. въ мемуарахъ Огинскаго (Т. III, стр. 178 — 182), переводъ „въ Русскомъ Архивѣ" за 1874 г. кн. I, стр. 692—695.

[2]) Письмо начинается громкими фразами объ отступленіи Наполеоновыхъ полчищъ. „Но недостаточно, говорится въ немъ далѣе, что Наполеонъ отступаетъ за наши границы; необходимо отнять у его ненасытнаго честолюбія всякую возможность нарушать и впредь наше спокойствіе. Надо подать руку государямъ, силою принужденнымъ слѣдовать его повелѣніямъ. Надо освободить націи, порабощенныя имъ. Надо открыть глаза слабымъ, ослѣпленнымъ его счастіемъ и разсѣять призракъ его непобѣдимости". И т. д. въ томъ-же родѣ.

доказательства своей преданности и привязанности къ отечеству" [1]).

Но едва-ли не любопытнѣе всего заключеніе письма. Вотъ какимъ образомъ долженъ былъ опредѣлять въ немъ русскій главнокомандующій результаты и плоды гигантской борьбы русскаго народа за свое самобытное существованіе и вѣру отцевъ: „Соединеніе двѣнадцати милліоновъ людей, жаждущихъ возстановленія отечества, подъ однимъ знаменемъ, возвращеніе потеряннаго ими 16 лѣтъ тому назадъ политическаго строя, соединеніе королевства Польскаго съ Россійскою имперіею, сочетаніе двухъ храбрыхъ націй, гордящихся одинаковымъ происхожденіемъ, неразрывными узами братства и взаимной защиты,—таковы должны быть славные результаты вашихъ побѣдъ въ странѣ, существованіе которой столь необходимо для нашей славы и для интересовъ нашей имперіи" [2]).

Краснорѣчивое посланіе къ фельдмаршалу Кутузову, казалось, однакоже, еще недостаточнымъ пылкому польскому патріоту. Надо, думалъ онъ, связать какъ можно скорѣе великодушнаго, но недальновиднаго русскаго государя еще болѣе офиціальными и торжественными заявленіями и обѣщаніями. Пусть письмо къ главнокомандующему русскими арміями подготовитъ лишь умы къ манифесту, исходящему непосредственно отъ Самодержца Всероссійскаго. Пусть Александръ обратится въ этомъ манифестѣ съ такими словами къ полякамъ [3]):

---

[1]) Другими словами, русскій императоръ долженъ довѣрять преимущественно тѣмъ полякамъ, которые, изъ любви къ отчизнѣ, являлись самыми злыми врагами Россіи и ярыми сторонниками Наполеона. Наглость, по истинѣ небывалая въ исторіи!

[2]) Графъ не счелъ, разумѣется, нужнымъ объяснять, почему самостоятельное существованіе Польши было такъ необходимо для славы и для интересовъ Россіи.

[3]) Мы приводимъ только послѣднюю часть манифеста. Не менѣе курьезна, впрочемъ, и первая часть. Въ ней императоръ напоминаетъ полякамъ о своихъ всегдашнихъ симпатіяхъ къ ихъ націи, о своихъ заботахъ о ихъ языкѣ, законахъ и правахъ, и говоритъ о своемъ исконномъ твердомъ намѣреніи возстановить Польшу. Если императоръ не могъ исполнить до сихъ поръ этого плана, то виною этому былъ Наполеонъ. Затѣмъ Огинскій заставляетъ русскаго императора утверждать, что поляки сражались неохотно за Наполеона въ Испаніи.

„Свершилось! Богъ благословилъ наше оружіе! Храбрая русская нація доказала свое мужество. Посягательство непріятеля оказалось безуспѣшнымъ. Возстановленіе Польши должно быть однимъ изъ великихъ результатовъ войны. Его требуетъ интересъ имперіи, отъ него зависитъ счастіе двѣнадцати милліоновъ людей! Поляки! какъ глава націи, которая, подобно вамъ, ведетъ свою родословную отъ храбрыхъ славянъ,—націи, которая поклялась бороться до послѣдней капли крови за неприкосновенность своихъ границъ, за свою независимость и славу, во главѣ арміи, извѣстной своей храбростью, рѣшимостью и геройскою преданностью;—связанный интересами и дружбою съ Великобританіею, Швеціею, Испаніею, Португаліею, Турціею, одушевляемый желаніемъ обезпечить вашу судьбу и навсегда предохранить Россію отъ нападеній, подобныхъ теперешнему, создавая изъ Польши важнѣйшій оплотъ для имперіи, объявляю передъ лицомъ неба и земли, что я возобновлю и возстановлю королевство Польшу, понимая подъ этимъ именемъ всѣ польскія воеводства и области, доставшіяся по тремъ раздѣламъ 1772, 1793 и 1796 г.г. Россіи, а равно округа Бѣлостокскій и Тарнопольскій и все герцогство Варшавское. Возлагая на мою главу корону Польши, отдѣльную по праву господства, но соединенную моимъ лицомъ съ Русскою имперіею, я принимаю эту корону для меня и для моихъ потомковъ. Я смотрю на конституцію 3 мая 1791 г., какъ на основной законъ польской націи, я буду властвовать, управлять вами и заботиться объ утвержденіи вашего благосостоянія, примѣняясь къ ея положеніямъ. До заключенія мира, или по крайней мѣрѣ, до окончательнаго изгнанія непріятеля изъ предѣловъ цар-

---

Поляки увлекались и ошибались, но они руководились самыми благородными побужденіями. „Я далекъ отъ мысли осуждать ваше воодушевленіе; я воздаю ему должную справедливость и умѣю цѣнить его. Куда-бы ни влекла васъ судьба, надежда возстановить ваше отечество одушевляетъ васъ и направляетъ ваши шаги. Для достиженія этой цѣли жертвовали вы достояніемъ, кровью, жизнью. Эта стойкость, это постоянство, съ которыми вы охраняли вашъ національный духъ, пріобрѣли вамъ всеобщее уважсніе и навсегда привлекли меня къ вамъ". См. текстъ манифеста въ мемуарахъ Огинскаго (Т. III, стр. 183—187), переводъ въ „Русскомъ Архивѣ" за 1874 г. ч. I, стр. 695—699.

ства Польскаго, составлено будетъ изъ поляковъ особое временное правительство".

Затѣмъ слѣдуетъ объявленіе всеобщей амнистіи ¹), обѣщаніе вознаградить жителей Польши за всѣ убытки и потери, которые могутъ быть причинены имъ русскими войсками во время прохода ихъ черезъ Польшу, или пребыванія въ оной, и торжественное заявленіе, что императоръ не положитъ оружія до тѣхъ поръ, пока Россіи не будетъ обезпечена независимость ея правительства и свобода торговли, а мнѣ самому и вамъ, поляки, возстановленіе королевства Польскаго съ національнымъ и конституціоннымъ правительствомъ".

Закончивъ это замѣчательное произведеніе и превративъ съ истинно польскою наглостью русскаго самодержавнаго царя въ конституціоннаго польскаго короля, графъ Огинскій отправилъ всѣ состряпанныя имъ бумаги къ государю и въ теченіи нѣсколькихъ дней съ нетерпѣніемъ ожидалъ новаго призыва во дворецъ. Прошло, однако-же, нѣсколько дней, а графа все не приглашали. Безпокойство начало овладѣвать душою польскаго патріота. Не поддался-ли государь какому-нибудь иному вліянію? не показались-ли ему проекты прокламацій уже черезъ-чуръ польскими и не совсѣмъ удобными для подписи русскаго императора? Эти мысли видимо безпокоили Огинскаго, хотя онъ и умалчиваетъ объ нихъ въ своихъ мемуарахъ ²). У графа была и еще одна основательная причина тревожиться и сердиться. Окружающее его русское общество не скрывало своихъ антипатій къ полякамъ, своего негодованія на ихъ варварскіе поступки въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ Россіи. Между прочимъ, графу попался первый померъ новаго русскаго журнала „Сынъ Отечества".

¹) Здѣсь вновь повторяется, что особенно тѣ поляки имѣютъ право разсчитывать на благоволеніе и покровительство русскаго государя, кои показали себя добрыми и вѣрными дѣлу своего отечества поляками и предались Наполеону не изъ интереса или честолюбія. См. Oginski's Denkwürdigkeiten. T. III, стр. 187.

²) Графъ говоритъ только, что онъ былъ погруженъ въ глубокое раздумье о впечатлѣніи, которое могли произвести на Александра его сочиненія. Oginski's Denkwürdigkeiten. T. III, стр. 187.

„Я былъ непріятно пораженъ, говоритъ онъ, найдя въ концѣ этого нумера плохую солдатскую пѣсню, наполненную самыми оскорбительными выраженіями и нападками на поляковъ, угрозами наказать ихъ и отомстить имъ въ самой Варшавѣ“ [1]). Что-же сдѣлалъ благородный польскій графъ, этотъ ярый защитникъ конституціи, столь настойчиво требовавшій для Польши всевозможныхъ вольностей, въ томъ числѣ и безусловной свободы печатнаго слова, прочитавъ это въ сущности невинное и вполнѣ естественное стихотворное изліяніе русскаго патріота? Онъ преисполнился великимъ

---

[1]) Приводимъ подлинный текстъ этой пѣсенки; изъ него читатель легко убѣдится, что угрозы относятся вовсе не къ полякамъ, а къ французамъ. Поляки являются въ пѣснѣ лишь какъ историческое воспоминаніе, какъ memento mori для французовъ.

„Хоть Москва въ рукахъ французовъ—
Это, право, не бѣда:
Нашъ фельдмаршалъ князь Кутузовъ
Ихъ на смерть пустилъ туда.

* * *

Вспомнимъ, братцы, что поляки
Встарь бывали также въ ней;
Но не жирны кулебяки—
Ѣли кошекъ и мышей.

* * *

Напослѣдокъ мертвечину
Земляковъ пришлось имъ жрать;
А потомъ предъ русскимъ спину
Въ крюкъ по-польски изгибать.

* * *

Свѣту цѣлому извѣстно,
Какъ платили мы долги,
И теперь получатъ честно
За Москву платежъ враги.

* * *

Побывать въ столицѣ слава—
Но умѣемъ мы отмщать:
Знаетъ крѣпко то Варшава,
И Парижъ то будетъ знать“.

Авторъ пѣсни Ив. Ковавько. См. „Сынъ Отечества“ 1812 г. № 1.

гнѣвомъ и рѣшилъ требовать строгой, неумолимой кары за дерзкое покушеніе на безнаказанность великой польской націи. Очевидно, у графа были два совершенно различныхъ масштаба для поляковъ и для русскихъ... То, что онъ считалъ вполнѣ дозволеннымъ, естественнымъ и неизбѣжнымъ по отношенію къ первымъ, казалось ему рѣшительно непозволительнымъ, возмутительнымъ и преступнымъ по отношенію ко вторымъ. Графъ не сомнѣвался, что, точно также, какъ онъ, долженъ будетъ посмотрѣть на дѣло и императоръ Александръ. Не думая долго, онъ сѣлъ и настрочилъ на имя государя такое письмо: „Государь! Я понимаю, что ненависть, питаемая русскими къ французамъ, можетъ распространиться и на иностранныя войска, сражающіяся подъ знаменами Наполеона, и что поляки менѣе всего могутъ разсчитывать быть свободными отъ нея. Но, Государь, болѣе ста тысячъ поляковъ [1]) сражаются также въ рядахъ вашихъ армій за дѣло Россіи и многіе милліоны поляковъ не перестали быть вѣрноподданными Вашего Величества. Къ чему же послѣ этого оскорблять всю польскую націю и грозить ей жестокою местью, въ новомъ журналѣ, являющемся въ свѣтъ съ разрѣшенія правительства [2]). Стихи, напечатанные на послѣдней страницѣ этого листка, крайне неприличны, и я полагаю, что никогда не было такъ неполитично оскорблять поляковъ, какъ въ этотъ моментъ, когда дѣло идетъ не о возбужденіи старой ненависти между обѣими націями, а о ея окончательномъ погашеніи“ [3]).

---

[1]) Откуда взялъ гр. Огинскій эту невѣроятную цифру—сказать трудно. Вѣроятно, онъ причислилъ къ полякамъ всѣхъ литовцевъ, бѣлоруссовъ и малороссовъ.

[2]) Въ подлинникѣ сказано, „in dem neuen Journal, welches unter den Auspicien der Regierung erscheint“.

[3]) См. „Oginski's Denkwürdigkeiten. T. III, стр. 188. Любопытно, что г. А. Подвысоцкій, напечатавшій въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1874 г. статью подъ заглавіемъ: „Графъ Михаилъ Огинскій и его отношенія къ императору Александру Павловичу“, и помѣстившій въ ней всѣ письма и докладныя записки, поданныя Огинскимъ государю, счелъ почему-то нужнымъ пропустить наглую жалобу польскаго графа на русскую печать—и не упомянулъ ни однимъ словомъ этотъ характерный эпизодъ изъ исторіи польской интриги. Чѣмъ руководился авторъ

Отправляя свое письмо, графъ ни на минуту не сомнѣвался, что императоръ не только не прогнѣвается на него за его откровенность и смѣлость, но и распорядится дать строгій выговоръ какъ редакторамъ журнала, такъ и его цензорамъ, и онъ не совсѣмъ ошибся въ своихъ разсчетахъ. Императоръ Александръ придавалъ дѣйствительно въ этотъ моментъ большое значеніе польскимъ симпатіямъ, а его душа, полная самаго восторженнаго и широкаго религіознаго настроенія, неспособна была тогда одобрять какой бы то ни было ненависти или чувства мести. Уже черезъ день Огинскій потребованъ былъ въ дворецъ.

„1-го ноября, говоритъ онъ, никогда не изгладится изъ моей памяти. Я былъ убѣжденъ, что государь будетъ говорить со мною. Нетерпѣніе, съ которымъ ожидалъ я этой минуты, равнялось безпокойству и возбужденію, съ какими думалъ я о вѣроятномъ впечатлѣніи, произведенномъ моими проектами на императора. Насъ было всего десять за столомъ[1]), и я не замѣтилъ ни одного министра съ портфелемъ, который могъ-бы отвлечь отъ меня вниманіе государя. Надежды мои росли. Сначала дана была короткая аудіенція герцогу Ольденбургскому, затѣмъ позванъ былъ въ кабинетъ я и оставался въ немъ съ глазу на-глазъ съ государемъ въ теченіи двухъ часовъ“ [2]).

„Я получилъ оба ваши письма“, началъ императоръ: „въ одномъ изъ нихъ вы жалуетесь на одно мѣсто новаго русскаго журнала „Сынъ Отечества“. Вы совершенно правы. Я вполнѣ раздѣляю мнѣніе, что никогда не слѣдуетъ нападать на націю въ ея совокупности и что необходимо избѣгать всякаго возбужденія національной вражды. Я нахожу, что

при этомъ пропускѣ—неизвѣстно; быть можетъ, особеннымъ деликатнымъ чувствомъ по отношенію къ шляхетской націи, примиренія съ которою добиваются такъ настойчиво нѣкоторые изъ нашихъ соотечественниковъ.

[1]) Такъ въ подлинникѣ. Вѣроятно—въ пріемной.

[2]) Огинскій придавалъ такое значеніе бесѣдѣ, происходившей въ этотъ день между нимъ и государемъ, что, возвратившись домой, тотчасъ же занесъ на бумагу все содержаніе разговора и записалъ, по возможности, буквально слова и выраженія Александра. См. Oginski's Denkwürdigkeiten, T. III., стр. 189.

статья, указанная вами, крайне неприлична, и я распорядился, чтобы ничего подобнаго не случилось впередъ".

„Что касается до вашего втораго письма и до приложенныхъ къ нему проектовъ письма къ князю Кутузову и прокламаціи къ полякамъ, то я прочелъ ихъ съ большимъ вниманіемъ и сочувствіемъ. Ваши замѣчанія совершенно вѣрны. Я раздѣляю ваше мнѣніе, что мы будемъ дѣйствовать отнынѣ успѣшно и принудимъ непріятеля очистить наши границы. Наполеонъ сдѣлалъ ошибки и мы извлечемъ изъ нихъ пользу. Провидѣніе прежде всего, а затѣмъ суровый климатъ, храбрость моихъ войскъ, любовь къ отечеству и энергическія усилія націи, доставятъ намъ торжество. Но я согласенъ съ вами и въ томъ, что мы не должны измѣрять наши успѣхи и неудачи непріятеля масштабомъ Петербургской публики. Я не раздѣляю заблужденій тѣхъ лицъ, которыя полагаютъ, что намъ нечего опасаться чего-либо, такъ какъ Наполеонъ очистилъ Москву. Нельзя забывать неизмѣримыхъ средствъ, которыя находятся въ его распоряженіи, выдающихся талантовъ его генераловъ, неустрашимости его солдатъ, воспитанныхъ для войны въ стольких славныхъ походахъ. Провидѣніе пришло къ намъ на помощь. Результаты этого похода не заставятъ желать ничего лучшаго. Но и съ нашей стороны было сдѣлано не мало ошибокъ".

Сказавъ затѣмъ нѣсколько словъ объ этихъ ошибкахъ [1]), императоръ продолжалъ такимъ образомъ: „Вы знаете лучше кого-либо другаго мои благосклонныя намѣренія по отношенію къ полякамъ. Ваши земляки пострадали не мало въ этой войнѣ. Я желалъ-бы заставить ихъ забыть тѣ многоразличныя несчастія, которымъ подвергались они въ теченіи

---

[1]) „Тутъ императоръ указалъ мнѣ на главнѣйшія изъ этихъ ошибокъ. Онѣ были для меня совершенно неизвѣстны; ибо въ Петербургѣ ближайшія обстоятельства военныхъ операцій оставались неизвѣстными и всѣ судили о причинахъ отступленія русской арміи и о необходимости отдать нѣсколько провинцій имперіи на жертву опустошенію, лишь на основаніи однихъ слуховъ. Все, что услышалъ я теперь изъ устъ Александра, было для меня столь же ново, какъ и интересно. Онъ обнаружилъ передо мною весь объемъ своихъ военныхъ свѣдѣній, онъ объяснилъ мнѣ планы, которымъ онъ былъ намѣренъ слѣдовать въ этой кампаніи, сопровождалъ все это такими вѣрными замѣчаніями и обна-

столь долгаго времени. Я никогда не упускалъ изъ виду плана возстановленія Польши. Я поручилъ вамъ составить прокламацію къ полякамъ, но не находите - ли вы, что издать теперь же эту прокламацію, или написать письмо къ князю Кутузову, которое, разумѣется, будетъ тотчасъ же опубликовано,—сопряжено съ нѣкоторыми неудобствами? Не полагаете ли вы, что моментъ для такого шага еще не наступилъ, что поспѣшность можетъ помѣшать намъ въ данномъ случаѣ достигнуть предначертанной цѣли? Не покажется-ли неумѣстнымъ хвастовствомъ, если я провозглашу себя польскимъ королемъ въ тотъ моментъ, когда Наполеонъ стоитъ съ своими арміями въ окрестностяхъ Калуги; не подумаютъ-ли поляки, что, стѣсненный обстоятельствами, я боюсь и заискиваю ихъ изъ политическихъ разсчетовъ? Съ другой стороны, если и найдутся поляки, въ чемъ я убѣжденъ, которые преданы мнѣ и не желаютъ видѣть кого-либо иного, кромѣ меня на польскомъ престолѣ, то не компрометируютъ-ли они себя выраженіемъ своего образа мыслей и не сдѣлаются-ли несчастными жертвами преслѣдованій Наполеона во время его отступленія черезъ Польшу. Я не говорю вамъ, что я измѣняю мое намѣреніе, что я отказываюсь отъ возстановленія Польши, но я спрашиваю васъ: основательны или нѣтъ мои замѣчанія?“

„Послѣ всего, что случилось, не можетъ быть и рѣчи о примиреніи между мною и Наполеономъ. Эта война не можетъ кончиться такъ скоро. Одинъ изъ насъ долженъ пасть, онъ или я... Когда я доведу его до края гибели, до невозможности вредить полякамъ, тогда я возстановлю Польшу... Я возстановлю ее, такъ какъ это согласуется и съ моимъ

ружилъ при этомъ такую рѣдкую у государей скромность, что я долженъ былъ воздать ему на этотъ разъ еще больше удивленіе, нежели послѣ всѣхъ нашихъ прежнихъ бесѣдъ. Кто часто бывалъ у императора и слышалъ его разговоры о предметахъ высочайшей важности, не найдетъ въ этомъ ничего изумительнаго. Какъ часто слышалъ я отъ иноземцевъ всѣхъ странъ, отъ ученыхъ, государственныхъ людей, выдающихся военныхъ—заявленія, что они никогда не встрѣчали государя, который соединялъ бы въ себѣ очаровательную прелесть краснорѣчія съ талантомъ внушать довѣріе и высокое представленіе о своихъ занятіяхъ во всѣхъ отрасляхъ“. M. Oginski's Denkwürdigkeiten. T. III, стр. 191.

убѣжденіемъ, и съ моимъ искреннѣйшимъ чувствомъ, и даже съ интересами моей имперіи. Я знаю, что я встрѣчу при исполненіи моего плана не мало затрудненій и препятствій, но если я останусь живъ, то я осуществлю его".

Слова государя исполнили графа самыми восторженными надеждами. Всякое сомнѣніе въ искренности намѣреній Александра исчезло въ немъ окончательно [1]), но вмѣстѣ съ тѣмъ возросли непомѣрно его назойливость и требовательность. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что императоръ обязанъ прощать полякамъ все, не исключая и самой явной, тяжкой измѣны; на самого-же себя онъ началъ смотрѣть, какъ на естественнаго защитника и ходатая за тѣхъ изъ своихъ земляковъ, которые не задумались при первомъ-же удобномъ случаѣ нарушить свою присягу и перейти на сторону Наполеона. 21-го ноября 1812 г. графъ узналъ, что Витгенштейнъ, занявъ Витебскъ, приказалъ арестовать графа Борха, пана Щита и нѣсколько польскихъ чиновниковъ и что всѣ эти господа препровождаются въ Петрозаводскъ. Огинскій зналъ отлично, что всѣ эти лица скомпрометировали себя самымъ тяжелымъ образомъ, что они первые привѣтствовали Наполеона при его вступленіи въ Витебскъ въ качествѣ депутатовъ отъ всего польскаго населенія, но онъ смотрѣлъ на ихъ вину, какъ на самую ничтожную и отважился выступить за нихъ ходатаемъ передъ государемъ.

Огинскій писалъ императору: „Государь! Вашему Императорскому Величеству извѣстно, безъ сомнѣнія, все, что случилось при вступленіи французскихъ войскъ въ Витебскъ; тѣмъ не менѣе я считаю своимъ долгомъ донести вамъ все,

---

[1]) „Легко себѣ представить, какъ глубоко должны были тронуть меня эти послѣднія слова императора. Теперь, сказалъ я самому себѣ, никто не можетъ обвинять меня, что я позволилъ убаюкать себя пустыми обѣщаніями, что я легко повѣрилъ тому, чего желалъ. Могъ-ли я, дѣйствительно, сомнѣваться и теперь въ намѣреніяхъ Александра? Не долженъ-ли я былъ отнестись съ слѣпымъ довѣріемъ къ точно высказанному заявленію государя, честность и сердечная доброта котораго стояли внѣ всякихъ сомнѣній? Къ чему сталъ-бы онъ говорить мнѣ вещи, которымъ не придавалъ самъ серьезнаго значенія. Къ чему сталъ-бы онъ сообщать свои идеи одному изъ подданныхъ, и притомъ соблюдать еще извѣстную политику?" M. Oginski's Denkwürdigkeiten. T. 3, стр. 193.

что удалось узнать мнѣ объ этомъ предметѣ. Непріятель не принуждалъ никого къ присягѣ, но онъ потребовалъ отъ жителей, оставшихся въ городѣ, исполненія различныхъ обязанностей. Тѣ, которые не оставили своихъ жилищъ, такъ какъ не имѣли на это ни времени, ни возможности, надѣялись предупредить своимъ присутствіемъ то несчастіе, которое могло постигнуть городъ, если-бы французы нашли его оставленнымъ. Они порѣшили отправить депутацію на встрѣчу Наполеону, но имъ было объявлено отъ его имени, что онъ не приметъ въ качествѣ депутатовъ такихъ лицъ, которыя не присоединились къ Варшавской конфедераціи. Возвращеніе русскихъ армій въ Витебскъ положило конецъ тѣмъ страданіямъ, которымъ подвергались жители города и его окрестностей. Ваше сострадапіе, Государь, заставитъ чиновниковъ этой губерніи, изъ которыхъ навѣрное ни одинъ не дѣйствовалъ съ обдуманнымъ намѣреніемъ противъ Вашего Величества, вступая на службу къ непріятелю, ибо всѣ они были захвачены въ расплохъ и не успѣли оставить города, вслѣдствіе неожиданнаго отступленія русскихъ войскъ, —забыть все горе и четырехъ-мѣсячныя страданія, причиненныя имъ войною. Не сомнѣваюсь, что защита Вашего Императорскаго Величества послужитъ покровомъ для тѣхъ изъ чиновниковъ, ошибки которыхъ выставлены доносами въ самомъ тяжеломъ видѣ. Бросаюсь къ погамъ вашимъ, Государь, не ради участи отдѣльныхъ лицъ, а для того, чтобы умолять Васъ о прощеніи и амнистіи всѣмъ тѣмъ моимъ землякамъ, которые провинились, быть можетъ, передъ Вами. Сердце Вашего Императорскаго Величества, съ которымъ по добротѣ не можетъ сравниться ни чье другое, всегда склонно выслушивать просьбы, приносимыя за несчастныхъ. Развѣ-бы я отважился, Государь, обратиться къ Вамъ, не питая такой глубокой увѣренности?“ [1]).

Графъ, безъ сомнѣнія, ожидалъ и отъ этого письма такого-же магическаго дѣйствія, какъ отъ прежнихъ. Прошло нѣсколько дней, графъ Борхъ и его товарищи препровож-

---

[1]) См. M. Ogiński's Denkwürdigkeiten. T. 3, стр. 194—195.

дены были въ Петрозаводскъ, а отъ императора все еще не было отвѣта. Огинскій былъ принужденъ выслушивать рѣзкіе упреки отъ своихъ земляковъ, онъ защищался, какъ могъ и объявилъ, что онъ предоставляетъ времени и событіямъ и свое оправданіе и доказательство сердечной доброты государя [1]. Быть можетъ, Огинскій и понималъ то крайне затруднительное положеніе, въ которомъ находился императоръ Александръ. Онъ долженъ былъ знать, что покровительствуя полякамъ, государь дѣйствуетъ въ разрѣзъ настроенію и ожиданію громаднаго большинства своихъ подданныхъ, тѣхъ самыхъ русскихъ, которые доказали и доказывали на дѣлѣ такъ блистательно свою безграничную преданность Царю и Отечеству. Прощать полякамъ всѣ ихъ измѣны и злодѣянія,—не значило-ли это оскорблять тысячи и милліоны тѣхъ несчастныхъ, которые лишились всего своего состоянія и жизни близкихъ себѣ, быть можетъ, при содѣйствіи этихъ самыхъ измѣнниковъ: не значило-ли это наносить тяжкую рану самолюбію всего русскаго народа, на глазахъ котораго поляки грабили и оскорбляли свирѣпѣе самихъ французовъ московскую святыню? Уже во многихъ губерніяхъ слышался глухой ропотъ по поводу снисхожденія, оказываемаго правительствомъ къ ссыльнымъ и арестованнымъ полякамъ [2],—и спрашивалось не-

[1]) „Какую печальную будущность предсказывали тогда полякамъ! Какіе упреки дѣлали мнѣ за мое довѣріе къ великодушію Александра. Быть можетъ, нашлись люди, обвинявшіе меня въ недостаткѣ рвенія и доброй воли въ хлопотахъ по дѣлу моихъ земляковъ. Я предоставилъ времени и событіямъ защищать меня отъ этихъ обвиненій и обнаружить въ полномъ свѣтѣ всю сердечную доброту Александра. Что касается до меня лично, хорошо знавшаго его намѣренія и мысли, то хотя мнѣ было и тяжело видѣть преслѣдованіе, которому подверглись мои земляки и отъ котораго я старался ихъ избавить; но въ отношеніи къ будущему я не питалъ никакихъ сомнѣній, ибо я полагался на обѣщаніе императора объявить всеобщую амнистію. Мое ожиданіе не было обмануто". M. Oginski's Denkwürdigkeiten. T. III, стр. 196.

[2]) См. Воспоминанія Вигеля. Говоря объ энтузіазмѣ, охватившемъ всѣхъ русскихъ въ концѣ 1812 г., Вигель замѣчаетъ: „одно только смущало меня: это было явное пристрастіе, которое оказывалось враждовавшимъ противъ насъ полякамъ во время послѣдняго похода, болѣе чѣмъ когда ознаменовавшимъ себя жестокостями противъ русскаго народа. Это не было прощеніе, христіанское

вольно: можно-ли было пренебрегать этимъ грознымъ симптомомъ въ виду небывалаго возбужденія, охватившаго всѣ массы русскаго населенія; не слѣдовало-ли, напротивъ, считаться съ нимъ въ интересахъ самихъ поляковъ? Александръ могъ-бы дать полную волю своимъ симпатіямъ къ полякамъ лишь въ томъ случаѣ, если-бы онъ былъ плохимъ политикомъ и если-бы въ его сердцѣ не было мѣста для иныхъ чувствъ, кромѣ польскихъ. Но Александръ былъ прежде всего русскій государь, и его сердце, не смотря на весь космополитизмъ, проникшій его съ самаго дѣтства, хорошо сознавало свои обязанности по отношенію къ русскому народу. Обдумавъ и взвѣсивъ тщательно все положеніе дѣлъ, Александръ отказался отъ мысли провозглашать себя такъ преждевременно королемъ польскимъ и подписывать странныя прокламаціи, подсунутыя ему графомъ Огинскимъ. Но желая съ другой стороны дать волю своимъ великодушнымъ порывамъ, сдержать слово, данное Огинскому и ободрить и привлечь поляковъ на свою сторону, онъ рѣшился тѣмъ не менѣе обнародовать актъ амнистіи полякамъ. Составленіе этого важнаго акта императоръ возложилъ на того самаго человѣка, одно имя котораго должно было разсѣять всѣ опасенія и подозрѣнія русскихъ. Человѣкъ этотъ былъ тотъ самый Шишковъ, который составилъ всѣ манифесты и акты этой знаменательной эпохи. Шишковъ не могъ, разумѣется, говорить въ своей прокламаціи языкомъ польскаго конфедерата, онъ не могъ связывать своего императора указаніями на священную конституцію 1791 г., но онъ могъ выразить сильно, просто и ясно сущность дѣла и подобающимъ образомъ возвѣстить полякамъ великодушное намѣреніе русскаго Монарха. Шишковъ долженъ былъ, впрочемъ, принять во вниманіе при составленіи прокламаціи желанія и воззрѣнія поляковъ. Ему были даже указаны три лица: Огинскій, Вавржецкій и князь Любецкій, съ которыми онъ долженъ былъ посовѣтоваться при составленіи манифеста [1]).

забвеніе зла, а скорѣе походило на любовь, на награду". Воспоминанія, часть 4-я, стр. 89.

[1]) Такъ свидѣтельствуетъ, по крайней мѣрѣ, графъ М. Огинскій въ своихъ

одной стороны, обѣщанія и интриги французскихъ эмис-
ровъ съ другой, объ ихъ привязанности и преданности
обѣ императора Александра, о жертвахъ, возложенныхъ на
хъ передъ началомъ кампаніи, о томъ, что они доброволь-
взяли на себя заботы о всѣхъ потребностяхъ арміи, а
вно и о томъ, какимъ страданіямъ подвергло ихъ отступ-
ніе русскихъ войскъ, которыя, желая лишить непріятеля
ѣхъ средствъ существованія, не только уничтожили мага-
ны, но и забрали съ собою лошадей, рогатый скотъ и про-
нтъ. „И такъ, продолжалъ онъ, литовцы, сдѣлавшіе все,
о требовали отъ нихъ долгъ и привязанность къ госуда-
, не могли смотрѣть иначе, какъ съ удивленіемъ и огорче-
емъ, на отступленіе тѣхъ армій, которыя должны были за-
щать ихъ, тѣмъ болѣе, что они не могли знать, что все это
вершилось вслѣдствіе хорошо обдуманнаго операціоннаго
ана. Вслѣдъ затѣмъ, когда нахлынула на ихъ страну страш-
я сила непріятеля и не встрѣчая даже никакого сопро-
вленія, проникла до старыхъ границъ имперіи, у нихъ
тественно должна была родиться мысль, что императоръ
ександръ отрекается отъ нихъ окончательно и что они
гутъ, слѣдовательно, предаться нѣкоторой надеждѣ на воз-
ановленіе своего отечества Наполеономъ (!). „Я могу увѣ-
ть положительно, что ни одинъ польскій подданный Рос-
и не жалуется на императора Александра, что, напротивъ,
ѣ любятъ его и не питаютъ высшаго желанія кромѣ того,
обы онъ провозгласилъ себя королемъ польскимъ, что ни-
о не отважился взяться за оружіе, или даже говорить
отивъ него, что изъ всего, что случилось со времени
нятія Литвы французскими войсками, ничто не можетъ
ть основаній для обвиненій противъ ея жителей, кото-
е должны были, вопреки своей волѣ, подчиниться дан-
й имъ непріятелемъ организаціи, ибо они были оставлены
зъ помощи своимъ государемъ, на котораго возлагали они
ѣ свои надежды. При такомъ положеніи дѣлъ трудно до-
зать, чтобы въ провинціяхъ, занятыхъ Наполеономъ, со-
ршены были дѣйствительно государственныя преступленія,
о, впрочемъ, по моему мнѣнію, человѣкъ, декламировавшій,

говорившій или писавшій противъ русскаго правительства, не можетъ подлежать большей отвѣтственности, какъ тотъ, который силою или лживыми обѣщаніями увлеченъ былъ взяться за оружіе. Не мое дѣло защищать отдѣльныхъ лицъ, но мое убѣжденіе и любовь къ правдѣ заставляютъ меня увѣрить васъ, что г-нъ Снядецкій подвергся клеветѣ, что этотъ человѣкъ, извѣстный какъ своею ученостью, такъ и своимъ осторожнымъ и умнымъ образомъ дѣйствій, никогда не позволялъ себѣ никакихъ неприличныхъ выраженій противъ императора, тѣмъ болѣе, что онъ лучше кого-либо умѣетъ цѣнить какъ благодѣянія, оказанныя Александромъ Виленскому университету, такъ и его отеческія заботы о національномъ воспитаніи вообще. Въ заключеніе я просилъ, говоритъ Огинскій, г-на государственнаго секретаря довести мое заявленіе до свѣдѣнія Его Величества и увѣрить императора, что мы возлагаемъ слишкомъ большое довѣріе на него и не хотимъ вѣрить въ возможность полумѣръ съ его стороны въ такихъ обстоятельствахъ, когда онъ можетъ доказать передъ глазами всей Европы свое великодушіе и милость“ [1].

Огинскій увѣряетъ насъ, что его рѣчь произвела сильное впечатлѣніе на Шишкова, что онъ слушалъ его не только съ большимъ вниманіемъ, но и съ видимымъ участіемъ. „Я не сомнѣваюсь, говоритъ онъ, что государственный секретарь донесъ о нашемъ разговорѣ императору, не только согласно съ истиною, но и въ благопріятномъ для насъ смыслѣ“ [2]. Шишковъ же съ своей стороны замѣчаетъ лишь слѣдующее: „Кроткій, не мстительный Александръ, лишь только предсталъ я передъ него, приказалъ мнѣ написать всепростительный манифестъ. Я исполнилъ это и въ тотъ-же день поднесъ оный къ подписанію его“ [3]. Любопытно, одна-

---

[1] См. M. Oginski's Denkwürdigkeiten. T. III, стр. 197—199. Читатели наши уже достаточно знакомы съ поведеніемъ поляковъ въ Литвѣ (такъ какъ только о нихъ, а не о литовской массѣ идетъ въ данномъ случаѣ рѣчь), и могутъ судить, насколько вѣренъ былъ графъ истинѣ въ своей защитительной рѣчи.

[2] Огинскій былъ тѣмъ болѣе увѣренъ въ этомъ, что Шишковъ былъ, по его мнѣнію, „столь-же просвѣщеннымъ, сколько сердечнымъ человѣкомъ и всегда старался творить доброе, по мѣрѣ силъ своихъ“. См. Denkwürdigkeiten. T. 3, стр. 200.

[3] Изъ словъ Шишкова можно-бы было вывести заключеніе, что манифестъ

ко-же, что въ манифестѣ, вышедшемъ изъ-подъ пера Шишкова, нѣтъ ни малѣйшаго намека на польскіе планы императора Александра. Государь говоритъ въ немъ языкомъ, подобающимъ русскому самодержцу. Онъ даруетъ прощеніе и милость своимъ подданнымъ польскаго происхожденія не изъ какихъ-либо политическихъ разсчетовъ или симпатій, а единственно отъ полноты своего отеческаго сердца, преисполненнаго великодушія и благодарности къ Божественному промыслу.

„Большинство жителей въ прежде бывшихъ польскихъ, а нынѣ русскихъ областяхъ“, говорится въ манифестѣ, „пребыли вѣрны присягѣ, но нашлись между ними и такіе, которые забыли свой долгъ и навлекли на себя праведный гнѣвъ своего государя. Одни, устрашась насилія непріятеля, принимали возлагаемыя на нихъ званія и должности; другіе, преступленіе которыхъ несравненно больше, присоединились къ пришельцамъ и поднимали оружіе вмѣстѣ съ ними противъ своего государя. Сихъ послѣднихъ долженствовалъ-бы наказать мечъ правосудія, но видя излившійся на нихъ гнѣвъ Божій, поразившій ихъ вмѣстѣ съ тѣми, которыхъ владычеству они вѣроломно покорились, и уступая вопіющему въ насъ гласу милосердія и жалости, объявляемъ наше всемилостивѣйшее общее и частное прощеніе, предавая все прошедшее вѣчному забвенію и глубокому молчанію и запрещая впредь чинить какое-либо по дѣламъ симъ притязаніе или взысканіе, въ полной увѣренности, что сіи отпавшіе отъ насъ почувствуютъ кротость сихъ съ ними поступковъ и черезъ два мѣсяца отъ сего числа возвратятся въ свои области. Когда-же и послѣ сего останется кто-либо изъ нихъ въ службѣ нашихъ непріятелей, не желая воспользоваться сею нашею милостью и продолжая и послѣ прощенія пребывать въ томъ-же преступленіи, таковыхъ, яко совершенныхъ отступниковъ, Россія не приметъ уже въ свои нѣдра, и всѣ имущества ихъ будутъ конфискованы. Плѣнные, взятые съ оружіемъ въ рукахъ, хотя не изъемлются изъ сего всеобщаго

былъ составленъ и подписанъ только въ Вильнѣ по пріѣздѣ туда государя; но этому рѣшительно противорѣчитъ подробный разсказъ Огинскаго. См. Шишковъ, „Записки“. Т. 1, стр. 167.

[illegible] нарушенія справедливости не можемъ мы [illegible] движеніямъ нашего сердца. Доколѣ плѣнъ ихъ не [illegible] окончаніемъ настоящей войны. Впрочемъ и они [illegible] въ свое время въ право сего нашего всѣмъ и каждому [illegible]. Тако да участвуетъ всякъ во всеобщей радости [illegible] истребленіи и разрушеніи силъ всенародныхъ [illegible], и да приноситъ съ [illegible] сердцемъ [illegible] Всевышнему благодареніе. Между тѣмъ надѣемся, что [illegible] милосердія [illegible] раскаяніе [illegible] докажетъ, что [illegible] и [illegible] съ [illegible] только сча-[illegible]

[illegible]

политическихъ заявленій и обѣщаній и придалъ акту амнистіи единственно подобающій ему чисто христіанскій и строго нравственный характеръ. Могли-ли быть довольны поляки подобнымъ манифестомъ? Разумѣется, нѣтъ! Не одинъ только Огинскій думалъ и мечталъ въ эту пору совершенно объ иномъ, но и бывшій другъ молодости императора Александра, князь Адамъ Чарторыжскій, покончившій было уже совсѣмъ счеты съ Россіею и ея императоромъ, вспомнилъ вдругъ объ нихъ при внезапномъ поворотѣ счастія.

Еще въ письмѣ отъ 9 октября Чарторыжскій отваживался совѣтовать Александру въ томъ случаѣ, если ему прійдется покупать миръ у побѣдоноснаго Наполеона великими жертвами, попытаться облегчить дѣло возведеніемъ на возстановленный польскій престолъ одного изъ младшихъ великихъ князей При этомъ Чарторыжскій подразумѣвалъ само собою, что въ составъ Польши войдутъ старыя русскія области и Литва, что великій князь русскій, становясь королемъ польскимъ, превратится въ простаго подручника всемогущаго французскаго императора. Такой исходъ, крайне постыдный и гибельный для Россіи, казался Чарторыжскому не только легкимъ и почетнымъ, но даже выгоднымъ для ея императора [1]).

Прошло два мѣсяца; иллюзіи и надежды, возлагаемыя на

ляков Чарторыжскимъ представлена была ему, какъ невольное сердечное влеченіе, а русская добродушная преданность казалась ему простымъ исполненіемъ обязанности. Когда, на пути въ Берлинъ въ 1805 году, проѣзжалъ онъ черезъ Варшаву, то съ трудомъ могъ скрыться отъ нескромныхъ изъявленій энтузіазма ея жителей. Ничто не могло изгладить сихъ воспоминаній: ни вражда поляковъ, съ новою силою обнаружившаяся противъ Россіи, слѣдственно противъ него, если бы по дѣлу своему онъ не захотѣлъ отдѣлять себя отъ нея, ни ужасы и опустошенія, которыя ровно двѣсти лѣтъ тому назадъ произвели они въ Москвѣ и ея окрестностяхъ. Онъ старался увѣрить себя, что будучи внукомъ Екатерины, онъ обязанъ загладить ея несправедливости. Никто въ Петербургѣ, ни даже настоящіе или мнимые друзья свободы, никто не скрывалъ неодобренія и прискорбія при видѣ сихъ новыхъ опасностей, которыя добровольно создавались для Россіи". Вигель, Воспоминанія, часть пятая, стр. 5.

[1]) „Если бы, Государь, Вамъ пришлось подумать о мирѣ и еслибы Вамъ пришлось покупать его великими жертвами, то не облегчилось-ли бы дѣло (прочнымъ и блестящимъ образомъ) возведеніемъ на польскій престолъ младшаго изъ великихъ князей; не было-ли бы то средствомъ сдѣлать миръ болѣе легкимъ

[illegible] Наполеона, [illegible] и Чарторыжскій [illegible] императорскомъ со[illegible] — [illegible] Александру [illegible] уси[illegible] Ваше Императорское Величество. [illegible] въ Ва[illegible] По[illegible] сердца? [illegible] націи, [illegible] по[illegible] пре[illegible] и благопо[illegible] — Мы [illegible] ми[illegible] Ваши [illegible] Васъ, наконецъ, [illegible] года. Въ этомъ случаѣ [illegible] Ваше Величество [illegible] меня о томъ [illegible]. Боюсь, чтобы Австрія и Пруссія своими внушеніями не захотѣли отклонить Васъ отъ Вашей мысли. Между тѣмъ Вы не обязаны ни къ какимъ уступкамъ передъ этими державами, и тѣже соображенія политики, славы, человѣколюбія, которыя заставили Васъ принять этотъ планъ, только и могутъ побудить Васъ привести его въ исполненіе, какъ только Вы увидите къ тому возможность".

Чарторыжскій указываетъ вслѣдъ затѣмъ путь, которымъ долженъ слѣдовать Александръ при возстановленіи Польши. Самодержавный русскій императоръ, побѣдитель непобѣдимаго Наполеона, долженъ обратиться, по его мнѣнію, къ генеральной польской конфедераціи [1], соединить при ея содѣйствіи всѣ умы и воли и возвести при ея помощи прочное зданіе возстановленной Польши. Чарторыжскій обѣщаетъ при этомъ случаѣ государю свою дѣятельную помощь, хотя и на-

и почетнымъ и даже болѣе выгоднымъ, чѣмъ онъ покажется на первый взглядъ". Письмо Чарторыжскаго отъ 9 октября 1812 г. „Русскій Архивъ" за 1871 г., стр. 840.

[1]) Не слѣдуетъ опускать изъ виду, что эта конфедерація устроена была поляками по желанію и приказу Наполеона и что главная цѣль ея заключалась въ вооруженіи польской націи противъ Россіи.

стаиваетъ въ тоже время на своей прежней просьбѣ о полной отставкѣ [1]).

Земля горѣла подъ ногами польскихъ вожаковъ въ эти критическія минуты. Они сознавали, что теперь или никогда можетъ осуществиться ихъ старая мечта. Наполеонъ обманулъ ихъ ожиданія; надо было употребить всѣ усилія, чтобы его побѣдитель не забылъ въ минуту торжества свои польскіе планы, чтобы онъ произнесъ свое рѣшающее слово, въ тотъ самый моментъ, когда войска его собирались нахлынуть въ предѣлы старой Польши, когда въ Европѣ не было ни одной силы, которая была-бы въ состояніи противиться его намѣреніямъ.

Не дождавшись отвѣта на свое первое письмо, опасаясь, что оно могло не достигнуть своего назначенія, Чарторыжскій уже черезъ недѣлю отправляетъ новое посланіе [2]) къ императору Александру. Онъ заклинаетъ государя исполнить свои столько разъ данныя обѣщанія. Онъ умоляетъ его не внимать внушеніямъ континентальныхъ державъ. „Онѣ“, замѣчаетъ онъ, „захотятъ отклонить Васъ отъ мысли, которой онѣ испугаются, и которая слишкомъ прекрасна для того, чтобы поняли ее ихъ кабинеты“. Еще болѣе боится князь ближайшихъ совѣтниковъ императора. Онъ говоритъ о лицахъ, которыя, быть можетъ, по разнымъ соображеніямъ отнесутся враждебно къ плану возстановленія Польши, или ослѣпленные успѣхомъ, забудутъ, что это возстановленіе есть самое выгодное и славное средство для его обезпеченія. Не трудно понять, кого имѣетъ при этомъ въ виду хитрый польскій князь. Онъ хорошо сознаетъ, что такой человѣкъ, какъ Штейнъ можетъ отклонить императора отъ узкихъ и фанта-

---

[1]) См. письмо Чарторыжскаго отъ 6 декабря 1812 г. „Русскій Архивъ“ за 1871 г., стр. 841—842.

[2]) Письмо начинается такими словами: „Военныя событія приняли оборотъ, повидимому, рѣшительный, и я боюсь, что никто не захочетъ теперь ходатайствовать передъ В. Имп. В. объ интересахъ моей родины. (Князь напрасно безпокоился. Мы уже видѣли, какъ дѣятельно заботились въ этотъ моментъ о польвѣ Огинскій, Любомірскій, Армфельдтъ и компанія). Поэтому я рѣшился отправить г-на К. съ приложенными при семъ бумагами. Дай Богъ, чтобы онѣ содѣйствовали къ тому, чтобы убѣдить Васъ, Государь“.

[illegible] въ широкомъ и [illegible] мiра. Онъ [illegible] дѣла. [illegible] слав- [illegible] Россiи всѣ [illegible] въ глазахъ [illegible]

всегда будетъ властенъ это сдѣлать. Такая будущность заставитъ поляковъ настаивать на правильно устроенной конституціи, хотя, въ сущности, и самыя тщательныя предосторожности этого рода не могутъ оградить ихъ отъ рѣшительнаго насилія, ни даже отъ измѣненій системы и взглядовъ со стороны одного изъ будущихъ государей Россіи".

Предлагая, такимъ образомъ, возстановить Польшу, какъ отдѣльное отъ Россіи государство, Чарторыжскій заявляетъ въ то-же время, что онъ не можетъ отказаться отъ Варшавской конфедераціи, къ которой онъ приступилъ, влекомый всѣми своими желаніями за свою родину. „Конечно, не въ ту минуту, когда мои соотечественники опасаются, чтобы ихъ прямодушныя намѣренія, ихъ героическія жертвы, ихъ чувствительныя потери не повели къ еще большимъ бѣдствіямъ,—не тогда, говорю я, когда всѣ надежды моей родины, повидимому, затмѣваются, стану я отступаться и отрекаться передъ Вашимъ Величествомъ отъ дѣла, священнаго для всякаго поляка, которое останется таковымъ и справедливымъ, даже если оно не перестанетъ быть несчастнымъ. Если Вы протянете намъ руку, Государь, хочу испытать вполнѣ восторгъ моихъ соотечественниковъ; если Вы насъ отвергнете, я раздѣлю ихъ горе и ихъ отчаяніе".

Чарторыжскій считаетъ своимъ долгомъ торопить государя. „Ваше Величество", задаетъ онъ вопросъ, „не приблизитесь-ли Вы къ театру событій, чтобы удобнѣе управлять ими? Хотите-ли Вы, Государь, чтобы я открылъ переговоры съ конфедераціею и съ Варшавскимъ правительствомъ, или хотите Вы поручить это кому нибудь другому? Не нашли-ли бы Вы удобнымъ, чтобы они поручили мнѣ устройство этого дѣла". Чарторыжскій проситъ также, чтобы государь отдалъ прежде всего соотвѣтствующія приказанія своимъ генераламъ, чтобы онъ снабдилъ ихъ, по возможности, точными и опредѣленными инструкціями [1]). Не трудно понять затаенный смыслъ

[1]) Чарторыжскій составилъ даже самъ эти инструкціи и препроводилъ ихъ къ государю вмѣстѣ съ письмомъ. Къ сожалѣнію, инструкціи эти не напечатаны до сихъ поръ.

всѣхъ этихъ настоятельныхъ просьбъ. Чарторыжскій хочетъ, чтобы Александръ связалъ себя какъ можно скорѣе торжественными заявленіями, чтобы онъ окончательно и безповоротно вступилъ на тотъ путь, который могъ имѣть лишь самыя роковыя послѣдствія для Россіи и для ея государя [1]).

Чарторыжскій ошибся, однако-же, на этотъ разъ въ своихъ разсчетахъ. Какъ видно, онъ несовсѣмъ изучилъ тонкій и въ высшей степени сложный характеръ своего царственнаго друга. Быть можетъ онъ забылъ, что Александръ любилъ до послѣдней минуты располагать возможностью идти тѣмъ или инымъ путемъ; что, преслѣдуя не рѣдко цѣли различныя, не имѣющія ничего общаго между собою, онъ могъ увлекаться по-очередно то одною, то другою изъ нихъ. Чарторыжскій долженъ-бы былъ знать, что Александръ далеко не былъ такъ тороπливъ и быстръ въ своихъ официіальныхъ заявленіяхъ, какъ въ частныхъ, интимныхъ письмахъ и бесѣдахъ. Наконецъ, польскій магнатъ не зналъ, да и не могъ знать того внутренняго настроенія, которое господствовало въ этотъ моментъ въ душѣ Александра. Религіозныя идеи, охватившія тогда императора, могли побуждать его стремиться къ возстановленію Польши, къ исправленію неправды, совершенной, по его мнѣнію, его предшественниками, но тѣ же идеи, въ силу своей всеобщности, должны были отклонять его отъ преслѣдованія какихъ-бы то ни было узкихъ исключительныхъ цѣлей. Александръ былъ глубоко убѣжденъ, что онъ призванъ самимъ Провидѣніемъ не для искорененія лишь одной частной неправды, а для водворенія правды во всемъ европейскомъ мірѣ. Богъ, ополчившій его руку такою силою, предъ которою разсыпались въ прахъ непобѣдимыя полчища Наполеона, повелѣлъ ему освободить не одну Польшу, а всю Европу, возстановить права не одной какой-либо націи, а попранныя права всего человѣчества. Эта главная цѣль должна была стоять для него выше всѣхъ второстепенныхъ. Надо было призвать подъ

[1]) См. письмо Чарторыжскаго отъ 15 декабря 1815 г., „Русскій Архивъ" за 1871 г., стр. 842 846.

знамена правды и свободы всѣ народы Европы, надо было кликнуть кличъ ко всѣмъ порабощеннымъ государямъ Европы, необходимо было поднять прежде всего противъ общаго врага ту Пруссію, которая такъ неохотно стала подъ знамена Наполеона,—ту Пруссію, лучшіе люди которой возлагали на Россію всѣ свои упованія, монархъ которой связанъ былъ съ Александромъ узами самой нѣжной и крѣпкой дружбы. Но этого мало. Для полноты успѣха, для окончательнаго сокрушенія Наполеона,—необходимо было привлечь на свою сторону Австрію и вырвать Германію изъ рукъ французскаго императора. Все это было безусловно необходимо, а между тѣмъ Александръ не могъ не знать, что интересы германскихъ державъ отнюдь не совпадали съ планами возстановленія польскаго королевства, да еще въ томъ видѣ, въ тѣхъ размѣрахъ, какъ проектировали это Огинскій, Чарторыжскій и другіе польскіе патріоты [1]).

Александръ не думалъ отрекаться вовсе отъ своихъ польскихъ плановъ, но онъ заботился, чтобы они не помѣшали другимъ высшимъ его цѣлямъ. Онъ охотно выслушивалъ Огинскаго и Чарторыжскаго, онъ дѣлалъ все, что могъ для поляковъ; но еще охотнѣе слушалъ онъ Штейна, который открывалъ передъ нимъ необъятныя перспективы, который указывалъ ему на вѣнецъ освободителя и благодѣтеля человѣчества, а не на польскую корону.

Еще въ началѣ ноября 1812 года Штейнъ подалъ императору слѣдующую докладную записку: „Французское войско погибаетъ отъ голода, болѣзней, меча, Наполеонъ бѣжитъ, покрытый позоромъ, съ яростью и терзаніемъ совѣсти въ сердцѣ,—вотъ успѣхи, достигнутые мудрыми и сильными мѣрами Вашего Величества, изумительною энергіею русскаго народа, храбростью русской арміи. Каковы же должны быть ближайшія послѣдствія этихъ великихъ событій“.

Съ негодованіемъ отвергаетъ Штейнъ мысль, что теперь

---

[1]) Александръ отвѣчалъ Чарторыжскому на оба его посланія въ январѣ 1813 г., уже по переходѣ нашихъ армій за-границу. Въ одной изъ слѣдующихъ главъ мы познакомимъ читателей съ содержаніемъ этого отвѣта.

[illegible] Росси
[illegible] пол-
[illegible] войн
[illegible] неопред-
[illegible] различные об-
[illegible] тем не о-
[illegible] характер не-
[illegible]
[illegible]
[illegible] сво-
[illegible] арміи въ
[illegible] Пруссіи
[illegible] по-
[illegible]

рактеру возвышенному и сильному. Пусть прекратится отнынѣ вліяніе коварнаго и фантастическаго ума. придворнаго, наполненнаго пошлыми, низкими воззрѣніями [1], на государя, предназначеннаго самимъ Провидѣніемъ для блестящаго и счастливаго призванія благодѣтеля рода человѣческаго.

„Для Вашего Императорскаго Величества наступаетъ великій рѣшительный моментъ. Онъ осуществитъ ожиданія, работы, жертвы предшествующихъ десяти лѣтъ. Онъ принесетъ плодъ великаго времени, неслыханныхъ и непредвидѣнныхъ комбинацій. Вы станете, Государь, во главѣ европейскихъ державъ. Вы возьмете на себя великое призваніе благодѣтеля и возстановителя. Тѣ, которые будутъ служить орудіями Вашихъ благородныхъ цѣлей, должны соотвѣтствовать своему высокому призванію. Вы должны внушить Вашимъ союзникамъ и Европѣ полное и высокое довѣріе. Необходимо проникнуться сознаніемъ, какъ важно избирать лишь такихъ исполнителей, которые извѣстны своими мнѣніями, которымъ предшествуетъ ихъ слава. Подымая руку на возстановленіе Германіи, Вы удовлетворите требованію государственной мудрости, усматривающей въ семъ возстановленіи твердый оплотъ для безопасности и спокойствія Россіи и исполните въ тоже время великодушное влеченіе Вашего сердца. Вы вступаете, Государь, на необозримый путь славы,—путь, соотвѣтствующій вполнѣ и способностямъ, и возвышенному характеру Вашего Императорскаго Величества“ [2]).

Есть основаніе думать, что записка Штейна имѣла рѣшающее дѣйствіе. Она подана была императору въ то время, когда вопросъ о продолженіи войны не былъ еще рѣшенъ окончательно. Теперь послѣдовало рѣшеніе безповоротное. Александръ рѣшилъ продолжать борьбу и придать ей тотъ именно универсальный характеръ, на который указывалъ Штейнъ. Сторонники мира должны были умолкнуть; ихъ глава, канцлеръ Румянцевъ, долженъ былъ сойти со сцены.

---

[1]) Дѣло идетъ о канцлерѣ Румянцевѣ.

[2]) Подлинный текстъ записки, изъ которой мы представили лишь извлеченіе и отдѣльныя мѣста, см. у Перца, Stein's Leben, т. III, стр. 212—220.

[illegible]

[illegible] und
[illegible] III.

нѣ. Я уважаю причины въ донесеніи вашемъ помѣщенныя, нахожу полезнымъ остановить въ Вильнѣ единственно небольшую часть войскъ, болѣе другихъ разстроенную, которая собрала-бы отставшихъ и выздоровѣвшихъ людей, равно и баталіоны генералъ-маіора князя Урусова; а прочимъ всѣмъ войскамъ какъ большой арміи, такъ арміи адмирала Чичагова и корпуса графа Витгенштейна слѣдовать безпрерывно за непріятелемъ, взявъ такое направленіе, чтобы не только внутри, но и внѣ границъ нашихъ, имѣть въ виду ту-же цѣль—отрѣзывать ему сообщеніе и соединеніе съ новыми подкрѣпленіями его" [1]).

Повелѣвая, такимъ образомъ, войскамъ своимъ перенести, не медля ни минуты, войну за предѣлы имперіи, императоръ Александръ принималъ въ то же время всѣ зависящія отъ него мѣры для подкрѣпленія своихъ боевыхъ силъ, для укомплектованія тѣхъ страшныхъ потерь, которыя понесли наши арміи, безостановочно преслѣдуя непріятеля въ такое суровое время года. Глубоко убѣжденный въ справедливости своихъ начинаній, смотря на себя, какъ на поборника Провидѣнія, Александръ, скрѣпя сердце, рѣшился потребовать новыхъ жертвъ отъ своего народа. Уже 30 ноября объявленъ былъ новый рекрутскій наборъ съ 500 душъ по восьми человѣкъ. Манифестъ о наборѣ отличался совершенно особымъ характеромъ: императоръ объяснялъ въ немъ своему народу неизбѣжную необходимость новыхъ усилій, новыхъ жертвъ. „Нынѣ", говорилось въ немъ, „хотя и по неизрѣченной къ намъ милости Божіей, огромныя непріятельскія силы побѣдоноснымъ нашимъ воинствомъ и храбрымъ народомъ сокрушены и малые остатки оныхъ ищутъ спасенія въ поспѣшномъ бѣгствѣ изъ Россіи; однако-же, для постановленія на твердомъ основаніи прочнаго мира и желаемаго спокойствія, нужно еще войскамъ нашимъ быть въ такомъ числѣ, которое-бы достаточно было поддержать достоинство и славу имперіи. Рогъ сильнаго сломленъ, но предстоитъ еще надобность не дать снова возник-

[1]) Высочайшее повелѣніе князю Кутузову было подписано 2 декабря 1812 г. См. Богдановичъ, „Исторія отечественной войны", т. III, стр. 331—332.

[illegible] могуществу врага, и уменьшить власть его, надъ дру-
гими [illegible] народами, которыхъ принуждаетъ онъ по-
[illegible] страха. И такъ цѣль даль-
[illegible] прежде всего въ намѣре-
[illegible] врага, освободить изъ-подъ
[illegible] народовъ и тѣмъ самымъ обез-
[illegible] посягательствъ. Рос-
[illegible] не изъ какихъ-нибудь коры-
[illegible] цѣлей. Пространная, богатая,
[illegible] не алчетъ чужихъ
[illegible] Богу единому при-
[illegible] сей: она желаетъ
[illegible] и жизнь. Но при всей
[illegible] и не можетъ
[illegible] на порабощеніе соб-
[illegible] всѣ свои силы
[illegible] и поддержанія Вѣры
[illegible] тяжко серд-
[illegible] выгодами рев-
[illegible] ихъ. Но
[illegible] вѣрнопод-
[illegible] отъ лито-
[illegible] которыхъ
[illegible] Россіи. Но
[illegible] наша—Богъ
[illegible] въ томъ
[illegible] достиженія [illegible]
[illegible] ломили
[illegible] и пролитіемъ кро-
ви.

[illegible] новыхъ со-

[illegible] Плешкова, т. I, [illegible]

тень тысячъ людей, пополненіе громадной убыли въ лошадяхъ, заготовленіе оружія и припасовъ для арміи,—все это требовало громадныхъ денежныхъ затратъ, а между тѣмъ положеніе русскихъ финансовъ было далеко не блестящее. Страшная дороговизна, на которую жаловались такъ горько современники, происходила, главнымъ образомъ, отъ паденія дѣйствительной стоимости нашихъ бумажныхъ денегъ. Ассигнаціи давно уже вытѣснили изъ обращенія звонкую монету, давно уже сдѣлались единственными денежными знаками въ Россіи. Долгое время ихъ дѣйстветельная стоимость почти что соотвѣтствовала номинальной; но съ тѣхъ поръ, какъ правительство, стѣсненное чрезвычайными потребностями почти что непрерывающихся войнъ, начало выпускать ихъ все въ большемъ и большемъ количествѣ, стоимость ихъ начала падать съ возрастающею быстротою. Въ 1812 г. нахлынули на Россію вмѣстѣ съ французами сотни милліоновъ фальшивыхъ ассигнацій, изготовленныхъ по распоряженію Наполеона и русскимъ бумажнымъ деньгамъ нанесенъ былъ смертельный ударъ. Они упали разомъ на 75 процентовъ. Необходимо было предпринять что-либо рѣшительное въ виду угрожающаго финансоваго кризиса [1]). Императоръ искалъ прежде всего совѣта и помощи у заморскаго финансиста, женевца Дювернуа. Заморскій художникъ предложилъ, какъ и слѣдовало ожидать, самыя радикальныя мѣры. Государство должно было, по его мнѣнію, понизить цѣну бумажныхъ денегъ со ста на 30 и вознаградить обладателей ассигнацій, за потерянные ими 70 процентовъ, выдачею особыхъ процентныхъ кредитныхъ билетовъ [2]).

Государь не рѣшился, однако-же, одобрить этотъ проектъ государственнаго банкротства и отдалъ его на предварительное разсмотрѣніе Штейна. Штейнъ тотчасъ-же поставилъ дѣло на надлежащую почву. Онъ объявилъ прежде всего, что онъ очень хорошо понимаетъ основанія, на которыхъ

---

[1]) Объ общемъ положеніи русскихъ финансовъ см. Богдановичъ, „Исторія Александра I-го". Т. 5, стр. 136 и слѣд.

[2]) О проектѣ графа Франсиса Дювернуа, см. Перцъ, Stein's Leben. Т. III, стр. 222—223.

[illegible] иностранецъ. Онъ
[illegible] подобный планъ
[illegible] далѣе. со-
[illegible] вопроса. [illegible] ко-
[illegible] пригласить къ уча-
[illegible] принялъ
[illegible] Въ составъ
[illegible] въ
[illegible] бумаж-
[illegible] ствомъ
[illegible] повле-
[illegible] какъ ло-
[illegible] решніе
[illegible] бова-
[illegible] ихъ
[illegible] сти.
[illegible] и дала ис-
[illegible] Комис-
[illegible] и ло-
[illegible] такъ какъ
[illegible] понятія о
[illegible] предпола-
[illegible] ства
[illegible] ловкихъ
[illegible] браженіями
[illegible]
[illegible] проектахъ. Онъ
[illegible] ніяхъ
[illegible] на томъ,
[illegible] за-грани-
[illegible] принудитель-
[illegible] получить воз-
[illegible] за бумажныя
[illegible] соблю-
[illegible] возвраще-
[illegible] позволить ино-
[illegible] русскіе продук-

ты. Далѣе, Штейнъ совѣтовалъ, чтобы Россія предложила своимъ будущимъ союзникамъ выпустить союзныя бумажныя деньги, которыя гарантировались-бы всею собственностью союзныхъ государствъ. Наконецъ, Штейнъ доказывалъ, что Россія имѣетъ полное право взимать безплатно всѣ необходимыя для ея армій съѣстные и боевые припасы въ занимаемыхъ ея войсками иностранныхъ земляхъ.

Предложенія [1]) Штейна были на столько просты и практичны и такъ гармонировали съ интересами Россіи и того святаго дѣла, которое отстаивала она, что государь, не колеблясь ни минуты, далъ на нихъ свое согласіе. Переговоры съ Англіею начаты были немедленно, и если не привели тотчасъ-же къ желанному результату, то единственно благодаря мелочной придирчивости [2]) британскаго посла, лорда Каткарта. Бумажныя деньги, осужденныя на истребленіе новомодными швейцарскими финансистами, сослужили намъ впослѣдствіи не малую службу. Выпущенные въ количествѣ 20 милліоновъ [3]) рублей, они нашли себѣ легкій сбытъ въ нѣмецкихъ торговыхъ городахъ по установленному нашимъ правительствомъ принудительному курсу. Предложеніе выпустить союзныя бумажныя деньги было также осуществлено впослѣдствіи, хотя и въ нѣсколько измѣненной формѣ. Наконецъ, система реквизицій всякаго рода припасовъ, введенная уже Наполеономъ, дала возможность содержать за-границею наши арміи, не прибѣгая къ новымъ и изнурительнымъ для Россіи затратамъ. Штейнъ, не смотря на свой пламенный германскій патріотизмъ, справедливо полагалъ, что Германія, томившаяся подъ властью Наполеона, должна была доставлять денежныя средства для своего освобожденія.

---

[1]) Объ этихъ предложеніяхъ Штейна см. Перцъ, Stein's Leben. T. III, стр. 22—223.

[2]) Die Unterhandlungen darüber scheiterten an der kleinlichen Engherzigkeit des englischen Gesandten Lord Cathcart. Перцъ, Stein's Leben. T. III, стр. 223.

[3]) Эту цифру находимъ мы у Перца; у Богдановича показано 70 милліоновъ, изъ коихъ 20 милліоновъ переведены черезъ промѣнныя конторы обратно въ Россію. См. Богдановичъ, „Исторія Александра I." T. 5, стр. 141.

И такъ, уже въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1812 года, въ то время, когда остатки Наполеоновскихъ полчищъ покидали еще западную окраину Россіи, императоръ Александръ не только рѣшился начать священную войну за освобожденіе Европы, но и изыскалъ уже и силы и средства для веденія этой войны. Великая идея созрѣла въ мысляхъ и готовилась вступить въ жизнь; но все остальное оставалось еще смутнымъ, неяснымъ, неопредѣленнымъ. Какъ, какими путями, по какому плану, должно было совершиться освобожденіе Европы—на эти вопросы не могли дать твердаго яснаго отвѣта ни императоръ Александръ, ни Штейнъ, ни другіе его совѣтники. Императоръ не отказывался отъ своихъ польскихъ плановъ. Онъ повторялъ въ своемъ интимномъ кружкѣ, что онъ намѣренъ примирить Россію съ поляками и возстановить Польшу, но не высказывался точно ни на счетъ средствъ этого примиренія, ни на счетъ объема и формы будущей Польши. Точно также императоръ объявлялъ рѣшительно, что онъ твердо намѣренъ освободить Германію изъ-подъ власти Наполеона и создать изъ нея твердый оплотъ противъ будущихъ покушеній Франціи на свободу Европы. Но онъ колебался еще самъ, какая форма государственнаго устройства Германіи будетъ болѣе соотвѣтствовать и ея собственнымъ потребностямъ, и интересамъ Россіи и Европы. Государь отлично понималъ, что было-бы смѣшно и нелѣпо возстановлять уродливый и отжившій свой вѣкъ механизмъ священной Римской имперіи: онъ хорошо сознавалъ, что подобная реставрація породила-бы новую опасность для Европы и упрочила-бы навсегда французское вліяніе на правомъ берегу Рейна. Александръ склонялся болѣе всего къ раздѣленію германскихъ земель между Австріею и Пруссіею,—другими словами, къ образованію двухъ сильныхъ германскихъ государствъ въ центральной Европѣ, и нельзя не согласиться, что эта идея имѣла на первый взглядъ многое за себя. Объединенная Германія, все равно подъ властью Австріи или Пруссіи, могла представить впослѣдствіи грозную и опасную силу для самой Россіи. Наоборотъ, усиленныя германскими землями Австрія и Пруссія должны были держать въ рав-

повѣсіи другъ друга и могли составлять въ тоже время надежный оплотъ для Россіи противъ Франціи [1]).

Намѣренія императора Александра заслуживали полнаго одобренія съ точки зрѣнія русскаго государственнаго интереса, но они казались несовмѣстимыми съ завѣтными мечтами пламенныхъ германскихъ патріотовъ. И въ самомъ дѣлѣ, что должно было статься съ германскою идеею въ случаѣ раздѣла нѣмецкихъ земель между Австріею и Пруссіею? Штейнъ не задавалъ себѣ, однакоже, подобнаго вопроса. Какъ человѣкъ дѣла, а не фантазій, онъ, не обинуясь, сталъ на точку зрѣнія императора Александра. Онъ понималъ, что необходимо добиться прежде всего освобожденія Германіи отъ французскаго ига,—все остальное онъ предоставляетъ времени и промыслу Божіему. Неопредѣленность плановъ Александра не могла поколебать его твердой надежды на скорое избавленіе родной страны отъ позорнаго ига. „Дѣла идутъ нѣсколько быстрѣе“, писалъ онъ 20 ноября графу Мюнстеру [2]), „но всѣ виды на союзы еще не опредѣлились, ничто не рѣшено, ничто не опредѣлено. Все это могло-бы привести въ отчаяніе, если-бы я не былъ глубоко убѣжденъ, что Провидѣніе ниспровергнетъ шаткое зданіе Наполеоновской тиранніи, не черезъ людей, стоящихъ во главѣ, а вопреки имъ“. Всѣ свои надежды Штейнъ возлагаетъ на императора Александра. Еще недавно онъ придавалъ самъ большое значеніе англійской высадкѣ въ сѣверной Германіи; теперь (18 ноября) онъ думаетъ, что дѣло обойдется и безъ нея. Французское войско, запертое между Днѣпромъ, Березиною и Двиною, не избѣжитъ гибели; быть можетъ, и его преступный вождь попадетъ въ руки русскихъ. Русскія арміи двинутся немедленно къ Оде-

---

[1]) Изъ „Жизни Штейна“ Перца мы узнаемъ, что такова именно была основная идея Александра. Идея эта, впрочемъ, не встрѣтила всеобщаго одобренія ни въ Германіи, ни въ Россіи. И въ Россіи были политики, полагавшіе, что слѣдовало-бы возстановить старую имперію. См. „Воспоминанія Вигеля“, часть 5, стр. 8.

[2]) Графъ Мюнстеръ былъ ганноверскимъ министромъ при особѣ короля англійскаго, бывшаго въ тоже время и владѣтелемъ Ганновера. Графъ отличался пламенною ненавистью къ Наполеону, но, какъ узкій партикуляристъ, представлялъ полную противоположность Штейну.

ру и Эльбѣ, кто можетъ противостать имъ? Два милліона храбрыхъ германцевъ, всѣ средства Польши и Пруссіи будутъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ распоряженіи завоевателя. Какъ устроить все это, кто и чьимъ именемъ будетъ распоряжаться? Все это покрыто глубочайшимъ мракомъ. Надо надѣяться, что все сдѣлается къ лучшему, и многаго можно ожидать отъ благороднаго характера императора Александра, не смотря на его окружающихъ. Все, что можно сдѣлать доводами и представленіями, обращенными къ нему и ко всѣмъ разумнымъ людямъ, я дѣлаю. Отъ старой маркизы я не жду ничего, рѣшительно ничего, ибо она совершенно неразумна, невѣжественна и неблагородна [1]). Швеція—это мыльный пузырь и дѣйствуетъ подобно ему. Мы не нуждаемся въ ней болѣе. Мы много выиграемъ, если будетъ устранено вмѣшательство этой коварной, ненадежной, проникнутой французскимъ духомъ націи и этого революціоннаго героя" [2]).

Бывшій прусскій министръ, Штейнъ возмущается при одной мысли, что его могутъ считать прусскимъ патріотомъ. „Мнѣ очень жаль, пишетъ онъ графу Мюнстеру, что ваше сіятельство, подозрѣвая во мнѣ пруссака, открываете въ себѣ ганноверца. У меня есть лишь одно отечество,—это Германія. И такъ какъ по старому устройству я принадлежалъ только ему какъ цѣлому, а не какой либо особой части его, то я и преданъ всею душою только ему, а не какой-либо части его. Я ко всѣмъ династіямъ одинаково равнодушенъ; въ эту годину величайшихъ событій онѣ не болѣе, какъ орудія [3]). Мое желаніе, чтобы Германія была велика и сильна, чтобы она возвратила свою самобытность, независимость и національность, чтобы она удерживала все это въ своемъ се-

[1]) Кого понимаетъ Штейнъ подъ старою маркизою,—сказать трудно. Ясно лишь одно: подъ старою маркизою надо подразумѣвать представителя какой нибудь партіи или державы.

[2]) Т. е. Бернадота. Союзъ съ Швеціею доставилъ очень мало выгодъ Россіи; а Бернадотъ, въ качествѣ главнокомандующаго одной изъ союзныхъ армій въ 1813 году, скорѣе вредилъ общему дѣлу и тормозилъ его, нежели приносилъ пользу.

[3]) „Mir sind die Dynastien in diesem Augenblick grosser Entwikelung vollkommen gleichgültig, es sind bloss Werkzeuge.

рединномъ положеніи между Франціею и Россіею. Въ этомъ заключается интересъ германской націи и Европы". „Мое убѣжденіе—это единство, исключающее всякій компромиссъ, всякую переходную форму. Поставьте на мѣсто Пруссіи, чтó хотите; уничтожьте ее, увеличьте Австрію Силезіею, Марками, всею сѣверною Германіею, низведите Баварію, Виртембергъ, Баденъ, на ту степень, которую они занимали до 1802 года, сдѣлайте Австрію господиномъ въ Германіи, я желаю этого, я одобрю это; но перестаньте мечтать о Монтекахъ и Капулетахъ и объ украшеніяхъ старыхъ рыцарскихъ замковъ [1]). Если кровавая борьба, которую ведетъ Германія вотъ уже 20 лѣтъ, и къ которой вновь призываютъ ее теперь, должна окончиться шутовскимъ фарсомъ, то я, по крайней мѣрѣ, не намѣренъ принимать въ ней участія и предпочитаю возвратиться къ частной жизни" [2]).

Стоя на общегерманской почвѣ, не являясь представителемъ сепаратныхъ интересовъ Австріи, Пруссіи, или Гановера, Штейнъ тѣмъ самымъ являлся самымъ удобнымъ и незамѣнимымъ помощникомъ русскаго императора въ борьбѣ за освобожденіе Германіи и Европы. Онъ одинъ не опускалъ изъ виду первой и важнѣйшей задачи: продолженія побѣдоносной борьбы съ Наполеономъ. Онъ справедливо доказывалъ императору, что эта борьба предохранитъ Россію отъ новыхъ вторженій завоевателя, вознесетъ ее на высоту величія и славы и дастъ ей возможность удовлетворить своимъ законнымъ интересамъ, основать новый порядокъ вещей въ Европѣ, покоющійся на идеяхъ свободы, справедливости и самобытнаго развитія европейскихъ націй. Увѣренность Штейна въ близкомъ и полномъ торжествѣ праваго дѣла росла по мѣрѣ успѣховъ русскаго оружія. „Наши войска, писалъ

---

[1]) Въ другомъ мѣстѣ того-же письма: „Не возможно возстановить Германію; возстановляя старыя, распавшіяся, гнилыя формы, это значило бы основать систему военной искусственной границы на развалинахъ старыхъ рыцарскихъ замковъ и городовъ, укрѣпленныхъ башнями и стѣнами; это значило бы отвергнуть идеи Вобана, Когорна и Монталамбера".

[2]) Письмо къ графу Мюнстеру отъ 1 декабря (нов. ст.) 1812 г. См. Перцъ, Stein's Leben. T. III, стр. 234—237.

[illegible] торжествомъ въ триумф
[illegible] въ бу

[illegible] завоева
[illegible] [illegible]знет
[illegible] будут
[illegible] нее
[illegible] чтобъ
[illegible] Европѣ
[illegible] жить ко
[illegible] льности.
[illegible] мо про-
[illegible] нуть въ
[illegible] сто-
[illegible] ству въ
[illegible] ие не-
[illegible] бинаціи.
[illegible] тики. Все
[illegible] лонос-
[illegible] нимъ.
[illegible] шествія
[illegible] тарѣлый
[illegible] сію.
[illegible] Буту-
[illegible] ста-
[illegible] звалъ
[illegible] звалъ
[illegible] италъ
[illegible] сіи.
[illegible] Мысли-
[illegible] зож-
[illegible] Бар-
[illegible] при-
[illegible] скій

[illegible] 28.
[illegible] Перкъ

царь долженъ былъ стать во главѣ своего вооруженнаго народа. Только на окраинѣ имперіи, среди своихъ армій, могъ онъ соразмѣрить достаточность своихъ силъ для подъемлемой имъ великой борьбы. Только его личное присутствіе и участіе могло оживить и ходъ военныхъ дѣйствій, и медленное теченіе переговоровъ; лишь онъ одинъ могъ воодушевить своихъ, увлечь чужихъ, явиться передъ Наполеономъ во главѣ грозной европейской коалиціи.

И другіе мотивы неудержимо влекли императора Александра на театръ войны. Самъ своими очами хотѣлъ онъ узрѣть кровавые слѣды страшнаго суда Божія на ледяныхъ поляхъ. Какъ истинный христіанинъ, горѣлъ онъ нетерпѣніемъ явиться ангеломъ-утѣшителемъ среди сотень тысячъ страдальцевъ. Уже въ началѣ декабря государь объявилъ о своемъ намѣреніи немедленно же выѣхать въ Вильну. Одинъ выборъ окружающихъ показывалъ, съ какими цѣлями спѣшитъ онъ на границу своей имперіи. Кромѣ неизбѣжнаго Аракчеева, императоръ приказалъ ѣхать съ собою: оберъ-гофмаршалу графу Толстому, генералъ-адъютантамъ: князю Волконскому, барону Винцингероде, государственному секретарю Шишкову и Штейну [1]). Румянцевъ, главный сторонникъ мира, остался въ Петербургѣ; вмѣсто него поѣхалъ Нессельроде, не имѣвшій самостоятельныхъ политическихъ взглядовъ, привыкшій исполнять лишь приказанія государя.

Штейнъ ликовалъ. „Потокъ событій стремится неудержимо впередъ“, писалъ онъ графу Мюнстеру. „Сотни тысячъ истреблены, Наполеонъ ниспровергнутъ въ прахъ, армія его бѣжитъ передъ нѣсколькими казаками. Германія открыта передъ Россіею“ [2]). „Императоръ отправился въ армію, черезъ нѣсколько недѣль онъ будетъ въ Кенигсбергѣ, я встрѣчусь съ нимъ тамъ“ [3]).

---

[1]) Мы уже знаемъ, что изъ всѣхъ названныхъ лицъ одинъ только Штейнъ имѣлъ рѣшающее вліяніе на Александра.

[2]) Изъ письма Штейна къ графу Мюнстеру отъ 24 декабря 1812 года. Перцъ. Т. III, стр. 230.

[3]) Изъ письма Штейна къ Гнейзенау отъ 21 декабря и къ Вальмодену отъ 23 декабря 1812 года. Перцъ. Т. III, стр. 231, 232.

ГЛАВА III.

Александръ на пути въ Вильну.—Слѣды войны.—Страна запустѣнія и смерти.—Транспорты плѣнныхъ.—Дорога изъ труповъ.—Впечатлѣнія очевидцевъ.—Александръ и Наполеонъ.—Въѣздъ въ Вильну,—Штейнъ о бѣгствѣ французовъ.—Нѣмецкій дворянинъ на пути изъ Испаніи въ Сибирь.—Страшная стѣна.—Уличныя сцены.—Картины ужаса.—Кладбища и госпитали.—Александръ на единѣ съ Кутузовымъ.- Бесѣда съ графинею Тизенгаузенъ.—Наполеонъ и русскіе бородачи.—Идея священнаго союза.—Генералъ Вильсонъ и фельдмаршалъ Кутузовъ.—Литовская депутація и амнистія.—Балъ у Кутузова.—Преклоненіе знаменъ.—Кому принадлежитъ честь побѣды?—Александръ въ притонахъ заразы и смерти.—Ангелъ утѣшитель.—Обманчивыя иллюзіи и надежды на скорый миръ.—Шансы предстоящей кампаніи.—Силы Наполеона и Александра.—Александръ отвергаетъ съ негодованіемъ всякую мысль о примиреніи.—Генералъ Іоркъ и Таурогенская конвенція.—Письмо императора Александра къ Іорку.—Героизмъ Іорка, восторгъ прусскаго народа и паника Берлинскаго правительства.—Бѣгство французовъ изъ Пруссіи и торжественное вступленіе русскихъ войскъ.—Французскіе цивилизаторы и русскіе варвары.—Религіозное настроеніе государя и войска.—Мысль о построеніи храма Спасителя въ Москвѣ.-Письмо П. А. Кикина.—Манифестъ 25 Декабря 1812 года —Нѣтъ уже болѣе ни единаго врага на лицѣ земли нашей!—Кто могъ сіе сдѣлать?—Манифестъ о построеніи храма Спасителя.—Послѣдніе дни пребыванія Александра въ Вильнѣ.—Прокламація Кутузова къ пруссакамъ.—Воззваніе къ полякамъ.—Воззваніе государя къ войскамъ при переходѣ черезъ границу.—Отъѣздъ Александра изъ Вильны.

Ночью съ 5-го на 6-е декабря 1812 г. императоръ Александръ выѣхалъ изъ Петербурга. Государь спѣшилъ на театръ военныхъ дѣйствій, или лучше сказать, на тѣ ледяныя поля смерти, гдѣ продолжалъ совершаться судъ Божій надъ гордынею завоевателя и его несмѣтныхъ полчищъ. Самыя разнообразныя мысли тѣснились въ умѣ императора, самыя противоположныя чувства волновали его душу. Онъ спѣшилъ раздѣлить торжество своихъ войскъ, лично стремился онъ увидѣть и отблагодарить тѣхъ безстрашныхъ воиновъ, о желѣзную грудь которыхъ сокрушились и яростные натиски

непріятеля, и смертоносныя нападенія стихій. Но чувства торжества и благодарности смѣшивались у него съ глубокимъ недовольствомъ на весь ходъ нашихъ военныхъ операцій. Императоръ былъ глубоко убѣжденъ, что вся истекшая кампанія была съ нашей стороны не болѣе, какъ цѣлый рядъ крупныхъ ошибокъ, что мы побѣждали лишь благодаря счастливымъ случайностямъ и несравненнымъ качествамъ нашихъ солдатъ. Императоръ вовсе не думалъ, однако-же, порицать и карать лицъ, руководившихъ до сихъ поръ движеніями нашихъ армій. Онъ не намѣренъ былъ выступать въ качествѣ грознаго разслѣдователя и суроваго судьи. Онъ желалъ прежде всего забыть и простить случившееся. Онъ не думалъ говорить о совершенныхъ ошибкахъ, но былъ твердо намѣренъ предупредить подобныя же ошибки въ будущемъ. Теперь, думалъ онъ, не настало еще время упиваться успѣхами и торжествовать наши побѣды. Побѣды эти во всякомъ случаѣ не совершенны и не полны. Мы стоимъ пока не въ самомъ концѣ, а лишь въ началѣ конца нашихъ усилій и успѣховъ. Мы можемъ потерять даже все, если будемъ продолжать дѣйствовать въ томъ-же духѣ и направленіи, какъ и доселѣ. Уже сила и энергія нашего преслѣдованія, всегда оставлявшія желать такъ много лучшаго, окончательно ослабѣли; уже вопреки твердой и ясно выраженной Высочайшей волѣ, главныя силы наши остановились въ Вильнѣ, уже старый фельдмаршалъ поговариваетъ о Капуѣ и ея наслажденіяхъ. Необходимо положить предѣлъ всему этому. Все должно оживиться и воспрянуть при его появленіи. Онъ положитъ конецъ всѣмъ колебаніямъ и сомнѣніямъ. Онъ объявитъ своимъ храбрымъ войскамъ, что за святымъ и великимъ дѣломъ освобожденія Россіи должно послѣдовать не менѣе великое и святое дѣло освобожденія Европы. Онъ скажетъ имъ, что надо сокрушить на всегда могущество тирана и обезопасить наши предѣлы отъ его дальнѣйшихъ, неизбѣжныхъ въ случаѣ нашей апатіи, покушеній. Онъ самъ станетъ во главѣ своихъ армій и побѣдоносно поведетъ ихъ къ конечной, великой цѣли войны. Стоя во всеоружіи побѣдителя на предѣлахъ своей имперіи, про-

изнесетъ онъ слово: свобода,—и угнетенныя европейскія націи и ихъ трепещущіе вожди воспрянутъ духомъ и поспѣшатъ подъ его знамена. Уже народное движеніе начинается въ сосѣдней Пруссіи, уже населеніе само рвется противъ французовъ, уже начальники прусскихъ войскъ собираются перейти на нашу сторону, не ожидая рѣшенія своего слабаго, колеблющагося правительства. Не надо давать угаснуть этимъ тлѣющимъ искрамъ, необходимо раздуть ихъ въ яркій всепожирающій пламень. Но для этого необходимо дуновеніе того могучаго духа, которымъ преисполненъ лишь онъ одинъ, императоръ побѣдоноснаго русскаго народа.

И другія мысли и чувства волнуютъ душу Александра. Онъ слышалъ до сихъ поръ такія ужасающія подробности о гибели непріятельской арміи, о страданіяхъ собственныхъ воиновъ, что его сострадательная, нѣжная душа проникласъ до глубины своей чувствомъ сильнѣйшаго сожалѣнія. Онъ не считалъ себя виновникомъ этой страшной войны, его совѣсть была свободна и чиста на этотъ счетъ передъ Богомъ и людьми; но христіанская, живая любовь, не имѣвшая ничего общаго съ его прежними гуманно-либеральными влеченіями, громко говорила ему, что онъ долженъ поспѣшить на помощь изнывающимъ страдальцамъ, что онъ одинъ располагаетъ и силами и средствами для облегченія неслыханныхъ бѣдствій, что онъ призванъ самимъ Провидѣніемъ явиться ангеломъ-утѣшителемъ и для своихъ и для чужихъ, и для друзей и для враговъ.

Государь ѣхалъ по обыкновенію очень быстро. Несмотря на страшный морозъ онъ совершилъ весь путь въ открытыхъ саняхъ. Онъ ѣхалъ на русской тройкѣ въ сопровожденіи своего историческаго кучера Ильи [1]). Всѣ лица, со-

---

[1]) Объ Ильѣ мы находимъ слѣдующія интересныя подробности въ мемуарахъ Шуазель-Гуфье:

„Мнѣ разсказывали трогательную черту объ этомъ Ильѣ. Императоръ ѣхалъ однажды въ Петербургѣ въ дрожкахъ или саняхъ въ одну лошадь, которою правилъ Илья. Онъ повезъ его въ отдаленную улицу, грязную и съ плохими домами. „Зачѣмъ ты повезъ меня сюда, спрашиваетъ Александръ“.—„А вотъ я послѣ скажу“. Подъѣхавъ къ одной лачугѣ, Илья остановился.—„Государь,

провождавшія государя, далеко отстали отъ него. Путь лежалъ на Псковъ, Друю, а оттуда черезъ Видзы и Свянцяны на Вильну. Уже по переѣздѣ черезъ Двину путешественники вступили въ область, носившую на каждомъ шагу ужасные и отвратительные слѣды войны. „Мы видѣли живую картину войны",—говоритъ одинъ изъ нихъ,—„мы даже двигались въ ней, погружались въ нее все глубже, по мѣрѣ того, какъ мы приближались къ Вильнѣ" [1]). Тщетно старались лица, хорошо знавшія чувствительную душу императора, предохранить его хотя сколько-нибудь отъ потрясающихъ сценъ разгрома великой арміи. Тщетно мѣстная администрація постаралась заблаговременно проложить для государя и его свиты новую дорогу, лежавшую на нѣсколько верстъ въ сторону отъ главнаго пути бѣгства и преслѣдованія непріятеля [2]). Эта война, это бѣгство и преслѣдованіе не походили по своимъ размѣрамъ и ужасамъ на обыкновенныя военныя операціи. Вездѣ и въ сторонѣ отъ большой дороги виднѣлись тѣ-же страшныя картины опустошенія; повсюду и на боковыхъ путяхъ ожидали путника однѣ и тѣже леденящія душу сцены страданія и смерти,—сцены, предъ которыми блѣднѣли самыя мрачныя созданія суровой фантазіи Данте. Нигдѣ

сказалъ онъ, вотъ гдѣ живетъ вдова моего прежняго господина, который уступилъ меня Вашему Величеству". Императоръ ничего не сказалъ, но, возвратясь во дворецъ, далъ Ильѣ сумму для его прежней госпожи и бумагу о назначеніи ей пенсіи".

„По смерти Александра, Илья везъ тѣло своего обожаемаго господина изъ Таганрога въ Петербургъ, и не смотря на жестокій холодъ и свои преклонные годы, ночью ложился подъ колесницу, на которой везъ драгоцѣнные останки".

„Въ Вильнѣ, по свидѣтельству тѣхъ-же мемуаровъ, Илья любилъ разсказывать о дурныхъ нравахъ въ Петербургѣ, „за что, по его мнѣнію, и постигли Россію такія бѣдствія".

См. Мемуары гр. Шуазель-Гуфье въ русскомъ переводѣ съ изданія 1862 г., стр. 108—109.

1) Арндтъ: „О войнѣ 1812 г." „Русскій Архивъ" 1871 г., стр. 113.

2) „Чтобы устранить отъ чувствительнаго Александра видъ бѣдствій, нанесенныхъ этою войною, для его проѣзда провели новую дорогу, вдали отъ пути, по которому бѣжали французы. Невозможно однако было устранить всѣ непріятныя встрѣчи". Мемуары Шаузель-Гуфье въ русскомъ переводѣ съ изданія 1829 года. „Русская Старина" 1877 г., стр. 601.

не видно было деревень и селъ, наполненныхъ мирными обитателями. Со всѣхъ сторонъ растилалась страшная мертвая пустыня. Попадались лишь жалкіе слѣды жизни, унесенной мгновенно всесокрушающимъ ураганомъ смерти. Среди низкихъ болотъ, занесенныхъ глубокимъ снѣгомъ, среди холмовъ, поросшихъ мрачнымъ, мѣстами полуобгорѣлымъ лѣсомъ, попадались кое-гдѣ слѣды человѣческихъ жилищъ. Вонъ тамъ въ сторонѣ валялись черныя головешки, полуистлѣвшія бревна и груды мусора. Немного дальше попадались уже цѣлые остовы крестьянскихъ избъ и домовъ. Раскрытые, разбитые, изуродованные, иногда полусожженные, эти остовы производили еще болѣе тяжелое впечатлѣніе, нежели слѣды пожарищъ. Ни въ одномъ изъ нихъ нельзя было найти ни одного живаго существа—ни людей, ни животныхъ [1]). Подальше отъ дорогъ, въ лѣсахъ и землянкахъ, гнѣздились кое гдѣ несчастные жители, разоренные, обезумѣвшіе отъ страха. Бѣлоруссы и литвины, узнавъ о бѣгствѣ непріятеля и проѣздѣ государя, отваживались выходить на дорогу. Ихъ изможденный видъ, ихъ исхудалые, нерѣдко отмороженные члены, ихъ напуганныя лица производили самое тягостное впечатлѣніе. Почтовыя лошади, измученныя усиленною гоньбою, съ трудомъ тащили сани проѣзжающихъ. Запрягали по шести, по восьми лошадей въ одни сани, но изнуренныя клячи едва тащили ноги и останавливались у каждаго пригорка [2]). Волею или неволею, а приходилось ѣхать тихо, невозможно было промчаться съ закрытыми глазами мимо ужасовъ, то и дѣло, бросавшихся въ глаза.

По большой и боковымъ дорогамъ гнали непрерывно на

---

[1]) „Бѣдная, несчастная, малонаселенная мѣстность“,- замѣчаетъ Арндтъ. „Множество разбитыхъ, растоптанныхъ, раскрытыхъ домовъ, безъ людей и животныхъ, даже ни единой кошки въ нихъ“. Арндтъ: „О войнѣ 1812 г. „Русскій Архивъ“ 1871, стр. 114.

[2]) „Наши повозки были на полозьяхъ и въ нихъ запрягали отъ шести до восьми лошадей, до того загнанныхъ, что мы у каждаго холмика должны были останавливаться, чтобы дать имъ вздохнуть“. Арндтъ: „О войнѣ 1812 года“. „Русскій Архивъ“ 1871 г., стр. 113. Надо замѣтить, что Арндтъ ѣхалъ съ Штейномъ, слѣдовательно непосредственно за государемъ.

востокъ громадныя партіи плѣнныхъ. Два три казака и нѣсколько поселянъ, вооруженныхъ дубинами, сопровождали въ качествѣ стражи сотни и тысячи этихъ несчастныхъ страдальцевъ. Да и къ чему была большая стража? Никто изъ этихъ плѣнниковъ не помышлялъ о бѣгствѣ. Оборванные, обмерзлые, посинѣвшіе, они едва переставляли ноги. Только свистъ казацкой нагайки, только удары дубинами побуждали нѣкоторыхъ изъ нихъ ускорить шагъ [1]). За партіями плѣнныхъ тянулось обыкновенно нѣсколько саней, наполненныхъ больными. Они лежали, наваленные другъ на друга, какъ дрова, еле прикрытые соломою. Сани останавливались, то и дѣло, и облегчали свой грузъ. Какъ только больной становился неподвижнымъ, фурщики поспѣшно сбрасывали его въ снѣгъ. Въ деревняхъ и у постоялыхъ дворовъ производился болѣе систематическій осмотръ этой полуживой, полумертвой клади. Мертвецы сваливались съ саней десятками и сотнями, и оставались тутъ-же посреди улицы, непогребенные, и не оттащенные даже въ сторону [2]). Свѣжій снѣгъ покрывалъ ихъ своимъ саваномъ; прохожіе, проѣзжающіе и обозы втаптывали ихъ все глубже и глубже въ землю. Иногда изъ подъ снѣга торчали тамъ и сямъ обледенѣвшіе человѣческіе члены; сани, то и дѣло, стучали по костямъ [3]). Поверхъ перваго ряда мертвыхъ тѣлъ, засыпаннаго снѣгомъ, быстро образовывался новый. Чѣмъ ближе къ Вильнѣ, тѣмъ чаще и чаще попадались человѣческіе и лошадиные трупы. Лошади, неокончательно измученныя ѣздою, то и дѣло, храпѣли, подымались на дыбы и бросались въ сторону при видѣ труповъ [4]).

---

[1]) Объ этихъ транспортахъ см. Арндтъ: „О войнѣ 1812 г.“ Совершенно подобныя же подробности слышали мы объ этихъ ужасахъ еще въ прошломъ году отъ старика, проживавшаго въ дѣтствѣ въ западномъ краѣ.

[2]) „На улицахъ трупы лежали, словно падаль, непокрытые и непохороненные; ни одна человѣческая слеза не пролилась надъ ихъ предсмертною мукою“. Арндтъ: „О войнѣ 1812 года“. „Русскій Архивъ“ 1871 г., стр. 114.

[3]) „Дорога устлана была разбросанными подлѣ ней и на ней мертвыми тѣлами, такъ что сани наши часто стучали, проѣзжая по костямъ втоптанныхъ въ нее человѣческихъ труповъ“. А. С. Шишковъ, записки. Т. I, стр. 165.

[4]) „Наши лошади часто ржали и становились на дыбы отъ труповъ, между и даже черезъ которыхъ имъ приходилось скакать“. Арндтъ, стр. 114.

Люди, утратившіе среди этихъ ужасовъ всякое чувство стыда и человѣчности, нападали, чтобъ ограбить даже мертвецовъ. Близъ одного дерева стоитъ мертвый французскій гренадеръ въ образцовомъ мундирѣ: вѣтеръ колышетъ изъ стороны въ сторону его мертвый трупъ, привязанный веревкою. Тамъ дальше валяются у деревьевъ кучами голыхъ мертвецовъ съ истерзанными лицами, покрытыми черною запекшеюся кровью. По обѣимъ сторонамъ дороги бродили цѣлыми стаями по лѣсу и питавшіеся трупами волки. Они смѣло подходили къ самой дорогѣ и тутъ же на глазахъ у проѣзжающихъ глодали съ жадностью мертвыхъ еще полуживыхъ мертвецовъ 1).

Было что-то невыразимо ужасное, неслыханно-тяжелое въ этихъ картинахъ смерти. Душа, говоритъ очевидецъ, поражалась на каждомъ шагу невѣдомыми ей доселѣ мрачными чувствованіями. Было что-то удивительное, непостижимое въ положеніи этихъ труповъ, устилавшихъ дорогу. Иные изъ нихъ лежали полунагіе, или въ странныхъ, случайно попавшихся имъ одѣяніяхъ, сгорбленные, исковерканные, такъ сказать, живо-мертвые. У иныхъ, на лицахъ ихъ, на коихъ не успѣло еще водвориться спокойствіе вѣчнаго сна, изображалось нѣкое лютое, дикообразное отчаяніе. Смерть, повидимому, не давъ еще ни тѣлу ихъ протянуться, ни чувствамъ угаснуть, схватила ихъ своею хладною рукою и въ тоже мгновеніе окаменила, такъ что съ приподнятою головою, съ незамкнутыми глазами, разинутымъ ртомъ, казалось, говорятъ они: смотрите, какъ казнятся богоотступники и на нашихъ лицахъ читайте, съ какимъ мученіемъ вылетала изъ насъ преступная—и о горе—не умирающая душа наша. Нѣкоторые, однакоже, хотя и не многіе, лежали спокойно заснувшими на постланномъ подъ ними, на снѣгу, рубищѣ. Въѣхавъ въ одну деревню, увидѣлъ я солдата, съ шишакомъ на головѣ, хорошо одѣтаго и обутаго. Онъ, какъ живой, лежалъ простертый на улицѣ, подлѣ избы, не обращая на себя ничьего вниманія; до такой степени множество валяющихся

---

1) Арндтъ, стр. 114.

тѣлъ пріучили жителей смотрѣть на нихъ съ хладнокровіемъ" [1]).

Далеко не одинаково было впечатлѣніе, производимое этими неслыханными картинами ужаса, этимъ всеподавляющимъ торжествомъ смерти на душу государя и сопровождавшихъ его лицъ. Люди болѣе слабые и нервные отварачивались инстинктивно отъ леденящаго кровь зрѣлища. Они закрывали глаза предъ грозными призраками смерти, толпившимися вокругъ нихъ; они старались ничего не видѣть и не слышать. Но люди, пережившіе всѣ ужасы этой кампаніи и не одаренные отъ природы особенною чувствительностью, смотрѣли, такъ казалось по крайней мѣрѣ, съ невозмутимымъ хладнокровіемъ на это страшное зрѣлище смерти. Мертвецы и умирающіе вызывали въ нихъ не чувство состраданія или отвращенія, а скорѣе любопытства. Они разсматривали этихъ жертвъ смерти съ такимъ-же интересомъ и напряженнымъ вниманіемъ, какъ разсматриваетъ анатомъ свои препараты. „Интересно было наблюдать",—говоритъ одинъ изъ такихъ стоиковъ,—„положенія, въ которыхъ поразила ихъ смерть Казалось, что каждый изъ этихъ труповъ окоченѣлъ въ одинъ изъ моментовъ мускульнаго напряженія и дѣятельнаго стремленія. Въ ихъ членахъ рѣдко было замѣтно спокойствіе, они выражали скорѣе напряженное движеніе, высшую степень страданія или мольбы. То была иллюстрированная исторія мученій смерти, дававшая самый богатый матеріалъ мыслящему наблюдателю" [2]).

Иного рода мысли и чувства пробуждались при этихъ картинахъ смерти въ душахъ людей, одаренныхъ сильною во-

---

[1]) См. А. С. Шишковъ, записки. Т. I, стр. 165. Какъ мало обращали тогда вниманія на трупы, валявшіеся повсемѣстно и не только на улицахъ, но даже и въ дворахъ, видно изъ слѣдующихъ словъ Аридта: „Но могъ-ли я удивляться тому, что тутъ нагромождены эти груды труповъ? Не стояли-ли наши сани подъ навѣсомъ въ гостинницѣ Мюллера (въ Вильнѣ) на трупѣ француза въ полной амуниціи, втоптанномъ въ навозъ и солому? Столь велико было общественное бѣдствіе, столь жестоки грязь и безпорядокъ". „Русскій Архивъ" 1871 г., стр. 119.

[2]) См. Wilson, Geheime Geschichte des Feldzugs von 1812 in Russland, стр. 307.

лею, но въ тоже время проникнутыхъ глубокою и живою вѣрою. Съ содроганіемъ, но безъ ужаса и отвращенія, смотрѣли они на мертвыхъ [1]), умирающихъ, плѣнныхъ, на эти жалкіе остатки полчищъ, еще такъ недавно наводившихъ страхъ и трепетъ на все человѣчество. Эти сверхчеловѣческія страданія, эти ужасы смерти вызывали въ нихъ чувства благоговѣйнаго смиренія и уничиженія предъ всеправедною десницею карающаго Божества. Они понимали, что на глазахъ ихъ совершается не обычное дѣло человѣческое, а судъ Божій во всемъ его грозномъ, всесокрушающемъ величіи. „Невозможно исчислить и описать“,—думали вмѣстѣ съ Шишковымъ эти люди простой, безхитростной вѣры,—„ни злочестивыхъ дѣлъ, ни бѣдствій, претерпѣнныхъ сею завлеченною Наполеономъ въ Россію громадою народовъ. Сперва блестящіе великолѣпіемъ, сильные числомъ всадниковъ и орудій, надменные гордостью, свирѣпые убійцы, грабители, зажигатели, богохульники, ругающіеся надъ святынею, потомъ униженные, нищіе, голодные, бродящіе въ трескучіе морозы по лѣсамъ и болотамъ, въ лохмотьяхъ, въ рубищахъ, пожирая другъ друга, или питаясь вранами и псами, приготовляя въ самихъ себѣ взаимную имъ пищу,—таково напослѣдокъ было ихъ состояніе! Кто не познаетъ въ томъ праведнаго гнѣва Божія, карающаго смертныхъ, когда они, превзойдя беззаконіями своими мѣру милосердія Господня, ополчатъ десницу Его громомъ и молніями“ [2]).

Императоръ Александръ былъ человѣкъ далеко иного рода, нежели его государственный секретарь; да и его религіозность была нѣсколько иного свойства, нежели религіозность Шишкова. Мягкая, почти женственная, высоко впечатлительная натура государя привыкла съ самаго дѣтства отзываться на всякое чужое страданіе. Религіозное пробужденіе не только не ослабило, а скорѣе развило и усилило эту чувствительность. Александръ спѣшилъ въ Вильну, что-

---

[1]) Шишковъ однако-же замѣчаетъ: „Отъ многихъ съ ужасомъ отвращалъ я свои глаза“. См. Записки. Т. I, стр. 165.

[2]) См. А. С. Шишковъ, Записки. Т. I, стр. 165.

бы стать во главѣ своихъ побѣдоносныхъ войскъ. чтобы докончить новыми героическими усиліями низложеніе тирана; но при видѣ страшныхъ слѣдовъ борьбы, при видѣ сверхъчеловѣческихъ страданій несчастныхъ плѣнныхъ и бѣглецовъ, онъ забылъ на время, что онъ спѣшитъ воззвать міръ къ новой гигантской борьбѣ, къ новымъ страшнымъ жертвамъ. Его нѣжное сердце леденѣло отъ ужаса при видѣ этихъ тысячъ истерзанныхъ, обезображенныхъ, поруганныхъ труповъ; его мягкая, человѣчная душа таяла, какъ воскъ, при видѣ этихъ ужасовъ и страданій, его рука сама собою протягивалась съ помощью каждому встрѣчному страдальцу. Все героическое, непреклонное вдругъ исчезло въ немъ. Онъ былъ уже не царемъ, не могучимъ народнымъ вождемъ, сокрушившимъ гордыню міра, а благодѣтельнымъ самаряниномъ, человѣкомъ и христіаниномъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Масса страданій, тѣснившихся вокругъ него, угнетала его внутреннее существо; онъ изнывалъ подъ ея тяжестью, онъ чувствовалъ, что онъ не въ состояніи изсушить это море слезъ, крови и зла. „О, если-бы я обладалъ философіею Наполеона“,—говорилъ онъ по временамъ,—„тогда эта чудовищная кампанія не стоила-бы мнѣ цѣлыхъ десяти лѣтъ жизни [1]),—тогда видъ этихъ страданій не приводилъ-бы меня въ отчаяніе, не приводилъ-бы меня къ горькому сознанію моего безсилія, моего ничтожества“. Но развѣ Александръ могъ быть хотя одинъ моментъ Наполеономъ? Наполеонъ любилъ упиваться видомъ полей своихъ сраженій. „Поле битвы было великолѣпно!“ восклицаетъ онъ, наѣздившись вдоволь между грудами человѣческихъ и лошадиныхъ труповъ, упившись до-сыта запахомъ свѣжей крови и пороховаго дыму. Онъ бѣжалъ, бросивъ свою армію, изъ Россіи; онъ приказывалъ закрывать окна своей кареты, но не потому, что не могъ выносить ужасовъ, порожденныхъ имъ самимъ, а лишь потому, что досадовалъ на свою неудачу, хотѣлъ скрыть стыдъ и безсильный гнѣвъ, терзавшіе его душу отъ постороннихъ

---

[1]) Мемуары гр. Шуазель-Гуфье, русскій переводъ съ изданія 1829 г., стр. 601.

взоровъ. Если онъ и заботился о комъ-либо въ эти страшныя минуты бѣгства, то лишь только о самомъ себѣ. Онъ могъ спокойно завтракать въ своей каретѣ подъ Вильною, въ то время какъ почтарь, везшій его, замерзъ на козлахъ [1]. „О если-бы“,—думалъ Александръ вмѣстѣ съ другими людьми, не лишенными чувства,—„гордый завоеватель могъ плакать, какъ заставляетъ плакать матерей сотень тысячъ людей!“ [2]. Но Наполеонъ могъ только истреблять людей, или выражаясь его холоднымъ математическимъ языкомъ, расходовать каждый мѣсяцъ извѣстное количество человѣческаго мяса.

Александръ, принужденный вести праведную войну, могъ плакать и теперь, какъ плакалъ онъ еще юношею на страшномъ Аустерлицкомъ полѣ. Но не довольствуясь однѣми слезами, онъ по мѣрѣ силъ своихъ старался облегчить участь несчастныхъ страдальцевъ, попадавшихся ему на пути. Онъ не пропускалъ мимо себя безъ слова участія, безъ помощи ни одного плѣннаго непріятельскаго солдата. Онъ останавливался, разговаривалъ съ ними, щедро раздавалъ имъ деньги, а самыхъ слабыхъ изъ нихъ сажалъ въ свои сани [3]. Уже на пути къ Вильнѣ онъ подавалъ всѣмъ и каждому высокій примѣръ христіанской любви. Онъ не сторонился подобно лицамъ своей свиты отъ этихъ измученныхъ страдальцевъ, утратившихъ человѣческій образъ, онъ не показывалъ

---

1) „У самой Вильны Наполеонъ завтракалъ преспокойно и шутилъ съ окружавшими, а почтарь, везшій его, замерзъ на козлахъ; тогда какъ герцогъ дела-Рокка-Романо, прозванный Апполономъ Бельведерскимъ (полковникъ красивой Неаполитанской гвардіи, которую Мюратъ имѣлъ нелѣпость вызвать, чтобы совершенно заморозить ее въ концѣ кампаніи, такъ какъ она прибыла въ Россію въ экипировкѣ годной для Неаполя, именно,—въ однихъ малиновыхъ гусарскихъ мундирахъ, при небольшихъ изъ бѣлаго сукна плащахъ и верхомъ на нѣжныхъ и прелестныхъ лошадяхъ), присутствовавшій при этомъ завтракѣ, отморозилъ себѣ руки и ноги, т. е. лишился навсегда тѣхъ и другихъ, ибо вмѣсто того, чтобы оттереть отмороженные члены снѣгомъ, погрузилъ ихъ въ горячую воду“. См. Мемуары Шуазель-Гуфье, русскій переводъ съ изданія 1862 г., стр. 89.

2) Слова эти принадлежатъ Арндту. „Ахъ,—восклицаетъ онъ: „было намъ время, на этомъ медленномъ пути по снѣжнымъ пустынямъ, размышлять объ ужасахъ, произведенныхъ этимъ неслыханнымъ походомъ!“ Стр. 114.

3) Мемуары Шуазель-Гуфье, русскій переводъ съ изданія 1829 г., стр. 601.

чувства отвращенія при видѣ ихъ грязныхъ лохмотьевъ, ихъ черныхъ, отмороженныхъ членовъ, онъ не бѣжалъ прочь отъ тлетворнаго дыханія смерти и заразы, распространяемаго ими.

Но вотъ и Вильна. Государь достигъ ее уже на шестой день пути, 11-го января; его спутники прибыли нѣсколькими днями позже. Какая масса самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній ожидала тутъ Александра и его сподвижниковъ! „Я опять здѣсь, писалъ Штейнъ женѣ [1]), я пережилъ эти шесть мѣсяцевъ, этотъ вѣчно памятный рядъ работъ, движеній, событій. Вся Германія облечется въ глубокій трауръ! 80,000 молодыхъ людей изъ этой несчастной страны или уже погибли, или погибаютъ ежедневно отъ гнилой горячки. 15,000 человѣкъ лежатъ въ здѣшнихъ госпиталяхъ. Повсюду тянутся фуры, нагруженныя трупами. Одни изъ нихъ, полусъѣденные волками, подняты съ большихъ дорогъ въ окрестностяхъ города, другихъ везутъ изъ госпиталей. Вездѣ гонятъ толпы плѣнныхъ. Покрытые жалкими лохмотьями, изнуренные страданіями всякаго рода, съ впалыми глазами, съ почернѣлыми членами, молча плетутся они впередъ, ожидая смерти. Эти несчастные распространяютъ чуму повсюду, куда ни покажутся. Всѣ отталкиваютъ ихъ, и справедливо: жители смотрятъ на нихъ съ отвращеніемъ. Они сознаютъ, что эти люди искупаютъ своею жестокою смертью ужасное преступленіе, совершенное ими въ качествѣ соучастниковъ и орудій разрушительныхъ мѣръ Наполеона. Подтверждено несомнѣнными свидѣтельствами, что въ избыткѣ бѣдствій, обрушившихся на французское войско, непріятельскіе солдаты питались мясомъ своихъ несчастныхъ товарищей, и что русскіе захватывали ихъ не рѣдко за приготовленіемъ этой отвратительной пищи. Физическое и нравственное истощеніе этихъ несчастныхъ было такъ велико, что отрядъ въ 2000 человѣкъ сдался добровольно русскому карантинному чиновнику,—что виленская чернь, состоящая преимущественно изъ жидовъ, смѣло ударила на аріергардъ бѣгущей великой арміи и захватила въ плѣнъ порядочное количество солдатъ старой

---

1) См. Перцъ, Stein's Leben. T. III, стр. 264–266.

гвардіи. Всемогущая воля Провидѣнія выразилась наияснѣйшимъ и поразительнѣйшимъ образомъ въ этомъ ужасающемъ поворотѣ судьбы. Ослѣпленіе преступленія и безумнѣйшаго высокомѣрія увлекло Наполеона въ предпріятіе, окончившееся для него такимъ позоромъ, долженствующее повлечь за собою его истребленіе. Эти небывалыя, ужасныя событія не чужды были чертъ, которыя могли-бы показаться смѣшными, если-бы возможно было смѣяться посреди необъятнаго кладбища, усѣяннаго скелетами и полуживыми призраками. Съ презрѣніемъ и негодованіемъ разсказываютъ здѣсь, какъ собралъ Бертье подъ бой разбитаго барабана около 60 человѣкъ солдатъ, пытаясь удержать съ ними толпы бѣглецовъ, бѣжавшихъ, подобно безумнымъ, изъ воротъ Вильны при появленіи горсти казаковъ; какъ вошелъ въ Вильну Мюратъ, закутанный въ женскую шаль съ кучерскою шляпою на головѣ, съ палкою въ рукѣ; какъ пытался скрыть Наполеонъ свой стыдъ и ярость за поднятыми стеклами своей кареты; какъ смиренно и скромно держали себя его адъютанты; какъ благодарили они за каждый подносимый имъ кусокъ хлѣба. Въ Вильнѣ Наполеонъ приказалъ сжечь всѣ свои вещи, въ томъ числѣ и палатку, убранную драгоцѣнными коврами [1]). Добыча, взятая русскими войсками, необъятна; полагаютъ, что на долю каждаго казака досталось около 300 дукатовъ“.

Желѣзный баронъ не принадлежалъ къ числу людей, готовыхъ прощать своихъ враговъ и плакать о нихъ. Онъ заботился о каждомъ изъ своихъ земляковъ, завлеченныхъ На-

---

[1]) „Въ продолженіе всей ночи во дворѣ университета, противъ дворца, жгли императорскіе экипажи и массу разныхъ предметовъ: палатки, походныя кровати и проч., вмѣсто того, чтобы отдать ихъ жителямъ въ вознагражденіе за убытки, понесенные городомъ. Одинъ юный студентъ хотѣлъ купить у часоваго превосходный ящикъ съ математическими инструментами изъ золота (?) и съ императорскимъ гербомъ; солдатъ штыкомъ швырнулъ ящикъ въ огонь. Люди изъ свиты короля Неаполитанскаго не знали, что имъ дѣлать съ королевскою желто-золотою коляскою и, замѣтивъ въ окнѣ меня и г-жу Таффенъ, стали говорить: „предложимъ ее этимъ дамамъ“. Мы тотчасъ-же убѣжали.“ Коляска осталась въ гостинницѣ и Богъ знаетъ, кто завладѣлъ ею. На другой день при пробужденіи мнѣ объявили, что казаки уже въ городѣ“. Мемуары Шуазель-Гуфье, русскій переводъ съ изданія 1862 г., стр. 95.

полеономъ въ Россію, но плохо было тѣмъ изъ нихъ, которые добровольно пошли за завоевателемъ. Уже въ день пріѣзда Штейна въ Вильну къ нему явился молодой плѣнный офицеръ, оказавшійся его ближайшимъ землякомъ, изъ герцогства Клевскаго. Штейнъ принялъ его ласково, угостилъ его и спросилъ, что завлекло его въ Россію. „Я былъ офицеромъ прусской службу", отвѣчалъ дворянинъ. „Послѣ паденія Пруссіи я отправился домой, поступилъ потомъ отъ скуки въ французскую службу и отправился съ французскимъ полкомъ въ Испанію". При этихъ словахъ Штейнъ поблѣднѣлъ отъ гнѣва. „Милостивый государь", рѣзко прервалъ онъ говорившаго, „у меня дѣла есть поважнѣе возни съ тѣми нѣмецкими дворянами, которые отъ скуки отправились съ французами въ Испанію. Богъ опредѣлилъ каждому его жизненный путь. Я пойду своею дорогою, а вы ступайте своею, хотябы она завела васъ въ самую Сибирь" [1]).

Проникнутый до мозга костей пламеннымъ патріотизмомъ и неугасимою ненавистью къ Наполеону, Штейнъ менѣе кого либо другаго способенъ былъ поддаться тѣмъ ужаснымъ впечатлѣніямъ, которыя производила тогда Вильна на всякаго свѣжаго человѣка. Непоколебимый, безстрашный, преисполненный одною великою идеею, онъ шелъ своимъ путемъ среди этого кладбища, среди этихъ массъ мертвецовъ и изнывающихъ страдальцевъ. За то люди, быть можетъ, не менѣе восторженные и упоенные успѣхомъ, но болѣе нервные и слабые, долгое время не могли освободиться отъ впечатлѣнія страшной обстановки, давившей ихъ, подобно чудовищному кошмару [2]). Холодный ужасъ смерти поражалъ путе-

---

[1]) Mein Herr, ich habe was Beesseres in der Welt zu thun, als mich solcher deutscher Edelleute anzunehmen, die aus Langeweile gegen Spanien fechten gegangen sind. Gott hat im Leben verschiedene Wege ausgetheilt. Gehen Sie Ihren Weg, und wenn er Sie nach Sibirien führt; ich halte den meinigen". Перцъ, Stein's Leben. T. III, стр. 266—267.

[2]) „О какое время! Оно омрачало всю мою будущность. Ничто не занимало меня, ни музыка, ни рисованіе; я могла только записывать въ дневникъ эти печальные дни. Мнѣ казалось, что больше ужъ не будетъ ни весны, ни цвѣтовъ, что небо само раздѣлитъ печаль земли; скорбь просачивалась въ мое сердце, какъ та сырость, которая точитъ стѣны. Я не смѣла взглянуть на луну,

шественника при самомъ въѣздѣ въ Вильну. „Я увидѣлъ, говоритъ Шишковъ, длинную, высокую, необычайнаго образа стѣну. Спрашиваю, что это такое? Мнѣ отвѣчали, что это наваленныя однѣ на другія, смерзшіяся вмѣстѣ, мертвыя тѣла, затѣмъ тутъ накиданныя, что выкапывать для зарыванія ихъ рвы требовало-бы, по причинѣ мерзлой земли, многаго труда и времени“ [1]). Все послѣдующее гармонировало, какъ нельзя болѣе, съ этимъ страшнымъ вступленіемъ. Эта стѣна привѣтствовала путника, вступающаго въ Вильну, внушительнѣе страшной надписи, чернѣвшей на вратахъ Дантова ада. Густой, удушливый дымъ растилался по всѣмъ улицамъ города. То дымились кучи навозу, разложенныя повсемѣстно жителями для предупрежденія себя отъ заразы [2]). На каждомъ шагу можно было встрѣтиться съ французами, оставшимися еще въ живыхъ и не успѣвшими попасть въ госпитали. Страшенъ былъ видъ этихъ людей, приговоренныхъ къ смерти. Съ блѣдными лицами, съ мутными блуждающими глазами они походили скорѣе на мертвыхъ, нежели на живыхъ [3]). По улицамъ тянулись, то и дѣло, страшныя

боясь увидѣть въ ней знаменіе кончины свѣта“. Мемуары Шуазель-Гуфье, русскій переводъ съ изданія 1862 г., стр. 99.

[1]) А. С. Шишковъ, Записки. Т. I, стр. 166. Въ примѣчаніи къ изданію Киселева и Самарина мы читаемъ: „Въ Вильнѣ встрѣтили мы болѣе 17,000 труповъ, складенныхъ въ кучу и составлявшихъ высокую смерзшуюся стѣну (Рукопись Шишкова 1818 г.). Какъ ни очищали улицы, но не знали, что дѣлать съ двадцатью тысячами труповъ, въ Вильнѣ и ея окрестностяхъ. По мѣрѣ возможности складывали ихъ въ телѣги и затѣмъ сваливали въ могилы; падая туда, они издавали глухой звукъ, какъ полѣно. Поговаривали о намѣреніи сжигать ихъ на кострахъ, но и Закретскаго лѣса не хватило-бы на это. Наконецъ виленскій губернаторъ подрядилъ землекоповъ для вырытія огромныхъ ямъ, что потребовало страшной работы, стоившей 40,000 фр., такъ какъ земля была глубоко промерзшая“. Мемуары Шуазель-Гуфье, русскій переводъ съ изданія 1862 г., стр. 99.

[2]) Всѣ улицы наполнены были смраднымъ дымомъ, ибо почти передъ каждымъ домомъ зажжены были горючіе матеріалы, даже просто навозныя кучи, для того, чтобы разсѣять заразу отъ множества лазаретовъ, и эти кучи дымились день и ночь“. Арндтъ, стр. 116. „Для прочищенія воздуха, вездѣ по улицамъ, раскладены были зазженныя кучи навоза, курящіяся дымомъ. Всѣ мы опрыскивали свое платье и носили съ собою чеснокъ и другія предохранительныя отъ заразы вещи“. Шишковъ. Т. I, стр. 166.

[3]) „Въ городѣ и при выходѣ изъ домовъ страшно было встрѣчаться съ ос-

похоронныя процессіи. „Подходя къ городскимъ воротамъ, разсказываетъ очевидецъ, я встрѣтилъ около шестидесяти саней—съ трупами. Всѣ они наполнены были въ госпиталяхъ и на улицахъ. Ихъ везли, какъ везутъ дрова; они окоченѣли и высохли отъ холода, какъ бревна и доставили, вѣроятно, плохую пищу червямъ и рыбамъ (такъ какъ трупы очень часто бросались въ проруби). Всего отвратительнѣе было для меня то, что на кожѣ этихъ несчастныхъ виднѣлись слѣды, выѣденные вшами, подобные слѣдамъ муравьевъ около муравейниковъ. Ужасно было видѣть эти тѣла человѣческія, нѣкогда, при вступленіи въ жизнь, привѣтствованныя любовью и радостью, съ любовью взращенныя и вскормленныя, затѣмъ въ цвѣтѣ лѣтъ оторванныя отъ семьи и друзей дикимъ завоевателемъ, и теперь влекомыя, какъ падаль, безъ всякаго вниманія, съ головами, свѣсившимися до земли, съ ногами, поднятыми къ верху, безъ прикрытія даже того, что предписываютъ скрывать стыдливость и человѣчность“ 1).

Дикій безпорядокъ, невѣроятный хаосъ, страшная грязь

тавшимися здѣсь французами, они, съ блѣдными лицами и мутными глазами, походили больше на мертвыхъ, нежели на живыхъ людей. Иные, идучи, вдругъ падали и умирали; иные казались въ нѣкоторомъ одуреніи, такъ что, вытараща глаза, хотѣли нѣчто сказать, но испускали одни только невнятные звуки“. Шишковъ. Т. I, стр. 160.

„Французскіе плѣнные свободно бродили по городу. Нѣтъ, ничто не изгладитъ изъ моей памяти воспоминанія объ этихъ страшныхъ привѣдѣніяхъ: какъ сейчасъ вижу тощія безобразныя лица, глаза съ одними только бѣлками, этихъ людей, жалкихъ до глубины сердца, таскавшихся подъ лохмотьями нищеты, садившихся погрѣться къ навознымъ кучамъ; въ нихъ зачастую эти несчастные искали какихъ-нибудь отвратительныхъ остатковъ, чтобы утолить раздирающій ихъ голодъ, одно изъ величайшихъ ихъ страданій. Къ нимъ можно примѣнить нижеслѣдующій стихъ Лафонтена: Ils ne mouraient pas tous, mais tous étaient frappés (т. е. они не всѣ умерли, но всѣ были поражены)“. Мемуары Шуазель-Гуфье, изданіе 1862 г., русскій переводъ, стр. 100.

1) Арндтъ, стр. 0116—0117. Другой свидѣтель говоритъ: „Я попробовала пройтись пѣшкомъ, но прогулка эта только омрачила мое воображеніе. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня валялся ограбленный французъ. Напрасно посылала я моего человѣка на помощь къ нему. На улицѣ я видѣла ужасные трупы, сидящіе на землѣ, прислоненные къ стѣнамъ, сохранившіеся вслѣдствіе холода со съежившимися членами и прямые, какъ застала ихъ смерть; эти люди умерли отъ нужды, страданій, безъ всякой помощи, физической или духовной“. Мемуары Шуазель-Гуфье, русскій переводъ съ изданія 1862 г., стр. 96.

покрывали улицы города, по которымъ тянулись эти обозы, съ мертвецами. Среди саней, навьюченныхъ страшнымъ грузомъ, мелькали какъ тѣни оборванные плѣнники, распространявшіе вокругъ себя нестерпимую вонь. Не менѣе грязные и смрадные жиды суетливо шмыгали между живыми и мертвыми, скупая за безцѣнокъ дорогую добычу, но не брезгая при случаѣ и старымъ, проникнутымъ міазмами, хламомъ [1]). Русскіе солдаты и ополченцы, по большей части здоровые, хорошо вскормленные, веселые, съ пѣснями проходили мимо. Во многихъ мѣстахъ, особенно у городскихъ воротъ лежали цѣлыми грудами разбитые французскіе лафеты и повозки. По сторонамъ виднѣлись опустѣлые, ограбленные дома съ выбитыми окнами, съ выломанными дверьми. Подъ ногами валялись шляпы, шапки, кокарды, обломки оружія и всевозможныхъ предметовъ. Трупы и павшія лошади попадались также нерѣдко, въ особенности за городскими воротами. „Трупы, замѣчаетъ очевидецъ, по большей части были убраны, но за большими камнями, подъ мостами и за кустами ихъ было забыто не мало, а волки, повидимому, принимались уже ихъ грызть“ [2]). Оставшіеся въ живыхъ плѣнники относились совершенно безучастно къ этимъ останкамъ своихъ товарищей. Вынесенныя страданія притупили въ нихъ всякую чувствительность, и изгладили послѣдніе проблески человѣческаго чувства. „Меня поразилъ раненый плѣнный“, говоритъ тотъ-же очевидецъ: „онъ шелъ передо мною блѣдный, согнутый. Казалось, что онъ только что вышелъ изъ лазарета, или собирается поступить въ него. Онъ остановился передъ однимъ изъ труповъ, разсматривалъ его, даже коснулся палкою. Такъ равнодушно и безучастно глядитъ, наконецъ, человѣкъ въ лицо своей судьбѣ“ [3]).

Призракъ смерти неустанно носился по площадямъ, улицамъ и окрестностямъ Вильны. Тамъ проносили гробъ, со-

---

[1]) Жиды занимались впрочемъ и другими дѣлами: они добивали плѣнныхъ; жидовки соперничали съ ними въ жестокости; они добивали несчастныхъ своими каблуками. Медуары Шаузель-Гуфье, стр. 96.

[2]) Арндтъ, стр. 0117.

[3]) Арндтъ, стр. 0117.

провождаемый священникомъ и пѣвчими, тутъ тащились сани, на которыхъ вмѣстѣ съ навозомъ и всевозможными нечистотами лежали во всей своей отвратительной наготѣ человѣческіе трупы. Смерть оставляла свои ужасные слѣды не на однихъ площадяхъ и улицахъ, а и среди когда-то богатыхъ и роскошныхъ хоромъ, брошенныхъ своими обитателями. „Я случайно забрелъ", разсказываетъ очевидецъ, „во дворъ большаго строенія. Обширныя службы, компаты съ остатками печей и изящныхъ обоевъ, доказывали, что его занимали еще недавно знатные жильцы. Но какое страшное запустѣніе! Все внутри было изломано и разбито, полы во многихъ мѣстахъ прожжены, повсюду валялись черепки, кости, остатки аммуниціи, шляпъ, шаповъ, плюмажей. Въ отдаленной компатѣ у камина валялся полуизжаренный трупъ. Несчастный, быть можетъ,争 подползъ къ теплу, какъ червяки къ свѣту, и изжарился у огня" [1].

Но что значили всѣ эти картины ужаса, въ сравненіи съ тѣми колоссальными гекатомбами, которыя соорудила себѣ смерть въ особыхъ, излюбленныхъ мѣстахъ. У однихъ изъ городскихъ воротъ Вильны расположено было обширное кладбище. „Попавъ на это кладбище", разсказываетъ очевидецъ, я увидѣлъ лишь церковь, затѣмъ верхнія окна (или точнѣе оконницы безъ рамъ) строенія, расположеннаго вокругъ кладбища, похожаго на монастырь или келіи. Но, подошедши ближе, что я увидѣлъ! Трупы, нагроможденные на трупы въ иныхъ мѣстахъ такъ высоко, что они доходили до оконъ втораго этажа, тутъ конечно было труповъ тысяча; цѣлый вымершій госпиталь. Во всемъ обширномъ строеніи ни одного цѣлаго окна, ни одной живой души—лишь у дверей собака, обнюхивающая стѣны" [2]).

Страшенъ былъ видъ этого вымершаго госпиталя, но не-

---

[1]) Арндтъ, стр. 0118. Точно также у многихъ сторожевыхъ огней найдены трупы людей, которые, желая согрѣться въ предсмертномъ полузабытьи, слишкомъ приблизились къ огню и сгорѣли. Меня объялъ ужасъ, словно я среди бѣла дня увидѣлъ призракъ, и я бѣжалъ изъ этихъ запустѣлыхъ залъ".

[2]) „Къ счастію, сильный морозъ сковывалъ зловонныя испаренія, которыя безъ того отняли-бы возможность подойти къ этимъ жилищамъ ужаса". Арндтъ, стр. 0119.

сравненно ужаснѣе было зрѣлище, представляемое тѣми госпиталями, гдѣ смерть не оканчивала еще свою работу.

Но особенно тяжелое впечатлѣніе производили госпитали, разбросанные по всей Вильнѣ [1]. Госпитали были устроены почти во всѣхъ виленскихъ монастыряхъ, въ зданіи университета, во многихъ частныхъ домахъ, но число раненыхъ и больныхъ было такъ колоссально, что для нихъ не хватало помѣщенія. Всѣ госпитали, безъ исключенія не снабжены были даже самыми необходимыми удобствами для больныхъ. Коекъ было очень мало, и большинство больныхъ лежало на полу, не прикрытомъ соломою. Помѣщенія госпиталей отапливались очень плохо. Вѣтеръ свободно свистѣлъ черезъ разбитыя окна и выломанныя двери. Больные оставались по цѣлымъ днямъ безъ всякаго призора и пищи. Лишь отъ времени до времени давали имъ по нѣсколько сухарей. Они валялись на сыромъ и голомъ полу, въ сырыхъ, холодныхъ комнатахъ. Не было у нихъ ни соломы, ни дровъ, чтобы согрѣться, ни воды, чтобы утолить жажду [2]. Въ медицинской помощи ощущался страшный недостатокъ. Въ громадномъ госпиталѣ Базиліанскаго монастыря, гдѣ лежали постоянно тысячи страдальцевъ, фигурировали всего два—три медика, изъ которыхъ самымъ старшимъ былъ какой-то молодой юноша, родомъ изъ Брабанта. Такіе медики очень рѣдко посѣщали госпитали и откровенно сознавались въ своемъ безсиліи сдѣлать что-либо для облегченія больныхъ. О леченіи не было, разумѣется, и помину. Молодой брабантскій хирургъ прямо говорилъ Арндту [3], что всего лучше помогаетъ ему смерть. Изъ двухъ-

—

1) Подробности о виленскихъ госпиталяхъ можно найти въ военно-медицинскихъ сочиненіяхъ, относящихся къ этой эпохѣ. Особенное значеніе имѣетъ книга Рооса: Ein Jahr aus meinen Leben.

2) Несчастные утоляли жажду снѣгомъ, который они собирали на дворѣ. Chambray. Histoire de l'expedition de Russie. T. III, стр. 146.

3) Арндтъ такъ описываетъ свою встрѣчу съ этимъ хирургомъ: „Возвращаясь въ городъ, я встрѣтилъ порядочно одѣтаго юношу, къ которому я обратился съ какимъ-то вопросомъ; онъ оказался Брабантцемъ и старшимъ хирургомъ при лазаретѣ французскихъ плѣнныхъ, помѣщавшемся въ монастырѣ. Я п[illegible] нимъ до входа въ это жилище горя, увидѣлъ кладбище монастыря,

тысячъ человѣкъ, лежавшихъ въ его госпиталѣ, умирало, по его словамъ, ежедневно отъ 50 до 80 человѣкъ [2]). Больничной прислуги не существовало вовсе; некому было даже позаботиться объ уборкѣ мертвыхъ тѣлъ изъ залъ госпиталей. Трупы валялись обыкновенно по нѣсколько дней среди больныхъ и умирающихъ, отравляя воздухъ своимъ разложеніемъ. Иногда больные, собравши послѣдній остатокъ силъ, выбрасывали мертвецовъ изъ оконъ. Отъ времени до времени являлись особыя команды для очистки лазаретовъ. Они вытаскивали, обыкновенно, мертвецовъ во дворъ или на улицу и сваливали ихъ тутъ грудами, какъ дрова. Вокругъ всѣхъ госпиталей образовались, такимъ образомъ, постепенно цѣлыя горы труповъ. Во дворѣ и въ корридорахъ Базиліанскаго госпиталя лежало, напримѣръ, 7500 труповъ [3]). Всѣ дворы университетскаго госпиталя завалены были мертвецами. Мертвецы валялись кромѣ того и по всѣмъ палатамъ. Прислуга пользовалась даже трупами для предохраненія больныхъ отъ стужи. Разбитыя окна, трещины и отверстія въ стѣнахъ затыкались нерѣдко или цѣлыми трупами, или ногами, руками, туловищами и головами. Легко себѣ представить, какой ужасный, тлетворный запахъ распространяли вокругъ себя эти импровизированныя заслонки [4]).

Проѣзжая по улицамъ Вильны, среди восторженныхъ кликовъ войска и сбѣжавшагося отовсюду народа [5]), государь

все заваленное трупами, и вернулся. Онъ сказалъ мнѣ, что въ лазаретѣ умираетъ ежедневно отъ 50 до 80 челов., это облегчаетъ ему работу". Стр. 0116.

[2]) „Въ больницахъ ежедневно умирало до пятисотъ человѣкъ". Шишковъ, Т. I, стр. 166, прим. 2. По свидѣтельству врачей, изъ числа всѣхъ больныхъ выздоравливала едва лишь десятая часть. Тамъ-же.

[3]) Wilson, Geheime Geschichte des Feldzug's von 1812 in Russland, стр. 306.

[4]) Wilson, стр. 306.

[5]) Поляки держали себя въ сторонѣ, но жиды встрѣчали государя съ восторгомъ. „Жиды во время этой войны выказали преданность Россіи; они не отпали отъ нея сердцемъ какъ поляки, ибо хваленная польская свобода не доставляла имъ той обезпеченности собственности, коею пользуются они подъ русскою властью. Повидимому, у нихъ было вѣрное политическое чутье, ибо они съ самаго начала отнеслись враждебно къ французамъ и, несмотря на денежныя приманки, въ большинствѣ случаевъ не соглашались быть шпіонами и измѣнниками". Арндтъ, стр. 0120. Самъ Александръ, въ разговорѣ съ гр. Тизен-

не могъ, разумѣется, замѣтить и сотой доли тѣхъ ужасовъ, которые представляла тогдашняя Вильна. Государя везли по тѣмъ улицамъ, гдѣ трупы были убраны заблаговременно, гдѣ господствовали сравнительно чистота и порядокъ, гдѣ только горящіе навозные костры напоминали о страшной заразѣ, свирѣпствовавшей въ городѣ. Скорбныя мысли, навѣянныя раздирающими душу путевыми сценами, оттѣснены были въ этотъ моментъ чувствами иного рода. Императоръ былъ вновь среди храбрыхъ своихъ воиновъ, покинутыхъ имъ около шести мѣсяцевъ тому назадъ. Какой небывалый поворотъ судебъ совершился за этотъ сравнительно короткій срокъ! Тогда все было проникнуто скорбью и отчаяніемъ, тогда Россія стояла, казалось, на краю пропасти; теперь все преисполнено было ликованіемъ и восторгомъ, и освобожденная, побѣдоносная Россія собиралась возвратить свободу и жизнь порабощенной Европѣ! Волнуемый самыми противоположными чувствами, императоръ въѣхалъ въ дворъ замка, гдѣ ожидала его торжественная встрѣча. Почетный караулъ Семеновскаго полка отдалъ честь. На ступеняхъ крыльца стоялъ престарѣлый фельдмаршалъ въ полной парадной формѣ, окруженный блестящимъ сонмомъ генераловъ. При звукахъ торжественнаго марша Кутузовъ преклонился предъ императоромъ и поднесъ ему строевой рапортъ. Александръ поздоровался сначала съ Семеновцами, затѣмъ онъ дружески обнялъ Кутузова и, взявъ его подъ руку, прошелъ съ нимъ въ кабинетъ. Прошло около часу въ уединенной бесѣдѣ государя съ фельдмаршаломъ. Что говорилъ государь съ своимъ полководцемъ, на сколько высказалъ онъ при этомъ его недовольство за медленный ходъ нашего преслѣдованія, на ошибки и бездѣйствіе нашей главной квартиры,—сказать трудно. Люди, стоявшіе очень близко къ Кутузову, разсказывали впослѣдствіи, что государь прямо обвинялъ фельдмаршала въ нераспорядительности и бездѣйствіи, позволившихъ Наполеону и остаткамъ его арміи ускользнуть изъ предѣловъ Рос-

---

[illegible] Мемуары Шуазель-Гуфье стр. [illegible]

сіи. Кутузовъ оправдывался и доказывалъ, что онъ дѣйствовалъ лишь осторожно и осмотрительно, и не считалъ себя вправѣ поступать иначе, имѣя передъ собою такого опаснаго противника, какъ Наполеонъ [1]). Какъ-бы то ни было, но и упреки государя и возраженія главнокомандующаго остались для всѣхъ глубокою тайною. Никто не присутствовалъ при разговорѣ, а оба собесѣдника хорошо умѣли скрыть отъ окружающихъ волновавшія ихъ чувства. Порицая Кутузова наединѣ, императоръ считалъ своимъ долгомъ выразить ему публично свою признательность, возложить на его грудь величайшую военную награду. Этого требовали громко и общественное мнѣніе всей Россіи, и дѣйствительный, видимый результатъ кампаніи. Едва только фельдмаршалъ вышелъ изъ кабинета, какъ графъ Толстой поднесъ ему на серебряномъ блюдѣ знаки ордена св. Георгія 1-й степени. Передъ этимъ торжественнымъ актомъ монаршей милости должны были разсѣяться всѣ сомнѣнія скептиковъ и ожиданія затаенныхъ враговъ маститаго вождя.

Императоръ Александръ не любилъ торжественныхъ пріемовъ и встрѣчъ. Даже въ эти великія минуты своей жизни онъ старался покончить, какъ можно скорѣе, съ формальностями и спѣшилъ отвести душу въ задушевной бесѣдѣ съ лицами, не занимавшими никакого офиціальнаго положенія. Графиня Тизенгаузенъ, обратившая на себя вниманіе государя уже лѣтомъ 1812 г.,—женщина [2]), блиставшая не одною

[1]) Подробности эти находятся въ запискахъ князя Голицына, состоявшаго при Кутузовѣ въ 1812 г.

[2]) Отецъ и братья гр. Тизенгаузенъ перешли на сторону Наполеона въ началѣ кампаніи, а теперь при приближеніи русскихъ бѣжали изъ города. Графиня, въ то время еще молодая дѣвица, осталась въ Вильнѣ, намѣреваясь ходатайствовать за отца и братьевъ. Она имѣла право разсчитывать на успѣхъ предъ Александромъ, такъ какъ она одна изъ всѣхъ полекъ не преклонилась передъ Наполеономъ и отважилась даже надѣть въ его присутствіи шифръ, полученный ею въ русскомъ институтѣ. Кутузовъ по прибытіи въ Вильну посѣтилъ графиню и отнесся къ ней съ большимъ участіемъ. Узнавъ о пріѣздѣ императора въ Вильну, графиня воскликнула со слезами: „Ангелъ здѣсь, мы спасены!“. Въ тотъ-же день явился къ графинѣ графъ Толстой съ порученіемъ передать ей благодарность Его Величества и тысячу привѣтствій. Вечеромъ пріѣхалъ самъ государь и объяснилъ свое посѣщеніе желаніемъ выразить ей свою

только красотою, но еще более умомъ и непринужденными грацiозными манерами, удостоилась и на этотъ разъ милостиваго вниманiя императора. Александръ посѣтилъ графиню уже въ первый день по прибытiи своемъ въ Вильну. Послѣ обычныхъ привѣтственныхъ фразъ императоръ обратился къ графинѣ съ такими словами:

„У меня было много непрiятностей, я настрадался. Въ Петербургѣ не [illegible] недовольные [illegible] изъ военныхъ [illegible]. Въ предшествовавшее моему царствованiе и при императрицѣ Екатеринѣ занимались [illegible] интригами, теперь-же всѣ желаютъ [illegible] въ тайны правленiя и политики,— [illegible] счастливою философiею [illegible] стоитъ мнѣ десять лѣтъ жизни“[1].

[illegible] за Наполеона. „Какое впечатлѣнiе произвелъ онъ на васъ?“ спросилъ императоръ графиню.

„[illegible] превзошло моихъ ожиданiй. Я [illegible] генiальности“.

„Именно [illegible] впечатлѣнiе произвелъ онъ и на меня“, сказалъ императоръ Александръ. „Замѣтили-ли вы его свѣт[illegible]—не выдерживаю [illegible]“.

„[illegible]. Не смотря [illegible] Вашего Величества, я болѣе робѣю [illegible] Наполеона, хо[illegible] обращается съ дамами [illegible] даже грубо“.

„[illegible]“

„[illegible] Вашего Величества“.

[illegible] теперь этихъ даже нуж[illegible]

[illegible] съ графиней [illegible] военныхъ дѣ[illegible] подробно[illegible] за ихъ точность.

„Видѣли-ли вы короля Неаполитанскаго?"

„Видѣла его мелькомъ изъ окна. Онъ мнѣ показался театраленъ въ его желтыхъ сапогахъ и шляпѣ съ перьями на манеръ Генриха IV".

„Да, онъ перенялъ костюмъ Генриха IV, не усвоивъ его чувствъ. Жаль, что вамъ не удалось поговорить съ нимъ, у него гасконское произношеніе. При первой моей встрѣчѣ съ Наполеономъ я увидѣлъ подлѣ него турка, котораго мнѣ тотчасъ представили подъ именемъ великаго герцога Бергскаго, зятя Наполеона. Въ другой разъ я его видѣлъ въ испанскаго покроя мундирѣ съ зелеными украшеніями".

Разговоръ коснулся роли Мюрата въ послѣдней кампаніи. Александръ замѣтилъ:

„Наполеонъ слишкомъ снисходителенъ къ нему, ему бы слѣдовало его разстрѣлять; онъ его погубилъ, уничтоживъ французскую кавалерію".

Графиня передала императору нѣсколько подробностей о пребываніи Наполеона въ Вильнѣ. Александръ слушалъ спокойно, не лишенныя комизма, подробности о балахъ и пріемахъ солдатскаго императора; но когда рѣчь коснулась строгаго этикета, заведеннаго Наполеономъ, когда онъ услышалъ, какихъ услугъ требовалъ грубый корсиканецъ отъ своихъ приближенныхъ и какъ Колинкуръ долженъ былъ держать подножку его кареты, государь вспыхнулъ и прервалъ графиню такими словами:

„Какъ можно унижать до такой степени достоинство посла!—И что за удобство, когда прислуживаютъ придворные? Мнѣ гораздо лучше услуживаетъ мой камердинеръ, чѣмъ всѣ эти придворные полотеры. Къ счастью, что мѣсто при дворѣ не есть должность и не можетъ наполнять всей дѣятельности человѣка; теперь придворные начали занимать мѣста въ военной и административной части".

Разговоръ вновь обратился къ Наполеону и къ событіямъ истекающей войны. Государь съ поразительной вѣрностью указалъ на главныя причины катастрофы, постигшей Наполеона. „Какъ могъ, замѣтилъ онъ прежде всего, Наполеонъ вторгнуться въ Россію съ 600,000 человѣкъ, не взявъ съ

собою никакихъ запасовъ, не обезпечивъ ничѣмъ продовольствія своихъ массъ. Не мудрено, что Наполеону пришлось отвѣчать тѣмъ, которые требовали отъ него строгихъ мѣръ противъ мародеровъ: что-жъ мнѣ съ ними дѣлать? Нужно же имъ кормить себя".

Въ героизмѣ народа русскаго усматривалъ Александръ вторую и важнѣйшую причину гибели завоевателя. Онъ пришелъ въ умиленіе, говоря о преданности простаго русскаго народа.

„О, мои бородачи, воскликнулъ онъ съ восторгомъ, они гораздо лучше насъ! Они сохраняютъ патріархальные нравы, вѣру въ Бога и безграничную преданность своему государю" [1]).

Ставя такъ высоко свой народъ, государь относился чрезвычайно строго и къ самому себѣ и къ окружающей его средѣ.

„Надобно быть на моемъ мѣстѣ",—говорилъ онъ съ сокрушеннымъ сердцемъ,—„чтобы ясно представить себѣ, какая отвѣтственность лежитъ на государѣ,—чтобы понять мои чувства, когда я думаю о днѣ, въ который придется мнѣ дать отчетъ Богу въ жизни каждаго солдата. Нѣтъ, престолъ—не мое призваніе; если-бы я могъ съ честью измѣнить мое состояніе, я-бы охотно на него согласился. Мнѣ такъ плохо помогаютъ въ осуществленіи моихъ плановъ, что у меня подчасъ является желаніе размозжить себѣ голову объ стѣну. Меня окружаютъ эгоисты, которые пренебрегаютъ добромъ и интересами государства, заботясь лишь о своихъ личныхъ выгодахъ и повышеніи" [2]).

Императоръ говорилъ съ возрастающимъ увлеченіемъ. Высокое религіозное чувство, наполнявшее его душу,—чувство,

[1]) Въ изданіи 1862 г. добавлено: „Они не поддались на приманку французовъ, обѣщавшихъ имъ свободу". См. русскій переводъ мемуаровъ, стр. 118.

[2]) Александръ, замѣчаетъ авторъ мемуаровъ во второмъ изданіи, питалъ глубокое презрѣніе ко всѣмъ внѣшнимъ знакамъ отличія. „Александръ пожаловалъ князю Волконскому какую-то ленту, голубую или красную. Тотъ былъ такъ радъ, что императоръ пришелъ въ совершенное изумленіе".—„Любезный Волконскій, можно-ли до такой степени радоваться какому-нибудь кусочку ленты?". „Государь, отвѣчалъ князь, я радуюсь тому почету, который съ нимъ связанъ и который оказанъ мнѣ Вами". Стр. 115—116.

возбужденное Библіею и событіями послѣдняго времени, рвалось въ немъ наружу.

„Отчего это", воскликнулъ онъ, „всѣ государи и народы Европы не условятся жить по братски и помогать другъ другу въ своихъ нуждахъ? Торговля сдѣлалась-бы общимъ достояніемъ этой громадной семьи! Члены ея хотя-бы и различались вѣроисповѣданіями, но вѣротерпимость соединяла-бы ихъ. Для Бога, я думаю, безразлично—призываютъ-ли Его люди на греческомъ, или на латинскомъ языкѣ, лишь-бы только исполняли они свои обязанности въ отношеніи Его, да были честны. Не всегда длинная молитва бываетъ пріятна Богу" [1]).

„Но моя молитва, Государь, отвѣчала графиня, бываетъ очень длинная, когда я молюсь за Васъ" [2]).

Государь благодарилъ находчивую польку съ своею обычною любезностью. Прощаясь съ нею, онъ замѣтилъ: „Вашъ городъ и дворянство предлагали мнѣ балъ на завтра, по случаю дня моего рожденія; но я не счелъ возможнымъ принять ихъ предложеніе. Мнѣ кажется, при настоящихъ обстоятельствахъ, не только танцы, но самый звукъ бальной музыки не можетъ быть пріятенъ".

Разговоръ императора Александра съ графинею Тизенгаузенъ имѣетъ весьма важное значеніе для занимающаго

---

[1]) Во второмъ изданіи мемуаровъ мы читаемъ: „Императоръ говорилъ, какъ истинный мудрецъ, что не желаетъ иного, какъ счастія человѣчества. Казалось, онъ только и мечталъ о возстановленіи на землѣ золотаго вѣка: прелестная мечта для государя! Ему хотѣлось, чтобы всѣ любили другъ друга, какъ братья, помогая обоюдно въ нуждахъ, и чтобы свободная торговля составляла основу общественнаго союза. Я позволила себѣ сказать, что если-бы люди буквально слѣдовали ученію Евангелія, столь мягкому, естественному и всѣмъ доступному то не нужно-бы было другихъ законовъ для управленія государствами". Мемуары Шуазель-Гуфье, стр. 114.

[2]) Графиня сама сочинила молитву за императора. Вотъ ея текстъ, помѣщенный во второмъ изданіи мемуаровъ: „Боже! пріими Александра подъ Свой покровъ! Да поддержитъ его промыслъ Твой силою своею въ сраженіяхъ и мудростію въ совѣтахъ! Сохрани умъ его отъ опьяненія славою, столь пагубной для монарховъ и столь вредной для счастія народовъ; просвѣти его свѣтомъ Твоимъ въ дѣлахъ, творимыхъ во имя Твое и содержи сердце его въ всемогущихъ рукахъ Твоихъ": Стр. 120.

насъ вопроса. Мы видимъ изъ него ясно, какое неизгладимое впечатлѣніе произвели на императора потрясающія событія отечественной войны. События эти убѣдили его окончательно въ ничтожествѣ той среды, при помощи которой мечталъ онъ въ годы юности преобразовать свою имперію. Онъ понялъ, гдѣ коренятся главныя его силы: онъ узналъ, какъ должно, тѣхъ бородачей, которыхъ думалъ онъ цивилизовать прежде на англо-французскій манеръ. Онъ сознàлъ всю тяжесть лежащей на немъ отвѣтственности, и съ сокрушеннымъ сердцемъ позналъ свое страшное одиночество среди эгоистовъ, толпившихся вокругъ его трона. Въ религіи, въ теплой, живой вѣрѣ во всеблагій Промыселъ, обрѣлъ онъ единственный источникъ силы и утѣшенія. На религіи думалъ онъ основать свое владычество, на евангельскихъ началахъ любви думалъ онъ построить международныя отношенія, возстановить разрушенную Наполеономъ великую семью европейскихъ народовъ. Идея священнаго союза между государями,—союза, основаннаго на высочайшей заповѣди Христа Спасителя: „возлюби ближняго, какъ самого себя, а Бога больше самого себя". родилась въ душѣ его безъ всякаго посторонняго воздѣйствія, безъ участія восторженныхъ пророчицъ и набожныхъ мистиковъ—профессоровъ философіи [1]. Эта идея явилась прямымъ и чистымъ продуктомъ его внутренней борьбы, его тяжелыхъ страданій, его горькихъ опытовъ и разочарованій. Она зародилась въ его душѣ въ тотъ великій моментъ, когда въ виду зарева Москвы, среди ужасовъ торжествующаго нашествія, онъ далъ твердый обѣтъ передъ Богомъ и передъ своею совѣстью не полагать оружія до тѣхъ поръ, пока Россія и Европа не освободятся отъ терзающаго ихъ исполина. Она окрѣпла въ немъ и проникла все его существо въ тѣ тяжелые дни, когда оставленный всѣми, окруженный трусами и эгоистами, онъ находилъ опору лишь въ горячей молитвѣ и чтеніи слова Божія, а сочувствіе лишь въ немногихъ избранныхъ, проникнутыхъ столь-же твердою

---

[1]) Мы увидимъ впослѣдствіи, въ чемъ заключалось дѣйствительное значеніе этихъ пророчицъ и мистиковъ.

вѣрою, какъ и онъ самъ. Она созрѣла и приняла форму вполнѣ сознательную, когда на ледяныхъ поляхъ онъ узрѣлъ воочію страшный судъ Божій и увидѣлъ во всей ужасающей наготѣ послѣдствія войны для несчастнаго, жалкаго человѣчества. Отнынѣ онъ ведетъ войну лишь для того, чтобы на вѣки положить конецъ войнѣ, чтобы основать на землѣ царство любви, братства и мирнаго служенія единому Богу, Отцу страждущаго, терзаемаго доселѣ сильными міра сего, человѣчества [1]).

---

[1]) Свидѣтельство гр. Тизенгаузенъ, оставляемое до сихъ поръ безъ вниманія историками, рѣшаетъ положительно вопросъ, кому принадлежала первая идея священнаго союза. Она не принадлежала ни королю Прусскому, какъ думали это одни, ни г-жѣ Криденеръ, какъ утверждали это другіе, ни Францу Баадеру, какъ предполагали это третьи, а самому императору Александру. Идея эта возникла не въ 1813 г., 14, или даже 15 г., а уже въ 1812 г. Александръ перенесъ войну за предѣлы имперіи, одушевляемый и подвигаемый этою идеею, а послѣдующія событія и вліянія способствовали лишь дальнѣйшему развитію и осуществленію этой идеи на практикѣ.

Въ виду такой важности свидѣтельства гр. Тизенгаузенъ, серьезный историкъ долженъ отнестись къ нему съ величайшимъ вниманіемъ, но въ тоже время и осторожностью. Возникаетъ вопросъ: вѣрно-ли передавала графиня слова государя и не было-ли у нея какихъ-нибудь побужденій скрывать истину, или-же искажать ее? Намъ кажется, что этотъ вопросъ разрѣшается самъ собою при внимательномъ чтеніи мемуаровъ. Графиня говоритъ объ Александрѣ не иначе, какъ съ благоговѣніемъ, но это чувство не вытекаетъ у нея изъ какого-нибудь мутнаго или недостойнаго источника. Ея отношенія къ государю высоко-нравственнаго свойства. Она поражена и увлечена высокими душевными свойствами Александра; онъ кажется ей ангеломъ, ниспосланнымъ свыше для страждущаго человѣчества. Графиня была, какъ извѣстно, пламенная польская патріотка; подобно другимъ своимъ землякамъ она ожидала отъ Наполеона возстановленія Польши; но изъ ея мемуаровъ не видно, чтобы она благоговѣла предъ Александромъ, какъ возстановителемъ Польши, хотя она и ставила очень высоко его заслуги по отношенію къ Польшѣ. У графини не было ни малѣйшаго повода приписывать Александру слова и выраженія, которыхъ онъ не употреблялъ. Все, что передаетъ она намъ изъ разсужденій и разговоровъ въ Вильнѣ, въ декабрѣ 1812 г., подходитъ какъ нельзя болѣе и къ характеру императора и къ его тогдашнему настроенію, и, что самое важное, все подтверждается, какъ нельзя болѣе, другими свидѣтельствами. Такъ могъ говорить только императоръ Александръ и никто иной не могъ приписать ему подобныхъ мыслей и словъ. Само собою понятно, что въ настоящемъ случаѣ вопросъ идетъ не о буквальной точности въ передачѣ словъ и выраженій императора, а о точности въ отношеніи общаго смысла. Эта послѣдняя точность стоитъ выше всякихъ сомнѣній, тогда какъ точность буквальная можетъ казаться иногда сомнительною. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи особенно важны

Вечеромъ того-же самаго дня императоръ имѣлъ и другую продолжительную бесѣду,—бесѣду совершенно иного свойства и съ совершенно инымъ человѣкомъ, нежели восторженная польская графиня. Англійскій генералъ Вильсонъ, этотъ вѣчный антагонистъ Кутузова, этотъ неутомимый и злостный цензоръ каждаго шага стараго фельдмаршала, успѣлъ добиться аудіенціи у государя въ самый день пріѣзда его въ Вильну [1]). Императоръ принялъ его необыкновенно любезно.

слѣдующія соображенія. Мемуары Шуазель-Гуфье (такъ называлась впослѣдствіи графиня по имени своего мужа) существуютъ въ двухъ изданіяхъ. Первое изданіе вышло въ Брюсселѣ въ 1829 г., тогда какъ второе предпринято было авторомъ въ 1862 г. Между обоими изданіями существуетъ весьма значительное различіе. Оцѣнка событій во второмъ изданіи совсѣмъ иная, быть можетъ, болѣе вѣрная, во всякомъ случаѣ болѣе серьезная, нежели въ первомъ; за то прежняя наивность тона, прежняя свѣжесть впечатлѣній изгладилась безвозвратно. Этого мало. Порядокъ изложенія совсѣмъ иной; сцены и разговоры, носившіе въ первомъ изданіи цѣлостный характеръ, разорваны на части, поставлены въ иную связь, пріурочены къ другому времени, во второмъ. Даже многія подробности, попадавшіяся въ первомъ изданіи, исчезаютъ безслѣдно во второмъ и замѣняются другими. Самъ авторъ, въ предисловіи ко второму изданію, объясняетъ намъ причину такого поразительнаго различія. Оказывается, что при составленіи втораго изданія онъ не имѣлъ подъ руками ни рукописи перваго изданія и ни одного его печатнаго экземпляра, сдѣлавшагося въ это время библіографическою рѣдкостью. Письменныя замѣтки и дневники, по которымъ авторъ составлялъ первое изданіе, во время составленія втораго также не существовали уже во всей полнотѣ; автору пришлось, такимъ образомъ, возстановлять мемуары по памяти, которая естественно могла измѣнять ему во многихъ случаяхъ. Въ виду такого обстоятельства, слѣдуетъ отдавать во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ рѣшительное предпочтеніе редакціи перваго изданія, и пользоваться вторымъ изданіемъ не иначе, какъ съ большою осмотрительностью. Вотъ почему мы пользовались въ текстѣ исключительно первымъ изданіемъ и помѣщали лишь подъ строкою черты и подробности, взятыя изъ втораго. Слова государя, заключающія въ себѣ первую мысль о священномъ союзѣ, помѣщенныя у насъ въ текстѣ, находятся въ первомъ изданіи, причемъ авторъ замѣчаетъ, что все это было сказано государемъ въ первое его свиданіе съ авторомъ, тогда какъ во второмъ изданіи таже самая мысль высказана не только въ иной формѣ, но и отнесена совсѣмъ къ другому разговору.

[1]) Вильсонъ утверждаетъ, впрочемъ, что государь самъ потребовалъ его къ себѣ: По его словамъ бесѣда началась такими словами Александра: General, ich habe Sie in mein Cabinet gerufen, um Ihnen ein schmerzliches Bekenntniss zu machen; aber ich verlasse mich auf Ihre Klugheit und Ehre. Ich hätte es mir gern erspart, aber ich konnte es nicht ertragen in Ihren Augen in meinem Verhalten inconsequent zu erscheinen, was doch der Fall sein müsste, wenn

Онъ выразилъ ему полнѣйшее свое удовольствіе по поводу образа его дѣйствій въ нашей главной квартирѣ, особенно-же благодарилъ его за его частыя, правдивыя и подробныя донесенія.

„Я знаю, что вы всегда писали мнѣ правду,—правду, которая никогда не дошла-бы до меня черезъ посредство другихъ лицъ“. „Я знаю, продолжалъ государь, что фельдмаршалъ избѣгалъ по возможности предпринимать противъ непріятеля что-либо рѣшительное. Всѣ его побѣды были вынужденныя, навязанныя ему. Но московское дворянство поддерживаетъ его, оно усматриваетъ въ немъ носителя національной славы этой войны“. Сказавъ еще нѣсколько рѣзкихъ словъ о Кутузовѣ [1]), императоръ замѣтилъ: „Онъ старый человѣкъ и я желалъ-бы, чтобы вы оказали ему подобающее почтеніе и не оттолкнули его предупредительности. Я хочу избѣгнуть даже самаго признака гнѣва и недовольства. Исполненный благодарности къ Провидѣнію, я вступаю отнынѣ на новый путь. Прощеніе всѣмъ—вотъ мой теперешній девизъ“.

Императоръ сдержалъ свое слово. На другой день, 12 декабря, въ день рожденія государя, явилась въ зáмокъ въ числѣ другихъ поздравляющихъ и депутація литовскаго дво-

---

ich meine Beweggründe nicht auseinander setzte.—Geheime Geschichte des Feldzug s in Russland von 1812, стр. 307.

[1]) Ich muss daher diesen Mann in einer halben Stunde mit dem Grosskreuz des Georgenordens schmücken und dadurch die Statuten desselben verletzen, denn es ist die höchste Ehre und bis jezt die reinste des Reiches. Doch ich will Sie nicht einladen anwesend zu sein. Ich würde mich zu gedemüthigt fühlen, aber ich habe keine Wahl, ich muss mich einer Nothwendigkeit unterwerfen. Ich werde jedoch mein Heer nicht wieder verlassen, und für die Zukunft soll der Marschall nicht wieder Gelegenheit zu falscher Leitung haben“. Само собою понятно, что подлинность этихъ словъ лежитъ вполнѣ на отвѣтственности генерала Вильсона, добросовѣстность котораго заподозрѣна уже нами въ другихъ случаяхъ. Къ тому-же въ данномъ случаѣ оказывается и противорѣчіе съ другими свидѣтельствами. Изъ нихъ мы знаемъ, что государь пожаловалъ Кутузову орденъ св. Георгія тотчасъ-же по пріѣздѣ въ Вильну, слѣдовательно ранѣе своего разговора съ генераломъ Вильсономъ, а между тѣмъ Вильсонъ говоритъ о наградѣ фельдмаршала, какъ о дѣлѣ, предстоящемъ черезъ полчаса. Во всякомъ случаѣ не надо забывать, что вся книга Вильсона есть не болѣе, какъ памфлетъ на кн. Кутузова. См. Geheime Geschichte des Feldzug's in Russland von 1812. Стр. 307—309.

рянства. Государь принялъ ее милостиво, хотя и далъ ей понять, что поведеніе литовскихъ пановъ и шляхты очень хорошо ему извѣстно и оцѣнено имъ по заслугамъ. „Я имѣю поводъ".—сказалъ онъ депутатамъ, —„быть недовольнымъ очень многими литовцами; похвалить приходится немногихъ изъ нихъ. Предпочитаю забыть прошедшее, въ надеждѣ, что вамъ не прійдется вторично прибѣгать къ моему прощенію" [1]). Въ тотъ-же день государь подписалъ манифестъ, возвѣщавшій о дарованной имъ полной амнистіи всѣмъ полякамъ и литовцамъ, подданнымъ имперіи, не исключая и тѣхъ, которые запятнали себя открытымъ и явнымъ нарушеніемъ присяги. „Пусть",—говорилось въ манифестѣ,—„участвуетъ всякъ во всеобщей радости о совершенномъ истребленіи всенародныхъ враговъ и да приноситъ съ неугнетеннымъ сердцемъ чистѣйшее Всевышнему благодареніе" [2]).

При каждомъ удобномъ случаѣ государь спѣшилъ заявить, что оконченная побѣдоносная война велась не въ интересахъ одной Россіи, а въ интересахъ всего человѣчества, что ниспровергнутъ былъ не врагъ Россіи, а врагъ всенародный. Когда утромъ 12-го числа въ зáмкѣ собрались всѣ генералы, то императоръ, благодаря ихъ за подъятые труды и подвиги, сказалъ имъ, между прочимъ: „Господа вы спасли не одну Россію; вы спасли Европу" [3]). Государь принялъ приглашеніе фельдмаршала на торжественный обѣдъ. За столомъ старый вождь, очарованный любезностью государя, сіялъ отъ радости и счастія. Во время заздравныхъ тостовъ раздались громкіе залпы артиллеріи. „Ваше Величество!" обратился Кутузовъ къ государю,—„наши артиллеристы палятъ французскимъ порохомъ изъ отбитыхъ у французовъ орудій". Государь улыбнулся благосклонно. Его любезность простерлась до того, что онъ далъ тутъ-же фельдмаршалу слово посѣтить устраиваемый имъ балъ.

Балъ отличался неслыханною пышностью и торжествен-

[1]) Мемуары Шуазель-Гуфье, русскій переводъ съ изданія 1829 г. См. „Русская Старина" за 1877 г. Т. XX, стр. 604.

[2]) Текстъ манифеста приведенъ нами вполнѣ въ предъидущей главѣ.

[3]) Богдановичъ: „Исторія Отечественной войны". Т. III, стр. 347.

ностью. Польско-литовская знать, плясавшая еще такъ недавно до упаду на балахъ французскихъ сановниковъ, раболѣпно, подобострастно тѣснилась теперь вокругъ побѣдителей [1]). Когда императоръ вступилъ въ бальную залу, то, по мановенію Кутузова, повергнуты были къ стопамъ его отбитыя у непріятеля знамена. Такая овація видимо не соотвѣтствовала настроенію государя; она шла въ разрѣзъ съ мыслью, наполнявшею все его существо: „не намъ, не намъ, а имени Твоему даждь славу“. Тщетно старались свидѣтели этой достопамятной сцены подмѣтить на лицѣ императора какое-либо движеніе тщеславія, гордаго самосознанія побѣдителя; оно было спокойно, какъ и всегда,—въ немъ свѣтилось лишь чувство грусти и сожалѣнія о безчисленныхъ жертвахъ этихъ трофеевъ [2]).

Александръ прислушивался къ радостнымъ и шумнымъ восклицаніямъ, раздававшимся вокругъ него. Онъ замѣтилъ, что нѣкоторые изъ присутствовавшихъ генераловъ громко говорили о нашихъ подвигахъ и трофеяхъ. „Въ чемъ заключается тайна нашихъ баснословныхъ успѣховъ? выражались они, безъ сомнѣнія, въ непреклонной волѣ и твердости мощнаго государя нашего, а затѣмъ въ несравненномъ мужествѣ воинства русскаго“. Государь подошелъ къ одному изъ говорящихъ такимъ образомъ; цѣлый кружокъ генераловъ и офицеровъ столпился вокругъ него. Лицо Александра сіяло какимъ-то неземнымъ блескомъ. „Господа генералы“,—сказалъ онъ торжественно,—„вы теперь сами видите, какъ обмерзлые и окоченѣлые трупы французовъ валяются здѣсь на улицахъ

---

[1]) Описаніе бала см. въ мемуарахъ Шуазель-Гуфье. Во второмъ изданіи мы читаемъ: „Я была какъ во снѣ въ этой залѣ, гдѣ шесть мѣсяцевъ тому назадъ видѣла совершенно иное общество. Поразительная разница между двумя императорами; быстрота, съ которою произошла перемѣна обстановки; самое мѣсто, гдѣ все это я видѣла,—произвели на меня впечатлѣніе, которое я не въ состояніи объяснить. Видъ множества русскихъ военныхъ людей,—между ними было только четверо—пять поляковъ, переносилъ меня въ Петербургъ“. Стр. 109. Слова свидѣтельницы о четырехъ—пяти полякахъ не должны быть понимаемы буквально; во всякомъ случаѣ громадное большинство дамъ на балу были польки.

[2]) См. Мемуары Шуазель-Гуфье, второе изданіе, стр. 110.

Вильны; такое ихъ множество зловоніемъ своимъ заражаетъ даже самый воздухъ въ городѣ. И какъ-же вы думаете, господа, отъ нашихъ-ли ядеръ, нашею-ли побѣдоносною рукою сражены сіи несчастные иноземные пришельцы? Конечно, вы этого на себя не возьмете. Слѣдовательно, продолжалъ государь, указывая на небо, Ему лишь Великому въ браняхъ предлежитъ побѣда. Господь Іисусъ есть только истинный Побѣдитель и Освободитель родины отъ лютаго враговъ нашествія [1]).

Замѣтивъ въ числѣ дамъ графиню Тизенгаузенъ, императоръ подошелъ къ ней и, приглашая ее на танецъ, сказалъ съ ироніею: „Вамъ должно быть странно видѣть меня танцующимъ послѣ того, что говорилъ я вамъ вчера, но что дѣлать! Пришлось потѣшить старика. Старикъ радуется,—холодъ ему помогъ" [2]).

Государь тяготился шумнымъ весельемъ и торжественными оваціями. Тихая радость, наполнявшая его душу, благоговѣйная благодарность Промыслу силились излиться въ дѣлахъ христіанскаго милосердія. Онъ чувствовалъ, что теперь не время плясать и ликовать, что его мѣсто не въ бальной залѣ, а среди тысячъ страдальцевъ, наполнявшихъ Вильну. Государь узналъ объ ужасномъ положеніи виленскихъ госпиталей и поспѣшилъ лично подать руку помощи несчастнымъ. Недоступный чувству страха передъ заразою, нападавшаго на самыхъ безстрашныхъ, отклоняя всѣ боязливыя предостереженія окружающихъ [3]), Александръ въ теченіи нѣ-

---

[1]) См. Разсказы князя А. Н. Голицына. Изъ записокъ Ю. Н. Бартенева, „Русскій Архивъ" 1886 г. книга 5, стр. 91. Въ свидѣтельствѣ этомъ не сказано, когда и гдѣ сказаны были означенныя слова государя; упомянуто лишь, что они произнесены были въ Вильнѣ въ эпоху окончательнаго изгнанія французовъ изъ Россіи. Мы полагаемъ, что поводъ къ такой рѣчи могъ быть скорѣе всего поданъ на балу, на которомъ повергнуты были къ ногамъ государя непріятельскіе трофеи, хотя и не отрицаемъ, что эго могло случиться и въ другомъ мѣстѣ.

[2]) Мемуары Шуазель-Гуфье, изданіе первое. „Кутузовъ представилъ потомъ императору жену одного военнаго—молодую особу, храбро сопровождавшую своего мужа во всѣхъ стычкахъ. Я восторгалась ею, но императоръ повернулся ко мнѣ и сказалъ: „Я не сочувствую этого рода отвагѣ въ женщинѣ. Можно высказать ее болѣе достойнымъ образомъ и болѣе приличнымъ ея полу". Второе изд., стр. 110.

[3]) „На мое замѣчаніе, что императоръ подвергаетъ себя опасности, лично

сколькихъ дней неутомимо обходилъ виленскіе госпитали. Замѣтивъ, что его приближенные, не исключая и его молодыхъ адъютантовъ, сопутствуютъ ему крайне неохотно въ его обходахъ, онъ освободилъ ихъ отъ этой обязанности. „Молодежь,"—говаривалъ онъ при этомъ,—„готовая съ восторгомъ идти на штурмъ, или броситься въ бой, находитъ какой-бы то ни было предлогъ уклониться отъ этой тяжелой обязанности" [1]).

Обязанность была, дѣйствительно, невыразимо тяжелая! Только одно глубокое чувство вѣры могло помочь монарху Россіи вступить безтрепетно въ эти притоны страданія и смерти, при одномъ описаніи которыхъ стыла кровь въ жилахъ. „Я вошелъ",—разсказывалъ потомъ самъ Александръ,—„въ госпиталь, устроенный въ зданіяхъ университета, поздно вечеромъ. Одна только лампа освѣщала темные своды, подъ которыми, вышиною въ уровень со стѣнами, свалены были въ кучѣ тѣла умершихъ. Не могу передать вамъ того ужаснаго чувства, которое охватило меня, когда я увидѣлъ, что нѣкоторыя изъ тѣлъ еще оказывали признаки жизни, что они еще шевелились" [2]). Государь съумѣлъ подавить нахлынувшія на него чувства ужаса и непобѣдимаго отвращенія. Отдавъ тутъ-же строгій приказъ о немедленномъ удаленіи и погребеніи труповъ, онъ безстрашно вступилъ въ полуосвѣщенныя залы, гдѣ среди мрака, холода и удушающихъ міазмовъ валялись тысячи полуживыхъ страдальцевъ. „Такова была участь плѣнныхъ, говоритъ французъ-современникъ, когда Александръ, слѣдуя лишь внушенію своего сердца, пожелалъ видѣть собственными глазами ихъ положеніе; онъ не устрашился посѣтить эти зловонныя ужасныя жилища, въ кото-

---

посѣщая госпитали, что и принцъ Ольденбургскій умеръ отъ тифа, государь сказалъ: „Мой зять не отличался здоровьемъ. При хорошемъ здоровьи, и притомъ человѣку не мнительному нечего бояться". Мемуары Шуазель-Гуфье, 2-е изданіе, стр. 114.

[1]) Предполагая, что Наполеонъ заботился хотя сколько-нибудь о своихъ больныхъ и раненыхъ, государь замѣтилъ при этомъ случаѣ: „Я хочу сообщить Наполеону, какъ плохо исполнялись его приказанія даже тѣми, кому онъ довѣрялъ". Мемуары Шуазель-Гуфье, изданіе первое, стр. 605.

[2]) Мемуары Шуазель-Гуфье, изданіе первое, стр. 605.

рыхъ зараженный воздухъ былъ губительнымъ проводникомъ болѣзни. Боже! какое зрѣлище открылось взорамъ властителя, упоеннаго торжествомъ побѣды! Монархъ Россіи! Въ этотъ день ты совершилъ одинъ изъ лучшихъ подвиговъ твоей жизни" [1]).

Не слѣдуетъ думать, чтобы государь ограничился однимъ бѣглымъ обзоромъ госпиталей, какъ поступаютъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ знатныя и коронованныя особы. Онъ совершалъ свой великій подвигъ не для свѣта, и даже не для примѣра другимъ. Влекомый теплымъ чувствомъ христіанской любви, онъ явился въ полномъ смыслѣ этого слова ангеломъ-утѣшителемъ и спасителемъ страдальцевъ. Онъ посѣщалъ госпитали не разъ, и не два, а много разъ въ теченіи двухъ недѣль. Онъ не только принялъ всѣ возможныя мѣры для очищенія госпиталей отъ труповъ, для снабженія несчастныхъ пищею, лекарствами и другими потребностями, но и старался облегчить страдальцевъ словомъ любви, участія, надежды. То и дѣло останавливался онъ у постелей больныхъ, милостиво разговаривалъ съ ними, распрашивалъ объ ихъ нуждахъ, о семьяхъ и родныхъ, покинутыхъ на далекой родинѣ. Для всякаго находилъ онъ подходящія выраженія участія. Однимъ, ожидавшимъ выздоровленія, давалъ денегъ на дорогу; другимъ приказывалъ доставить необходимыя удобства; третьимъ, близкимъ къ смерти, обѣщалъ передать ихъ послѣднія желанія далекимъ роднымъ. Скоро плѣнники привыкли къ частымъ посѣщеніямъ статнаго, почти юношески красиваго офицера, не смотря на его посѣдѣвшіе и рѣдкіе волосы. Лишь немногіе изъ нихъ догадывались, что передъ ихъ скорбными одрами является одинъ изъ величайшихъ монарховъ міра, что грозный побѣдитель Наполеона разговариваетъ съ ними такъ просто и фамильярно, заботится такъ отечески объ ихъ нуждахъ. Но всѣ, узнававшіе и не узнававшіе государя, привѣтствовали съ одинаковымъ восторгомъ его появленіе. При его видѣ всѣ лица сіяли радостью, и ни одинъ изъ страдальцевъ не боялся обратиться къ нему съ

[1]) Chambray, Histoire de l'expedition de Russie. T. III, стр. 147.

просьбою какого-бы то ни было свойства. Однажды государь вошелъ въ палату госпиталя, когда одинъ умирающій офицеръ, испанецъ, кончалъ диктовать письмо своему товарищу. Замѣтивъ государя, онъ обратился къ нему съ такими словами: „г. офицеръ, потрудитесь сами переслать мое письмо; это послѣдній привѣтъ, посылаемый мною женѣ въ Испанію" [1]).

Но несчастіе гнѣздилось не въ однихъ стѣнахъ госпиталей: и на улицахъ Вильны скиталось не мало бездомныхъ, оставленныхъ на произволъ судьбы страдальцевъ. Особенно ужасно было положеніе тѣхъ женщинъ, которыя сопровождали вмѣстѣ съ своими дѣтьми отступленіе великой арміи. Потерявъ на пути своихъ мужей, онѣ дошли теперь до крайней степени бѣдствія. Голодныя, оборванныя, лишенныя пристанища, онѣ умирали, въ буквальномъ смыслѣ слова, отъ голода на улицахъ чужаго города. Одна изъ такихъ несчастныхъ съ двумя малолѣтними дѣтьми, встрѣтивъ государя, возвращающагося со смотра, бросилась ему въ ноги, обливаясь слезами, прося помощи. При видѣ несчастной и ея посинѣвшихъ отъ холода малютокъ, государь самъ не могъ удержаться отъ слезъ и тутъ-же распорядился пристроить всю семью. Плѣнный французскій солдатъ разсказывалъ впослѣдствіи, какъ умирая отъ голода, онъ встрѣтилъ однажды на улицахъ Вильны молодаго русскаго офицера. Лицо офицера показалось ему такимъ добрымъ, что онъ рѣшился остановить его и попросить на хлѣбъ. Офицеръ велѣлъ идти ему на царскую кухню и сказать тамъ: „братъ Великаго князя приказалъ мнѣ дать поѣсть".—„Меня тамъ отлично угостили", добавилъ простодушно разсказчикъ, не подозрѣвая, что братъ Великаго князя былъ самъ русскій императоръ [2]).

Императоръ нашелъ себѣ, въ тяжеломъ и великомъ дѣлѣ христіанской любви, ревностнаго помощника въ лицѣ своего брата, цесаревича Константина. Великій князь Константинъ Павловичъ, столь мало напоминавшій по характеру своего

---

[1]) Мемуары Шуазель-Гуфье, изданіе первое, стр. 604.

[2]) Всѣ эти подробности см. въ первомъ изданіи мемуаровъ Шуазель-Гуфье, стр. 604.

[illegible] вспыльчи- [illegible] —же. На него сво- [illegible] высокимъ [illegible] ему. [illegible] и раз- [illegible] на [illegible]

[illegible] и нас- [illegible] одного [illegible] что спасалъ [illegible] своего [illegible] офицеровъ. [illegible] смерти. ему [illegible] спра- [illegible]

[illegible] —же. Что раз- [illegible] что смяг- [illegible] принять [illegible] генераль- [illegible] фран- [illegible] энерги- [illegible] въ тоже вре- [illegible]

[illegible] France

ботамъ, виленскіе госпитали начали пріобрѣтать съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе благообразный видъ. Массы валявшихся повсюду труповъ были удалены изъ сосѣдства госпиталей и мало по-малу или погребены, или сожжены. Оказалось, что въ Вильнѣ и ея ближайшихъ окрестностяхъ валялось около 40,000 мертвыхъ тѣлъ. Вмѣстѣ съ уничтоженіемъ міазмовъ, распространяемыхъ трупами, вмѣстѣ съ водвореніемъ хотя нѣкоторой чистоты въ госпиталяхъ, начала уменьшаться и страшная смертность между плѣнными. Всѣмъ плѣннымъ, какъ больнымъ, такъ и здоровымъ, обезпечено было надлежащее содержаніе. Государь строго предписалъ, чтобы въ госпиталяхъ не дѣлали никакого различія между нашими и непріятельскими больными; онъ требовалъ, чтобы заботились обо всѣхъ съ одинаковымъ стараніемъ и любовью. Государь далъ понять, что онъ съумѣетъ оцѣнить и наградить смиренные подвиги христіанскаго человѣколюбія у одра больныхъ и страждущихъ воиновъ, столь-же щедро, какъ и дѣла воинской доблести на полѣ чести [1]).

Государю казалось, по временамъ, что не смотря на всѣ старанія, онъ не успѣетъ найти себѣ на поприщѣ христіанской добродѣтели такихъ-же неутомимыхъ самоотверженныхъ сотрудниковъ, какъ на поляхъ брани. Особенно мало надеждъ возлагалъ онъ въ этомъ отношеніи на такъ называемое высшее общество. „Вы не можете себѣ представить“,—говорилъ онъ въ это время,—„какъ испорчено наше общество: не вѣрятъ въ дружбу, въ возможность безкорыстной привязанности“ [2]). Главнѣйшею причиною такого нравственнаго

---

[1]) Сенъ-Пріестъ оправдалъ дѣйствительно довѣріе государя, но нельзя сказать того-же о другихъ французахъ, привлеченныхъ Александромъ къ дѣлу милосердія. „Эти презрѣнные, замѣчаетъ графиня Тизенгаузенъ, получившіе отъ императора значительныя суммы денегъ, пренебрегая его благороднымъ довѣріемъ и не заботясь о своихъ несчастныхъ соотечественникахъ, катались по улицамъ въ саняхъ, говоря кучерамъ, не понимавшимъ ихъ: „легче, любезный, не вывали меня; въ кафе Миланъ, или Венецію“! Здѣсь они угощались на счетъ Его Величества и въ ущербъ несчастныхъ больныхъ“. Мемуары Шуазель-Гуфье, изд. второе, стр. 108.

[2]) Мемуары Шуазель-Гуфье, первое изданіе, стр. 606. Во второмъ изданіи читаемъ: „Вы не можете повѣрить, до какой степени нравы мужчинъ развраще-

[illegible] систему воспи-[illegible] въ жизни".—[illegible]. Научи-[illegible] барычи [illegible]. Императоръ хо-[illegible] высокое [illegible] мора-[illegible] возмож-[illegible] самосто-[illegible] машины [2]).

[illegible] войны. Александръ [illegible] большимъ и [illegible] ремеслу, въ которомъ [illegible] Наполеонъ [illegible] призваніе и свою славу. Этотъ страшный человѣкъ [illegible] приходилъ на мысль императору. „Господи! восклицалъ онъ въ разговорѣ съ близкими ему людьми. „Какое блестящее поприще предстояло этому человѣку: онъ могъ дать миръ всей Европѣ. Могъ, но не сдѣлалъ. Обаяніе его исчезло: увидимъ, что лучше:—заставить себя бояться, или—любить [3].

„Не Наполеону предстоитъ честь внести миръ въ Европу", замѣтила графиня Тизенгаузенъ.

Императоръ прервалъ ее.—„Не все-ли равно кому: ему-ли, мнѣ-ли, кому другому, лишь-бы онъ былъ внесенъ" [4]).

ми. Они не хотятъ вѣрить, что можно любить женщину для ней самой, женщину которая вамъ ни жена, ни мать, ни сестра, ни... Онъ не захотѣлъ уронить [illegible] любовника". Стр. 118.

[1]) Мемуары, изданіе первое, стр. [illegible].

[2]) „Говоря о новѣйшей педагогикѣ, слишкомъ заботящейся облегчить трудъ при изученіи науки, онъ сказалъ о системѣ Песталоцци: „Желая упростить начальные пріемы, онъ доводитъ молодежь до состоянія машины". Мемуари Шуазель-Гуфье. 1-е изданіе. стр. 606. Во второмъ изданіи сказано: „говорилъ онъ также о философіи Вольтера и Руссо (онъ любилъ послѣдняго), о Шатобріанѣ и г-жѣ Сталь и прибавилъ, что они отказались отъ своихъ мыслей о самоубійствѣ, о Кантѣ и его непонятной философіи, о Песталоцци, объ алгебраической системѣ Пуффендорфа, которая казалась ему слишкомъ машинальною и мѣшающею думать". Стр. 116.

[3]) Къ этимъ словамъ авторъ мемуаровъ Шуазель-Гуфье замѣчаетъ: „весь планъ священнаго союза былъ въ этихъ словахъ".

[4]) Мемуары Шуазель-Гуфье, изд. 1-е, стр. 606.

Въ такія минуты душевныхъ изліяній желанный миръ казался императору дѣломъ легкимъ и осуществимымъ въ самомъ близкомъ будущемъ. На замѣчаніе графини, что она желала-бы, чтобы миръ водворенъ былъ будущею весною, Александръ возразилъ съ живостью: „Отчего не нынѣшнею зимою; чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!“

Въ такія минуты увлеченія и самообольщенія императору казалось, что Наполеонъ не найдетъ ни людей, ни средствъ для продолженія борьбы. Онъ припоминалъ, какъ еще на свиданіи въ Эрфуртѣ въ 1808 г. Талейранъ намекалъ ему, что Франція истощена войною, что она нуждается въ мирѣ. Тогда онъ не довѣрялъ хитрому дипломату, тогда онъ подозрѣвалъ, что Талейранъ ставитъ ему ловушку, поддакивая его воззрѣніямъ [1]). Теперь онъ понималъ, что сѣдой дипломатъ говорилъ правду. И это было въ 1808 г. А теперь послѣ убійственнаго похода въ Россію, послѣ неудачъ, понесенныхъ въ Испаніи, Франція должна быть истощена до послѣдней степени; она не можетъ дать Наполеону ни людей, ни денегъ. Обаяніе Наполеона къ тому-же исчезло; вѣра въ его счастье пошатнулась. Уже союзники начинаютъ колебаться и готовятся покинуть его. Уже австрійцы добровольно отступаютъ передъ русскими, а венгерскіе гусары, съѣзжаясь съ нашими казаками, говорятъ, что они не намѣрены драться съ русскими, что они смотрятъ на нихъ, какъ на своихъ товарищей. Уже прусскіе генералы вступаютъ въ переговоры съ нашими, и не ожидая рѣшенія своего правительства, готовы соединиться съ нами. Есть полное основаніе думать,

---

[1]) „Только теперь понялъ я, насколько Талейранъ былъ правъ, утверждая о необходимости мира для Франціи. Тогда я не довѣрялъ этимъ сѣдымъ политикамъ. Находясь подъ впечатлѣніемъ побѣдъ французовъ и ихъ геніальнаго полководца, я вообразилъ, что Талейранъ ставитъ мнѣ ловушку, поддакивая моимъ воззрѣніямъ. Теперешнія дѣла доказали, на сколько былъ правъ этотъ дипломатъ: послѣ убійственнаго похода въ Россію и неудачъ, встрѣченныхъ въ Испаніи, Франція должна быть истощена, у ней не осталось ни людей, ни денегъ“. Говоря о Наполеонѣ, Александръ нѣсколько разъ повторилъ: „обаяніе его исчезло“. Можетъ быть, говоря это, онъ вспоминалъ о томъ вліяніи, которое Наполеонъ имѣлъ на него самого въ его молодости. Мемуары Шуазель-Гуфье, изданіе 1-е, стр. 606.

[illegible]

ря на наши побѣды, или Наполеонъ, не смотря на свое небывалое пораженіе.

Для людей, хорошо знакомыхъ съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ, а Александръ могъ быть знакомъ съ нимъ лучше кого-либо другаго,—отвѣтъ на подобный вопросъ не подлежалъ ни малѣйшему сомнѣнію. Война 1812 года окончилась совершеннымъ истребленіемъ Наполеоновской арміи, но она привела на край гибели и побѣдоносную русскую армію [1]). Кутузовская армія насчитывала въ своихъ рядахъ при выступленіи изъ Тарутинскаго лагеря 102,000 человѣкъ; по достиженіи Вильны и западной границы, въ ней оставалось подъ ружьемъ всего лишь 40,000 человѣкъ. Въ теченіи 45 дней эта армія потеряла, слѣдовательно, 62,000 человѣкъ. Изъ этого числа выбыли окончательно изъ строя убитыми или умершими около 12,000 человѣкъ; остальные 48,000 остались на пути въ лазаретахъ, пораженные почти всѣ смертоносною гнилою горячкою. Особенно сильно пострадавшіе пѣхотные корпуса уменьшились до 3,000 и даже до 2,000 человѣкъ; а изъ 622 орудій, сопровождавшихъ армію при выходѣ изъ Тарутина, достигли Вильны всего лишь 274; всѣ остальныя были оставлены на пути за недостаткомъ прислуги и лошадей. Не менѣе страшныя потери понесли и другія наши арміи. Такъ Дунайская армія, доходившая передъ переправою черезъ Березину до 31,500 человѣкъ, состояла теперь всего лишь изъ 15,500; армія Витгенштейна, доходившая такъ недавно до 60,000 ч., уменьшилась до 34,500 ч. Присоединивъ къ этимъ арміямъ другіе мелкіе отряды, можно было опредѣлить всю численность русскихъ военныхъ силъ, готовыхъ къ переходу черезъ границу, въ 110,000 человѣкъ [2]).

Теперь спрашивается: способны-ли были сами по себѣ эти силы вступить въ рѣшительную борьбу съ остатками На-

---

1) Это чрезвычайно важное обстоятельство впервые уяснено было достаточно Бернгарди въ его запискахъ Толя.

2) О потеряхъ нашей арміи см. Бернгарди: Toll's Denkwürdigkeiten. Т. II, стр. 350—355; Богдановича, „Исторіи отечественной войны", т. III, стр. 396, 397 и въ другихъ мѣстахъ.

[illegible] французских [illegible]

собрать своихъ рекрутъ и отпускныхъ въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, Александръ не могъ справиться съ этимъ дѣломъ въ теченіи цѣлаго ряда мѣсяцевъ. У Наполеона была превосходно организованная администрація, работавшая съ быстротою и неутомимостью машины; русская бюрократія отличалась, какъ это было хорошо извѣстно императору Александру, совершенно противоположными качествами. Для обученія французскаго рекрута достаточно было, въ случаѣ крайности, двухъ, трехъ недѣль; для обученія русскаго требовалось столько-же мѣсяцевъ. Наполеонъ могъ собрать, наконецъ, въ самое короткое время всѣ припасы, необходимые для войны и въ его распоряженіи находились громадныя денежныя средства; тогда какъ въ Россіи всякій подвозъ припасовъ сопряженъ былъ съ невѣроятными трудностями и потерею времени, а русскія бумажныя деньги падали, не смотря на побѣды, въ цѣнѣ съ каждымъ днемъ.

При такихъ обстоятельствахъ перспектива новой войны съ Франціею представлялась въ крайне незаманчивомъ видѣ. Можно было опасаться, что мы потерпимъ въ этой войнѣ такія-же неудачи, какъ въ 1805 и 1807 году; можно было предвидѣть, что Наполеонъ въ короткое время отброситъ насъ за Нѣманъ и западную Двину и, наученный опытомъ, поставитъ насъ въ болѣе опасное положеніе, нежели въ только что окончившейся кампаніи. Всѣ эти соображенія должны были склонить, повидимому, императора Александра на ту точку зрѣнія, на которой стоялъ нашъ престарѣлый главнокомандующій. Не слѣдовало-ли въ самомъ дѣлѣ, удовольствоваться достигнутыми успѣхами, остановиться на нашихъ границахъ и попытаться вступить въ мирную сдѣлку съ Наполеономъ? Александръ не могъ, однако-же, по многимъ причинамъ стать на точку зрѣнія Кутузова и его единомышленниковъ, не могъ даже ни на одинъ моментъ отнестись серьезно къ возможности мирнаго соглашенія съ Наполеономъ. Все его внутреннее существо возмущалось при одной мысли о примиреніи съ человѣкомъ, который поставилъ его уже разъ на край гибели. Онъ не могъ окончить великую, поднятую имъ святую борьбу за возстановленіе божествен-

ордый властелинъ полуміра преклонится безусловно передъ сѣми нашими требованіями. Какъ тогда, такъ и теперь императоръ Александръ стоялъ совершенно одиноко съ своими убѣжденіями и надеждами; какъ тогда, такъ и теперь одинъ Штейнъ понималъ великодушныя намѣренія русскаго императора и раздѣлялъ вполнѣ его соображенія и взгляды. И Александръ, поддерживаемый этимъ желѣзнымъ человѣкомъ и вдохновляемый свѣтомъ, озарившимъ его въ пламени Москвы, далъ волю великодушнымъ влеченіямъ своего сердца и, не колеблясь ни минуты, отдалъ приказъ своимъ побѣдоноснымъ войскамъ переступить черезъ предѣлы имперіи и внести свободу и миръ въ порабощенную Европу.

Въ тотъ самый моментъ, когда императоръ Александръ принялъ уже свое безповоротное рѣшеніе, совершилось событіе, оправдавшее самымъ блестящимъ образомъ его соображенія и доказавшее, что Россія найдетъ на своемъ новомъ пути самаго могущественнаго союзника,—духъ европейскихъ народовъ, пробудившійся, наконецъ, изъ своего постыднаго усыпленія. Прусскій генералъ Іоркъ, командовавшій воспомогательнымъ прусскимъ корпусомъ въ арміи Наполеона, отложился самовольно отъ французовъ [1]).

Императоръ Александръ сразу понялъ и оцѣнилъ смыслъ этого факта. Онъ понялъ, что это была та лавина, которая

---

[1]) Мы вовсе не думаемъ придавать дѣлу Іорка того значенія, которое усматриваютъ въ немъ нѣкоторые германскіе историки. Увлекаемые своимъ патріотизмомъ, стараясь умалить заслуги русскихъ въ великомъ дѣлѣ освобожденія Европы, они хотятъ увѣрить насъ, что поступокъ Іорка былъ тѣмъ рѣшительнымъ толчкомъ, который положилъ конецъ послѣднимъ сомнѣніямъ и колебаніямъ Александра и подвинулъ его на новый подвигъ освобожденія Германіи. Уже одни хронологическія данныя противорѣчатъ подобному возрѣнію Іоркъ подписалъ свою знаменитую конвенцію съ генераломъ Дибичемъ, въ которой онъ отрекся отъ союза съ французами и занялъ съ своимъ корпусомъ нейтральное положеніе 18 декабря 1812 года, тогда какъ рѣшеніе императора Александра перенести войну за предѣлы Россіи принято было гораздо ранѣе, уже въ то время, когда государь рѣшился отправиться въ Вильну.

Объ Іоркѣ и его конвенціи см. кромѣ спеціальнаго сочиненія Дройзена, Iork's Leben, т. I,—Перцъ, Stein's Leben, т. 3, стр. 243—260. Сношенія Іорка съ русскими генералами начались уже въ октябрѣ мѣсяцѣ 1812 года. См. также Богдановича, „Исторію отечественной войны", т. 3, стр. 372—384, гдѣ дѣло Іорка изложено, главнымъ образомъ, на основаніи русскихъ документовъ.

должна была въ своемъ паденіи увлечь за собою всю Пруссію. „Спѣшу, генералъ", писалъ императоръ Іорку, „изъявить вамъ мое удовольствіе: отнынѣ—двѣ націи, взаимно соединенныя чувствами уваженія и пріязни, не будутъ истреблять одна другую въ угоду ненасытному властолюбію притѣснителя Европы. Моя преданность къ королю осталась неизмѣнною, а живое участіе къ Прусской монархіи еще болѣе усилилось. Вмѣстѣ съ тѣмъ прошу васъ, генералъ, быть увѣрену въ моемъ уваженіи къ вамъ и къ состоящимъ подъ вашимъ начальствомъ храбрымъ войскамъ, которымъ прошу васъ передать мои чувства" [1]).

Самъ Іоркъ въ такихъ словахъ доносилъ королю Фридриху Вильгельму III о своемъ роковомъ шагѣ: [2]) „Шагъ, на который я рѣшился, совершенъ помимо воли Вашего Величества, но обстоятельства и важныя открытія должны будутъ оправдать его даже въ томъ случаѣ, если-бы стѣсненіе политическихъ обстоятельствъ повело къ осужденію моему. Положеніе моего корпуса было таково, что онъ могъ-бы пробиться на Вислу, да и то въ разстроенномъ состояніи лишь послѣ усиленныхъ переходовъ и отчаянной борьбы. Отступленіе маршала Макдональда, походившее на полное бѣгство, послѣднія сраженія, данныя французскими генералами, подтверждаютъ истину моихъ словъ и ясно указываютъ на участь, ожидавшую насъ".

„Подданные Вашего Величества должны-бы были проливать свою кровь на отечественной землѣ ради спасенія полчищъ, опустошавшихъ отечество и въ качествѣ враговъ и въ качествѣ союзниковъ, и для чего-же? Для того, чтобы еще безпомощнѣе нести оковы высокомѣрнаго до безумія непріятеля. До тѣхъ поръ пока Наполеонъ сохранитъ свое могущество въ Германіи, высокая династія Вашего Величества бу-

---

1) Письмо императора помѣчено: Вильна 25 дек. новаго стиля. См. Богдановичъ. Т. III, стр. 512.

2) Письмо, часть котораго приводимъ мы въ текстѣ, было вторымъ, посланнымъ Іоркомъ королю; оно помѣчено 3 января 1813 г. Первое краткое письмо въ которомъ доносилъ Іоркъ королю о заключенной имъ конвенціи, помѣчено 30 декабря 1812 г. Оба письма см. у Перца. Steins Leben. T. III, стр. 256—259

детъ подвержена опасности, ибо его ненависть къ Пруссіи не можетъ угаснуть никогда. Перехваченныя письма Наполеона покажутъ Вашему Величеству, чего слѣдовало ожидать отъ подобнаго союзника. Если-бы французская армія была еще на столько сильна, что могла-бы бросить въ случаѣ переговоровъ хотя малѣйшую тяжесть на вѣсы, то владѣнія Вашего Величества должны-бы были сдѣлаться жертвою мирнаго договора. Но судьба рѣшила иначе. Хотя монархія Вашего Величества значительно ограничена въ своихъ предѣлахъ въ сравненіи съ границами 1805 г., но ей суждено явиться спасителемъ и защитникомъ всего германскаго народа. Ясно, что само Провидѣніе руководитъ симъ великимъ дѣломъ. Надо пользоваться минутою. Теперь или никогда; наступилъ моментъ возвратить свободу, независимость и величіе, не принося для сего слишкомъ великихъ и кровавыхъ жертвъ [1]. Отъ рѣшенія Вашего Величества зависитъ судьба міра. Переговоры, быть можетъ, уже предпринятые мудростью Вашего Величества, пойдутъ успѣшнѣе, если Ваше Величество отважитесь на рѣшительный могучій шагъ. Боязливый ожидаетъ примѣра, и Австрія пойдетъ по пути, открытому Вашимъ Величествомъ.

„Ваше Величество знали меня за спокойнаго, холоднаго, никогда не мѣшавшагося въ политику человѣка. До тѣхъ поръ пока все шло своимъ обычнымъ ходомъ, каждый вѣрный слуга государя долженъ былъ подчиниться обстоятельствамъ: это былъ его долгъ. Но обстоятельства создали нынѣ совершенно иныя отношенія, — и пользоваться этими не повторяющимися обстоятельствами повелѣваетъ тотъ же долгъ. Я говорю языкомъ стараго испытаннаго слуги; этотъ языкъ есть языкъ всей націи. Слово Вашего Величества оживитъ и одушевитъ всѣхъ; всѣ будутъ драться, какъ подобаетъ старымъ, настоящимъ пруссакамъ, и тронъ Вашего Величества пріобрѣтетъ въ будущемъ твердыя незыблемыя основы“.

„Если мои мнѣнія ошибочны, то таковы же были, безъ

---

[1] Изъ этихъ словъ Іорка видно, что и онъ, подобно многимъ русскимъ, считалъ силы Наполеона окончательно потрясенными.

[illegible] Вашего Величества.

[illegible] Вашего Величества [illegible] врага. [illegible] Вашего Величества [illegible] Ва- [illegible] Величества.

[illegible] Фердинандъ-Карлъ [illegible] Прус- [illegible] Испан- [illegible] Франціи [illegible] Испанскаго [illegible] Франціи [illegible]

[illegible] Stein's Le- [illegible]

[illegible] Фердинанда [illegible] въ Байону, [illegible] Франціи.

но передъ французскими массами. Прусскія войска? Но они были разсѣяны въ Силезіи и Помераніи, и при Фридрихѣ-Вильгельмѣ находилась лишь его крайне малочисленная гвардія. Что-же удивительнаго, что первое движеніе, овладѣвшее душою короля, его министровъ и приближенныхъ при неожиной вѣсти о поступкѣ генерала Іорка, былъ страхъ. Подъ вліяніемъ этого страха, а равно и благоразумнаго разсчета, король не только отказался подтвердить конвенцію, заключенную Іоркомъ, но и смѣстилъ генерала, назначилъ на мѣсто его генерала Клейста и даже отдалъ приказъ арестовать своевольнаго полководца. Въ то же время король послалъ въ Парижъ одного изъ искреннѣйшихъ сторонниковъ французскаго союза, князя Гацфельда. Князь долженъ былъ объявить императору Наполеону, что король осуждаетъ поступокъ Іорка, что онъ принялъ уже самыя рѣшительныя мѣры для наказанія мятежнаго генерала, что онъ намѣренъ остаться вѣрнымъ союзу съ Франціею, что онъ готовъ увеличить свой вспомогательный корпусъ до 30,000 человѣкъ и что онъ проситъ императора оказать ему въ этомъ свое содѣйствіе, уменьшивъ количество военной контрибуціи, причитающейся еще на долю Пруссіи.

Такъ дѣйствовали въ силу обстоятельствъ король и министры Пруссіи, такъ откликнулись они на первый призывъ къ возстанію противъ своихъ тирановъ. Совершенно иначе отозвалась Таурогенская конвенція въ умахъ населенія, взволнованнаго уже до самой глубины души неслыханною катастрофою, постигшею великую армію на снѣжныхъ поляхъ Россіи. Народъ, доведенный до раззоренія и отчаянія неслыханною тираніею Наполеона, вразумленный небывалыми страданіями,—народъ, познавшій вновь Бога и Его праведную, карающую десницу, встрепенулся при вѣсти, что старѣйшій и преданнѣйшій слуга государства разорвалъ постыдныя цѣпи рабства, не дожидаясь разрѣшенія свыше. Первый проблескъ свѣта прорѣзалъ тьму рабства, застилавшую глаза всѣхъ и каждаго. Всѣ поняли сразу, что пора безмолвной покорности поработителямъ миновала, что настало время воспрянуть и дѣйствовать. Народъ не сомнѣвался ни на минуту въ

[illegible] мнѣніе при- [illegible] наши на- [illegible] французы [illegible] въ [illegible] со- [illegible] Ме- [illegible] съ [illegible] ется [illegible] по- [illegible] съ ору- [illegible] отступилъ [illegible] Мюратъ быстро [illegible] ге- [illegible] въ об- [illegible].

Французы [illegible] удалились. [illegible] и на- [illegible] съ по- [illegible] мальчишки и [illegible] прежъ ко- [illegible] народы Европы [2].

[illegible] Мюратъ [illegible] послѣ [illegible] Нѣмцевъ и французовъ [illegible] Мюрата отзывается, [illegible] Наполеона. Императоръ французовъ [illegible] армія при на- [illegible].

[2] [illegible] читаемъ ме- жду [illegible] въ сѣверной Германіи [illegible] Нѣмцы [illegible] Наполеона [illegible] которые [illegible] Между тѣмъ фран- [illegible] заблужде- нія [illegible] въ [illegible] бесѣдѣ съ [illegible] этому мало- [illegible] Все страшатся, что [illegible] продолжительно, [illegible] несмѣтно больныхъ [illegible] ожидающей и отправит-

А тамъ, на восточной границѣ происходили восторженныя, небывалыя во всемірной исторіи сцены. Русскія знамена показались на порабощенной прусской землѣ. Народъ, опьянѣвшій отъ радости, спѣшилъ отовсюду толпами на встрѣчу своимъ освободителямъ. Каждый казакъ дѣлался предметомъ самыхъ бурныхъ восторженныхъ овацій. Всѣ отъ мала до велика старались протѣсниться къ нему, пожать его руку, осыпать его поцѣлуями, украсить цвѣтами его самого и его коня. Не было конца привѣтственнымъ рѣчамъ, радостному ура, радушному угощенію. И какъ скромно, безпритязательно вели себя эти побѣдители, эти неиспорченные сыны народа, слывшаго до тѣхъ поръ у высоко цивилизованныхъ европейцевъ за дикую, грубую варварскую орду. Какая разница между ними и французскими цивилизаторами! Французы грабятъ и воруютъ и теперь все, что попадается имъ подъ руку по пути бѣгства; они захватываютъ повсюду припасы, угоняютъ скотъ, крадутъ лошадей. Въ ихъ безпорядочныхъ толпахъ исчезли, повидимому, навсегда послѣдніе проблески порядка и дисциплины. Русскіе, напротивъ, соблюдаютъ величайшій порядокъ и строгую дисциплину. Населеніе и королевскіе чиновники не могутъ надивиться скромности, добродушію, непритязательности русскаго солдата. Русскіе генералы и офицеры соперничаютъ въ предупредительности, въ любезностяхъ въ отношеніи къ населенію. Они оставляютъ на своихъ мѣстахъ прусскихъ чиновниковъ и обращаются къ нимъ не съ приказаніями, а съ просьбами. Они не трогаютъ королевскихъ кассъ, запасныхъ магазиновъ и арсеналовъ; они нигдѣ и ни съ кѣмъ не говорятъ тономъ высокомѣрныхъ побѣдителей, а являются искренными и равноправными друзьями освобождаемаго ими народа [1]).

Такой образъ дѣйствій русскихъ войскъ въ Пруссіи не могъ быть результатомъ одной суровой и безпощадной дис-

---

ся во свояси. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ примѣчены уже къ сему приготовленія". „Сынъ Отечества" 1813 г. № 7, стр. 49.

[1]) О примѣрномъ поведеніи русскихъ войскъ въ Пруссіи свидѣтельствуютъ офиціальныя донесенія президентовъ Ауерсвальда, Шена и Висмана. См. Перцъ, Stein's Leben. T. III. стр. 261.

[illegible]

[illegible]

ъ источникъ спасенія нашего и славы. Всѣ признавали съ благодарностью великія, безсмертныя заслуги нашего полководца,—и никто не рѣшался отрицать, что мужество арміи и самоотверженіе народа превзошли всѣ даже самыя высокія ожиданія. Но соглашаясь со всѣмъ этимъ [1]), люди, пережившіе всѣ ужасы и повороты этой борьбы, приходили къ убѣжденію, что война эта не можетъ быть приравниваема къ войнамъ обыкновеннымъ и что, какъ таковая, она должна быть увѣковѣчена и необычнымъ памятникомъ. „Провидѣніе Божіе“, писалъ одинъ изъ участниковъ войны государственному секретарю А. С. Шишкову [2]), „помощію вѣры и народнаго усердія спасло насъ; Ему благодарность. Боже упаси насъ содѣлаться несмысленными обезьянами древнихъ, забывъ, что мы не идолопоклонники. Обелиски, пирамиды и тому подобное льстятъ надменности и гордости человѣческой, но нимало не удовлетворяютъ благородному, благодарности преисполненному сердцу христіанина. И такъ, сердце и умъ мой согласно требуютъ воздвигнуть храмъ Спасителю въ Москвѣ, который одинъ можетъ удовлетворить во всѣхъ отношеніяхъ ожиданія каждаго. Я говорю въ Москвѣ, ибо тамъ въ сердцѣ Россіи, надменный врагъ чаялъ нанести смертельный ударъ народу русскому; тамъ дерзнулъ онъ на святотатство; тамъ Провидѣніе положило предѣлъ пагубнымъ замысламъ его на

---

1) „Безпристрастный историкъ, конечно, выведетъ ужасныя послѣдствія, которыя война сія долженствовала имѣть для Россіи, если-бъ твердость монарха и не обратила всѣ бѣдствія оной въ источникъ будущаго ея благоденствія. Важность войны сей, великія дарованія противника, совершенное истребленіе всѣхъ силъ его и спасеніе отечества помѣстили уже предводителя нашего на ряду съ первѣйшими полководцами въ мірѣ. Наконецъ мужество арміи и понесенные ею труды, равномѣрно участіе, которое имѣли всѣ сословія гражданъ въ сей незабвенной войнѣ, должны обратить на себя вниманіе“. Изъ письма Кикина отъ 17-го декабря 1812 г.

2) Флигель-адъютантъ П. А. Кикинъ, которому, по общепринятому мнѣнію, принадлежитъ первая мысль о построеніи храма Спасителя въ Москвѣ. Не оспаривая этого мнѣнія, я укажу лишь на слѣдующее обстоятельство. Кикинъ написалъ свое письмо Шишкову 17-го декабря, а уже 25-го декабря изданъ былъ Высочайшій манифестъ о построеніи храма. Отсюда можно заключить, что государь имѣлъ эту мысль гораздо ранѣе, хотя и не высказывалъ ее офиціально.

родъ человѣческій: тамъ началась гибель несмѣтныхъ силъ вражескихъ" ¹).

Мысли, высказанныя въ этомъ письмѣ, были присущи тысячамъ и милліонамъ сердецъ. Онѣ наполняли собою прежде всего всецѣло душу и сердце великодушнаго монарха, стоявшаго тогда во главѣ Россіи. Выступая на новый великій подвигъ освобожденія Европы, собираясь переступить границы своей имперіи, императоръ спѣшилъ прежде всего воздать должную дань благоговѣйной благодарности Тому, передъ чьимъ мановеніемъ исчезли съ лица земли несмѣтные легіоны враговъ. Настало 25 декабря, великій день Рождества Спасителя міра, и въ этотъ день завершилось спасеніе и торжество Россіи. Можно было сказать съ увѣренностью, что на землѣ русской не оставалось уже болѣе ни одного вооруженнаго непріятельскаго солдата. Царское слово, произнесенное въ самомъ началѣ войны: „мы не положимъ оружія, доколѣ хотя единый изъ враговъ будетъ оставаться въ предѣлахъ земли нашей."—слово, казавшееся многимъ столь неосуществимымъ въ моментъ своего произнесенія,—было исполнено самымъ блистательнымъ образомъ. Какой, повидимому, справедливый поводъ къ гордости и надменному самовосхваленію! Вообразимъ себѣ на одинъ моментъ Наполеона на мѣстѣ Александра. Какими трескучими фразами разразился-бы онъ въ этотъ моментъ, до какой степени самообожанія, самовозвеличенія вознесся-бы онъ. Но Александръ не былъ и не могъ быть Наполеономъ. Въ великій моментъ неувядаемой славы и торжества, навсегда

¹) Въ письмѣ находимъ еще слѣдующее мѣсто: „Воздавъ Божіе Богови тѣсніе сопряжемся съ вѣрою и погоимствомъ: навсегда будемъ имѣть передъ глазами памятникъ признательности нашей къ Нему, а не кичения, приписывая все себѣ. Кичение не достойное, непростительное и совершенно несправедливое въ сей войнѣ. Конецъ XVIII столѣтія довольно ознаменованъ ложными умствованіями, потрясшими вѣру въ большей части Европы. Пожаръ сей, распространяясь, доходилъ до насъ; но къ счастью нашему, однѣ искры успѣли закрасться въ головы мнимо просвѣщенныхъ. Ужасныя послѣдствія онаго, угрожающія намъ самимъ, не должны-ли вразумить насъ? Не само-ли Провидѣніе доставляетъ намъ удобный случай сей, дабы неоспоримо и разительнѣе убѣдить каждаго изъ насъ и воиновъ въ томъ, что можетъ въ народѣ вѣра". См. „Русскій Архивъ" 1880 г. кн. II стр. 229—230.

увѣковѣчившихъ его имя, онъ съумѣлъ забыть совершенно самого себя и обратиться къ народу своему съ такими словами:

„Богъ и весь свѣтъ тому свидѣтель, съ какими желаніями и силами непріятель вступилъ въ любезное наше отечество. Ничто не могло отвратить злыхъ и упорныхъ его намѣреній. Твердо надѣющійся на свои собственныя и собранныя имъ противъ насъ, почти со всѣхъ европейскихъ державъ, страшныя силы, и подвигаемый алчностью завоеваній и жаждою крови, спѣшилъ онъ ворваться въ самую грудь великой имперіи нашей, дабы излить на нее всѣ ужасы и бѣдствія, не случайно порожденной, но издавна уготованной имъ, всеопустошительной войны. Предузнавая, по извѣстному изъ опытовъ безпредѣльному властолюбію и наглости предпріятій, его приготовляемую отъ него намъ горькую чашу золъ, и видя уже его съ неукротимою яростью вступающаго въ предѣлы наши, принуждены мы были съ болѣзненнымъ и сокрушеннымъ сердцемъ, призвавъ на помощь Бога, обнажить мечъ нашъ и обѣщать царству нашему, что мы не опустимъ оный во влагалище, доколѣ хотя единъ изъ непріятелей оставаться будетъ вооруженъ въ землѣ нашей. Мы сіе обѣщаніе положили твердо въ сердцѣ своемъ, надѣясь на крѣпкую доблесть Богомъ ввѣреннаго намъ народа, въ чемъ и не обманулись. Какой примѣръ храбрости, мужества, благочестія, терпѣнія и твердости показала Россія! Вломившійся въ грудь ея врагъ всѣми неслыханными средствами лютости и неистовства не могъ достигнуть до того, чтобы она, хотя единожды, о нанесенныхъ ей отъ него глубокихъ ранахъ воздохнула. Казалось съ пролитіемъ крови ея умножался въ ней духъ мужества; съ пожарами градовъ ея воспалялась любовь къ отечеству, съ разрушеніемъ и поруганіемъ храмовъ Божіихъ, утверждалась въ ней вѣра и возникало непримиримое мщеніе. Войско, вельможи, дворянство, духовенство, купечество, народъ,—словомъ, всѣ государственные чины и состоянія, не щадя ни имуществъ своихъ, ни жизни, составили единую душу, душу вмѣстѣ мужественную и благочестивую, толико же пылающую любовью къ отечеству, колико любовью къ Богу. Отъ сего всеобщаго

ляемъ мы любезнымъ нашимъ вѣрноподданнымъ, что событіе превзошло даже самую надежду нашу, и что объявленное нами, при открытіи войны сей, свыше мѣры исполнилось: уже нѣтъ ни единаго врага на лицѣ земли нашей, или лучше сказать, всѣ они здѣсь остались, но какъ?—мертвые, раненые и плѣнные. Самъ гордый повелитель и предводитель ихъ едва съ главнѣйшими чиновниками своими отселѣ ускакать могъ, растерявъ все свое воинство и всѣ привезенныя съ собою пушки, которыхъ болѣе тысячи, не считая зарытыхъ и потопленныхъ имъ, отбиты у него и находятся въ рукахъ нашихъ. Зрѣлище погибели войскъ его невѣроятно! Едва можно собственнымъ глазамъ своимъ повѣрить. Кто могъ сіе сдѣлать?!... Не отнимая достойной славы ни у главнокомандующаго надъ войсками нашими, знаменитаго полководца, ни у другихъ искусныхъ и мужественныхъ вождей, и военноначальниковъ, ознаменовавшихъ себя рвеніемъ и усердіемъ, ни вообще у всего храбраго воинства нашего, можемъ сказать, что содѣянное ими есть превыше силъ человѣческихъ. И такъ, да познаемъ въ великомъ дѣлѣ семъ промыслъ Божій! Повергнемся предъ святымъ его престоломъ, и видя ясно руку Его, поразившую гордость и злочестіе, вмѣсто тщеславія и кичепія о побѣдахъ нашихъ научимся изъ сего великаго и страшнаго примѣра быть кроткими и смиренными законовъ и воли Его исполнителями, не похожихъ на сихъ отпадшихъ отъ вѣры осквернителей храмовъ Божіихъ, враговъ нашихъ, которыхъ тѣла въ несмѣтномъ количествѣ валяются пищею псамъ и вранамъ! Великъ Господь нашъ Богъ въ милостяхъ и во гнѣвѣ своемъ! Пойдемъ благостью дѣлъ и чистотою чувствъ и помышленій нашихъ,—единственнымъ ведущимъ къ нему путемъ—въ храмъ святости Его, и тамо, увѣнчанные отъ руки Его славою, возблагодаримъ за изліянныя на насъ щедроты и припадемъ къ Нему съ теплыми молитвами, да продлитъ милость свою надъ нами и, прекратя брани и битвы, ниспошлетъ къ намъ побѣдъ побѣду—желанный миръ и тишину“ [1]).

---

[1]) Текстъ манифеста мы заимствуемъ у Шишкова. См. Записки. Т. I, стр. 170—172.

[illegible] императора русскаго!
[illegible] можемъ сказать
[illegible] всемiрной
[illegible] всеспасаю-
[illegible] во всей своей
[illegible]
[illegible] хвалу
[illegible] высово
[illegible] въ ней
[illegible] Еще по
[illegible] Госпо-
[illegible] Рождества
[illegible] сварилъ
[illegible] уже
[illegible] перво-
[illegible]
[illegible] сели че-
[illegible] Божiи. И
[illegible] страшнаго при-
[illegible] народа!
[illegible] мысль ни-
[illegible] въ храмѣ
[illegible] Творцу.
[illegible] въ на-
[illegible] возне-
[illegible]
[illegible]
[illegible] Господа
[illegible] прежде
[illegible] Увѣчанные
[illegible] храмъ Его и
[illegible] царствъ Онъ
[illegible] и [illegible]!
[illegible] мѣстѣ
[illegible] наиболѣе спо-
[illegible] храмѣ
[illegible]

:еніе отечества отдаленнѣйшіе потомки побѣдоносныхъ
іянъ! Безъ сомнѣнія, благодарственныя моленія будутъ
оситься къ престолу Предвѣчнаго во всѣхъ безчислен-
ь храмахъ, разсѣянныхъ по лицу земли русской, но
іъ изъ сихъ храмовъ долженъ особенно привлекать къ
; вѣрныхъ христіанъ и сыновъ отечества. Храмъ сей
вигнутъ будетъ въ Москвѣ, онъ явится единственнымъ
ітникомъ величайшаго изъ событій русской исторіи.
мъ сей долженъ быть воздвигнутъ во имя Спасителя,
'пившаго праведною кровію Своею весь родъ человѣче-
и избавившаго насъ такъ чудесно въ тотъ моментъ,
,а мы были оставлены и попраны всѣмъ міромъ.
ь тотъ-же самый день 25-го декабря, когда Россія услы-
а изъ устъ своего царственнаго вождя великую и ра-
ную вѣсть о конечномъ изгнаніи врага, государь обра-
'я еще и съ другимъ воззваніемъ къ своему вѣрному
эду [1]):
Спасеніе Россіи отъ враговъ столь-же многочисленныхъ
іми, сколь злыхъ и свирѣпыхъ намѣреніями и дѣлами,
ршенное въ шесть мѣсяцевъ ихъ истребленіе, такъ что
самомъ стремительномъ бѣгствѣ едва самомалѣйшая
ю часть оныхъ могла уйдти за предѣлы наши, есть явно
янная на насъ благодать Божія, есть по истинѣ досто-
ітное происшествіе, которое не изгладятъ вѣки изъ быто-
іній. Въ сохраненіе вѣчной памяти того безпримѣрнаго
ідія, вѣрности и любви къ вѣрѣ и отечеству, какими
:іи трудныя времена превознесъ себя народъ россійскій,
ъ ознаменованіе благодарности нашей къ промыслу Бо-
, спасшему Россію отъ грозившей ей гибели, вознамѣ-
іись мы въ первопрестольномъ градѣ нашемъ—Москвѣ
ать церковь во имя Спасителя Христа, подробное о чемъ
'ановленіе возвѣщено будетъ въ свое время. Да благо-
итъ Всевышній начинаніе наше! Да совершится оно! Да
:тоитъ храмъ сей многіе вѣки, и да курится въ немъ
(ъ святымъ престоломъ Божіимъ кадило благодарности

[1]) См. Шишковъ, Записки, приложеніе XXXVI, т. III, стр. 460.

[illegible]

[illegible]

е тѣмъ изъ нихъ, кои вступили въ отправленіе должно-
порученныхъ имъ непріятелемъ, но дѣлавшихъ это по-
іѣ, изъ страха передъ угрозами и насиліями [1]).
новременно съ этими мѣропріятіями, императоръ спѣ-
› поставить въ извѣстность жителей странъ, куда соби-
сь вступать наши побѣдоносныя войска, на счетъ на-
› настоящихъ намѣреній и цѣлей. Князь Кутузовъ Смо-
кій въ прокламаціи, изданной имъ къ пруссакамъ, объ-
лъ отъ имени своего государя, что переходъ нашихъ
къ чрезъ границы Пруссіи есть лишь неизбѣжное слѣд-
предшествующихъ военныхъ операцій. Государь рус-
и въ настоящій моментъ послѣ великихъ успѣховъ,
осланныхъ Божественнымъ провидѣніемъ нашему ору-
крайне далекъ отъ всякихъ завоевательныхъ намѣреній
измѣнно одушевленъ тѣми-же чувствами умѣренности,
рыя искони характеризовали его политику. Независи-
ь и миръ должны явиться результатами такой политики.
Величество императоръ предлагаетъ эти блага вмѣстѣ
воею помощью всѣмъ тѣмъ народамъ, которые оставятъ
Наполеона и возстанутъ за свой истинный интересъ.
приглашаю всѣхъ такихъ народовъ воспользоваться сча-
выми видами, открытыми для нихъ русскими арміями и
иниться съ ними въ преслѣдованіи непріятеля, безсиліе
раго доказывается его поспѣшнымъ бѣгствомъ. Прусса-
къ вамъ въ особенности обращаюсь я. Государь импе-
ръ намѣренъ положить предѣлъ несчастію, тяготѣющему
вашею страною, дать королю вашему доказательства
емой имъ къ нему дружбы и возвратить монархіи Фрид-
ея блескъ и ея прежніе предѣлы" [2]).
›вершенно въ иномъ тонѣ составлена была прокламація
жителямъ герцогства Варшавскаго. Въ ней слышались не
ескія увѣщанія, обращенныя къ націи, искони союзной
›, но отвлеченной отъ насъ на время силою обстоя-

См. Шишковъ, Записки. Т. I, приложеніе XXXVII, XXXVIII, XXXIX,
60—461.
См. Перцъ, Stein's Leben. Т. III, стр. 251—253.

тельствъ, а слова монарха, который смотрѣлъ на Польшу, какъ на свое законное достояніе, который кротко и милостиво, но въ тоже время рѣшительно призывалъ своихъ польскихъ подданныхъ покинуть чужеземнаго соблазнителя и слиться воедино съ единоплеменнымъ имъ русскимъ народомъ. „Тщетно и неблагоразумно“ [1]), говорилось въ прокламаціи, „надѣялись вы на французовъ. Чѣмъ вознаградили они васъ за вашу службу? Обѣщая вамъ покровительство, пощадили ли они землю вашу? Вы отъ нихъ ограблены, они отъ насъ побиты. Единоплеменный съ вами народъ, россіяне, желая дѣлать вамъ добро, принуждены были по неволѣ и съ сожалѣніемъ убивать васъ и брать въ плѣнъ, яко невольниковъ и рабовъ, служащихъ чуждому для васъ пришельцу! Какъ могли вы впасть въ такую слѣпоту ума, что тотъ дастъ вамъ свободу и возстановитъ державу вашу, кто явнымъ и главнымъ образомъ хочетъ всякую державу разорить и покорить подъ иго свое? Заблужденіе ваше достойно жалости! Не ужъ-ли не повѣрите вы и нынѣ, что войска его почти до послѣдняго человѣка сокрушены и побиты? Подите и посмотрите сами! Побѣдоносное воинство наше, не имѣя предъ собою ни единаго непріятеля, идетъ въ ваше герцогство. Вы опасаетесь мщенія. Не бойтесь! Россія умѣетъ побѣждать, но никогда не мститъ. Вы можете спокойно оставаться въ домахъ вашихъ. Жизнь, имущество и свобода ваша безопасны, когда вы сами не захотите, чтобы висящая надъ главами вашими туча пустила на васъ молнію и громы. Избирайте любое!“

Обращаясь такъ благосклонно къ своимъ сосѣдямъ, призывая однихъ къ возвращенію своей независимости и гарантируя другимъ ихъ свободу и національныя права подъ могучимъ покровомъ своей державы, Александръ обратился въ тоже время къ своимъ воинамъ и напомнилъ имъ торжественно, какъ подобаетъ имъ, поборникамъ свободы и идеи христіанства, вести себя въ чужеземныхъ, но дружественныхъ намъ краяхъ.

---

[1]) Шишковъ, Записки. Т. I, стр. 459, приложеніе XXXV.

Воины!“ говорилось въ Высочайшемъ приказѣ, отданномъ
ойскамъ въ 25 день декабря 1812 г. [1]): „храбрость и
ѣніе ваши вознаграждены славою, которая не умретъ
отомствѣ. Имена и дѣла ваши будутъ переходить изъ
въ уста, отъ сыновъ ко внукамъ и правнукамъ ва-
ъ, до самыхъ позднихъ родовъ. Хвала Всевышнему! Ру-
'осподня съ нами и не оставитъ насъ. Уже нѣтъ ни
аго непріятеля на лицѣ земли нашей. Вы по трупамъ
стямъ ихъ пришли къ предѣламъ имперіи. Остается
вамъ прейти за оные, не для завоеванія или внесенія
ы въ земли сосѣдей нашихъ, но для достиженія желанной
очной тишины. Вы идете доставить себѣ спокойствіе, а
—свободу и независимость. Да будутъ они друзья наши!
поведенія вашего будетъ зависѣть ускореніе мира. Вы—
кіе! вы христіане! Нужно-ли при сихъ именахъ напо-
ать вамъ, что должность воина быть храбру въ бояхъ и
ку во время переходовъ и пребыванія въ мирныхъ зем-
. Я не угрожаю вамъ наказаніями; ибо знаю, что никто
васъ не подвергнется онымъ. Вы видѣли въ землѣ ва-
грабителей, расхищавшихъ домы невинныхъ поселянъ.
праведно кипѣли на нихъ гнѣвомъ и наказали злодѣевъ!
-жъ захочетъ имъ уподобиться? Если же кто, паче чая-
таковой сыщется, да не будетъ онъ русскій! да исторг-
я изъ среды васъ!... Воины! сего требуютъ и ожидаютъ
васъ ваша православная вѣра, ваше отечество и Царь
ь“.

лександръ сказалъ свое послѣднее слово съ Вильнѣ, въ
ѣлахъ своей имперіи. Новый великій подвигъ неотложно
ывалъ его за рубежъ русскій. 25-го декабря государь
чо молился въ Виленскомъ православномъ соборѣ; тот-
же по окончаніи Божественной литургіи, онъ выѣхалъ
города по направленію къ прусской границѣ. Онъ по-
лъ Вильну почти одинъ, безъ всякой свиты, лишь въ
овожденіи немногихъ приближенныхъ. Онъ не бралъ съ
ю никакого конвоя, хотя вся окрестная страна опусто-

---

[1]) Шишковъ. Записки. Т. I, стр. 173.

шена была войною, хотя повсюду бродили шайки мародеровъ, грабителей, бѣглыхъ. Кто-то замѣтилъ, что государю слѣдовало-бы путешествовать съ большими предосторожностями въ такое безпокойное время. „Ради Самаго Христа!“ воскликнулъ престарѣлый фельдмаршалъ, услышавъ это замѣчаніе, „да у кого-же подымется рука на этого ангела“ [1]. И въ самомъ дѣлѣ, всѣ безъ изъятія, и враги и друзья, благоговѣли въ этотъ моментъ передъ вѣнчаннымъ поборникомъ свободы европейскаго человѣчества.

---

[1]) Мемуары Шуазель-Гуфье, 1-е изданіе, стр. 606.

ГЛАВА IV.

ксандръ—Освободитель Европы. — Отношенія къ Полякамъ и Пруссіи. — ьская грязь и прусскіе порядки.—Дальнѣйшее развитіе польскихъ плановъ ксандра.—Отвѣтъ императора князю Чарторыжскому.—„Поляки должны измѣ- ь свое поведеніе". — Настроеніе польской шляхты. — Заговоръ и предполагое избіеніе русскихъ. — Странное положеніе Пруссіи. — Александръ рѣтся спасти Пруссію вопреки ея собственному правительству. — Полномочія эйна. — Переходъ чрезъ границу. — Восторженный пріемъ со стороны наенія. — Рѣчь суперинтендента Гизевіуса и отвѣтъ императора. — Штейнъ въ игсбергѣ. — Трусость прусской бюрократіи и ея недовѣріе къ русскимъ.— чтоженіе континентальной системы. — Штейнъ и русскія ассигнаціи.—Какъ о обращаться съ трусливыми и подозрительными чиновниками. — Провинціный сеймъ въ Кенигсбергѣ. — Генералъ Іоркъ. — Штейнъ возвращается къ ератору Александру. — Переходы по герцогству Варшавскому. — Настроевъ нашей главной квартирѣ. — Письма Штейна. — Король Фридрихъ-Вильмъ III и прусская дипломатія. — Недовѣріе къ Россіи и разсчеты на Авю. — Генералъ Кнезебекъ въ нашей главной квартирѣ. — Прямодушіе Алеадра и безтактность прусскаго уполномоченнаго. — Штейнъ отправляется съ ученіемъ Александра въ Бреславль.—Смѣлая рѣчь изгнанника.—Фридрихъьгельмъ рѣшается заключить союзъ съ Россіею.—Тяжелое положеніе Штейна Бреславлѣ. — Французскій посолъ и его прусскій помощникъ. — Александръ ридрихъ-Вильгельмъ. — Неизмѣнная дружба обоихъ монарховъ.—Характеръ дриха-Вильгельма въ сравненіи съ характеромъ Александра.—Противоположности и сходства.—Аракчеевъ и генералъ Кекёрицъ. — Отношенія къ женамъ. — Королева Луиза. — Религіозность Александра и Фридриха-Вильгель- — При всемъ различіи оба монарха сходятся именно на почвѣ религіи. — у принадлежало первенство?!—Фридрихъ-Вильгельмъ благоговѣетъ къ памяти Александра.—Русскіе солдаты въ Потсдамѣ.—Александровская.

Императоръ Александръ покидалъ Вильну съ твердымъ мѣреніемъ положить конецъ тиранскому владычеству Наеона надъ Европою. Онъ намѣренъ былъ возвратить сво- у и попранныя человѣческія права всѣмъ народамъ безъ ключенія. Онъ не дѣлалъ никакого различія между поляи и пруссаками, онъ думалъ возвратить и тѣмъ и дру-

гимъ ихъ отечество. Положеніе обѣихъ націй было, однакоже, настолько различно, что не могло быть и рѣчи объ одинаковомъ образѣ дѣйствій по отношенію къ нимъ. Пруссія, несмотря на порабощеніе ея Наполеономъ, оставалась все-таки независимымъ государствомъ, а ея король былъ и оставался лучшимъ другомъ императора Александра, не смотря на вынужденный союзъ свой съ французами. Наоборотъ, Польша давно уже утратила послѣднюю тѣнь самостоятельности, а герцогство Варшавское, на которое поляки смотрѣли какъ на начало возстановленія Рѣчи Посполитой, было не болѣе какъ провинція французской имперіи. Пруссаки относились съ ненавистью къ французскому игу и готовились стать какъ одинъ человѣкъ на сторону русскихъ; поляки, наоборотъ, продолжали смотрѣть на французовъ, какъ на своихъ вѣрнѣйшихъ друзей и освободителей и не могли встрѣчать русскихъ иначе, какъ съ чувствомъ затаенной злобы. Противоположность въ образѣ мыслей обѣихъ націй поражала всѣхъ наблюдателей столь-же сильно, какъ и различіе между областями Пруссіи и герцогства Варшавскаго. Въ Пруссіи наши войска встрѣчали повсюду внѣшніе признаки довольства, благоустройства, порядка, чистоты. Вездѣ виднѣлись прекрасно обработанныя поля; города и селенія, лежавшія по пути, поражали своею красивою внѣшностью, дороги были обсажены деревьями, населеніе отличалось опрятностью и трудолюбіемъ [1]). Въ герцогствѣ Варшавскомъ, напротивъ, царствовала повсюду невообразимая грязь, нищета, виднѣлись слѣды разоренія, „а между тѣмъ", замѣчаетъ русскій очевидецъ, „край сей былъ союзный французамъ и Наполеонъ его болѣе другихъ щадилъ" [2]). Пріемъ, оказываемый нашимъ войскамъ въ Пруссіи и Польшѣ, былъ также совершенно различный. Когда первый отрядъ нашей

---

[1]) См. между прочимъ записки Н. Н. Муравьева „Русскій Архивъ", 1885 г. к. 12, стр. 453.

[2]) Записки Н. Н. Муравьева. „Мѣста, чрезъ которыя я проѣзжалъ, нельзя было сравнить съ тѣми, которыя я въ Пруссіи видѣлъ". „Причиной крайней бѣдности Польши была лѣность поляковъ и помѣщики, которые сильно угнетаютъ народъ". „Русскій Архивъ", 1885 г, кн. 12, стр. 457.

міи подъ начальствомъ генерала Орурка вступилъ въ поаничный городъ Пруссіи Сталупененъ, то обыватели не мнили себя отъ радости. „Да здравствуетъ нашъ защитникъ ператоръ Александръ! кричали они въ восторгѣ, тѣснясь воугъ нашихъ солдатъ. Всякій хотѣлъ увидѣть своихъ освобогелей и пожать руку хотя одному изъ нихъ; всѣ спѣшили готовить въ изобиліи провіантъ и фуражъ для нашихъ войскъ. сторженныя прокламаціи, призывавшія къ возстанію провъ французовъ, написанныя неизвѣстно кѣмъ, ходили по камъ, читались съ жадностью и усиливали еще болѣе и зъ того уже пламенный энтузіазмъ массы [1]).

Въ герцогствѣ Варшавскомъ насъ ждала совершенно иная грѣча [2]). Забитые крестьяне смотрѣли на наши войска съ кимъ-же тупымъ равнодушіемъ, какъ и на французовъ; атные и образованные встрѣчали насъ съ затаенною невистью, или скрывались при нашемъ приближеніи. Въ льскихъ городахъ и мѣстечкахъ поднималась при нашемъ иближеніи настоящая паника; всѣ спѣшили скрыть свои мейства и припрятать подальше свои припасы. Приходись прибѣгать поневолѣ къ насильственнымъ реквизиціямъ, сылать отряды на далекія фуражировки, какъ въ непріельской странѣ. Одни только жиды, хорошо понимавшіе, о Наполеоновскому владычеству пришелъ навсегда коцъ, встрѣчали насъ дружелюбно; они одни выходили на трѣчу нашимъ войскамъ, устраивали шумныя оваціи и доавляли припасы, разумѣется, за деньги [3]). Ксендзы и яхтичи никакъ не могли примириться съ внезапнымъ поротомъ счастія. Поспѣшное бѣгство французовъ, побѣдосное наступленіе русскихъ казалось имъ чѣмъ то сказоч-

---

[1]) О пріемѣ въ Сталупененѣ см. донесеніе Витгенштейна князю Кутузову ь 12-го декабря; къ нему-же приложена безъименная прокламація. Богданоъ, „Исторія отечественной войны", Т. III, стр. 343—344.

[2]) „Я не нашелъ въ Польшѣ того гостепріимства, которое видѣлъ въ Прус. Поляки насъ терпѣть не могли". Записки Н. Н. Муравьева, стр. 457.

[3]) Шишковъ говоритъ: „Одни только жиды собирались съ веселыми лицами домахъ, гдѣ останавливался государь, и при выходахъ его кричали: „ура". иски, Т. I, стр. 174—175; см. также Дневникъ С. Г. Хомутова, „Русскій Арвъ" 1869 г. стр. 221—233.

нымъ, какимъ то тяжелымъ сномъ. Неизмѣнные въ своихъ симпатіяхъ и въ своей ненависти, они смотрѣли на совершавшіяся событія, какъ на нѣчто скоропреходящее и случайное. Звѣзда великаго Наполеона не могла закатиться, по ихъ мнѣнію, навсегда. „Пройдетъ нѣсколько мѣсяцевъ", говорили они другъ другу, „а быть можетъ лишь нѣсколько недѣль,—и великій покровитель Польши не замедлитъ явиться на Вислѣ и Нѣманѣ съ своими побѣдоносными легіонами. Надо приготовиться, какъ подобаетъ, къ его встрѣчѣ: надо и намъ съ своей стороны содѣйствовать, по возможности, его побѣдѣ. Поляки обязаны принять къ сердцу повелительный совѣтъ императора Наполеона, они должны собрать свои послѣднія силы для спасенія отечества. Но какъ организовать эти силы, какъ привести ихъ въ движеніе? Побѣдоносные москали занимаютъ своими полчищами всѣ польскія области. Пруссаки готовятся соединиться съ ними, жиды служатъ имъ помощниками и шпіонами. Польская нація (!?) связана по рукамъ и ногамъ: она не можетъ выставить правильно организованной военной силы, она не можетъ подняться открыто противъ своихъ притѣснителей: но у поляковъ осталось еще не мало скрытаго оружія, а опыты столь недавняго прошлаго не прошли для нихъ безслѣдно. То, что удалось въ небольшомъ размѣрѣ въ 1794 г.,—можно повторить теперь въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Необходимо составить заговоръ по всей странѣ, надо внезапно напасть на враговъ, устроить новую Варѳоломеевскую ночь и отдѣлаться однимъ ударомъ отъ русскихъ, нѣмцевъ и жидовъ". Такъ шептались между собою польскіе патріоты.—и въ тотъ самый моментъ, когда императоръ Александръ готовился осыпать Польшу новыми благодѣяніями, благородные поляки, [illegible], по словамъ Огинскаго, запятнать измѣною національную честь, тайно точили ножи и дѣятельно плели адскую сѣть заговора, въ которой должны были погибнуть русскія войны, готовившіяся вмѣстѣ съ своимъ царемъ къ новому великому подвигу освобожденія Европы [1].

[1] [illegible] по инструкціямъ, по

Само собою понятно, что Александръ оставался въ полнѣйшемъ невѣдѣніи на счетъ этихъ діявольскихъ плановъ [1]); но неискоренимая ненависть поляковъ къ русскимъ становилась для него очевиднѣе съ каждымъ днемъ. Ни прокламація объ амнистіи, ни строгая дисциплина, соблюдаемая нашими войсками въ предѣлахъ герцогства, ни безчисленныя доказательства великодушія русскаго императора, ни вполнѣ достовѣрные слухи объ его намѣреніи возстановить Польшу,—ничто не могло разсѣять предубѣжденій и ненависти ясновельможнаго шляхетства къ Россіи и ея императору. Становилось очевиднымъ, что увѣренія Огинскаго, Чарторижскаго и ихъ друзей лишены были всякаго фактическаго основанія, что перспектива возстановленной Польши подъ скипетромъ Русскаго Монарха не въ состояніи была привести въ энтузіазмъ ни одного поляка. Возможно-ли было, въ виду такого настроенія, послѣдовать совѣту польскихъ патріотовъ и провозглашать возстановленіе польскаго королевства? „Успѣхи, коими Провидѣнію угодно было благословить мои усилія и мою настойчивость“, писалъ императоръ Александръ [2]) Чарторижскому въ отвѣтъ на его послѣднія посланія, „нисколько не измѣнили ни моихъ чувствъ, ни моихъ намѣреній относительно Польши. Итакъ, пусть опасенія вашихъ соотечественниковъ успокоятся. Месть есть чувство,

---

лучаемымъ изъ Парижа, онъ долженъ былъ поддерживать сильнѣйшее броженіе въ странѣ между Бѣлостокомъ и Познанью и подготовлять всеобщее возстаніе. Наполеонъ приказалъ объявить полякамъ: домъ Гогенцолерновъ не достоинъ царствовать долѣе; прусская монархія обречена на уничтоженіе; восточная и западная Пруссія должны отойти къ Польшѣ, Силезія къ Австріи, Марки къ Вестфаліи. Тайныя донесенія, полученныя въ русской главной квартирѣ, показывали, что всеобщее возстаніе въ Польшѣ должно вспыхнуть въ одинъ и тотъ же день, въ пятницу страстной недѣли, и что въ этотъ день должны быть избиты всѣ русскіе, нѣмцы и жиды“. Бернгарди, Toll's Denkwürdigkeiten, T II, стр. 413.

[1]) Александръ узналъ о заговорѣ гораздо позже, въ то время, когда поступили о немъ свѣдѣнія въ нашу главную квартиру.

[2]) Письмо Александра изъ Лейпунъ отъ 13 января 1813 г. „Предложенія, заключающіяся въ вашихъ бумагахъ и личныя чувства ко мнѣ, въ нихъ выраженныя, меня глубоко тронули“, говоритъ Александръ въ началѣ письма. См. „Русскій Архивъ“, 1871, стр. 847.

котораго я не знаю, и величайшее для меня наслажденіе платить добромъ за зло. Моимъ генераламъ отданы строжайшія приказанія дѣйствовать сообразно съ этимъ и обращаться съ поляками, какъ съ друзьями и братьями. Хочу говорить съ вами совершенно откровенно. Для того, чтобы провести въ Польшѣ мои любимыя идеи, мнѣ придется побѣдить нѣкоторыя трудности, не смотря на блескъ моего теперешняго положенія. Сперва объ общественномъ мнѣніи въ Россіи. Способъ, которымъ вела себя у насъ польская армія, грабежи въ Смоленскѣ и въ Москвѣ, опустошеніе всей страны оживили старинную ненависть. Во-вторыхъ, разглашеніе въ настоящую минуту моихъ намѣреній относительно Польши окончательно бросило-бы Австрію и Пруссію въ объятія Франціи, результатъ коему воспрепятствовать было-бы весьма важно, тѣмъ болѣе, что эти державы уже высказываютъ ко мнѣ наилучшее расположеніе. Эти затрудненія при осторожности и благоразуміи будутъ побѣждены. Но чтобы мы этого достигли, нужно, чтобы вы и ваши соотечественники мнѣ содѣйствовали. Нужно, чтобы вы сами помогли мнѣ примирить русскихъ съ моими планами, и чтобы вы оправдали всѣмъ извѣстное пристрастіе мое къ полякамъ и ко всему, что относится къ ихъ любимымъ идеямъ. Имѣйте нѣкоторое довѣріе къ моему характеру, къ моимъ убѣжденіямъ и надежды ваши не будутъ обмануты. По мѣрѣ того какъ будутъ выясняться результаты военныхъ дѣйствій, вы будете убѣждаться, сколь дороги мнѣ интересы вашей родины и насколько вѣренъ я моимъ стариннымъ идеямъ. Что касается до формъ, то вамъ извѣстно, что я всегда предпочиталъ формы либеральныя. Я долженъ предупредить васъ, однако-же, и это самымъ рѣшительнымъ образомъ, что мысль о моемъ братѣ Михаилѣ не можетъ быть допущена. Не забудьте, что Литва, Подолія и Волынь считаютъ себя до сихъ поръ областями русскими, что никакая логика въ мірѣ не убѣдитъ Россію, чтобы онѣ могли быть подъ владычествомъ иного государя, кромѣ того, кто въ ней царствуетъ. Что касается до названія, подъ коимъ онѣ будутъ входить въ ея составъ, то эту трудность побѣдить легко. Итакъ, я прошу ж

своей стороны, сообщить изъ этого письма то, что вы найдете приличнымъ, лицамъ, содѣйствіе коихъ вы найдете необходимымъ. Пригласите вашихъ соотечественниковъ выказать къ Россіи и къ русскимъ добрыя чувства для того, чтобы изгладить впечатлѣнія этой кампаніи и тѣмъ облегчить мою работу".

Указывая Чарторижскому на препятствія къ осуществленію своихъ польскихъ плановъ, требуя и со стороны поляковъ проявленія добрыхъ чувствъ къ русскимъ, императоръ и теперь заявляетъ свою готовность на самыя широкія уступки по отношенію къ полякамъ [1]). Онъ намѣренъ отдать войскамъ своимъ приказаніе не занимать Варшавы, подъ единственнымъ условіемъ, чтобы тамъ не оставалось вовсе иностраннаго войска и по возможности меньше польскаго. Онъ не будетъ требовать уничтоженія конфедераціи, образованной съ цѣлями, явно враждебными Россіи, онъ предлагаетъ ей даже остаться спокойно въ Варшавѣ. Онъ не думаетъ также касаться національнаго правительства, учрежденнаго Наполеономъ въ герцогствѣ Варшавскомъ. Онъ желаетъ вступить въ переговоры съ этимъ правительствомъ и результатомъ такихъ переговоровъ долженъ явиться, по его мнѣнію, союзный трактатъ между герцогствомъ и Россіею. „Тогда", говоритъ онъ, „я сочту себя уполномоченнымъ отъ россійской Имперіи принять на себя священное обязательство не складывать оружія, пока надежды Польши не будутъ осуществлены; ибо этимъ т. е. союзнымъ договоромъ, поляки бы доказали, передъ лицомъ Россіи и Европы, что они возложили все свое довѣріе на меня; а моей честности никогда никто не довѣрялся напрасно".

Относясь такимъ образомъ къ полякамъ, Александръ не считалъ возможнымъ удовлетворить повторенньмъ просьбамъ Чарторижскаго объ отставкѣ. Императоръ опасается, чтобы отставка князя, настоящія причины которой не могутъ быть разъяснены толпѣ, не показалась признакомъ того, что его намѣренія относительно Польши измѣнились. Съ другой сто-

[1]) „Всѣ русскіе генералы получили приказаніе обращаться съ поляками, какъ съ [illegible] и братьями". Письмо отъ 13 января, стр. 851.

роны, онъ боится, чтобы Чарторижскій, отрѣшившись отъ своихъ отношеній къ нему, не принялъ такихъ личныхъ рѣшеній, которыя могли бы произвести дурное впечатлѣніе въ Россіи. Письмо оканчивается слѣдующими крайне лестными для Чарторижскаго словами: „Наконецъ, вы во всѣхъ отношеніяхъ тотъ посредникъ, который мнѣ всего болѣе по сердцу, вслѣдствіе полнаго моего къ вамъ довѣрія; моя привязанность принадлежитъ вамъ безвозвратно“ [1]).

Александръ, какъ видно это изъ приведеннаго письма, не скрывалъ отъ себя трудностей, предстоявшихъ на пути къ осуществленію его польскихъ плановъ, хотя и не терялъ ни на одну минуту надежды побѣдить всѣ эти трудности. Вѣрный идеаламъ своей юности и своему правилу платить добромъ за зло, онъ полагался на всепобѣждающую силу любви, и не сомнѣвался въ разрѣшеніи задачи, передъ непреоборимыми трудностями которой останавливались въ недоумѣніи всѣ государственные люди той эпохи.

Совершенно иначе слагались дѣла по отношенію къ Пруссіи, хотя и тутъ на первыхъ порахъ возникали трудности и осложненія крайне деликатнаго свойства. Положеніе дѣлъ здѣсь было діаметрально-противоположное положенію ихъ въ вопросѣ польско-русскомъ. Въ польскомъ лагерѣ у Александра было всего лишь два—три единомышленника; вся интилигенція относилась къ нему враждебно и недовѣрчиво, народная масса пребывала въ полнѣйшей апатіи. Въ Пруссіи все населеніе, во всѣхъ его слояхъ, ликовало въ восторгѣ при нашемъ приближеніи. Дѣло генерала Іорка, донесенія нашихъ военноначальниковъ, личныя впечатлѣнія самого государя не оставляли ни малѣйшаго сомнѣнія, что слова Штейна не были пустыми и лживыми фразами, подобными напыщеннымъ возгласамъ Огинскаго и компаніи; что тутъ

---

[1]) Какъ сердечно относился Александръ къ Чарторижскому видно изъ слѣдующей приписки къ письму: „Такъ какъ письмо мое носитъ на себѣ нѣкоторый оффиціальный характеръ, то не могу отправить его, любезный другъ, не присовокупивъ къ нему этого дружескаго къ вамъ словечка. Успѣхи не измѣнили ни моихъ идей, относительно вашей родины, ни моихъ общихъ мнѣній и вы всегда найдете меня таковымъ, какимъ вы меня знали“.

дѣйствительно протягивалъ къ намъ руки цѣлый народъ, готовилось возстать за одно съ нами, какъ одинъ человѣкъ, населеніе цѣлой страны. Но народъ этотъ находился въ данный моментъ въ крайне странномъ, можно сказать, безпримѣрномъ положеніи. Онъ былъ лишенъ своего законнаго правительства, или лучше сказать, его верховное правительство, его обожаемый король лишены были свободы дѣйствій, находились въ рукахъ своихъ страшныхъ союзниковъ, французовъ. Оффиціальныя распоряженія берлинскаго правительства шли въ разрѣзъ съ настроеніемъ и желаніями прусскаго народа. Народъ встрѣчалъ русскихъ, какъ освободителей и подымался повсемѣстно противъ французовъ; берлинское правительство продолжало говорить о союзѣ съ Франціею, отправляло своихъ уполномоченныхъ къ Наполеону, смѣщало генераловъ, рѣшившихся поднять знамя національной чести. Необходимо было положить конецъ этой двойной игрѣ, надо было освободить короля изъ рукъ французовъ и возвратить его своему народу. Чтобы достигнуть этой цѣли, надо было дѣйствовать съ одной стороны быстро и рѣшительно, а съ другой, крайне осторожно и деликатно. Необходимо было вытѣснить французовъ, какъ можно скорѣе, изъ прусскихъ провинцій, и дать въ тоже время королю возможность вырваться изъ ихъ рукъ. Надо было, не теряя ни минуты времени, организовать тѣ силы и средства, которыя могли доставить для войны прусскія земли, подчинить себѣ на время прусскую администрацію, увлечь на свою сторону представителей сословій, удалить нерѣшительныхъ и боязливыхъ чиновниковъ, арестовать злонамѣренныхъ; но сдѣлать все это такимъ образомъ, чтобы не оскорбить короля, не нарушить его верховныхъ правъ, не поставить его въ безвыходное или унизительное положеніе. Другими словами, предстояло произвести настоящую революцію, направленную ко благу и спасенію самого короля; предстояло вооружить цѣлый народъ помимо воли его правительства, хотя и для спасенія того же самого правительства.

Александръ, не колеблясь ни минуты, приступилъ къ исполненію этой трудной задачи. Онъ предписалъ своимъ ге-

ператамъ дѣйствовать съ наивозможною поспѣшностью, оттѣснить французовъ, какъ можно скорѣе, за Одеръ и обложить всѣ прусскія крѣпости, находившіяся въ ихъ рукахъ. Онъ рѣшился поручить временное управленіе всѣми прусскими провинціями, занятыми нашими войсками, барону Штейну и снабдить его для этой цѣли самыми широкими полномочіями.

„Мы Александръ I Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій“, говорилось въ Высочайшемъ распоряженіи, изданномъ 8 Января 1813 года „симъ объявляемъ: Такъ какъ восточная и западная Пруссія заняты нашими войсками и отдѣлены тѣмъ отъ своего правительства, и такъ какъ отношенія Наши къ королю прусскому остаются еще неопредѣленными, то по всему сему, мы сочли необходимымъ принять мѣры къ надзору и руководству за администраціею сихъ провинцій, дабы пріобрѣсти тѣмъ возможность воспользоваться силами и средствами страны для пользы благаго дѣла“.

„Вслѣдствіе сего, Мы уполномочили симъ барона Генриха Фридриха Карла фонъ-Штейна, кавалера ордена Краснаго Орла; поручили ему отправиться въ Кенигсбергъ, ознакомиться тамъ съ положеніемъ страны и привести въ движеніе всѣ военныя и денежныя средства для поддержанія нашихъ предпріятій противъ французскихъ войскъ. Мы поручаемъ ему кромѣ того блюсти за тѣмъ, чтобы всѣ доходы занятыхъ провинцій расходовались честно и согласно вышеуказанной цѣли, чтобы на имущество французовъ и ихъ союзниковъ было наложено повсемѣстно запрещеніе, чтобы сборъ и вооруженіе ландвера и ландштурма произведенъ былъ въ наивозможно скорѣйшемъ времени на основаніи плановъ, составленныхъ и одобренныхъ его величествомъ королемъ прусскимъ въ 1808 году, и чтобы всѣ припасы и транспортныя средства, необходимыя для нашихъ армій, доставлялись скоро и исправно. Для сихъ цѣлей уполномочиваемъ Мы упомянутаго барона Штейна принимать всѣ мѣры, кои сочтетъ онъ необходимыми для исполненія возложеннаго го порученія, пользоваться услугами тѣхъ чинови

орые покажутся ему наиболѣе способными для осуществленія нашихъ намѣреній, удалять тѣхъ, коихъ сочтетъ онъ еспособными, или злонамѣренными, а подозрительпыхъ подергать надзору и даже аресту. Мы даруемъ ему право азначать на свое мѣсто въ случаѣ надобности другое доѣренное лицо. Его полномочіе окончится въ тотъ моментъ, огда Мы достигнемъ окончательнаго соглашенія съ королемъ прусскимъ. Тогда управленіе провинціями возвращено будетъ королю, а баронъ Штейнъ возвратится къ Намъ. Мы обѣщаемъ, впрочемъ, Нашимъ Императорскимъ словомъ, потвердить все то, что будетъ рѣшено и исполнено въ силу настоящаго полномочія. Въ удостовѣреніе сего, Мы подписали сіе Наше полномочіе и повелѣли снабдить его Нашею малою печатью. Дано въ Рячкѣ 8-го Января лѣта 1813, царствованія же нашего 13-го" [1]).

Возникалъ вопросъ, какъ отнесутся къ этому распоряженію Русскаго Монарха, населеніе провинціи, ихъ административные и сословные чины. Народъ первый откликнулся на призывъ великодушнаго императора и въ этомъ откликѣ не было ни малѣйшей тѣни сомнѣнія или недовѣрія. Уже на слѣдующій день императоръ Александръ вступилъ въ пограничный прусскій городъ Ликъ. Энтузіазмъ населенія не зналъ предѣловъ. Массы народа, стекшагося со всѣхъ сторонъ, привѣтствовали Александра, какъ своего избавителя, посланнаго имъ самимъ небомъ. Глава мѣстнаго евангелическаго духовенства, суперинтендентъ Гизевіусъ выступилъ впередъ и, среди внезапно водворившагося благоговѣйнаго молчанія, обратился къ императору съ такими словами:

„Государь! Примите милостиво заявленія преданности народа, восторженно стремящагося Вамъ на встрѣчу! Все, что

---

[1]) Перцъ, Stein's Leben, T. III стр. 270—271 „Diese Urkunde, говорится тамъ, musste nach allen Seiten hin befriedigen. Von dem Fürsten erlassen, dessen Heere die Provinz Preussen besezt hielten und seinen Anordnungen den gehorsam sicherten, verband sie doch mit dem Nachdruck, welcher auch gegen die Ansichten der entfernten besezt mässigen Regierung das Nothwendige vollziehen musste, die grösste Schonung des königlichen Ansehen's, zu dessen wahrem Best[illegible] delt werden sollte".

окружаетъ Васъ здѣсь въ сію священную минуту, все что Вы видите передъ собою, Всемилостивѣйшій Императоръ и Государь—всѣ эти сердца, преисполнены удивленія, почитанія и любви къ Вамъ, всѣ эти глаза, наполнены слезами радости при видѣ Вашемъ, всѣ руки, подняты къ небу, призывая на главу Вашу благословеніе, защиту и милость Всемогущаго".

„Государь! Такъ-же точно будутъ биться повсемѣстно всѣ встрѣчающія Васъ сердца, такъ-же точно будутъ стекаться къ Вамъ всѣ народы, ибо Вы, Всемилостивѣйшій Государь, приходите къ намъ не разрушать, а осчастливливать, не порабощать, а освобождать, не губить, а оживлять и спасать измученное человѣчество. Великій Императоръ! Всемогущій вложилъ въ руки Ваши судьбы народовъ, но куда бы ни приводили Васъ Ваши побѣды, Вы приходите повсюду, благословляя и благословляемый во имя Господне. А посему, да осѣнитъ Предвѣчный Васъ щитомъ своимъ и да ополчитъ силою Своею могучую десницу Вашу, во исполненіе призванія, возложеннаго на Васъ. Онъ, Господь Богъ нашъ, да будетъ милостивъ и да благословитъ дѣло рукъ Вашихъ! Аминь" [1]).

Рѣчь проповѣдника произвела глубокое впечатлѣніе на государя. Такого именно привѣта ожидалъ онъ при первомъ шагѣ въ освобождаемую имъ страну. Умиленныя лица присутствующихъ тысячъ народа, тысячи глазъ, устремленныхъ на него съ выраженіемъ твердой вѣры и горячей благодарности, свидѣтельствовали лучше всякихъ возгласовъ, что устами благочестиваго служителя алтаря говорили всѣ присутствовавшіе и весь народъ, что въ его неподдѣльныхъ, полныхъ святаго энтузіазма словахъ, выражались чувствованія тысячъ милліоновъ сердецъ. Волненіе Государя росло во время рѣчи. При словахъ проповѣдника „Вы приходите не разрушать", онъ не въ состояніи былъ сдержать далѣе наполнявшихъ его чувствъ. „Нѣтъ, нѣтъ, воскликнулъ онъ громогласно, я другъ вашего короля и народа!" Съ этими

[1]) Рѣчь Гизевіуса у Перца, Stein's Leben, T. III, стр. 272—73.

ловами онъ дружески пожалъ руку суперинтендента и семилостивѣйше пожаловалъ ему на память драгоцѣнный ерстень [1]).

Эта знаменательная встрѣча была лишь первою въ ряду ѣхъ безконечныхъ, восторженныхъ овацій, которыми встрѣало населеніе императора Александра во всѣхъ городахъ и ѣстечкахъ Пруссіи, лежавшихъ по пути. „Повсюду пруссаи оказывали великую радость при нашемъ появленіи“, заѣчаетъ Шишковъ, „хотя король ихъ, видя еще многія крѣости свои въ рукахъ французовъ, не смѣлъ гласнымъ обазомъ соединиться съ нами“ [2]). Повсюду пріемъ былъ одиаково сердеченъ, вся разница заключалась лишь въ обстаовкѣ, зависѣвшей отъ средствъ населенія.

Между тѣмъ Штейнъ, распростившись съ императоромъ ъ Ликѣ, поспѣшилъ „чрезъ замерзшіе озера и Литовскіе ѣса“ [3]) въ Гумбиненъ. Здѣсь онъ увидѣлся съ президеномъ Ф. Шеномъ [4]), ознакомился въ бесѣдѣ съ нимъ съ пооженіемъ дѣлъ въ провинціи и, не теряя ни минуты времени, поспѣшилъ въ Кенигсбергъ. Народъ принялъ знаменитаго изгнанника съ восторгомъ, но королевскіе чиновники, оспитанные въ старой рутинѣ, понимавшіе долгъ и обязанности присяги въ чисто формальномъ смыслѣ, не рѣшались послѣдовать немедленно-же за призывомъ Штейна. Ко всему тому присоединились еще старыя чувства подозрительности и недовѣрія къ сосѣдямъ, русскимъ. Прусскимъ президенамъ и тайнымъ совѣтникамъ приходила въ голову мысль, что, быть можетъ, русскіе занявши прусскія провинціи, никогда не выйдутъ изъ нихъ, что они присвоятъ ихъ себѣ навсегда въ видѣ вознагражденія за военныя издержки [5]).

---

1) См. Перцъ, Stein's Leben, T. III, стр. 273.

2) Шишковъ, Записки, T. I, стр. 174.

3) Перцъ, Stein's Leben, T. III, стр.

4) „Соглашеніе съ Шеномъ было вскорѣ достигнуто, хотя и не безъ противорѣчія“, замѣчаетъ Перцъ. Такимъ образомъ уже на первомъ шагу Штейну приходилось бороться съ щепетильностью прусскихъ чиновниковъ.

5) Поводъ къ такимъ подозрѣніямъ подалъ образъ дѣйствій рижскаго генералъ-губернатора, маркиза Паулуччи. Занявъ пограничный, прусскій городъ Мемель, Паулуччи, вопреки своимъ инструкціямъ, забралъ въ плѣнъ прусскій

Баронъ Штейнъ, не смотря на всю свою, извѣстную всему свѣту, прямоту и честность, казался имъ, по временамъ, тайнымъ русскимъ агентомъ, присланнымъ съ коварною цѣлью превращенія временной окупаціи въ постоянное владѣніе. Недовѣріе было такъ велико, что даже оберъ-президентъ Ф. Ауэрсвальдъ, человѣкъ вполнѣ благомыслящій, заслуженный, образованный, лично преданный Штейну, упорно отказывался созвать провинціальный сеймъ для совѣщанія о вооруженіи страны противъ французовъ. Только непреклонная воля Штейна, опиравшаяся на ясно выраженное полномочіе императора и на русскую военную силу, наводнявшую всю страну, побудила его исполнить требованіе русскаго уполномоченнаго. Вѣсть о созывѣ сейма произвела магическое дѣйствіе. Народъ заволновался повсюду. Неслыханныя притѣсненія, поруганія, насилія довели его уже давно до отчаянія. Чаша была переполнена: и теперь, когда вдругъ пробилъ часъ освобожденія, одинъ могучій порывъ охватилъ всѣ сердца.

Безпримѣрный, небывалый духъ самопожертвованія овладѣлъ обоими полами, всѣми возрастами и сословіями безъ изъятія. Всякій спѣшилъ принести на алтарь отечества свое послѣднее достояніе. Не было сомнѣвающихся и недовѣряющихъ во всей массѣ населенія. И въ то время, какъ королевскіе чиновники ломали себѣ головы на счетъ коварныхъ плановъ Россіи, поселяне массами свозили со всѣхъ сторонъ фуражъ и хлѣбъ и съ радостью сдавали свои послѣдніе запасы въ магазины, назначенные для русской арміи, не требуя за это ни копейки вознагражденія. И тутъ оправдалась старая истина: настоящій человѣкъ на настоящемъ мѣстѣ можетъ увлечь за собою все [1]).

Между тѣмъ берлинская пожарная команда спѣшила за-

гарнизонъ, наложивъ секвестръ на королевское имущество, и объявилъ мѣстнымъ чиновникамъ, что отнынѣ они обязаны доносить не въ Гумбиненъ, а въ Петербургъ. Императоръ Александръ, узнавъ о странномъ поступкѣ маркиза, послалъ ему строгій выговоръ и отмѣнилъ его распоряженія. Тѣмъ не менѣе, поступокъ маркиза произвелъ сильное впечатлѣніе въ Пруссіи.

[1]) См. Перцъ, Stein's Leben, T. III, стр. 275.

ить ярко вспыхнувшій пожаръ патріотическаго одушевленія. ъ самый горячій моментъ движенія прибыли въ Кенигсбергъ голичныя газеты съ извѣстіемъ о смѣщеніи генерала Іорка. иновники повѣсили головы, и начали вновь толковать о олгѣ чести и присяги, но Штейнъ объявилъ рѣшительно, то онъ никогда не допуститъ, чтобы въ тылу русской аріи образовалась непріятельская армія, что онъ не потеритъ, чтобы войска генерала Іорка были подчинены хотя а одинъ день королю Неаполитанскому. Генералъ Іоркъ, бодряемый безстрашнымъ барономъ, рѣшился взять на себя идъ явнаго неповиновенія королевской волѣ. Онъ объявилъ, то ему неизвѣстно ничего оффиціальнаго о королевскомъ поелѣніи, и что въ Пруссіи не принято пересылать чрезъ азеты какіе-бы то ни было приказы генераламъ. Онъ наіѣренъ поэтому и впредь занимать должности генералъ-губернатора провинціи Пруссіи и начальника расположенныхъ ъ ней войскъ, должности, порученныя ему королевскимъ декретомъ отъ 20-го декабря 1812 г. Генералъ Клейстъ, азначенный вмѣсто Іорка, объявилъ съ своей стороны, что нъ не можетъ занять мѣста генерала, чувствуя себя не меіѣе виновнымъ, что онъ будетъ напротивъ поддерживать сѣми силами авторитетъ главнокомандующаго [1]).

Склонивъ на свою сторону вооруженную силу, Штейнъ приступилъ къ цѣлому ряду мѣръ, имѣвшихъ громадное знаіеніе и для провинціи и для русской арміи. Прежде всего, нъ объявилъ объ уничтоженіи континентальной системы. Эта система безумія, тираніи, грабежа, лежавшая такимъ страшнымъ гнетомъ на всѣхъ странахъ, подвластныхъ и союзныхъ Наполеону, снята была теперь съ Пруссіи по маіовенію императора Александра [2]). Прусскія гавани были открыты для судовъ всѣхъ дружественныхъ націй, разрѣшенъ былъ вывозъ всѣхъ прусскихъ продуктовъ за исклю-

---

[1]) Обо всѣхъ этихъ странныхъ событіяхъ См. кромѣ Перца, Stein's Leben, собенно Дройзена, Des Leben generals Iork.

[2]) Распоряженіе прусскаго провинціальнаго правительства объ отмѣнѣ конинентальной системы начиналось такими словами: „По указу Его Величества, императора Всероссійскаго и т. д.“.

ченіемъ ржи и овса. Страна, совершенно уничтоженная въ экономическомъ отношеніи неслыханными поборами и грабежами и полнѣйшимъ торговымъ застоемъ, вдругъ вздохнула свободно. До сихъ поръ казалось, что во всей провинціи не найдется денегъ для снаряженія одного баталіона ополченцевъ, но теперь мѣстное купечество внесло заимообразно сумму въ 500,000 талеровъ и разомъ обезпечило первыя потребности вооруженія. Заботясь, по мѣрѣ возможности, о нуждахъ своихъ земляковъ, отстаивая ихъ съ успѣхомъ отъ излишнихъ притязаній русской администраціи передъ самымъ императоромъ Александромъ и передъ княземъ Кутузовымъ [1], Штейнъ съ непоколебимою твердостью отвергалъ всѣ ихъ просьбы и протесты, тамъ гдѣ дѣло шло объ интересахъ русской арміи, а слѣдовательно и благаго дѣла. Въ такихъ существенныхъ и жизненныхъ вопросахъ, онъ былъ, по своему обычаю, выше всякаго страха, пристрастія и всякихъ постороннихъ соображеній. Когда королевское правительство восточной Пруссіи задумало протестовать противъ обязательнаго обращенія русскихъ бумажныхъ денегъ въ странѣ, то Штейнъ наотрѣзъ отвѣтилъ ему, что онъ не можетъ принять во вниманіе его желанія по слѣдующимъ тремъ основаніямъ: „Прусская администрація находится еще подъ французскимъ вліяніемъ, она неспособна принимать самостоятельныхъ, свободныхъ рѣшеній, а слѣдовательно и мѣра, о которой идетъ рѣчь, не можетъ подлежать ея обсужденію. Русская армія получаетъ все свое жалованье и содержаніе бумажными деньгами: эти деньги являются главнымъ предметомъ обращенія въ россійской имперіи. Невозможно русскихъ солдатъ и офицеровъ лишать средствъ пріобрѣтать всѣ необходимые для нихъ предметы, и столь же несправедливо ставить русскую государственную кассу въ невозможность вести далѣе войну за границею. Ко всему этому присоединяется еще цѣль войны. Дѣло идетъ не о самостоятельности Россіи, ибо ужасныя событія настоящей кампаніи доказали, что она достаточно обезпечена. Война ве-

[1] Pertz. Stein's Leben. [illegible]

и не для завоеваній, въ этомъ ручаются и благород- образъ мыслей Его Величества Императора и его неод- ıтныя заявленія. Борьба идетъ за самостоятельность аніи и Пруссіи, а для обезпеченія этой цѣли каждый вый и разумный человѣкъ обязанъ жертвовать своимъ яніемъ и своею кровью. На всѣхъ сихъ основаніяхъ я ряю здѣшней правительственной коллегіи мое предло- : обнародовать сегодня же постановленіе относительно ценія русскихъ денегъ" [1]).

зоря такимъ тономъ, Штейнъ видно зналъ, отлично ъ людей. Правительственная коллегія не осмѣлилась ıаться. Уже въ тотъ-же день коллегія почтительнѣйше мила Штейна, что воля его превосходительства, упол- іеннаго Императора Всероссійскаго, будетъ исполнена ;ленно [2]).

жду тѣмъ наступалъ страшный для прусской бюрокра- энь 5 февраля, когда долженъ былъ собраться провин- ный сеймъ. Президенты такъ перетрусили, что не рѣ- ъ назвать вещь ея настоящимъ именемъ и придумали ейма особое названіе: „Собраніе сословныхъ депута- . Затрудненія усилились еще болѣе, когда возникъ собою вопросъ: кто-же долженъ руководить совѣщанія- бранія? Никто изъ президентовъ не отважился принять бя эту опасную, незаконную роль. Ауэрсвальдъ дошелъ до того, что объявилъ себя больнымъ и улегся, по выраже- Штейна, въ постель изъ страха передъ близкимъ возвра- мъ французовъ. Штейнъ предложилъ предсѣдательство ıлу Іорку. Онъ напомнилъ ему о торжественномъ обѣ- ı императора Александра возстановить независимость каго государства и блескъ прусскаго трона, о востор- ъ какимъ встрѣчаетъ населеніе русскихъ. Сословія іи собрались для совѣщанія о вооруженіи страны про- тирана, кому-же приличествуетъ руководить ихъ спа-

---

[1]) Письмо Штейна, которое могло бы послужить урокомъ для многихъ позд- ъ администраторовъ, помѣщено у Перца, Stein's Leben, Т. III, стр. 4.

[2]) прусской правительственной коллегіи у Перца, стр. 2З4.

сительными совѣщаніями? Кому, какъ не смѣлому вождю, который своимъ мужественнымъ и мудрымъ рѣшеніемъ ускорилъ бѣгство непріятеля и сохранилъ цѣлый корпусъ храбрыхъ мужей для борьбы за свободу и честь. „Его Величество Императоръ ожидаетъ, что ваше превосходительство примете на себя руководство означенными совѣщаніями и приведете ихъ къ желанному концу“ [1]).

Іоркъ долго не рѣшался послѣдовать призыву Штейна, но, наконецъ, онъ явился въ собраніе депутатовъ. Патріотическое одушевленіе достигло до своего апогея [2]). Собраніе единогласно постановило приступить немедленно же къ набору 13,000 резерва, собрать 20,000-ное земское ополченіе, вооружить въ случаѣ надобности все населеніе, способное носить оружіе, и сформировать отрядъ конныхъ добровольцевъ въ 700 человѣкъ. Задача Штейна была исполнена. Вся провинція, Восточная Пруссія, превратилась, по его мановенію, въ военный лагерь; во главѣ движенія стоялъ человѣкъ, имя котораго обозначало собою цѣлую систему. Штейнъ увѣдомилъ о достигнутыхъ имъ результатахъ князя Кутузова, онъ убѣждалъ его идти впередъ, какъ можно быстрѣе, освободить всю страну между Эльбою и Одеромъ. Въ тотъ самый день когда русскіе вступили въ Варшаву, Штейнъ прибылъ въ главную квартиру императора Александра, находившуюся въ Плоцкѣ. Императоръ, крайне довольный энергіею Штейна, принялъ его чрезвычайно милостиво и вновь изъявилъ желаніе видѣть его въ своей службѣ. Штейнъ, вѣрный своему принципу, отклонилъ и на этотъ разъ предложеніе государя. Разъ навсегда держался онъ того мнѣнія, что не иностранцы, а природные русскіе должны занимать выдающіяся мѣста въ государственной русской службѣ. „Мой планъ“, писалъ онъ въ это время женѣ, „по окончаніи войны — спокойствіе и независимость. Я могу разсчитывать на покровительство и благорасположеніе императора;

[1]) Pertz. Stein's Leben. T. III. стр. [illegible].

[2]) [illegible] да здравствуетъ [illegible] Schlachtfelde hätte [illegible] см. Pertz. Stein's Leben. T. III. стр. 289.

лагородный и возвышенный образъ мыслей будетъ наиімъ залогомъ моего спокойствія“ [1]).

дленно подвигалась впередъ императорская главная ира по разоренному, бѣгущими французами, Варшавскорцогству. „Ѣзда наша, говоритъ Шишковъ, или лучше гь, ежедневные переходы верстъ по двадцати, страшно наскучили. Сверхъ того повсюду слышимъ о господщихъ болѣзняхъ и смерти. Французы, гдѣ ни прохо- вездѣ заражали воздухъ; они не только огнемъ и ору-, но и собственною своею погибелью губили людей. слышны на нихъ страшныя жалобы“ [2]).

ейнъ чувствовалъ себя отлично въ эти тяжелые для хъ дни, въ этой невыносимой для другихъ обстановкѣ. дня“, писалъ онъ женѣ, „ночую я въ крестьянской съ мужемъ, женою, дѣтьми и старою бабкою; завтра писать тебѣ изъ барскаго замка, развалившись на диза столомъ изъ краснаго дерева“. Его здоровье было сходно, неудобства не великія, общество въ высшей степріятно Онъ жилъ съ графомъ Толстымъ и графомъ льроде, превосходными собесѣдниками. Во всей главвартирѣ господствовалъ прекраснѣйшій духъ. Спокой- и единство плановъ, взглядовъ, желаній, производило чайно благотворное дѣйствіе. „Дѣла идутъ хорошо“, тъ Штейнъ, „и надо думать, что Провидѣніе приведетъ ъ доброму концу. Во всякомъ случаѣ, пребудемъ вѣрны ламъ чести и долга къ нашему отечеству, послѣдуемъ веъ примѣрамъ, очевидцами которыхъ были мы [3]). Возблагоъ небо, что мы принадлежимъ къ числу тѣхъ немнокои не преклонились передъ гнуснымъ тираномъ, и ы не принадлежимъ къ числу помощниковъ его преній“ [4]).

а быстро шли къ развязкѣ. Король Фридрихъ-Вильъ III не могъ оставаться долѣе въ Берлинѣ. Предувѣ-

---

[1] ерцъ, Stein's Leben, T. III, стр. 296.
[2] Шишковъ, Записки, Т. I, стр. 173—174.
[3] Рѣчь идетъ о примѣрѣ, поданномъ народомъ русскимъ“.
[4] Stein's Leben, T. III, 296—297.

домленный о покушеніи, готовившемся противъ его личности, онъ рѣшился оставить свою столицу и утвердить свое мѣстопребываніе въ Бреславлѣ. Французскіе генералы не рѣшились наложить свои руки на отъѣзжающаго короля. Быть можетъ, французовъ пугали приближающіеся русскіе, быть можетъ, они опасались яростнаго возстанія населенія, усматривавшаго въ особѣ короля послѣдній залогъ своего національнаго существованія [1]). Какъ-бы то ни было, но король спокойно выѣхалъ изъ Потсдама въ сопровожденіи своего семейства, своихъ министровъ и своей гвардіи. Тотчасъ-же по прибытіи въ Бреславль король принялъ мѣры къ вооруженію своего народа, хотя онъ пока еще и не рѣшался на окончательный разрывъ съ Франціею. Подавленный неслыханною тяжестью предшествующихъ событій, привыкнувъ видѣть вокругъ себя лишь эгоизмъ, трусость и измѣну, Фридрихъ-Вильгельмъ не въ состояніи былъ и въ эту рѣшительную минуту проникнуться безусловнымъ довѣріемъ къ своему народу. Онъ предписалъ 3 февраля воззваніе, призывавшее къ добровольной военной службѣ лицъ привиллегированнаго класса, но не ожидалъ самъ особенныхъ результатовъ отъ этого воззванія. Прошло нѣсколько дней, и въ Бреславль начали являться сотнями и тысячами добровольцы, принадлежавшіе къ высшимъ классамъ общества. Пришло вслѣдъ затѣмъ извѣстіе, что въ Берлинѣ въ теченіе трехъ дней записалось [illegible] молодыхъ людей добровольцами. Фридрихъ-Вильгельмъ началъ понимать знаменія времени. Слезы радости катились по щекамъ его при видѣ многочисленной молодежи, стекавшейся со всѣхъ сторонъ въ Бреславль подъ знамена [illegible] [2]).

[illegible] окружали [illegible] дипломаты старой

[1]) [illegible] preussischen Staates von [illegible] Charakteristik Friedrich [illegible]

[2]) [illegible] Берлинскими до- [illegible] на нихъ, [illegible] на сво- [illegible] Stein's Leben, T. III, [illegible]

ı. Воспитанные въ правилахъ дипломатической рути-
э признававшіе иныхъ принциповъ, кромѣ голаго эго-
ı своекорыстнаго разсчета, подозрѣвавшіе всѣхъ и каж-
они старались убѣдить короля, что онъ долженъ во-
юваться обстоятельствами для сверженія французскаго
ю не долженъ довѣрять въ тоже время русскимъ [1]).
вненно удобнѣе и безопаснѣе, доказывали они, попы-
ı сойтись съ Австріею, образовать въ союзѣ съ нею
о, независимую силу и предложить свое посредничество
цимъ сторонамъ. Уступая настояніямъ своихъ мини-
ь, король отправилъ къ Австрійскому двору одного изъ
ъ ярыхъ сторонниковъ Австрійскаго союза, полковни-
Кнезебека; но Кнезебекъ вернулся изъ Вѣны совер-
о разочарованный. Отъ графа Меттерниха онъ полу-
лишь дешевый совѣтъ держаться мирной системы и тѣмъ
ıъ подготовить будущее возстановленіе обоихъ средне-
ейскихъ государствъ. Кнезебекъ, какъ человѣкъ воен-
отлично понималъ, что принять на себя посредничество
тъ лишь тотъ, кто самъ располагаетъ достаточною си-
а между тѣмъ онъ замѣтилъ, что вооруженія Австріи
ıгались впередъ крайне медленно и что держава эта бы-
вве не готова къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Получивъ
енія Ф. Кнезебека, Фридрихъ-Вильгельмъ рѣшился сдѣ-
шагъ впередъ на встрѣчу Россіи, на встрѣчу старому
своему императору Александру. Тотъ-же самый Ф. Кне-
ъ отправленъ былъ въ русскую главную квартиру. Труд-
ыло избрать болѣе не подходящее лицо. Когда Кнезе-
явился къ императору Александру въ мѣстечкѣ Хло-
, въ двухъ переходахъ отъ Калиша, то императоръ при-
его съ живѣйшею радостью. Онъ говорилъ съ холод-
, дипломатомъ тѣмъ сердечнымъ тономъ, который выра-
ıся въ немъ подъ вліяніемъ послѣднихъ событій. Онъ
вилъ, что намѣренъ возстановить Пруссію въ ея преж-

Недовѣріе къ русскимъ дышетъ и въ мемуарѣ, поданномъ 4 февраля ко-
министромъ его Ансилономъ, хотя въ немъ высказывается уже неизбѣж-
союза съ Россіею. См. Ранке, Hardenberg und die Geschichte des preus-
n Staates etc. T. III, стр. 271.

немъ блескѣ. „День, въ который я возстановлю короля въ его законныхъ правахъ и владѣніяхъ, будетъ прекраснѣйшимъ, сладчайшимъ днемъ моей жизни“, воскликнулъ онъ съ энтузіазмомъ [1]).

Когда начались переговоры, то Кнезебекъ, опираясь на свою инструкцію [2]), настаивалъ прежде всего на возстановленіе Пруссіи въ предѣлахъ 1806 г. и требовалъ возвращенія герцогства Варшавскаго. Александръ возразилъ, что онъ намѣренъ предоставить Пруссіи ея прежніе размѣры, но что объ уступкѣ герцогства Варшавскаго не можетъ быть и рѣчи. Императоръ далекъ отъ всякой мысли удерживать за собою Восточную Пруссію, но ни подъ какимъ видомъ не можетъ онъ выпустить изъ своихъ рукъ герцогства Варшавскаго. Удерживать Польшу онъ обязанъ уже потому, что въ противномъ случаѣ, польская нація можетъ подняться вновь за Наполеона и создать тѣмъ великую опасность въ тылу союзныхъ армій. Вмѣсто герцогства Варшавскаго Александръ предлагалъ Пруссіи все королевство Саксонское, но Кнезебекъ, не умѣвшій понять, что судьба Польши безповоротно уже рѣшена императоромъ, упорно стоялъ на своемъ. По поводу Саксоніи, онъ возразилъ, что подобное предложеніе имѣетъ значеніе принципіальное, что принимая его, Пруссія вступила-бы на путь завоевательной политики Наполеона, тогда какъ въ настоящій моментъ дѣло идетъ о возстановленіи прававаго строя, разрушеннаго имъ. Въ виду такого категорическаго заявленія Ф. Кнезебека всякіе дальнѣйшіе переговоры между нимъ и императоромъ Александромъ сдѣлались невозможными [3]).

Прусско-русскому соглашенію являлось, такимъ образомъ, неожиданное препятствіе и притомъ въ такой моментъ, когда это соглашеніе было крайне необходимо для императора Александра и великаго дѣла, которое онъ отстаивалъ имъ.

[1]) См. Перцъ, Stein's Leben, Т. III, стр. 301. Въ такомъ-же смыслѣ выражались и приближенные императора.

[2]) Инструкція Кнезебека см. у Ранке, Т. III, стр. 280.

[3]) О переговорахъ съ Кнезебекомъ см. Перцъ, Stein's Leben, Т. I стр. 301—302. Ранке, Hardenberg etc. Т. III, стр. 282 и слѣдующія.

ейнъ, лично уважавшій Кнезебека, былъ, однако-же, внѣ ı отъ негодованія при видѣ тѣхъ сомнѣній, которымъ пре- ıлся прусскій уполномоченный на счетъ дѣйствительныхъ ѣреній императора Александра. Не думая долго, онъ пря- и рѣзко высказалъ Кнезебеку свое мнѣніе [1]), и посовѣ- ıлъ императору Александру вступить въ непосредствен- сношенія съ королемъ. Александръ рѣшился послѣдо- совѣту Штейна. Въ собственноручномъ письмѣ къ ко- о онъ доказывалъ, что Пруссія имѣетъ полное право рвать свой союзъ съ Наполеономъ, не исполнившимъ ıѣ Тильзитскаго мира ни одного условія трактатовъ, ни ого изъ своихъ обѣщаній. Да и съ кѣмъ-же заключилъ ıль союзъ? Очевидно съ державою, которая выставила гивъ Россіи четырехсоттысячную армію; но въ настоящій ентъ эта армія уже не существуетъ болѣе [2]). Импера- ь извѣщаетъ въ заключеніе, что онъ отправляетъ къ сво- старому союзнику и другу человѣка, вполнѣ посвящен- въ его планы и что онъ не сомнѣвается ни минуты, король, не колеблясь, дастъ свое согласіе на проектъ зная договора, составленный въ русской главной квар- ѣ и удовлетворяющій какъ нельзя болѣе интересамъ обѣ- сторонъ.

еловѣкъ, о которомъ говорилъ императоръ въ своемъ ьмѣ, былъ никто иной, какъ баронъ Штейнъ. Онъ самъ гился ѣхать къ королю, хотя и зналъ очень хорошо, что а, окружавшія Фридриха-Вильгельма, сумѣли выставить въ глазахъ подозрительнаго короля отъявленнымъ рево- іонеромъ и поборникомъ завоевательныхъ плановъ Рос- Штейнъ выѣхалъ въ Бреславль въ сопровожденіи стат- о совѣтника Анштета.

го поѣздка облечена была глубокою тайною. Кнезебекъ ıлъ о ней лишь по прошествіи 36 часовъ; онъ спѣшилъ

О способѣ дѣйствій Кнезебека Штейнъ увѣдомилъ также прусскаго канц- Гарденберга. Гарденбергъ въ своихъ письмахъ торопилъ Кнезебека за- [illegible]ора, но тщетно. См. Перцъ, Stein's Leben, T. III, стр. 302.
berg etc. T. III, стр. 283.

предупредить короля, но было уже поздно [1]). Штейнъ выѣхалъ изъ Калиша 24 февраля и уже на другой день прибылъ въ Бреславль. Не теряя ни минуты времени, онъ поѣхалъ во дворецъ и тотчасъ-же добился аудіенціи у короля. „Неужели, ваше величество можете еще колебаться и раздумывать" [2]), таковы были слова, съ которыми обратился смѣлый патріотъ къ Фридриху-Вильгельму. Въ сильныхъ словахъ, съ пламеннымъ, исключительно свойственнымъ ему одушевленіемъ, обрисовалъ онъ затѣмъ великую важность момента, необходимость и спасительную неизбѣжность предстоящаго рѣшенія. Фридрихъ-Вильгельмъ не любилъ своего бывшаго министра за его прямоту и нерѣдко грубую смѣлость; но въ данный моментъ онъ созналъ, что въ голосѣ Штейна говоритъ ему сама необходимость, что ему предлагается, быть можетъ, послѣдняя возможность возстановленія отечества. Правдивая рѣчь изгнанника подавила сомнѣнія, подымавшіяся въ душѣ короля, разсѣяла хитросплетенія клеветы и лжи, опутавшія его въ эти послѣдніе, страшные мѣсяцы и дни. Выслушавъ проектъ предлагаемаго ему союза, Фридрихъ-Вильгельмъ тутъ-же изъявилъ на него свое согласіе въ принципѣ, и приказалъ позвать канцлера Гарденберга. Канцлеръ, недовольный упрямствомъ и неловкостью Ф. Кнезебека и разочаровавшійся въ послѣдніе дни въ своихъ надеждахъ на Австрію, одобрилъ съ своей стороны рѣшеніе короля. Штейнъ [illegible] рѣшеніе. „Король", объявилъ онъ, [illegible] отправить завтра-же въ Калишъ окончательный [illegible] или съ генераломъ [illegible] случаѣ императоръ Александръ [illegible] безповоротно[illegible] требованіе свое [illegible] Шарнгорстъ завтра[illegible] Калишъ.

[illegible]

Порученіе, возложенное императоромъ Александромъ на Штейна, было исполнено самымъ блистательнымъ образомъ; но здоровье желѣзнаго барона было потрясено неслыханными трудами и тревогами послѣднихъ мѣсяцевъ. Путешествіе и ночлеги по зараженнымъ мѣстностямъ герцогства Варшавскаго не прошли безслѣдно и для его крѣпкой организаціи. Симптомы господствующей эпидеміи давали уже чувствовать себя. Лихорадка не давала ему покоя и онъ рѣшился не ѣхать обратно въ Калишъ, а дожидаться въ Бреславлѣ скораго пріѣзда императора Александра. Ни король, ни его приближенные не позаботились, однако-же, пріютить русскаго уполномоченнаго, а Штейнъ не привыкъ заботиться о своихъ личныхъ удобствахъ. Выйдя изъ королевскаго дворца, онъ самъ отправился розыскивать себѣ квартиру, но всѣ его поиски остались тщетными. Бреславль былъ переполненъ до невозможности пріѣзжими. Невозможно было найти свободнаго угла ни въ гостиницахъ, ни на постоялыхъ дворахъ. Проѣздивъ по-напрасну по городу нѣсколько часовъ, Штейнъ остановился въ недоумѣніи и досадѣ на торговой площади. Тутъ замѣтилъ его генералъ Ф. Люцовъ, вербовавшій въ сосѣдней гостиницѣ „Ускипетра", волонтеровъ для предстоящей кампаніи. Немедленно-же предложилъ онъ барону раздѣлить съ нимъ его скромное помѣщеніе. Штейнъ принялъ радушное предложеніе. Бывшій министръ короля прусскаго, уполномоченный императора Всероссійскаго, помѣстился въ небольшой комнаткѣ на чердакѣ. Но враги Россіи и знаменитаго изгнанника не дремали. Старый интриганъ и измѣнникъ, фельдмаршалъ Ф. Калькрейтъ, немедленно-же увѣдомилъ французскаго посланника Ст. Марсана о мѣстопребываніи Штейна. Ст. Марсанъ тотчасъ-же нанялъ себѣ комнату на противоположной сторонѣ улицы у какого то портнаго и просиживалъ въ ней по цѣлымъ днямъ, намѣреваясь наблюдать за всѣми движеніями Штейна, а равно и за лицами, которыя будутъ посѣщать его. Но онъ караулилъ по напрасну. Друзья [1]) Штейна были также на сторо-

[1]) Въ числѣ этихъ друзей были всѣ лучшіе люди Пруссіи. См. Stein's Leben, Т III, стр. 208.

жѣ. Они приходили къ нему не иначе какъ въ темнотѣ, поздно вечеромъ и Ст. Марсанъ, обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, покинулъ свой наблюдательный постъ.

Императоръ Александръ былъ въ восторгѣ, получивъ извѣстіе объ окончательномъ заключеніи союзнаго договора. И въ этомъ новомъ событіи онъ видѣлъ вліяніе той-же высшей, всеспасающей силы Провидѣнія, которая видимо руководила имъ въ его великомъ и святомъ подвигѣ. И на этотъ разъ его твердая вѣра восторжествовала надъ всѣми сомнѣніями и нашептываніями трусовъ и интригановъ. Еще за день передъ возвращеніемъ Анштета, Кнезебекъ отваживался утверждать, что король будетъ крайне недоволенъ посылкою Штейна, что слѣдовало бы отправить вмѣсто него Нессельроде. Получивъ подписанный актъ договора, императоръ немедленно же велѣлъ пригласить къ себѣ прусскаго уполномоченнаго [1]). Онъ встрѣтилъ его, держа въ рукахъ актъ союзнаго договора, такими словами: «Видите-ли, милостивый государь, король имѣетъ ко мнѣ болѣе довѣрія, нежели вы: онъ подписалъ тотчасъ-же не измѣнивъ ни слова». Кнезебекъ, потрясенный неожиданностью этой сцены, отвѣчалъ: «Государь, король былъ воленъ ввѣрить судьбу моего отечества великодушному сердцу Вашего Величества. Такъ какъ я знаю благосклонныя намѣренія Вашего Величества по отношенію къ Пруссіи, то мнѣ остается лишь поздравить короля и мое отечество съ этимъ рѣшеніемъ». Императоръ возразилъ: «Это подкрѣпленіе послано мнѣ самимъ Провидѣніемъ. Король можетъ быть увѣренъ, что я не выйду отсюда, не исполнивъ его надеждъ; скорѣе умру, нежели оставлю его» [2]. При этихъ словахъ голосъ императора прервался, онъ не могъ говорить далѣе отъ сильнаго внутренняго волненія. Успокоившись нѣсколько, императоръ продолжалъ: «Я [illegible] и въ томъ, что

[illegible] графа Толстаго.

[illegible]

[illegible] schickt, und der Kö- [illegible] Hoffnungen [illegible]. Перцъ, Stein's [illegible]

за господина Штейна будетъ непріятна для короля. васъ увѣрить, что баронъ Штейнъ былъ принятъ коь совершенно милостиво“. Кнезебеку оставалось лишь ъ, что онъ крайне доволенъ и этимъ обстоятельствомъ. угой день онъ уже уѣхалъ изъ Калиша и мѣсто его лавной русской квартирѣ занялъ генералъ Шарнгорстъ. , прусскій уполномоченный, творецъ новой, прусской й организаціи, задуманной и совершенной въ тяжелую г наполеоновскаго ига, представлялъ полную противоность Кнезебеку. Открытый, прямой, честный, настояыцарь безъ страха и упрека, ярый сторонникъ русскаэза, онъ сталъ съ самаго-же перваго дня въ наилучтношенія и къ государю, и къ русскому главному . Благодаря ему, между обѣими союзными арміями водась немедленно-же полнѣйшая гармонія, столь необая въ такой критическій моментъ.

началѣ марта все Варшавское герцогство очищено отъ непріятельскихъ войскъ. Ничто не мѣшало теперь атору Александру исполнить самое сердечное желаніе поспѣшить въ Бреславль на свиданіе съ другомъ своей и, съ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ. Съ имекороля для императора связывались самыя дорогія для воспоминанія. Тѣсная, дружеская связь между обоими хами началась уже въ самомъ началѣ царствованія обоихъ. Она завязалась впервые на личномъ свиданіи емелѣ въ 1801 году; она получила свое торжественное ценіе въ 1805 г. у гробницы Фридриха Великаго, она сила тяжелый Тильзитскій кризисъ, она не изсякла и желую годину 1812 г. Политическіе интересы, непремыя обстоятельства должны были, повидимому, не разъ чить царственныхъ друзей, но сила взаимной, чисто ѣческой симпатіи каждый разъ соединяла ихъ вновь. сандръ принужденъ былъ отречься въ Тильзитѣ отъ о союзника, отдать его на жертву Наполеону, но Фрид-Вильгельмъ сумѣлъ тогда понять безвыходное поло- русскаго императора и, не смотря ни на что, проилъ вѣрить въ его дружбу. И онъ не ошибся въ своей

вѣрѣ. Александръ могъ временно увлекаться Наполеономъ, могъ, гоняясь за призракомъ величія, жертвовать не только интересами своихъ союзниковъ, но даже своими собственными; но эти увлеченія скользили лишь по поверхности его даровитой, разносторонней натуры, не проникая въ ея глубину, не измѣняя ея основныхъ теченій и симпатій. Превратившись въ союзника Наполеона, Александръ не переставалъ быть искреннымъ и сердечнымъ другомъ короля прусскаго. Онъ пользовался своею оффиціальною дружбою съ французскимъ императоромъ между прочимъ и для того, чтобы являться неутомимымъ ходатаемъ за несчастнаго Фридриха-Вильгельма и его разоряемое королевство передъ грознымъ, безжалостнымъ завоевателемъ. Правда, эти настойчивыя предстательства не всегда увѣнчивались успѣхомъ; желѣзная рука Наполеона продолжала давить безжалостно Пруссію; но все-же Александръ успѣвалъ сохранять хотя остатокъ самостоятельности Пруссіи, тѣмъ болѣе, что и Наполеонъ хорошо понималъ, что посягательство на эту самостоятельность поведетъ къ немедленному-же разрыву съ Россіею. Послѣ свиданія въ Эрфуртѣ, гдѣ дружба Александра съ Наполеономъ получила, повидимому, свою окончательную санкцію, императоръ русскій относится еще съ большею заботливостью и вниманіемъ къ своему старому, несчастному другу. Онъ приглашаетъ въ 1810 г. короля и его супругу, эту симпатичнѣйшую и женственнѣйшую изъ женщинъ, бывшихъ когда либо на тронѣ, въ Петербургъ. Онъ устраиваетъ имъ неслыханно-торжественный и великолѣпный пріемъ; онъ какъ будто хочетъ показать всему свѣту, что добродѣтель и несчастіе имѣютъ въ глазахъ его несравненно большее значеніе, нежели величіе и могущество, основанное на развалинахъ счастія милліоновъ.

Понятно, что тяжелый кризисъ 1812 г. не могъ повліять охлаждающимъ образомъ на тѣсную дружбу обоихъ монарховъ. Александръ понималъ отлично, что Фридрихъ-Вильгельмъ принужденъ былъ стать подъ знамена Наполеона лишь въ силу неотразимой необходимости. Онъ зналъ, что Фридриху-Вильгельму оставался лишь одинъ выборъ между

совершеннымъ уничтоженіемъ его королевства и соединеніемъ съ Наполеономъ. Онъ одобрялъ даже рѣшеніе короля, послѣдовавшее послѣ невѣроятно тяжелой внутренней борьбы, и не соглашался съ мнѣніемъ тѣхъ прусскихъ патріотовъ, которые требовали, чтобы король поставилъ все на карту и соединился тѣсно съ Россіею. Александръ не могъ, правда, не отнестись съ нѣкоторымъ чувствомъ горечи къ вынужденному переходу Фридриха-Вильгельма въ непріятельскій лагерь. Онъ даетъ волю своимъ чувствамъ въ собственноручномъ письмѣ къ королю. Уже одна мысль, что они дѣлаются теперь непріятелями, сжимаетъ болѣзненно его сердце. Александръ дѣлаетъ даже упреки Фридриху-Вильгельму, но онъ тутъ-же беретъ ихъ назадъ и спѣшитъ увѣрить короля, что не смотря ни на что, онъ останется его другомъ до гроба [1]). И точно также относится къ Александру и Фридрихъ-Вильгельмъ. Оба они сознаютъ, что формальный разрывъ политическій не въ состояніи разорвать ихъ тѣсной, личной дружбы. Оба они питаютъ твердую надежду, что тяжелое, страшное испытаніе должно вскорѣ миновать, что въ недалекомъ будущемъ, дружба, связующая ихъ, соединитъ вновь неразрывными узами ихъ государства и народы.

Явленіе, поистинѣ, безпримѣрное на страницахъ всемірной исторіи! Не подлежитъ, правда, ни малѣйшему сомнѣнію, что дружба монарховъ Россіи и Пруссіи основывалась прежде всего на полнѣйшей солидарности интересовъ обоихъ государствъ, но сама по себѣ эта солидарность никогда не могла-бы вызвать такого прочнаго, чисто внутренняго, непоколебимаго единенія обоихъ государей, какъ въ данномъ случаѣ. Къ связи политической, къ общности интересовъ государственныхъ присоединялась тутъ связь чисто личная, взаимное, непреодолимое влеченіе двухъ натуръ, совершенно противоположныхъ на первый взглядъ, но въ глубинѣ родственныхъ другъ другу. Спрашивается, на чемъ-же основалась эта личная гармонія и какимъ образомъ могли вліять

---

[1]) См. Ranke, Hardenberg etc. T. III, стр. 220.

оба монарха другъ на друга? Мы увидимъ сейчасъ, что отвѣтъ на эти вопросы имѣетъ весьма важное значеніе для главнаго предмета нашего изслѣдованія.

Фридрихъ-Вильгельмъ III [1]) былъ нѣсколькими годами старше императора Александра, но эта разница въ лѣтахъ была не настолько велика, чтобы могла служить препятствіемъ ихъ тѣсной дружеской связи [2]). По своей внѣшности Фридрихъ-Вильгельмъ былъ такой-же выдающійся человѣкъ, какъ и императоръ Александръ, хотя и въ совершенно другомъ родѣ. Король былъ очень высокаго роста, отличался необыкновенно крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и соразмѣрностью своихъ членовъ. Онъ держалъ себя всегда прямо по военному, но въ то же время легко и непринужденно. Его лицо, соединявшее въ себѣ кроткія и серьезныя черты, привлекало къ нему невольно всѣхъ и каждаго. Его высокій, закругленный лобъ обнаруживалъ въ немъ человѣка мыслящаго, полная, нижняя губа говорила о его твердости, а вокругъ рта его замѣчалось выраженіе добродушія и веселаго юмора. Его темно-голубые глаза, полные ума и доброты, отличались почти всегда серьезнымъ и лишь изрѣдка веселымъ выраженіемъ. Не трудно было догадаться по нимъ, что король не мало передумалъ, но не мало и выстрадалъ въ своей жизни [3]).

По своему внутреннему содержанію, король не принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые поражаютъ и ослѣпляютъ при первой же встрѣчѣ и представлялъ въ этомъ отношеніи замѣчательную противоположность императору Александру. У него не было ни того такта въ солидныхъ природ-

[1]) [illegible] Фридриха-Вильгельма можно найти въ безчисленныхъ со- [illegible] что наиболѣе [illegible] отношеніяхъ къ [illegible] Эйлертъ. Его [illegible] Фридрихъ-Вильгельмъ [illegible] aus dem Leben des Königs von [illegible] должна служить [illegible]

[2]) [illegible]

[3]) [illegible] Charakterzüge, T. I, [illegible]

дарованіяхъ, но за то не было вовсе блестящихъ, по-
ющихъ способностей. Онъ обладалъ прекрасною па-
), отличался большою любознательностью, здравымъ, на-
вымъ умомъ; но у него не было ни малѣйшей тѣни той
льности, которою была проникнута до извѣстной степе-
тура Александра. Спокойный, ровный, разсудительный,
флегматическій, онъ не способенъ былъ къ тѣмъ по-
ъ и увлеченіямъ, которымъ поддавался такъ часто Але-
ръ. Онъ былъ плохой ораторъ. Его глухой, грубый го-
производилъ на первыхъ порахъ пепріятное впечатлѣ-
)нъ говорилъ короткими, отрывистыми фразами, и тре-
ъ краткихъ и точныхъ отвѣтовъ отъ своихъ окружаю-
и собесѣдниковъ. Онъ одушевлялся лишь въ рѣдкихъ
яхъ, когда его затрогивала за живое какая-нибудь лю-
я мысль. Когда рѣчь шла о важныхъ политическихъ
религіозныхъ вопросахъ и притомъ въ тѣсномъ избран-
кружкѣ, онъ могъ говорить даже съ увлеченіемъ; но
случаи были рѣдки и, говоря вообще, ничто не было
противно королю, какъ фразерство и напыщенное кра-
ѣчіе [1]). Неспособный къ какимъ бы то ни было увле-
мъ, король любилъ обдумать тщательно каждый свой
. Осторожный до мнительности, онъ откладывалъ вся-
мало-мальски важное рѣшеніе, но рѣшившись однажды,
ъ уже твердо и непреклонно на своемъ. При выборѣ
ъ друзей, окружающихъ и министровъ онъ дѣйствовалъ
райнею осмотрительностью. Онъ любилъ пользоваться
ами людей самыхъ противоположныхъ направленій, са-
различныхъ характеровъ и способностей, но никогда
одчинялся исключительно чьему бы то ни было вліянію.
го министерствѣ работали одновременно такіе безправ-
ные рутинеры какъ Гаугвицъ и Лучезини, и такіе бе-
вно честные и притомъ геніальные люди, какъ Штейнъ
арнгорстъ. Король умѣлъ цѣнить самыя разнообразныя
ги и направленія, но онъ какъ бы остерегался людей
ющихся и геніальныхъ, опасаясь совершенно подчинить-

———

Эйлертъ, Charakterzüge, T. III, стр. 14.

ся ихъ вліянію. Своихъ приближенныхъ и друзей онъ искал
въ средѣ посредственной, напоминая этимъ, впрочемъ, лиш
отчасти императора Александра. Александръ довѣрялся б
условно лишь одному Аракчееву, человѣку крайне безнра
ственному и жестокому, но въ тоже время безусловно вѣ
ному; Фридрихъ-Вильгельмъ не имѣлъ болѣе близкаго друг
какъ генерала Ф. Кекёрица, личность совершенно безцвѣ
ную и малоспособную, но преданную беззавѣтно своему г
сударю [1]). Оба государя мѣняли столько разъ своихъ м
нистровъ и друзей, но Аракчеевъ и Кекёрицъ удержива
при нихъ до конца свое не столько высокое, сколько и
тимное и вліятельное положеніе. Между обоими фаворита
была, впрочемъ, громадная разница, бросающая нѣкотор
свѣтъ и на характеръ государей. Кекёрицъ былъ человѣ
бездарный и дюжинный, но въ тоже время безусловно чес
ный и скромный. Онъ дорожилъ лишь личнымъ располож
ніемъ короля, но не стремился ни къ какому вліянію и в
все не мѣшался въ государственныя дѣла. Аракчеевъ напр
тивъ, при всѣхъ своихъ низкихъ нравственныхъ качества
былъ человѣкъ не дюжинный, отличался честолюбіемъ, вм
шивался во всѣ дѣла и игралъ роль могущественнаго и стра
наго временщика [2]). Его отношенія къ императору Ал
ксандру всегда казались современникамъ непонятными и з
гадочными. Они не могли объяснить себѣ этой странной св
зи между благороднымъ и великодушнымъ монархомъ и гр
бымъ безжалостнымъ временщикомъ. Въ отношеніяхъ Ке
рица и Фридриха-Вильгельма никто не усматривалъ чего л
бо страннаго или необычнаго, въ обществѣ, не говоря у
о народѣ, которому королевскій любимецъ оставался да
совершенно неизвѣстнымъ [3]).

[1]) [illegible] Фридриха-Вильгельма къ Кекёрицу см. между проч. [illegible] мѣстахъ.

[2]) [illegible] вліяніе; оно слишко[иллегибле] [illegible] и несправед[illegible] [illegible] неизвѣстными [illegible]

[3]) [illegible] хорошо и [illegible]

По своей сердечной добротѣ Фридрихъ-Вильгельмъ представлялъ полнѣйшее подобіе своему царственному другу, съ тою лишь разницею, что его доброта выражалась не страстными, иногда героическими порывами, а проникала равномѣрно всѣхъ, кто приходилъ въ болѣе или менѣе близкое соприкосновеніе съ королемъ. Уже по своей врожденной бережливости, Фридрихъ-Вильгельмъ не способенъ былъ такъ щедро награждать заслуги, осыпать такъ царскими милостями людей, обратившихъ на себя его вниманіе, какъ Александръ. Его спокойная, флегматическая натура не способна была къ такимъ великимъ подвигамъ христіанской любви, которые совершалъ Александръ и въ эпоху своего пребыванія въ Вильнѣ, и въ другихъ достопамятныхъ случаяхъ своей жизни [1]). Добродѣтель Фридриха-Вильгельма была совершенно иного свойства; она вытекала не столько изъ геніальныхъ порывовъ великодушной натуры, сколько изъ глубокаго и постояннаго сознанія долга. Король былъ всегда одинаково мягокъ и любезенъ въ обращеніи. Не было болѣе добраго и справедливаго господина, какъ онъ; вся придворная прислуга благоговѣла передъ нимъ. Его простодушное, патріархальное обращеніе располагало къ нему всѣ сердца. Онъ былъ систематическій врагъ всякихъ торжественныхъ встрѣчъ, шумныхъ и восторженныхъ овацій. Всякое проявленіе низкопоклонничества и раболѣпства возмущало его до глубины души. Онъ пришелъ въ сильнѣйшій гнѣвъ, когда жители какого-то провинціальнаго городка хотѣли отпрячь лошадей изъ его коляски и ввезти его на своихъ рукахъ въ городъ [2]). Онъ напомнилъ народной толпѣ, привѣтствовавшей его громкими криками въ Кельнскомъ соборѣ, о всемъ неприличіи ея поступка въ такомъ священномъ мѣстѣ [3]).

---

[1]) И Фридрихъ-Вильгельмъ обходилъ, впрочемъ, госпитали раненыхъ и лично благодарилъ страдальцевъ за оказанную ими вѣрность, но не слѣдуетъ опускать изъ виду, что госпитали въ Германіи не представляли для посѣтителей и десятой доли той опасности, которая грозила имъ въ Вильнѣ.

[2]) Происшествіе это случилось въ городѣ Эльбингѣ.

[3]) См. Charakterzüge T. I, стр. 81—82. Ничто не было такъ противно королю, какъ лесть, обращенная къ нему съ церковной каѳедры. Однажды, во время [illegible]то Силезіи, короля привѣтствовало мѣстное евангелическое

Король помнилъ малѣйшія услуги, оказанныя ему послѣднимъ изъ его подданныхъ, и не оставлялъ безъ щедрой награды ни одной дѣйствительной заслуги.

Умѣренный, трезвый въ своей частной жизни, Фридрихъ-Вильгельмъ не придавалъ никакого значенія блестящей внѣшней обстановкѣ. Подобно Александру, онъ предпочиталъ услуги своего камердинера ухаживаніямъ придворныхъ полотеровъ. Въ отношеніяхъ къ женщинамъ, онъ отличался безусловною нравственною чистотою. Интриги, ухаживаніе, любовныя исторіи были неизвѣстны при его дворѣ. Его супружеская жизнь была во всѣхъ отношеніяхъ образцовая. Королева Луиза, его супруга, была женщина, можно сказать, идеальная. Природа щедро осыпала ее всѣми своими дарами. Красота, съ которою не могла соперничать ни одна изъ ея современницъ, прирожденная грація, тонкая, изящная манера соединялись въ ней съ необычайно свѣтлымъ, здравымъ умомъ, съ нѣжнымъ, чувствительнымъ сердцемъ, съ ангельскою добротою. Никто не умѣлъ держать себя такъ величественно въ торжественныхъ случаяхъ, никто не очаровывалъ такъ свѣтскою любезностью на балахъ и собраніяхъ, и никто не держалъ себя въ тоже время такъ очаровательно просто въ интимномъ кружкѣ, никто не былъ такою образцовою женою и матерью, какъ королева Луиза [1]). Все жесткое, надменное, напыщенное было чуждо ея душѣ. Веселая и счастливая въ счастіи, она умѣла перенести съ неслыханною твердостью страшныя бѣдствія, обрушившіяся на нее и на ея семью послѣ Іенскаго погрома. Крайне чувствитель-

[illegible] присутствовать на торже[illegible] Фридрихъ-Вильгельмъ, но подъ [illegible] мѣста нѣ[illegible] [illegible] какой-то епископъ началъ [illegible] Фридрихъ-Вильгельмъ всталъ и об[illegible] [illegible]: „Но это невы[illegible] [illegible] Т. III, стр. 74.

[1]) [illegible] во всѣхъ сочиненіяхъ, [illegible] національности, [illegible] отдаетъ ей полный [illegible]

ная къ чужимъ страданіямъ и всегда умѣвшая облегчить ихъ по мѣрѣ силъ своихъ, она несла съ достоинствомъ и благороднымъ величіемъ тяжелыя испытанія, посланныя ей Провидѣніемъ. Она сумѣла внушить уваженіе самому Наполеону, считавшему ее, впрочемъ неосновательно, главною виновницею войны [1]). „Какъ отважились вы начать войну со мною, побѣдителемъ столькихъ могущественныхъ націй?“ обратился онъ съ своею обычною солдатскою грубостью къ королевѣ въ Тильзитѣ. Луиза отвѣчала съ достоинствомъ: „Государь! Слава Фридриха Великаго могла ввести насъ въ заблужденіе на счетъ нашихъ силъ. Мы ошиблись; такъ было суждено“. Наполеонъ былъ пораженъ отвѣтомъ королевы. Онъ бесѣдовалъ съ нею долго, съ любезностью, почти ему не свойственною. Послѣ свиданія онъ сказалъ Талейрану: „Я зналъ, что увижу прелестную королеву, но я увидѣлъ не только прекраснѣйшую королеву, но и интереснѣйшую женщину“ [2]).

Судьба подвергла Фридриха-Вильгельма тяжкимъ испытаніямъ. За несчастіемъ общественнымъ послѣдовало несчастіе семейное. Подъ Іеною и Ауерштетомъ пала во прахъ военная слава прусской монархіи, въ Тильзитѣ король выпилъ до дна чашу униженія, поднесенную ему безжалостнымъ завоевателемъ; спустя три года, онъ похоронилъ свою, обожаемую супругу, королеву Луизу [3]). Глубокая вѣра, покорная преданность Провидѣнію спасли короля отъ отчаянія; но тѣмъ не менѣе грусть о потерѣ любимѣйшаго существа не оставляла его до самыхъ послѣднихъ дней. По наружности онъ казался такимъ-же ровнымъ и спокойнымъ, какъ и всегда, но сердечная рана не давала ему внутренняго покоя. Уже много лѣтъ спустя онъ могъ проводить цѣлые дни и часы въ нѣмомъ грустномъ созерцаніи дорогихъ и незабвенныхъ для него чертъ. Онъ тратилъ большія деньги на воспроизведеніе облика покойной королевы; онъ проводилъ цѣлые ча-

---

[1]) Наполеонъ, съ свойственною ему грубостью, чернилъ королеву въ своихъ первыхъ побѣдныхъ бюллетеняхъ.

[2]) Kylert, Charakterzüge, T. III, стр. 162—163.

[3]) Королева Луиза скончалась 19 іюля 1810 г.

сы въ мастерскихъ художниковъ, работавшихъ надъ портретомъ и бюстомъ его Луизы. Онъ забывалъ весь міръ у ея гробницы, онъ старался увѣковѣчить всѣ ея любимыя мѣста въ своихъ загородныхъ садахъ и паркахъ. Потерявъ жену, онъ сумѣлъ сохранить нравственную чистоту,—не запятналъ себя ни одною незаконною связью съ женщиною. Когда-же много лѣтъ спустя, въ его душѣ вновь пробудилось чувство любви, то онъ не задумался сочетаться съ избранною имъ женщиною законнымъ бракомъ. Но онъ взялъ себѣ только жену, а не королеву: его второй бракъ оставался тайною для большинства его народа [1]).

Представляя въ своей семейной жизни полную противоположность своему царственному другу, Фридрихъ-Вильгельмъ столь-же мало напоминалъ императора Александра и своими политическими идеями. Александръ былъ воспитанъ въ идеяхъ модной французской философіи: Фридрихъ-Вильгельмъ, проведшій свое дѣтство при дворѣ короля философа, остался почти что чуждъ движеніямъ вѣка. Александръ явился въ первые годы своего царствованія отважнымъ и широкимъ реформаторомъ: Фридрихъ-Вильгельмъ не рѣшился коснуться старыхъ порядковъ, хотя они и казались ему во многихъ отношеніяхъ не состоятельными. Какая разница между смѣлыми начинаніями Александра и скромными, робкими начатками Фридриха-Вильгельма. Александръ стремится преобразовать весь государственный строй [illegible] Имперіи, онъ хочетъ [illegible] правительство на началахъ гуманности, свободы и просвѣщенія, онъ думаетъ [illegible] ударомъ [illegible] предразсудки. [illegible] народъ: Фридрихъ-Вильгельмъ [illegible] копіющихъ [illegible] учрежде- [illegible] рѣшается при- [illegible] только тогда, ког- [illegible] во-очію,

---

[1]) [illegible] Августой Гаррах [illegible]

о старая, фридериціанская пруссія навсегда отжила свой ѣкъ [1]).

Глубокое религіозное чувство явилось впослѣдствіи главымъ связующимъ звеномъ между монархами Россіи и Пруссіи, но исходная точка религіознаго развитія и самый характеръ религіозности Фридриха-Вильгельма и Александра ыли совершенно различны. Александръ не получилъ почти икакого религіознаго воспитанія, просвѣтительная философія французскихъ мыслителей замѣнила для него съ самыхъ ѣжныхъ лѣтъ религію. Фридрихъ-Вильгельмъ, напротивъ, оспитанъ былъ въ твердыхъ правилахъ евангелической церкви, и гуманная философія французовъ была ему очень мало извѣстна. Александръ пришелъ къ религіи путемъ тяжелой внутренней борьбы; у Фридриха-Вильгельма тяжелыя спытанія жизни только укрѣпили религіозныя убѣжденія, асажденныя съ дѣтства. Религіозность Александра лишена ыла всякой вѣроисповѣдной, церковной почвы и отличалась отому характеромъ неопредѣленнымъ, почти фантастичекимъ; религіозность Фридриха-Вильгельма выросла на почѣ опредѣленнаго церковнаго ученія и отличалась характеомъ точнымъ, положительнымъ. Александръ имѣлъ очень оверхностное понятіе о христіанствѣ и его исторіи вообе, и очень плохо зналъ ученіе и обряды своей собственой церкви; Фридрихъ-Вильгельмъ зналъ отчетливо исторію ристіанской церкви, а исторія реформаціи, ученіе и жизнь я представителей извѣстны были ему до мельчайшихъ подобностей [2]). Представленія Александра о Божествѣ отлиались характеромъ произвольнымъ, индивидуальнымъ; Фридихъ-Вильгельмъ представлялъ себѣ Бога такимъ, какъ учиа его церковь. „Я не могу, говаривалъ онъ, создавать для ебя религіи. Если-бы я сталъ воображать себѣ Бога, по

---

[1]) Великія реформы, пересоздавшія Пруссію, начались послѣ Тильзитскао мира.

[2]) Скромный и сдержанный въ другихъ случаяхъ Фридрихъ-Вильгельмъ не ерпѣлъ возраженій тамъ, гдѣ дѣло касалось исторіи и ученія реформаторовъ. „[illegible] вать“, говорилъ онъ въ такихъ случаяхъ. „Я долженъ знать это [illegible] rakterzüge, T. I, стр. 176.

своему усмотрѣнію, то тѣмъ самымъ я создалъ-бы себѣ идола и въ концѣ концовъ покланялся-бы самому себѣ. Поклоняться Богу въ духѣ и истинѣ можетъ лишь одинъ христіанинъ" [1]).

И Александръ и Фридрихъ-Вильгельмъ смотрѣли на библію, какъ на единственный источникъ христіанства, но Александръ пытался относиться къ библіи съ чисто личной точки зрѣнія, тогда какъ Фридрихъ-Вильгельмъ понималъ библію такъ, какъ понимала ее его церковь. Александръ стремился проникнуть въ сокровенный, таинственный смыслъ Божественнаго откровенія; Фридрихъ-Вильгельмъ останавливался въ благоговѣніи передъ его тайнами и старался не испытывать, а вѣрить. „Я не могу низвести до себя, поставить на одну линію съ собою то, что я обожаю и почитаю, передъ чѣмъ преклоняю я колѣни. То, до чего я долженъ возвышаться, должно стоять неизмѣримо выше меня. То, что я начну постигать, перестанетъ пользоваться моимъ почтеніемъ" [2]). „Кто хочетъ понимать Священное Писаніе, долженъ читать его въ томъ-же духѣ, какъ оно написано. Надо смотрѣть на ветхій и новый завѣтъ, какъ на нѣчто единое, какъ на завѣщаніе отца, и смотрѣть не глазами юриста, а сына, принимающаго наслѣдіе отца" [3]). Императоръ Александръ придавалъ наибольшее, если не исключительное значеніе одиночной молитвѣ; Фридрихъ-Вильгельмъ ставилъ выше молитву общественную. „Время, проводимое нами въ

[1]) „А потому, замѣчаетъ Эйлертъ, король почиталъ въ христіанствѣ съ полнымъ убѣжденіемъ непосредственное божественное откровеніе. Все, что согласовалось съ духомъ и содержаніемъ откровенія было для него истина, все что противорѣчило ему, заблужденіе, и при этомъ онъ никогда не пускался ни въ какія споры. Слово Божіе истинно и всѣ упованія его сбываются въ точности. Это убѣжденіе служило для него масштабомъ, по которому онъ разсуждалъ, испытывалъ, выбиралъ, рѣшалъ". Charakterzüge. T. I, стр. 170.

[2]) „Откровеніе, которое не открывало-бы ничего внѣ границъ человѣческаго пониманія, перестало-бы быть откровеніемъ Божественнымъ. Именно его тайны служатъ мнѣ доказательствомъ его божественности, я утратилъ-бы вѣру въ сію божественность, если-бы не было сихъ тайнъ". Charakterzüge, T. I, стр 172.

[3]) Eylert, Charakterzüge. T. I. стр. 175. Эту мысль высказываетъ передъ королемъ Эйлертъ. Фридрихъ Вильгельмъ восклицаетъ: „О, это великая идея".

благоговѣніи въ церкви“, говорилъ онъ, „не теряется для насъ; освѣженные и подкрѣпленные молитвою, мы можемъ работать потомъ лучше и легче“ [1]). Въ противоположность большинству коронованныхъ лицъ, и такъ называемому свѣтскому обществу, король Фридрихъ-Вильгельмъ смотрѣлъ на христіанскую церковь, не какъ на учрежденіе полезное въ смыслѣ обузданія дикихъ инстинктовъ массы, а какъ на учрежденіе божественное, удовлетворяющее самымъ первѣйшимъ и насущнѣйшимъ потребностямъ духа человѣческаго на всѣхъ степеняхъ его развитія. Религія была для него дѣломъ сердца и жизни. „Что можетъ замѣнить живую и теплую вѣру во Христа и установленную Имъ церковь?“ задавалъ онъ вопросъ. „Говорятъ науки и искусства, онѣ однѣ могутъ сдѣлать людей добрыми. Пустое! Онѣ могутъ развить, сообщить извѣстный, внѣшній лоскъ, но онѣ не могутъ преобразить наши сердца, сдѣлать ихъ вѣрными, чистыми, искренними, твердыми. Одно высшее божественное начало, заключенное въ религіи, можетъ предохранить человѣка отъ погруженія въ эгоизмъ; все остальное, не исключая и самой науки, предаетъ его неизбѣжно въ жертву себялюбію. Развивать умъ, не облагораживая его въ то-же время нравственно, значитъ отравлять человѣчество. Общество человѣческое превратится въ такомъ случаѣ непремѣнно въ общество актеровъ, въ которомъ каждый будетъ стараться всячески обманывать другаго; и что всего ужаснѣе, это всеобщее обманываніе будетъ производиться вполнѣ сознательно. Никто не будетъ тогда довѣрять другому; придется все охранять и застраховывать. Старое и драгоцѣнное слово отцовъ: „На вѣрность и вѣру“, превратится тогда въ преданіе далекаго прошлаго. Тамъ, гдѣ нѣтъ вѣры, не можетъ быть и вѣрности“ [2]).

---

[1]) Король всегда аккуратно посѣщалъ воскресное богослуженіе. При этомъ онъ тщательно избѣгалъ всякаго парада, не бралъ пышной свиты, а шелъ тихо и скромно, окруженный своими дѣтьми. Въ храмѣ онъ велъ себя не какъ король, а какъ человѣкъ и христіанинъ, сознающій свою немощь, свою нужду въ Божественномъ милосердіи“. Eylert, Charakterzüge, T. I, стр. 176.

[2]) Eylert, Charakterzüge. T. I, стр. 190—191.

Императоръ Александръ проникся съ самой ранней юности ученіемъ о равенствѣ и братствѣ всѣхъ людей въ томъ смыслѣ, какъ понимали его просвѣтители-философы. Онъ не могъ освободиться отъ этого ученія и впослѣдствіи, когда религіозныя христіанскія убѣжденія, вырабатывавшіяся въ немъ путемъ тяжелой, внутренней борьбы, овладѣли, повидимому, всѣмъ его внутреннимъ существомъ. Долгое время пытался онъ примирить и слить свои старыя убѣжденія съ новыми. Ему казалось, что всякій человѣкъ способенъ на всестороннее развитіе своихъ способностей, и что онъ имѣетъ право на такое развитіе. Онъ полагалъ, что человѣкъ, совершенствуясь и развиваясь путемъ религіознымъ, нравственнымъ, можетъ и долженъ, если только позволяютъ это его способности, развиваться и въ другихъ направленіяхъ путемъ пріобрѣтенія всевозможныхъ, научныхъ и техническихъ знаній. Отсюда изъ этого благороднаго источника проистекало страстное стремленіе императора къ просвѣщенію своего народа: отсюда шло его стараніе основывать, какъ можно болѣе, университетовъ, высшихъ, среднихъ и низшихъ школъ: отсюда вытекало покровительство библейскому обществу, желаніе дать въ руки каждаго библію, этотъ первѣйшій источникъ христіанскаго просвѣщенія.

Фридрихъ-Вильгельмъ стоялъ и въ этомъ отношеніи на совершенно иной почвѣ. Воспитанію религіозному отдавалъ онъ рѣшительное предпочтеніе передъ воспитаніемъ свѣтскимъ. „Каждый человѣкъ, безъ исключенія, говорилъ онъ, имѣетъ двоякое призваніе: одно для неба, для вѣчности, другое для земли, для своего земнаго служенія. Какъ для существа нравственнаго, безсмертнаго, для человѣка не можетъ быть поставлено предѣловъ въ сферѣ развитія религіознаго. Тутъ открыто передъ нимъ поприще безконечное, вѣчно долженъ онъ стремиться къ нравственному очищенію и усовершенствованію, къ уподобленію Христу. Никогда не можетъ онъ быть здѣсь настолько совершеннымъ, чтобы не имѣть возможности, а слѣдовательно, и обязанности стремиться еще къ большему совершенствованію. И чѣмъ нравственно-выше, чѣмъ совершеннѣе будетъ онъ становиться

здѣсь, тѣмъ онъ будетъ дѣлаться спокойнѣе и довольнѣе, тѣмъ пригоднѣе и полезнѣе для общества. Способность человѣческой натуры къ усовершенствованію есть для меня самое высочайшее въ ней; въ этой способности я усматриваю яснѣйшее доказательство божественнаго происхожденія природы человѣчества. Она вѣчно стремится къ Богу лишь потому, что она произошла отъ него. Въ религіозномъ воспитаніи не должно быть застоя; всякій прогрессъ на этомъ поприщѣ встрѣтитъ съ моей стороны, до тѣхъ поръ пока я живу и царствую, живѣйшее сочувствіе и поддержку. Въ церкви и въ школѣ никогда не можетъ быть сдѣлано многаго и вполнѣ достаточнаго. Пробуждать, возбуждать, содѣйствовать гдѣ и чѣмъ возможно, есть великая заслуга.

„Совсѣмъ иное дѣло—призваніе свѣтское! Не слѣдуетъ забывать, что это призваніе, по необходимости и часто въ силу рожденія, можетъ быть самое различное. Свобода выбора стѣсняется здѣсь кромѣ того характеромъ способностей и наклонностей. Тутъ необходимо позаботиться не столько о развитіи общечеловѣческомъ, сколько о воспитаніи дѣльныхъ чиновниковъ, купцовъ, ремесленниковъ, земледѣльцевъ. Человѣкъ не можетъ выучиться всему, этому препятствуетъ и колоссальность знанія и краткость человѣческой жизни. Пусть каждый учится хорошо и основательно, но лишь тому, что необходимо для его призванія. Излишество знанія не нужно для жизненной цѣли; оно можетъ лишь мѣшать и вредить. Оно отнимаетъ спокойствіе, ведетъ къ сравненіямъ, вызываетъ излишнія потребности, порождаетъ зависть“ [1]).

Такое трезвое, чуждое всякаго идеализма отношеніе къ задачамъ свѣтскаго образованія, соотвѣтствовало какъ нельзя болѣе всей натурѣ Фридриха-Вильгельма. Онъ не былъ и не могъ быть мистикомъ, человѣкомъ восторженнымъ, и вслѣдствіе того колеблющимся подобно Александру. Его религіозность была такая-же трезвая, ясная, понятная, но въ

[1]) „Несомнѣнно на теперешнее поколѣніе напалъ духъ безпокойства и возбужденія, метанія изъ стороны въ сторону, гоньбы за чѣмъ-то. Каждое сословіе хочетъ сравниться съ другими, каждый стремится выйти изъ своихъ границъ“. Eylert, Charakterzüge. T. I, стр. 193—195.

тоже время такая-же сильная и непреклонная, какъ и вся его натура. Страхъ Божій [1]), возвышающійся надъ страхомъ человѣческимъ, смиреніе во всѣхъ дѣлахъ и помыслахъ, беззавѣтная покорность волѣ Провидѣнія какъ въ несчастіи, такъ и въ счастіи, составляли основную черту этой религіозности. Фридрихъ-Вильгельмъ былъ врагъ всякаго превозношенія, его смиреніе, его скромность не измѣняли ему въ самыя торжественнѣйшія, радостныя минуты его жизни, и ничто не было ему такъ противно, какъ похвалы, расточаемыя ему, какъ лесть, въ какой-бы то формѣ и отъ кого-бы она не исходила. Религіозность Фридриха-Вильгельма не допускала никакихъ уступокъ, никакихъ компромиссовъ съ совѣстью [2]). Строгій въ этомъ отношеніи къ самому себѣ, онъ былъ неумолимо строгъ и къ другимъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло касалось нарушенія основныхъ религіозныхъ принциповъ, гдѣ совершались на его глазахъ проступки, которые онъ относилъ къ категоріи, такъ называемыхъ смертныхъ грѣховъ. Такими грѣхами онъ считалъ преднамѣренную ложь „совсѣмъ ея родствомъ", какъ выражался онъ, не правое стяжаніе и прелюбодѣяніе. Онъ говорилъ объ этихъ грѣхахъ съ такимъ особымъ выраженіемъ, что наводилъ невольный страхъ на своихъ слушателей [3]).

Какъ ни различно было религіозное настроеніе обоихъ друзей монарховъ, но именно въ области вѣры они скорѣе и легче всего могли сойтись другъ съ другомъ. Александръ и Фридрихъ-Вильгельмъ пришли къ вѣрѣ и къ познанію истиннаго Бога совершенно различными путями: характеръ

[1]) [illegible] „Его сердце, зав[illegible] [illegible] и наоборотъ, невольно [illegible]" Charakterzüge, T. I, стр. 162.

[2]) [illegible] Бога въ сердцѣ [illegible] казались ему [illegible] онъ за самихъ [illegible] какая постоянная [illegible] Charakterzüge, T. I, стр. 161.

[3]) [illegible] das Wort so, dass alle, [illegible] Gottesfurcht in dieser [illegible] ängstlich—abergläubi[illegible] Charakterzüge, T. I, стр. 162.

ихъ религіознаго чувства и религіозныхъ воззрѣній былъ также различенъ, но оба они приходили къ однимъ и тѣмъ-же конечнымъ, основнымъ результатамъ, оба черпали въ вѣрѣ силы, столь необходимыя въ тяжелой борьбѣ, выпавшей на ихъ долю. Фридрихъ-Вильгельмъ, привыкшій еще съ дѣтскихъ лѣтъ искать утѣшенія и опоры въ вѣрѣ, привыкъ покоряться смиренно неисповѣдимымъ рѣшеніямъ Провидѣнія и ожидать спасенія не отъ мудрости человѣческой, не отъ силъ и ухищреній міра сего, а отъ благости и всемогущества Творца небеснаго. Такія-же точно правила и убѣжденія развились, какъ мы уже знаемъ, и въ императорѣ Александрѣ подъ вліяніемъ страшныхъ и великихъ событій 1812 года [1]). На основѣ тождественныхъ религіозныхъ убѣжденій дружба монарховъ должна была пріобрѣсти еще болѣе крѣпкую и внутреннюю связь.

Извѣстно, что противоположные характеры сходятся нерѣдко скорѣе, нежели натуры во всѣхъ отношеніяхъ сходныя, родственныя. Александръ и Фридрихъ-Вильгельмъ, быть можетъ, и сошлись потому такъ тѣсно и неразрывно, что они пополняли другъ друга своими противоположными качествами. То, чего недоставало одному, имѣлось въ избыткѣ у другаго. Александръ былъ геніальнѣе, живѣе, воспріимчивѣе; Фридрихъ-Вильгельмъ былъ практиченъ, тяжелъ на подъемъ, медленъ на рѣшенія, но болѣе твердъ, постояненъ и послѣдователенъ. Александръ былъ способенъ на рѣшенія героическія, на величайшіе подвиги и самопожертвованіе. Ему принадлежала иниціатива во всѣхъ великихъ, рѣшающихъ моментахъ этой чудесной эпохи. Своимъ героизмомъ, своимъ чарующимъ личнымъ вліяніемъ онъ увлекалъ своего друга на такія дѣла и пути, на которыя онъ никогда-бы не отважился вступить самъ по себѣ. Но, быть можетъ, Александръ не могъ-бы совершить всѣхъ своихъ геніальныхъ начинаній, быть можетъ, онъ принужденъ-бы былъ остановиться на по-

---

[1]) Въ письмѣ къ князю Голицыну изъ Вильны, Александръ „сознается, что онъ давно уже предалъ себя совершенному водженію Господа“. См. изъ записокъ Ю. Н. Бартенева, разсказы князя Голицына. „Русскій Архивъ“, 1886 г. книга 1

ловинѣ пути, или свернуть въ сторону съ дороги, есл
Фридрихъ-Вильгельмъ, рѣшившись разъ идти рука объ ру
съ нимъ, не ободрялъ его своимъ ровнымъ, спокойнымъ,
измѣннымъ участіемъ, не ободрялъ его въ трудной бор
съ людьми и обстоятельствами, не поддерживалъ своею тв
дою и незыблемою вѣрою его преданность, его покорно
Волѣ Всевышняго.

Трудно представить себѣ болѣе крѣпкую и внутренн
и въ тоже время болѣе нѣжную, душевную связь, какъ
которая соединяла монарховъ Россіи и Пруссіи. Но бы
ли въ этой дружбѣ полное равенство, не принадлежало
въ ней первенство одному изъ друзей? Мы не ошибемся,
ли скажемъ, что равенство было не совсѣмъ полное, что п
обладаніе принадлежало императору Александру. Онъ
билъ короля, но въ тоже время властвовалъ надъ нимъ
извѣстной степени. Наоборотъ, Фридрихъ-Вильгельмъ охо
но слѣдовалъ за Александромъ, занималъ, уже въ силу с
ей скромности, второе мѣсто и относился къ своему со
нику и другу съ чувствомъ настоящаго благоговѣнія. И
дипломатическихъ и въ военныхъ совѣщаніяхъ король вс
да поддерживалъ предложенія и мнѣнія императора; въ то
жественныхъ и оффиціальныхъ случаяхъ онъ всегда слѣ
валъ за нимъ. И передъ лицомъ всего свѣта, и въ частны
интимныхъ бесѣдахъ Фридрихъ-Вильгельмъ заявлялъ, не об
нуясь, что все самое главное и рѣшающее въ великой бо
бѣ было совершено русскимъ императоромъ и его войска
При всякомъ удобномъ случаѣ говорилъ онъ съ признате
ностью и энтузіазмомъ о подвигахъ Александра и его во
ства; о самомъ себѣ, о своихъ скромныхъ, но тѣмъ не
нѣе великихъ заслугахъ, о героическихъ усиліяхъ и же
вахъ своего народа и войска онъ умалчивалъ систематич
ски [1]). Россія и все русское было дорого для короля уже
тому, что связывалось для него съ представленіемъ объ Ал
ксандрѣ. Онъ любилъ русскаго солдата, восхищался неисп
ченною патріархальностью русскаго поселянина, устраива

---

[1]) Charakterzüge, T. II, стр. 310.

въ своихъ загородныхъ паркахъ русскія избы и поселялъ въ нихъ русскихъ мужичковъ. Однажды, 50 русскихъ солдатъ, освободившихся изъ французскаго плѣна, явились, подорогѣ на родину, къ прусскому королю. Фридрихъ-Вильгельмъ принялъ ихъ съ радостью и приказалъ содержать ихъ точно также, какъ прусскихъ гвардейцевъ. Заручившись согласіемъ императора Александра [1]), король предложилъ нашимъ солдатикамъ остаться навсегда при немъ. Солдатики не долго думая, пожелали остаться. Да и чего лучше могли желать они? И во снѣ не чудилось имъ такой жизни. Король приказалъ помѣстить ихъ въ лучшей гвардейской казармѣ, въ Потсдамѣ. Они жили тутъ въ полномъ довольствѣ, многіе поженились частью на русскихъ, частью на нѣмкахъ [2]). Имъ отпускалось самое лучшее продовольствіе, одѣвали ихъ на счетъ короля и въ добавокъ, они могли проводить время на полной свободѣ. Король никогда не забывалъ „своихъ русскихъ". Пріѣзжая въ Потсдамъ, онъ обязательно приглашалъ ихъ во дворецъ, кормилъ и поилъ и заставлялъ пѣть любимыя имъ русскія пѣсни.

Такъ жили наши солдатики въ Потсдамѣ до самой смерти императора Александра. Потерявъ своего лучшаго друга, Фридрихъ-Вильгельмъ удвоилъ свою заботливость „о своихъ русскихъ". Онъ скупилъ за большія деньги поля и сады въ окрестностяхъ Потсдама, и приказалъ выстроить по планамъ и моделямъ, выписаннымъ изъ Россіи, русскую деревню. Каждой избѣ онъ отвелъ кусокъ земли для двора, огорода и сада. Дворы были обнесены живыми изгородями, а всѣ улицы деревни обсажены липами. На сосѣдней возвышенности король приказалъ устроить небольшую, но изящную православную церковь и выписалъ изъ Россіи священника. Деревня, основанная въ память императора Алексан-

---

[1]) По поводу этого согласія епископъ Эйлергъ замѣчаетъ: „солдаты пожелали остаться. Александръ далъ свое согласіе и подарилъ ихъ своему царственному другу въ томъ смыслѣ, насколько возможно здѣсь говорить о подаркѣ". Отсюда ясно, что выраженіе, „рота подаренная Александромъ королю прусскому", не должно быть понимаемо въ буквальномъ смыслѣ.

[2]) Король выписалъ для желающихъ женъ изъ Россіи.

дра, получила отъ короля названіе „Александровская“. Прошло нѣсколько лѣтъ, Фридрихъ-Вильгельмъ приближался къ концу своего земнаго поприща, но онъ не забывалъ своей Александровской. Хотя разъ въ недѣлю, обыкновенно по вечерамъ, король посѣщалъ свою колонію. Медленно проѣзжалъ онъ по улицамъ деревни, затѣмъ подымался на возвышенность, гдѣ стояла православная церковь. Тутъ онъ выходилъ изъ экипажа и долго смотрѣлъ задумчиво вдаль. Тихими шагами направлялся онъ затѣмъ къ одному изъ сосѣднихъ русскихъ домиковъ, усаживался на крыльцѣ и любовался закатомъ солнца. Вокругъ него собирались его русскіе питомцы и ихъ дѣти. Они называли его не иначе какъ „Батюшка! Ваше Величество“. По цѣлымъ часамъ проводилъ здѣсь король въ бесѣдахъ и воспоминаніяхъ о покойномъ императорѣ [1]).

---

[1]) См. Eylert, Charakterzüge aus dem Leben etc. T. II, стр. 311 - 314.

ГЛАВА V.

„Народная весна“. — Русскіе быстро подвигаются впередъ. — Казаки въ Берлинѣ. — Освобожденіе Гамбурга. — Національное движеніе въ Пруссіи. — Императоръ Александръ на границѣ Силезіи. — Восторженный пріемъ со стороны населенія. — Встрѣча монарховъ. — Александръ вспоминаетъ о Штейнѣ. — Болѣзнь Штейна. — Александръ навѣщаетъ изгнанника. — Прусскій дворъ спѣшитъ перемѣнить свою тактику. — Начало борьбы. — Силы обѣихъ сторонъ. — Быстрота Наполеона. — Противники сходятся въ Саксоніи. — Сраженіе при Люценѣ. — Отчаянное мужество союзниковъ. — Кто командовалъ союзною арміею подъ Люценомъ? — Перевѣсъ склоняется на сторону Наполеона. — Необходимость отступленія. — Александръ у Фридриха-Вильгельма. — Отчаяніе короля; Шарнгорстъ утѣшаетъ его. — Александръ и Фридрихъ-Вильгельмъ на пути отъ Люцена. — Бесѣда между монархами. — Они даютъ слово руководиться впредь во всѣхъ своихъ политическихъ дѣйствіяхъ заповѣдями евангелія. — Отступленіе и преслѣдованіе. — Союзники занимаютъ позицію подъ Бауценомъ. — Двухдневное сраженіе подъ Бауценомъ. — Наполеонъ искусно пользуется ошибками союзниковъ. — Александръ не желаетъ быть свидѣтелемъ новаго отступленія. — Ермоловъ и Милорадовичъ останавливаютъ преслѣдованіе Наполеона. — Смерть Дюрока. — Раздумье Наполеона. — Дальнѣйшее отступленіе союзниковъ. — Разногласіе между русскими и прусскими генералами. — Союзники готовятся раздѣлить свои силы. — Роковое значеніе подобной мѣры. — Провидѣніе еще разъ спасаетъ правое дѣло. — Перемиріе.

Наступилъ мартъ мѣсяцъ 1813 г. Весна природы совпала съ весною народною. Русскіе быстро подвигались впередъ. Уже въ половинѣ Февраля они перешли черезъ Одеръ при помощи пруской администраціи и населенія. Казацкіе разъѣзды показались въ окрестностяхъ Берлина и на берегахъ Эльбы. Населеніе повсюду подымалось противъ французовъ, броженіе обнаруживалось въ тылу французской арміи, въ Саксоніи, Вестфаліи, до самого Рейна. Вице-король, смущенный надвигающеюся со всѣхъ сторонъ грозою, не рѣ-

шился оставаться долѣе въ Берлинѣ. Казаки смѣло выѣзжали въ самыя улицы города, перестрѣливались съ французами и встрѣчали при этомъ дѣятельную поддержку со стороны жителей [1]). 21-го февраля повторились въ обратномъ смыслѣ сцены, происходившія нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Москвѣ. Изъ однихъ городскихъ воротъ поспѣшно уходили французы, въ другіе вступали русскіе [2]). Восторгъ населенія былъ неописанный. „Никогда Берлинъ не былъ такъ великолѣпно освѣщенъ, какъ вчера", пишетъ очевидецъ; „на улицахъ было свѣтло, какъ въ полдень". „На другой день жители были испуганы пушечными выстрѣлами, но вскорѣ успокоились—русскіе, стоявшіе въ увеселительномъ саду, приносили благодареніе Всевышнему за успѣхъ своего оружія. При пѣніи благодарственнаго молебна стрѣляли изъ пушекъ. Зрѣлище прекрасное и трогательное! Тысячи храбрыхъ и сильныхъ воиновъ преклонили въ благоговѣніи свои колѣна предъ Всевышнимъ, благословляющимъ святое ихъ дѣло" [3]).

Все далѣе и далѣе на западъ распространялось преслѣдованіе и бѣгство. Наполеонъ требовалъ, чтобы вице-король удерживался въ Магдебургѣ и защищалъ всѣми силами линію Эльбы, но быстрое наступленіе русскихъ и пруссаковъ заставило его отступить за рѣку. Почти одновременно передовые союзные отряды переправились чрезъ нижнюю и среднюю Эльбу. Въ Саксоніи, даже въ самомъ Дрезденѣ, происходили народныя возмущенія противъ французовъ. Въ Гамбургѣ населеніе встрѣтило съ восторгомъ небольшой русскій отрядъ подъ начальствомъ полковника Тетенборна. „Да здравствуетъ императоръ Александръ! нашъ спаситель, нашъ избавитель!" кричали Гамбургцы, доведенные до отчаянія побо-

---

[1]) Чрезвычайно интересныя и живыя подробности о занятіи Берлина русскими мы находимъ въ „Сынѣ Отечества" за 1812 г. № 11, стр. 251—256.

[2]) Ранке, Hardenberg etc. T. III, стр. 298.

[3]) „Сынъ Отечества" за 1812 г. № 11, стр. 256. „На другой день русскіе генералы учредили вахтпарадъ въ честь супруги принца Вильгельма. Она явилась на балконѣ и воскликнула: да здравствуетъ Александръ! Всѣ войска пѣчали: да здравствуетъ Фридрихъ-Вильгельмъ!"

рами и истязаніями французской администраціи. Толпы народа бѣжали навстрѣчу русскимъ за нѣсколько миль изъ города. Всѣ улицы, дома, деревья, были унизаны ликующими зрителями. Изо всѣхъ оконъ развѣвались флаги и платки, городскія гильдіи преклоняли передъ русскими казаками свои знамена; многіе жители подымали на шестахъ и шпагахъ шляпы и зеленыя вѣтви и бросали ихъ вверхъ; звонили во всѣ колокола, стрѣляли изъ пистолетовъ и ружей. Народъ тѣснился со всѣхъ сторонъ къ проходящимъ русскимъ воинамъ и украшалъ лошадей ихъ вѣнками и зелеными вѣтками. Дамы бросали изъ оконъ букеты цвѣтовъ и вѣнки. Многіе плакали отъ радости, знакомые и незнакомые обнимали другъ друга и со слезами радости поздравляли съ великимъ днемъ освобожденія. На всѣхъ улицахъ выставлены были бюсты императора Александра, увѣнчанные лаврами. Вечеромъ весь городъ былъ иллюминованъ и въ театрѣ всѣ присутствующіе пѣли хоромъ: „Боже спаси Царя“. Когда командиръ русскаго отряда вышелъ изъ театра, то народъ выпрягъ лошадей изъ его коляски, довезъ его до квартиры и на рукахъ внесъ на лѣстницу. Всю ночь на улицахъ многолюднаго города кипѣло небывалое, неслыханное веселье. Повсюду вспыхивали потѣшные огни, отовсюду гремѣла музыка, каждый русскій казакъ или солдатъ, показывавшійся на улицѣ, дѣлался предметомъ самыхъ восторженныхъ овацій. Населеніе было неистощимо въ проявленіяхъ своего восторга, своей симпатіи къ дорогимъ избавителямъ; оно казалось обезумѣло отъ радости [1]).

По всей Пруссіи происходили, между тѣмъ движенія, ясно показывавшія, что предстоящая война будетъ такою-же народною войною, какъ и борьба въ Россіи въ 1812 году. Становилось очевиднымъ, что русскіе вступили въ Пруссіи въ союзъ не съ однимъ правительствомъ, а съ цѣлымъ народомъ, рѣшившимся или умереть, или свергнуть съ себя цѣпи постыднаго рабства. Наши войска и отступающіе фран-

---

[1]) Всѣ эти подробности заимствованы изъ современнаго изданія. См. „Сынъ Отечества“ за 1813 г. № 13, стр. 53—56.

цузы то и дѣло встрѣчались на пути съ громадными партіями поселянъ, спѣшившими на сборные пункты, назначенные для пріема рекрутъ и добровольцевъ. Они шли на войну, какъ на праздникъ, распѣвая пѣсни. Населеніе городовъ и деревень высыпало къ нимъ на встрѣчу цѣлыми толпами, привѣтствовало, угощало ихъ. Святой энтузіазмъ охватилъ всѣ сословія, возрасты и полы. Аудиторіи берлинскаго, кенигсбергскаго и другихъ университетовъ опустѣли [1]); всѣ студенты поголовно взялись за оружіе и поступили или въ отряды арміи, или въ отряды добровольцевъ. Многіе наставники и знаменитые профессоры, не смотря на свои преклонныя лѣта, спѣшили вмѣстѣ съ юношами на поля брани. Знаменитый философъ Фихте былъ въ числѣ первыхъ, промѣнявшихъ каѳедру и перо на ружье и пику ополченца. Воспитанники старшихъ классовъ гимназій не хотѣли отстать отъ студентовъ и массами брались за оружіе. Дѣти убѣгали изъ родительскаго дома, намѣреваясь принять участіе въ священной войнѣ. Формировались съ невѣроятною быстротою цѣлые отряды, въ которыхъ нельзя было встрѣтить ни одного простого человѣка, а лишь однихъ образованныхъ и зажиточныхъ людей [2]). Полковникъ Лютцовъ собралъ въ своемъ черномъ отрядѣ цвѣтъ германской молодежи. Эти восторженные юноши давали обѣтъ умереть, но не отступать передъ врагомъ; они избрали черный цвѣтъ, какъ символъ неутолимой мести, пожиравшей ихъ сердца. Они бросались въ бой съ пѣніемъ вдохновенныхъ пѣсенъ гені-

[1]) [illegible] потому что всѣ [illegible] высказываетъ [illegible] Изъ всѣхъ свѣдѣній [illegible] прусскихъ. [illegible]

[2]) [illegible] интересныя [illegible] служащихъ были [illegible] мальчики 14 и [illegible] [illegible] старшихъ [illegible] 1863 г., кн. 12, стр. 454.

альнаго поэта Теодора Кернера, сражавшагося въ ихъ рядахъ. Громадныя пожертвованія стекались отовсюду. Страна, казавшаяся до тѣхъ поръ окончательно истощенною и разоренною, начала вдругъ доставлять для русскихъ и для своихъ войскъ массы провіанта, фуража, одежды, обуви, начала приносить на алтарь отечества милліоны. Но не слѣдуетъ опускать изъ виду, что это были послѣднія усилія народа, ставившаго на карту свое послѣднее достояніе и свою національную жизнь. За этими усиліями должно было послѣдовать одно изъ двухъ: или воскресеніе или смерть Брались за оружіе всѣ, кто въ состояніи былъ поднять его; приносились пожертвованія не отъ богатства и избытка, а отъ нищеты и бѣдности. Мелкіе чиновники отказывались отъ своего жалованья, купцы жертвовали свои наличныя деньги и товары, поселяне отвозили въ магазины свои послѣдніе запасы, ремесленники отказывались отъ платы за вещи, поставляемыя ими въ казну, молодыя дѣвушки продавали свои волосы, замужнія женщины и невѣсты приносили въ даръ свои золотыя обручальныя кольца и принимали взамѣнъ ихъ отъ правительства желѣзныя съ надписью: „золото отдала я за желѣзо". Пламенное патріотическое одушевленіе, проникавшее съ одинаковою силою всѣ слои общества, поддерживалось и освящалось самымъ искреннимъ и теплымъ религіознымъ чувствомъ. И въ Пруссіи повторилось весною 1813 года то, что происходило въ Россіи лѣтомъ 1812 года. Нужда научила молиться, невѣріе и сомнѣніе исчезли, какъ темный призракъ передъ яркимъ свѣтомъ, вспыхнувшимъ на востокѣ. Народъ, доведенный до отчаянія чужими тиранами и проданный столько разъ своими просвѣщенными руководителями, началъ искать спасенія въ вѣрѣ своихъ отцевъ. Примѣръ русскихъ, шедшихъ на встрѣчу враговъ съ крестомъ въ груди и съ желѣзомъ въ сердцѣ, вызывалъ восторженное соревнованіе. Церкви были наполнены молящимися, старые солдаты и молодые рекруты, спѣша на бой, искали подкрѣпленія и благословенія у служителей алтаря. На шапкахъ ополченцевъ виднѣлась также надпись какъ и у русскихъ ратниковъ: съ Богомъ за короля и оте-

чество. Король учредилъ новую высшую награду, желѣзный крестъ, безъ всякихъ украшеній [1]).

Среди всеобщаго энтузіазма явился королевскій манифестъ, возвѣщавшій народу начало священной войны. Фридрихъ-Вильгельмъ заявлялъ въ немъ, что ни его вѣрный народъ, ни германцы вообще не нуждаются въ подробномъ объясненіи причинъ, заставляющихъ его обнажить мечъ. Причины эти хорошо извѣстны всему свѣту. „Мы пали передъ превосходною силою Франціи“ [2]), говорилось въ манифестѣ. Миръ отнялъ у Пруссіи половину ея территоріи, онъ не доставилъ ей никакихъ благодѣяній, а причинилъ раны, болѣе тяжкія, нежели сама война. Страна была изнурена неслыханными контрибуціями и содержаніемъ иноземныхъ войскъ; важнѣйшія крѣпости оставались въ рукахъ непріятеля; земледѣліе, промышленность и ремесла пришли въ упадокъ подъ тяжестью невыносимаго гнета: вмѣстѣ съ свободою торговли изсякъ послѣдній источникъ благосостоянія, страшная бѣдность водворилась въ странѣ. Тщетно пытался король облегчить положеніе своего народа добросовѣстнымъ исполненіемъ обязательствъ, взятыхъ имъ на себя по отношенію къ императору французовъ: всѣ его чистѣйшія намѣренія были разстроены высокомѣріемъ и вѣроломствомъ, и онъ долженъ былъ убѣдиться, что миръ съ Наполеономъ велъ Пруссію къ вѣрной и неизбѣжной гибели. Король призываетъ затѣмъ къ брани всѣхъ своихъ подданныхъ, онъ напоминаетъ имъ славные примѣры прошлаго, подвиги великаго курфюрста и Фридриха Великаго; онъ указываетъ имъ на великій примѣръ поданный союзниками ихъ, россіянами. Лучше, говоритъ онъ, пожертвовать послѣднимъ достояніемъ и жизнію отечеству и природженному королю, нежели отдавать то и другое въ жертву ненасытной алчности и властолюбію чужеземнаго властелина. Вѣра въ Бога, неутомимое мужество, сильная по-

[1]) Патріотическое одушевленіе Пруссіи рисуется лучше всего въ тогдашнихъ періодическихъ изданіяхъ. См. напр. „Сынъ Отечества“ за 1813 г. Кенигсбергскія газеты и другіе журналы.

[2]) Мы приводимъ отрывки манифеста изъ современнаго русскаго перевода, помѣщеннаго въ „Сынѣ Отечества“ за 1813 г. № 15, стр. 45—46.

ионць союзниковъ должны служить ручательствомъ побѣды. Король не скрываетъ отъ своего народа, что начинающаяся брань есть послѣдняя и рѣшительная борьба за національное существованіе, независимость и благосостояніе. Нѣтъ иного выбора кромѣ честнаго мира или славной гибели. Лучше погибнуть, нежели влачить безчестное существованіе. Немыслимо для германца, для пруссака жить безъ чести. Но король увѣренъ, что Богъ не попуститъ погибнуть правому дѣлу. Онъ вступаетъ въ бой съ твердою надеждою на помощь Всемогущаго.

Въ то время, когда король принималъ свои послѣднія рѣшенія, царственный другъ его, императоръ Александръ уже приближался къ Бреславлю. Фридрихъ-Вильгельмъ спѣшилъ приготовить самый блестящій и радушный пріемъ своему союзнику. Уже на границахъ Силезіи [1]) императора привѣтствовали отъ имени короля генералъ Клейстъ, полковникъ Биронъ и президентъ Силезіи Меркель. Вмѣстѣ съ ними привѣтствовала императора отъ имени всего населенія многочисленная депутація отъ духовенства и земскихъ чиновъ. Безчисленныя толпы народа встрѣтили Александра восторженными, радостными криками. Президентъ Меркель и графъ Бетузи обратились съ краткими рѣчами. Въ немногихъ, но сильныхъ и задушевныхъ словахъ выражали они свою радость при видѣ великаго освободителя Германіи. Они говорили о своихъ несомнѣнныхъ надеждахъ на побѣдоносный исходъ начинающейся великой борьбы. Императоръ, видимо тронутый сердечностью встрѣчи, отвѣчалъ нѣсколькими милостивыми, проникнутыми чувствомъ словами. Дальнѣйшее путешествіе Александра по Силезіи походило на тріумфальное шествіе, величественное, но въ тоже время непринужденное [2]). Цѣ-

---

[1]) О торжественной встрѣчѣ на границѣ Силезіи см. „Сынъ Отечества" за 1813 г. № 13, стр. 51—52, письмо изъ Бреславля.

[2]) О встрѣчахъ въ Силезіи Шишковъ даетъ слѣдующія характерныя подробности: „Съ приближеніемъ къ предѣламъ Пруссіи, общее къ намъ уваженіе и любовь отчасу болѣе возрастали. Подъѣзжая къ городку, называемому Сдуни, версты за полторы отъ онаго, увидѣли мы, что весь народъ высыпалъ на встрѣчу государя. Старшины и чиновники въ мундирахъ; а прочіе составили изъ себя разныя толпы, изъ коихъ каждая особеннымъ отъ другой образомъ при-

лый народъ спѣшилъ на встрѣчу обожаемому своему избавителю. Отовсюду раздавался торжественный колокольный звонъ, населеніе городовъ, мѣстечекъ и деревень встрѣчало государя восторженными кликами, усыпало путь его цвѣтами, провожало его благословеніями и молитвами. Узнавъ о приближеніи императора, король со всѣми принцами поспѣшилъ къ нему на встрѣчу. Въ Эльсѣ въ 4 миляхъ отъ Бре-

готовилась изъявить намъ свою о прибытіи нашемъ радость: иные въ разноцвѣтномъ платьѣ, съ турбанами на головахъ, ѣхали верхами; другіе шли пѣшкомъ, неся на шестахъ балдахины; иные одѣтые скороходами, бѣжали и хлопали бичами для очищенія дороги; иные пороховыми хлопушками, замѣнявшими пушечную пальбу, поздравляли наше прибытіе: иные держали въ рукахъ обнаженныя шпаги съ воткнутыми на нихъ лимонами. Всѣ сіи толпы, при проѣздѣ каждаго изъ насъ, кричали изо всей мочи ура! Передъ городомъ сдѣланы были торжественныя врата съ надписью: „Des Allmächtigen Hand schütze dich (т. е. рука Всемогущаго да защититъ тебя). По обѣимъ сторонамъ оныхъ, стояли въ бѣлыхъ одѣяніяхъ 50 или 60 дѣвицъ съ гирляндами, корзинками и цвѣтами. Государь ѣхалъ верхомъ: и какъ скоро появился онъ за воротами, то поднялся колокольный звонъ и безпрестанныя восклицанія. Весь, встрѣчавшій насъ и ожидавшій внутри города, народъ побѣжалъ за нимъ съ крикомъ, хлопаньемъ и всякимъ изъявленіемъ восторга своего. На улицѣ, по которой мы ѣхали, стоялъ столбъ съ указательною рукою, на которой было написано— Alexander's Strasse (т. е. Александрова улица). Въ городѣ, когда государь сошелъ съ лошади, говорили ему рѣчь, поднесли стихи и просили войти въ домъ. Хозяики, богато разряженныя, встрѣтили его у крыльца. Подали тотчасъ на серебряныхъ подносахъ чай, кофе, шоколадъ и гобель-мобель. Въ другой комнатѣ накрытъ былъ столъ. Просили государя позавтракать, но онъ не остался: и мы всѣ уѣхали за нимъ, не смотря на усиленную просьбу хозяекъ, убѣждавшихъ насъ остаться и хоть не много покушать. Чрезъ два часа пріѣхали мы въ мѣстечко Малинъ. Здѣсь нашли прекрасный домъ и садъ графа [illegible] [illegible] старика, но еще бодраго и свѣжаго, который [illegible] Петромъ Третьимъ, носилъ слишкомъ [illegible] Ввечеру [illegible] и аистовъ, и лебедей, и [illegible] и такъ хорошо, [illegible] праздника. На торжественныхъ [illegible] было съ одной стороны: Der Deutsche dem Russen [illegible] G[illegible] mit dir (съ тобою [illegible]) [illegible] нашей невозможно [illegible] и женщинъ смотрѣть тебѣ въ [illegible] удовольствіе, что [illegible] снимающіе съ [illegible] путешествіяхъ часто [illegible] Записки Т. I, [illegible]

славля состоялось торжественное, радостное свиданіе монарховъ союзниковъ. Что должны были перечувствовать въ этотъ незабвенный моментъ Александръ и Фридрихъ-Вильгельмъ! со слезами счастія обняли они другъ друга. Король могъ говорить лишь о томъ чувствѣ беззавѣтной дружбы, которое питалъ онъ къ императору Александру; Александръ повторилъ слова, выраженныя имъ уже въ письмѣ, скорѣе умереть, нежели оставить друга. Оба монарха соединились въ одномъ великомъ и святомъ чувствѣ твердаго упованія на милость Всевышняго.

Императоръ и король продолжали слѣдовать къ Бреславлю, сначала въ одномъ экипажѣ, погруженные въ интимную бесѣду, но восторженные клики несмѣтной массы народа, возраставшей съ каждою минутою, тѣснившейся вокругъ экипажа, мѣшали имъ отдаваться всецѣло самимъ себѣ. За полъ-мили отъ города монархи вышли изъ коляски и продолжали дальнѣйшій путь верхами. Войска, разставленныя по обѣимъ сторонамъ дороги, встрѣчали своихъ повелителей громовымъ „ура“. Стѣсненіе народа было такъ велико, что государи и ихъ свита могли подвигаться впередъ лишь шагъ за шагомъ. Наступили уже сумерки, когда торжественное шествіе достигло Бреславля. Всѣ улицы города были залиты потоками свѣта. Звонъ колоколовъ, пушечные выстрѣлы, крики народа и войска сливались въ одинъ безконечный, потрясающій окрестности гулъ. Среди ежеминутно возрастающаго энтузіазма братья монархи достигли королевскаго дворца.

Императоръ Александръ остался вѣренъ себѣ и въ эту торжественную минуту. Какъ въ Вильнѣ, такъ и въ Бреславлѣ онъ не отдался всецѣло тѣмъ радостнымъ, возвышающимъ до самозабвенія душу обыкновеннаго смертнаго, чувствамъ, кои должны были пробудиться въ немъ при видѣ того энтузіазма, того обожанія, съ которыми встрѣчалъ его цѣлый народъ. Любовь къ ближнему, память о страждущихъ была и теперь первымъ и сильнѣйшимъ движеніемъ его души. Тотчасъ-же по прибытіи въ Бреславль, императоръ спросилъ о Штейнѣ и выразилъ желаніе посѣтить немедленно-же своего сподвижника и друга. Штейнъ провелъ въ Бреславлѣ

тяжелые дни. Лихорадка, томившая его въ Калишѣ, не замедлила перейти въ нервную горячку. Болѣзнь возрастала въ теченіе нѣсколькихъ дней и приняла, наконецъ, самый опасный оборотъ. Хотя Штейнъ былъ въ глазахъ всѣхъ оффиціальныхъ сферъ чуть не опальнымъ лицомъ, хотя самъ король не справлялся ни разу объ его здоровьѣ, хотя канцлеръ Гарденбергъ смотрѣлъ на Штейна съ крайнимъ недовѣріемъ, опасаясь, чтобы великій изгнанникъ не вступилъ вновь въ королевскую прусскую службу [1], хотя, наконецъ, всѣмъ придворнымъ запрещены были сношенія съ Штейномъ [2], но симпатіи населенія и даже самыхъ высокопоставленныхъ лицъ къ великому патріоту насильственно вырвались наружу, вопреки всѣмъ внушеніямъ и предупрежденіямъ. Первѣйшіе медицинскіе знаменитости тогдашней Пруссіи, Гуфеландъ и Вибель пользовали Штейна, молодые врачи дежурили у его постели; принцесса Вильгельмина посылала ему ежедневно бульонъ изъ своей кухни; принцъ Вильгельмъ, принцъ Августъ, генералы Блюхеръ и Шарагорстъ посѣщали его почти ежедневно, президентъ Меркель и другіе высшіе чиновники оказывали ему всевозможное вниманіе и любезности. Мало по-малу болѣзнь начала принимать благопріятный оборотъ, опасность миновалась.

Никто изъ друзей Штейна не рѣшался увѣдомить супругу его, проживавшую въ Прагѣ, объ его отчаянномъ положеніи. Не получая долгое время писемъ, баронесса Штейнъ, сильно любившая своего мужа, томилась въ неизвѣстности. Вдругъ она узнаетъ случайно отъ проѣзжаго курьера объ опасной болѣзни супруга. Не теряя ни минуты времени, захвативъ съ собою лишь самое необходимое, она пустилась въ дорогу съ своими маленькими дочерьми. Не смотря на страшный холодъ, на убійственныя дороги, она ѣхала день и ночь безъ остановки и на [illegible] Бреславля. Боясь [illegible] квартиры, она за-

[illegible]

ѣхала сначала къ Меркелю. Ея радость не знала предѣловъ, когда она услышала, что здоровье Штейна поправляется, что онъ можетъ принять ее немедленно. Послѣ девятимѣсячной разлуки, послѣ такихъ великихъ и потрясающихъ событій, многострадальный изгнанникъ могъ, наконецъ, обнять со слезами радости своихъ близкихъ, могъ лично передать имъ свою твердую надежду на скорое воскресеніе отечества [1]).

Императоръ Александръ, еще до прибытія въ Бреславль, освѣдомлялся съ безпокойствомъ о здоровьѣ Штейна. Потерять такого незамѣнимаго для него человѣка, и потерять въ такую минуту, было-бы для него великимъ несчастіемъ. Онъ не хотѣлъ допустить, чтобы Провидѣніе подвергло его такому новому, тяжелому испытанію. Заботливые разспросы императора о здоровьѣ барона дошли до оффиціальныхъ прусскихъ сферъ и онѣ вдругъ поняли, какъ безтактно вели онѣ себя до сихъ поръ по отношенію къ уполномоченному и другу русскаго императора. Теперь онѣ спѣшили поправить свою оплошность. Штейну отведено было, наконецъ, вмѣсто чердака болѣе удобное и приличное помѣщеніе. На другой-же день, по пріѣздѣ своемъ въ Бреславль, Александръ поспѣшилъ къ Штейну. Баронъ былъ еще такъ слабъ, что могъ встрѣтить государя лишь посреди своей комнаты. Александръ обнялъ его съ радостными слезами и усадилъ его возлѣ себя. Нѣсколько часовъ провели они въ уединенной дружеской бесѣдѣ. Пожелавъ барону возможно скорѣйшаго, полнаго выздоровленія, императоръ вышелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ привѣтствовала его съ дѣтьми баронесса Штейнъ. Онъ бесѣдовалъ съ своею обычною, чарующею любезностью съ баронессою, обласкалъ ея дочерей и обратилъ вниманіе на ихъ большое сходство съ отцомъ.

Посѣщеніе Штейна русскимъ императоромъ было настоящимъ событіемъ. Дальнѣйшая опала утратила теперь всякій смыслъ. Весь дворъ, всѣ оффиціальныя сферы мгновенно измѣнили свое поведеніе. Любезностямъ, визитамъ, справкамъ о здоровьѣ—не было и конца. Штейну положительно

---

[1]) Перцъ, Stein's Leben, T. III, стр. 310.

не давали покою. Являлись даже такія лица, которыя могли разсчитывать лишь на самый сухой пріемъ [1]).

Что значили, однако-же, подобныя частныя проявленія хотя и возвышенныхъ чувствъ въ сравненіи съ тою великою борьбою, къ которой напрягались теперь силы цѣлаго міра. Какъ въ началѣ 1812 года, такъ и теперь вся Европа раздѣлилась на два враждебныхъ лагеря, но положеніе дѣлъ было теперь, повидимому, нѣсколько иное, нежели тогда. На сторонѣ праваго дѣла были, казалось, большія вѣроятности успѣха. Но ожиданія Александра не оправдались въ двухъ чрезвычайно важныхъ отношеніяхъ. Франція не смотря на все свое истощеніе и глухое недовольство, покорно продолжала повиноваться мановеніямъ своего властелина. Населеніе главнѣйшихъ городовъ имперіи, руководимое своими префектами, спѣшило прислать императору адресы съ заявленіями безграничной преданности и готовности къ новымъ пожертвованіямъ. Не только старо-французскіе города, какъ напримѣръ, Парижъ и Ліонъ, но и города завоеванныхъ странъ, какъ напримѣръ: Римъ, Миланъ, Венеція, Брюссель, Антверпенъ, Амстердамъ, Майнцъ, Кельнъ приняли участіе въ этихъ манифестаціяхъ. Чтобы громкіе адресы и заявленія не остались одними словами, — объ этомъ заботилась императорская администрація, работавшая, какъ превосходно устроенная и заведенная машина. Еще 12 января 1813 года французскій сенатъ постановилъ выставить, кромѣ конскрипціи 1813 г. 100,000 ч. перваго призыва національной гвардіи, 100,000 конскриптовъ 1809, 1810, 1811 и 1812 г.г., и 150,000 конскрипціи 1814 г., что составляло въ совокупности до полумилліона солдатъ. По объявленіи же войны Пруссіею, сенатъ постановилъ усилить армію еще ста восьмидесятью тысячами человѣкъ. Въ составъ этого послѣдняго контингента входили 80,000 перваго призыва національной гвардіи, 90,000 конскриптовъ 1814 г. и 10,000 ч. почетной гвардейской кавалеріи, набранныхъ волею или неволею изъ знатной французской молодежи. Наполеонъ не

[1]) Перцъ, Stein's Leben T. III, стр. 309—311.

ограничился одними этими мѣрами. Независимо отъ призыва части войска изъ Испаніи, онъ старался усилить и иными способами арміи свои въ Германіи. Изъ Италіи онъ вытребовалъ 30,000 ч., на укомплектованіе пѣхоты и артиллеріи онъ вызвалъ въ армію большую часть морскихъ канонировъ и флотскихъ экипажей, всего около 30,000 ч.; 3,000 жандармовъ должны были составить кадры для формированія кавалерійскихъ полковъ. Масса лошадей пріобрѣтена была въ Германіи и Франціи частью за деньги, частью путемъ реквизиціи. Благодаря всѣмъ этимъ чрезвычайнымъ мѣропріятіямъ, Наполеонъ имѣлъ полное основаніе надѣяться, что число вооруженныхъ силъ его достигнетъ при открытіи кампаніи до 800,000 пѣхоты, 100,000 кавалеріи, 100,000 артиллеріи и техническихъ войскъ [1]).

Разсчеты Александра оказались невѣрными и въ другомъ отношеніи. Вассалы Наполеона остались ему вѣрны и послѣ катастрофы. Не одни только братья, родственники и слуги Наполеона, явившіеся на престолахъ по его мановенію, и хорошо сознававшіе, что судьба ихъ связана неразрывно съ судьбою императора, поспѣшили двинуть свои контингенты на помощь императору; точно также поступили и тѣ члены Рейнскаго союза, которые принадлежали къ числу старинныхъ династій. Баварія, Виртембергъ, Баденъ напрягали послѣднія свои силы для оказанія помощи Наполеону. Нѣмецкіе князья, чуждые совершенно національному духу, разсчитывали и теперь, что военный геній Наполеона и его колоссальныя средства восторжествуютъ надъ одушевленіемъ русскихъ и пруссаковъ [2]).

Не смотря на эти не сбывшіяся надежды Александра, полагавшаго, что Франція не въ состояніи будетъ дать Напо-

---

[1]) О вооруженіяхъ и приготовленіяхъ Наполеона см. между прочимъ Монитеръ за январь, февраль, мартъ и апрѣль 1813 г. Thiers XV, стр. 279—295.

[2]) Въ воззваніи, обнародованномъ 13 марта въ Калишѣ отъ имени кн. Кутузова, союзники заявляли свое твердое намѣреніе возстановить политическую самобытность владѣтелей и народовъ Германіи, но грозили въ то-же время тѣмъ изъ государей, которые вѣроломно измѣнили-бы общему отечеству, низложеніемъ. Вѣра въ непобѣдимость Наполеона была однако-же такъ сильна, что ни одинъ изъ нѣмецкихъ князей не рѣшился измѣнить французскому императору.

леону новыхъ средствъ для продолженія борьбы и что большинство его союзниковъ посп҄шитъ отложиться отъ него, Россія все-же находилась теперь въ несравненно лучшемъ положеніи нежели въ начал҄ кампаніи 1812 года. Ея д҄йствующія силы въ Германіи пополнялись непрерывно присылкою св҄жихъ войскъ изъ резервной арміи, а вооруженія Пруссіи принимали съ каждымъ днемъ все бол҄е грандіозные разм҄ры. Англія вступила въ т҄сный союзъ съ Россіею и Пруссіею и обязывалась уплачивать имъ весьма значительныя субсидіи; Швеція, не смотря на вс҄ усилія наполеоновской дипломатіи, осталась в҄рна об҄щаніямъ, даннымъ Бернадотомъ въ Або и собиралась высадить свои войска въ с҄верной Германіи. Австрія не трогалась пока съ м҄ста, но для союзниковъ было очень важно уже то, что они могли разсчитывать съ полнымъ основаніемъ на нейтралитетъ этой державы.

Вс҄ эти политическіе разсчеты, какъ ни велико было само по себ҄ ихъ значеніе, не могли, однако-же, доставить союзникамъ перев҄са надъ Наполеономъ на театр҄ военныхъ д҄йствій. Не трудно было предвид҄ть, что численное превосходство окажется, по крайней м҄р҄, въ начал҄ кампаніи на сторон҄ французовъ; что они будутъ располагать большими массами и, что на ихъ сторон҄ будутъ вс҄ матеріальныя и чисто военныя преимущества. За то вс҄ преимущества нравственныя были на сторон҄ Россіи и Пруссіи. Могучій народный духъ, проявившійся впервые въ Испаніи, охватившій потомъ Россію, началъ распространяться теперь и въ Пруссіи. Наполеонъ продолжалъ говорить съ презр҄ніемъ объ этомъ странномъ для него дух҄, но онъ говорилъ уже неискренно, онъ видимо старался обманывать себя и другихъ. Попрежнему, продолжалъ онъ сваливать всю вину за свои неудачи на негостепріимный климатъ Россіи и отваживался утверждать, что русскій народъ и даже русская армія были совершенно неповинны въ его несчастіяхъ. Онъ возв҄щалъ неустанно, что пожаръ Москвы былъ неслыханнымъ варварствомъ со стороны русскихъ и не хот҄лъ вид҄ть въ немъ грознаго проявленія національно-религіознаго воодушевленія народа, затронутаго въ своихъ священн҄йшихъ

интересахъ, не останавливающагося ни передъ какими жертвами. Какъ передъ началомъ своихъ прежнихъ войнъ, такъ и теперь Наполеонъ старался показать всему свѣту, что онъ преисполненъ прежнимъ гордымъ сознаніемъ своего неизмѣримаго превосходства, что онъ относится къ своимъ жалкимъ противникамъ съ такимъ-же чувствомъ полнѣйшаго презрѣнія, какъ и прежде. Демоническія силы окончательно завладѣли его душою. Пусть полагаются его противники на сверхъестественную помощь Провидѣнія, пусть они ищутъ силы и спасенія у алтаря христіанскаго Бога; онъ не нуждается въ этой помощи; онъ сынъ революціи, низвергшей въ прахъ знаменія христіанства, почерпаетъ неистощимыя силы въ своей собственной груди, въ неисчерпаемой сокровищницѣ своего генія. Но и онъ, наслѣдникъ революціи, чуждый вѣры, не чуждъ суевѣрія. Онъ вѣритъ въ свою судьбу, онъ убѣжденъ, что звѣзда его не померкнетъ, что она вновь поведетъ его отъ побѣды къ побѣдѣ. Но онъ впадаетъ, самъ не замѣчая того, въ страшное противорѣчіе съ самимъ собою. Онъ замѣчаетъ, что на этотъ разъ противъ него ополчаются не кабинеты, а цѣлые народы, онъ слышитъ, что его враги идутъ на него во имя свободы и человѣчества, т. е. тѣхъ самыхъ идей, защитникомъ которыхъ выдавалъ онъ самъ себя. Теперь онъ не задумывается осудить и эти идеи. Варвары, говоритъ онъ своимъ нѣмецкимъ солдатамъ, монголы, пришедшіе изъ глубины Азіи, соединились съ якобинцами, революціонерами и измѣнниками образованной Европы, и собираются сокрушить европейскую цивилизацію. Мы должны наказать примѣрнымъ образомъ этихъ безчестныхъ негодяевъ; мы должны загнать обратно этихъ скифовъ въ ихъ снѣжныя пустыни. Можетъ-ли быть сомнѣніе въ успѣхѣ нашего праваго дѣла [1]).

---

[1]) Послѣ Люценской битвы Наполеонъ такъ говорилъ своимъ войскамъ: „Татары, сжегшіе Москву, пришли въ Германію; къ нимъ примкнуло все, что есть дурнаго въ Германіи, Франціи, Италіи. Эти перебѣжчики проповѣдуютъ бунтъ, беззаконіе, гражданскую войну, убійство. Апостолы всевозможныхъ преступленій они силятся воспламенить нравственный пожаръ между Вислою и Рейномъ и создать, по обычаю варварскихъ народовъ, пустыни между собою и нами“.

Великая борьба начиналась! Первыя военныя дѣйствія оправдывали, повидимому, самоувѣренность и надежды Наполеона. Онъ дѣйствовалъ быстрѣе своихъ противниковъ, а численный перевѣсъ былъ повсюду на его сторонѣ. Уже въ самомъ началѣ кампаніи русскіе отряды, перешедшіе чрезъ нижнюю Эльбу, принуждены были отступить обратно за рѣку передъ напоромъ громадныхъ непріятельскихъ массъ [1]) и ганзейскіе города, только что освобожденные русскими, подверглись страшному возмездію со стороны грубыхъ и безпощадныхъ французскихъ генераловъ.

Въ началѣ апрѣля, въ то время, когда союзники заняли уже всю Саксонію, Наполеонъ былъ съ своей стороны готовъ къ рѣшительному бою. „Я буду вести эту войну не какъ императоръ, а какъ генералъ Бонапарте!" объявилъ онъ своимъ приближеннымъ [2]). И дѣйствительно, ничто не могло сравниться съ быстротою и энергіею его дѣйствій. 3-го апрѣля въ часъ утра онъ выѣхалъ изъ Сенъ-Клу, а на другой день былъ уже въ Майнцѣ. Къ 12 апрѣля онъ сформировалъ уже окончательно свою армію. 16-го апрѣля онъ сѣлъ въ Веймарѣ на коня, а 17-го апрѣля стодвадцатитысячныя массы его арміи двигались уже стройными рядами по долинѣ рѣки Заалы къ Лейпцигу на встрѣчу русскимъ и пруссакамъ.

Рѣшительное столкновеніе было неизбѣжно. Неравенство силъ было довольно велико. Союзная армія, сосредоточенная подъ номинальнымъ начальствомъ графа Витгенштейна меж-

Штейнъ казался Наполеону главою всѣхъ революціонеровъ и разбойниковъ. „Извѣстный Штейнъ", писалъ онъ въ Монитерѣ, „сдѣлался предметомъ презрѣнія для всѣхъ честныхъ людей. Онъ хотѣлъ поднять чернь противъ собственниковъ. Всѣ не могутъ притти въ себя отъ изумленія, какъ могутъ государи, подобные королю прусскому и въ особенности императору Александру, одаренному отъ природы столькими прекрасными качествами, содѣйствовать своимъ именемъ такимъ преступникамъ и ужаснымъ злодѣямъ". См. Перцъ, Stein's Leben, T. III, стр. 363.

[1]) Гамбургъ былъ взятъ французами за нѣсколько дней до перемирія. Французы наложили на городъ контрибуцію въ 48 милліоновъ франковъ и заставили жителей работать на укрѣпленіяхъ. На небольшой городъ Любекъ наложена была контрибуція въ 2 милліона.

[2]) Odeleben, Relation circonstanciée de la campagne de Saxe 1813 T. II, стр. 24

ду Лейпцигомъ и Альтенбургомъ, состояла изъ 54 тысячъ русскихъ и 38 тысячъ пруссаковъ, она уступала, слѣдовательно, въ численности французамъ на 28,000 ч. За то въ нѣкоторыхъ родахъ оружія перевѣсъ былъ на сторонѣ союзниковъ. Почти вся наполеоновская армія состояла изъ пѣхоты. Конницы при ней было всего лишь 8,000 человѣкъ, а число орудій доходило только до 230. Русскіе и пруссаки имѣли въ своемъ распоряженіи 20,000 превосходной кавалеріи, а ихъ артиллерія насчитывала въ себѣ 440 орудій. Императоръ французовъ старался подать видъ, что онъ не придаетъ никакого значенія этимъ преимуществамъ союзниковъ. „Мы будемъ драться, какъ въ Египтѣ", говорилъ онъ передъ самымъ сраженіемъ; „у насъ нѣтъ кавалеріи, но французская пѣхота съ артиллеріею сумѣютъ справиться съ непріятелемъ" [1]). Убѣжденный, какъ и всегда, въ своемъ неизмѣримомъ превосходствѣ, императоръ былъ увѣренъ, что союзники не осмѣлятся напасть на него первые, и что иниціатива въ военныхъ операціяхъ будетъ принадлежать и на этотъ разъ ему. Его презрѣніе къ непріятелю было такъ велико, что подвигаясь къ Лейпцигу, онъ растянулъ свою армію на пространствѣ между Мерзебургомъ и Іеною на шестьдесятъ верстъ [2]). Союзники рѣшились съ своей стороны воспользоваться такою ошибкою Наполеона, атаковать его армію на походѣ при Люценѣ и уничтожить ее по частямъ.

Въ первую минуту Наполеонъ былъ видимо озадаченъ такою неожиданною отвагою союзниковъ. Уже тутъ онъ смутно началъ сознавать, что враги его относятся къ нему далеко не попрежнему, что русская кампанія убила разъ навсегда его прежнее обаяніе. Если-бы союзники исполнили свой планъ съ достаточною энергіею и быстротою, то Наполеона могла-бы постигнуть настоящая катастрофа. Въ началѣ боя въ его распоряженіи былъ всего лишь одинъ корпусъ Нея, остальныя войска могли подоспѣть лишь чрезъ

[1]) Fain, manuscrit de 1813, T. I, стр. 348.

[2]) Waudoncourt, Histoire de la geurre soutenue par les Français en Allemagne en 1813 стр. 68.

нѣсколько часовъ. Русскіе и пруссаки съ самаго начала бросились съ такимъ увлеченіемъ въ огонь, натискъ ихъ былъ такъ силенъ, что Наполеонъ сталъ серьезно опасаться за исходъ боя. Ему нечего было, однако-же, бояться. Наблюдая за ходомъ боя, онъ не замедлилъ убѣдиться, что движеніями непріятельскихъ массъ руководила какая-то неумѣлая и неопытная рука. Съ видимымъ удовольствіемъ замѣчалъ онъ, что союзные генералы не умѣютъ пользоваться несравненнымъ духомъ своихъ войскъ. Онъ видѣлъ, что громадныя массы русско-прусской конницы не принимали никакого участія въ атакахъ, но, выдвинутые въ линію огня, теряли отъ французскихъ снарядовъ массу людей и лошадей. Онъ замѣчалъ, что непріятельская пѣхота предпринимала свои яростныя нападенія на деревни, занятыя войсками Нея, не корпусами и дивизіями, а бригадами и полками, и безполезно истощала свои силы въ этихъ одиночныхъ нападеніяхъ. Наполеонъ понялъ, что у союзниковъ нѣтъ настоящаго главнокомандующаго, и его прежняя самоувѣренность мгновенно возвратилась къ нему.

Положеніе дѣлъ въ главной квартирѣ русско-прусской арміи было, дѣйствительно, во всѣхъ отношеніяхъ чрезвычайно оригинальное. Князь Кутузовъ Смоленскій считался и въ день битвы при Люценѣ главнокомандующимъ союзныхъ силъ, но онъ не былъ уже въ то время въ живыхъ. Герой отечественной войны довелъ свою побѣдоносную рать лишь до Бунцлау въ Лузаціи. Тяжелые труды и лишенія зимней кампаніи окончательно разстроили его здоровье, а присоединившаяся простуда покончила его славные дни [1]. Императоръ Александръ получилъ извѣстіе о кончинѣ фельдмаршала за день до битвы при Люценѣ, но онъ приказалъ скрыть роковую вѣсть отъ войскъ, опасаясь привести ихъ въ уныніе.

[1] Король Фридрихъ-Вильгельмъ приказалъ воздвигнуть въ Бунцлау обе- [illegible] Смоленскій довелъ побѣ- [illegible] славнымъ днямъ его. Онъ [illegible] Да будетъ благосл- [illegible] Александра I-го, Т. [illegible]

рафъ Витгенштейнъ, занимавшій временно мѣсто Кутузова, читался главнокомандующимъ союзныхъ армій и въ день итвы при Люценѣ, но онъ не пользовался настоящимъ авоторитетомъ, и былъ скорѣе номинальнымъ, нежели дѣйствиельнымъ вождемъ. Онъ вовсе не предполагалъ давать сраженія подъ Люценомъ, но хотѣлъ сосредоточить армію у Вурцена и атаковать Наполеона у самаго Лейпцига. Императоръ Александръ отвергнулъ, однако-же, этотъ планъ, находя, что дѣйствуя такимъ образомъ, мы подверглись-бы опасности потерять сообщенія съ Силезіею, гдѣ находились главные источники нашихъ средствъ и съ Австріею, которая склонялась уже тогда на сторону союзниковъ [1]). Принужденный, вопреки своему мнѣнію, сосредоточить войска между Лейпцигомъ и Борною, графъ Витгенштейнъ поручилъ составленіе диспозиціи предстоящаго боя своему генералъ-квартирмейстеру Дибичу. Дибичъ, человѣкъ безспорно умный, но скорѣе теоретикъ, нежели практикъ, положилъ въ основѣ своего плана идею, несомнѣнно здравую, атаковать непріятеля на походѣ, воспользовавшись растянутостью его линіи; но онъ задался въ то-же время невыполнимымъ желаніемъ руководить начальниковъ войскъ во всѣхъ подробностяхъ и написалъ диспозицію, напоминавшую какъ двѣ капли воды печальной памяти диспозицію Вейротера въ день Аустерлицкаго погрома [2]).

Въ самый день битвы у союзниковъ былъ не одинъ, а нѣсколько главнокомандующихъ и ихъ распоряженія, какъ и слѣдовало ожидать, противорѣчили другъ другу и сбивали съ толку начальниковъ частей. „Государь приказывалъ, говоритъ очевидецъ [3]), Витгенштейнъ приказывалъ, какъ нареченный главнокомандующій; князь Волконскій приказывалъ,

[1]) См. Бернгарди, Toll's Denkwürdigkeiten, Т. II, стр. 443—444.; Богдановичъ, исторія императора Александра, Т. IV, стр. 43.

[2]) Нельзя не удивляться такому факту, тѣмъ болѣе, что Дибичъ давно уже былъ главнымъ руководящимъ лицомъ въ главной квартирѣ Витгенштейна и былъ, повидимому, опытенъ въ распоряженіи большими массами войска. Бернгарди, Toll's Denkwürdigkeiten, Т. II, стр. 445.

[3]) Н. Н. Муравьевъ въ своихъ запискахъ. См. „Русскій Архивъ", 1885 г. кн. 12, стр. 466.

какъ начальникъ главнаго штаба всѣхъ нашихъ армій; Дибичъ приказывалъ, какъ генералъ-квартирмейстеръ Витгенштейна; Толь приказывалъ по званію, которое передъ тѣмъ носилъ при Кутузовѣ; прусскій король приказывалъ, какъ король: главнокомандующій его приказывалъ, какъ начальникъ надъ прусскими войсками. Приказанія часто перечили одно другому; случалось, что и флигель-адъютанты приказывали. Видя безпорядокъ, корпусные командиры стали сами распоряжаться, такъ что всѣ приказывали, при совершенномъ отсутствіи общей команды" [1]).

Такая страшная безурядица могла-бы имѣть самыя печальныя послѣдствія, если-бы союзныя войска не были одушевлены въ этотъ день неслыханно геройскимъ духомъ. Пруссаки, давно уже горѣвшіе желаніемъ смыть въ крови враговъ позоръ Іены и Ауэрштедта, ринулись въ бой съ мужествомъ отчаянія. Имъ предстояло взять съ боя деревни: Рану, Каію, Клейнъ-Гершенъ и Гросъ-Гершенъ, находившіяся въ самомъ центрѣ непріятельской позиціи и занятыя отборными войсками маршала Нея.

„Пруссаки, говоритъ очевидецъ, храбро ворвались въ селенія и завели ружейную перестрѣлку, какой я и подъ Бородинымъ не слышалъ. Французы упорно защищались; нѣсколько разъ селенія были нами взяты и уступлены. Прусскіе вольнослужащіе егеря отличались храбростью и ловкостью. Мальчики эти смѣло лѣзли впередъ и не выпускали выстрѣловъ даромъ. Тутъ легло много пруссаковъ. Ожесточеніе сра-

[1]) „Плана", сказано въ подлинникѣ, но мы знаемъ, что планъ былъ. Муравьевъ замѣчаетъ далѣе: „полковникъ Толь былъ всѣхъ дѣльнѣе. Его это такъ огорчило, что онъ занемогъ во время сраженія, легъ за курганомъ и былъ нѣсколько времени безъ чувствъ; его трясла сильная лихорадка. Толь бѣшенъ, [illegible] горячъ, но распорядителенъ, храбръ и опытенъ. Выкрикавъ послѣдніе [illegible] силы, онъ поневолѣ замолчалъ". Изъ записокъ Толя мы узнаемъ, что онъ [illegible] еще до сраженія, но тѣмъ не менѣе явился на поле битвы. Онъ былъ [illegible] Гросъ-Гершеномъ, гдѣ кипѣла самая ужасная битва, наблюдалъ затѣмъ [illegible] сраженія по всей линіи, но чувствуя себя крайне слабымъ, отъѣхалъ [illegible] лихорадка Толя такъ [illegible] и провелъ время до конца [illegible] сраженіемъ. Бернгарди, Т. II [illegible]

ся возрастало съ каждою минутою. Многie пруссаки, ранены, перевязавшись, закуривали трубку и снова ались въ огонь. Жены нѣкоторыхъ солдатъ, исправвъ полкахъ должность маркитантокъ, ходили съ ними ь и подкрѣпляли людей водкою. Жители окрестноіідя въ полѣ съ припасами и бинтами, сами кормиревязывали раненыхъ. Я видѣлъ одного раненаго го офицера, возвращавшагося изъ Гросъ-Гершена. а держался верхомъ на лошади; лошадь его вели подъ ъ туловищѣ его сидѣло семь французскихъ пуль. оивая съ королемъ своимъ и товарищами, окружавго, онъ не показывалъ ни малѣйшаго упадка духа" [1]. це склонялось уже къ западу и побѣда видимо перена сторону союзниковъ. Съ напряженнымъ вниманідили оба монарха, находившiеся на пригоркѣ позади линій, за кровавыми колебаніями боя. Александръ, утомленіе пруссаковъ, приказалъ нашему гренадерорпусу поддержать ихъ. Передъ дружнымъ натискомъ ъ колоннъ—французы принуждены были оставить пыдеревни. Быстро подвигались впередъ наши линіи. выражалась на лицахъ государя и прусскаго короксандръ, увлеченный пыломъ битвы, оставилъ бугоръ калъ въ линію огня. „Я тогда въ первый разъ", гоочевидецъ, „видѣлъ царя нашего въ огнѣ. Какъ былъ ичественъ, хладнокровенъ и прекрасенъ. Пріятная на губахъ его среди визга пуль, утѣшала всѣхъ окруъ" [2].

ѣло было еще не кончено. Вечеромъ къ Наполеону і сильныя подкрѣпленія и, не теряя ни минуты вренъ двинулъ на деревни, занятыя союзниками, 25000

записокъ Н. Н. Муравьева, „Русскій Архивъ", 1885 г. кн. 12, стр. іе источники какъ русскіе, такъ и иностранные единогласно свидѣгъ о свирѣпомъ мужествѣ пруссаковъ въ день Люценскаго боя. Потековъ въ этотъ день въ нѣсколько разъ превосходили потери русскихъ. іски Н. Н. Муравьева, „Русскій Архивъ", 1885 г. к. 12, стр. 465. случай удостовѣриться, что слава, несущаяся объ его храбрости, не-

свѣжаго войска. При страшномъ громѣ восьмидесяти орудій бросились на деревню Кайю 16 баталіоновъ молодой гвардіи, за ними двигались бѣглымъ шагомъ колонны старой гвардіи. Самъ Наполеонъ прискакалъ на мѣсто боя, и его присутствіе, его слова оживили мужество истомленныхъ конскриптовъ. Послѣ страшной свалки пруссаки и русскіе принуждены были уступить французамъ пылающія на всѣхъ концахъ деревни: Кайю, Рапу и Клейнъ-Гершенъ. Атаки наполеоновской гвардіи обратились затѣмъ противъ селенія Гросъ-Гершена; но всѣ ихъ усилія разбились о желѣзную стойкость прусскихъ волонтеровъ и нашихъ гренадеровъ, засѣвшихъ въ обгорѣлыхъ избахъ и дворахъ деревни. Между тѣмъ и на нашемъ правомъ флангѣ [1]) показались значительныя непріятельскія массы. Деревни Эйсдорфъ и Киценъ, занятыя нашими войсками, перешли послѣ ожесточеннаго боя въ руки французовъ. На лѣвомъ флангѣ со стороны Вейсенфельса непріятель также показывался въ значительныхъ силахъ [2]). Всѣ его корпуса, подходившіе съ различныхъ сторонъ, постепенно вступали въ дѣло. Обширныя, волнообразныя равнины передъ нашимъ фронтомъ покрывались, какъ-бы по мановенію волшебства, движущимися стальными колоннами. Наступила темнота и полилъ дождь, но страшный гулъ пальбы не прерывался ни на минуту. Ружейный огонь блисталъ во мракѣ ночи, какъ непрерывная молнія. Страшный безпорядокъ господствовалъ въ тылу союзной арміи. Толпы раненыхъ и бѣгущихъ покрывали всѣ дороги. Люди, попадавшіе въ этотъ хаосъ, могли думать, что все погибло окончательно. Но главныя массы русскихъ и пруссаковъ съ неслыханнымъ геройствомъ продолжали удерживать свои позиціи. Непріятель успѣлъ завладѣть лишь нѣсколькими де-

---

[1]) „Мы торжествовали, отбили непріятеля, селенія были нами заняты и мы подвигались; но при началѣ сумерокъ, когда огонь сталъ прерываться, вниманіе государя было внезапно обращено къ правому флангу частыми залпами и сильною бѣглою пальбою“. Записки Н. Н. Муравьева, стр. 465.

[2]) Приближеніе большихъ непріятельскихъ силъ со стороны Вейсенфельса замѣчено было еще въ началѣ сраженія Н. Н. Муравьевымъ, отправленнымъ на развѣдку.

ями, но ему не досталось никакихъ трофеевъ, онъ не
ъ, ни пушекъ, ни плѣнныхъ [1]). Настроеніе солдатъ было
е мужественное и восторженное. Ни русскіе, ни прусса-
іе хотѣли и слышать объ отступленіи; всѣ были увѣрены
іесомнѣнной побѣдѣ. Уже ночью Блюхеръ, съ разрѣше-
Витгенштейна, рѣшился произвести новое нападеніе на
іятеля. Одиннадцать эскадроновъ прусской конницы про-
нись лѣвѣе Раны въ тылъ французамъ, проскакали между
ліонами старой гвардіи, врубились въ нѣсколько кареевъ,
вели такую тревогу на непріятеля, что французская пѣ-
, не смотря на свое страшное истомленіе, принуждена
стоять подъ ружьемъ до самого разсвѣта.
оложеніе дѣлъ было, однако-же, критическое. Француз-
войска въ концѣ боя занимали линію, охватывавшую
оложеніе союзниковъ съ обоихъ фланговъ. Поздно ве-
мъ пришло извѣстіе, что корпусъ генерала Лористона
лъ Лейпцигъ и угрожалъ союзникамъ обходомъ спра-
отрѣзаніемъ отъ Эльбы. Армія Наполеона должна бы-
силиться на слѣдующій день 40,000 свѣжаго войска,
как пруссаки и русскіе могли притянуть къ себѣ
одинъ корпусъ Милорадовича, состоявшій изъ 12,000 ч.
стояло рѣшить вопросъ: возможно-ли при такихъ усло-
возобновить сраженіе, какъ предполагалъ это перво-
льно графъ Витгенштейнъ. Военный совѣтъ, созванный
асотѣ близъ деревни Вербена, рѣшилъ этотъ вопросъ
цательно. Оставалось увѣдомить объ этомъ рѣшеніи го-
ей и испросить ихъ разрѣшенія. Трудную задачу эту
на себя самъ графъ Витгенштейнъ. Онъ отправился
іла къ императору Александру. Государь, выслушавъ
ы военнаго совѣта, съ стѣсненнымъ сердцемъ далъ свое
сіе на отступленіе. Оставалось убѣдить еще Фридриха-
гельма. Александръ хорошо зналъ, какъ тяжело отзо-
на королѣ эта вѣсть, онъ предчувствовалъ въ какое
ніе приведетъ его одна мысль объ отступленіи и рѣ-
я самъ переговорить съ своимъ другомъ. Приказавъ

---

[1]) Союзники взяли, напротивъ, пять орудій.

разбудить короля, онъ всячески старался убѣдить его въ необходимости отступить за Эльбу. Фридрихъ-Вильгельмъ не прекословилъ доводамъ императора; объятый горестію, полный страшныхъ предчувствій, онъ понималъ, что противиться необходимости было безполезно. По уходѣ императора отчаяніе короля усилилось еще болѣе. Онъ подошелъ къ окну. Страшная, давно знакомая картина открылась передъ нимъ. Широкая улица деревушки была сплошь покрыта отступающими войсками. Безпорядокъ былъ невообразимый. пѣхота и конница перемѣшались. Среди сплошной массы пѣхотинцевъ и всадниковъ тѣснились съ трудомъ, пролагая себѣ путь, орудія, зарядные ящики, провіантскія фуры, телѣги съ ранеными. Ржаніе лошадей, трескъ ломающихся экипажей, крики солдатъ, стоны раненыхъ сливались въ дикій, безобразный гулъ. Король отвернулся съ ужасомъ отъ этой сцены. „Точь въ точь какъ при Ауэрштедтѣ", сказалъ онъ съ горечью, отходя отъ окна.

Раннимъ утромъ король посѣтилъ раненаго генерала Шарнгорста. Реорганизаторъ прусской арміи первый ринулся наканунѣ въ бой. Съ обнаженною саблею бросился онъ впереди своихъ войскъ на непріятельскія колонны, восклицая! „Да здравствуетъ король!" [1]) Изъ устъ раненаго героя услыхалъ теперь Фридрихъ-Вильгельмъ слова утѣшенія и надежды. Онъ узналъ отъ него, что битва при Люценѣ не была вторымъ Ауэрштедтомъ. Король не долженъ смущаться кажущимся безпорядкомъ: онъ неизбѣженъ послѣ каждаго большого сраженія. И въ непріятельскомъ лагерѣ происходятъ теперь, навѣрное, подобныя-же сцены. Важнѣе всего то, что союзныя войска устояли передъ натискомъ превосходныхъ силъ непріятеля, что они причинили французамъ большія потери, нежели понесенныя ими самими, что они не потеряли ни пушекъ, ни плѣнныхъ. Король не долженъ отчаяваться въ конечномъ успѣхѣ съ такими войсками. Онъ не долженъ сомнѣваться ни на минуту въ твердости своего

[1]) [illegible] Шарнгорстъ умеръ чрезъ нѣ-[illegible]

союзника и друга, императора Александра. Пожаръ Москвы изгладилъ послѣдніе слѣды Тильзита [1]).

Слова Шарнгорста произвели сильное впечатлѣніе на короля. Онъ вспомнилъ какимъ тяжелымъ ударамъ подвергся его царственный другъ и, гдѣ въ какомъ источникѣ обрѣлъ онъ утѣшеніе и миръ своей истерзанной душѣ. Надежда на помощь Всевышняго воспрянула въ немъ съ новою силою. Успокоенный, ободренный, поспѣшилъ онъ къ императору Александру. Молча, сосредоточенные, грустные подвигались оба монарха по дорогѣ къ Дрездену, но внутренній миръ наполнялъ уже ихъ души. Одна и таже мысль воодушевляла ихъ. „Нѣтъ, этого не можетъ быть! Всеблагій Господь не допуститъ до этого! Онъ спасетъ Германію и Европу, какъ спасъ онъ Россію! Онъ поможетъ намъ, онъ благословитъ геройскія усилія нашихъ народовъ! Но мы должны быть тверды въ вѣрѣ и надеждѣ!“ Король первый прервалъ молчаніе.

„Все это должно измѣниться“, сказалъ онъ своему спутнику. „Мы хотимъ и мы должны подвигаться на западъ, а между тѣмъ мы идемъ обратно на востокъ. Но если Господь, какъ я твердо надѣюсь, благословитъ наши соединенныя усилія, то мы должны будемъ исповѣдать передъ всѣмъ свѣтомъ, что Ему Единому подобаетъ честь!“ Слова эти, сказанныя Фридрихомъ-Вильгельмомъ, выражали лишь то самое убѣжденіе, коимъ была преисполнена душа Александра. Обѣтъ, который предлагалъ ему теперь его союзникъ, произнесенъ былъ давно имъ самимъ, и его вѣра въ помощь Всевышняго покоилась на незыблемомъ основаніи съ того момента, когда карающая и въ тоже время милующая десница Провидѣнія явилась передъ нимъ во всемъ своемъ необъятномъ величіи въ заревѣ московскихъ пожаровъ и въ кровавомъ судѣ надъ гордынею на ледяныхъ поляхъ. Оба монарха протянули другъ другу руки, передъ лицомъ Бога поклялись они воздавать отнынѣ хвалу и честь Всевышнему, ходить въ рукахъ Его и на Него Единаго возлагать свои

---

[1]) Beizke, Geschichte der deütschen Freiheit's Kriege, T. I, стр. 382, Henkel von Donnersmark, Erinnerungen aus meinem Leben 185—187.

упованія [1]). Небесная радость, спокойствіе и непоколебимая увѣренность наполнили ихъ сердца. Спокойно продолжали они путь среди массъ отступающихъ войскъ. Грустныя, безнадежныя думы, порывы отчаянія разсѣевались по мѣрѣ удаленія отъ кроваваго Люценскаго поля. Они знали, что пока они отступаютъ, идутъ на востокъ, но они уже не сомнѣвались, что это отступленіе ведетъ ихъ не къ гибели, а къ побѣдѣ.

Чѣмъ далѣе подвигались монархи, тѣмъ болѣе убѣждались они въ справедливости словъ Шарнгорста. Безпорядокъ союзной арміи былъ болѣе кажущійся, нежели дѣйствительный. Войска сохранили свою бодрость, свой превосходный духъ, а тамъ гдѣ духъ бодръ и крѣпокъ, ничто еще не по-

---

[1]) Событіе, изложенное въ текстѣ имѣетъ большое значеніе для нашей задачи. Слова, сказанныя Александромъ при этомъ случаѣ, засвидѣтельствованы епископомъ Эйлертомъ и приведены въ прямую связь съ первоначальною идеею священнаго союза. Въ разговорѣ съ Александромъ, отрывокъ изъ котораго приведенъ нами выше, (см. Т. II, стр. 139—142), епископъ, выслушавъ рѣчь императора о вліяніи событій 1812 г. на его религіозное возрожденіе, обратился къ государю съ такимъ замѣчаніемъ: „Я всегда глубоко почиталъ великое намѣреніе, лежащее въ основѣ священнаго союза, заключеннаго вашимъ величествомъ съ императоромъ австрійскимъ и королемъ прусскимъ; но только теперь, имѣвъ счастіе выслушать ваше величество, я понимаю вполнѣ всю истину, чистоту и глубину значенія сего союза". Лице Александра просвѣтлѣло. „Это радуетъ меня", отвѣчалъ онъ. „Лишь немногіе имѣютъ истинное и правильное понятіе объ этомъ союзѣ: тогда какъ другіе питаютъ совершенно ошибочное, а нѣкоторые даже дурное мнѣніе о немъ, давая понять, что въ этомъ дѣлѣ скрывалось коварное намѣреніе человѣческой мудрости. Въ дѣйствительности, дѣло было такъ". Затѣмъ слѣдуетъ разсказъ, приведенный въ текстѣ, при чемъ императоръ не опредѣляетъ точно времени своего разговора съ королемъ, а выражаетъ такъ: „въ дни Люцена, Дрездена и Бауцена, въ виду нашихъ тщетныхъ усилій, когда, не смотря на величайшую, героическую храбрость нашихъ войскъ, мы принуждены были отступать, явилось у короля прусскаго и у меня убѣжденіе, что съ силами человѣческими нельзя ничего достигнуть, и что Германія погибнетъ, если Божественное Провидѣніе не поможетъ намъ, не благословитъ насъ". Приведя потомъ слова Фридриха-Вильгельма, императоръ продолжалъ: „когда мы достигли Парижа, король прусскій, подавшій первую мысль, вспомнилъ опять о святомъ дѣлѣ, и съ нами соединился, раздѣляя нашъ образъ мыслей, наши чувства и намѣренія, благородный императоръ австрійскій. Въ тяжелый часъ родилась первая мысль этого священнаго союза: въ прекрасный и радостный была осуществлена она. Союзъ этотъ дѣло Бога, а не наше. Самъ Спаситель внушилъ мысли, заключающіяся въ немъ, принципы, высказываемые имъ. Кто не сознаетъ и не чувствуетъ этого, кто ищетъ здѣсь сокровенныхъ политиче-

терянно. Солдаты хорошо понимали, что они не бѣгутъ передъ непріятелемъ, а ищутъ лишь новаго мѣста, чтобы оказать ему рѣшительный отпоръ. Порядокъ и дисциплина быстро возстановлялись въ рядахъ. Полки, считавшіеся окончательно разстроенными или погибшими, являлись вновь въ уменьшенномъ числѣ, но въ твердомъ порядкѣ и организаціи. Самыя потери союзниковъ оказывались, по свѣдѣніямъ собраннымъ впослѣдствіи, далеко не такими значительными, какъ казались они въ первый моментъ. Съ нашей стороны выбыло изъ строя всего на-всего около 12 тысячъ человѣкъ, тогда какъ потери непріятеля доходили до 15,000 [1]).

скихъ намѣреній и смѣшиваетъ святое съ грѣховнымъ, тотъ не имѣетъ здѣсь голоса и съ такимъ человѣкомъ не стоитъ даже говорить объ этомъ дѣлѣ".

Возникаетъ вопросъ: какъ слѣдуетъ понимать это свидѣтельство? Высказывается-ли тутъ дѣйствительно мысль, что первая идея священнаго союза принадлежитъ королю Фридриху-Вильгельму и что она высказана была впервые, въ дни Люцена, Бауцена и Дрездена. Буквальный смыслъ свидѣтельства производитъ именно такое впечатлѣніе, но не слѣдуетъ опускать изъ виду, что все свидѣтельство отличается характеромъ неточнымъ и неопредѣленнымъ. Императоръ говорилъ подъ впечатлѣніемъ минуты и только что совершившагося религіознаго торжества; онъ не опредѣлялъ точно ни времени, ни мѣста своего разговора съ королемъ, (вотъ почему мы помѣстили его послѣ сраженія при Люценѣ, не думая при этомъ отрицать, что онъ могъ произойти послѣ сраженія при Бауценѣ, или даже Дрезденѣ, хотя это послѣднее предположеніе кажется намъ наименѣе вѣроятнымъ), и что самое важное, онъ хотѣлъ опредѣлить прежде всего участіе своего друга Фридриха-Вильгельма въ возникновеніи священнаго союза. О себѣ самомъ, о своемъ внутреннемъ просвѣтлѣніи, о своемъ рѣшеніи предать себя въ руки Творца, жить и дѣйствовать по Его завѣту, онъ высказался передъ тѣмъ, въ началѣ бесѣды съ епископомъ. Александръ былъ къ тому-же въ это время человѣкомъ, вполнѣ проникнутымъ духомъ истинно-христіанскаго смиренія; онъ не любилъ говорить о своихъ заслугахъ, выдвигаться на первый планъ, и охотно готовъ былъ предоставлять славу почина другимъ лицамъ. Не слѣдуетъ также забывать что идея, высказанная королемъ прусскимъ совершенно самостоятельно могла показаться Александру, давно уже проникнутому подобною-же мыслью, новымъ, торжественнымъ напоминаніемъ и потвержденіемъ свыше обѣта, даннаго имъ въ 1812 году: жить и управлять по евангельскому закону любви. Наконецъ, въ словахъ Фридриха-Вильгельма нѣтъ еще прямаго указанія на священный союзъ между государями, указанія, подобнаго тому, какое высказано было самимъ Александромъ гораздо ранѣе, въ Вильнѣ, въ бесѣдѣ съ графинею Тизенгаузенъ. Замѣтимъ также, что самъ Фридрихъ-Вильгельмъ никогда не приписывалъ себѣ первой мысли священнаго союза.

[1]) Богдановичъ, исторія императора Александра I, Т. IV, стр. 54.

Наполеонъ былъ крайне недоволенъ результатами Люценскаго сраженія. Его конскрипты вели себя, правда, превосходно, преимущество было на его сторонѣ; но отчаянное сопротивленіе, оказанное ему русскими и пруссаками, не могло не привести его въ раздумье. Онъ приходилъ къ убѣжденію, что и въ 1813 г. ему приходится имѣть дѣло съ такимъ-же противникомъ, какъ и въ 1812 году. И на поляхъ Саксоніи онъ встрѣтилъ тотъ-же безстрашный отпоръ, какъ подъ Бородиномъ и Малоярославцемъ; и въ пруссакахъ, когда-то бѣжавшихъ передъ нимъ такъ постыдно, жилъ тотъже непобѣдимый духъ, какъ и въ русскихъ. Самоувѣренность императора видимо начала ослабѣвать. Онъ уже не говорилъ о своемъ намѣреніи уничтожить Пруссію и предпринять второе нашествіе на Россію, уже онъ давалъ понять, что онъ не прочь заключить миръ съ союзниками. Положеніе, занятое Австріею, внушало ему съ каждымъ днемъ все большую и большую тревогу. Уже австрійское правительство, имѣвшее совершенно правильное понятіе о положеніи дѣлъ на театрѣ войны, отказывалось исполнять обязательства, взятыя имъ на себя по союзному договору 1812 года; уже оно предлагало свое дружественное посредничество воюющимъ сторонамъ. Наполеонъ не отвергалъ этого посредничества въ принципѣ, онъ просилъ только своего тестя не требовать отъ него чего-либо безчестнаго. „Лучше погибнуть“, говорилъ онъ, „во главѣ войскъ, ввѣренныхъ мнѣ Франціею, нежели сдѣлаться посмѣшищемъ для Англичанъ“ [1]).

Намѣреваясь дать новое генеральное сраженіе Наполеону, союзники не рѣшались, однако-же, принять бой въ открытыхъ равнинахъ Саксоніи, а вознамѣрились отойти за Эльбу и отыскать болѣе крѣпкую, оборонительную позицію въ холмистой Лузаціи. Отступленіе совершалось въ образцовомъ порядкѣ. Милорадовичъ, назначенный начальникомъ арріергарда, упорно защищалъ каждый шагъ земли, а въ сраженіи при Бишофевердѣ причинилъ громадный уронъ корпусу Макдональда и покрылъ неувядаемою славою себя и свои

---

[1]) Ранке, Gardenberg etc. T. III, стр. 307.

войска. На берегахъ рѣки Шпрее, близъ Бауцена, найдена была, наконецъ, удобная позиція. Союзники расположили свои войска въ двухъ линіяхъ. Первая линія шла по высокому берегу Шпрее,—въ центрѣ ея находился городокъ Бауценъ, здѣсь расположились войска авангарда въ числѣ 25,000 человѣкъ подъ начальствомъ графа Милорадовича [1]). Главныя силы заняли высоты у Вюршена, къ востоку отъ Бауцена. Нельзя сказать, чтобы позиція, избранная союзниками, представляла особенныя удобства. Мѣстность, пересѣченная глубокими оврагами и быстрыми рѣчками, затрудняла сообщеніе между частями арміи и не давала простора для дѣйствія кавалеріи. На такой позиціи можно было въ самомъ лучшемъ случаѣ разсчитывать отразить нападеніе непріятеля, но всякій переходъ съ нея въ наступленіе въ виду такого рѣшительнаго и находчиваго противника, какъ Наполеонъ, сопряженъ былъ съ величайшими трудностями и не малыми опасностями [2]). Ко всему этому присоединялось еще и другое, важное неудобство. Главная Бауценская позиція растянута была па цѣлыхъ 12 верстъ; она не находилась, слѣдовательно, ни въ какомъ соотвѣтствіи съ количествомъ союзныхъ силъ [3]).

Правда, русско-прусская армія усилилась за эти послѣдніе дни значительными подкрѣпленіями. Къ ней присоединились въ это время 12,000-й корпусъ, прибывшій изъ подъ Торна [4]), подъ начальствомъ Барклая-де-Толли и пятитысячный отрядъ генерала Клейста. Союзная армія возрасла вслѣдствіе этихъ подкрѣпленій до 100,000 человѣкъ [5]), но и На-

[1]) Милорадовичъ возведенъ былъ въ графское достоинство за битву при Бишофевердѣ.

[2]) См. Бернгарди, Toli's Denkwürdigkeiten, Т. II, стр. 448; Богдановичъ, исторія Александра I-го Т. IV, стр. 62.

[3]) Численность союзныхъ войскъ въ битвѣ при Бауценѣ показывается различно. У Богдановича мы находимъ общую цыфру въ 94,000 ч. (въ томъ числѣ 66,000 ч. русскихъ и 28 т. пруссаковъ); Бернгарди опредѣляетъ число всѣхъ союзныхъ войскъ въ 82,852 ч.; тогда какъ у другихъ авторовъ мы встрѣчаемъ иныя цыфры.

[4]) Корпусъ этотъ занятъ былъ до тѣхъ поръ осадою Торна и освободился послѣ взятія этой крѣпости.

[5]) Считая въ этомъ числѣ казаковъ.

полеонъ увеличилъ свои массы до 170,000 ч. Его армія превосходила союзную болѣе нежели въ полтора раза, только въ кавалеріи и артиллеріи численное превосходство было, попрежнему, на сторонѣ союзниковъ. Преслѣдуя отступающихъ союзниковъ, Наполеонъ сдѣлалъ чрезвычайно важное опущеніе. Обманутый первоначальными движеніями непріятеля, онъ вообразилъ, что русскіе и пруссаки отдѣлились другъ отъ друга, что первые отступаютъ въ Лузацію, тогда какъ вторые идутъ по направленію къ Берлину. Соображаясь съ этими неправильными предположеніями, Наполеонъ также раздѣлилъ свои массы. Онъ двинулъ вслѣдъ за пруссаками Нея съ 80,000 человѣкъ, а самъ во главѣ 90,000 арміи направился къ Бауцену. Наполеонъ узналъ о своей ошибкѣ уже тогда, когда войска его достигли расположенія союзныхъ силъ, и поспѣшилъ исправить ее. Немедленно-же послалъ онъ предписаніе Нею двинуть къ Гойерсвердѣ корпусъ генерала Лористона и идти со всѣми своими войсками въ обходъ праваго фланга союзниковъ. Но для исполненія этихъ предписаній понадобилось нѣсколько дней, и союзники воспользовались этимъ срокомъ для укрѣпленія своихъ позицій и для привлеченія подкрѣпленій.

Въ главной квартирѣ монарховъ явилось даже намѣреніе воспользоваться оплошностью непріятеля, разбросанностью его силъ и истребить хотя одинъ изъ его корпусовъ. Барклай-де-Толли и генералъ Іоркъ получили приказаніе поспѣшить къ Гойерсвердѣ и атаковать внезапно войска Лористона. Силы, предоставленныя въ распоряженіе обоихъ генераловъ, не соотвѣтствовали, однакоже, къ сожалѣнію, всей важности возложеннаго на нихъ порученія. Подъ начальствомъ Барклая было всего лишь 18 тысячъ человѣкъ, тогда какъ въ отрядѣ Іорка насчитывалось всего лишь 5,700 ч.; тѣмъ не менѣе оба генерала покрыли себя славою. Колонна Барклая атаковала у Кенигсварты врасплохъ дивизію Пейри, разсѣяла ее совершенно, отбила у непріятеля пять орудій и захватила въ плѣнъ трехъ генераловъ и около 800 человѣкъ солдатъ. Генералъ Іоркъ встрѣтился у Вейсига съ корпусомъ Лористона и, не смотря на страшное неравенство

силъ, отразилъ всѣ нападенія французовъ и, причинивъ имъ громадныя потери, отошелъ благополучно съ своими войсками къ Бауцену. Лористонъ былъ такъ смущенъ отвагою пруссаковъ и подоспѣвшихъ къ нимъ на помощь русскихъ гренадеровъ, что доносилъ Наполеону о сраженіи съ 32,000 непріятелей, тогда какъ въ дѣйствительности, онъ имѣлъ противъ себя всего лишь 8000 ч. [1]).

Убѣдившись въ приближеніи Лористона и Нея, Наполеонъ отдалъ утромъ 8 мая приказъ атаковать передовую позицію союзниковъ подъ Бауценомъ. 75,000 французовъ бросились при громѣ 200 орудій, потрясавшемъ землю, на войска Милорадовича, защищавшія городъ Бауценъ и берега рѣки Шпрее. Завязалась отчаянная борьба. Съ изумленіемъ видѣлъ Наполеонъ, что всѣ яростныя нападенія его войскъ разбивались о желѣзную стойкость 25,000 русскихъ и пруссаковъ. Только къ вечеру французамъ удалось, наконецъ, взять Бауценъ и принудить Милорадовича отойти къ главной позиціи; но побѣда ихъ была куплена дорогою цѣною: всѣ улицы Бауцена и берегъ Шпрее завалены были грудами ихъ труповъ.

На слѣдующій день, 9 мая, Наполеонъ двинулъ войска свои на Вюршенскія высоты. Свойства союзной позиціи и распредѣленіе прусско-русскихъ войскъ давали ему несомнѣнное ручательство въ успѣхѣ. Расположеніе союзныхъ войскъ было растянутое до невозможности и представляло полнѣйшій контрастъ расположенію русской арміи въ Бородинской битвѣ. Тамъ наши войска стѣснены были на небольшомъ пространствѣ и на защиту каждаго шага фронтовой линіи приходилось по 16 человѣкъ солдатъ; здѣсь подъ Бауценомъ на оборону каждаго шага можно было употребить всего лишь 4 человѣка [2]).—Тамъ всѣ части войска находились въ тѣсной, неразрывной связи между собою; здѣсь между отдѣльными отрядами не было почти никакой связи. Къ довершенію несчастія, союзная главная квартира имѣла самое неправильное представленіе о планахъ противника,

[1]) Подробности см. Богдановича, Т. IV, стр. 60, 61.
[2]) См. Бернгарди, Toll's Denkwürdigkeiten, Т. II, стр. 450.

представленіе, основанное не на условіяхъ даннаго момента, а на общихъ теоретическихъ соображеніяхъ. Наши стратеги были убѣждены, что Наполеонъ непремѣнно атакуетъ превосходными силами наше лѣвое крыло, и, сообразно съ этимъ, расположили главную массу войскъ подъ начальствомъ Милорадовича на пространствѣ между Куницомъ и Башюцомъ; поставили въ центрѣ войска Блюхера и Іорка въ количествѣ 30,000 человѣкъ, а на правое крыло, на громадное пространство отъ Мальшвица до Глейны, отрядили всего лишь 14,000 ч. подъ начальствомъ Барклая-де-Толли [1]). А между тѣмъ, именно съ этой стороны угрожала главная опасность и планъ Наполеона былъ совершенно иной, нежели предполагали наши полководцы. Императоръ французовъ намѣревался повести настойчивую фальшивую атаку на лѣвый флангъ союзниковъ, привлечь туда ихъ резервы, атаковать затѣмъ главными силами ихъ правое крыло, обойти ихъ съ этой стороны и отбросить къ Богемскимъ горамъ.

Печальный опытъ Люценскаго сраженія не остался безъ пользы для союзниковъ, но нельзя сказать, чтобы они извлекли изъ него всѣ необходимыя для нихъ указанія. Какъ тогда, такъ и теперь номинальный главнокомандующій союзной арміи, графъ Витгенштейнъ не пользовался никакимъ авторитетомъ. Подъ его начальствомъ находились три генерала, превосходившіе его и лѣтами, и службою, и заслугами: Милорадовичъ, Блюхеръ, Барклай-де-Толли. Само собою понятно, что ни одинъ изъ нихъ не думалъ подчиняться Витгенштейну и дѣйствовалъ совершенно самостоятельно [2]). Дѣйствительнымъ главнокомандующимъ былъ императоръ Александръ. Онъ одинъ руководилъ движеніями союзныхъ войскъ, но, не полагаясь на свои силы, онъ то и дѣло

[1]) [illegible] съ своими ничтожными силами [illegible]. Она состояла [illegible] представляла фронтальную [illegible].

[2]) [illegible] правильнаго представ[illegible]. Онъ высказывалъ [illegible] мнѣніе не были [illegible].

лъ то къ совѣтамъ Толя, то Дибича, то Кнезебека,
я этихъ лицъ очень часто противорѣчили другъ другу.
онять, какъ гибельно должны были отозваться на
ла колебанія и проволочки, являвшіяся естественными
іями такого способа команды. Союзниковъ могла-бы
уть самая гибельная катастрофа, но они спасены
на этотъ разъ несравненною стойкостью и героиз-
ойскъ.
еніе началось въ пять часовъ утра сильнѣйшею ка-
. Корпуса Удино и Макдональда двинулись на наше
рыло и, не смотря на отчаянное сопротивленіе Мило-
а, упорно подавались впередъ. Обманъ, задуманный
ономъ, удался какъ нельзя лучше. Императоръ Але-
поспѣшилъ двинуть на помощь Милорадовичу боль-
сть нашихъ резервовъ и сосредоточилъ все свое вни-
а этой части поля сраженія [1]). Войска Удино были
зы съ большими потерями отъ нашихъ позицій и от-
ы съ высотъ на равнину. Тщетно умолялъ маршалъ
о присылкѣ подкрѣпленія; Наполеонъ, упорно пре-
вшій свой планъ, приказалъ отвѣчать ему, чтобы онъ
валъ, какъ можетъ, и что въ три часа сраженіе бу-
играно.
временно съ атакою Удино, маршалъ Ней двинулся
позицій Барклая-де Толли. Положеніе этого гене-
дѣлалось вскорѣ самое отчаянное. Онъ подвергся на-
непріятеля, превосходившаго его въ шесть разъ чи-
а его обширная позиція была совершенно открыта и
е укрѣплена. Защищая геройски каждый шагъ зем-
клай отступилъ сначала къ Прейтицу, а потомъ далѣе
уту. Императоръ Александръ, не имѣвшій вѣрныхъ
й о численности войскъ Барклая [2]), былъ крайне не-

ныя и интересныя подробности о Бауценскомъ сраженіи, особенно-же
хъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ, мы находимъ въ недавно напечатанныхъ
Н. Н. Муравьева. „Русскій Архивъ", 1885 г. кн. 12 стр. 476—485.
дановичъ замѣчаетъ, что императоръ считалъ войска Барклая болѣе
ными, нежели они были въ дѣйствительности, на основаніи свѣдѣній,
ныхъ ему Витгенштейномъ. Богдановичъ, Т. IV, стр. 69.

доволенъ отступленіемъ нашего праваго крыла и предписалъ Барклаю удерживать во что-бы то ни стало дальнѣйшее наступленіе непріятеля. Но исполненіе подобнаго приказа было совершенно немыслимо. Между тѣмъ Наполеонъ, желая поддержать движеніе Нея, направилъ громадныя массы войска противъ Блюхера, стоявшаго въ центрѣ нашей линіи. Въ теченіе пяти часовъ пруссаки геройски отражали всѣ нападенія непріятеля; императоръ Александръ спѣшилъ подкрѣпить ихъ нашими отборными войсками подъ начальствомъ Ермолова. Ожесточеніе сражающихся усиливалось съ каждымъ моментомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ возрастали и силы непріятеля. Все новыя и новыя дивизіи французской арміи вступали въ огонь, охватывали правый флангъ союзниковъ. Намѣренія Наполеона разоблачались все болѣе и болѣе съ каждою минутою; но никто изъ генераловъ и офицеровъ генеральнаго штаба, находившихся въ свитѣ монарховъ, не отваживался произнести слово, „отступленіе". Наконецъ, генералъ Кнезебекъ рѣшился взять на себя тяжелую задачу. Онъ указалъ императору на опасное положеніе нашего праваго фланга и какъ ловкій дипломатъ предложилъ не отступать, а прервать сраженіе. Государь самъ хорошо сознавалъ суровую необходимость, но онъ не въ силахъ былъ преодолѣть досады и гнѣва, кипѣвшихъ въ его груди. „Я не хочу быть свидѣтелемъ этого пораженія". обратился онъ къ графу Витгенштейну, „прикажите отступать!"[1] Сказавъ эти слова, императоръ поворотилъ лошадь и ускакалъ. Король прусскій, князь Волконскій, Толь и вся личная свита обоихъ монарховъ не замедлили послѣдовать за нимъ. Задача руководить отступленіемъ арміи возложена была на генерала Дибича.

Задача эта была исполнена блистательно, не столько благодаря Дибичу, сколько начальникамъ отдѣльныхъ частей. Руководимые такими вождями, какъ: Барклай, Милорадовичъ, Блюхеръ, Іоркъ и Ермоловъ, союзныя войска, не торопясь снимались съ позицій и отходили назадъ, продол-

---

[1]) Бернгарди, Tolls Denkwürdigkeiten, T. II, стр. 452.

жая перестрѣлку. Ни сильная буря съ проливнымъ дождемъ ни продолжающіяся атаки непріятеля не производили въ ихъ колоннахъ ни малѣйшаго замѣшательства, или безпорядка. Многочисленная союзная кавалерія, выдвинутая впередъ, замедляла наступленіе непріятеля и заставляла его пѣхоту оставаться въ кареяхъ. Французы не могли захватить ни одного трофея; союзники увезли съ собою съ поля битвы не только всѣ орудія, но и почти всѣхъ своихъ раненыхъ [1].

Наполеонъ крайне недовольный, что непріятель вновь успѣлъ уклониться отъ его удара,—рѣшился, не давая отдыха своимъ войскамъ, преслѣдовать отступающую союзную армію и довершить ея пораженіе, начатое на полѣ битвы. Но онъ жестоко ошибся въ своихъ разсчетахъ. Тщетно пытались его войска, воодушевляемые его личнымъ присутствіемъ, опрокинуть союзный арріергардъ. Генералъ Ермоловъ, прикрывавшій отступленіе союзной арміи, оборонялъ каждый шагъ земли съ неслыханнымъ упорствомъ и умѣніемъ. Принужденный оставить одну позицію, онъ немедленно-же занималъ другую. Въ теченіе одного дня онъ далъ непріятелю четыре кровопролитныхъ сраженія и, благодаря его стойкости, союзная армія получила возможность благополучно пройти съ своими многочисленными обозами опасныя тѣснины у Рейхенбаха. Вечеромъ 10 мая Милорадовичъ съ свѣжими войсками смѣнилъ Ермолова и принялъ начальство надъ арріергардомъ. Наполеонъ, выведенный изъ себя неудачнымъ преслѣдованіемъ, рѣшился еще разъ атаковать союзниковъ у Герлица. Осыпаемый ядрами и гранатами, онъ самъ лично повелъ въ атаку свои войска. Около 50,000 французовъ бросились съ яростью противъ 20,000 русскихъ. Милорадовичъ, уступая превосходству силъ, снялся съ позиціи, но вслѣдъ затѣмъ занялъ другую на высотахъ близъ Герлица. Наполеонъ возбуждаетъ своихъ солдатъ къ новымъ усиліямъ; онъ указываетъ имъ на корпусъ Ми-

---

[1]) См. Богдановичъ, исторія Александра I, Т. IV.
О заслугахъ Ермолова говоритъ подробно Муравьевъ въ своихъ запискахъ. „Русскій Архивъ", 1885 г. кн. 12, стр. 455.

лорадовича, какъ на легкую и вѣрную добычу. Французы, окончательно экзальтированные присутствіемъ и словами императора, переходятъ чрезъ рѣчку и съ криками Vive l'empereur! бросаются на высоты. Русскіе встрѣчаютъ ихъ сильнѣйшимъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ. Ихъ снаряды ложатся вокругъ самого Наполеона, а одно изъ ядеръ поражаетъ на смерть въ двухъ шагахъ отъ него маршала Дюрока.

Пораженный смертью своего любимца, Наполеонъ прекращаетъ преслѣдованіе русскихъ и поздно ночью располагается на квартирѣ въ Герлицѣ. Тяжелое раздумье нападаетъ на императора. Вотъ уже въ другой разъ одерживаетъ онъ побѣду надъ союзниками, но развѣ эти побѣды напоминаютъ хотя сколько нибудь его прежніе тріумфы? Эти побѣды, этотъ короткій весенній походъ, стоили ему около 60,000 человѣкъ и принесли результаты крайне неудовлетворительные. Правда, онъ выгналъ союзниковъ изъ Саксоніи, оттѣснилъ ихъ до предѣловъ Силезіи, но онъ не успѣлъ уничтожить ихъ массъ, сломить ихъ духа. Твердость и непреклонность его главнаго врага, императора Александра, казалось, возрастали вмѣстѣ съ проигранными сраженіями. Еще такъ недавно онъ былъ убѣжденъ, что стоитъ ему лишь протянуть руку примиренія, и русскій императоръ, убѣжденный вновь въ его непобѣдимости, поспѣшитъ ухватиться за нее. Уже послѣ битвы при Люценѣ онъ грозилъ уполномоченнымъ Австріи, что стоитъ ему лишь захотѣть и миръ съ Россіею будетъ немедленно-же заключенъ. „Въ такомъ случаѣ", прибавлялъ онъ многозначительно, „мы раздѣлимъ между собою весь міръ". Какъ-бы желая осуществить эту угрозу, Наполеонъ отправилъ къ императору Александру Коленкура, но къ удивленію его и гнѣву, уполномоченный его не былъ даже допущенъ въ русскую главную квартиру. Съ тревогою замѣчалъ Наполеонъ, что эта война напоминала какъ двѣ капли воды истекшую кампанію 12 года. Онъ видѣлъ, что безконечная борьба съ такими врагами, какъ русскіе и пруссаки, производила удручающее впечатлѣніе на храбрѣйшихъ его сподвижниковъ. „Что за война! слыша-

лись голоса вблизи его: мы погибнемъ здѣсь всѣ!“ [1]) Самъ императоръ былъ полонъ тяжелыхъ предчувствій. Безмолвно сидѣлъ онъ по вечерамъ въ своей палаткѣ, скрестивши руки на груди, опустивъ голову, не говоря по цѣлымъ часамъ ни слова [2]). Его маршалы доносили ему, что союзники отступаютъ все далѣе въ глубину Силезіи, но въ тоже время онъ узналъ, что дивизія генерала Мезона была совершенно истреблена при Гайнау внезапнымъ нападеніемъ прусской конницы, и что маршалъ Удино, отряженный имъ къ Берлину, былъ разбитъ при Лукау генераломъ Бюловымъ. Всѣ эти вѣсти усилили еще болѣе раздумье Наполеона. До сихъ поръ онъ отклонялъ посредничество Австріи и всякую мысль о мирныхъ переговорахъ. Теперь онъ пришелъ къ убѣжденію, что если не миръ, то по крайней мѣрѣ перемиріе для него въ высшей степени необходимо. Онъ рѣшился принять посредничество Австріи и назначилъ съ своей стороны уполномоченныхъ для заключенія перемирія съ союзниками.

Провидѣніе видимо покровительствовало правому дѣлу. Наполеонъ готовился совершить ошибку, долженствовавшую погубить его окончательно. Онъ изъявилъ согласіе на перемиріе въ тотъ самый моментъ, когда въ лагерѣ его враговъ происходилъ самый опасный кризисъ, когда дѣла вслѣдствіе перемирія могли принять оборотъ крайне неблагопріятный для него.

Послѣ отступленія отъ Бауцена императоръ Александръ принялъ прошеніе Витгенштейна объ увольненіи отъ должности главнокомандующаго и назначилъ на его мѣсто генерала Барклая. Барклай, котораго въ 1812 г. упрекали такъ настойчиво въ отсутствіи русскаго патріотизма, явился на своемъ новомъ посту представителемъ исключительно русскихъ интересовъ. Полагая справедливо, что исходъ войны зависитъ, главнымъ образомъ, отъ русской арміи, онъ находилъ прежде всего необходимымъ обратить самое серьезное вниманіе на состояніе этой арміи, на возстановленіе ея разстроенной организаціи, на пополненіе ея свѣжими войсками.

[1]) Ранке, Hardenberg etc. T. III, стр. 308.
[2]) Fain, Manuscrit de 1813, T. I, стр. 425.

Положеніе русской арміи было дѣйствительно во многихъ отношеніяхъ крайне печальное. Непрерывные походы и битвы послѣднихъ мѣсяцевъ причинили ей не только чувствительныя потери, но и совершенно разстроили ея организацію. Многіе изъ русскихъ пѣхотныхъ полковъ находились въ однобатальонномъ составѣ, въ кавалерійскихъ полкахъ было вмѣсто восьми эскадроновъ по два или по три. Интендантская часть находилась въ нашихъ войскахъ въ полнѣйшемъ разстройствѣ. На всемъ пространствѣ отъ Вислы до Эльбы еще не было учреждено магазиновъ; подвозы съ провіантомъ частью не были устроены, частью отстали отъ арміи [1]. Солдаты ходили оборванные и босые. Дисциплина, прежде столь строгая въ русскихъ войскахъ, начала падать съ каждымъ днемъ. Случаи мародерства, грабежа и насилій начали повторяться все чаще и чаще. Послѣдствіемъ всѣхъ этихъ явленій было замѣтное охлажденіе между союзниками. Даже такія лица, какъ Гнейзенау, не могли скрывать своего недовольства. „Мы терпимъ не мало огорченій“, пишетъ онъ графу Мюнстеру. „Друзья наши грабятъ нашу страну не менѣе нашихъ враговъ. Отнимаютъ даже обозы съ съѣстными припасами у нашихъ солдатъ, добытые нами съ такимъ горемъ и трудомъ. Но я не хочу жаловаться, а буду только сражаться. Но нельзя не возмущаться, что нашихъ раненыхъ обираютъ на полѣ битвы наши-же союзники“ [2]).

Пруссаки и не имѣли, впрочемъ, особеннаго основанія къ жалобамъ. Дисциплина въ ихъ собственныхъ войскахъ пришла также въ полный упадокъ. Русскіе также имѣли нерѣдко случай къ жалобамъ. Штейнъ, отстаивавшій интересы Россіи въ союзномъ административномъ совѣтѣ, учрежденномъ для управленія завоеванными германскими землями, ссорился очень часто съ своими германскими друзьями: Нибуромъ и Шеномъ. Они упрекали его въ пристрастіи къ русскимъ, говорили ему, что онъ московитствуетъ. „А вы!“ отвѣчалъ имъ съ сердцемъ Штейнъ, „пруссачите до глупости“ [3]).

[1]) [illegible] стр. 52–53

[2]) [illegible] стр. [illegible]

[3]) [illegible]

Разномысліе между союзниками начало обнаруживаться и въ той сферѣ, гдѣ оно могло причинить наиболѣе вреда. 19-го мая союзная армія расположилась въ крѣпкой позиціи при Пильценѣ за Силезскою крѣпостью Швейдницомъ. Прусскіе генералы, и въ особенности Гнейзенау, настаивали, что здѣсь слѣдуетъ дать третіе сраженіе Наполеону, но всѣ русскіе начальники и во главѣ ихъ Барклай рѣшительно возстали противъ этого предложенія. На военномъ совѣтѣ, собранномъ въ Оберъ-Гредицѣ [1]), Барклай въ присутствіи союзныхъ монарховъ доказывалъ, что слѣдуетъ отступить за Одеръ и далѣе въ Польшу. Пруссаки возражали и предлагали расположиться въ укрѣпленномъ лагерѣ подъ пушками крѣпости Нейссе. Барклай упорно стоялъ на своемъ мнѣніи. Русская армія, говорилъ онъ, нуждается во времени и отдыхѣ, чтобы прійти опять въ состояніе годное для боя. Оставаться здѣсь немыслимо уже потому, что непріятель можетъ отрѣзать русскихъ отъ Польши и отъ сообщеній съ Россіею. „Но что-же станется въ такомъ случаѣ съ прусскою арміею“, замѣчали прусскіе генералы, „она не можетъ идти вслѣдъ за русскими въ Польшу и покинуть на произволъ судьбы свою страну; а оставаясь въ Пруссіи одна, какой участи подвергнется она?“ Барклай пожалъ плечами. „Прусская армія, замѣтилъ онъ, должна держаться собственными силами; чрезъ шесть недѣль я возвращусь къ ней на помощь съ возстановленными, свѣжими силами“. Мнѣніе русскаго генерала восторжествовало. Положено было отступить сначала къ Стрелену, а потомъ далѣе къ Олау на Одерѣ. Союзныя арміи должны были разъединиться вслѣдствіе этого маневра, но Провидѣніе рѣшило иначе. Въ тотъ самый день, когда войскамъ роздана уже была диспозиція къ отступленію,—пришла вѣсть, что уполномоченные воюющихъ сторонъ подписали 23 мая перемиріе на шесть недѣль.

---

1) Военный совѣтъ происходилъ въ квартирѣ прусскаго короля, въ присутствіи обоихъ государей. Подробности см. у Бернгарди, Т. II, стр. 460. Изъ русскихъ генераловъ только одинъ Дибичъ поддерживалъ мнѣніе пруссаковъ.

Обстоятельства сложились, поистинѣ, чудеснымъ образомъ. Наполеонъ нуждался въ перемиріи, оно было необходимо ему и въ виду страшно разстроеннаго состоянія его арміи, и въ виду необходимости закончить свои вооруженія, и въ виду наконецъ, привлеченія Австріи на свою сторону. Наполеонъ даже не догадывался, что союзники нуждаются въ перемиріи несравненно болѣе его; онъ ничего не зналъ ни объ ихъ отступленіи къ Стрелену, ни о разногласіи въ ихъ средѣ, ни о предстоящемъ раздѣленіи ихъ силъ. Готовясь совершить величайшую ошибку своей жизни, императоръ французовъ былъ убѣжденъ, что онъ дѣйствуетъ соотвѣтственно своимъ интересамъ, но какой-то внутренній голосъ шепталъ ему, что онъ вступаетъ на безповоротный путь гибели. „Если союзники не хотятъ искренно мира“, сказалъ онъ, отправляясь изъ своей главной квартиры въ Дрезденъ, „то перемиріе это можетъ окончиться для насъ самымъ гибельнымъ образомъ!“ [1]).

Понимали-ли въ союзномъ лагерѣ все великое спасительное значеніе совершившагося событія? Нѣтъ! Какъ всегда, громадное большинство участниковъ великихъ событій, занятое лишь ближайшимъ осязаемымъ, удобопонятнымъ, не въ состояніи было проникнуть въ непроглядную тьму будущаго, и усмотрѣть спасеніе и свѣтъ тамъ, гдѣ все казалось сулило несчастіе и гибель. Лишь немногіе избранные и прозорливые сумѣли отнестись къ событію 23 мая съ надлежащей точки зрѣнія. Генералъ Толь уже тогда высказалъ мысль, что Наполеонъ погубилъ самъ себя, давъ согласіе на перемиріе [2]). Также смотрѣли на дѣло оба союзные монархи. Крѣпкіе въ вѣрѣ, они усматривали въ непонятномъ ослѣпленіи своего великаго противника спасительное дѣйствіе Божественнаго Промысла.

---

[1]) Богдановичъ, Т. IV, стр. 88.
[2]) См. Бернгарди, Т. II, стр. 462—465.

ГЛАВА VI.

вая фаза борьбы.—Александръ рѣшается искать союза съ Австріею.—Харак-ъ австрійской политики.—Императоръ Францъ.—Его характеръ и политиче-я система.— Эгоизмъ и мелочность.— Деспотизмъ и бюрократическая рути-—Патріархальный тонъ.—Отношеніе къ религіи и церкви.—Музыкальный ле-къ.—Меттернихъ вѣрный слуга Франца.—Сходство и различіе.—Кривые пу-—Политика Австрійскаго кабинета въ началѣ кризиса.—Вынужденный союзъ Франціею.—Двойная игра.—Какъ воевали Австрійцы въ Россіи.—Переходъ вооруженному посредничеству.—Наполеонъ и князь Шварценбергъ.—Ловкій евръ австрійской дипломатіи.—Графъ Бубна въ главной квартирѣ Наполе-ь.—Наполеонъ убѣждается въ коварствѣ Австріи.—Графъ Стадіонъ въ глав-квартирѣ союзниковъ.— Твердость императора Александра.— Австрійскій имумъ и программа союзниковъ.—Перемиріе.—Какъ смотрѣли на союзъ съ стріею русскіе и прусскіе патріоты.— Штейнъ и его отзывы.— Чѣмъ зани-ись во время перемирія великіе міра сего.—Александръ ищетъ уединенія.—рошенная усадьба.—Силезская глушь и скука государственнаго секретаря.—ксандръ ищетъ опоры и утѣшенія въ вѣрѣ.—Онъ посѣщаетъ поселенія герн-ровъ.—Моравскіе братья, ихъ связь съ древнею восточною Церковью и ихъ іе.—Основаніе новой братской церкви.—Сущность гернгутерскаго ученія.—а во Христа и всеспасающая сила христіанской любви.— Что влекло Алек-дра къ гернгутерамъ.—Безсмертная заслуга Александра.—Лишь онъ одинъ могъ явиться основателемъ и вождемъ всеевропейской коалиціи.

Перемиріе въ Плесвицѣ обозначало собою великій пово-ъ въ гигантской борьбѣ Россіи и ея императора за сво-у Европы и человѣчества. До сихъ поръ Александръ не ылъ въ этой борьбѣ иного союзника, кромѣ короля прус-го. Фридрихъ-Вильгельмъ былъ личный другъ императо-а за нимъ слѣдовалъ цѣлый народъ, рѣшившійся, подоб-русскимъ въ 1812 году, скорѣе погибнуть, нежели под-гнуться игу всесвѣтнаго завоевателя. Оба союзные монар-поднимая оружіе за великое и святое дѣло освобожденія

человѣчества, далеки были отъ всякихъ заднихъ мыслей; ихъ союзъ покоился на незыблемой основѣ полнаго сердечнаго согласія, на единствѣ цѣли и стремленій. Для достиженія этихъ цѣлей, для осуществленія этихъ стремленій подвигнуты были всѣ силы, бывшія въ распоряженіи союзныхъ государей, принесены народами жертвы, безпримѣрныя въ исторіи, выказана на поляхъ битвъ доблесть, затмившая всѣхъ героевъ древности. И что-же? Все оказалось, повидимому, тщетнымъ. Военный геній Наполеона, его организаторскій талантъ одержалъ побѣду надъ энтузіазмомъ народовъ, надъ героизмомъ вождей и воиновъ союзныхъ армій. Правда, эта побѣда далеко не походила на прежніе тріумфы завоевателя; правда, союзныя арміи не были истреблены; онѣ нанесли врагу даже большій уронъ, нежели потерпѣли сами; но все же союзники вынуждены были два раза оставлять поле битвы, все-же они были оттѣснены новобранцами Наполеона до Одера, въ глубину Силезіи—и, что самое важное, они не въ состояніи были пополнять убыли въ своихъ рядахъ съ такою быстротою, какъ ихъ геніальный противникъ, обладавшій къ тому-же такимъ совершеннымъ административнымъ механизмомъ.

Перемиріе, на которое такъ неожиданно согласился Наполеонъ, открыло союзникамъ возможность пополнить и уравнять свои силы съ силами противника; но вожди коалиціи пришли уже на основаніи опыта къ убѣжденію, что даже и при равенствѣ силъ дальнѣйшая борьба съ Наполеономъ представляетъ имъ мало вѣроятности успѣха, что для достиженія цѣли имъ необходимо удвоить свои силы, привлечь на свою сторону Австрію, которая одна могла склонить на ихъ сторону побѣду не столько массою своихъ вооруженныхъ силъ, сколько своимъ географическимъ положеніемъ, фланкировавшимъ позиціи Наполеона въ Саксоніи [1].

[1] Богемія, вдающаяся подобно колоссальному бастіону въ сѣверную Германію, придавала громадное значеніе Австріи. Отсюда можно было нанести Наполеону, по мнѣнію союзныхъ стратеговъ, самые чувствительные удары; здѣсь, въ этой гигантской природной крѣпости, легче всего можно было противостать его нападеніямъ.

Императоръ Александръ убѣдился въ невозможности одолѣть Наполеона однѣми русско-прусскими силами уже на полѣ битвы при Люценѣ, гдѣ онъ впервые ознакомился съ боевыми качествами новой французской арміи, созданной Наполеономъ въ какіе-нибудь два, три мѣсяца, какъ-бы по мановенію волшебнаго жезла [1]). Мнѣнія такихъ компетентныхъ лицъ, какъ геніальный Шарнгорстъ, дальнѣйшія роковыя событія, и главнымъ образомъ, битвы при Бауценѣ могли только усилить и развить это убѣжденіе. Императоръ не былъ потрясенъ, или сломленъ цѣлымъ рядомъ неудачъ; тверже, нежели когда-либо, онъ былъ намѣренъ продолжать борьбу съ Наполеономъ; но онъ полагалъ теперь вмѣстѣ съ Шарнгорстомъ, что союзники должны во что-бы то ни стало привлечь на свою сторону Австрію.

Императоръ Александръ не могъ скрывать, однако-же, отъ себя, что союзъ съ Австріею заключалъ въ себѣ отступленіе отъ Калишской программы, что вступленіе Габсбургской монархіи въ коалицію должно было повліять самымъ существеннымъ образомъ на характеръ и цѣли борьбы. Лучше кого-либо знакомъ былъ императоръ съ основными тенденціями и цѣлями австрійской политики, а руководители этой политики императоръ Францъ и первый министръ его, Меттернихъ, не могли внушать ему ни особенной симпатіи, ни довѣрія. Александръ имѣлъ случай ознакомиться съ характеромъ и принципами императора Франца еще въ печальные дни Аустерлицкой кампаніи; уже тогда заглянулъ онъ въ душу этого глубочайшаго эгоиста, и понялъ, что нѣтъ ничего общаго между нимъ и этимъ представителемъ Габсбургской династіи.

Императоръ Францъ не отличался особенно обширнымъ, или глубокимъ умомъ; онъ былъ человѣкъ обыкновенный, дюжинный во всѣхъ отношеніяхъ. Его образованіе было крайне поверхностное, далеко не соотвѣтствующее высотѣ его призванія. Наука и литература не существовали для него; онъ относился къ нимъ съ глубокимъ презрѣніемъ, какъ по-

---

[1]) Toll's Denkwürdigkeiten, T. III, стр. 5.

добаетъ истому невѣждѣ [1]). Учебныя заведенія существовали, по его мнѣнію, лишь для того, чтобы приготовлять дѣльныхъ и аккуратныхъ чиновниковъ [2]). Онъ признавалъ чиновниковъ, дворянъ, монаховъ, солдатъ, ремесленниковъ, крестьянъ, но онъ не признавалъ людей. Идея человѣка и его человѣческаго достоинства была ему чужда. Онъ ненавидѣлъ свободу, равноправность, гуманность уже потому, что всѣ эти принципы были выдвинуты французскою революціею, причинившею ему столько хлопотъ, потерей и безспокойствъ. Національное чувство, національный энтузіазмъ казались ему, неограниченному монарху разноплеменной Австріи, вредными и дикими инстинктами. Одинъ разъ въ жизни, въ роковомъ 1809 году, онъ попробовалъ было играть съ этими опасными утопіями и былъ твердо намѣренъ не повторять впредь подобной ошибки. Человѣкъ холоднаго разсудка онъ не могъ понимать увлеченія, все равно въ какой-бы области оно ни проявлялось. Все, напоминавшее хотя сколько-нибудь энтузіазмъ, было ему противно до глубины души. Покорный и вѣрный сынъ католической церкви, онъ отварачивался съ ужасомъ отъ либеральной церковной политики своего предшественника Іосифа II, преклонялся передъ авторитетомъ патеровъ [3]), исполнялъ въ точности церковные обряды, но

---

[1]) Основная причина пренебреженія Франца къ наукѣ и умственной жизни заключалась въ его плохомъ воспитаніи. Онъ даже не подозрѣвалъ, что наука можетъ имѣть самостоятельное значеніе, не исчерпывающееся распространеніемъ техническихъ и агрономическихъ свѣдѣній. Столь-же чужда была ему сущность поэтическихъ произведеній: произведенія старыхъ и новыхъ поэтовъ были ему совершенно неизвѣстны. Лишь подъ конецъ жизни началъ онъ догадываться, что въ связи съ театромъ находится дѣятельность не только комедіанта, но и поэта. Онъ ненавидѣлъ литературу какъ силу независимую, способную мѣшать его самовластію. См. Springer, Geschichte Oesterreich's, T. I, стр. 126.

[2]) Прошенія ученыхъ, желавшихъ занять профессорскія должности, онъ отправлялъ на усмотрѣніе полиціи, говоря, что въ профессорѣ важнѣе всего образъ мысли. См. Iulius Schneller's Nachgelassene Schriften, T. I, стр. 235.

[3]) Преклоненіе императора передъ патерами имѣло, однакоже, свои опредѣленныя границы. Патерамъ была предоставлена большая полицейская власть; они могли преслѣдовать неисполненіе постовъ, могли ограничивать страсть населенія къ танцамъ, запрещать вольнодумныя книги, преслѣдовать не католиковъ и вольнодумцевъ, но при всемъ томъ правительство требовало отъ нихъ

не понималъ и не хотѣлъ понимать внутренняго значенія христіанскаго ученія и нравственности. Религія была для него дѣломъ привычки, разсчета, разсудка, а не сердца [1]). Личное спокойствіе, удовольствія, наслажденія, стояли для него, какъ и для всякаго эгоиста, на первомъ планѣ. Онъ вовсе не былъ человѣкомъ развратнымъ, расточителемъ или любителемъ роскоши. Напротивъ, онъ считалъ грѣхомъ всякую любовную интригу и считалъ необходимымъ жить въ бракѣ. Похоронивъ одну жену, онъ спѣшилъ тотчасъ-же жениться на другой [2]). Онъ былъ врагъ всякой излишней пышности, блеска, церемоній, уже потому, что они обходились слишкомъ дорого и нарушали важнѣйшее благо его жизни, покой. Онъ держалъ себя очень просто, былъ доступенъ для всѣхъ и каждаго [3]), умѣлъ говорить и шутить съ вѣнскими бюргерами и пользовался большою популярностью среди столичнаго населенія. Методичность, аккуратность и осторожность казались ему первѣйшими достоинствами монарха и

такого-же безусловнаго повиновенія, какъ и отъ другихъ чиновниковъ; запрещало духовенству сноситься непосредственно съ Римомъ и взяло въ свои руки управленіе церковными имѣніями. Не смотря на всю свою набожность, Францъ ненавидѣлъ ультрамонтановъ уже потому, что они стремились, въ интересахъ папства, къ ограниченію монархической власти. См. Springer, Geschichte Oesterreich's, T. I, стр. 125.

[1]) „Императоръ стоитъ за чистый монархизмъ и католицизмъ, ибо они поддерживаютъ взаимно другъ друга. Іозефинская система одинаково подкапывала и религію и монархію. Она уничтожена теперь въ своихъ принципахъ, но продолжаетъ, къ сожалѣнію, существовать въ своихъ послѣдствіяхъ". Schneller's. T. 1, стр. 210.

[2]) Францъ похоронилъ свою первую супругу Елисавету Виртембергскую 18-го февраля 1790 г.; 19-го сентября того-же 1790 г. онъ женился на Маріи Терезіи Неаполитанской. Марія-Терезія скончалась 17-го апрѣля 1807 года, а 16-го января 1808 г. Францъ праздновалъ свою третью свадьбу съ Маріею-Людовикою Эсте. Марія-Людовика умерла 6-го апрѣля 1816 г., а 10 ноября того-же года Францъ вступилъ въ свой четвертый бракъ съ Маріею-Каролиною Баварскою. См. Springer, Geschichte Oesterreich's T. I, стр. 115.

[3]) Францъ страстно любилъ давать аудіенціи. Во время своего итальянскаго путешествія онъ принялъ 20000 человѣкъ; всякій, кто-бы не пожелалъ, могъ явиться къ императору въ опредѣленные дни и часы недѣли. Терпѣніе его въ такихъ случаяхъ было неистощимо, самыя длиннѣйшія рѣчи не наскучали ему, охотно выслушивалъ онъ мелочи и подробности, давалъ всѣмъ любезные отвѣты, обыкновенно на Вѣнскомъ діалектѣ и пріобрѣлъ тѣмъ большую популярность. См. Springer, Geschichte Oesterreich's, T. I, стр. 112.

государственнаго человѣка. Кабинетныя занятія поглощали большую часть его времени; въ подписываніи бумагъ, въ точномъ соблюденіи канцелярскихъ [1]) формальностей усматривалъ онъ важнѣйшую сторону своей правительственной дѣятельности. Врагъ всякаго шума и суматохи, онъ не любилъ военнаго лагеря, съ его маневрами, пальбою и тревогою. Война казалась ему величайшимъ бѣдствіемъ, во-первыхъ потому, что причиняла вредъ и убытки, а во-вторыхъ потому, что нарушала его покой, заставляла переживать тревожныя душевныя состоянія. Онъ велъ очень часто войны, но лишь потому, что его вынуждали къ этому неотразимыя обстоятельства. Не имѣя ни малѣйшаго понятія о военномъ искусствѣ, онъ полагался во всемъ на отжившую свой вѣкъ кабинетную стратегію придворнаго военнаго совѣта и не умѣлъ пользоваться выдающимися военными талантами, даже тогда, когда они обнаруживались въ средѣ его собственной семьи [2]). Человѣкъ слабый и трусливый, онъ терялъ голову при первыхъ неудачахъ и готовъ былъ купить миръ самыми тяжелыми и позорными уступками. Недовѣрчивый къ самому себѣ, онъ относился съ подозрительностью и недовѣріемъ ко всѣмъ и каждому. Онъ не довѣрялъ своимъ слугамъ, совѣтникамъ, министрамъ; онъ сторонился отъ всякаго выдающагося человѣка и считалъ его въ душѣ своимъ врагомъ. Страстный любитель мелочныхъ, канцелярскихъ занятій, онъ крайне неохотно бралъ въ руки бумаги, затрогивавшія какіе-нибудь принципіальные вопросы или общія отношенія [3]). Всякое

1) См. Springer, Geschichte Oesterreich's. T. I. стр. 113.

2) Изъ всѣхъ своихъ братьевъ Францъ довѣрялъ только эрцгерцогамъ Райнеру и Людвигу, людямъ во всѣхъ отношеніяхъ ничтожнымъ. Эрцгерцога Карла онъ ненавидѣлъ за его побѣды надъ французами; эрцгерцогамъ Іоанну и Іосифу онъ не могъ простить той популярности, которою пользовались они въ народѣ.

3) Чѣмъ дольше жилъ Францъ, тѣмъ сильнѣе укоренялась привычка въ высшихъ правительственныхъ сферахъ придавать чрезвычайное значеніе всему мелочному и ничтожному и забывать въ тоже время все дѣйствительно важное и серьезное. Этого желалъ самъ императоръ, въ этомъ отношеніи самъ подавалъ примѣръ всѣмъ остальнымъ. Каждый день просиживалъ онъ цѣлые часы за своимъ письменнымъ столомъ, соперничая въ сухомъ прилежаніи и безсмысленной кропотливости съ послѣднимъ придворнымъ секретаремъ. Его пи-

усиленное умственное напряженіе было для него также противно, какъ и физическое усиліе. Пустыя дѣтскія забавы и мелочи служили его любимымъ время препровожденіемъ. Въ молодые годы онъ игралъ по цѣлымъ часамъ въ жмурки съ своею женою и адъютантами, на старости лѣтъ его занимало вырѣзываніе силуэтовъ, приготовленіе транспарантовъ, дѣланіе кукольныхъ повозокъ. Музыка была также любимѣйшимъ занятіемъ Франца. Онъ самъ игралъ на скрипкѣ, хотя и очень плохо [1]) и заботился о хорошей придворной капеллѣ. Эти заботы не покидали его даже въ такіе моменты, когда государство и династія переживали самые тяжелые и рѣшительные кризисы. Когда передъ войною 1813 года въ Богеміи устроивалась императорская лейбъ-гвардія изъ одниxъ дворянъ, то Францъ хлопоталъ всего болѣе о томъ, чтобы въ эту гвардію попало достаточное количество музыкантовъ, изъ которыхъ могло-бы составиться, по первому мановенію императора, образцовое квартетное и симфоническое собраніе [2]). Вслѣдствіе такого желанія императора въ

рительность доходила до того, что онъ просматривалъ всѣ бумаги, и запросивъ мнѣнія и отзывы всѣхъ своихъ совѣтниковъ, обращался въ тайнѣ къ другимъ лицамъ, очень часто второстепеннымъ чиновникамъ въ отдаленныхъ провинціяхъ и провѣрялъ ихъ мнѣніями взгляды своихъ министровъ. См. Springer, Geschichte Oesterreich's, T. I, стр. 112.

[1]) „Францъ игралъ часто и охотно на скрипкѣ. Онъ достигъ, правда, только до второй скрипки, и руководитель императорскихъ музыкальныхъ развлеченій, Іосифъ Вейгль, мучился не мало съ музыкантомъ, обладавшимъ крайне плохимъ слухомъ. Случалось нерѣдко, что онъ смиренно и вѣрноподданнѣйше просилъ играть Fis или Cis, а Францъ упорно игралъ F или C“. Springer, Geschichte Oesterreich's, T. I, стр. 113.

[2]) Объ этомъ курьезномъ музыкальномъ легіонѣ см. Springer, Geschichte Oesterreich's T. I, стр. 114. Замѣчательно, что люди, умѣвшіе заслужить расположеніе Франца своими музыкальными способностями и другими художествами, не только дѣлались его любимцами, но и достигали высокаго положенія въ государствѣ. Лучшій примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ извѣстный баронъ Кутчера. Человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ ничтожный, круглый невѣжда и въ военномъ дѣлѣ, и въ политикѣ, грубый, неотесанный, пошлый и развратный, онъ назначенъ былъ генералъ-адъютантомъ единственно за свое искусство играть на скрипкѣ. Доносчикъ и шпіонъ по натурѣ, онъ слѣдилъ за эрцгерцогами и доносилъ о нихъ Францу. Не смотря на всеобщую ненависть и крайне скандальное поведеніе, онъ сохранялъ свое высокое положеніе до самой смерти своей въ 1832 году.

гвардію попали господа, которые не имѣли ничего общаго ни съ дворянствомъ, ни съ военными доблестями, но за то были порядочные квартетисты и симфонисты. Францъ былъ въ восторгѣ, онъ давалъ видъ, что не замѣчаетъ насмѣшекъ, посылаемыхъ по адресу его трабантовъ; онъ видимо гордился ими и парадировалъ съ ними при всякомъ удобномъ случаѣ, начиная отъ Дрездена и оканчивая Парижемъ.

Эгоизмъ императора Франца былъ самымъ главнымъ, можно сказать, исключительнымъ двигателемъ во всѣхъ его желаніяхъ, намѣреніяхъ, дѣйствіяхъ [1]). Своему спокойствію, своимъ выгодамъ онъ не задумывался приносить въ жертву даже своихъ собственныхъ дѣтей. Онъ выдалъ дочь свою Марію Луизу за Наполеона лишь потому, что думалъ поправить этимъ бракомъ свои собственныя дѣла. Онъ льстилъ своему великому зятю, увѣрялъ его въ своей безусловной преданности, онъ восхищался семейнымъ счастіемъ своей возлюбленной дочери; но въ глубинѣ души онъ продолжалъ ненавидѣть и презирать дерзкаго выскочку, а счастіе его дочери было для него всегда вопросомъ болѣе нежели второстепеннымъ.

Каковъ господинъ, таковъ и слуга! Францъ мѣнялъ неоднократно своихъ министровъ, но остановившись разъ на Меттернихѣ, онъ не разставался уже съ нимъ до могилы. Меттернихъ стоялъ неизмѣримо выше своего повелителя и по уму, и по образованію и по свѣтскому такту, но гармонировалъ съ нимъ какъ нельзя болѣе и своими нравственными качествами, и своими политическими убѣжденіями [2]). Подобно Францу, Меттернихъ былъ совершеннѣйшій эгоистъ. Покой, наслажденіе были его цѣлью въ жизни: онъ работалъ лишь для того, чтобы обезпечить свой покой, чтобы

---

[1]) Эту основную черту въ характерѣ Франца замѣтилъ уже дядя его, императоръ Іосифъ II. см. Springer Geschichte Oesterreich's T. I. стр. 110.

[2]) Подробности о Меттернихѣ см. въ моемъ сочиненіи. Меттернихъ и европейская реакція. Харьковъ 1882. см. также Springer. Geschichte Oesterreich's, T. I. стр. 128—138. Treitschke, Deutsche Geschichte im 19 Jahrhundert; но лучше всего характеръ Меттерниха въ его собственныхъ мемуарахъ, см. Memoires de Metternich [illegible]

вать себѣ наибольшую сумму наслажденій. Онъ что народныя массы существуютъ лишь для обез- лагоденствія избранныхъ счастливцевъ, поставлен- бою на вершинѣ общественнаго зданія. Француз- юція съ своими сумазбродными идеями казалась стительнымъ преступленіемъ, но еще ужаснѣйшими и казались ему такіе всемірно-историческія собы- изобрѣтеніе книгопечатанія и церковная реформа- толѣтія; изъ этихъ двухъ преступныхъ актовъ вы- ъ всѣ послѣдующія бѣдствія человѣчества и все венное извращеніе. Лютеръ и Гутенбергъ были въ о прототипами Маратовъ, Робеспьеровъ, Данто- ломатическое искусство было въ глазахъ Меттер- лайшимъ и важнѣйшимъ призваніемъ, доступнымъ немногихъ избранныхъ смертныхъ. Онъ старался бя и другихъ, что судьба государствъ и народовъ не на поляхъ битвъ, не въ шумныхъ народныхъ , а за зеленымъ столомъ дипломатовъ, въ недо- для свѣта кабипетахъ государственныхъ людей. нотъ, протоколовъ, меморандумовъ казалось ему мъ и важнѣйшимъ занятіемъ въ мірѣ. Онъ испи- воей жизни цѣлыя горы бумагъ, и былъ глубоко что вся новѣйшая исторія, начиная отъ Вѣнскаго создана имъ. Двуличность, ложь были для него рудіями государственнаго человѣка, кривые изви- ги представлялись ему единственно возможными въ . [1]) Идеологи были для него также ненавистны я Наполеона. Энтузіазмъ, воодушевленіе казались вами людей, разстроенныхъ психически. Онъ лю- кать громкія нравственныя тирады; умѣлъ вздыхать ь слезы; но хоронилъ своихъ женъ и женился на кже поспѣшно, какъ его повелитель, и былъ кромѣ ій мастеръ на поприщѣ любовной интриги.

онъ еще въ 1809 г. замѣтилъ, что Меттернихъ подаетъ большія онъ лжетъ замѣчательно; въ этомъ искусствѣ Меттернихъ достигъ емой степени совершенства.

Меттернихъ старается увѣрить насъ въ своихъ пресловутыхъ мемуарахъ, что катастрофа Наполеона вызвана была его собственною дальновидною политикою и великодушными рѣшеніями его императора Франца. Подобное самообольщеніе можетъ вызвать только улыбку на устахъ человѣка, знакомаго хотя сколько нибудь съ общимъ ходомъ великихъ событій нашего вѣка. Иное дѣло, когда подобныя нелѣпости повторяются въ наше время историками, работающими на основаніи архивнаго матеріала и старающимися удивить ученый и неученый міръ самыми неожиданными открытіями и комбинаціями. Если вѣрить этимъ господамъ, подтверждающимъ свои выводы безконечными ссылками и длиннѣйшими выписками изъ стараго дипломатическаго хлама, то оказывается, что катастрофа 1812 года, героизмъ народа русскаго, твердость императора Александра, возстаніе Пруссіи, и даже англійскія субсидіи, (а извѣстно, что деньги даже въ глазахъ дипломатовъ имѣютъ громадное значеніе), играли менѣе чѣмъ второстепенную роль въ паденіи величайшаго завоевателя всѣхъ временъ и народовъ. Исполинъ былъ свергнутъ единственно тѣми ловкими дипломатическими ходами, которые совершалъ великій Меттернихъ, начиная съ 1805 г. и тѣми героическими рѣшеніями, на которыя отваживался не менѣе великій Францъ, отваживался, впрочемъ, послѣ долгаго обдумыванія, выжиданія и колебанія.[1])

Императоръ Александръ не былъ, разумѣется, посвященъ въ тайны австрійской дипломатіи, но у него было не мало доказательствъ въ рукахъ, что дипломатія эта приняла крайне двусмысленный и коварный характеръ именно съ того мо-

[1]) [illegible] въ наше время [illegible] стелени [illegible] въ двухъ [illegible] въ войнѣ за освобожденіе. [illegible] австрійскаго архива. Авторъ [illegible] что въ концѣ [illegible] Наполеонъ былъ свергнутъ [illegible] предметахъ, [illegible] великими и [illegible]

нта, когда во главѣ ея сталъ знаменитый Меттернихъ. іександръ не могъ ставить австрійскому кабинету въ особнную вину того обстоятельства, что онъ принужденъ былъ иинять вооруженное участіе въ разбойническомъ нашествіи іполеона на Россію. Онъ хорошо понималъ, что Австрія йствовала въ данномъ случаѣ подъ неодолимымъ давлеэмъ той-же непреоборимой силы, которая гнала въ лагерь аговъ Россіи, и Пруссію. Отъ императора не могло, однако-же, ускользнуть все различіе въ образѣ дѣйствій Берлинаго и Вѣнскаго двора. Фридрихъ-Вильгельмъ заключилъ юзъ съ Наполеономъ, послѣ того, какъ Россія отказалась сти войну наступательную и двинуть свои войска въ Пруссо; онъ рѣшился на этотъ несказанно тяжелый для него ігъ, послѣ того, какъ Наполеонъ пригрозилъ Пруссіи въ учаѣ дальнѣйшаго упорства окончательнымъ уничтожеэмъ; онъ извѣстилъ своего друга императора Александра своемъ вынужденномъ рѣшеніи трогательнымъ письмомъ, юникнутымъ глубокою скорбью, но въ тоже время надежю на близкій спасительный поворотъ [1]). Австрія двинула ой вспомогательный корпусъ на Россію также подъ давлеемъ нужды, но она рѣшилась на этотъ шагъ не для избѣінія своей собственной гибели, а главнымъ образомъ изъ язни и угодливости Наполеону. Вмѣстѣ съ тѣмъ Вѣнскій бинетъ старался обезпечить свои интересы какимъ-бы обзомъ ни окончилась война съ Россіею. Въ случаѣ побѣды іполеона, а эта случайность казалась прозорливому Метрниху наиболѣе вѣроятною [2]), Австрія выговорила себѣ въ

[1]) Газетчикамъ нашихъ дней суждено было усмотрѣть и въ этомъ письмѣ ю изъ яснѣйшихъ доказательствъ того коварства и неблагодарности, котоми искони отличалась, по ихъ мнѣнію, политика Пруссіи.

[2]) Въ началѣ войны Меттернихъ былъ убѣжденъ, что Александръ хочетъ ько напугать Наполеона массою своихъ войскъ, что русскій царь можетъ ке внезапно примириться съ Наполеономъ и возвратиться къ политикѣ Тильа и Эрфурта. Послѣ взятія Москвы австрійскій канцлеръ считалъ войну оконюю и былъ увѣренъ, что Александръ заключитъ постыдный миръ, который ітожитъ всякое значеніе Россіи, какъ европейской державы. См. письма ттерниха у Онкена, Oesterreich und Preussen im Befreiungskrige. T. II, ь. 93 и 95.

тайной статьѣ своего союзнаго договора съ Франціею подобающее земельное вознагражденіе, разумѣется, на счетъ побѣжденной Россіи [1]). И на тотъ, мало вѣроятный случай, если-бы Наполеонъ потерпѣлъ неудачу въ своемъ нападеніи на Россію, Австрійскій кабинетъ принялъ также соотвѣтствующія мѣры. Меттернихъ далъ понять русскому правительству, что оно должно дѣлать строгое различіе между австрійскимъ вспомогательнымъ корпусомъ и Габсбургскою монархіею. Только первый предоставленъ въ распоряженіе Наполеона и будетъ принимать участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Россіи, тогда какъ вторая намѣрена оставаться въ нейтралитетѣ и сохранить за собою свободу дѣйствій. Еще далѣе пошелъ Меттернихъ въ личныхъ своихъ объясненіяхъ съ русскимъ посломъ, графомъ Штакельбергомъ. Онъ старался увѣрить его, что союзный договоръ съ Франціею нисколько не мѣшаетъ Россіи и Австріи въ тайнѣ сноситься другъ съ другомъ и условливаться на счетъ своихъ дальнѣйшихъ политическихъ плановъ. Кромѣ того Меттернихъ заявилъ, что австрійскій корпусъ будетъ дѣйствовать только со стороны Буковины и что численность его не будетъ увеличена ни въ какомъ случаѣ. „А какія ручательства дадите вы намъ въ томъ, что обѣщаніе это будетъ исполнено", замѣтилъ Штакельбергъ. „Эти ручательства", отвѣчалъ Меттернихъ, „заключаются въ интересѣ самой австрійской монархіи, не говоря уже о лояльности государя, именемъ котораго я говорю теперь" [2]).

Чѣмъ болѣе становилось вѣроятнымъ, что колоссальное предпріятіе Наполеона на Россію должно окончиться неуда-

---

[1]) Въ тайной статьѣ союзнаго договора Наполеонъ обѣщалъ Австріи, въ случаѣ возстановленія Польши, Галицію. Онкенъ, Т. II, стр. 86.

[2] Такія-же точно увѣренія далъ Штакельбергу и самъ императоръ Францъ въ личной бесѣдѣ съ нимъ. „Онъ просилъ — que la Russie ne considerât pas l'Autriche comme partie serieusement belligèrante et continuat en secret ses relations amicales avec la cour de Vienne". Онкенъ, Т. II, стр. 94.

И дѣйствительно, дипломатическія сношенія между Россіею и Австріею не прекращались во все время войны. Графъ Штакельбергъ поселился въ Градѣ, а баронъ Маршалль агашè австрійскаго посольства оставался все время въ Пе-

г

чею, тѣмъ двусмысленнѣе дѣлалось поведеніе Вѣнскаго кабинета. Съ одной стороны, императоръ Францъ и его министръ продолжали увѣрять Наполеона въ своей неизмѣнной преданности, въ готовности въ случаѣ надобности возстать за него всѣми своими силами, съ другой, они дѣятельно сносились съ Россіею и давали ей всевозможныя обѣщанія; тогда какъ съ третьей, Меттернихъ пытался склонить на свою сторону Пруссію и доказывалъ въ своихъ секретныхъ письмахъ къ прусскому канцлеру Ф. Гарденбергу, что Австрія и Пруссія должны воспользоваться тѣмъ моментомъ, когда силы Франціи и Россіи будутъ истощены и выступить въ роли посредниковъ, имѣющихъ прежде всего въ виду интересы средне-европейскихъ государствъ [1]). Такая тонкая, чтобы не сказать болѣе, политика Вѣнскаго двора приносила на первыхъ порахъ самые блестящіе результаты: значеніе Австріи, не смотря на то, что она не шевельнула ни однимъ пальцемъ, возростало съ каждымъ днемъ въ глазахъ воюющихъ сторонъ; всѣ смотрѣли на нее съ затаеннымъ страхомъ и въ тоже время съ надеждою. Каждый разсчитывалъ притянуть ее въ концѣ концовъ въ свой лагерь. Наполеонъ и его министры, быть можетъ, и не вѣрили въ искренность австрійскихъ обѣщаній, но положеніе ихъ было таково, что они должны были давать видъ, что вѣрятъ имъ. Волею или неволею, они должны были смотрѣть сквозь пальцы на странные маневры австрійскаго главнокомандующаго, князя Шварценберга, очевидно, заботившагося лишь о томъ, чтобы избѣгнуть всякаго столкновенія съ русскими [2]). На любезныя завѣренія и на торжественныя обѣщанія Меттерниха французскіе дипломаты вынуждены были отвѣчать изъявленіями своего полнаго и безусловнаго довѣрія.

Съ своей стороны императоръ Александръ плохо вѣрилъ въ заявленія австрійскихъ агентовъ, но опасаясь оттолкнуть

---

[1]) Обо всѣхъ этихъ тайныхъ ходахъ Меттерниховской дипломатіи мы почерпаемъ самыя точныя свѣдѣнія изъ писемъ самого канцлера, помѣщенныхъ въ первой и слѣдующихъ главахъ второго тома сочиненія Онкена.

[2]) Такая стратегія прямо была предписана князю Шварценбергу инструкціями его правительства. См. Онкенъ, Т. II, стр. 94.

отъ себя Австрію, не только осыпалъ австрійцевъ любезностями при всякомъ удобномъ случаѣ, не только возвращалъ имъ отнятые у нихъ на полѣ битвы знамена [1]; но и принималъ съ своей стороны всѣ мѣры, чтобы вспомогательный австрійскій корпусъ могъ спокойно совершить свое отступленіе въ предѣлы герцогства варшавскаго, а оттуда къ австрійской границѣ.

Положеніе Австріи должно было, повидимому, ухудшиться съ того момента, когда Пруссія стала рѣшительно на сторону Россіи и когда союзники готовились помѣряться съ Наполеономъ силами на поляхъ Саксоніи. Теперь нельзя уже было отдѣлываться одними словами и обѣщаніями, теперь нельзя уже было играть роли посредника, оставаясь въ тоже время союзникомъ Наполеона. И вотъ—Меттернихъ совершаетъ одинъ изъ самыхъ блестящихъ своихъ дипломатическихъ ходовъ. Онъ заявляетъ, что Австрія намѣрена выступить въ роли посредницы между воюющими сторонами, хотя и желаетъ сохранять въ тоже время ненарушимо свой союзный договоръ съ Франціею. Наполеонъ спѣшилъ запутать австрійскаго министра въ его собственныхъ сѣтяхъ. Онъ приказалъ заявить Меттерниху, (7-го апрѣля 1813 г.), черезъ своего уполномоченнаго посла, что Австрія, если только она желаетъ быть дѣйствительною посредницею, должна дѣйствовать болѣе рѣшительно, должна настаивать на немедленномъ-же открытіи переговоровъ и въ случаѣ упорства или уклончивыхъ отвѣтовъ Россіи и Пруссіи должна принять участіе въ войнѣ не какъ вспомогательная сила, а какъ заинтересованная, главнымъ образомъ, держава [2]). Въ первыхъ числахъ мая, когда императоръ французовъ откроетъ кампанію на правомъ берегу Эльбы во главѣ 300,000 человѣкъ, Австрія должна увеличить свою армію подъ Краковомъ и довести ее, считая польскія войска князя Понятовскаго, до 150,000 человѣкъ. Съ другой стороны, Австрія

[1]) Еще въ началѣ войны императоръ Александръ прислалъ при любезномъ письмѣ два штандарта, отбитыхъ у кавалергардскаго полка Орейли. См. Toll's Denkwürdigkeiten. T. III. стр. 10.

[2]) См. Toll's Denkwürdigkeiten T. III. стр. 15.

должна сосредоточить 40,000 корпусъ въ Богеміи, и въ тотъ самый день, когда Наполеонъ явится на Эльбѣ, австрійское правительство должно предъявить свой ультиматумъ императору Александру, армія подъ Краковомъ извѣститъ русскихъ о прекращеніи перемирія, а войска, собранныя въ Богеміи, ударятъ во флангъ союзникамъ.

Меттернихъ выслушалъ спокойно категорическое заявленіе посла, затѣмъ онъ выбралъ изъ него тѣ пункты, которые соотвѣтствовали интересамъ и тайнымъ намѣреніямъ Австріи, истолковалъ ихъ въ своемъ смыслѣ и отправилъ надлежащія инструкціи, послу своему въ Парижѣ, князю Шварценбергу. Шварценбергъ сыгралъ превосходно заданную ему роль. Онъ заявилъ въ Парижѣ, что существуетъ дѣйствительно лишь одно средство для достиженія цѣли, предложенной Австріи — это вооруженный нейтралитетъ и что австрійское правительство соглашается занять это положеніе. Князь Шварценбергъ добавилъ къ своему заявленію, что императоръ Францъ вполнѣ соглашается со взглядомъ Наполеона, что Австрія не можетъ принять участія въ борьбѣ какъ вспомогательная сила, а только какъ самостоятельная заинтересованная въ дѣлѣ держава. „Но въ такомъ случаѣ", добавилъ онъ многозначительно, „необходимо будетъ измѣнить въ соотвѣтствующемъ смыслѣ статьи союзнаго договора 1812 года" [1]).

Ловкая игра удалась какъ нельзя лучше. По почину самого Наполеона, съ его одобренія и согласія Австрія отдѣлалась отъ постыднаго, связывавшаго ей руки, договора и изъ второстепенной союзницы Франціи превратилась въ вполнѣ самостоятельную, нейтральную державу. Борьба въ Германіи начиналась, но надежды Наполеона на вооруженную помощь Австріи ослабѣвали съ каждымъ днемъ. На другой день послѣ битвы при Люценѣ, императоръ французовъ обратился къ своему тестю съ собственноручнымъ письмомъ. „Провидѣніе даровало мнѣ", писалъ онъ, „великую побѣду

---

[1]) См. подробное донесеніе князя Шварценберга у Онкена, томъ II, стр. 80 и

на равнинахъ Люцена, я былъ нѣсколько разъ въ страшнѣйшемъ огнѣ, но остался невредимъ чудеснымъ образомъ; императрица исполняетъ между тѣмъ, къ моему полному удовольствію, задачу моего перваго министра. Я пишу Вамъ это потому, что знаю, что доставлю великую радость отеческому сердцу вашего величества" [1]). Францъ спѣшилъ отвѣчать на сердечное письмо своего зятя. Онъ поздравилъ его съ блестящимъ успѣхомъ, выражалъ надежду на скорый миръ и замѣчалъ, что онъ всегда былъ того мнѣнія, что первое сраженіе должно охладить страсти и разсѣять не мало иллюзій.

Меттернихъ съ своей стороны продолжалъ разсыпаться въ любезностяхъ и обѣщаніяхъ передъ французскимъ посломъ. Всѣ его ноты, адресованныя къ французскому правительству, написаны были въ такомъ тонѣ, что, повидимому, нельзя было и сомнѣваться, что монархія Габсбурговъ, въ случаѣ неудачнаго исхода посредничества, станетъ всѣми своими силами на сторону Наполеона. Французскій императоръ убѣждался, однако-же, все болѣе и болѣе, что за льстивыми фразами и голословными обѣщаніями австрійскаго министра кроется что то недоброе. Онъ не могъ, правда, знать, что Меттернихъ убѣждалъ въ тоже самое время его враговъ разсчитывать во всякомъ случаѣ на вооруженную поддержку Австріи и продолжать твердо войну, не смотря ни на какія неудачи; но помимо этихъ сокрытыхъ отъ него въ глубокой тайнѣ переговоровъ посредничествующей державы, онъ получалъ съ каждымъ днемъ все новыя и новыя доказательства, если и не полнаго вѣроломства Вѣнскаго кабинета, то во всякомъ случаѣ, его крайне двусмысленной политики.

[1]) См. Онкенъ. Т. II, стр. 289. Одновременно съ этимъ письмомъ, Коленкуръ выражалъ въ письмѣ къ французскому послу въ Вѣнѣ полное недовѣріе къ посредничеству Вѣнскаго кабинета, но онъ требовалъ въ тоже время, чтобы графъ Нарбоннъ дѣйствовалъ крайне осторожно, и сдерживалъ: „Cette puissance (т. е. Австрія) vient de faire un premier pas hors des voies de l'alliance. Sans doute cette conduite nous donnerait le droit de nous dégager de tous liens avec l'Autriche, mais l'Empereur aurait préféré que cette reserve lui eût épargné un faux pas." См. Lefebvre. T. V, стр. [illegible].

На каждое требованіе Наполеона занять болѣе рѣшитель-юое положеніе по отношенію къ союзникамъ, Вѣнскій каби-іетъ отвѣчалъ обыкновенно, что ему, какъ посреднику, не юдобаетъ дѣйствовать вызывающимъ образомъ. А когда рус-:кіе двинулись на корпусъ Понятовскаго, стоявшій въ Га-иціи, то австрійскія военныя власти воспользовались этимъ удобнымъ случаемъ, чтобы обезоружить поляковъ и препро-юдить ихъ на западную границу имперіи [1]). Вскорѣ Напо-еонъ убѣдился окончательно, что ему слѣдуетъ отказаться тъ всякой надежды на какую бы то ни было диверсію Австріи со стороны Кракова; изъ донесеній своихъ агентовъ і шпіоновъ онъ вынесъ убѣжденіе, что Вѣнскій дворъ со-:редоточиваетъ свои силы въ Богеміи и мысль, что эти силы югутъ ударить ему во флангъ, не давала ему ни минуты юкоя. Наконецъ, поднялась завѣса надъ австрійскими за-ислами. По прибытіи въ Дрезденъ, Наполеонъ приказалъ азсмотрѣть всѣ бумаги, оставленныя Саксонскимъ королемъ, іри его отъѣздѣ изъ своей столицы. Ему донесли, что въ бумагахъ этихъ заключаются крайне интересныя подробности тайныхъ переговорахъ Австріи съ Саксоніею, Баваріею, Виртембергомъ, Неаполемъ, о стараніяхъ Меттерниха со-:редоточить подъ знаменемъ Габсбурговъ цѣлую коалицію зторостепенныхъ державъ, другими словами, перевести въ іагерь вооруженнаго нейтралитета вѣрнѣйшихъ вассаловъ [2]) императора французовъ. Одновременно съ этими неожидан-ными открытіями пришла въ Дрезденъ депеша графа Нар-боня, французскаго посла въ Вѣнѣ. Посолъ извѣщалъ, что Вѣнскій дворъ намѣренъ предложить воюющимъ сторонамъ миръ на основаніи цѣлаго ряда уступокъ со стороны Напо-іеона, что онъ думаетъ предложить императору французовъ: возвратить Пруссіи часть отнятыхъ у нея владѣній, отка-заться отъ своихъ зарейнскихъ департаментовъ, т. е. отъ Ганзейскихъ городовъ и произвести значительныя перемѣны

[1]) Подробности см. у Онкена, Т. II, стр. 207 и слѣд. Все дѣло было услов-лено съ русскимъ правительствомъ.

[2]) См. Онкенъ, Т. II. стр. 312; Lefebvre стр. 526—529.

въ устройствѣ рейнскаго союза. Какъ ни умѣренны, какъ ни ничтожны были эти требованія Австріи, но уже одни онѣ должны были привести Наполеона въ ярость. Во всякое другое время Наполеонъ отвѣчалъ бы на подобныя требованія объявленіемъ войны, теперь онъ ограничился одними угрозами. „Императоръ“, писалъ по его приказанію Коленкуръ въ Вѣну, „золъ, очень золъ на Австрію, онъ убѣдился въ ея вѣроломствѣ, онъ открылъ всѣ ея козни. Онъ могъ бы страшно отомстить за все это, на сторонѣ его подавляющее превосходство силъ, и ему ничего не стоитъ уступкою Польши склонить на свою сторону Россію; но онъ предпочитаетъ прощать, забывать, онъ желаетъ остаться другомъ Австріи, онъ желаетъ ея союзной помощи, но онъ не требуетъ ея, онъ готовъ удовлетвориться нейтралитетомъ, но подъ условіемъ разоруженія“ [1]).

Еще грознѣе высказался Наполеонъ въ личной бесѣдѣ съ австрійскимъ посломъ, графомъ Бубною [2]). „Я ничего не могу слышать о вашемъ вооруженномъ посредничествѣ“, отвѣчалъ онъ на гладкія и изящныя фразы австрійскаго дипломата. „Вы только путаете, сбиваете всѣхъ съ толку. Я предпочитаю уладить дѣло съ императоромъ русскимъ. Мы придемъ съ нимъ къ соглашенію, мы всегда были съ нимъ на дружеской ногѣ. Вы говорите, что не можете сдѣлать ничего для меня: и такъ, вы, значитъ, сильны только противъ меня. Я принялъ ваше мирное посредничество въ то время, когда вы были моими союзниками: вы перестали быть

1) См. Онкенъ. Т. II. стр. [illegible].

2) Графъ Бубна привезъ Наполеону собственноручное письмо императора Франца. Въ этомъ письмѣ Францъ предлагаетъ Наполеону формально свое посредничество и [illegible] съ полнымъ довѣріемъ. „Если Вы [illegible] Вы убѣдитесь, что посредникъ есть [illegible] столько-же французское, [illegible] Если В. В. [illegible] усилія тою умѣренностью, которая [illegible] самыхъ славныхъ и обезпечить [illegible] на незыблемыхъ основахъ [illegible] соединено съ [illegible] такому спаситель[illegible] Онкенъ. Т. II. приложеніе 41. стр. 648—649.

таковыми съ той минуты, какъ отозвали свой воспомогательный корпусъ. Я не признаю вашихъ тонкихъ толкованій, утверждающихъ, что это обстоятельство ни чуть не повліяло на вашъ союзъ со мною. Такъ говорятъ только съ женщинами, которыхъ хотятъ соблазнить [1]). Кто вы такіе? Говорите ли вы со мною какъ герцогъ Миланскій? или Брабантскій? или какъ великій герцогъ Флорентинскій? Чего хотите вы отъ меня? Палочными ударами ничего не добьешься отъ француза. Я не уступлю ничего, ни одной деревни, присоединенной къ Франціи. Человѣкъ, возвысившійся отъ простаго гражданина до трона, человѣкъ проведшій двадцать лѣтъ подъ градомъ пуль, не боится пуль. Я ставлю свою жизнь ни во что, точно также какъ и жизнь другихъ. Я не поколеблюсь пожертвовать ею; она для меня не дороже жизни 100,000 людей; я бы пожертвовалъ милліономъ человѣческихъ жизней, если бы это было необходимо. Вы ничего не достигнете силою; мы будемъ драться въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, вы можете сокрушить меня только цѣлымъ рядомъ побѣдъ. Быть можетъ, я погибну, а вмѣстѣ со мною и моя династія. Все это мнѣ безразлично. Вы хотите отнять у меня Германію, Италію, хотите обезчестить меня. Прежде всего моя честь, потомъ жена, потомъ ребенокъ, потомъ династія, мы опрокинемъ весь міръ и все существующее [2]). Существованіе монархій будетъ поставлено на карту [3]). Лучшая изъ женщинъ будетъ обречена на жертву, она будетъ несчастна. Франція будетъ выдана въ руки якобинцамъ. Дитя, въ жилахъ котораго течетъ австрійская кровь, что будетъ съ нимъ? Я уважаю моего тестя съ тѣхъ поръ, какъ знаю его, онъ устроилъ мой бракъ благороднѣйшимъ образомъ, я отъ всей души благодаренъ ему за это. Но если императоръ австрійскій желаетъ измѣнить свою систему, то лучше бы онъ не устраивалъ этого брака и не заставлялъ

---

[1]) C'est un discours qu'on peut tenir aux femmes, qu'on veut seduire. Изъ подлиннаго донесенія Бубны, у Онкена, Т. II, приложеніе 42, стр. 650.

[2]) Буквально: Nous allons bouleverser le monde et l'ordre des choses qui est établi.

[3]) L'existence des Monarchies deviendra un problême.

меня раскаяваться въ немъ. Я сказалъ вамъ еще въ Парижѣ и повторялъ нѣсколько разъ князю Шварценбергу, что ни что не противно мнѣ такъ, какъ воевать съ Австріею. Вы великая нація, ваша армія храбра, умы у васъ возбуждены, вы можете причинить мнѣ много вреда; но ваши силы не пугаютъ меня, у меня есть силы противостать вамъ. Судьба римскаго короля—вотъ что лежитъ у меня на сердцѣ. Я не хочу, чтобы австрійская кровь сдѣлалась ненавистна во Франціи. Долгія войны между Франціею и Австріею развили враждебное настроеніе. Вы знаете, что императрица не была любима по своемъ пріѣздѣ во Францію, какъ австрійская принцесса. И вотъ, едва начала она склонять въ свою пользу общественное мнѣніе своею любезностью, своими добродѣтелями, своею способностію къ дѣламъ, какъ вы вынуждаете уже меня издать манифесты, долженствующіе возмутить всю націю. Никто не станетъ упрекать меня, что мое сердце черезчуръ любвеобильно, но если я люблю кого нибудь на свѣтѣ, то это мою жену. Каковъ бы ни былъ исходъ войны, онъ не останется безъ вліянія на будущность римскаго короля. Въ этомъ отношеніи мнѣ ненавистна война противъ Австріи. Я знаю: все, что я сдѣлаю противъ Австріи, я сдѣлаю противъ самого себя, противъ своихъ интересовъ. Что сдѣлалъ я вамъ? Вы оставляете меня, потому что я былъ несчастливъ. Я вѣрнѣйшій союзникъ вашего государя, если бы ему угрожали внутреннія смуты, или внѣшніе враги, я бы поспѣшилъ къ нему на помощь съ 200,000 человѣкъ. Убѣждены ли у васъ въ этомъ?"

Такъ говорилъ Наполеонъ въ своемъ обычномъ грубо-солдатскомъ, но въ тоже время страстномъ тонѣ [1]). Потоками лилась его рѣчь. Онъ говорилъ, не переставая отъ 8 часовъ вечера до ночи [2]). Постоянно возвращался онъ къ

[1]) „Der Kaiser" говоритъ графъ Бубна, „sprach dieses und alles Folgende mit einer Vehemenz, die ich an ihm noch nicht gesehen habe, ohne jedoch in unanständige Ausfälle in Hinsicht der Sache oder der Personen zu verfallen".

[2]) Мы передали въ текстѣ лишь небольшую часть рѣчи Наполеона; въ подлинномъ донесеніи Бубны она занимаетъ нѣсколько листовъ самаго убористаго письма.

своей женѣ, къ королю римскому; видимо, разсчитывалъ онъ, что его сердечныя изліянія будутъ дословно переданы его царственному тестю и произведутъ должное впечатлѣніе на его нѣжное родительское сердце. Но Наполеонъ видно очень плохо зналъ императора Франца; онъ подозрѣвалъ въ немъ присутствіе сердца; онъ и не догадывался, что всѣ внутренности Габсбургскаго монарха были чисто политическаго свойства [1]). Предполагая, что его порывистая, страстная рѣчь, эта странная смѣсь угрозъ, лести, любезностей и насмѣшекъ, произвела долженствующее впечатлѣніе, императоръ понизилъ голосъ и заговорилъ въ болѣе спокойномъ, дѣловомъ тонѣ. Не сердясь, спокойно выслушалъ онъ предложенія посла, объяснившаго ему въ почтительныхъ, осторожныхъ выраженіяхъ программу австрійскаго посредничества. „Итакъ", замѣтилъ онъ наконецъ, „уполномочиваю васъ заявить, что я готовъ принести жертвы для австрійскаго дома; я хочу, чтобы мой тесть разыгралъ прекрасную роль. Даже въ случаѣ войны, я буду просить дозволенія оставаться съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ и увѣдомлять его послѣ каждаго сраженія о моемъ здоровьи" [2]).

Одно преобладающее впечатлѣніе оставилъ въ душѣ Наполеона этотъ разговоръ. Онъ убѣдился, что Австрія хочетъ перехитрить его и задался цѣлью хитрить, и затягивать дѣло, подобно ей. Не смотря на всѣ просьбы Бубны, онъ не давалъ ему никакого опредѣленнаго отвѣта. „Предстоитъ сраженіе. Вы не можете здѣсь оставаться. Поѣзжайте въ Вѣну", вотъ какими словами закончилъ онъ длинную аудіенцію [3]).

Но роль осторожнаго дипломата не была въ характерѣ Наполеона. Уже черезъ день онъ приказалъ позвать графа

---

[1]) „Regungen der Zärtlichkeit für seine Tochter in Paris beiirten freilich den Hartherzigen nicht, dem die Diplomaten nachrühmten, er habe ganz politische Eingeweide". Трейчке, Deutschte Geschichte im 19 Iahrhundert. T. I, 464.

[2]) См. донесеніе Бубны у Онкена, Т. II, стр. 653.

[3]) Въ тотъ-же день Наполеонъ писалъ послу своему въ Вѣнѣ: „Австрія объявитъ намъ войну, какъ только окончитъ свои вооруженія, которыя она ускоряетъ съ настоящею яростью. Отречемся отъ надежды имѣть ее своею союзницею. Онкенъ, Т. II, стр. 315.

и сказалъ ему въ спокойномъ тонѣ: „Напишите, что я склоненъ къ миру. Пусть эти господа пришлютъ уполномоченныхъ и заявятъ черезъ нихъ о своихъ желаніяхъ. Я сказалъ первое слово. теперь очередь говорить за ними. Скажите, что я принимаю перемиріе, если оно будетъ подписано немедленно; я отойду за Эльбу. а союзная армія отойдетъ за Одеръ: Берлинъ можетъ быть занятъ тремя. четырьмя тысячами пруссаковъ". Наполеонъ подтвердилъ свое словесное заявленіе и въ письмѣ, адресованномъ императору Францу. И тутъ онъ находился въ томъ-же опасномъ заблужденіи; и тутъ онъ аппелировалъ къ сердцу своего тестя. „Не разрушайте плодовъ трехлѣтней дружбы". восклицалъ онъ патетически. „не возобновляйте ненависти минувшихъ дней. которая повергнетъ Европу въ войны и потрясенія безъ конца" [1].

Императоръ Александръ не былъ. разумѣется. посвященъ въ тайны австрійскихъ переговоровъ съ Наполеономъ: но онъ хорошо помнилъ какое неудовлетворительное, не полное впечатлѣніе произвели на него продолжительныя совѣщанія съ австрійскимъ уполномоченнымъ. графомъ Филиппомъ Стадіономъ. Это было въ Герлицѣ. незадолго до кровавыхъ Бауценскихъ дней. Стадіонъ явился въ союзный лагерь съ такими-же предложеніями. какъ Бубна къ Наполеону: онъ требовалъ принятія австрійскаго посредничества. Уже при первой бесѣдѣ съ графомъ Нессельроде и канцлеромъ Гарденбергомъ. Стадіонъ не могъ не замѣтить. что союзники были твердо намѣрены вынудить отъ Австріи болѣе прямой и рѣшительный образъ дѣйствій. Оба министра заявили. что если Наполеонъ не приметъ до 1-го іюня австрійскихъ предложеній, то Австрія должна будетъ немедленно-же соединить свои арміи [illegible]. Стадіонъ отвѣчалъ уклончиво [illegible] выражаясь языкомъ [illegible] стороны все [illegible] на счетъ этого пункта [illegible] уполномоченный требо-

[1] [illegible] письмо Наполеона у О[illegible]

іъ, чтобы союзники не колебались ни на одну минуту въ ›емъ политическомъ и военномъ направленіи, чтобы они поддавались впечатлѣнію какихъ-бы то ни было неудачъ іораженій. Союзные министры отвѣчали, что на этотъ счетъ можетъ быть даже ни малѣйшаго сомнѣнія, что, впрочемъ, ıфъ можетъ убѣдиться самъ въ непоколебимой твердости озныхъ монарховъ на личномъ свиданіи съ ними [1]).

Свиданіе состоялось уже на другой день въ Вуршенѣ. ›ежде всего Стадіонъ представился императору Александру. іъ вручилъ ему собственноручное письмо императора Фран-. Въ письмѣ заключалась слѣдующая многознаменательная ›аза: „Молю Бога, чтобы достигнутъ былъ безъ дальнѣй-ıго кровопролитія желанный порядокъ вещей въ Европѣ. › противномъ случаѣ наши соединенныя силы, руководи-ıя по твердому плану и въ полнѣйшемъ единомысліи, не-минѣнно приведутъ насъ къ той благородной цѣли, кото-ю поставили себѣ державы“ [2]).

Императоръ Александръ подалъ видъ, что онъ вполнѣ удов-творенъ и успокоенъ торжественнымъ заявленіемъ Франца; ъ могъ сдѣлать это и потому, что былъ далекъ отъ мысли, о и Наполеонъ получаетъ въ этотъ-же самый день подоб-е-же завѣреніе. Въ личной бесѣдѣ Александръ очаровалъ адіона своимъ знаніемъ дѣла, своими основательными от-вами о только что совершившихся военныхъ операціяхъ. кровенно сознался онъ, что союзники сдѣлали подъ Лю-номъ большія ошибки. Въ каждомъ словѣ его выражалась и этомъ его твердая рѣшимость, его непоколебимая вѣра будущее. Онъ былъ, повидимому, убѣжденъ въ искрен-сти обѣщаній Австріи. Онъ засыпалъ посла вопросами въ дѣ слѣдующихъ: Приняла-ли Австрія безповоротное рѣше-: на тотъ - случай, если Наполеонъ отклонитъ минимумъ требованій? Когда могутъ быть сосредоточены на границѣ стрійскія войска? Что предпрійметъ австрійскій кабинетъ

---

[1]) См. донесеніе графа Стадіона у Онкена, Т. II, стр. 316.

[2]) Письмо императора Франца напечатано въ подлинникѣ у Онкена, Т. II, тр. 644—645.

въ томъ случаѣ, если онъ не получитъ до 1-го іюня рѣшительнаго отвѣта Наполеона на свои требованія? Что будетъ, если Наполеонъ дастъ свое согласіе лишь для того, чтобы парализировать ходъ военныхъ дѣйствій и отдѣлить Австрію отъ союзниковъ? На всѣ эти вопросы Стадіонъ могъ отвѣчать, уже въ силу своихъ инструкцій, не иначе какъ общими и не вполнѣ опредѣленными фразами. Онъ старался лишь успокоить императора Александра, точно также какъ старался успокоить передъ тѣмъ союзныхъ министровъ [1]).

Король прусскій принялъ уполномоченнаго Австріи вечеромъ того-же дня. И онъ произвелъ на Стадіона благопріятное впечатлѣніе. Въ его словахъ не было, правда, того героическаго одушевленія, которое звучало въ каждой нотѣ голоса Александра, онъ говорилъ даже о томъ отчаянномъ положеніи, въ которое будетъ поставленъ онъ, въ случаѣ дальнѣйшихъ колебаній Австріи [2]), но и онъ былъ проникнутъ въ сущности тою-же твердою рѣшимостью, какъ его великодушный, восторженный другъ, и онъ готовъ былъ скорѣе погибнуть, нежели отступить съ позоромъ отъ подъятаго великаго дѣла. Король коснулся между прочимъ будущаго устройства Германіи, онъ замѣтилъ, что вліяніе Австріи должно-бы было преобладать на югѣ Германіи, а вліяніе Пруссіи на сѣверѣ. Стадіонъ видимо не былъ приготовленъ къ этому вопросу: онъ ничего не отвѣтилъ королю и спѣшилъ перейти къ другому предмету [3]). И на этой аудіенціи послу приходилось болѣе успокоивать и отдѣлываться общими обѣщаніями, нежели давать точные и опредѣленные отвѣты.

Ходъ военныхъ операцій продолжалъ способствовать, какъ нельзя болѣе, дипломатическимъ планамъ Австріи. Сраженіе

---

[1]) См. донесенія графа Стадіона у Онкена. Т. II стр. [illegible].

[2]) Der König sprach ziemlich lange mit mir, mit weit weniger Seelenschwung als der Kaiser, aber gleichwohl mit grosser Festigkeit von dem Ergebnisse seiner Betrachtungen über die [illegible] Lage, in welcher er sich befinden [illegible] preisgegeben würde. Изъ донесенія Стадіона у Онкена. Т. II стр. [illegible].

[3]) [illegible] Stadion hat darauf nichts erwidert und ist zu etwas anderem übergegangen. Oncken T. II. стр. [illegible].

уценѣ далеко не имѣло тѣхъ рѣшительныхъ послѣд-
:акихъ ожидалъ отъ него Наполеонъ. Союзная армія
ı истреблена и, удаляясь съ поля битвы, нанесла сво-
этивнику колоссальный уронъ. Наполеонъ, разочаро-
въ своихъ надеждахъ, склоненъ былъ болѣе нежели
ибо на перемиріе, хотя и думалъ воспользоваться
іеремиріемъ, исключительно для подготовленія къ но-
аянной борьбѣ. Все еще надѣясь привлечь Австрію
э сторону, онъ не медлилъ ни минуты принятіемъ
скаго посредничества. Съ своей стороны императоръ
адръ былъ столь-же мало поколебленъ Бауценскою
ю, какъ не задолго передъ тѣмъ Люценскою. Его ду-
:аленная великими невзгодами прошлаго, преиспол-
твердыми надеждами на помощь Всевышняго, чужда
ла теперь человѣческихъ слабостей. Съ изумленіемъ
ъ графъ Стадіонъ на россійскаго монарха, на аудіен-
ной ему уже на другой день послѣ отступленія отъ
а. Уполномоченный Австріи ожидалъ увидѣть потря-
, взволнованнаго, раздраженнаго цѣлымъ рядомъ не-
властелина, но онъ увидѣлъ спокойнаго, любезнаго,
ѣреннаго, непоколебимаго въ своихъ надеждахъ, не-
аго въ своихъ цѣляхъ, вождя европейскихъ народовъ
священной борьбѣ за свободу. Какое спокойствіе, какое
ѣсіе духа звучало въ каждомъ словѣ Александра, какая
ѣренность, какая твердость выражались во всей его
, свѣтились, въ его открытомъ, орлиномъ взглядѣ! Онъ
ъ оживленно и много о послѣднихъ битвахъ, но го-
спокойно, безъ хвастовства и безъ унынія. Онъ хва-
облесть своихъ русскихъ солдатъ, превозносилъ отва-
:саковъ, но отзывался сдержанно о своихъ генера-
. Онъ безъ обиняковъ сознавался, что союзники бу-
:егда побѣждаемы въ открытомъ полѣ превосходнымъ
мъ геніемъ Наполеона; но выражалъ въ тоже время

подлинникомъ донесенія Стадіона сказано: mit auszerordentlichem Lo-
Truppen, mässigem Lobe seiner Generale und voller Anerkennung
в. Онкенъ Т. II, стр. 330.

твердое убѣжденіе, что стойкая энергія и непоколебимое, упорное стремленіе къ цѣли должны, наконецъ, доставить побѣду правому дѣлу. Онъ повторилъ здѣсь тоже самое, что говорилъ въ Вуршенѣ, но еще съ большею силою и искренностью убѣжденія. Онъ прямо сказалъ Стадіону, что возлагаетъ теперь свою главную надежду на Австрію. Ея присоединеніе къ союзникамъ дастъ имъ возможность истощить средства Наполеона: онъ будетъ побѣжденъ не въ открытыхъ сраженіяхъ, а разстратитъ свои силы и будетъ приведенъ къ катастрофѣ такимъ-же точно способомъ какъ въ 1812 году [1]).

Возлагая такія надежды на Австрію, императоръ Александръ спѣшилъ напомнить въ тоже время австрійскому уполномоченному, что союзные государи твердо убѣждены въ искренности Вѣнскаго кабинета, что они соглашаются на перемиріе лишь въ полной увѣренности, что Габсбургская монархія не замедлитъ соединить свои силы съ ними, съ того момента, когда обнаружится еще разъ передъ глазами всего свѣта ненасытная алчность и непреклонное властолюбіе Наполеона.

Анштетъ, представитель Россіи, обратился, по волѣ своего государя, съ такими словами къ графу Стадіону, наканунѣ подписанія перемирія: „Со времени прибытія императора Александра въ Калишъ, союзные кабинеты буквально слѣдовали всѣмъ указаніямъ Вѣнскаго двора: они руководились въ своихъ дѣйствіяхъ тѣми объясненіями, тѣми надеждами, которыя давали имъ изъ Вѣны. На основаніи этихъ совѣтовъ, русскіе перешли черезъ Вислу, черезъ Одеръ, вступили, наконецъ, въ Германію. По требованію изъ Вѣны, прусскій король принялъ дѣятельное участіе въ войнѣ, которая должна рѣшить вопросъ о его существованіи. Вѣнскій кабинетъ [illegible] событія. онъ [illegible] дѣло Европы.

1) [illegible] werde er [illegible] Art von Erschöpfung, [illegible] gebracht habe". Oncken [illegible]

рокомъ для окончанія своихъ вооруженій онъ самъ назнаилъ сначала 24-е мая, затѣмъ 1-е, потомъ 10-е и наконецъ 5-е іюня. Теперь, кажется, онъ намѣренъ продлить этотъ рокъ до конца мѣсяца. Союзные дворы не желаютъ ничего ного, какъ присоединиться къ такому рѣшенію, которое астъ Австріи возможность занять, наконецъ, то положеніе, а которое указывала она уже столько разъ. Императоръ король намѣрены твердо держаться этого рѣшенія. Они е хотятъ вѣрить, чтобы австрійскій кабинетъ обманывалъ хъ, чтобы онъ хотѣлъ купить цѣною своей собственной гиели паденіе Россіи, Пруссіи и Европы". Въ заключеніе министръ объявилъ, что онъ явился къ графу Стадіону просить го отъ имени союзныхъ государей рѣшить: должны-ли они ринять французское предложеніе о продленіи перемирія до 0 іюля, и сообщить имъ положительно какое вліяніе окаетъ ихъ согласіе или несогласіе на образъ мыслей и оконательныя намѣренія императора австрійскаго [1]).

Графъ Стадіонъ былъ поставленъ рѣшительнымъ запроомъ министра въ крайне неловкое положеніе. Человѣкъ лубоко честный и прямой, къ тому-же принципіальный врагъ Іаполеона, онъ стоялъ со всѣми своими симпатіями на стоонѣ союзниковъ. Онъ готовъ былъ дать министру прямой искренній отвѣтъ, но инструкціи его двора не давали ему рава на такой отвѣтъ. Онъ принужденъ былъ замѣтить, что нъ не можетъ дать такого отвѣта, который могъ-бы свяать его правительство, что онъ можетъ высказать лишь свой ичный взглядъ. По его мнѣнію, къ концу мѣсяца іюня Австрія будетъ сильнѣе, нежели когда-либо; четырехнедѣльое перемиріе будетъ, слѣдовательно, вполнѣ достаточно. Само собою понятно, что подобный отвѣтъ не могъ имѣть никакого значенія для союзныхъ дворовъ. Не оставалось иного исхода, какъ принять предложеніе Наполеона и подписать перемиріе до 20 іюля [2]).

---

[1]) Такое же заявленіе было сдѣлано и прусскимъ уполномоченнымъ Кнезебекомъ. См. Онкенъ, Т. II, стр. 332.

[2]) Отвѣтъ Стадіона у Онкена, Т. II. стр. 332.

Жребій былъ брошенъ! Судьба Европы, судьба человѣче
ства поставлены были въ зависимость отъ рѣшенія вѣчно ко
леблющагося, двусмысленнаго, коварнаго Вѣнскаго кабинета
Александръ не могъ скрыть отъ себя, какая страшная опас
ность заключалась въ подобномъ положеніи. Его приближен
ные, его совѣтники и его союзники не въ состояніи был
разсѣять его опасеній; они сами относились съ недовѣріем
къ австрійской политикѣ, къ австрійскимъ военнымъ силамъ
къ австрійскому общественному духу. Всѣ лучшіе, всѣ во
сторженные въ союзномъ лагерѣ люди не ожидали ничег
добраго отъ Австріи. „Что общаго между нами и австрій
цами“, говорили они, „наши монархи ополчаются во имя сво
боды и попранныхъ правъ народовъ, австрійскій кабинет
хлопочетъ о политическомъ равновѣсіи и территоріальных
вознагражденіяхъ [1]). Россія и Пруссія ставятъ на карту вс
свое національное и государственное существованіе; Австрі
предполагаетъ вести такую-же кабинетную кампанію, какъ
въ 1805 году. Горячій національный энтузіазмъ, пламенно
религіозное одушевленіе пылаютъ въ рядахъ нашихъ войскъ
Русскіе мстятъ врагу за пожаръ Москвы, за опустошеніе поло
вины своего отечества, за неслыханное поруганіе своей святы
ни. Пруссаки горятъ желаніемъ смыть въ крови враговъ несл
ханный позоръ, небывалое бѣдствіе, обрушившееся на ихъ оте
чество за послѣднее десятилѣтіе. Въ нашемъ станѣ подымают
оружіе цѣлые народы за свою національную честь, за свое су
ществованіе, за вѣру отцовъ, за прирожденныхъ государей. !

---

[1]) Политику Австріи въ 1813 г. прекрасно охарактеризовалъ Шишковъ
слѣдующихъ словахъ: „Австрійскій дворъ, не взирая на истребленіе францу
скихъ войскъ въ Россіи, ниже на соединеніе пруссаковъ съ нами, ниже
приближеніе союзныхъ войскъ къ Эльбѣ, ниже на крайнія обиды и разорені
претерпѣнныя и претерпѣваемыя нѣмецкою землею отъ французовъ, долго к
лебался соединиться съ прочими союзниками, и не иначе на то рѣшился ка
принужденный общимъ гласомъ всего своего народа. Россія пришла единстве
но для освобожденія и пользъ австрійскаго двора: а дворъ австрійскій медли
размышлялъ, и какъ будто изъ милости соглашался пристать къ ней! Да, ког
и присталъ, то надобно спросить у нашихъ и прусскихъ полководцевъ и со
дать, такимъ-ли образомъ вели австрійцы войну сію, и такъ ли поступа
чтобы можно было называть ихъ спасителями Европы?“ Шишковъ, записки
Т. I, стр. 287.

асъ всѣ состоянія, возрасты и полы несутъ свое послѣднее остояніе на алтарь отечества, на ряду съ регулярными сиами возникаютъ повсемѣстно добровольныя дружины. Что идимъ мы, вмѣсто всѣхъ этихъ подъемлющихъ душу явлеій, въ Австріи? Во главѣ ея стоитъ государь, хорошо извѣтный своимъ эгоизмомъ и малодушіемъ, своимъ глубокимъ едовѣріемъ къ народу и живымъ источникамъ его силы. Ея нѣшняя политика направляется министромъ, для котораго ѣтъ и не можетъ быть иныхъ путей, кромѣ путей интриги, коварства и вѣроломства [1]). Напрасно стали бы мы искать ъ разноплеменной и разноязычной монархіи Габсбурговъ ого національнаго энтузіазма, того религіознаго настроенія, которые царствуютъ въ нашемъ станѣ. Правда, еще недавно, встрійскіе правители аппелировали къ этому духу, силиись раздуть въ своихъ народахъ священный огонь; [2]) но въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ, они заботились лишь о томъ, чтобы погасить его навсегда. Великая вспышка 1809 года возбуждаетъ въ нихъ лишь презрительную усмѣшку; Напоеоновская система сдѣлалась ихъ идеаломъ, они смотрятъ на народъ лишь какъ на податную силу, какъ на пушечное мясо [3]). Австрійское общество съ своей стороны успѣло уже

---

[1]) Такія мнѣнія о Меттернихѣ были сильно распространены въ союзномъ лагерѣ. Не одинъ Штейнъ называлъ Меттерниха хитрымъ, легкомысленнымъ и пошлымъ; даже такіе спокойные люди, какъ графъ Гарденбергъ, братъ прусскаго канцлера, говорили въ сущности тоже самое. Они соглашались, что онъ не любилъ прямыхъ путей, что ходы его напоминали ходы змѣи. См. Онкенъ, Т. II, стр. 88.

[2]) Это было въ 1809 году.

[3]) Трейчке говоритъ въ своей исторіи Германіи XIX столѣтія. „Францъ былъ вполнѣ согласенъ съ своимъ зятемъ, что только одни бунтовщики могутъ мечтать „о такъ называемой Германіи". Охотно вѣрилъ онъ всѣмъ баснямъ Наполеоновской полиціи о революціонныхъ происках прусскихъ тайныхъ обществъ; еще въ мартѣ 1813—посолъ его просилъ прусскаго короля, разумѣется напрасно, о закрытіи тайныхъ обществъ. Францу нечего было бояться національнаго образа мыслей своего собственнаго народа; но даже одиночныя проявленія патріотическаго духа пугали деспота. Онъ не могъ забыть, что нѣсколько австрійскихъ офицеровъ вступили въ русскую службу. Опасный прусскій заговорщикъ Юстусъ Грунеръ давно уже сидѣлъ въ крѣпости, а когда Гагернъ и другіе патріоты отважились подготовлять возстаніе въ Тиролѣ, то императоръ тотчасъ-же прибѣгъ къ арестамъ и изгнаніямъ". Трейчке, Т. I. стр. 411.

излѣчиться отъ національной лихорадки. Въ Австріи, правда, не любятъ французовъ, тяготятся Наполеоновскимъ самовластіемъ, проклинаютъ континентальную систему, жалѣютъ о прежнихъ спокойныхъ временахъ, но и только. Никому не приходитъ тамъ въ голову жертвовать для возстановленія отечества жизнью и достояніемъ; энтузіазмъ всякаго рода считается тамъ смѣшною и опасною вещью. „Духъ времени" Арндта, которымъ зачитываются прусскіе патріоты [1], „Рѣчи Фихте къ нѣмецкому народу" [2], которыя ходятъ по рукамъ въ Германіи, считаются тамъ,—въ Австріи, запрещенными книгами. Катехизисъ Арндта, пѣсни Кернера [3], воодушевляющіе на поляхъ брани прусскихъ ополченцевъ и добровольцевъ, вызываютъ въ Вѣнѣ презрительныя усмѣшки. Вѣна живетъ и веселится, на сколько дозволяютъ тяжелыя времена и тощіе карманы. На театральныхъ подмосткахъ даются пьесы, въ которыхъ подвергаются осмѣянію герои, бившіеся на кровавыхъ поляхъ Люцена и Бауцена, въ которыхъ закидывается грязью всякое самостоятельное проявленіе національнаго энтузіазма и любви къ отечеству. И эти пошлыя творенія вѣнскихъ поэтовъ разрѣшаются и одобряются къ публичному представленію императорскою цензурою. А публика, она аплодируетъ комедіантамъ, топчущимъ въ грязь все, что есть чистаго и святаго на свѣтѣ [4]. Но оставимъ въ сторонѣ народъ и его живыя силы, говорили тогда въ союзной арміи, забудемъ святые, восторженные порывы, наполняющіе сердца нашихъ мужей и юношей, нашихъ женъ и дѣвицъ, станемъ всецѣло на чиновническую точку зрѣнія, единственно признаваемую въ Австріи, посмотримъ, что можетъ дать намъ Австрія для предстоящей борьбы и какую

[1] Der Geist der Zeit Арндта былъ первою книгою, въ которой выразилось поднятіе патріотическаго духа въ сѣверной Германіи. Книга появилась въ 1807 году.

[2] Фихте, знаменитый нѣмецкій философъ, говорилъ свои пламенныя патріотическія рѣчи въ 1807 г., когда Берлинъ былъ занятъ французскими войсками.

[3] Теодоръ Кернеръ патріотическій поэтъ Германіи поступилъ въ отрядъ добровольцевъ Лютцова, и палъ съ мечемъ въ рукахъ въ битвѣ съ французами.

[4] см. Toll's Denkwürdigkeiten. Т. III, стр. 11.

начитъ она намъ за свою помощь. Австрійскіе бю-
и дипломаты хорошо знаютъ какое значеніе имѣ-
войны деньги. Спрашивается, есть ли у Австріи
[хъ нѣтъ, государство только что пережило насто-
кротство. На добровольныя пожертвованія, текущія
ильно въ Россіи и Пруссіи, смѣшно бы было раз-
въ Австріи, гдѣ правительство и правители дѣ-
:ослѣднее время съ своей стороны все, чтобы раз-
эгоизма и холоднаго разсчета въ публикѣ, гдѣ
вѣрноподданнымъ считается лишь тотъ, кто пре-
тъ всѣ заботы объ общемъ благѣ низшему и выс-
альству и довольствуется съ своей стороны лишь
ассивнымъ повиновеніемъ и молчаніемъ. Но допус-
Австрія получитъ достаточныя субсидіи отъ Англіи,
ь, что она мобилизируетъ при ихъ помощи свои
вѣдь арміи не создаются въ два или три мѣсяца,
ская военная организація пришла съ 1809 года, по
ихъ правителей, въ небывалый упадокъ. У австрій-
ь ни достаточнаго количества хорошо обученныхъ
ни контингента опытныхъ офицеровъ, ни достаточ-
асовъ оружія, аммуниціи и одежды [1]). Кроссаръ [2])
ле ему фантасты могутъ увѣрять кого угодно, что
мъ въ Богеміи многочисленную, превосходно воору-
г снабженную всѣмъ необходимымъ армію; свѣдѣнія,
зъ болѣе достовѣрныхъ источниковъ, убѣждаютъ
сожалѣнію, въ совершенно противномъ. Извѣстно,
льно, что Австрія въ самомъ лучшемъ случаѣ мо-
рать въ Богеміи не болѣе 80,000 человѣкъ, что въ
время у нея имѣется подъ ружьемъ не болѣе
ловѣкъ, что во всемъ ощущается крайній недоста-
солдаты уже и теперь принуждены воровать и
чтобы не умереть съ голода, что мы встрѣтимъ въ

и слухи, ходившіе уже тогда объ австрійской арміи, подтверждают-
ьзя болѣе, документами изданными въ послѣднее время.
ытныя свѣдѣнія о Кроссарѣ, выставляющія эту личность въ крайне
дѣ, находятся въ запискахъ Муравьева. См. „Русскій Архивъ“,
ода стр. 7 и слѣд.

Штейна въ тяжелые дни перемирія было далеко не радужнаго свойства. „Наполеонъ“, писалъ онъ женѣ изъ Рейхенбаха, „предложилъ перемиріе, и Австрія поддержала его, имѣя въ виду окончить свои вооруженія и предпринять попытку примиренія, попытку, которая врядъ ли можетъ имѣть успѣхъ при настроеніи, господствующемъ въ союзномъ лагерѣ“ [1]). Штейнъ замѣчалъ какое тяжелое впечатлѣніе произвело перемиріе въ прусскомъ народѣ и арміи, онъ видѣлъ, что уныніе и отчаяніе начинаютъ овладѣвать самыми смѣлыми и рѣшительными патріотами: но онъ не подчинялся общему теченію и его надежды на счастливый исходъ великой борьбы оставались также непоколебимы, какъ и въ тяжелые дни Московскаго пожара. Надежды Штейна вытекали прежде всего изъ его глубокаго религіознаго чувства, изъ его твердой вѣры въ благость и премудрость Божественнаго Промысла. „Дѣла Наполеона несомнѣнно клонятся къ концу“, говорилъ онъ и писалъ своимъ близкимъ. „Возможно ли, чтобы Божественное Провидѣніе не рѣшило разъ навсегда положить предѣлъ безумію Наполеона? Мыслимы-ли сомнѣніе и невѣріе послѣ тѣхъ, по-истинѣ, чудесныхъ событій, очевидцами которыхъ были мы въ Россіи въ истекшемъ году? Господь, руководившій нами такимъ неслыханнымъ образомъ, не оставитъ насъ и впредь. Уныніе, господствующее вокругъ меня, вытекаетъ или изъ робости, или изъ лѣнивой изнѣженности: первая боится опасности, вторая трудовъ и жертвъ, сопряженныхъ съ упорною борьбою. Я надѣюсь, что ни то, ни другое чувство никогда не овладѣютъ моею душою. Мы переживаемъ моментъ великихъ рѣшеній. Узкій кругозоръ Франца II-го и его министра тормозитъ движеніе, руководимое великодушными идеями Александра [2]). Императоръ Всероссійскій вполнѣ сознаетъ необходимость продолжать войну, онъ всецѣло проникнутъ величіемъ предпріятія и его цѣли: но къ сожалѣнію, онъ

[1]) См. Перцъ, Stein's Leben. T. III. стр. [illegible]7.

[2]) См. [illegible] и 12 августа. Перцъ, Stein's Leben. T. III. стр. [illegible]

людьми, которые неспособны поддержать, закалить
литическомъ и военномъ отношеніи. Нессельроде,
ный, пустой человѣкъ, бѣдный, ничтожный, онъ сто-
олмилліона саженей ниже своего поста. Анштетъ че-
ıный и способный, но онъ не обладаетъ достаточ-
гіею и вліяніемъ на императора. Поццо-ди Борго
измѣримо выше всѣхъ остальныхъ. Онъ обладаетъ
ужествомъ, краснорѣчіемъ, но сфера его дѣятель-
ьма ограничена и не онъ виноватъ въ томъ, что
етъ такъ какъ слѣдуетъ" [1]).
ъ заключается теперь обязанность всякаго честнаго
задавалъ себѣ вопросъ Штейнъ и отвѣчалъ на него
бразомъ. „Никогда съ 1792 г. не было сосредото-
еатрѣ войны такихъ массъ войска и никогда еще
были одушевлены такимъ духомъ. Число русскихъ
ıхъ войскъ доходитъ до 400,000 ч. И съ такимъ
еннымъ и съ такимъ восторженнымъ войскомъ за-
гибельныя перемирія, позволяютъ тщеславному,
легкомысленному, пошлому Меттерниху вовлекать
ереговоры, которые или совершенно безполезны,
утъ къ постыдному и пагубному миру. Необходимо
ся такимъ замысламъ, необходимо нападать на без-
ыхъ людей и глупцовъ, дающихъ подобные совѣты" [2]).
йнъ сопротивлялся этимъ замысламъ, онъ напа-
тихъ людей; по мѣрѣ силъ своихъ, старался онъ
гь императора Александра въ его тяжелой борьбѣ.
ксандра былъ еще и другой источникъ, изъ кото-
алъ онъ и новую силу, и новое убѣжденіе въ пра-
го дѣла, и незыблемую надежду на побѣдоносный

ісьма Штейна отъ 18 іюня къ женѣ и отъ 17 іюля къ графу Мюн-
ь, Stein's Leben, T. III, стр. 378 и 390.
ъ такимъ образомъ опредѣляетъ численность союзныхъ войскъ:
ссаковъ, 100,000 войско Барклая де-Толли; 60,000 войско кронъ-
дскаго, исключая пруссаковъ; 100,000 войско Бенингсена и Тол-
симъ изъ этого полумилліона сто тысячъ на гарнизоны и ошибки и
400,000 готовыхъ къ бою въ открытомъ полѣ". Письмо Штейна
ʃ отъ 19 іюля. Перцъ, Stein's Leben, T. III, стр. 393.

исходъ подъятаго имъ великаго предпріятія. „Мужество, терпѣніе, вѣра въ Бога“, пишетъ Штейнъ, „вотъ надпись, которую носитъ на своемъ кольцѣ императоръ; вотъ девизъ, который должны бы были усвоить себѣ всѣ благомыслящіе люди“ [1]).

И императоръ Александръ всецѣло руководился этимъ девизомъ. Какъ было въ тяжелые дни Наполеонова нашествія на Россію, такъ и теперь, въ годину новаго испытанія, онъ беззавѣтно ввѣряется премудрому Промыслу Всеблагого Творца.—Сосредоточенный въ самомъ себѣ, серьёзный и въ прежніе годы своего юношества, онъ утратилъ въ тяжелые дни Московскаго пожара послѣдніе легкомысленные мотивы, волнующіе и движущіе, такъ называемыхъ, свѣтскихъ людей. Общество съ его пустою болтовнею, съ его мелочными интересами и ничтожными интригами потеряло для него свое послѣднее обаяніе. Какъ въ 1812 году, такъ и теперь, онъ искалъ для себя уединенія и притомъ уединенія полнаго, абсолютнаго. При наступленіи перемирія всѣ высокопоставленныя лица: государи, дипломаты, полководцы, спѣшили предаться давно желанному покою, искали отдыха, развлеченія, удовольствій. Прекрасное время года, прелестная горная природа Силезіи и сосѣдней Богеміи способствовали какъ нельзя болѣе удовлетворенію такихъ естественныхъ желаній. Съ восторгомъ говоритъ Муравьевъ, въ своихъ запискахъ, о прелестныхъ окрестностяхъ Оссига, гдѣ расположился великій князь Константинъ Павловичъ. „Видъ изъ моего окна“, говоритъ онъ, былъ прелестный: богатыя золотыя поля растилались во всѣ стороны, а надъ колосьями возвышались церкви селеній, окруженныхъ садами; дороги разсѣкали холмистыя поля, по коимъ всюду двигались фуры. Въ правой сторонѣ находилась роща, которая сохранялась для охоты короля: въ ней водились разныя птицы, и разноцвѣтные фазаны пролетали иногда мимо моего окна. Чудесная страна, населенная честными и добрыми людьми! Сидя у окна и любуясь природою, воображеніе мое парило въ прошед-

[1]) Письмо Штейна къ женѣ изъ Рейхенбаха отъ 30 іюня. Перцъ, Stein's Leben. T. III. стр. 360.

шемъ и будущемъ. При закатѣ солнца отовсюду слышались пѣсни и, наконецъ, заревая труба наша возвѣщала въ отдаленности покой могильнымъ голосомъ своимъ во всѣхъ окрестныхъ селеніяхъ" [1]). Въ Нейдорфѣ, въ не менѣе прелестной мѣстности, расположился съ своей свитою король прусскій; въ недалекомъ разстояніи отъ него въ живописной крѣпости Нейссе жили дѣти короля, подъ наблюденіемъ знаменитаго Гуфеланда. Прелестный городокъ Рейхенбахъ являлся самымъ оживленнымъ центромъ отдыха, увеселеній и въ тоже время важнѣйшихъ занятій и дѣлъ. Расположенный у подошвы лѣсистаго Ейленгебирге, онъ представлялъ то особенное удобство, что въ непосредственномъ сосѣдствѣ его пролегала австрійская граница. Вотъ почему въ Рейхенбахѣ расположилась главная дипломатическая квартира союзниковъ; вотъ почему, сюда стеклись со всѣхъ сторонъ министры и дипломаты великихъ и малыхъ державъ, оффиціальные и тайные агенты, искатели приключеній и наживы, услужливые еврейскіе банкиры и факторы. Тутъ проживали постоянно: графъ Стадіонъ, австрійскій уполномоченный при союзныхъ государяхъ; государственный канцлеръ прусскій Гарденбергъ, знаменитые дипломаты и еще болѣе знаменитые ученые Нибуръ и Ф. Гумбольдтъ; русскій министръ Алопеусъ, англійскіе министры Каткартъ и Стевартъ. По временамъ сюда наѣзжали Штейнъ, Анштетъ, Нессельроде, Поццо-ди Борго и другіе русскіе министры; изъ сосѣдней главной квартиры генерала Блюхера навѣдывались чаще другихъ генералы Гнейзенау и Грольманъ. Навѣдывались нерѣдко и другіе знатные и интересные люди. Князь Радзивилъ, близкій родственникъ прусскаго королевскаго дома, извѣстный саксонскій генералъ Тилеманъ, перебѣжавшій къ союзникамъ отъ Наполеона, графъ Гарденбергъ, ганноверскій посолъ въ Вѣнѣ, вносили своими посѣщеніями еще большее оживленіе въ общество Рейхенбаха и безъ того уже достаточно оживленное [2]).

---

[1]) См. записки Н. Н. Муравьева, Русскій архивъ 1885 г. кн. 12, стр. 488.
[2]) См. Перцъ, Stein's Leben, T. III, стр. 368—369.

Всѣ предавались своимъ обычнымъ занятіямъ и развлеченіямъ. Великій князь Константинъ сосредоточивалъ все свое вниманіе на тѣхъ самыхъ предметахъ, которые возбуждали когда то такое великое удивленіе Шишкова въ Вильнѣ [1]. Государственные люди и дипломаты соображали, взвѣшивали, писали ноты и тайныя инструкціи; военные обсуждали и составляли планы предстоящей кампаніи; агенты и перебѣжчики наблюдали, подслушивали и доносили, жиды торговали, услуживали и обманывали; всѣ вообще веселились и устраивали поѣздки въ прелестныя Силезскія и Богемскія горы.

Императоръ Александръ видимо сторонился отъ всего этого шума, суеты и веселія. Погруженный всецѣло въ свои великія думы, удручаемый тяжелыми сомнѣніями и опасеніями, онъ желалъ быть, по возможности, въ уединеніи и избралъ съ этою цѣлью своимъ мѣстопребываніемъ небольшое мѣстечко Петерсвальдау. Петерсвальдау находилось въ небольшомъ разстояніи отъ Рейхенбаха, въ такой же роскошной мѣстности, но тутъ не было и помину о тѣхъ удобствахъ, которыя можно было найдти въ Рейхенбахѣ. Въ мѣстечкѣ жили одни поселяне и евреи, тутъ не было ни лавокъ, ни магазиновъ, ни мѣста для общественнаго гулянья.

Въ сторонѣ отъ другихъ жилищъ находился чрезвычайно большой, но совершенно заброшенный господскій домъ. Онъ весь утопалъ въ роскошной зелени громаднаго, запущеннаго парка. Со всѣхъ сторонъ возвышались группы буковыхъ, дубовыхъ и хвойныхъ деревьевъ. Густые кусты широколиственнаго орѣшника, заглохшей сирени, одичалыхъ фруктовыхъ деревьевъ, образовали мѣстами непроходимыя чащи. Широкія дорожки и извилистыя тропинки, разбитыя когда-то по парку, заросли бурьяномъ и травою. Передъ самымъ домомъ находился обширный прудъ, но его гладкая водная поверхность давно уже покрылась тиною и водяными растеніями,

---

[1]) Любопытныя подробности объ образѣ жизни В. К. Константина находимъ въ запискахъ Н. Н. Муравьева. Русскій Архивъ, 1885 кн. 12, стр. 490 и слѣдующія.

іерегамъ его вытянулись непроницаемые камыши. Трудю представить себѣ что-нибудь болѣе пустынное, уныеланхолическое, какъ эта заброшенная усадьба! Негимая тишина царила въ обширномъ паркѣ. Лишь по замъ раздавалось карканье вороновъ, жалобные стоны а, а по вечерамъ, лягушки, жившія тысячами въ прудѣ, звали свои меланхолическіе концерты. Въ самомъ домѣ іло также пусто и мрачно, какъ и въ паркѣ. Въ комъ, тянувшихся безконечною анфиладою, виднѣлись какъ аки старомодные зеркала и мебели; повсюду пахло сыю и запустѣніемъ; солнце почти никогда не заглядывало на этого забытаго жилища [1]). Среди такой-то обста-, среди невозмутимой и мрачной тишины поселился аторъ Александръ. Онъ не привезъ съ собою ни многонной свиты, ни прислуги. Во всемъ громадномъ домѣ стился онъ и гофмаршалъ графъ Толстой. Шишковъ и повъ, находившіеся постоянно при государѣ, должны устроиться въ обывательской избѣ. „Мы жили", гово-Шишковъ, „въ двухъ небольшихъ горницахъ, онъ внизу, верху,—часто, въ ненастную погоду, провождая время ымъ образомъ" [2]). И дѣйствительно, никогда еще почій государственный секретарь не испытывалъ такой гнеі тоски, какъ въ этомъ Силезскомъ захолустьи. Общеположительно никакого. Лишь по временамъ заѣзжалъ герцогъ Виртембергскій Павелъ [3]), да являлись адъюі и курьеры. Погода къ тому-же самая ужасная. „До поръ", пишетъ Шишковъ своей женѣ, „не видалъ я ни ыхъ дней, ни лѣта, а уже осень наступаетъ. Кромѣ і жить въ деревнѣ, здѣсь почти безпрерывно дожди и

Эписаніе Петерсвальдау и его парка мы находимъ въ запискахъ Шиш-Т. I, стр. 206—7. Въ письмѣ къ женѣ, отъ 29 іюля, государственный арь пишетъ: „хотя въ Петерсвальдау было и скучно, однакожъ, мнѣ ъ нимъ разстаться. Это уединеніе и сады, окружавшіе меня, съ орѣхоі другими хорошими деревьями начинали мнѣ нравиться". Записки, тр. 344.

Шишковъ, записки, Т. I, стр. 206.

Этецъ великой княгини Елены Павловны.

сырость. Ты знаешь, что я охотникъ до ягодъ и плодовъ, и того нѣтъ. Принесутъ землянику: на взглядъ хороша и крупна, а возьмешь въ ротъ, никакого вкуса нѣтъ. Впрочемъ ничего нѣтъ: ни клубники, ни малины, ни смородины, ни персиковъ, ни абрикосовъ, ни апельсиновъ, ни дынь, ни арбузовъ, однимъ словомъ ничего. Итакъ ничто не утѣшаетъ, даже и послѣдняя вещь,—ѣда! [1]). А всего хуже неизвѣстность долго-ли это продолжится". Лишь одно занятіе и развлеченіе нашелъ себѣ государственный секретарь въ этомъ ужасномъ мѣстѣ: онъ дѣятельно изучалъ богемское нарѣчіе и сравнивалъ его съ русскимъ [2]).

Томясь самъ смертельною тоской, Шишковъ рѣшительно отказывался понимать какимъ образомъ могъ переносить подобный образъ жизни государь. „Между тѣмъ", разсказываетъ онъ намъ въ своихъ запискахъ, „продолжая часто ходить къ государю съ докладами, я не могъ надивиться скучному, уединенному и, какъ казалось мнѣ, несносному образу жизни государя императора. Въ пустомъ огромномъ домѣ жили они только двое: графъ Толстой въ одномъ, а государь въ другомъ, далекомъ отъ него углу. Передъ окнами кабинета его, гдѣ онъ цѣлые дни, всегда почти одинъ, препровождалъ, находился обширный, запустѣвшій садъ съ грязнымъ, покрытымъ тиною прудомъ, въ которомъ по вечерамъ, довольно длиннымъ и темнымъ, безпрестанно квакали лягушки, такъ что всякій разъ, когда, сидя одинъ со свѣчкою, передъ его кабинетомъ, дожидался я иногда болѣе часа, покуда онъ позоветъ, находилъ на меня въ этой пустотѣ комнатъ, въ этой тишинѣ, прерываемой однимъ только крикомъ сихъ насѣкомыхъ, нѣкій ужасъ и уныніе" [3]).

[illegible] прислала мнѣ французска- [illegible] жизнь пить. Я по табакерочкѣ [illegible] перестанетъ меня ссужать [illegible] хоть фунта два чаю".

[illegible] сравнивалъ богем- [illegible] встрѣчается". Запи- [illegible]

[illegible]

Удивленіе государственнаго секретаря возрастало еще болѣе, когда онъ замѣчалъ каждый день, что государь, повидимому, ни мало не скучаетъ въ этой страшной глуши; что занятый постоянно самыми важными дѣлами, онъ сохраняетъ, повидимому, доброе и веселое настроеніе, выслушиваетъ терпѣливо самые разнообразные доклады, снисходитъ кротко и милостиво на всѣ просьбы своихъ подчиненныхъ. Самъ Шишковъ имѣлъ два раза случай убѣдиться въ лестномъ вниманіи государя и въ благосклонномъ снисхожденіи ко всѣмъ его просьбамъ. „Однажды", разсказываетъ онъ въ своихъ запискахъ, „по полученіи извѣстія о смерти президента Россійской академіи, Нартова [1]), донеся о томъ, сказалъ я государю, что я охотно принялъ-бы на себя сіе званіе, еслибы это мое желаніе не было противно волѣ Его Величества. Государь весьма для меня лестно и милостиво отозвался, что онъ со свѣчкою не сыщетъ лучшаго человѣка, и приказалъ заготовить указъ, который тогда-же и подписалъ" [2]). Спустя нѣкоторое время, Шишковъ, окончивъ нужнѣйшіе изъ своихъ докладовъ, попросился съѣздить въ Карлсбадъ. „Сперва государь, говоритъ онъ, неохотно на то согласился, но когда я сказалъ, что чувствую себя очень нездоровымъ, и что постараюсь, какъ можно скорѣе, возвратиться, то онъ дозволилъ, и я немедленно отправился" [3]).

Государственный секретарь могъ дѣлать и другія любопытныя наблюденія надъ образомъ жизни государя въ Петерсвальдау, хотя онъ и не упоминаетъ объ нихъ ни однимъ словомъ въ своихъ запискахъ. Отъ его проницательнаго глаза не могло укрыться, что и образъ жизни государя, и его настроеніе, и его занятія въ Силезской глуши напоминали какъ двѣ капли воды его настроеніе, жизнь и занятія въ Каменно-Островскомъ дворцѣ въ тяжелую годину Московской катастрофы. И тогда государь избѣгалъ систематически всякаго общества, проводилъ цѣлые дни одинъ, погруженный

---

[1]) А. А. Нартовъ умеръ 2 апрѣля 1813 г.; онъ былъ президентомъ академіи съ 1801 г.

[2]) [illegible] Шишкова, Т. I, стр. 207.

[3]) [illegible] Шишкова, Т. I, стр. 208.

въ глубокія думы, или занятый текущими важными дѣлами. И тогда онъ былъ сосредоточенъ, грустенъ, не словоохотливъ, но въ тоже время спокоенъ, твердъ, кротокъ и милостивъ. И тогда онъ проводилъ все свободное отъ дѣлъ время за чтеніемъ библіи, и тогда религіозные вопросы занимали его еще болѣе внутреннимъ образомъ, нежели важнѣйшія военныя и политическія событія. Но была и значительная разница между тѣмъ и этимъ временемъ. Тогда было время борьбы сомнѣнія, исканія истины, теперь борьба окончилась уже давно, свѣтъ божественной истины проникъ уже въ душу, сомнѣнія и невѣріе скрылись, какъ призраки ночи передъ лучами яркаго солнца. Теперь наступила пора укрѣпленія въ обрѣтенной вѣрѣ, теперь душа, возрожденная во Христѣ, искала подобныхъ-же, просвѣщенныхъ свѣтомъ евангельской истины, душъ: теперь наступилъ моментъ, когда самъ собою предсталъ передъ императоромъ доселѣ не рѣшенный имъ вопросъ, въ какой изъ извѣстныхъ формъ христіанства, въ какой церкви, сектѣ или общинѣ можно обрѣсти въ чистотѣ ту божественную сущность христіанства, въ которой полагалъ найти Александръ спасеніе какъ самого себя, такъ и всего человѣчества. Такой вопросъ не могъ-бы, разумѣется, возникнуть для Александра, если-бы онъ стоялъ, подобно Фридриху-Вильгельму, на твердой почвѣ прирожденной ему Церкви, или, если-бы его религіозное возрожденіе совершилось на лонѣ православной Церкви. Но мы уже знаемъ, что Александръ воспитанъ былъ въ скептицизмѣ и вольнодумствѣ, что свѣтъ божественнаго откровенія пришелъ къ нему извнѣ, что вновь выработанныя имъ религіозныя идеи лишены были, въ сущности, всякой вѣроисповѣдной основы. Александръ стоялъ одиноко съ своими убѣжденіями, никто, кромѣ далекаго теперь отъ него, князя Голицына, не понималъ его, не сочувствовалъ ему. Что-же удивительнаго, что и Александръ внутренно, хотя и не замѣтно для другихъ, томился своимъ одиночествомъ, что онъ искалъ подобныхъ себѣ не по внѣшнимъ обрядамъ и именамъ, а по духу и вѣрѣ?

Шишковъ и другіе приближенные государя замѣчали, что онъ, не смотря на гнетущія его отовсюду дѣла, посѣщал

ою охотою и интересомъ поселенія гернгутеровъ
скихъ братьевъ въ окрестностяхъ Петерсвальдау [1]).
тно ѣздилъ онъ въ мѣстечки Гнаденфрей, Гнаден-
угія колоніи гернгутеровъ, проводилъ по цѣлымъ
бесѣдахъ съ сектантами, бралъ отъ нихъ книги
а религіознаго содержанія и погружался въ ихъ
озвратившись въ свое уединеніе. Все привлекало
ъ этихъ простыхъ, честныхъ, трудолюбивыхъ, но
ремя глубоко религіозныхъ людяхъ. Онъ прихо-
сторгъ отъ того порядка, опрятности и чистоты,
сподствовали въ ихъ деревняхъ, онъ умилялся ду-
видѣ ихъ истинно христіанскаго смиренія, ихъ
неподдѣльной набожности, ихъ глубокой непоко-
ѣры во Христа, нашего единственнаго ходатая и
; и, что самое важное, онъ съ изумленіемъ замѣ-
въ религіозномъ ученіи гернгутеровъ, въ ихъ кни-
хъ восторженныхъ проповѣдяхъ выражаются тѣ
и, тѣ самыя чувства, которыя наполняли его ду-
і ему покой, вѣру и силу въ тяжеломъ возложен-
его Провидѣніемъ призваніи.
ору передавали, что ученіе Моравскихъ братьевъ [2])
непосредственно изъ чистѣйшаго источника перво-
христіанства [3]), что ихъ община возникла на той

ъ не говоритъ въ своихъ запискахъ о поѣздкахъ государя къ
, онъ замѣчаетъ только, что самъ желалъ съѣздить къ нимъ, бу-
ицѣ, но не рѣшился, такъ какъ находилъ, что неловко разъѣз-
іеріятель такъ близко. Гречъ въ своихъ запискахъ замѣчаетъ,
ръ посѣщалъ во время перемирія сосѣднія поселенія гернгутеровъ
мъ никакого основанія сомнѣваться въ его извѣстіи, хотя и не
гь въ этихъ поѣздкахъ начала направленія Александра къ ми-

кіе братья появились въ эпоху гусситскихъ войнъ. Секта ихъ
ва габсбургами и іезуитами въ началѣ 30 лѣтней войны, но уче-
дилось въ XVIII вѣкѣ, въ сектѣ гернгутеровъ.

о говорится въ текстѣ объ исторіи Моравскихъ братьевъ, объ ихъ
рожденіи секты въ гернгутерской общинѣ, представляетъ дѣло въ
акъ излагали и излагаютъ его по сію пору гернгутеры въ своихъ
юшюрахъ. Въ данномъ случаѣ для насъ важно знать не то, какъ
дѣло въ исторической дѣйствительности, а то въ какомъ видѣ
го гернгутеры и какъ могли они передать его Александру. Для

самой почвѣ, на которой первыя сѣмяна христіанства посѣяны великими подвижниками Кирилломъ и Меѳодіемъ. Далѣе онъ узналъ, что Петръ Валдусъ, проповѣдывавшій чистую вѣру во Христа, среди мрака суевѣрія и папскаго гнета, и основавшій свое ученіе на одномъ священномъ писаніи, принужденъ былъ искать убѣжища отъ постигшихъ его гоненій въ Богеміи [1]). Здѣсь подвизались въ тиши и тайнѣ его ученики въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ.

Они были, по словамъ писанія: „*яко незнаеми, и познаваеми: яко умирающе, и се живи есми: яко наказуеми, а не умерщвляеми: яко скорбяще присно-же радующеся: яко нищи, а многихъ богатяще: яко ничтоже имуще, а вся содержаще*" [2]). Но настало время и возсталъ великій исповѣдникъ вѣры Христовой, Іоаннъ Гуссъ. Тщетно пытались написты задушить въ пламени и дымѣ Констанцкаго костра его ученіе; оно пережило его мученическую кончину, оно проникло своимъ высокимъ, непобѣдимымъ духомъ милліоны сердецъ, оно ополчило неземною силою длани таборитовъ и ниспровергло передъ ними въ прахъ безчисленные легіоны римскаго лжеепископа. Далеко не всѣ послѣдователи Гусса сохранили, однако-же, во всей чистотѣ его ученіе. Масса какъ всегда и вездѣ удовольствовалась одною внѣшностью: за чашу и бракъ священниковъ она приняла вновь на себя постыдное иго папства и утратила самую внутреннюю сущность божественныхъ истинъ, возстановленныхъ и очищенныхъ Гуссомъ. Лишь не-

---

этой цѣли мы пользовались, кромѣ многочисленныхъ брошюръ и проповѣдей, особенно двумя сочиненіями, составленными членами гернгутерской общины: Geschichte der alten Brüderkirche Erste Abtheilung, (книга эта написана Крегеромъ по порученію конференціи старшинъ гернгутеровъ и носитъ, слѣдовательно, на себѣ характеръ оффиціальный) и Kurzgefasste Nachricht von der ewangelischen Brüderunität, седьмое изданіе 1876. Желающій ознакомиться съ настоящею исторіею братьевъ долженъ обратиться къ другимъ книгамъ и прежде всего къ извѣстному сочиненію Гиндели, Geschichte der Mährischen Brüder. На русскомъ языкѣ можно указать на изслѣдованіе А. Кочубинскаго „Братья подобои и чешскіе католики въ началѣ XVII в." 1873.

[1]) Новѣйшія изслѣдованія показали, что преданіе о пребываніи Петра Вальдуса въ Богеміи есть позднѣйшая легенда, лишенная всякаго историческаго основанія.

[2]) Кор. гл. 6, ст. 9 и 10.

многіе сохранили въ своихъ сердцахъ истинное ученіе Христа Спасителя, насажденное св. Кирилломъ и Меѳодіемъ, взлелѣянное Петромъ Вальдомъ и его учениками, возстановленное и очищенное Іоанномъ Гуссомъ [1]). Эти немногіе избранные образовали братскую общину, въ коей поклонялись Христу не въ плоти, а духомъ, въ коей вся внѣшность и обрядность утратили свое значеніе и гдѣ великій основной догматъ христіанства, вѣра во Христа и неразрывное единеніе съ Нимъ, являлось началомъ и концомъ, альфою и омегою религіи. Велики и безконечны были гоненія, которымъ подверглись братья во Христѣ; ненасытна и неутолима злоба міра сего и князей его противъ нихъ. Ихъ преслѣдовали и паписты и гусситы, хотя ни тѣ, ни другіе не могли сказать о нихъ ничего худаго; но они крѣпли и росли если не числомъ, то силою вѣры и духа.

Страшный ударъ 1620 г., искоренившій навсегда евангелическія общины въ Богеміи, положилъ, правда, предѣлъ видимой общинѣ братьевъ, разсѣялъ ея членовъ по далекимъ странамъ, но не уничтожилъ ихъ внутренно. Ихъ духъ, ихъ идеи продолжали жить и въ единичныхъ личностяхъ, и въ не большихъ кружкахъ, и не прошло и ста лѣтъ, какъ братская церковь поднялась вновь изъ своего разсѣянія и униженія. Господь совершилъ новое великое чудо [2]). Среди вѣка невѣрія, среди общества, томившагося подъ двойнымъ гнетомъ просвѣтителей матерьялистовъ и іерарховъ, утратившихъ самое сознаніе сущности ученія Христова, Господь призвалъ къ вѣрѣ и жизни одновременно и знатнаго Саксонскаго графа, и бѣдныхъ Моравскихъ поселянъ. Графъ Ф. Цинцендорфъ призванъ былъ также внезапно, какъ апостолъ Павелъ [3]). Его обращеніе, его внутреннее просвѣтленіе совершилось въ тотъ самый моментъ когда прочелъ онъ

---

[1]) Такое сопоставленіе Св. Кирилла и Меѳодія, Петра Вальда и Іоанна Гусса принадлежитъ, разумѣется, гернгутерамъ.

[2]) Какъ полагаютъ гернгутеры, усматривающіе въ возникновеніи своей общины непосредственное дѣйствіе самого Божества.

[3]) Графъ Николай Людвигъ Ф. Цинцендорфъ родился въ Дрезденѣ 26 мая 1700; обращеніе его произошло въ 1719 г. См. Kurzgefasste Nachricht, стр. 10.

въ Дюссельдорфѣ надпись подъ образомъ Христа, увѣнченнаго терновымъ вѣнкомъ: „Сіе сдѣлалъ я для тебя, а что сдѣлалъ ты для меня". И въ тоже самое время переселилось въ Саксонію нѣсколько бѣдныхъ ремесленниковъ изъ Силезіи [1]) дабы имѣть возможность, какъ говорили они, открыто и свободно служить Господу. То были Моравскіе братья, сохранившіе ученіе предковъ и призванные теперь свыше проповѣдывать міру истиннаго Христа. Графъ Ф. Цинцендорфъ пріютилъ ихъ въ своемъ имѣніи и отвелъ имъ пустопорожнее мѣсто у подошвы горы Гутберга. *„Птица обрѣте себѣ храмину и горлица гнѣздо себѣ, иде-же положитъ птенцы своя: Олтари Твоя Господи силъ, Царю мой и Боже мой"* [2]), воскликнулъ одинъ изъ братьевъ, Христіанъ Давидъ, вонзая свою сѣкиру въ дерево, росшее на склонѣ горы [3]). Въ ноябрѣ 1722 года построенъ былъ первый братскій домъ. При его освященіи, происходившемъ на Рождество того-же года, въ присутствіи графа, другой изъ братьевъ Гейцъ сказалъ такія слова: „Дай Богъ, чтобы на горѣ сей, которая именуется покровъ Господа, воздвигнутъ былъ градъ, чтобы градъ сей не только стоялъ подъ покровомъ Господа, но и чтобы всѣ жители его стояли на стражѣ Господней, дабы ни одинъ день, ни одну ночь не было у нихъ безмолвія" [4]).

Уже въ 1727 организовалась окончательно возрожденная братская церковь. Она не отдѣлялась отъ господствующей евангелической церкви, но она образовала изъ себя совершенно особую общину. Ея члены дали торжественный обѣтъ

[1]) Главный изъ нихъ Христіанъ Давидъ, призванный, по словамъ гернгутеровъ, ранѣе всѣхъ другихъ, былъ родомъ изъ Моравіи, но поселился въ Герлицѣ въ Силезіи и занимался плотничьимъ ремесломъ. См. Kurzgefasste Nachricht etc. с 11.

[2]) Псал. 83, ст. 4.

[3]) См. Kurzgefasste Nachricht etc. стр. 11.

[4]) На основаніи этихъ словъ Гейца самая община получила названіе Herrenhut, (что значитъ покровъ Господа, а также стража Господа). Слова Гейца теряютъ свой настоящій смыслъ въ переводѣ, приводимъ ихъ поэтому въ подлинникѣ: Gott gebe, dass an dem Berg, welcher der Hutberg heisst, eine Stadt erbauet werde die nicht nur unter der Herrn Hut stehe, sondern da auch alle Einwohner auf des Herrn Hut stehen, dass Tag und Nacht kein Schweigen bei ihnen sei". См. Kurzgefasste Nachricht, etc. стр. 11.

треčься отъ всякаго собственнаго мнѣнія и хотѣнія и составлять въ любви ко Христу и другъ другу единое тѣло и диный духъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ произнесенія обѣта Духъ Господень снизошелъ на самыхъ дѣтей, и они увѣовали и начали возвѣщать Христа, подобно взрослымъ. ратья положили никогда не прерывать своей молитвы за бщину и все христіанство, неустанно и денно и нощно славословить Христа. Они чередовались и чередуются между собою по часамъ и никогда не умолкаетъ ихъ молитвенный оръ. „И все сіе", говорили восторженные сектанты, „сдѣано было не графомъ Цинцендорфомъ, не Моравскими поселянами, а Самимъ Господомъ, а посему и чудесно передъ чами нашими" [1]).

Братская церковь росла и раскидывала свои вѣтви по всему лицу земли, она основывала свои общины и по всей Германіи и по всей Европѣ, она несла свои идеи и къ далекой Волгѣ и Уралу и на острова Великобританіи, и въ лѣса и устыни Америки. Вся внѣшняя обрядовая сторона христіанства, выработавшаяся въ средѣ различныхъ вѣроисповѣданій, сѣ догматическія тонкости и различія, возбуждающія стольо вражды и ненависти въ средѣ христіанъ, не существуютъ ля братской церкви, игнорируются систематически ею. Какъ тарые, такъ и новые братья не признавали иного источника истинной вѣры кромѣ Священнаго Писанія. Они учили, то есть лишь одинъ ходатай и посредникъ, Христосъ, и что е подобаетъ призывать на ряду съ Нимъ святыхъ. Они объявляли, что чистилище есть вымыселъ папистовъ. Они принавали лишь два таинства: крещеніе и причащеніе, отвергали мессу въ особенности заупокойную, не соблюдали потовъ, отрицали монашество и внѣшніе обряды. Они учили, то священники и епископы и діаконы установлены Христомъ апостолами и посему должны существовать и въ ихъ общинахъ. Они раздавали причастіе подъ обоими видами, считали римскую церковь Вавилономъ, а папу антихристомъ.

---

1) См. Kurzgefasste Nachricht etc. стр. 13.

возставали противъ безбрачія священниковъ и противъ католическаго ученія объ отпущеніи грѣховъ [1]).

Во всей этой догматической и отрицательной сторонѣ своего ученія, старые Моравскіе братья и гернгутеры стояли на той-же раціоналистической почвѣ, какъ и другія протестантскія секты, шли одинаково далеко противъ самыхъ законныхъ традицій христіанства. Но не въ этой сторонѣ заключалась главная сущность гернгутерской секты, не въ ней коренились тѣ элементы, которые могли дѣйствовать такимъ чарующимъ образомъ на людей, выросшихъ подобно Александру, внѣ установленной, традиціонной Церкви. Внутренняя сущность ученія гернгутеровъ заключалась въ томъ мистическомъ духѣ христіанской любви, который по ихъ вѣрованію соединялъ въ едино тѣло и въ единъ духъ членовъ ихъ братства съ невидимымъ главою Церкви, съ источникомъ всякой любви и жизни, Христомъ. Такая любовь являлась прямымъ результатомъ воздѣйствія свыше, непосредственнаго сошествія Святаго Духа. Этотъ духъ приходилъ и посѣщалъ внезапно душу бѣднаго грѣшника, онъ освѣщалъ, подобно молніи, мракъ внутренней ночи, онъ просвѣщалъ и возрождалъ человѣка безъ всякаго внѣшняго содѣйствія или приготовленія; онъ проявлялся въ беззавѣтной любви къ Богу и человѣчеству, въ дѣлахъ благочестія и милосердія, не стѣснявшихся предѣлами секты, церкви, религіи. Съ точки зрѣнія такой всеобъемлющей, всепроникающей, всевозсоединяющей любви, теряютъ, разумѣется, всякое значеніе всѣ внѣшнія дѣйствія и обряды, всякія вѣроисповѣдныя различія и разграниченія. Истинные христіанскіе братья могутъ обрѣтаться во всякой христіанской церкви, да имъ и нѣтъ нужды покидать ее, ибо они стоятъ выше всякихъ внѣшностей и символовъ. Уже старые Моравскіе братья говорили такъ: „Кто обладаетъ правою, истинною и живою вѣрою, тотъ обладаетъ и силою искоренить въ себѣ всякое зло. Кто усвоиваетъ себѣ заслугу Христа, тотъ пріобрѣтаетъ черезъ нее прощеніе грѣховъ, а

---

[1]) Такъ изложены главные догматы Моравскихъ братьевъ въ Geschichte der alten Brüderkirche.

через сіе и силу своего воскресенія, ибо онъ любитъ Христа, преданъ Ему, и возраждается, такъ сказать, вновь изъ сѣмени божественнаго слова. Всякое-же внѣшнее благочестіе и добрыя дѣла, содѣлываемыя въ смыслѣ плоти, не ведутъ ко спасенію, ибо не достаетъ имъ духа" [1]). Они предостерегаютъ отъ опасности обманывать себя и народъ, говоря о присвоеніи заслуги Христа безъ истиннаго божественнаго духа и пребывая при семъ въ старомъ Адамѣ, т. е. въ грѣховной жизни міра сего. Тотъ, кто спроситъ о данныхъ имъ свыше чрезвычайныхъ откровеніяхъ, да знаетъ, что они считаютъ высочайшимъ откровеніемъ то, что они въ духѣ истины познаютъ Христа и усматриваютъ въ семъ познаніи залогъ своего спасенія. Да не думаютъ, что они осуждаютъ всѣхъ тѣхъ, кои не принадлежатъ къ нимъ. Кто пребываетъ въ живой вѣрѣ во Христа, тотъ спасется, къ какой-бы церкви ни принадлежалъ онъ; со всѣми таковыми они желаютъ оставаться въ единеніи вѣры [2]).

Таковы были основные принципы Моравскихъ братьевъ, перешедшіе всецѣло и къ позднѣйшимъ гернгутерамъ. Каковы же должны были быть ихъ практическія послѣдствія, ихъ результаты для земной жизни? И на этотъ вопросъ даютъ намъ одинаковый отвѣтъ и старые Моравскіе братья, и гернгутеры. „Мы соединились прежде всего для того, чтобы сохранять себя взаимно въ чистотѣ вѣры во Христа, утверждаться въ справедливости проистекающей изъ самаго Бога, пребывать въ любви другъ къ другу и возлагать всѣ упованія наши на Бога живаго. Сіе должны мы исповѣдывать вѣрно и словомъ и дѣломъ, поддерживать другъ друга въ духѣ любви, вести честную жизнь, преуспѣвать въ смиреніи, скромности, кротости, воздержаніи и терпѣніи и тѣмъ доказывать, что мы обладаемъ и истинною вѣрою и истинною любовью и вѣрною надеждою" [3]).

---

[1]) Эти слова мы находимъ въ первомъ „исповѣданіи" Моравскихъ братьевъ, составленномъ въ 1467 или 1468 году. См. Geschichte der alten Brüderkirche, стр. 86.

[2]) См. Geschichte der alten Brüderkirche, стр. 86.

[3]) Такъ формулировали цѣль и основные принципы своего братства Моравскіе братья еще въ 1464 г. См. Geschichte der alten Brüderkirche, стр. 66.

Таковы были основные принципы братьевъ, такова была ихъ мораль. Кто же станетъ отрицать, что въ этихъ принципахъ, что въ этой морали, императоръ Александръ могъ найдти всѣ тѣ элементы, изъ которыхъ слагалось его собственное религіозное міровоззрѣніе? Императоръ могъ думать, что онъ прозрѣлъ внезапно, подобно тому какъ прозрѣвали братья, и онъ могъ считать свое религіозное возрожденіе такимъ же непосредственнымъ результатомъ воздѣйствія высшей благодати, снисхожденія Святаго Духа, какъ утверждали это братья о самихъ себѣ. И онъ такъ же укрѣпился въ вѣрѣ единственно при содѣйствіи Священнаго Писанія. Онъ читалъ и изучалъ Писаніе самостоятельно безъ помощи, безъ руководства лица, облеченнаго духовною властью. Что же почерпнулъ онъ въ Писаніи? Непоколебимую вѣру во Христа, какъ единственнаго ходатая и убѣжище грѣховной души, и всеобъемлющую любовь, любовь соединяющую людей и другъ съ другомъ и съ Божествомъ, любовь, которая побуждала его относиться съ одинаковымъ милосердіемъ и къ страждущимъ друзьямъ и врагамъ, любовь, на незыблимыхъ основахъ которой хотѣлъ онъ построить и свою внутреннюю, правительственную систему и свои международныя отношенія. Александръ встрѣтилъ въ гернгутерахъ цѣлую общину вѣрующихъ, не придававшихъ, подобно ему, никакого значенія внѣшней обрядовой сторонѣ религіи и догматическимъ различіямъ между исповѣданіями. Александръ говорилъ, что всѣ христіане братья и что для Бога безразлично, на какомъ языкѣ и по какому обряду чтутъ его: гернгутеры утверждали, что истинные христіане, христіане по духу и любви, а не по имени, не по формѣ, могутъ встрѣчаться во всякой церкви, во всякомъ исповѣданіи, что всѣхъ такихъ они считаютъ себѣ равно братьями, и что они готовы пребывать съ ними въ союзѣ мира и любви.

Итакъ, Александръ имѣлъ основаніе думать, что въ гернгутерахъ онъ обрѣлъ, наконецъ, людей вполнѣ согласныхъ съ нимъ въ рѣшеніи высшихъ вопросовъ жизни, въ опредѣленіи отношеній христіанина къ Богу и къ ближнимъ. Такое открытіе должно было укрѣпить императора еще болѣе въ его

общехристіанской, чуждой всякой вѣроисповѣдной и національной почвы, религіозной системѣ. Идея священнаго союза между государями и народами, державшимися различныхъ и даже враждебныхъ между собою христіанскихъ ученій, должна была показаться ему послѣ этого открытія еще болѣе удобоисполнимою, нежели какъ казалось ему прежде. Пусть держатся народы и ихъ вожди своихъ религіозныхъ особенностей, но если эти особенности относятся лишь къ внѣшности, не имѣющей никакого значенія, то что же можетъ помѣшать имъ слиться воедино въ духѣ христіанской любви, и образовать тотъ высшій союзъ, ту высшую духовную Церковь, которая обниметъ собой все человѣчество? Въ данный моментъ, въ моментъ приближающейся рѣшительной борьбы съ силами невѣрія, зла, разрушенія, подобное отношеніе Александра къ идеѣ христіанства, подобное пониманіе сущности религіи Христовой могло имѣть по его убѣжденію лишь самыя благотворныя послѣдствія; особенно когда въ чудесномъ сплетеніи всемірно-историческихъ событій до очевидности открывалось руководительство Божественнаго Провидѣнія, когда, по словамъ знаменитѣйшаго изъ германскихъ историковъ, Леопольда Ф. Ранке, являлась воочію рука Божія надъ народами и ихъ судьбами.

И въ самомъ дѣлѣ, Александръ напрягалъ всѣ силы своего генія, чтобы сплотить вокругъ себя въ одну коалицію разноплеменные и разноисповѣдные народы Европы. Коалиція направлялась противъ той міровой силы, которая являлась отрицаніемъ всякой религіи, и всякой національности: въ чемъ же, съ точки зрѣнія Александра, должна была заключаться при подобныхъ обстоятельствахъ ея внутренняя сила, ея руководящая идея? Въ чемъ иномъ, какъ не въ самой внутренней сущности христіанства, какъ не въ идеѣ всеобщей, очищенной отъ всякихъ случайныхъ примѣсей, христіанской любви? Прежнія коалиціи не имѣли никакого успѣха, главнымъ образомъ потому, что онѣ основывались на духѣ, явнымъ образомъ противоположномъ духу христіанской любви, что государи и министры, составлявшіе ихъ, имѣли въ виду лишь свои исключительные, эгоистическіе

интересы, что они относились съ недовѣріемъ и подозрительностью другъ къ другу, что, чуждые духа взаимной любви, они впадали въ отчаяніе при первой же неудачѣ, оставляли союзниковъ и искали спасенія и выгодъ въ частной сдѣлкѣ съ врагомъ. Теперь во главѣ вновь возникающей коалиціи становился государь, убѣдившійся тяжелымъ опытомъ во всеспасающей силѣ христіанской вѣры и любви, государь, поборовшій въ самомъ себѣ тяжелою борьбою духъ эгоизма, духъ лукавства и недовѣрія, государь, проникнутый до глубины души духомъ святой, безпредѣльной любви, властелинъ, подававшій всѣмъ другимъ примѣръ высокаго самоотверженія, смотрѣвшій на самого себя, какъ на орудіе Провидѣнія, готовый относиться съ истинно христіанскимъ смиреніемъ, съ невѣроятною уступчивостью къ своимъ союзникамъ, но въ тоже время твердый и непоколебимый какъ скала, тамъ, гдѣ дѣло касалось главной цѣли борьбы, не способный ни къ какимъ уступкамъ и компромиссамъ съ царствомъ зла, и убѣжденный до энтузіазма въ побѣдоносномъ исходѣ борьбы, подъятой за святое и правое дѣло, во имя высочайшихъ интересовъ религіи и человѣчности. Только такая личность, только такой герой, непонятый и неоцѣненный доселѣ неблагодарнымъ потомствомъ, только такой новый Агамемнонъ могъ создать всеевропейскую коалицію 1813 года, могъ устранить, движимый всепобѣждающей силою любви, безчисленныя затрудненія, громоздившіяся на пути къ ея осуществленію. Только онъ одинъ могъ изгнать въ рѣшительную минуту духъ эгоизма, недовѣрія, зависти, вражды и соединить въ одномъ великомъ союзѣ такіе разнородные элементы, какъ императора Франца и его Меттерниха, этихъ представителей эгоизма въ его грубѣйшей формѣ, какъ англійскихъ торіевъ, этихъ узкихъ поборниковъ національнаго и сословнаго интереса, какъ интригана Бернадота, эту странную смѣсь эгоизма, легкомыслія и коварства, какъ прусскаго короля, это олицетвореніе прямоты и честности, какъ героизмъ Блюхера и дипломатическую стратегію князя Шварценберга. Все наше послѣдующее изложеніе покажетъ до очевидности, что уже созданіе коалиціи сопряжено было съ

величайшими трудностями и, что эти трудности устранены были единственно, благодаря тому духу кротости, любви и самоотверженія, въ которомъ дѣйствовалъ императоръ Александръ. Мы покажемъ далѣе, что созданная съ такими невѣроятными трудностями коалиція готова была нѣсколько разъ распасться, что духъ эгоизма и малодушія неоднократно пытался совратить ее съ прямаго пути, и что во всѣхъ такихъ случаяхъ единственнымъ ея хранителемъ и спасителемъ являлся императоръ Александръ. Не напрасно же лучшіе и проницательнѣйшіе люди той эпохи восклицали вмѣстѣ съ Штейномъ: „Богу и императору Александру обязана Европа своимъ спасеніемъ и освобожденіемъ“.

ГЛАВА VII.

Кипучая дѣятельность.—Переговоры съ Англіею.—Субсидіи и политика англійскихъ торіевъ.—Колебанія Австріи.—Требованія императора Александра.—Онъ ѣдетъ въ Богемію.—Свиданіе съ Меттернихомъ.—Союзники принимаютъ австрійскія предложенія.—Рейхенбахская конвенція.—Меттернихъ принужденъ отправиться въ логовище льва.—Сцена въ Марколинскомъ дворцѣ.—Меттернихъ бесѣдуетъ съ Наполеономъ.—Дрезденская конвенція.—Союзные министры уличаютъ Меттерниха въ вѣроломствѣ.—Миссія Лебцельтерна.—Александръ уступаетъ еще разъ.—Военныя приготовленія.—Общій планъ дѣйствій.—Бернадотъ и его гасконады.—Политическій Хлестаковъ.—Совѣщанія въ Трахенбергѣ.—Стратегическія фантазіи Бернадота.—Планъ Толля и грамматическія поправки Бернадота.—Дипломатическая комедія въ Прагѣ.—Послѣднія попытки Наполеона разстроить коалицію.—Костеръ на Градчинѣ.

Дни Петерсвальдаусскаго уединенія были для императора Александра не только временемъ укрѣпленія въ вѣрѣ, но и эпохою самой напряженной и всесторонней политической дѣятельности. На ряду съ переговорами съ Англіею, шла усиленная дипломатическая кампанія, имѣвшая своею задачею окончательное и безповоротное привлеченіе Австріи въ союзный лагерь, шло, наконецъ, обсужденіе и составленіе плана предстоящихъ военныхъ операцій. Разрѣшеніе каждаго изъ этихъ вопросовъ сопряжено было съ большими или меньшими усложненіями и трудностями, и если конечная цѣль была достигнута по всѣмъ имъ, то безпристрастный историкъ обязанъ сказать: единственно, благодаря великодушію русскаго императора и его высокому политическому такту.

Прежде всего и легче всего приведены были къ вожде- .г' концу переговоры съ Англіею. Такой исходъ завиочемъ, лишь въ самой меньшей мѣрѣ отъ велико-

душія или щедрости англійскихъ министровъ. Торіи, заправлявшіе тогда внѣшнею политикою Великобританіи, относились правда, съ страшною ненавистью къ Наполеону, готовы были поднять противъ него цѣлый міръ, готовы были въ случаѣ крайности принести великія жертвы съ своей стороны; но, какъ истые купцы, они заботились въ то-же время, главнымъ образомъ, чтобы достигнуть цѣли съ возможно меньшими издержками, и съ наивозможно меньшимъ рискомъ съ своей стороны. Дѣло шло, впрочемъ, вовсе не о прямомъ участіи Англіи въ военныхъ дѣйствіяхъ на главномъ театрѣ войны, въ Германіи; союзники должны были довольствоваться уже тѣмъ, что Англія поддерживала своими войсками борьбу на Пиренейскомъ полуостровѣ и отвлекала туда довольно значительную часть Наполеоновыхъ силъ. Все, что требовали Россія и Пруссія отъ торійскихъ министровъ, сводилось исключительно къ денежной помощи, къ вопросу прямыхъ субсидій и къ поддержанію могущественнымъ англійскимъ кредитомъ тѣхъ финансовыхъ операцій, которыя предприняты были двумя союзными державами съ цѣлью добыть себѣ денежныя средства для войны. И въ томъ, и въ другомъ отношеніи, министрамъ союзныхъ державъ пришлось встрѣтиться съ такою сдержанностью, съ такою мелочною разсчетливостью представителей британскаго правительства, которыя не соотвѣтствовали ни великости предстоящей борьбы, ни важности затронутыхъ въ ней интересовъ. Англійскіе министры, хорошо сознававшіе, что и для Англіи идетъ вопросъ о жизни и смерти, хлопотали тѣмъ не менѣе о томъ, чтобы Россія и Пруссія обязались выставить въ поле возможно большее количество солдатъ и удовлетворились въ то же время возможно меньшею суммою субсидій. Они достигли своей цѣли безъ особаго труда, во-первыхъ потому, что союзныя державы должны были вести войну въ силу необходимости даже и безъ англійскихъ субсидій, а во-вторыхъ, потому, что представители Россіи, руководимые своимъ императоромъ, подали и тутъ примѣръ уступчивости. Россія обязалась выставить противъ Наполеона, не считая гарнизонныхъ войскъ, 150,000 человѣкъ и должна была получить за это въ тече-

ніи 1813 г. 1.333,333 фунта стерлинговъ субсидій. На содержаніе каждаго русскаго солдата въ теченіи всей предстоящей кампаніи, англійское правительство обязывалось выдавать, слѣдовательно, всего около 50 рублей. Подобныя же скудныя субсидіи получала и Пруссія. Она обязалась выставить противъ Наполеона 80,000 чел. и должна была получить за это 666,666 фунтовъ стерлинговъ. Экономія англійскихъ министровъ не ограничилась, однако-же, возможно большимъ сокращеніемъ суммы субсидій; она выразилась еще болѣе рельефнымъ образомъ, когда дѣло дошло до дѣйствительныхъ платежей. Богатая Великобританія оказалась вдругъ несостоятельною плательщицею. Только половина субсидій покрыта была наличными деньгами и билетами англійскаго банка; другая половина уплачена была оружіемъ, порохомъ и снарядами, значительная часть которыхъ оказалась по пріемѣ совершенно негодною къ употребленію.

Англійскіе министры знали очень хорошо, что въ дѣйствительности Россія и Пруссія выставляли на поле войны втрое большія силы въ сравненіи съ условленными въ договорѣ и не могли уклониться поэтому отъ дальнѣйшихъ финансовыхъ жертвъ съ своей стороны. Но и тутъ ихъ щедрость имѣла свои очень узко ограниченные предѣлы. Условлено было, что Россія и Пруссія выпустятъ для покрытія военныхъ издержекъ 5,000.000 фунтовъ стерлинговъ—союзныхъ бумажныхъ денегъ. Англія обязалась принять участіе въ погашеніи этого долга: при чемъ на ея долю отнесена была половина всей суммы; тогда какъ двѣ трети остальной половины отнесены были на долю Россіи, а одна треть на долю Пруссіи. Наконецъ, Англія согласилась принять на свое содержаніе русско-германскій легіонъ, численность котораго показана была въ союзной конвенціи, подписанной въ Петерсвалдау 6 іюля, въ 10.000 человѣкъ. Понизивъ, такимъ образомъ, насколько это было возможно, свои денежные платежи и обязательства, представители Великобританіи старались извлечь въ тоже время какъ можно болѣе выгодъ изъ предстоящей кампаніи для самой Англіи. Правда, цѣли войны формулированы были въ союзныхъ догов[illegible]

Англіи съ Россіею и Пруссіею возможно широко. Объ удовлетвореніи Австрійскимъ минимумомъ въ договорахъ этихъ не было и рѣчи; въ нихъ дѣло шло объ окончательномъ сокрушеніи Наполеоновскаго владычества, о введеніи Франціи въ ея дореволюціонныя границы. Въ этомъ отношеніи, въ этой широкой постановкѣ дѣла, всѣ три державы были вполнѣ солидарны другъ съ другомъ; но когда зашелъ вопросъ о болѣе точной формулировкѣ будущаго устройства Европы и о томъ вознагражденіи, которое должно было выпасть на долю Россіи и Пруссіи, то мелочность торійскаго кабинета, его эгоистическая разсчетливость, его коварная сдержанность и реакціонныя тенденціи, шедшія въ разрѣзъ съ великодушными стремленіями Александра, съ національно-германскою политикою Пруссіи, не замедлили сказаться довольно нагляднымъ образомъ. Такъ, напримѣръ, Великобританія удовлетворилась лишь общими фразами объ удовлетвореніи, подобающимъ Россіи за ея неслыханныя усилія и пожертвованія, и не взяла на себя никакихъ точныхъ, опредѣленныхъ обязательствъ на этотъ счетъ. Такъ въ союзномъ договорѣ съ Пруссіею, Англійскіе министры обязались, правда, содѣйствовать всѣми силами тому, чтобы Пруссія была возстановлена въ своемъ прежнемъ могуществѣ, но они уклонились, во-первыхъ, отъ всякаго точнаго обозначенія территорій, долженствовавшихъ войдти въ составъ возстановленной Пруссіи, а во-вторыхъ, они выговорили достаточное вознагражденіе въ С. Германіи для Ганноверскаго дома. Вообще, вся политика Торійскаго кабинета опредѣлялась въ эту эпоху не одними только чисто англійскими интересами, но также и мелочными выгодами Ганноверскаго дома, который, какъ извѣстно, царствовалъ тогда въ Великобританіи. Что-же касается до европейской точки зрѣнія торіевъ, то она сводилась къ возможно полному возстановленію до революціоннаго порядка вещей и шла, слѣдовательно, въ разрѣзъ и съ желаніями народовъ, и съ принципами, провозглашенными такъ торжественно въ Калишѣ монархами Россіи и Пруссіи [1]).

[illegible] говорахъ съ Англіею, о ихъ результатахъ и объ интригахъ Ан- [illegible] верскихъ агентовъ см. между прочимъ Перца, жизнь Штей-

Договоры съ Англіею, предполагавшіе конечною цѣлью войны полное разрушеніе Наполеоновскаго владычества, имѣли, однако-же, и свою хорошую сторону для союзныхъ державъ. Они давали имъ точку опоры противъ Австріи, давали имъ формальную возможность, принимая австрійскій минимумъ, какъ базу мирныхъ переговоровъ, объявить Австрійскому кабинету, что если Наполеонъ и приметъ австрійскія предложенія, то отсюда еще отнюдь не слѣдуетъ, что союзныя державы согласятся заключить миръ съ Франціею на ихъ основаніи. Въ такомъ случаѣ онѣ должны будутъ прежде получить согласіе Англіи и предъявить на обсужденіе мирнаго конгресса тѣ дальнѣйшія условія будущаго устройства Европы, безъ которыхъ Лондонскій кабинетъ никоимъ образомъ не можетъ принять участія въ переговорахъ, клонящихся къ возстановленію общаго мира какъ на морѣ, такъ и на сушѣ. Подобная заручка имѣла громадное значеніе для союзныхъ кабинетовъ въ виду той крайне сомнительной политики, которой продолжала держаться Австрія. Неудача русскихъ подъ Бауценомъ, ихъ отступленіе въ глубину Силезіи произвели сильнѣйшее впечатлѣніе въ Вѣнѣ. Императоръ Францъ и его вѣрный Меттернихъ поспѣшили немедленно же въ Гитчинъ, Богемскій городокъ на Силезской границѣ, но поспѣшили не съ цѣлью заключить союзъ съ Россіею и Пруссіею, а ускорить, по возможности, заключеніе мира. Всевозможные ужасы носились предъ ихъ разстроеннымъ воображеніемъ: страшныя воспоминанія 1805 и 1809 гг. не давали имъ покоя. Они боялись, что императоръ Александръ поступитъ и на этотъ разъ также, какъ поступилъ въ Тильзитѣ; что Наполеонъ, примирившись съ Россіею и уничтоживъ окончательно Пруссію, бросится на Австрію и жестоко разсчитается съ нею за ея двусмысленную и коварную политику. Императоръ Францъ, чувствовавшій и прежде неодолимое отвращеніе къ войнѣ, не хотѣлъ теперь и слышать о ней. „Мои арміи не готовы", объявилъ

на, Т. III, а также сочиненіе Онкена Австрія и Пруссія etc. Т. II, стр. 466 и слѣдующія.

онъ сухо русскому министру Нессельроде, „и до окончанія переговоровъ съ Наполеономъ, я не намѣренъ объявлять ему войны“ [1]).

Въ этихъ словахъ Франца обрисовалось, какъ нельзя лучше все положеніе дѣлъ. Австрійская армія находилась дѣйствительно въ самомъ жалкомъ положеніи, а императоръ Францъ ничего не желалъ такъ искренно, какъ мира съ своимъ зятемъ и ничего не боялся такъ, какъ войны съ нимъ. Для того, чтобы Австрія примкнула къ коалиціи должно было произойти нѣчто, на первый взглядъ почти невѣроятное. Наполеонъ долженъ былъ отвергнуть умѣренныя до смѣшнаго австрійскія требованія и вступить въ борьбу со всею Европою изъ-за небольшихъ клочковъ польскихъ и иллирійскихъ земель. Александръ давно уже формулировалъ свои требованія Наполеону. Онъ объявилъ еще 16 мая, что Наполеонъ долженъ дать свое согласіе, во-первыхъ: на возстановленіе Австріи въ томъ видѣ, какой она имѣла до войны 1805 года; во-вторыхъ, на возстановленіе Пруссіи въ тѣхъ размѣрахъ, какіе занимала она до войны 1806 года; въ третьихъ, на уничтоженіе рейнскаго союза и на возвращеніе всѣхъ провинцій, отнятыхъ у Германіи; въ четвертыхъ, на уничтоженіе герцогства Варшавскаго; въ пятыхъ, на возстановленіе независимости Голландіи; въ шестыхъ, на возстановленіе старой династіи въ Испаніи; въ седьмыхъ, на освобожденіе Италіи отъ владычества и вліянія Франціи [2]).

---

[1]) Еще яснѣе высказался графъ Меттернихъ. Онъ винилъ союзниковъ, что они не воспользовались своею побѣдою подъ Люценомъ (?), доказывалъ, что теперь нельзя ожидать ничего хорошаго отъ коалиціонной войны, такъ какъ успѣхи Наполеона оживили мужество французской націи, дали ему время воспользоваться своими громадными средствами и приковали къ нему вновь его германскихъ союзниковъ. Изъ всего этого Меттернихъ выводилъ заключеніе, что надо заключить миръ, но смотрѣть на него какъ на перемиріе и воспользоваться имъ для подготовленія къ новымъ усиліямъ. Эта послѣдняя фраза назначалась, вѣроятно для утѣшенія Россіи и Пруссіи. См. подлинное письмо Меттерниха къ графу Гарденбергу отъ 30-го мая. Онкенъ, Т. II, стр. 325—326.

[2]) Русская нота оканчивалась слѣдующими знаменательными словами: Telles sont les principales bases que S. M. l'Empereur de t. l. R. etablit comme conditions invariables de la paix a conclure avec la France. Si ces conditions sont acceptèes, elles doivent l'etre sans delai d'une maniere positive et la retraite de l'armèe francaise suivra immediatement l'adhèsion de l'Empereur

Александръ [illegible] торжественно, что онъ никогда не заключитъ мира [illegible] на этихъ условіяхъ; возможно-ли [illegible] на Австрійскій минимумъ, [illegible] Наполеонъ можетъ принять его? Къ [illegible] Александръ [illegible] Наполеона лучше кого либо изъ [illegible] убѣжденъ, что вы[illegible] гордость и непа[illegible] разъ надъ всѣ[illegible] убѣжденіе и [illegible] самимъ Про[illegible] на опасную иг[illegible]ру. Но [illegible] Австрію, [illegible] Меттер[illegible] образомъ не [illegible] Австріи, [illegible] Наполеономъ [illegible] мир[illegible] заявле[illegible] съ ру[illegible] па[illegible] воз[illegible] Пріѣздъ [illegible] пред[illegible] Францъ [illegible] изъ[illegible] царемъ [illegible] усли[illegible] [illegible]

[illegible]

а русскаго государя благопріятное впечатлѣніе, не смотря а то, что онъ относился къ нему съ большимъ недовѣрімъ. Въ Опочнѣ, гдѣ состоялось свиданіе Александра съ Францомъ, послѣдовали дальнѣйшія и чрезвычайно интересныя объясненія съ Меттернихомъ. Русскій императоръ видимо остался доволенъ результатами конференціи. „Мнѣ внушили“, говорилъ онъ вскорѣ послѣ того, „большое недовѣріе къ графу Меттерниху, но многое случившееся по послѣднее время, и въ особенности разговоры, которые имѣлъ я съ нимъ, совершенно разсѣяли его. Я твердо и глубоко убѣжденъ теперь, что графъ Меттернихъ сдѣлалъ и сдѣлаетъ все, что только въ его силахъ“ [1]). Меттернихъ старался убѣдить Александра, что необходимо ограничиться на первый разъ предъявленіемъ однихъ минимальныхъ требованій. Это необходимо, во-первыхъ для того, чтобы удовлетворить желаніямъ императора Франца, а во-вторыхъ для того, чтобы разоблачить передъ всѣмъ свѣтомъ неисправимое упорство и гордое властолюбіе Наполеона. „Если мы поступимъ иначе“, говорилъ онъ, „если мы предъявимъ императору французовъ условія, формулированныя вашимъ величествомъ, тогда мы дадимъ ему возможность забить тревогу, онъ прикажетъ своей прессѣ и своимъ дипломатамъ кричать о позорѣ, которымъ хотимъ мы покрыть Францію, онъ сумѣетъ возбудить паціональное тщеславіе французовъ и раздуетъ въ яркое пламя ихъ гаснущій воинственный энтузіазмъ, и что самое важное, онъ отвергнетъ всякіе мирные переговоры и и не пошлетъ своихъ уполномоченныхъ на конгрессъ. Въ какомъ положеніи окажусь я тогда передъ императоромъ Францомъ, какими доводами убѣжду я его тогда, что мы исчерпали всѣ средства, что мы дошли до крайнихъ предѣловъ уступчивости, только-бы избѣжать войны, только-бы добиться сколько нибудь сноснаго мира съ Наполеономъ?

етъ, что императоръ самъ пригласилъ Меттерниха въ Ратиборицы. См. Онкенъ Т. II, стр. 351.

[1]) Эти слова Александра переданы намъ, впрочемъ, свидѣтелемъ нѣсколько подозрительнымъ, Фридрихомъ Генцомъ, извѣстнымъ повѣреннымъ Меттерниха. См. Онкенъ, Т. II, стр. 353.

Предъявляя Наполеону наши минимальныя требованія, мы не рискуемъ въ сущности ни чѣмъ. Случится одно изъ двухъ: или Наполеонъ отвергнетъ ихъ, или онъ приметъ ихъ. Въ первомъ случаѣ, мы тотчасъ-же соединимся съ союзниками; во второмъ случаѣ, самый ходъ переговоровъ докажетъ, что Наполеонъ не можетъ быть ни мудрымъ, ни справедливымъ и результатъ получится тотъ-же. Во всякомъ случаѣ, мы выиграемъ время, чтобы размѣстить наши арміи, такимъ образомъ, чтобы гарантировать ихъ отъ одиночнаго истребленія" [1]).

Александръ выслушалъ внимательно и благосклонно разъясненія австрійскаго канцлера. Онъ понялъ, что Меттернихъ хорошо изучилъ Наполеона, что, поставленный между двухъ огней, онъ не можетъ дѣйствовать иначе. Оставляя за собою полную свободу дѣйствія на предстоящемъ конгрессѣ, императоръ принялъ формально австрійскія предложенія, какъ основаніе предстоящихъ переговоровъ. Король Фридрихъ-Вильгельмъ, убѣжденный доводами Александра, изъявилъ также свое согласіе. Результатомъ конференціи въ Ратиборицахъ и Опочнѣ явилась извѣстная Рейхенбахская конвенція, подписанная министрами Австріи, Пруссіи и Россіи 27 іюня 1813 года.

Въ первомъ параграфѣ конвенціи императоръ австрійскій обязывается тотчасъ-же соединить свои силы съ войсками Россіи и Пруссіи и объявить войну Франціи въ томъ случаѣ, если Наполеонъ не приметъ до 20 іюля нижеслѣдующихъ условій: 1) Герцогство Варшавское упраздняется и земли, входившія въ составъ его, раздѣляются между Россіею, Пруссіею и Австріею, по взаимному соглашенію сихъ трехъ державъ, безъ всякаго участія и вмѣшательства французскаго правительства. 2) Пруссія увеличивается вслѣдствіе этого раздѣла, равно и черезъ присоединеніе города Данцига съ его областью; всѣ крѣпости, расположенныя въ прусскихъ владѣніяхъ и герцогствѣ Варшавскомъ, должны быть очищены отъ француз-

[1]) Эта послѣдняя странная фраза внушена была Меттерниху мудрыми, но трусливыми Австрійскими стратегами. См. Онкенъ, Т. II, стр. 353.

скихъ войскъ. 3) Иллирійскія провинціи уступаются Австріи. 4) Ганзейскіе города, по крайней мѣрѣ Гамбургъ и Любекъ, должны быть возстановлены въ прежней своей независимости [1]).

Уже одинъ взглядъ на эти первые пункты Рейхенбахской конвенціи показываетъ, что Австрія относилась въ этотъ моментъ далеко не одинаково къ союзникамъ и къ Наполеону, не смотря на свою роль безпристрастной посредницы. Императоръ австрійскій обязывается тотчасъ-же объявить войну Франціи, если Наполеонъ не приметъ его предложеній; на этотъ счетъ текстъ конвенціи не оставляетъ ни малѣйшихъ сомнѣній. Къ чему-же обязываются союзники, т. е. Россія и Пруссія въ томъ случаѣ, если Наполеонъ приметъ австрійскія предложенія? на этотъ вопросъ конвенція не даетъ никакого отвѣта. Ясно, слѣдовательно, что союзники, допуская австрійское посредничество, не берутъ на себя никакихъ матеріальныхъ обязательствъ, что они сохраняютъ за собою полную свободу дѣйствій, что въ каждый данный моментъ они имѣютъ полное право прервать переговоры и отстаивать съ оружіемъ въ рукахъ свою собственную программу, клонящуюся къ окончательному разрушенію Наполеоновской имперіи [2]). Съ другой стороны, Австрія принимаетъ на себя торжественное обязательство объявить войну Франціи изъ-за интересовъ, касающихся не только ея одной, но всей Европы; она сама закрываетъ для себя путь къ частному соглашенію съ Наполеономъ; она не можетъ перейти на его сторону или остаться нейтральною даже въ томъ случаѣ, если-бы императоръ французовъ согласился возвратить ей ея Иллирійскія провинціи.

Итакъ, Рейхенбахская конвенція предоставляла несомнѣн-

---

[1]) Слѣдующіе пункты конвенціи (отъ 3—11) опредѣляютъ взаимныя обязательства державъ въ томъ случаѣ, если отказъ Наполеона повлечетъ за собою войну. См. текстъ конвенціи у Онкена, Т. II. стр. 364—367.

[2]) Таковъ дѣйствительно смыслъ Рейхенбахской конвенціи, но отсюда еще не слѣдуетъ, что-бы Австрія въ случаѣ крайности не могла бросить своихъ союзниковъ. Мы увидимъ, что она готова была сдѣлать это нѣсколько разъ въ теченіи войны.

ныя выгоды союзникамъ, она связывала въ ихъ пользу Австрію положительными обязательствами, а имъ самимъ оставляла полную свободу дѣйствій. Ясно, что подобный договоръ не могъ выйти изъ подъ пера Меттерниха, что австрійскій канцлеръ и его императоръ дали на него свое согласіе, лишь скрѣпя сердце, лишь въ виду безвыходности своего собственнаго положенія. Намъ извѣстно, что конвенція была редижирована прусскимъ уполномоченнымъ Вильгельмомъ Ф. Гумбольдтомъ, но не подлежитъ сомнѣнію и то обстоятельство, что въ ней нашла себѣ прежде всего выраженіе та политическая идея, которую преслѣдовалъ неуклонно императоръ Александръ. Всеевропейская коалиція приняла въ ней впервые опредѣленныя формы и очертанія; первый, рѣшительный шагъ къ осуществленію великаго дѣла былъ сдѣланъ [1]).

Рейхенбахская конвенція осталась глубокою тайною для всѣхъ непосвященныхъ лицъ [2]). Оффиціально извѣстно было лишь то, что Россія и Пруссія приняли формально посредничество Австріи, что онѣ дали свое согласіе на открытіе мирнаго конгресса. Оставалось получить такое-же согласіе и со стороны французскаго императора. Эту, если не тяжелую, то во всякомъ случаѣ крайне щекотливую и непріятную задачу взялъ на себя самъ австрійскій канцлеръ. Волею или неволею, а ему пришлось идти въ логовище льва, пришлось стать лицомъ къ лицу съ грознымъ повелителемъ полуміра. Меттернихъ выполнилъ эту задачу, какъ настоящій дипломатъ и кавалеръ [3]). Готовый напередъ ко всѣмъ слу-

---

[1]) Замѣчательно, что въ день послѣ подписанія конвенціи, скончался одинъ изъ главныхъ героевъ войны за освобожденіе, генералъ Шарнгорстъ. Онъ умеръ отъ ранъ, полученныхъ имъ въ битвѣ подъ Люценомъ.

[2]) Въ XI пунктѣ конвенціи союзныя державы обязывались сохранять ее въ тайнѣ на вѣчныя времена и не сообщать ее, безъ согласія Австріи, даже никому изъ своихъ союзниковъ.

[3]) О Дрезденскомъ свиданіи мы имѣемъ лишь одно свидѣтельство, принадлежащее Меттерниху. Само собою понятно, что свидѣтельство это имѣетъ несомнѣнное преимущество передъ разсказами лицъ, подслушивавшихъ за дверьми, но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы Меттернихъ передалъ намъ всю правду, чтобы онъ не скрылъ и не прибавилъ ничего. Здѣсь слѣдуетъ впрочемъ различать между двумя документами, изъ которыхъ одинъ возникъ непосредственно же послѣ свиданія и имѣлъ форму донесенія Меттерниха императору Францу,

чайностямъ и хорошо знакомый по опыту со всѣми непріятными сторонами Наполеоновскихъ аудіенцій, онъ прибылъ въ Дрезденъ, тогдашнюю резиденцію Наполеона, закаленный противъ всѣхъ выходокъ и оскорбленій, вѣжливый, мягкій, предупредительный, сіяющій какъ всегда. Наполеонъ принялъ его уже на другой день послѣ пріѣзда. Обширныя залы Марколинскаго дворца были наполнены маршалами, генералами и адъютантами, когда Меттернихъ вступилъ въ нихъ въ сопровожденіи маршала Бертье. Всѣ взоры обратились на австрійскаго канцлера; на всѣхъ лицахъ начертанъ былъ одинъ и тотъ-же мучительный вопросъ: будетъ-ли миръ? Самъ Бертье, подведши Меттерниха къ дверямъ императорскаго кабинета, шепнулъ ему на ухо: „не забывайте, что Европа нуждается въ мирѣ, что Франція жаждетъ только мира" [1]). Меттернихъ вошелъ въ кабинетъ. У стола, въ своей обычной позѣ, съ шляпою подъ мышкою стоялъ императоръ. Лице его было совершенно спокойно и безстрастно; онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу канцлеру и обратился къ нему съ обычнымъ вопросомъ о здоровьи императора Франца. Меттернихъ отвѣчалъ со всею любезностью свѣтскаго кавалера, но еще онъ не успѣлъ окончить своей выточенной фразы, какъ лице Наполеона омрачилось и, рыкающій левъ вдругъ пробудился въ немъ. „Итакъ вы хотите войны", крикнулъ онъ громовымъ голосомъ. „Хорошо мы начнемъ ее. При Люценѣ я уничтожилъ прусскую армію, при Бауценѣ я разбилъ

тогда какъ другой возникъ много спустя, и былъ составленъ на основаніи воспоминаній, которыя въ самомъ лучшемъ случаѣ могли измѣнить автору. Первый документъ отличается краткостью и сообщаетъ лишь немногія подробности изъ продолжительной бесѣды; второй очень пространенъ, но преслѣдуетъ цѣль выставить въ возможно лучшемъ свѣтѣ Меттерниха. Въ текстѣ мы пользуемся обоими документами и устраняемъ совершенно такіе фантастическіе и тенденціозные вымыслы, какъ напримѣръ, извѣстный разсказъ Фена въ его Manuscrit de l'annee 1813 г.

Краткое донесеніе Меттерниха императору Францу о Дрезденскомъ свиданіи напечатано въ собраніи документовъ у Онкена, стр. 678, а также во второмъ томѣ мемуаровъ Меттерниха, стр. 461. Подробный разсказъ, составленный на основаніи воспоминаній Меттерниха, обнародованъ впервые Гельфертомъ въ 1873 году, а затѣмъ напечатанъ въ первомъ томѣ мемуаровъ въ 1880 году.

[1]) См. Memoires de Metternich, T. I, Helfert, стр. 369.

русскихъ; теперь ваша очередь, я назначаю вамъ свиданіе въ Вѣнѣ. Люди неисправимы, опытъ потерянъ для нихъ. Три раза я возвращалъ императору Францу его тронъ; я обѣщалъ ему оставаться всю жизнь въ мирѣ съ нимъ; я женился на его дочери; я сказалъ себѣ тогда, что я дѣлаю глупость, но я сдѣлалъ ее и раскаиваюсь въ ней" [1]. Меттернихъ выслушалъ спокойно эту грубую выходку Наполеона; ни одинъ мускулъ въ лицѣ его не дрогнулъ. „Наполеонъ показался мнѣ малымъ въ этотъ моментъ", разсказывалъ онъ впослѣдствіи.

Императоръ умолкъ, онъ видимо ждалъ отвѣта. „Война и миръ, началъ Меттернихъ, зависитъ отъ вашего величества. Императоръ, мой государь, обязанъ исполнить долгъ, въ сравненіи съ которымъ должны исчезнуть въ его глазахъ, какъ и всегда, болѣе второстепенныя соображенія. Судьба Европы, будущность ея и ваша, лежатъ сегодня въ вашихъ рукахъ. Между Европою и планами, которые преслѣдовали вы досслѣ, есть нѣчто несовмѣстимое. Европа нуждается въ мирѣ; чтобы обезпечить его, вамъ необходимо возвратиться въ предѣлы, совмѣстимые съ общественнымъ спокойствіемъ, иначе вы погибните. Сегодня вы еще можете заключить миръ, завтра это будетъ невозможно. Императоръ, мой государь, будетъ сообразовать свои дѣйствія съ голосомъ своей совѣсти; вамъ, государь, подобаетъ слѣдовать внушеніямъ своей" [2].

На этихъ словахъ Наполеонъ прервалъ канцлера. Какъ этотъ маленькій человѣкъ, этотъ пустой Меттернихъ, который выучился только лгать [3], осмѣливается говорить съ нимъ въ такомъ тонѣ, читать ему такія нравоученія! „Хорошо, сказалъ онъ ему, чего хотите вы отъ меня? Чтобы я обезче-

[1] Всѣ эти слова Наполеона мы находимъ въ распространенномъ разсказѣ составленномъ на основаніи воспоминаній. Въ краткой реляціи мы читаемъ только: „Я готовъ заключить миръ, но скорѣе погибну, нежели заключу постыдный миръ. Я писалъ уже императору (Францу), моя честь прежде всего, а потомъ миръ".

[2] Трудно сказать: произнесены ли были въ дѣйствительности эти геройскіе слова Меттернихомъ, такъ какъ они находятся только въ позднѣйшемъ разсказѣ, тогда какъ въ первоначальной реляціи нѣтъ и намека на нихъ.

[3] Такъ выражался Наполеонъ о Меттернихѣ еще во время его посольства въ Парижѣ въ 1809 году.

стилъ себя? Никогда! Скорѣе умру, нежели уступлю хотя одинъ шагъ земли. Ваши государи, рожденные на тронѣ, могутъ дозволять бить себя двадцать разъ и будутъ каждый разъ спокойно возвращаться въ свою столицу; но я сынъ счастья, я перестану царствовать съ того дня, когда перестану быть сильнымъ, когда перестану внушать уваженіе къ себѣ [1]). Что понимаете вы подъ миромъ? въ чемъ заключаются ваши условія? Вы хотите ограбить меня. Вамъ нужны Италія, Брабантъ, Лотарингія? Но я не уступлю вамъ ни пяди земли! Я заключу миръ на основаніи Status quo ante bellum. Я готовъ даже отдать Россіи часть герцогства Варшавскаго; вамъ я не дамъ ничего, вы не били меня. И Пруссіи не дамъ ничего, она измѣнила мнѣ. Если вы хотите получить западную Галицію, если Пруссія желаетъ возвратить часть своихъ старыхъ владѣній, то это можно, но не иначе какъ путемъ обмѣна, вознагражденія. Вы должны вознаградить моихъ союзниковъ. Завоеваніе Иллиріи стоило мнѣ 300,000 человѣкъ; если хотите возвратить ее, то употребите такое-же количество людей".

Наполеонъ говорилъ страстнымъ, взволнованнымъ голосомъ. Отдѣльныя слова ясно долетали до сосѣдней залы, гдѣ толпились министры и генералы. Имъ чудилось, что разговоръ принялъ самый рѣзкій, непріятный характеръ, что императоръ упрекаетъ Меттерниха въ неблагонадежности, измѣнѣ, подкупѣ. Быть можетъ, они слышали вѣрно, быть можетъ фраза Наполеона, надѣлавшая столько шума въ позднѣйшей литературѣ: „О Меттернихъ сколько взяли вы съ Англіи, чтобы объявить мнѣ войну" [2]), была произнесена въ дѣйствительности. Австрійскій канцлеръ старается увѣрить насъ, что Наполеонъ не говорилъ ничего подобнаго, что продолжительная бесѣда ихъ кончилась совершенно инымъ образомъ. Кто можетъ рѣшить, на чьей сторонѣ въ данномъ

---

[1]) Вся эта первая часть длинной тирады Наполеона находится въ позднѣйшемъ разсказѣ; тогда какъ вторая часть, непосредственно вяжущаяся съ нею, находится въ первоначальномъ краткомъ донесеніи; и уже потому не подлежитъ никакому сомнѣнію.

[2]) Эту фразу мы находимъ въ разсказѣ Фена. Manuscrit de l'année 1813, T. II, стр. 40.

случаѣ правда? Меттернихъ передаетъ, что Наполеонъ, истощивъ свое гнѣвное краснорѣчіе, сразу понизилъ тонъ и обратился къ нему съ такими словами: „Объявите вашъ нейтралитетъ и я соглашусь на переговоры въ Прагѣ. Или быть можетъ, вы предпочитаете вооруженный нейтралитетъ? Согласенъ и на то. Выставляйте 300,000 человѣкъ въ Богеміи, я полагаюсь на слово императора, что онъ не объявитъ мнѣ войну". Меттернихъ возразилъ: „Мой императоръ [1]) предложилъ державамъ свое посредничество, а не нейтралитетъ. Пруссія и Россія приняли посредничество, теперь очередь высказаться за вами, государь. Если вы примете мои предложенія, то мы можемъ тотчасъ-же опредѣлить срокъ для переговоровъ. Если вы отклоните ихъ, то императоръ будетъ считать себя свободнымъ въ выборѣ своихъ рѣшеній и своего образа дѣйствій. Положеніе дѣлъ таково, что не терпитъ отсрочекъ. Арміи должны жить. У насъ 250,000 человѣкъ въ Богеміи, они могутъ простоять тамъ нѣсколько недѣль, но не нѣсколько мѣсяцевъ". Эти послѣднія, далеко не двусмысленныя слова Меттерниха смутили императора. Возможность войны съ Австріею, казавшаяся ему до сихъ поръ крайне невѣроятною, почти смѣшною, (такъ плохо зналъ Наполеонъ своего тестя, такъ сильно полагался онъ на родственныя чувства этого человѣка съ политическими внутренностями) вдругъ предстала передъ нимъ во всей своей грозной преспективѣ. Но нѣтъ! Этого не можетъ быть! Меттернихъ только хвастается и грозитъ по своему обыкновенію. „Знаете ли что случится", сказалъ Наполеонъ внезапно, „вы не объявите мнѣ войны". Меттернихъ отвѣчалъ: „Государь, вы погибли, я прибылъ сюда съ этимъ предчувствіемъ, я оставляю васъ съ этимъ убѣжденіемъ" [2]). Наполеонъ не отвѣтилъ ни однимъ словомъ. Меттернихъ расклanялся.

Такъ рѣзко объяснились другъ съ другомъ бывшіе друзья и союзники, но ни тотъ ни другой не думали доводить пока

---

[1]) Такъ въ позднѣйшемъ разсказѣ. Въ первоначальномъ донесеніи сказано только: „Я не призванъ здѣсь разбирать условія будущаго мира, а настаиваю лишь на принятіи посредничества и открытіи переговоровъ" и т. д.

[2]) И эти рѣшительныя слова мы находимъ только въ позднѣйшемъ разсказѣ.

дѣло до крайности. Наполеонъ желалъ прежде всего продлить перемиріе, такъ какъ его вооруженія далеко еще не были окончены; Меттернихъ желалъ болѣе всего избавиться отъ договора 1811 года и добиться во чтобы то ни стало согласія Наполеона на посредничество Австріи и на открытіе мирныхъ переговоровъ. Результатомъ такихъ обоюдныхъ стремленій и явилась Дрезденская конвенція, подписанная 30 іюня графомъ Меттернихомъ и герцогомъ Бассанскимъ. Конвенція формально отмѣняла союзный договоръ 1811 года и возвращала Австріи полную свободу дѣйствій; она заключала въ себѣ согласіе Наполеона на открытіе мирнаго конгресса въ Прагѣ 5 іюля; но она постановляла въ тоже время, что перемиріе должно быть продолжено до 10 августа.

Меттернихъ могъ быть доволенъ результатами своей поѣздки [1]). Онъ зналъ, что императоръ Францъ одобритъ вполнѣ и его тактику и достигнутые имъ результаты. Но какъ явится онъ съ другой стороны на глаза своимъ союзникамъ? чѣмъ оправдаетъ онъ передъ ними такое явное и безцеремонное нарушеніе только что заключеннаго договора? чѣмъ мотивируетъ онъ продленіе перемирія до 10 августа? не посмотрятъ ли представители Россіи и Пруссіи на этотъ фактъ, какъ на новое несомнѣнное доказательство двусмысленности и вѣроломства австрійской политики?

Положеніе Меттерниха было дѣйствительно затруднительное, но онъ полагался на свою ловкость и не чувствовалъ ни малѣйшаго смущенія. 3 іюля Меттернихъ прибылъ въ Ратиборицы, куда явились, по его приглашенію, Гарденбергъ, Нессельроде и графъ Стадіонъ. Въ формальной конференціи, состоявшейся 4 іюля, онъ сообщилъ о результатахъ поѣздки своей въ Дрезденъ, передалъ вслѣдъ затѣмъ заключенную имъ конвенцію и предложилъ внести въ Рейхенбахскій договоръ добавочную статью о продленіи перемирія до 10 августа. Въ оправданіе своего поступка австрійскій канцлеръ представилъ нѣсколько дипломатическихъ доку-

---

[1]) См. второе донесеніе Меттерниха изъ Дрездена, гдѣ онъ говоритъ тономъ торжествующаго побѣдителя. Онкенъ, Т. II, стр. 394—395.

ментовъ, которыми обмѣнялся онъ съ герцогомъ Бассанскимъ. Изъ этихъ документовъ оказывалось, что Наполеонъ долго и упорно отказывался принять предложеніе Австріи и дать согласіе на открытіе переговоровъ, но что наконецъ онъ потребовалъ продленія перемирія до 10 августа, ссылаясь на то, что только въ такомъ случаѣ выиграно будетъ время для мирныхъ переговоровъ. Меттернихъ отлично понималъ, что союзники ни мало не были заинтересованы согласіемъ Наполеона на перемиріе и посредничество Австріи, что въ ихъ интересахъ лежало, напротивъ, формальное и рѣшительное удаленіе французскаго императора отъ всякихъ мирныхъ переговоровъ, и потому старался оправдать свою собственную уступчивость, указывая на незаконченность австрійскихъ вооруженій и на крайнюю необходимость для Австріи выиграть время. Въ подтвержденіе своего мнѣнія Меттернихъ ссылался на мемуаръ, представленный императору Францу княземъ Шварценбергомъ въ отвѣтъ на [illegible] прод[illegible] Шварценбергъ указывалъ прежде [illegible] въ Италіи [illegible] кор[illegible] [illegible] что [illegible] [illegible]

[illegible]

маршала, ни даже его собственное краснорѣчіе не произвели на союзныхъ министровъ ожидаемаго впечатлѣнія. Они стали на почву договора, заключеннаго въ Рейхенбахѣ, напомнили о торжественномъ обѣщаніи Австріи объявить войну Франціи въ томъ случаѣ, если Наполеонъ не приметъ предварительныхъ условій до 20 іюля и безъ дальнѣйшихъ околичностей обвинили Меттерниха въ вѣроломствѣ [1]). Меттернихъ пытался оправдаться. Онъ не отрицалъ обязательности даннаго обѣщанія, но ссылался на послѣдующія событія, въ особенности на опасность, грозящую Вѣнѣ, и требовалъ согласія союзниковъ на перемиріе какъ доказательства, что они заинтересованы въ сохраненіи австрійской монархіи, силы которой будутъ парализованы въ томъ случаѣ, если столица ея будетъ занята непріятелемъ. Но и эта уловка не помогла. Союзные министры замѣтили, что русско-прусскія арміи уже и теперь съ трудомъ могутъ получать жизненные припасы и что дальнѣйшая отсрочка перемирія поставитъ ихъ въ положеніе безвыходное. Да и къ чему подобная отсрочка? замѣтили они съ горечью. Кто дастъ намъ увѣренность, что Австрія дѣйствительно вступитъ въ войну 10 августа, что она не найдетъ къ тому времени новыхъ предлоговъ, чтобы отдѣлаться отъ своихъ обязательствъ, и кто дастъ намъ возможность провѣрить основательность этихъ предлоговъ? [2]).

Послѣднія укрѣпленія Меттерниха были взяты; доведенный до крайности, онъ принужденъ былъ сбросить съ себя маску. Несомнѣнно, замѣтилъ онъ, что союзники имѣютъ полное право возвѣстить конецъ перемирія 20 іюля; но въ такомъ случаѣ, онъ ручается, что Наполеонъ немедленно же отзоветъ своихъ уполномоченныхъ и прекратитъ переговоры. Что-же касается до Австріи, то онъ не можетъ поручиться, что императоръ Францъ, принимая въ соображеніе опасное положеніе своей монархіи, не рѣшится на безусловный нейтралитетъ, охраняемый 150,000 арміею. „Я не могу также поручиться и за то", продолжалъ онъ, „что союзнымъ вой-

[1]) Такъ принужденъ сказать самъ Онкенъ, новѣйшій апологетъ Меттерниха на основаніи найденныхъ имъ же документовъ. См. Онкенъ, Т. II, стр. 397.
[2]) Онкенъ, Т. II, стр. 398.

не послѣднее доказательство моей преданности“. Лебцельтернъ не скрывалъ ни отъ себя, ни отъ Меттерниха, что его порученіе способно глубоко оскорбить императора Александра и по формѣ, и по существу дѣла [1]). Онъ долженъ былъ убѣдить Александра дать свое согласіе на продленіе перемирія, т. е. на отмѣну того пункта конвенціи, который служилъ основаніемъ для всѣхъ остальныхъ, въ которомъ справедливо усматривали союзники единственную пріобрѣтенную ими до сихъ поръ выгоду. Какъ-же исполнилъ Ф. Лебцельтернъ свою задачу? Чтобы достигнуть цѣли, „говоритъ онъ въ своемъ донесеніи“, „я не могъ ссылаться на тѣ доводы, которые выставлялись въ Ратиборицахъ, я не рѣшался возбудить даже сомнѣнія въ томъ, что мы можемъ отказаться отъ обязательства, принятаго нами на себя такъ торжественно. Я старался оправдать и уяснить все дѣло чисто военными соображеніями, я ссылался на интересы Австріи и на опасности, угрожающія ей, я пытался убѣдить, что союзники сами крайне заинтересованы въ томъ, чтобы Австрія могла противостать первымъ ударамъ, чтобы она не потерпѣла въ самомъ началѣ боя такихъ потерь, которыя помѣшали-бы дальнѣйшему развитію ея силъ и средствъ и подорвали-бы духъ націи, еще недостаточно наэлектризованный въ началѣ. Я указалъ какого дѣятельнаго и полезнаго содѣйствія могутъ лишить себя союзники, настаивая на короткомъ срокѣ перемирія. Я отважился, наконецъ, представить императору, что послѣ всѣхъ данныхъ имъ доказательствъ добраго расположенія къ намъ, онъ не захочетъ подвергнуть насъ величайшей опасности лишь потому, что онъ не соглашается взглянуть на вопросъ съ точки зрѣнія положенія и интересовъ Австріи“ [2]). Александръ, какъ видно, очень долго не поддавался на всѣ эти доводы. Конференція продолжалась нѣсколько часовъ. Наконецъ, императоръ уступилъ. Онъ отправилъ Анштета къ прусскому канцлеру и повелѣлъ пере-

---

[1]) „Das hätte in Anbetracht seiner gegen wärtigen Stimmungen geheissen, diesen Souverain empören und für immer von uns entfernen“. Донесеніе Лебцельтерна у Онкена, Т. II, стр. 400.

[2]) Донесеніе Ф. Лебцельтерна у Онкена, Т. II, стр. 401.

ла вновь въ рядахъ своихъ до 110,000 ч. Независимо этого сформирована была въ Польшѣ подъ начальствомъ ...гсена новая резервная армія, доходившая также до ...000 человѣкъ. Въ послѣдніе дни перемирія эта армія ...жна была прибыть въ полномъ своемъ составѣ на театръ ...нныхъ дѣйствій. Наконецъ въ сѣверной Германіи сосре...очены были также значительныя массы русскихъ войскъ; ...стѣ съ пруссаками и шведами они должны были прикры...ь Берлинъ и дѣйствовать противъ лѣваго фланга Напо...она на нижней Эльбѣ [1]).

...оенныя приготовленія поглощали, безъ сомнѣнія, не ма...ю долю времени и силъ императора Александра, хотя онъ ...е любилъ входить въ техническія подробности и мелочи ...еннаго дѣла. Н. Н. Муравьевъ разсказываетъ въ своихъ ...пискахъ, что государь не любилъ долгихъ смотровъ, па...дныхъ ученій и муштровки людей. На большомъ кавале...скомъ смотру въ Силезіи во время перемирія у государя ...хватило терпѣнія пропустить мимо себя всѣ полки, а ...гда кавалергарды пустились въ карьеръ и лошади и лю...и при этомъ начали падать, то онъ приказалъ прекратить ...мотръ и уѣхалъ съ поля [2]). Но относясь такъ небрежно къ ...мотрамъ и маневрамъ, Александръ относился съ величай...шимъ вниманіемъ и интересомъ къ обсужденію предстоя...щихъ военныхъ дѣйствій, къ установленію тѣхъ общихъ на...чалъ и руководящихъ идей, которыя должны были быть по...ложены въ основу операціоннаго плана союзныхъ армій. Александръ умѣлъ замѣчать таланты, онъ умѣлъ ставить лю...дей на подобающее имъ мѣсто. Уже послѣ первыхъ разго...воровъ съ генераломъ Толлемъ въ Вильнѣ, онъ оцѣнилъ вы...дающіяся стратегическія способности этого человѣка, а уча...стіе Толля въ военныхъ операціяхъ весенней кампаніи окон...чательно убѣдило императора, что, какъ стратегъ, Толль занимаетъ первое мѣсто въ ряду союзныхъ вождей. Ему то

---

[1]) О вооруженіяхъ Россіи и Пруссіи см. спеціальныя военныя сочиненія объ этой эпохѣ, какъ-то: Богдановича, Бейцке, Дройзена и другихъ.

[2]) Н. Н. Муравьевъ. Записки, Русскій Архивъ, 1885 г. кн. 12, стр. 496.

[illegible] важныхъ перемѣнахъ со-
[illegible] плана для австрійской арміи.
[illegible] плана [illegible]. на пер-
[illegible] время въ
[illegible]
[illegible] ар-
[illegible] массы [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]. Лагерь
[illegible] направле-
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] катастрофу.
[illegible]
[illegible]. Рус-
[illegible]
[illegible] планъ.
[illegible] усло-
[illegible] а тѣмъ
[illegible]. могущія
[illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] тѣхъ
[illegible] Валленш-
[illegible] страте-
[illegible]
[illegible]

[illegible]

ственныхъ вождей, а и съ стратегіею высшей степени оригинальною кронъ-принца шведскаго, Бернадота. Было время, когда императоръ Александръ ставилъ чрезвычайно высоко этого авантюриста, когда онъ придавалъ выдающееся значеніе стратегическимъ совѣтамъ Бернадота, когда онъ ожидалъ рѣшающихъ послѣдствій отъ его высадокъ и диверсій въ с. Германіи; но кампанія 1812 года, а еще болѣе весеннія событія 1813 года разсѣяли окончательно всѣ иллюзіи и представили въ настоящемъ видѣ и личный характеръ кронъпринца, и его военно-политическіе планы.

Бернадотъ былъ такой-же сынъ счастія, какъ и Бонапарте, съ тою, впрочемъ, существенною разницею, что у него не было и тѣни Наполеоновскаго военнаго генія [1]). Выброшенный на поверхность общества мутными волнами французской революціи, гасконецъ по происхожденію и натурѣ, наглый хвастунъ и фанфоронъ, безсовѣстный лжецъ и ловкій интриганъ, Бернадотъ обладалъ искусствомъ пускать, какъ говорится, всѣмъ пыль въ глаза, убѣждать всѣхъ и каждаго и въ геніальной мудрости своихъ стратегическихъ соображеній, и въ глубинѣ и тонкости своихъ политическихъ комбинацій. Счастіе покровительствовало, какъ нельзя болѣе, авантюристу. Изъ зауряднаго республиканскаго генерала, онъ превратился сначала въ Наполеоновскаго маршала, а затѣмъ въ кронъ-принца и самостоятельнаго правителя Швеціи. Съ поразительною ловкостью воспользовался Бернадотъ великими усложненіями 1812 года. Онъ обманулъ прежде всего надежды Наполеона и, не колеблясь, перешелъ на сторону враговъ своего бывшаго повелителя. Не шевельнувъ пальцемъ, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, онъ обошелъ и Англію и Россію, заручился колоссальными субсидіями и получилъ согласіе на раздробленіе Даніи, на присоединеніе Норвегіи къ своему королевству. Послѣ долгихъ приготовленій и сборовъ онъ высадился, наконецъ, въ маѣ мѣ-

[1]) Личность Бернадота рисуется лучше всего въ современныхъ документахъ въ особенности въ донесеніяхъ ганноверскаго агента ф. Гаммерштейна, прусскаго маіора Калькрейта, австрійскаго уполномоченнаго графа Стадіона и другихъ.

мъ планамъ своего союзника [1]). До императора
ěсьма опредѣленные слухи, что Бернадотъ ведетъ
двойную игру, что преслѣдуя свои норвежскіе
сносится въ тоже время съ непріятельскими ге-
и не на шутку мечтаетъ занять на французскомъ
мѣсто свергнутаго Бонапарте. Создавалось, такимъ
положеніе въ высшей степени затруднительное и
невозможно было оставлять Бернадота въ сѣверной
позволять ему преслѣдовать свои темные планы и
имъ отвлекать отъ всякаго участія въ борьбѣ съ
силами непріятеля весьма значительныя части со-
ліи, цѣлые корпуса пруссаковъ и русскихъ. Не-
было связать этого опаснаго авантюриста болѣе
ьными обязательствами; ввести его армію въ общую
ю союзныхъ силъ, принудить его принять прямое
ное участіе въ борьбѣ съ главными силами Напо-
Для достиженія этой цѣли императоръ Александръ
амое прямое и вѣрное средство. Онъ пригласилъ
прибыть въ главную квартиру и принять участіе
тельномъ установленіи и обсужденіи общаго плана
Понятно, что Бернадотъ не могъ уклониться отъ
лашенія.

нія происходили въ Силезскомъ замкѣ Трахен-
Сюда прибыли рано утромъ 10 іюля императоръ
ъ и король Фридрихъ-Вильгельмъ III. Государей
али генералы: Толль, Кнезебекъ и князь Волкон-
качествѣ представителя Австріи явился графъ Фи-
діонъ. Позже всѣхъ, вечеромъ того-же дня, прі-
надотъ въ сопровожденіи начальника штаба сво-
ала Левенгельма. Бернадотъ остался и въ Трахен-

торъ высказывалъ свое недовольство образомъ дѣйствій кронъ-прин-
шимися даже въ письмахъ, адресованныхъ ему лично. См. письмо
у Онкена, стр. 416.
Т. II, стр. 421.
енбергскихъ совѣщаніяхъ см. въ особенности: записки Толля, изд.
. III, стр. 49—58 и Онкенъ Т. II, стр. 421—431, гдѣ помѣщены
епени любопытныя донесенія графа Стадіона

[illegible]

[illegible]

[illegible]

какъ разъяренный левъ, бросится на Габсбургскую монархію. Австрійская армія, усиленная 80,000 русскихъ, должна будетъ отступать передъ нимъ шагъ за шагомъ, избѣгая всякаго рѣшительнаго столкновенія. „Я съ своей стороны“, продолжалъ онъ съ возрастающимъ жаромъ, „перейду съ 100,000 человѣкъ черезъ Эльбу близъ Дессау, или даже у Дрездена и устремлюсь по пятамъ французовъ. Такое же направленіе должны будутъ взять союзныя войска въ Силезіи, и русскіе резервы, приближающіеся уже теперь къ театру войны. Все устроится и обойдется само собою, какъ нельзя лучше. Нѣтъ ни малѣйшей надобности ни въ сложныхъ маневрахъ, ни въ разсчитанныхъ со дня на день движеніяхъ, ни въ ученой стратегіи, натворившей и безъ того уже столько бѣдъ [1]). Все дѣло будетъ сдѣлано одними храбрыми полковыми командирами, вся стратегія сведется на одинъ приказъ идти впередъ. Какъ безумный устремится Наполеонъ къ центру Австрійской монархіи, тамъ ожидаетъ его отверзстая могила. Австрійцы и русскіе должны довести его до края этой могилы, а мы, т. е. шведы, пруссаки, русскіе столкнемъ его въ нее“.

Съ возрастающимъ изумленіемъ слушалъ графъ Стадіонъ странныя рѣчи Бернадота. „Неужели этотъ человѣкъ говоритъ серьезно“, думалъ онъ про себя. „Не скрывается-ли подъ этими гасконадами что нибудь недоброе? Ясно лишь одно: Бернадотъ придумываетъ такой планъ, который гарантируетъ его отъ непріятной и опасной случайности встрѣтиться лицомъ къ лицу съ самимъ Наполеономъ. Не даромъ же онъ проговаривается самъ на счетъ этого щекотливаго пункта, не даромъ говоритъ, что онъ былъ когда то слишкомъ близокъ къ Наполеону, что ему не легко становиться его личнымъ врагомъ и содѣйствовать его паденію. Правда, произнося эту послѣднюю фразу, Бернадотъ разсчитывалъ, по всей вѣроятности, сказать нѣчто пріятное представителю им-

[1]) Sans employer ni manoevres, ni calculs, ni cetle fausse science de guerre qui si souvent a fait manquer à force de reflexions les combinaisons les plus certaines et le plus solidement concues“. Изъ донесенія Стадіона. Онкенъ, Т. II, стр. 423.

[illegible] будетъ [illegible] Наполеона [illegible] въ этихъ [illegible] и [illegible] его [illegible] быть на сторонѣ [illegible] противъ него. [illegible] со- [illegible] къ нему че- [illegible] человѣ- ка. [illegible] кровь- [illegible] забывать, что Бернадотъ [illegible] глазахъ его [illegible] Къ тому же онъ без- [illegible] изъ самыхъ не- [illegible] счастливой [illegible] и при- [illegible].

Такое понятіе составилъ себѣ графъ Стадіонъ о характерѣ и замыслахъ кронъ-принца уже послѣ первой бесѣды съ нимъ, и въ такомъ смыслѣ доносилъ онъ о немъ своему двору [1].

Военныя конференціи начались 12 іюля. Въ нихъ принимали участіе оба монарха, кронъ-принцъ и начальникъ его штаба, генералы Кнезебекъ и Толь. Бернадотъ остался и тутъ вѣренъ своей гасконской натурѣ. Онъ заговорилъ первый и съ жаромъ началъ развивать тѣ странныя соображенія, въ которыя посвятилъ онъ наканунѣ графа Стадіона. Присутствующіе слушали по большей части молча; лишь по временамъ высказывались критическія замѣчанія и возраженія. Государи, не желая стѣснять своимъ присутствіемъ свободное выраженіе мнѣній, удалились спустя нѣкоторое время изъ засѣданія. Бернадотъ продолжалъ говорить и не видно было конца его рѣчамъ. Генералъ Толь прямой, честный и къ тому-же горячій, страстный человѣкъ видимо начиналъ терять терпѣніе. Досада и нетерпѣніе кипѣли въ его душѣ, онъ едва могъ сидѣть на мѣстѣ. Его нетерпѣливые жесты не укрылись отъ вниманія Бернадота. „Генералъ, вы кажется не раздѣляете моихъ мнѣній?“ обратился онъ

[1] См. донесеніе Стадіона, Онкенъ, Т. II, стр. 426.

неожиданно къ Толю. „Если позволено будетъ мнѣ“, началъ Толь, „самому младшему изъ присутствующихъ, высказать мое мнѣніе“.—„Говорите, говорите свободно“, прервалъ его Бернадотъ, и глаза всѣхъ присутствующихъ обратились на Толя [1]).

Бывшій сподвижникъ Кутузова началъ излагать свой планъ. Онъ говорилъ короткими отрывистыми фразами; въ его рѣчи не было ни одного лишняго слова. Необходимо, доказывалъ онъ, раздѣлить всѣ союзныя силы на три арміи. 100,000 изъ союзныхъ войскъ, расположенныхъ въ Силезіи, двинутся въ Богемію и, соединившись тамъ съ 120,000 австрійцевъ, образуютъ главную или Богемскую армію. 50,000 русскихъ и пруссаковъ, подъ начальствомъ Блюхера, останутся въ Силезіи на линіи Кацбаха и составятъ вторую или Силезскую армію. Остальныя союзныя силы, въ числѣ 100,000 человѣкъ, сосредоточутся въ окрестностяхъ Берлина подъ начальствомъ кронъ-принца Шведскаго [2]). Всѣ три арміи должны начать наступленіе тотчасъ-же по окончаніи перемирія. Арміи, долженствующія дѣйствовать на фланги и тылъ непріятеля, т. е. Силезская и сѣверная, избираютъ направленіе, ведущее непосредственно на операціонную линію непріятеля. Главныя силы союзниковъ занимаютъ такія позиціи, которыя даютъ имъ возможность противостать непріятелю, съ какой бы стороны ни устремился онъ на нихъ. Выдающійся бастіонъ,—Богемія, представляетъ въ этомъ отношеніи наибольшія выгоды. Если императоръ Наполеонъ, желая предупредить наступленіе Богемской арміи, бросится на нее съ главными своими силами, то кронъ-принцъ Шведскій устремится форсированными маршами на тылъ противника, а Силезская армія атакуетъ его съ фланга. Если же наоборотъ императоръ Наполеонъ двинется на армію кронъ-принца, то Богемская армія тотчасъ-же перейдетъ въ энергическое наступленіе и, дѣйствуя на сообщенія непріятеля, при-

---

[1]) См. Записки Толя, Бернгарди, Т. III, стр. 51.

[2]) Замѣчательно, что въ Трахенбергѣ не имѣли еще точныхъ свѣдѣній о численности союзныхъ армій, такъ: армія Блюхера состояла не изъ 50,000, а изъ 100,000 ч., а подъ начальствомъ Бернадота сосредоточено было до 140,000 ч.

[illegible] Эти планы [illegible] [illegible] [illegible] общими принципами. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Наполеона. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] Толь [illegible] Бернадотъ [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] генералы [illegible] [illegible] прекрасно [illegible] [illegible] [illegible] Толь [illegible] [illegible] Берна- [illegible] [illegible].

[illegible] конферен- [illegible] Планъ Толя былъ [illegible] [illegible] Бер- [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [4]. [illegible] были [illegible] [illegible] ре- [illegible] Лице императора Александра сіяло. [illegible] генерала Толя. „Благодарю тебя отъ [illegible], Карлъ Федоровичъ!“ сказалъ онъ, пожимая

[illegible] у Бернгарди Т. III. стр. 32—33.

[illegible]—Ma [illegible] c'est très—trai—continuez!“ Бернгарди. Т. III [illegible]

[3]) [illegible] предварительно, вѣроятно, ради [illegible] Бернгарди. Т. III. стр. 31.

[4]) [illegible] Бернадота видно изъ слѣдующихъ примѣ- [illegible] словомъ trouvent въ [illegible] vondra, въ четвертомъ rentrées вмѣсто [illegible] въ томъ же родѣ. Однимъ словомъ изъ стратега Бернадотъ [illegible] въ грамматика и стилиста. См. Бернгарди. Т. III, стр. 34.

ему руку, за твой превосходно обдуманный планъ. Не сомнѣваюсь, что плодомъ его будетъ успѣхъ, долженствующій возвеличить славу нашего оружія“ [1]). Уже въ тотъ-же день участники конференціи оставили замокъ Трахенбергъ.

Одновременно съ военными совѣщаніями въ глухомъ Силезскомъ замкѣ, произошло открытіе мирнаго конгресса въ Прагѣ. Всемірная исторія не заносила еще ни разу на свои страницы такого страннаго дипломатическаго собранія, такого явнаго и наглаго издѣвательства надъ всѣми правилами чести и приличія. Опасенія русскихъ и пруссаковъ, что Наполеонъ приметъ въ концѣ концовъ столь выгодныя для него предложенія Австріи, что онъ не отважится пролить цѣлое море крови, истребить цвѣтъ цѣлаго поколѣнія изъ-за такихъ вопросовъ, какъ уступка герцогства Варшавскаго, Илліріи и Ганзейскихъ городовъ, не замедлили разсѣяться окончательно. Провидѣніе осудило на гибель злаго генія, исполнившаго свое призваніе. Ничто не въ состояніи было разсѣять туманъ, окутавшій его со всѣхъ сторонъ. Онъ началъ съ того, что вовсе не прислалъ къ назначенному дню своихъ уполномоченныхъ въ Прагу. Цѣлую недѣлю ожидали представители союзныхъ державъ французскихъ пословъ; наконецъ, явился графъ Нарбонь, но оказалось, что у него нѣтъ никакихъ инструкцій. Прошло еще нѣсколько дней; іюль мѣсяцъ былъ на исходѣ; оставалось какихъ-нибудь десять дней до конца перемирія. Наполеонъ, поглощенный до тѣхъ поръ исключительно военными дѣлами и поѣздками, возвратился въ Дрезденъ и потребовалъ къ себѣ Коленкура. Онъ объявилъ ему, что назначаетъ его своимъ уполномоченнымъ въ Прагу и сообщилъ ему въ нѣсколькихъ словахъ его инструкціи. „Я не могу заключить мира иначе какъ на основаніи Statu quo ante bellum. Я готовъ сдѣлать уступки одной Россіи, я согласенъ даже отдать ей всю Польшу; но Австрія должна быть наказана примѣрно за свое вѣроломство, за нарушеніе союзнаго договора 1812 года; она должна лишиться всякаго вліянія въ Европѣ“ [2]).

---

[1]) Записки Толя. Бернгарди, Т. III, стр. 54.

[2]) См. Онкенъ, Т. II, стр. 434.

же сообщилъ онъ о предложеніяхъ Наполеона уполномоченнымъ Россіи и Пруссіи. Коленкуръ объявилъ, что онъ потребуетъ новыхъ инструкцій отъ своего императора, но прошло еще четыре дня, а изъ Дрездена не было ни слуху, ни духу. Ровно въ полночь 10 августа уполномоченные Россіи и Пруссіи объявили, что полномочія ихъ истекли и что они считаютъ переговоры законченными. Графъ Меттернихъ заявилъ съ своей стороны, что курьеръ съ австрійскимъ объявленіемъ войны немедленно же выѣдетъ въ Дрезденъ [1]). Уполномоченные раскланялись другъ съ другомъ. Въ этотъ моментъ громадный костеръ вспыхнулъ на высотѣ Градчина. Кровавые потоки свѣта озарили темный сводъ неба надъ спящею столицею Чехіи. А тамъ вдали, по направленію къ сѣверу, начали загораться одинъ за другимъ другіе огни. То были заранѣе условленные сигналы. Съ быстротою молніи разнеслась по всѣмъ близкимъ и далекимъ бивуакамъ союзныхъ войскъ радостная вѣсть, что часъ великой борьбы наступилъ. Сотни тысячъ мужественныхъ воиновъ съ восторгомъ привѣтствовали давно ожидаемый моментъ.

---

[1]) Разсказываютъ, что В. Ф. Гумбольдтъ такъ не довѣрялъ искренности Австрійскаго кабинета, что провожалъ курьера до самаго экипажа.

ГЛАВА VIII.

Борьба за свободу Европы.—Силы обѣихъ сторонъ.—Наполеоновская легенда и дѣйствительное положеніе дѣлъ.—Разногласіе въ лагерѣ союзниковъ.—Вопросъ о верховномъ начальствѣ.—Князь Шварценбергъ и его совѣтники.—Блюхеръ и Гнейзенау.—Французскіе стратеги въ союзномъ лагерѣ.—Жомини и Моро.—Планъ Наполеона.—Месть и злоба ослѣпляютъ его.—Начало военныхъ дѣйствій.—Наполеонъ противъ Блюхера.—Богемская армія вступаетъ въ Саксонію.—Движеніе къ Дрездену.—Нерѣшительность и колебанія въ главной квартирѣ союзниковъ.—Военный совѣтъ и недостатки австрійскаго штаба.—Наполеонъ спѣшитъ на помощь къ Дрездену.—Онъ посылаетъ Вандамма въ тылъ союзной арміи.—Наполеонъ и его маршалы.—Отношенія и тѣмъ не менѣе состоявшійся штурмъ.—Неудача союзниковъ.—Гроза собирается въ тылу союзной арміи.—Герцогъ Евгеній и его героическое рѣшеніе.—Адъютанты Евгенія и хаосъ въ главной квартирѣ союзниковъ.—Назначеніе Остермана-Толстаго.—Шварценбергъ начинаетъ отступленіе.—Непріятный сюрпризъ.—Сраженіе подъ Дрезденомъ.—Смерть Моро.—Катастрофа на лѣвомъ крылѣ союзниковъ.—Шиповъ бесѣдуетъ съ австрійскими генералами.—Какъ поступать?—Участь войны виситъ на волоскѣ.—Бездѣйствіе Наполеона, его мнимая болѣзнь, его ослѣпленіе.—Австрійская диспозиція и распоряженія начальниковъ частей.—Безпорядокъ въ союзной арміи.—Споры въ отрядѣ Евгенія.—Русскіе штыками прокладываютъ себѣ путь въ Теплицкую долину.—Вмѣшательство короля прусскаго.—Стычка при Пристенѣ.—Новые затрудненія.—Атака Вандамма и неслыханный героизмъ русскихъ.—Послѣднія силы истощаются.—Спасеніе.—Императоръ Александръ въ отрядѣ.—Будущіе или боевые лавры?—Бесѣда съ Меттернихомъ и графомъ Коллоредо.—Движеніе пруссаковъ въ тылъ Вандамму.—Что привело ихъ туда.—Сраженіе при Кульмѣ.—Дивизія Толя.—Австрійцы обходятъ непріятеля.—Пруссаки на высотахъ Ноллендорфа.—Отчаянная попытка Вандамма.—Катастрофа.—Вандаммъ передъ своимъ побѣдителемъ.—Значеніе Кульмскаго боя.—Поворотъ войны.—Битвы при Гросъ-Беренѣ, Кацбахѣ и Денневицѣ.—Гибель Наполеона становится неизбѣжною.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1813 года вновь запылала война за свободу Европы. Гигантская борьба, въ которой, по мѣткому выраженію современника [1], все было одинаково велико: и

[1]) Воспоминанія Вигеля. Тутъ-же читаемъ слѣдующія мѣткія слова: „Франція, которая билась на смерть, упорно защищая пріобрѣтенныя славу и могу-

ı люди, и средства, и усилія, и чувства, кои оживля-
)ей и народы, вождей и ратниковъ, произвела неизгла-
потрясающее впечатлѣніе на умы. Воображеніе, воз-
іное колоссальными образами и событіями, старалось
ъ имъ небывалую форму. На ряду съ традиціями, ста-
мися воспроизвести, по возможности, вѣрно дѣйстви-
я событія, появились легенды, искажавшія ихъ иногда
іательно, а иногда съ извѣстною цѣлью. Паденіе та-
иганта, какъ Наполеонъ, побѣда надъ такимъ воен-
геніемъ, какъ онъ, могла быть достигнута, по мнѣнію
только громаднымъ, подавляющимъ превосходствомъ
ia сторонѣ союзниковъ. Бонапартистскіе писатели, и
всѣхъ самъ Наполеонъ [1]), спѣшили распространить
, что великій императоръ французовъ потерпѣлъ по-
е единственно потому, что въ распоряженіи его было
лишь 300,000 новобранцевъ, тогда какъ враги его вы-
и противъ него около милліона солдатъ.
линные историческіе документы, вышедшіе изъ подъ
амого Наполеона и начальника штаба его, маршала
, убѣждаютъ насъ, однако-же, что силы, находившія-
ъ начальствомъ императора французовъ, далеко не
акъ малы, какъ показывали ихъ въ послѣдствіи твор-
полеоновской легенды, желавшіе спасти во что-бы то
ло славу своего героя. Изъ рапорта маршала Бертье,
аго императору 6 августа 1813 г. и основаннаго на
ныхъ и точныхъ донесеніяхъ начальниковъ отдѣль-
іастей, оказывается, что къ этому времени силы фран-

Германія, съ отчаяннымъ мужествомъ подымающаяся изъ праха на
іе своей независимости, Россія, идущая освобождать народы, Англія,
щая всѣ силы для поддержанія союза, ибо въ низложеніи своего без-
о противника видѣла единственное спасеніе своихъ всемірныхъ бо-
-вотъ зрѣлище, которое являлось тогда на сценѣ міра и которое въ
ніи немногихъ мѣсяцевъ быстро стремилось къ развязкѣ чудной рево-
й драмы. Кто изъ подвизавшихся въ сію великую эпоху можетъ вспом-
ей безъ восторга, особенно когда сравнить ее со скудостью и съ под-
астоящаго". Часть IV, стр. 93.
полеоновская легенда создана, какъ извѣстно, самимъ Наполеономъ
вѣ Св. Елены.

цузской дѣйствующей арміи, расположенной на линіи средней и нижней Эльбы, состояли изъ 330,000 человѣкъ пѣхоты, 72,500 всадниковъ, 33,500 артиллеристовъ и 4,000 піонеровъ и саперовъ, а всего, слѣдовательно, 440,000 солдатъ, имѣвшихъ при себѣ 1,200 орудій [1]). Этимъ силамъ союзники могли противоставить съ своей стороны по самымъ точнымъ вычисленіямъ, основаннымъ на оффиціальныхъ данныхъ: 364,500 человѣкъ пѣхоты, 76,000 всадниковъ, 30,500 артиллеристовъ и піонеровъ и 22,000 казаковъ, а всего 493,000 человѣкъ съ 1,388 орудіями. Правда, въ распоряженіи союзниковъ было еще около 300,000 войскъ, но войска эти заняты были обложеніемъ и осадою крѣпостей въ Пруссіи и герцогствѣ Варшавскомъ и столь-же мало могли быть принимаемы въ разсчетъ, какъ и тѣ 200,000 французскихъ воиновъ, которые сидѣли въ осадѣ по этимъ крѣпостямъ. Не слѣдуетъ также опускать изъ виду, что въ числѣ дѣйствующей союзной арміи насчитывалось 22,000 казаковъ, которые не могли имѣть особеннаго значенія въ регулярныхъ сраженіяхъ. Принимая все это въ соображеніе, мы находимъ, что союзная армія превосходила армію Наполеона всего лишь на 33,000 человѣкъ и что, слѣдовательно, не можетъ быть и рѣчи о крайнемъ неравенствѣ силъ противниковъ.

Но на войнѣ имѣютъ, какъ извѣстно, значеніе не одно только количество, но и качество военныхъ силъ, не однѣ только цыфры, но и боевыя свойства солдатъ. И въ этомъ отношеніи на сторонѣ союзниковъ не было какихъ-либо особенныхъ, а тѣмъ болѣе подавляющихъ преимуществъ. Боль-

---

[1]) Совершенно такимъ-же образомъ опредѣляетъ численность французской арміи маршалъ Мармонъ въ своихъ мемуарахъ. Онъ говоритъ: „Армія состояла изъ 12 армейскихъ корпусовъ или сорока одной дивизіи, всѣ въ полномъ комплектѣ, не считая императорской гвардіи, въ томъ числѣ старой гвардіи, состоявшей изъ 4-хъ дивизій. Кавалерія, почти не существовавшая во время Люценской кампаніи, доходила теперь до 70,000 лошадей. Всего же Наполеонъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи въ Германіи до 450 тысячъ человѣкъ". Мемуары Мармона, Т V, стр. 135. Замѣчательно, что союзники вовсе не имѣли точныхъ свѣдѣній о количествѣ Наполеоновыхъ силъ и опредѣляли ихъ гораздо ниже, нежели онѣ были въ дѣйствительности, а именно въ 350,000 чел. См. Napoleon als Feldherr, von Graf Iork von Wartenburg, T. II, стр. 259.

шинство Наполеоновскихъ солдатъ состояло, правда, изъ конскриптовъ, призванныхъ къ оружію весною 1813 года, но не слѣдуетъ опускать изъ виду, что въ распоряженіи императора французовъ находилось около 15,000 опытныхъ унтеръофицеровъ и солдатъ перенесшихъ всѣ испытанія и ужасы русской кампаніи, что онъ призвалъ къ себѣ изъ Испаніи цѣлые корпуса старыхъ и закаленныхъ воиновъ, и что новобранцы его успѣли уже показать свои превосходныя боевыя качества на поляхъ Люцена и Бауцена. Несправедливо также, что союзныя войска состояли въ осеннюю кампанію 1813 года почти исключительно изъ старыхъ, превосходно обученныхъ и закаленныхъ ветерановъ. Мы знаемъ, что русская армія, сражавшаяся въ 1812 году, потерпѣла громадный уронъ, что въ рядахъ ея насчитывалось не болѣе 50,000 старыхъ солдатъ, что громадное большинство ея состояло изъ новобранцевъ. Вся разница заключалась лишь въ томъ, что въ рядахъ французскихъ войскъ было гораздо болѣе безбородыхъ юношей, тогда какъ русскіе новобранцы состояли по большей части, изъ людей средняго, иногда даже пожилаго возраста [1]). Подобное-же, хотя и нѣсколько иное, отношеніе замѣчалось и въ прусской арміи. И тутъ число старыхъ, вполнѣ обученныхъ солдатъ далеко уступало массѣ новобранцевъ, никогда не видѣвшихъ непріятеля, не имѣвшихъ понятія о настоящей войнѣ. Не одни только отдѣльные баталіоны, но цѣлые полки и даже корпуса состояли здѣсь исключительно изъ людей, никогда не бывавшихъ въ огнѣ, взятыхъ по большей части непосредственно отъ плуга. Полки ландвера были вооружены по большей части однѣми пиками, экипировка людей была крайне скудная; уже послѣ первыхъ переходовъ подъ дождемъ прусскіе ополченцы оборвались окончательно и оставили въ вязкой грязи свои сапоги [2]). Ничего подобнаго не замѣчалось, правда, въ рядахъ

[1]) Частыя войны и постоянные рекрутскіе наборы истощили населеніе Россіи и заставляли брать въ солдаты людей болѣе зрѣлаго возраста. См. Бернгарди, записки Толя, Т. III, стр. 79.

[2]) О прусской арміи см. между прочимъ Бернгарди, записки Толя, Т. III стр. 79 и слѣд., а также Дройзенъ, Das Leben des Feldmarchalls Grafen Iork

русской арміи: вооруженіе и экипировка не оставляли желать ничего лучшаго, а что касается до духа, господствовавшаго въ русскихъ и прусскихъ полкахъ, то онъ былъ одинаково превосходенъ, но за то австрійская армія, составлявшая цѣлую четверть союзныхъ военныхъ силъ, стояла во всѣхъ отношеніяхъ неизмѣримо ниже французскихъ конскриптовъ. Большая половина людей состояла и тутъ изъ совершенно необученныхъ новобранцевъ; вооруженіе и экипировка были крайне неудовлетворительны, и что самое главное, въ рядахъ габсбургской арміи не было и тѣни того энтузіазма, который одушевлялъ русскихъ и пруссаковъ. Офицеры и солдаты шли на войну крайне неохотно, они не имѣли довѣрія къ своимъ вождямъ и относились съ ненавистью къ своимъ союзникамъ [1]). Русскіе и пруссаки при всякомъ удобномъ случаѣ начинали драки съ цесарцами и вовсе не считали ихъ за своихъ товарищей [2]). Понятно, что подобныя отношенія не могли вліять благопріятнымъ образомъ на весь характеръ военныхъ операцій союзниковъ противъ такого врага, гдѣ все проникнуто было однимъ духомъ, гдѣ все слѣпо повиновалось одной желѣзной волѣ.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи заключалось одно изъ важнѣйшихъ преимуществъ Наполеона передъ коалиціею. Во французскомъ лагерѣ немыслимо было какое-либо политическое, или военное разногласіе; въ союзномъ станѣ эти разногласія обнаруживались на каждомъ шагу. Державы, принимавшія участіе въ коалиціи, расходились между собою уже

---

v. Wartenburg, T. II, стр. 99—113. Самъ Іоркъ жаловался королю передъ началомъ военныхъ дѣйствій, что его солдаты нуждаются во многомъ, даже въ сапогахъ. Фридрихъ-Вильгельмъ отвѣчалъ: Ist mir sehr unangenehm, haben aber den Krieg gewollt und alles angefangen. (т. е. очень мнѣ непріятно, но сами Вы желали войны и сами все начали), стр. 113.

[1]) Объ австрійской арміи см. Бернгарди, записки Толя, Т. III, стр. 71 и слѣд., см. также записки Н. М. Муравьева, „Русскій Архивъ“, 1886 года кн. I.

[2]) Нерѣдко случались драки между нашими солдатами и австрійцами. Мимо идущіе пруссаки всегда вступались въ драку за нашихъ, какъ и наши вступались за пруссаковъ. Н. М. Муравьевъ, записки, „Русскій Архивъ“, 1886 г. кн. I, стр. 32.

въ самомъ главномъ и основномъ вопросѣ, — цѣли войны. Императоръ Александръ вступалъ въ борьбу съ твердымъ убѣжденіемъ, что она не можетъ окончиться иначе какъ побѣдоносно, что владычество Наполеона должно быть уничтожено во-чтобы то ни стало. Не смотря на свою врожденную скрытность, онъ не задумывался высказываться въ этомъ смыслѣ даже въ такія минуты, когда военное счастіе видимо покровительствовало Наполеону. Если онъ и скорбѣлъ о чемъ-либо въ минуты неудачи, то лишь о потерѣ времени. „Я не сомнѣваюсь въ томъ“, говорилъ онъ людямъ, обращавшимся къ нему съ непрошенными утѣшеніями, „что война окончится въ нашу пользу и что Наполеонъ не будетъ царствовать болѣе, но мнѣ жаль безъ пользы потраченнаго времени и людей“ [1]).

Такими-же чувствами и намѣреніями одушевленъ былъ и лучшій другъ императора Александра, король прусскій; но мы уже знаемъ, что далеко не такъ смотрѣлъ на цѣли войны императоръ австрійскій и что окончательное сокрушеніе Наполеона и паденіе его династіи вовсе не входили въ разсчеты вѣнскаго кабинета. Намъ извѣстно также, какъ двусмысленно держалъ себя Бернадотъ и какъ мало соотвѣтствовали его цѣли цѣлямъ императора Александра и короля Фридриха-Вильгельма.

Такое разногласіе въ самыхъ основныхъ цѣляхъ войны между союзными монархами не могло-бы имѣть особенно вреднаго вліянія на ходъ военныхъ операцій, если-бы во главѣ союзныхъ армій стояли настоящіе солдаты, люди, чуждые всякихъ политическихъ соображеній, но къ сожалѣнію, это было далеко не такъ. Сохранилась легенда [2]), что союзные государи предложили передъ началомъ войны верховное начальство надъ всѣми арміями императору Александру, но что русскій государь, всегда непритязательный и скромный, отклонилъ это предложеніе, хотя впослѣдствіи самъ сожалѣлъ о томъ. Хотя это сказаніе и попало въ извѣстное сочиненіе

[1]) Такъ отвѣчалъ Александръ кн. Васильчикову вечеромъ въ день сраженія при Бауценѣ. Бернгарди, записки Толя Т. III, стр. 81.

[2]) Легенду эту мы находимъ въ извѣстномъ сочиненіи Михайловскаго-Данилевскаго.

Михайловскаго-Данилевскаго, но уже Бернгарди справедливо замѣтилъ, что только тотъ можетъ отнестись съ довѣріемъ къ нему, кто совершенно не знаетъ Австрію и то глубокое недовѣріе, съ которымъ относились къ Россіи и ея императору тогдашніе руководители ея политики [1]. Столь-же мало довѣрія заслуживаетъ и другое преданіе, по которому императоръ Александръ самъ добивался команды надъ союзными силами, но не успѣлъ въ этомъ своемъ намѣреніи. Александръ отлично сознавалъ, что именно онъ, а не кто-либо другой стоитъ во главѣ европейской коалиціи, что онъ является душею и вождемъ въ великой борьбѣ съ Наполеономъ, но Александръ не считалъ себя въ тоже время полководцемъ и никогда не рѣшался брать въ свои руки непосредственнаго начальства надъ арміями. Онъ не взялъ этого начальства даже весною 1813 года, когда всѣ желали и требовали этого и предпочелъ отдать команду Витгенштейну, къ военнымъ талантамъ котораго онъ не питалъ особаго довѣрія. Еще менѣе могла привлекать команда надъ союзными силами [2] императора Александра теперь, когда въ коалицію вступила Австрія, относившаяся всегда съ такимъ затаеннымъ недовѣріемъ къ своимъ союзникамъ. Александръ понялъ, что самое лучшее средство подавить или подорвать по крайней мѣрѣ это недовѣріе заключается въ томъ, чтобы поставить во главѣ всѣхъ армій австрійскаго полководца. Руководясь этимъ вѣрнымъ политическимъ соображеніемъ, онъ еще во время перемирія сдѣлалъ въ этомъ смыслѣ предложеніе Австрійскому кабинету, быть можетъ, указалъ даже самъ на князя Шварценберга [3]. Такой выборъ былъ, можно сказать, неизбѣженъ. Во всей австрійской арміи не было ни одного

---

[1]) См. Бернгарди, записки Толя, Т. III, стр. 87.

[2]) Бернгарди говоритъ въ запискахъ Толя. „Военная свита государя, къ которой принадлежали прежде всего Толь и Дибичъ знала очень хорошо, что онъ не стремится къ командѣ и не разсчитываетъ на нее“. Записки Толя. Т. III, стр. 38.

[3]) О Шварценбергѣ см. въ особенности Прокешъ, Denkwürdigkeiten aus dem Leben d. Feldmarschalls Fürsten Karl zu Schwarzenberg. Біографія отличается, впрочемъ, крайне панегирическимъ тономъ.

генерала, котораго можно было-бы противопоставить хотя съ какою-нибудь надеждою на успѣхъ Наполеону. Объ эрцгерцогѣ Карлѣ, составлявшемъ въ этомъ отношеніи почетное исключеніе, не могло быть и рѣчи, такъ какъ противъ его назначенія возсталъ-бы прежде всего самъ императоръ Францъ. Князь Карлъ Шварценбергъ вовсе не выдавался военными талантами, хотя и носилъ высокій санъ фельдмаршала, но за то онъ обладалъ другими способностями, дѣлавшими его какъ нельзя болѣе соотвѣтствующимъ высокому и почетному мѣсту союзнаго главнокомандующаго. Храбрый солдатъ, князь Шварценбергъ былъ въ тоже время настоящій аристократъ, совершенный дипломатъ, безукоризненный придворный кавалеръ и человѣкъ въ высшей степени благороднаго характера. Лишь онъ одинъ изъ всѣхъ союзныхъ вождей могъ вращаться съ легкостью и смѣлостью среди коронованныхъ особъ. Одаренный тактомъ настоящаго свѣтскаго человѣка, безкорыстный, мягкій, уступчивый,—онъ одинъ могъ улаживать безчисленныя столкновенія и усложненія, возникавшія на каждомъ шагу въ главной квартирѣ союзниковъ. Эгоизмъ какого-бы то ни было свойства былъ совершенно чуждъ ему; всегда и вездѣ онъ готовъ былъ пожертвовать своими личными выгодами тамъ, гдѣ дѣло шло объ общихъ и великихъ интересахъ.

Какъ ни почтенны были всѣ эти качества, но Шварценбергъ не въ состояніи былъ руководить лично такою колоссальною и разноплеменною арміею, какъ армія союзниковъ. Ему никогда не приходилось стоять во главѣ такихъ силъ; привыкши къ болѣе ограниченной и скромной сферѣ дѣйствія, онъ терялся на новомъ, необычномъ для него поприщѣ, останавливался въ недоумѣніи передъ трудностями возложенной на него задачи, колебался и впадалъ въ сомнѣніе передъ каждымъ сколько-нибудь важнымъ рѣшеніемъ, искалъ опоры и совѣта у другихъ лицъ. И все это было въ виду такого противника, какъ Наполеонъ, который не останавливался ни на одинъ моментъ передъ самыми критическими обстоятельствами и поражалъ своихъ враговъ постоянно новыми и неожиданными комбинаціями своего военнаго генія.

Итакъ, Шварценбергъ нуждался въ опытныхъ совѣтникахъ; но спрашивается, — кто-же были эти совѣтники и у кого искалъ князь опоры и помощи въ критическія минуты кампаніи? Въ австрійской арміи сохранилось преданіе, что главнымъ руководителемъ, а слѣдовательно и главнымъ героемъ войны 1813 года былъ не кто иной какъ столь знаменитый впослѣдствіи генералъ Радецкій; но тщательныя изслѣдованія Бернгарди давно уже показали, что и это сказаніе относится къ области позднѣйшихъ вымысловъ. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что всѣ планы и диспозиціи, подписанные Шварценбергомъ въ 1813 году, не были составлены Радецкимъ. Радецкій былъ человѣкъ скромный и непритязательный, онъ тщательно исполнялъ свои обязанности начальника штаба, высказывалъ свое мнѣніе лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда его спрашивали, не искалъ и не добивался первенствующей роли. Шварценбергъ, безъ сомнѣнія, совѣтовался и съ нимъ, но онъ всегда отдавалъ предпочтеніе бывшему генералъ-маіору саксонской службы Лангенау [1]. Лангенау пользовался въ австрійской арміи репутаціею глубокоученаго стратега, но его теоретическія воззрѣнія нисколько не обличали въ немъ офицера, прошедшаго Наполеоновскую школу. Географическія отношенія занимали первенствующее мѣсто въ его стратегическихъ соображеніяхъ. Онъ вѣчно толковалъ о громадномъ значеніи плоскогорій, на которыхъ лежатъ источники рѣкъ; онъ заботился не о пораженіи непріятельскихъ армій, а о занятіи тѣхъ географическихъ пунктовъ, которые почему-то казались ему господствующими. Понятно, что подобный совѣтникъ не могъ придать распоряженіямъ и планамъ Шварценберга ни ясности, ни энергіи, въ которыхъ они такъ нуждались; понятно, что ученая стратегія саксонскаго генерала способна была лишь усилить нерѣшительность и медленность, которыя лежали и безъ того въ самой натурѣ Шварценберга.

---

[1] Подробности о Лангенау см. у Бернгарди, Т. III, стр. 92—94. Лангенау перешелъ изъ саксонской службы въ австрійскую не изъ германскаго патріотизма, а изъ чисто личныхъ побужденій.

Къ довершенію несчастія союзный главнокомандующій былъ прежде всего политикъ и дипломатъ. При каждомъ своемъ шагѣ онъ сообразовался съ желаніями и инструкціями своего двора, которыя то и дѣло внушали ему дѣйствовать какъ можно медленнѣе, избѣгать всякаго рискованнаго рѣшенія, и ни на минуту не упускать изъ виду, что Австрія вовсе не намѣрена идти такъ далеко, какъ ея союзники. Повинуясь внушеніямъ своего двора и дѣйствуя въ духѣ своихъ инструкцій, т. е. крайне вяло и нерѣшительно, князь Шварценбергъ принужденъ былъ, разумѣется, скрывать отъ союзныхъ монарховъ и генераловъ истинныя причины своихъ дѣйствій, принужденъ былъ хитрить и оправдываться глубокомысленными соображеніями, почерпнутыми изъ отжившей свой вѣкъ географической стратегіи.

Но это еще не все. И другія обстоятельства тормозили еще болѣе дѣйствія Шварценберга, подкапывали его авторитетъ и лишали его довѣрія въ глазахъ арміи. Хотя императоръ Александръ самъ предложилъ князю Шварценбергу высокое званіе главнокомандующаго, но убѣдившись въ самомъ началѣ войны въ стратегической несостоятельности князя, и относясь въ свою очередь съ недовѣріемъ къ Австрійскому двору, онъ вовсе не намѣренъ былъ предоставлять въ безусловное распоряженіе австрійскаго главнокомандующаго русскія и прусскія войска. Не обращая вниманія на распоряженія Шварценберга, онъ самъ нерѣдко давалъ приказы русско-прусскимъ войскамъ и при томъ въ такія минуты, когда участь всей кампаніи висѣла, такъ сказать, на волоскѣ. Да и король прусскій, несмотря на свою врожденную скромность, отдавалъ нерѣдко приказы по войскамъ, безъ вѣдома Шварценберга. Наконецъ, такіе русскіе генералы: какъ Барклай-де-Толли и Витгенштейнъ, бывшіе еще такъ недавно самостоятельными полководцами, также не думали подчиняться распоряженіямъ австрійскаго главнокомандующаго, и не задумывались идти имъ наперекоръ. Хотя распоряженія союзныхъ монарховъ имѣли иногда самыя спасительныя послѣдствія, но все-же шаткое положеніе главнокомандующаго, отсутствіе всякаго дѣйствительнаго автори-

тета, противорѣчивыя приказанія, исходившія изъ самыхъ различныхъ источниковъ, не могли не отзываться въ иныхъ случаяхъ самымъ вреднымъ образомъ на операціяхъ союзной арміи. Отсюда проистекали тѣ безчисленныя проволочки, тѣ странныя опущенія, тѣ непонятныя и непредвидѣнныя случайности, которыя даютъ такой особенный оттѣнокъ всѣмъ движеніямъ и дѣйствіямъ главной союзной арміи.

Къ счастію для великаго дѣла, номинальная власть князя Шварценберга и тормозящее вліяніе главной квартиры союзниковъ ограничивались сферою одной большой или, какъ называли ее, богемской арміи. Хотя Шварценбергъ считался главнокомандующимъ всѣхъ союзныхъ силъ, но въ дѣйствительности обѣ другія союзныя арміи Силезской и Сѣверной—пользовались полною самостоятельностію и подчинены были австрійскому штабу только на бумагѣ. Правда, въ одной изъ этихъ армій, а именно въ сѣверной, положеніе дѣлъ было во многихъ отношеніяхъ еще хуже, такъ какъ во главѣ ея стоялъ кронъ-принцъ Шведскій, Бернадотъ, сумѣвшій внушить полное недовѣріе въ подчиненныхъ ему русскихъ и прусскихъ генералахъ своими крайне двусмысленными распоряженіями; но за то во главѣ Силезской арміи поставленъ былъ человѣкъ, бывшій дѣйствительно вполнѣ на своемъ мѣстѣ. Прусскій фельдмаршалъ Блюхеръ, подъ начальствомъ котораго собраны были въ Силезіи 60.000 русскихъ и 40.000 прусскихъ войскъ, представлялъ полнѣйшую противоположность австрійскимъ ученымъ стратегамъ [1]. Старый гусаръ, проведшій всю свою жизнь на конѣ и въ [illegible] свѣдѣніями. [illegible] вѣка, но былъ [illegible] умѣлъ внушать безграничное [illegible] командою. Было [illegible] самобытной, хотя [illegible] У Блюхера было лишь одно стра-

[1] [illegible] Письма, изда- [illegible] Briefen aus den [illegible] Blücher und seine Zeit.

тегическое правило: идти прямо на непріятеля и стараться разбить его во чтобы то ни стало. Несмотря на свои преклонныя лѣта, фельдмаршалъ дѣлилъ съ солдатами всѣ трудности и невзгоды бивуаковъ и переходовъ. Въ проливной дождь, въ снѣжную бурю его скорѣе всего можно было увидѣть на конѣ впереди своихъ баталіоновъ. Его личная храбрость не имѣла себѣ равной въ эту героическую эпоху, среди этого сонма богатырей. На поляхъ битвъ онъ то разъѣзжалъ хладнокровно, перебрасываясь шутками съ солдатами, подъ градомъ непріятельскихъ пуль и ядеръ, то бросался съ юношескимъ одушевленіемъ на непріятеля во главѣ своихъ эскадроновъ. Веселый балагуръ, неистощимый острякъ, спартанецъ по образу жизни, врагъ всякой изысканности, утонченности и роскоши, онъ никогда не терялъ присутствія духа и веселости и умѣлъ внушить всѣмъ и каждому непоколебимое довѣріе къ себѣ и къ своему счастію. Его остроты и шутки ходили по всему лагерю, онъ умѣлъ говорить съ солдатами ихъ языкомъ. Пруссаки и русскіе одинаково боготворили его и готовы были идти за нимъ въ огонь. Въ рѣшительныя минуты онъ любилъ обращаться къ войскамъ съ короткою внушительною рѣчью, но сильнѣе самой рѣчи дѣйствовали въ такихъ случаяхъ его внушительная фигура, его огненный взглядъ. Наши солдаты называли его не иначе, какъ фельдмаршалъ Vorwa'rts (Впередъ); при его словѣ: Пошелъ! они бросались какъ бѣшенные на непріятеля [1]). Блюхеръ смотрѣлъ на конечную цѣль войны совершенно также какъ императоръ Александръ, какъ всѣ лучшіе русскіе и прусскіе патріоты. Его ненависть къ Наполеону была чисто личная. Онъ ненавидѣлъ его какъ злѣйшаго врага своей родины и своего народа; онъ понималъ, что война мо-

---

[1]) Вотъ образчикъ Блюхеровской рѣчи, обращенной къ русскимъ солдатамъ въ битвѣ при Вартенбургѣ: Ihr alten Moscowiter, ihr habt euren Feinden noch nie den Rücken gekehrt; ich werde mich an eure Spitze setzen. Ihr sollt die Kerls, die Franzosen da angreifen; ich weiss, ihr werdet auch heute ihnen nicht den Rücken kehren. Вы старые Московцы! вы никогда не обращали тыла непріятелю; я самъ стану впереди васъ. Вамъ надо ударить на французовъ и я увѣренъ, что вы и сегодня не покажете имъ тыла. Пошелъ!

[illegible] права. онъ
[illegible] случаѣ.
[illegible]
[illegible] постен-
[illegible] образо-
[illegible] ствен-
[illegible] и всѣхъ
[illegible]
[illegible] Въ числѣ
[illegible]
[illegible]

поръ пока выдержатъ послѣдніе кони и всадники,—вотъ было основное правило стратегіи Гнейзенау.

Какъ ни удачно сложились условія въ главной квартирѣ Силезской арміи, но все же, говоря вообще, на сторонѣ союзниковъ ощущалось самымъ чувствительнымъ образомъ отсутствіе единства въ командѣ. Къ этому важному недостатку присоединялось и другое, дѣйствовавшее удручающимъ образомъ, обстоятельство. Въ рядахъ союзныхъ войскъ, въ блистательномъ сонмѣ генераловъ, окружавшихъ государей, не было ни одного, который могъ-бы сравниться хотя отчасти съ военнымъ геніемъ, стоявшимъ во главѣ непріятельскихъ армій. Никого не мучило такъ это сознаніе, никто не старался такъ восполнить этотъ пробѣлъ, какъ императоръ Александръ. Судьба, казалось, спѣшила помочь ему въ этомъ отношеніи: уже въ самомъ началѣ кампаніи, въ союзномъ лагерѣ явились два лица, пріобрѣтшія громкую извѣстность въ рядахъ непріятельской арміи. Одинъ изъ нихъ, генералъ Жомини, былъ въ полномъ смыслѣ слова перебѣжчикъ изъ непріятельскаго лагеря. Онъ участвовалъ въ походѣ Наполеона на Россію въ 1812 году, онъ сражался въ рядахъ французской арміи и въ весеннюю кампанію 1813 г. Чисто личныя соображенія и при томъ довольно мелочнаго свойства побудили его оставить знамена своего императора. Наполеонъ не хотѣлъ произвести Жомини въ генералъ-лейтенанты, и не давалъ ему въ тоже время требуемой отставки; тогда оскорбленный честолюбецъ рѣшился на отчаянное средство и передъ самымъ заключеніемъ перемирія явился внезапно на русскихъ форпостахъ. Громкая военная репутація предшествовала бѣглецу и доставила ему самый радушный пріемъ у императора Александра. Жомини былъ великій военный теоретикъ, но совершенно иного рода, нежели, Лангенау, или хорошо извѣстный намъ Фуль. Воспитанный въ великой школѣ Наполеоновскихъ войнъ, онъ старался облечь въ стройную теоретическую систему тѣ блестящія комбинаціи, тѣ постоянно новые, геніальные импульсы, которыми смущалъ и поражалъ Наполеонъ своихъ противниковъ. Изъ цѣлаго ряда Наполеоновскихъ кампаній онъ старался извлечь тѣ

[illegible]

[illegible]

ности непріятельскихъ войскъ, занимавшихъ въ виду его позицію, или проходившихъ у него передъ глазами. Онъ не могъ оріентироваться въ мѣстности, на которой происходили военныя операціи, все равно была-ли эта мѣстность открытая или пересѣченная, степная или лѣсная. Онъ оказывался несостоятельнымъ тамъ, гдѣ ему приходилось примѣнять на дѣлѣ свои глубокомысленныя теоретическія соображенія. На военныхъ совѣтахъ онъ отличался какою-то робкою сдержанностью. Его собственныя мнѣнія страдали всегда общностью и неопредѣленностью, а чужія мнѣнія, каковы-бы они ни были, никогда не встрѣчали съ его стороны точныхъ и основательныхъ возраженій.

Какъ ни чувствительны были всѣ эти недостатки Жомини, но все-же они не мѣшали ему пользоваться въ главной квартирѣ союзниковъ славою великаго стратега; что-же касается до его практической несостоятельности, то императоръ Александръ надѣялся восполнить этотъ пробѣлъ геніальными совѣтами другой французской военной знаменитости, прибытіе которой давно уже ожидалось съ нетерпѣніемъ въ главной квартирѣ союзной арміи. То былъ генералъ Моро, составившій себѣ громкую славу въ эпоху революціонныхъ войнъ. Были люди, которые, не обинуясь, ставили Моро на одну линію съ Бонапарте, которые утверждали, что только зависть Наполеона помѣшала республиканскому генералу затмить своими подвигами надменнаго корсиканца. И дѣйствительно, Моро принадлежалъ къ числу выдающихся революціонныхъ генераловъ конца прошлаго столѣтія. Его искусное отступленіе изъ глубины Германіи въ 1797 г. передъ превосходными силами такого противника, какъ эрцгерцогъ Карлъ, его блестящая побѣда надъ многочисленною арміею эрцгерцога Іоанна при Гогенлинденѣ прославлялись въ свое время какъ величайшія проявленія военнаго искусства. Но этими подвигами и окончилась военная карьера Моро. Восходящая звѣзда Наполеона не терпѣла соперниковъ. Осужденный на изгнаніе, Моро принужденъ былъ оставить Францію и Европу и искать убѣжища въ Америкѣ. Съ тѣхъ поръ прошло цѣлыхъ 12 лѣтъ. Моро сохранилъ въ

казывалъ, что французская армія проникнута республиканскимъ духомъ и, что если она еще повинуется Наполеону, то единственно по привычкѣ и по трусливой слабости, свойственной всѣмъ людямъ. Онъ требовалъ, чтобы его поставили во главѣ 40,000 плѣнныхъ французскихъ солдатъ, распаленныхъ жаждою мести къ Наполеону. Онъ мечталъ произвести съ этими солдатами высадку на берега Франціи и не сомнѣвался, что весь французскій народъ возстанетъ по его первому зову. Настоящій республиканецъ и французъ, Моро былъ далекъ отъ мелочнаго тщеславія Жомини. Онъ не добивался чести попасть въ число генераловъ русской арміи. Онъ сопровождалъ императора Александра на поля битвы въ томъ-же гражданскомъ костюмѣ, который онъ носилъ въ Америкѣ. Всѣ смотрѣли съ невольнымъ уваженіемъ на этого ветерана революціонныхъ войнъ въ его круглой шляпѣ, сѣромъ пальто, высокихъ ботфортахъ съ желтыми отворотами и серебряными шпорами; всѣ выслушивали почтительно его военные и политическіе совѣты, но убѣжденіе, что эти совѣты могутъ имѣть столь-же мало практическаго значенія, какъ и кабинетная стратегія Жомини, не замедлило-бы овладѣть умами, если-бы французское ядро не поразило Моро въ самомъ началѣ кампаніи [1]).

Въ то время, когда въ главной квартирѣ союзниковъ происходили безконечныя совѣщанія и высказывались то и дѣло самыя противорѣчивыя мнѣнія по поводу выполненія Трахенбергскаго операціоннаго плана, Наполеонъ, по своему обычаю, давно уже составилъ и обдумалъ свой планъ дѣйствій, не прибѣгая ни къ чьимъ совѣтамъ, не запрашивая ни у кого мнѣній. Какъ всегда, такъ и теперь, планъ императора отличался необыкновенною ясностью и простотою; онъ

---

[1]) Въ противоположность Жомини Моро пользовался большимъ уваженіемъ въ союзномъ лагерѣ. Н. М. Муравьевъ говоритъ о немъ: „Во время перемирія пріѣхалъ еще къ намъ изъ С. Америки французскій генералъ Моро, человѣкъ честныхъ, благородныхъ правилъ и искусный полководецъ... Союзные государи держали его при себѣ и слѣдовали его совѣтамъ". Записки, стр. 7. Наша характеристика Моро составлена на основаніи показаній Толя у Бернгарди. Т. III, стр. 117 и слѣдующія.

былъ разсчитанъ, главнымъ образомъ, на оборону, хотя и не исключалъ въ частности энергическаго наступленія. Разсчитывая, что союзныя массы двинутся на его позиціи съ трехъ сторонъ, начиная отъ Мекленбурга и оканчивая Богемско-Саксонскою границею, онъ обратилъ прежде всего вниманіе на укрѣпленіе своей операціонной базы, образуемой линіею Эльбы. Центральная часть этой линіи, т. е. среднее теченіе Эльбы, не внушала ему особенныхъ опасеній, такъ какъ она была достаточно прикрыта тремя сильными крѣпостями: Магдебургомъ, Торгау и Витенбергомъ. Для обезпеченія нижней Эльбы Наполеонъ приказалъ укрѣпить сильнѣйшимъ образомъ Гамбургъ [1]) и расположилъ тамъ 30,000 корпусъ войска подъ начальствомъ энергическаго маршала Даву. Наибольшее вниманіе Наполеонъ обратилъ на верхнюю Эльбу, такъ какъ здѣсь грозило ему самое серьезное нападеніе и при томъ съ двухъ сторонъ, изъ Силезіи и Богеміи. Главнѣйшимъ опорнымъ пунктомъ въ этой части своей базы Наполеонъ считалъ Дрезденъ, столицу Саксоніи, но онъ намѣренъ былъ защищать его не столько укрѣпленіями, сколько главными массами своей арміи. Для этой цѣли онъ сосредоточилъ на верхней Эльбѣ большую часть своей арміи, 300,000 человѣкъ. Изъ нихъ 50,000 назначались подъ начальствомъ Сенъ-Сира для непосредственной защиты Дрездена, прикрытаго только легкими полевыми укрѣпленіями [2]), тогда какъ остальные 250,000 человѣкъ подъ начальствомъ самого императора должны были занять позиціи на правомъ берегу Эльбы близь Бауцена. Эта центральная позиція должна была доставить несомнѣнныя выгоды Наполеону и уже одинъ выборъ ея показываетъ всю проницательность военнаго генія императора. Стоя подъ Бауценомъ, Наполеонъ могъ одина-

---

[1]) Недостатокъ времени не дозволилъ укрѣпить Гамбургъ такъ, какъ желалъ этого Наполеонъ; но все-же, согласно желанію императора, городъ былъ укрѣпленъ на столько, что могъ держаться противъ 50,000 арміи даже въ случаѣ правильной осады въ теченіе 20 дней послѣ открытія первой параллели. См. Graf Iork v. Wartenburg, Napoleon als Feldherr, T. II, 250.

[2]) Объ укрѣпленіяхъ Дрездена см. замѣтку самого Наполеона въ его корреспонденціи Дрезденъ 28-го іюня.

ково противостать наступленію какъ Силезской, такъ и главной арміи союзниковъ. Онъ представлялъ себѣ три возможности наступленія непріятеля и былъ одинаково готовъ противъ каждой изъ нихъ. Богемская армія, думалъ онъ, можетъ двинуться на Дрезденъ или черезъ Петерсвальде, или черезъ Циттау или-же, наконецъ, она можетъ двинуться на Іозефштатъ и соединиться съ союзными силами въ Силезіи. Въ первыхъ двухъ случаяхъ Наполеонъ предполагалъ оставить подъ Бауценомъ четыре корпуса своей арміи противъ Блюхера и поспѣшить съ остальными своими силами на защиту Дрездена; въ третьемъ случаѣ, императоръ могъ сосредоточить въ короткое время всѣ войска свои подъ Бауценомъ и противостать союзникамъ со всѣми своими силами [1]). Во всѣхъ трехъ случаяхъ Наполеонъ надѣялся увлечь союзниковъ въ генеральное сраженіе въ самомъ началѣ кампаніи и не сомнѣвался ни на одинъ моментъ въ его счастливомъ исходѣ. Онъ опасался лишь одного, чтобы непріятель не уклонился отъ рѣшительнаго боя. „Мнѣ кажется", писалъ онъ въ это время своимъ маршаламъ, „что настоящій походъ можетъ окончиться благополучно, лишь въ томъ случаѣ, если въ самомъ началѣ его произойдетъ большое сраженіе" [2]).

Существовала еще, правда, четвертая возможность въ способѣ наступленія непріятеля, способная потрясти и озадачить неопытнаго или нерѣшительнаго вождя. Богемская армія союзниковъ могла избрать не сѣверо-западное, а западное направленіе, она могла двинуться черезъ Эгеръ на Гофъ и Байрейтъ, проникнуть на линію Заалы и зайти такимъ образомъ въ тылъ Наполеону. Императоръ французовъ предвидѣлъ и эту возможность, но твердый въ основныхъ правилахъ военнаго искусства, онъ не придавалъ ей никакого

---

[1]) См. инструкціи Наполеона Нею, Сенъ-Сиру, Макдональду и Мармону изъ Дрездена отъ 13 августа, вечеромъ, Корреспонденція Наполеона Correspondance de Napoleon I, T. 26, стр. 53—55.

[2]) Инструкція Нею и Мармону отъ 12 августа. Любопытно, что во всѣхъ этихъ инструкціяхъ Наполеонъ опредѣляетъ силы союзниковъ въ 300,000 человѣкъ, т. е. гораздо менѣе дѣйствительности.

Correspondance de Napoleon I, T. 26, стр. 40—42.

значенія. „Если австрійцы вздумаютъ идти на Заалу", писалъ онъ въ это время, „то въ такомъ случаѣ, я пожелаю имъ счастливаго пути. Я твердо убѣжденъ, что они возвратятся скорѣе, нежели пойдутъ. Пусть отрѣзываютъ меня сколько угодно отъ Франціи; для меня важно лишь одно. чтобы меня не отрѣзали отъ Эльбы и Дрездена" [1]).

Занимая грозную позицію на верхней Эльбѣ и готовый отразить главныя силы непріятеля, съ какой стороны ни наступали-бы онѣ на него, Наполеонъ думаетъ дѣйствовать въ тоже время наступательно на своемъ лѣвомъ флангѣ и нанести здѣсь союзникамъ такой рѣшительный ударъ, который долженъ повліять на весь исходъ кампаніи. Онъ намѣревается разсѣять сѣверную армію союзниковъ, занять Берлинъ, освободить отъ осады крѣпости Штетинъ и Кюстринъ, завоевать Шпандау, утвердиться на линіи нижняго Одера и охватить, такимъ образомъ, съ фланга и съ тыла Силезскій и Богемо-Саксонскій театръ войны [2]). И эта наступательная часть операціоннаго плана Наполеона вызываетъ невольное изумленіе мыслящаго наблюдателя. Не подлежитъ сомнѣнію, что уничтоженіе сѣверной арміи союзниковъ въ самомъ началѣ кампаніи, занятіе Берлина и Бреславля, освобожденіе отъ осады Штетина и Кюстрина, способно было произвести потрясающее нравственное впечатлѣніе и парализовать всѣ дѣйствія Богемской и Силезской армій; но составляя эту геніальную комбинацію, Наполеонъ упустилъ изъ виду самое основное правило стратегіи, что для достиженія великой цѣли необходимы и великія средства. Онъ предполагалъ двинуть на Берлинъ 70,000 войска подъ начальствомъ маршала Удино, какъ-бы забывая, что для прикрытія прусской столицы выставлена была со стороны союзниковъ 140,000 армія подъ начальствомъ Бернадота. Правда, Наполеонъ не имѣлъ вполнѣ точныхъ свѣдѣній на счетъ численности сѣверной арміи и

[1]) Письмо Наполеона къ маршалу Сенъ-Сиру отъ 17 августа, Correspondance de Napoleon I, T. 26, стр. 90—92.

[2]) Подробности объ этой части операціоннаго плана Наполеона см. въ письмахъ его къ Даву отъ 8 и 13 августа и къ Сорбье отъ 17-го іюля. Correspondance de Napoleon T. 26, стр. 15—21, 33.

опредѣлялъ ее на основаніи свѣдѣній, полученныхъ отъ лазутчиковъ, гораздо ниже, нежели она была въ дѣйствительности. Правда, онъ предписалъ маршалу Даву поддерживать своимъ 30,000 корпусомъ движеніе Удино и постараться привлечь на себя возможно большую часть непріятельскихъ силъ; но все-же Наполеонъ не имѣлъ никакого основанія разсчитывать на превосходство своихъ силъ въ этомъ предпріятіи и готовился начать кампанію такимъ рискованнымъ шагомъ, который никоимъ образомъ не могъ быть оправданъ въ его тогдашнемъ положеніи. Наполеонъ никогда-бы не совершилъ этой роковой ошибки, если-бы онъ руководился въ своихъ замыслахъ одними военными соображеніями; если-бы онъ дѣйствовалъ и на этотъ разъ подъ вліяніемъ одного холоднаго разсудка. Но въ данномъ случаѣ Наполеонъ находился подъ вліяніемъ страсти, омрачившей его столь свѣтлый, въ прежнее время, геній. Никого изъ своихъ враговъ не ненавидѣлъ онъ такъ страстно, какъ пруссаковъ. Ни на одну минуту не могъ забыть онъ такъ называемой измѣны Пруссіи. „Гонимый страстью", говоритъ одинъ изъ его сподвижниковъ „онъ горитъ нетерпѣніемъ обрушиться прежде всего на Пруссію. Онъ хочетъ, чтобы первые пушечные выстрѣлы были направлены на Берлинъ, онъ желаетъ, чтобы страшная и примѣрная месть послѣдовала немедленно за открытіемъ непріязненныхъ дѣйствій" [1]).

До сихъ поръ, во всѣхъ предъидущихъ войнахъ, Наполеонъ всегда бралъ на себя иниціативу; теперь онъ держалъ себя выжидательно, ожидая, что предприметъ непріятель. Первыя столкновенія произошли, какъ и слѣдовало ожидать, въ Силезіи. Старый Блюхеръ горѣлъ нетерпѣніемъ разсчитать-

[1]) Маршалъ Мармонъ въ своихъ мемуарахъ, Т. V, стр. 140. Мармонъ утверждаетъ, что онъ возставалъ противъ плана Наполеона и предлагалъ ему или, сосредоточивъ всѣ войска позади Шпрее и на Эльбѣ, вести войну чисто оборонительную, или-же, оставивъ наблюдательные корпуса противъ Бернадота и Блюхера, напасть всѣми силами на Богемскую армію союзниковъ. Наполеонъ отвергъ, однакоже, предложенія маршала и имѣлъ на это свои основанія, такъ какъ оставлять противъ сѣверной и Силезской арміи только одни наблюдательные корпуса было въ высшей степени опасно, особенно въ виду такого противника какъ Блюхеръ.

ся съ „проклятыми“ французами. Едва только окончилось перемиріе, какъ корпуса Силезской арміи снялись съ своихъ позицій на Кацбахѣ и быстро двинулись впередъ въ нейтральную полосу, раздѣлявшую до тѣхъ поръ противниковъ [1]). Маршалъ Макдональдъ, захваченный врасплохъ, принужденъ былъ отступать передъ войсками Блюхера. Союзники не только заняли Бреславль, но и оттѣснили непріятеля до самаго Бобера. Между тѣмъ Наполеонъ сосредоточилъ въ окрестностяхъ Бауцена весьма значительныя силы, всего около 180,000 ч. Онъ держалъ себя первые дни выжидательно, такъ какъ не имѣлъ точныхъ свѣдѣній о движеніяхъ главной союзной арміи въ Богеміи; но едва только онъ пришелъ къ убѣжденію, что Шварценбергъ дѣйствуетъ крайне медленно и нерѣшительно, и ни въ какомъ случаѣ не достигнетъ окрестностей Дрездена ранѣе какъ черезъ пять дней, какъ рѣшился тотчасъ-же броситься со всѣми бывшими у него подъ руками войсками на Блюхера. Уже вечеромъ 20 августа розданы были необходимыя предписанія. Корпуса Макдональда, Лористона, гвардія и кавалерія Латуръ-Мабура должны были переправиться черезъ Боберъ и ударить на главныя силы Блюхера, расположенныя на высотахъ близъ Бунцлау. Такое-же направленіе должны были взять войска Мармона; тогда какъ начальство надъ авангардомъ возложено было на маршала Нея. Все сулило, повидимому, успѣхъ задуманному предпріятію. Характеръ Блюхера, рьяное настроеніе его войскъ ручались, казалось, что союзники примутъ предлагаемый имъ бой. Рано утромъ 21 числа [2]) Наполеонъ поспѣшилъ къ берегу Бобера. Войска, воодушевленныя его присутствіемъ, немедленно-же приступили къ переправѣ, но ко всеобщему удивленію, русскіе и пруссаки немедленно-же начали отходить назадъ, не оказавъ почти никакого серьезнаго сопротивленія непріятелю.

[1]) По условіямъ перемирія военныя дѣйствія могли начаться только по истеченіи шести дней послѣ десятаго августа, но французы первые нарушили это условіе, выславъ еще 13 (1) августа свои передовые отряды въ нейтральную полосу.

[2]) 9-го августа ст. ст.

Наполеонъ былъ видимо пораженъ этою неожиданностью, но онъ тотчасъ-же истолковалъ ее въ свою пользу. Непріятельскій полководецъ отступаетъ, разсуждалъ онъ,—онъ не рѣшается принять предлагаемаго ему боя, несмотря на свой задорный характеръ; очевидно, что онъ не питаетъ никакого довѣрія къ своимъ молодымъ необстрѣляннымъ войскамъ. Наполеонъ смутно сознавалъ, что противникъ могъ дѣйствовать такъ въ силу совершенно иныхъ соображеній, что его отступленіе могло быть заранѣе рѣшеннымъ и обдуманнымъ стратегическимъ маневромъ, но онъ не хотѣлъ допускать подобной, вполнѣ естественной возможности, и предпочиталъ представлять себѣ положеніе дѣлъ не такъ, какъ оно было въ дѣйствительности, а такъ какъ оно было желательно для него [1]). Впервые обнаружилось при этомъ случаѣ то странное психическое настроеніе, которое овладѣвало и потомъ неразъ Наполеономъ и при томъ въ самыя рѣшительныя минуты этой роковой кампаніи. Его прежній столь ясный и проницательный взглядъ какъ-бы омрачался въ такія минуты; онъ вдругъ впадалъ въ нерѣшительность и совершенно несвойственную ему апатію; онъ начиналъ смотрѣть на вещи чрезъ какія-то обманчивыя очки, наброшенныя на него непонятнымъ самообольщеніемъ. Какъ объяснить такіе психологическіе моменты? Императоръ, говорятъ намъ сторонники такъ называемаго естественнаго объясненія событій, дошелъ въ это время до такого состоянія, когда онъ не терпѣлъ противорѣчія не только въ людяхъ, но и въ обстоятельствахъ, когда онъ воображалъ, что все должно дѣлаться такъ, какъ предначерталъ онъ это напередъ въ своемъ всеобъемлющемъ умѣ. Но откуда могло возникнуть подобное психическое состояніе? развѣ событія предшествующей кампаніи не должны были поколебать въ самомъ основаніи самообольщенія и самоувѣренности, воспитанныя цѣлымъ рядомъ прежнихъ почти сказочныхъ успѣховъ? Къ тому-же не слѣдуетъ опускать изъ виду, что и въ этой кампаніи наступали моменты, когда военный геній Наполеона, его преж-

---

[1]) Napoleon als Feldherr, von Iork von Wartenburg, T. II, стр. 263.

[illegible] обнаруживались во вс[illegible] почему-же свѣтъ этого ге[illegible] временамъ, почему какая-то [illegible] его въ тѣ момен[illegible] Люди вѣрую[illegible] рука Бога проявляе[illegible] не затруднят[illegible] что само Пр[illegible] великаго завоева[illegible] были результа[illegible] моментовъ, [illegible] Про-[illegible]

[illegible] тѣснить [illegible] не слѣдо-[illegible] думъ съ [illegible] тревожное [illegible] ская ар-[illegible] что онъ [illegible] мгновенно. [illegible] опор-[illegible] шее пре-[illegible] Ему [illegible] кавалерія [illegible] форсиро-[illegible]

[illegible] все еще [illegible] армі-[illegible] случайности. [illegible] тельскаго [illegible] генія. [illegible] Завтра [illegible] въ Штоль-[illegible] и распре-[illegible] на

[illegible]

Кенигштейнъ и на разсвѣтѣ 27 займу съ 100,000 ч. лагерь подъ Пирною. Я буду оперировать такимъ образомъ, чтобы начать нападеніе на Геллендорфъ въ 7 часовъ утра и къ полудню овладѣть имъ. Я расположусь поперекъ большой Геллендорфской дороги. Я завладѣю Пирною. Я буду держать на готовѣ два моста, чтобы въ случаѣ надобности перейдти черезъ Эльбу. Непріятель быть можетъ будетъ наступать по дорогѣ на Петерсвалде, тогда я зайду ему въ тылъ со всею моею арміею, тогда какъ онъ можетъ сосредоточить свою лишь въ теченіе пяти дней. Но можетъ случиться и такъ, что непріятель возьметъ направленіе черезъ Коммотау на Лейпцигъ, тогда Дрезденъ будетъ обезпеченъ отъ нападенія, и я буду ближе къ Богеміи и Прагѣ, нежели Шварценбергъ. Я тогда пойду туда, маршалъ Сенъ-Сиръ послѣдуетъ за непріятелемъ, а на берегу Эльбы я расположу 30,000 кавалеріи, такъ что непріятель вообразитъ, что вся моя армія сосредоточена подъ Дрезденомъ" [1]).

Наполеонъ былъ въ восторгѣ отъ придуманной имъ ловушки, но онъ хорошо понималъ, что планъ его можетъ быть приведенъ въ исполненіе лишь въ томъ случаѣ, если Дрезденъ не подвергнется энергическому нападенію союзниковъ, если ему не будетъ грозить опасность быть взятымъ въ теченіе сутокъ. А между тѣмъ эта опасность не замедлила наступить. Наполеонъ не ошибся на счетъ первоначальнаго направленія арміи Шварценберга. Стратеги въ главной квартирѣ союзниковъ, несмотря на Трахенбергскій планъ, не чувствовали ни малѣйшаго желанія дѣйствовать наступательно противъ Наполеона. По своему обычаю, они тратили время въ безконечныхъ и безплодныхъ совѣщаніяхъ до тѣхъ поръ, когда получены были достовѣрныя свѣдѣнія, что Наполеонъ направляетъ главныя массы своихъ войскъ противъ Бернадота и Блюхера. Теперь невозможно уже было медлить далѣе и на военномъ совѣтѣ въ Мельникѣ рѣшено было пред-

[1]) Письмо къ Маре герцогу Бассано изъ Лёвенберга отъ 23 августа пополудни.
Correspondance de Napoléon I, T. 26, стр. 141—143.

принять наступательное движеніе по лѣвому берегу Эльбы, въ направленіи къ Лейпцигу [1]).

Рѣшеніе принятое на военномъ совѣтѣ исполнялось, впрочемъ, съ медленностью, искони свойственною австрійскому генеральному штабу. 19 августа [2]) союзная армія сосредоточена была на Эгерѣ,—20-го передовыя войска расположились на богемскомъ склонѣ Рудныхъ горъ, начиная отъ Теплица на востокѣ до Шлакенверта на западѣ. За ними стояли главныя силы, раздѣленныя на четыре колонны. Витгенштейнъ впереди Теплица, Клейстъ съ пруссаками подъ Бриксомъ, австрійская армія по дорогѣ изъ Коммотавы въ Маріенбергъ, австрійскій корпусъ Кленау близь Шлакенверта. Весь слѣдующій день прошелъ въ полномъ бездѣйствіи. Совершенное незнаніе расположенія и намѣреній непріятеля, опасеніе, что Наполеонъ можетъ броситься на Богемію и занять Прагу въ тылу союзной арміи, не давали покоя союзнымъ вождямъ, задерживали каждый шагъ впередъ, вызывали новыя совѣщанія и несогласія. Только полученныя наконецъ извѣстія, что армія Блюхера двинулась впередъ, что она гонитъ передъ собою французовъ, что самъ Наполеонъ стоитъ въ Лузаціи подали Шварценбергу и его штабу смѣлость двинуться далѣе. Союзная армія перевалила черезъ Рудныя горы и вступила въ Саксонію. Нигдѣ не видно было, однако-же, непріятеля. Передовые отряды союзниковъ лишь изрѣдка встрѣчались съ кавалерійскими разъѣздами французовъ, быстро исчезавшими передъ ними. Ничто не обнаруживало близость большихъ непріятельскихъ массъ; вся Саксонія вплоть до самаго Лейпцига лежала открытая передъ союзниками. Гдѣ же скрывался непріятель, неужели Наполеонъ отвелъ всѣ свои войска за Эльбу? Загадка не замедлила разъясниться. Передовые казаки захватили въ плѣнъ адъютанта маршала Сенъ-Сира, отправлявшагося съ чрезвычайно важными депе-

---

[1]) Любопытно, что рѣшеніе дѣйствовать наступательно предпринято было въ Мельникѣ, единственно, вслѣдствіе полученныхъ извѣстій, что Наполеонъ направляетъ главныя силы свои противъ Бернадота, что было совершенно невѣрно. См. Бернгарди, записки Толя, Т. III, стр. 123.

[2]) 7-го августа ст. ст.

шами въ южную Германію къ маршалу Ожеро. Изъ этихъ депешъ союзные вожди могли убѣдиться окончательно, что во всей западной Саксоніи вовсе нѣтъ непріятельскихъ войскъ, что Дрезденъ прикрытъ только однимъ корпусомъ Сенъ-Сира, что главныя силы Наполеона расположены на правомъ берегу Эльбы. Извѣстія эти показались, не безъ основанія, чрезвычайно важными императору Александру. Немедленно же пригласилъ онъ къ себѣ на совѣщаніе князя Шварценберга и главныхъ лицъ его штаба, Толя и другихъ находившихся при немъ русскихъ генераловъ, Моро и Жомини [1]). На совѣтѣ составилось убѣжденіе, что дальнѣйшее движеніе на Лейпцигъ не имѣетъ смысла, что необходимо повернуть армію на Дрезденъ, во-первыхъ потому, чтобы не подвергнуть опасности корпусъ Витгенштейна между Пирною и Дрезденомъ, отдѣленный въ настоящій моментъ отъ остальныхъ колоннъ союзной арміи трудно проходимою горною мѣстностью; во-вторыхъ, чтобы не дать непріятелю возможности, воспользовавшись удаленіемъ арміи, вторгнуться изъ Лузаціи въ Богемію, завоевать Прагу и зайдти въ тылъ союзникамъ; въ третьихъ, чтобы воспользоваться настоящимъ положеніемъ французской арміи для быстраго взятія Дрездена.

Хотя далеко не всѣ союзные генералы раздѣляли сложившееся такимъ образомъ мнѣніе, хотя къ числу несогласныхъ принадлежали такіе выдающіеся военные авторитеты, какъ Толь и Барклай-де-Толли [2]), но тѣмъ не менѣе положено было тотчасъ-же привести въ исполненіе рѣшеніе военнаго совѣта. Движеніе на Дрезденъ сопряжено было, однако-же, съ великими трудностями для союзныхъ войскъ. Весь склонъ Рудныхъ горъ, направленный къ сторонѣ Саксоніи, изрѣзанъ глубокими рѣчными долинами, съ чрезвычайно крутыми, разорванными берегами. Двигаясь на востокъ параллельно глав-

---

[1]) Совѣщаніе происходило въ Цёблицѣ, въ Саксоніи.

[2]) Барклай предлагалъ соединить сначала все войско подъ Фрейбергомъ, а затѣмъ уже идти оттуда, смотря по обстоятельствамъ, на Лейпцигъ или на Дрезденъ. Толь возставалъ противъ нападенія на Дрезденъ и совѣтовалъ, соединивъ всѣ войска въ крѣпкой позиціи подъ Диппольдисвальде, выжидать дальнѣйшихъ предпріятій Наполеона. См. Бернгарди, записки Толя, Т, III, стр. 138.

ному горному хребту, союзныя войска принуждены были переходить через всѣ эти безчисленныя долины. Имъ приходилось двигаться по первобытнымъ проселочнымъ дорогамъ, изрытымъ и испорченнымъ дождями, заваленнымъ мѣстами громадными камнями, совершенно неудобнымъ для движенія артиллеріи и обозовъ. Спустившись съ величайшимъ трудомъ на дно долинъ, они должны были взбираться еще съ большими трудностями на противоположный крутой склонъ. Люди выбивались изъ силъ въ этой страшной борьбѣ съ мѣстностью, обозныя и артиллерійскія лошади падали и околѣвали отъ изнеможенія, въ узкихъ мѣстахъ дороги загромождались брошенными орудіями, лафетами и фурами [1].

Несмотря на всѣ эти трудности, союзная главная квартира прибыла уже 24 августа въ Диппольдисвальде [2]) неподалеко отъ Дрездена. Въ то же самое время Витгенштейнъ, стоявшій на правомъ крылѣ союзниковъ, занялъ Пирну и подвинулся къ Гросъ-Зедлицу, оставивъ для наблюденія за горною крѣпостью Кенигштейномъ и мостами через Эльбу одинъ изъ своихъ корпусовъ подъ начальствомъ герцога

---

[1]) Движеніе союзныхъ войскъ крайне затруднялось сопровождавшими ихъ громадными обозами. Особенною колоссальностью и неуклюжестью отличались австрійскіе обозы. Н. М. Муравьевъ говоритъ въ своихъ запискахъ. „Одно изъ большихъ золъ въ австрійской арміи—это обозы, коимъ нѣтъ конца. Когда австрійская армія истлѣла на переходахъ по Франціи, то оставались одни обозы: колонны огромныхъ, крытыхъ бѣлыхъ фуръ тащились по всѣмъ дорогамъ, грабили, разоряли край и останавливали движеніе войскъ: ибо съ остановкою одной фуры останавливался весь обозъ, такъ что русскіе начальники не находили другаго средства на ночныхъ переходахъ, какъ посылать одного офицера впередъ къ первой фурѣ, чтобы разговориться съ австрійскимъ начальникомъ обоза, а между тѣмъ вынуть изъ колеса передней фуры чеку: колесо сваливалось, фура ложилась на бокъ и вся колонна фурвезена останавливалась. Около заброшенной чеки собирался совѣтъ, который послѣ долгихъ разсужденій, наконецъ, рѣшался общими силами вставить новую чеку, между тѣмъ какъ наши войска и артиллерія обгоняли обозы. Сихъ домообразныхъ фуръ было нѣсколько тысячъ у австрійцевъ; большею частью онѣ были пустыя, а въ другихъ сидѣли офицерскія и солдатскія жены съ ребятишками, съ собачками и съ награбленными вещами. Къ сословію походныхъ маркитантовъ у австрійцевъ принадлежатъ иногда и офицерскія жены“. Н. М. Муравьевъ, записки, стр. 12.

[2]) 12-го августа стар. ст.

Евгенія Виртембергскаго. За Диппольдисвальде у Беервалде и Гекендорфа расположились пруссаки подъ начальствомъ Клейста и масса австрійской арміи, за исключеніемъ корпуса Кленау. Что-же касается до остальныхъ союзныхъ войскъ, то онѣ находились еще далеко позади, въ горахъ. На слѣдующій день [1]), союзныя войска подвинулись къ самому Дрездену и императоръ Александръ, король прусскій и ихъ многочисленная свита, гонимые понятнымъ любопытствомъ, поспѣшили на небольшую возвышенность между Черницомъ и Кайцомъ, откуда открывается видъ на Дрезденъ и на долину Эльбы. Чудное, пестрое зрѣлище открылось передъ ихъ глазами. У ногъ ихъ растилалася живописная долина Эльбы, усѣянная безчисленными садами, рощами, деревушками, загородными вилами. Почти въ самомъ центрѣ панорамы возвышался Дрезденъ, красивая столица саксонскихъ королей съ своими укрѣпленными предмѣстіями, высокими башнями и колокольнями, съ своимъ каменнымъ мостомъ черезъ Эльбу. На противоположномъ крутомъ склонѣ долины вилась дорога въ Бауценъ, но на ней не замѣтно было никакого особеннаго оживленія. Передъ городомъ ближе къ позиціямъ союзниковъ простирался обширный королевскій садъ, бѣлая ограда котораго ярко блистала на солнцѣ, а тамъ вдали возвышались грозные утесы Лиліенштейна и Кенигштейна, какъ будто готовые ежеминутно обрушиться въ Эльбу. И вся эта картина оживлена была въ этотъ день совершенно особымъ, необычайнымъ образомъ. Со всѣхъ возвышенностей, окаймлявшихъ Дрезденъ съ юго-западной стороны, надвигались колонны союзныхъ войскъ; передовые отряды повсюду уже спустились въ долину и завязали перестрѣлку съ французскими форпостами [2]). Вездѣ у окраинъ деревушекъ, въ садахъ и рощахъ, на открытыхъ полянахъ и лужайкахъ подымались небольшіе бѣловатые дымки и быстро разсѣевались въ воздухѣ. Тамъ и сямъ, то на сторонѣ союзниковъ, то съ

---

[1]) 13-го августа ст. ст. 25-го новаго стиля.

[2]) Моро, бывшій при государяхъ, замѣтивъ французскихъ солдатъ, сказалъ со вздохомъ: „Вотъ они, солдаты, которыхъ я такъ часто водилъ къ побѣдѣ“. Бернгарди, Т. III, стр. 142.

коняхъ, но эти необычайныя условія не исключали ни обычной продолжительности преній, ни рѣзкихъ противорѣчій. Князь Шварценбергъ игралъ, по обыкновенію, крайне двусмысленную и жалкую роль. Руководимый своимъ менторомъ, генераломъ Лангенау, онъ не прочь былъ въ душѣ предпринять немедленное-же нападеніе на Дрезденъ, но замѣчая, что весьма многія и при томъ вліятельныя лица, держатся противоположнаго взгляда, онъ не рѣшался высказать открыто свое мнѣніе. Присутствующіе генералы вовсе не обращали вниманія на номинальнаго главнокомандующаго. Взоры всѣхъ устремлены были на императора Александра, отъ него ожидали всѣ окончательнаго рѣшенія. Одинъ изъ первыхъ заговорилъ генералъ Жомини. Онъ высказался въ пользу немедленнаго-же штурма, но противъ него возсталъ рѣшительно Моро. „Государь", замѣтилъ онъ, обращаясь къ императору Александру, „мы потеряемъ двадцать тысячъ человѣкъ и разобьемъ себѣ головы. Не должно деморализовать своихъ войскъ въ самомъ началѣ" [1]). Въ такомъ-же смыслѣ высказался Толь. Онъ не совѣтовалъ штурмовать города, а предлагалъ расположиться на высотахъ подъ Дрезденомъ и разстраивать изъ этой центральной позиціи всѣ предпріятія Наполеона, на какую-бы сторону ни направлялись они. Императоръ Александръ видимо колебался нѣкоторое время между этими противоположными мнѣніями, но, наконецъ, онъ рѣшительно склонился на сторону Моро и Толя. Совѣтъ окончился, все было, повидимому, рѣшено; но въ теченіи ночи произошло нѣчто совершенно неожиданное и непонятное. Князь Шварценбергъ, возвратившись въ свою квартиру и оставшись наединѣ съ своимъ неизмѣннымъ Лангенау [2]), рѣшился вопре-

---

[1]) Sire, говорилъ Моро, nous sacrifierons vingt mille hommes et nous nous casserons le nez, (буквально: и разобьемъ себѣ носъ). Il ne faut pas démoraliser nos troupes".

[2]) Несомнѣнно, что Лангенау былъ главнымъ виновникомъ штурма, но что могло побудить именно его, человѣка въ высшей степени трусливаго и нерѣшительнаго, къ такому шагу,—сказать трудно. По всей вѣроятности Лангенау полагалъ, что Наполеонъ не можетъ поспѣть въ Дрезденъ, такъ какъ онъ находится далеко въ Лузаціи. Бернгарди, Т. III, стр. 145.

... штурмъ на Дрезденъ
... чтобы то ни стало импе-
... й тишинѣ составлена
... на всякій случай по
... въ томъ-же духѣ, какъ
... времени. Она напоминала
... правила военнаго
... какомъ-нибудь ученіи
... „Первая колонна", гово
... чтобы развернуться на
... средняя колонна и
... Удерживая такимъ образом
... правилахъ элементарн
... имъ въ тоже время.
... штурмъ, а то
... для нападе
... льная часть со
... Войска эти
... рыхъ каждая до
... и избѣгать особе
... начаться лиш
... часа пополудни
... стратегіи пр
... ной науки.
... принимать
... когда подъ
... хъ нетерпѣніе
... значило-ли э
... Къ тому-же всяко
... 24 часа тому
... нымъ, то во
... Съ часу на ча
... въ городѣ
... никовъ образо
... Дрездене

низонъ сильными войсками, но и прибудетъ самъ на мѣсто боя. Какъ ни естественны, какъ ни настоятельны были всѣ эти соображенія, но они очевидно не приходили въ голову князю и его совѣтникамъ, но что всего изумительнѣе, — Шварценбергу удалось добиться согласія императора Александра на свой демонстративный штурмъ;—какими путями и средствами? на этотъ вопросъ доступные намъ источники не даютъ никакого отвѣта [1]).

Въ то время, когда Шварценбергъ и Лангенау сочиняли свою странную диспозицію, Наполеонъ съ массами своей арміи былъ уже на пути къ Дрездену. Мы оставили императора французовъ въ Лузаціи, занятаго своимъ планомъ вторженія въ Богемію, но готоваго въ тоже время ко всѣмъ другимъ случайностямъ. Еще 25 числа вечеромъ, Наполеонъ въ письмѣ къ Сенъ-Сиру выражаетъ надежду, что маршалъ успѣетъ продержаться въ Дрезденскихъ укрѣпленіяхъ хотя нѣсколько дней, но уже въ тотъ-же день получены были отъ Сенъ-Сира и Мюрата, посѣтившаго мимоходомъ Дрезденъ, самыя тревожныя извѣстія о положеніи города. Наполеонъ видимо не довѣрялъ этимъ вѣстямъ; желая получить возможно точныя свѣдѣнія, онъ еще изъ Бауцена послалъ въ Дрезденъ своего ординарца Гурго. Гурго прискакалъ обратно изъ Дрездена въ Штольпенъ въ одиннадцать часовъ ночи того же 25-го числа. „Положеніе города самое отчаянное", доносилъ онъ Наполеону. „Непріятели уже покушались овладѣть укрѣпленіями, и если-бы дѣйствовали рѣшительнѣе, то достигли-бы своей цѣли. Дрезденъ будетъ вскорѣ обложенъ со всѣхъ сторонъ, и тогда участь его рѣшится. Положеніе Сенъ-Сира весьма сомнительное; онъ предполагаетъ уже очистить большой садъ".—„А герцогъ Бассанскій", прервалъ

---

[1]) Что императоръ Александръ считалъ еще вечеромъ 25-го числа штурмъ окончательно отмѣненнымъ, видно изъ письма его къ Блюхеру, гдѣ мы читаемъ слѣдующія строки: „Nous aurons pu emporter cette ville hier, si les mauvais chemins et les defile's nous a vaient permis d'arriver à temps; mais l'ennemi y ayant réuni des forces suffisantes pour rendre l'atlaque trop chere, nous allons continuer de manoevrer jusqu'a ce que ses projets soient mieux développés". Письмо къ Блюхеру отъ 25 числа вечеромъ, у Бернгарди, Т. III, ст. 147.

Наполеонъ посланца, „что думаетъ онъ?“—„Государь, онъ полагаетъ, что городъ не въ состоянiи держаться въ продолженiи сутокъ“—„А вы!“—„Изъ всего мною видѣннаго, я убѣдился, что городъ будетъ взятъ завтра, если ваше величество не поспѣшите туда“.—„Вы заставляете меня измѣнить мой планъ дѣйствiй. Могу-ли я быть увѣренъ въ истинѣ вами сказаннаго“.—„Государь ручаюсь въ томъ головою“, отвѣчалъ Гурго [1]).

Рѣшаясь измѣнить свой планъ, какъ ему казалось въ силу необходимости, Наполеонъ не могъ, однако-же, отказаться отъ мысли вторженiя въ Богемiю. То, что предполагалъ онъ предпринять самъ во главѣ 160,000 армiи, онъ рѣшился возложить теперь на генерала Вандамма, имѣвшаго въ своемъ распоряженiи 40,000 корпусъ отборнаго войска. Вандамму предписано было двинуться на Пирну, завладѣть этимъ важнымъ пунктомъ и дорогою на Петерсвальде, зайти такимъ образомъ въ тылъ союзникамъ и заградить имъ всѣ пути отступленiя въ Богемiю. Экспедицiя Вандамма построена была на томъ совершенно вѣрномъ предположенiи, что Наполеону удастся отразить покушенiе союзниковъ на Дрезденъ и отбросить ихъ колонны къ узкимъ и неудобнымъ проходамъ черезъ Рудныя горы. Генералу внушено было дѣйствовать самымъ рѣшительнымъ образомъ, атаковать и истребить все, что попадется ему на встрѣчу, захватить артиллерiю и обозы союзниковъ. Все было предусмотрѣно и разсчитано какъ нельзя лучше, но ставя во главѣ такого важнаго предпрiятiя Вандамма [2]), Наполеонъ совершилъ крупную ошибку, имѣвшую самыя роковыя послѣдствiя на весь дальнѣйшiй ходъ кампанiи. Вандаммъ, человѣкъ въ высшей степени грубый и

[1]) Разсказъ Гурго мы находимъ въ его мемуарахъ, а также въ сочиненiи Тьера, томъ XVI, 315—319, Fain, II, стр. 256—259.

[2]) Наполеонъ отправилъ къ Вандамму, въ качествѣ совѣтника, осторожнаго и благоразумнаго инженернаго генерала Гаксо. Онъ велѣлъ передать черезъ него Вандамму, „что ему предоставлено довершить побѣду, не обращая вниманiя на многочисленность толпы, спасающейся бѣгствомъ. Объясните мои виды Вандамму и передайте ему все, что я отъ него ожидаю. Никогда не представится ему лучшiй случай заслужить маршальскiй жезлъ“. См. Fain, II, стр. 259.

жестокій, вызвавшій противъ себя ненависть всей Германіи своими грабежами и жестокостями въ Ганзейскихъ городахъ, обладалъ въ избыткѣ свирѣпою энергіею и бѣшеною отвагою, но ему недоставало тѣхъ качествъ, которыя должны быть присущи всякому истинному полководцу. У него не было ни вѣрнаго взгляда, ни быстрой сообразительности, ни находчивости, онъ былъ совсѣмъ неспособенъ къ самостоятельнымъ дѣйствіямъ. Вандаммъ не представлялъ, впрочемъ, въ этомъ отношеніи исключенія изъ числа другихъ Наполеоновскихъ генераловъ. Всѣ они были храбрые солдаты и вѣрные исполнители приказаній императора, но, предоставленные самимъ себѣ, они тотчасъ-же теряли голову. „Хуже всего, говорилъ самъ Наполеонъ, это недовѣріе, которое питаютъ мои генералы къ самимъ себѣ. Силы непріятеля кажутся имъ подавляющими повсюду, гдѣ не присутствую я лично“ [1]). „Каждый планъ, который предполагаетъ мое отсутствіе, влечетъ за собою такъ называемый правильный образъ веденія войны; онъ даетъ непріятелю возможность воспользоваться своими преимуществами въ числѣ, въ кавалеріи, даже въ генералахъ и влечетъ мое дѣло къ вѣрной гибели“ [2]).

Да и сами маршалы ясно сознавали это роковое обстоятельство. „Боюсь, писалъ одинъ изъ нихъ, „что въ тотъ самый день, когда ваше величество одержите побѣду и будете думать, что вы выиграли рѣшительное сраженіе, вы узнаете, что вы проиграли два другихъ“ [3]). Но кто-же былъ виновникомъ такого страннаго явленія? Почему величайшій изъ мастеровъ военнаго искусства не приготовилъ себѣ достойныхъ учениковъ? Просто потому, что Наполеонъ не терпѣлъ на ряду съ собою никакой самостоятельности, что онъ смо-

---

[1]) Эти слова мы читаемъ въ письмѣ Наполеона къ Маре изъ Левенберга отъ 23-го августа. Correspondance de Napoleon I, T. 26, стр. 132.

[2]) Собственноручная замѣтка Наполеона отъ 30 августа Дрезденъ.

[3]) „Раздѣливъ ваши силы, создавъ три арміи, отдаленныя одна отъ другой на большое разстояніе, Ваше Величество отказываетесь отъ тѣхъ выгодъ, которыя соединяются съ Вашимъ присутствіемъ на полѣ битвы, и я боюсь и т. д.“ Мемуары маршала Мармона, T. V, стр. 140.

Correspondance de Napoleon I, T. 26, Note sur la situation general de mes affaires стр. 179—182.

трѣлъ на людей какъ на машины, что онъ требовалъ отъ своихъ подчиненныхъ лишь одного слѣпаго и безусловнаго исполненія, что онъ запрещалъ имъ мыслить и дѣйствовать самостоятельно. И вдругъ, когда размѣры его предпріятій начали охватывать собою цѣлый міръ, когда ему пришлось вести войну разомъ на различныхъ концахъ Европы, онъ пожелалъ, чтобы эти машины превратились въ самостоятельныхъ мыслящихъ людей. Тщетное начинаніе. Воля деспота нашла здѣсь свой предѣлъ. Уже въ Испаніи и въ Россіи его маршалы не выдерживали возложеннаго на нихъ испытанія. Теперь въ моментъ послѣдней отчаянной борьбы они оказались одинъ за другимъ неспособными и несостоятельными.

Отдавъ приказанія Вандамму, Наполеонъ двинулъ массу своихъ войскъ къ Дрездену. Его колонны подвигались впередъ съ невѣроятною быстротою. Онѣ дѣлали сорокаверстные переходы въ сутки [1], и уже утромъ 26-го августа, въ тотъ самый день, когда союзники собирались исполнять странную диспозицію князя Шварценберга, передовые отряды французовъ явились въ виду Дрездена. Самъ Наполеонъ прибылъ въ Дрезденъ въ 9 часовъ утра. Никто не хотѣлъ вѣрить глазамъ своимъ, когда императоръ прискакалъ черезъ Эльбскій мостъ въ городъ. Его появленіе произвело неописанное одушевленіе въ войскахъ и совершенно успокоило населеніе Дрездена. Сдѣлавъ коротеій визитъ своему вѣрному вассалу, королю саксонскому, Наполеонъ остановился, сидя на конѣ, у моста и самъ указывалъ направленіе быстро подходящимъ колоннамъ. Войска, по мѣрѣ того какъ они входили въ городъ, размѣщались по предмѣстьямъ, радостно привѣтствуемыя усталыми баталіонами Сенъ-Сира. Вслѣдъ за тѣмъ императоръ осмотрѣлъ частью пѣшкомъ, частью на конѣ всѣ позиціи и укрѣпленія и замѣтилъ совершенно спокойно, об-

[1] Войска могли такъ быстро достигнуть Дрездена, лишь потому, что Наполеонъ велъ ихъ не теперешними маршевыми колоннами, а широкими фронтами, при чемъ онъ соединялъ въ одной короткой колоннѣ многочисленныя сили нѣсколько корпусовъ. См. Napoleon als Feldherr, Iork. T. II, стр. 268.

ращаясь къ генералу Герсдорфу: „Ну, черезъ нѣсколько часовъ они нападутъ на насъ, а вѣдь на первый взглядъ это казалось совершенно невѣроятнымъ; не могутъ-же они не знать, что я уже здѣсь со всею моею арміею,—но мы проводимъ ихъ, я готовъ ко всему" [1]).

Между тѣмъ на всѣхъ передовыхъ позиціяхъ давно уже кипѣла оживленная перестрѣлка. Союзники, подготовляясь къ штурму, старались оттѣснить, какъ можно далѣе къ предмѣстьямъ войска Сенъ-Сира.—Русскіе подъ предводительствомъ Витгенштейна завладѣли нѣсколькими усадьбами впереди Пирнскаго предмѣстья, пруссаки проникли въ большой садъ и шагъ за шагомъ подвигались въ немъ впередъ, влѣво отъ нихъ, австрійцы выгнали французовъ изъ деревни Лебеды.—Императоръ Александръ, сопровождаемый главными лицами своего штаба, уже съ ранняго утра выѣхалъ на Рекницкія высоты. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ онъ за всѣмъ происходившимъ. Его привлекалъ не столько бой, кипѣвшій у ногъ его въ долинѣ, сколько то оживленіе, которое замѣчалось на противоположномъ берегу Эльбы. Дорога къ Бауцену, еще вчера почти пустынная, была покрыта теперь безконечными колоннами непріятельскихъ войскъ. Одна за другою спускались онѣ по крутому склону долины и бѣглымъ шагомъ вступали на мостъ. Артиллерія Витгенштейна, расположенная на высотахъ лѣваго берега, открыла огонь по непріятелю, но не въ состояніи была задержать его движенія, или причинить ему серьезный уронъ. Въ этотъ самый моментъ императору донесли, что, по свѣдѣніямъ перебѣжчиковъ, Наполеонъ находится уже въ Дрезденѣ.

Александръ тотчасъ-же понялъ, что нападеніе на Дрезденъ при такихъ условіяхъ было-бы непростительною глупостью. Онъ обратился къ окружавшимъ его лицамъ и всѣ они, безъ исключенія, согласились съ его мнѣніемъ. Даже Жомини, такъ настойчиво совѣтовавшій штурмъ, предлагалъ теперь, подобно Толю, отвести войка въ Диппольдисвальде и

[1]) См. записки Герсдорфа. Въ этихъ словахъ Наполеона высказалось, какъ нельзя болѣе, его колоссальное самомнѣніе, не лишенное, впрочемъ, своего основанія.

[illegible] Императоръ [illegible] сообщилъ ему свои наблюденія и [illegible] въ этотъ разъ опять. [illegible] нападеніе на Дрезденъ [illegible] размѣщеніе [illegible] и [illegible] ему [illegible] австрійская [illegible] при такихъ обстоятельствахъ [illegible] и [illegible] штурма не могъ [illegible] черезъ [illegible] и [illegible] при [illegible]. Но [illegible] еще болѣе [illegible]. Шварценбергъ [illegible] и не [illegible] болѣе. [illegible] и [illegible] въ [illegible] Александра. [illegible] четыре [illegible] австрій[illegible] и [illegible] со всѣхъ сторонъ на штурмъ [1]. [illegible] Александра не [illegible]. [illegible] съ [illegible]. [illegible] потерялъ всю [illegible]. [illegible] самый [illegible] и на[illegible] въ [illegible]. [illegible] въ [illegible] въ [illegible] совершенно [illegible] и [illegible]: австрійцы [illegible] въ [illegible]. [illegible]

[1] [illegible]

ны пытались проникнуть въ предмѣстія, но такъ какъ онѣ не были снабжены ни лѣстницами, ни фашинами, то всѣ ихъ усилія перейти черезъ рвы и перебраться черезъ каменныя ограды садовъ, защищаемыя французскими стрѣлками, остались тщетными. Этимъ-то моментомъ замедленія и остановки непріятельской атаки воспользовался Наполеонъ съ своимъ обычнымъ искусствомъ и быстротою. Внезапно огонь французской артиллеріи удвоился и изо всѣхъ заставъ предмѣстія выступили бѣглымъ шагомъ густыя колонны пѣхоты. На лѣвомъ флангѣ наступалъ Мортье съ двумя дивизіями молодой гвардіи, поддержанными кавалеріею Латуръ-Мобура. Рѣшительнымъ натискомъ отбросилъ онъ войска Витгенштейна до Штризена и оттѣснилъ пруссаковъ до середины большаго сада. Двѣ другія французскія колонны, подъ предводительствомъ Нея, ударили на австрійцевъ, отняли у нихъ завоеванный люнетъ и оттѣснили ихъ до самыхъ Рекпицкихъ высотъ. Наступила темнота и штурмъ союзниковъ отбитъ былъ на всѣхъ пунктахъ съ громаднымъ для нихъ урономъ.

Австрійскій штабъ сразу утратилъ свой воинственный пылъ. Уныніе и трусость заступили мѣсто прежней самоувѣренности. Шварценбергъ и Лангенау объявили, что теперь не остается иного исхода, какъ поспѣшно отступить въ Богемію; но императоръ Александръ, король прусскій, русскіе и прусскіе генералы рѣшительно возстали противъ этого предложенія. Положено было оставаться на высотахъ въ виду Дрездена и ожидать дальнѣйшихъ предпріятій Наполеона [1]).

Между тѣмъ гроза собиралась въ тылу союзной арміи. Вандаммъ, подкрѣпленный двумя дивизіями, перешелъ черезъ Эльбу у Кенигштейна и пытался прежде всего завладѣть Пирнскимъ плоскогорьемъ. Безъ всякаго труда оттѣснилъ онъ небольшой отрядъ генерала Гельфрейха, назначенный для наблюденія за Кенигштейномъ, и двигаясь далѣе, встрѣтилъ у подошвы плоскогорья корпусъ герцога Евгенія

---

[1]) Такое рѣшеніе было принято, между прочимъ, и въ виду того, что союзники ожидали на слѣдующій день съ увѣренностью прибытія русской гвардіи и гренадеровъ, а также австрійскаго корпуса Кленау.

[illegible]

ское плато и въ виду наступавшаго непріятеля занялъ выгодную позицію между Кричвичемъ и Штруппеномъ. Подкрѣпленный кирасирскимъ полкомъ, присланнымъ ему на помощь великимъ княземъ Константиномъ, онъ съ необычайною стойкостью отражалъ въ теченіе цѣлаго дня всѣ атаки Вандамма, на сторонѣ котораго было четверное—превосходство силъ. Правда, Вандаммъ могъ переводить свои войска черезъ Эльбу лишь постепенно, онъ не могъ воспользоваться своею многочисленною артиллеріею, но все-же при меньшей стойкости русскихъ, ему удалось-бы навѣрное достигнуть своей цѣли и сбросить герцога Евгенія съ высоты Пирнскаго плато. Евгеній хорошо, однако-же, понималъ, что удерживаться далѣе на занятой имъ позиціи безъ присылки подкрѣпленій рѣшительно невозможно. Немедленно-же отправилъ онъ въ главную квартиру союзниковъ адъютанта своего Гофмана съ настойчивою просьбою подкрѣпить какъ можно скорѣе его отрядъ. До возвращенія посланнаго, герцогу предстояло рѣшить самому чрезвычайно важный и тяжелый вопросъ. Оставленный безъ всякихъ точныхъ инструкцій, герцогъ самъ долженъ былъ теперь избирать одинъ изъ двухъ способовъ дѣйствій, повидимому, одинаково важныхъ и одинаково обязательныхъ для него. Онъ долженъ былъ или сосредоточить все свое вниманіе на охраненіи важнѣйшей и удобнѣйшей дороги изъ Дрездена въ Богемію, черезъ Петерсвальде и Ноллендорфъ къ Теплицу и Кульму, и обезпечить тѣмъ отступленіе союзной арміи въ случаѣ ея неудачи подъ Дрезденомъ, или-же онъ долженъ былъ заботиться исключительно о прикрытіи тыла союзной арміи, которому движеніе Вандамма грозило величайшею опасностью. Герцогу казалось, что вторая задача пока несравненно важнѣе и настоятельнѣе первой, и онъ имѣлъ на это свои основанія, такъ какъ былъ твердо увѣренъ, что союзники отразятъ всѣ нападенія Наполеона подъ Дрезденомъ и во всякомъ случаѣ удержатся на своей позиціи при Диппольдисвальде. Принявъ такое рѣшеніе, Евгеній оставилъ на Пирнскомъ плато лишь небольшіе отряды для наблюденія за Вандаммомъ, занялъ главными своими силами новую позицію близь Цегисты и послалъ опять

панію 1812 года и не дававшаго ему покоя настойчивыми просьбами о новомъ назначеніи.

Графъ Остерманъ-Толстой едва-ли могъ выполнить съ успѣхомъ возложенное на него порученіе. Онъ былъ человѣкъ безусловно храбрый, энергическій, честный и высоко даровитый, но въ тоже время въ высшей степени нервный, раздражительный, вспыльчивый. Послѣднія раны и тяжелая, вынесенная имъ болѣзнь ухудшили его и безъ того уже ненормальное душевное настроеніе. Онъ былъ болѣнъ душею и тѣломъ, онъ самъ нуждался въ руководительствѣ и надзорѣ и неспособенъ былъ къ самостоятельной командѣ [1]). Назначеніе Остермана уже состоялось и самъ графъ отправился уже подъ Пирну, когда въ австрійскомъ генеральномъ штабѣ узнали, наконецъ, отъ адъютанта герцога Евгенія, Гофмана, объ опасномъ положеніи дѣлъ въ тылу союзной арміи. Князь Шварценбергъ былъ пораженъ какъ громомъ этою вѣстью. Ничего не боялся онъ такъ, какъ непріятеля въ своемъ тылу; ни за что не трепеталъ онъ такъ днемъ и ночью, какъ за свои сообщенія съ Богеміею. Немедленно-же созвалъ онъ всѣхъ своихъ ближайшихъ совѣтниковъ. Всѣ они единогласно заявили, что необходимо удерживать во чтобы то ни стало важнѣйшій путь сообщенія съ Богеміею, дорогу на Петерсвальде и Ноллендорфъ. Князь Шварценбергъ сдѣлалъ въ этомъ смыслѣ самое строгое внушеніе Гофману, а графъ Радецкій сказалъ, прощаясь съ адъютантомъ герцога Евгенія: „Сообщеніе съ Богеміею должно быть для васъ свято“ [2]). Отославъ Гофмана, князь Шварценбергъ тотчасъ-же послалъ приказаніе генералу Барклаю подкрѣпить свѣжими войсками корпусъ герцога Евгенія. Барклай повиновался, но онъ послалъ въ подкрѣпленіе герцогу Евгенію такую часть войска и такого генерала, которые могли только усилить неурядицу въ главной квартирѣ Евгенія, вызванную пріѣздомъ туда Остермана-Толстаго. Въ помощь герцогу, двинута была

[1]) Бернгарди, Т. III, стр. 166. Богдановичъ говоритъ: „Графъ Остерманъ человѣкъ своенравнаго и раздражительнаго характера, извѣстный своими причудами“... Т. 4, стр. 171.

[2]) См. Дневникъ принца Евгенія Helldorf, Т. II, стр. 134.

рованными маршами къ Дрездену и когда Наполеонъ собирался атаковать всѣми своими силами позиціи союзниковъ. Совпаденіе, быть можетъ, безпримѣрное во всей военной исторіи. Въ немъ выразились во всей своей полнотѣ и характеръ князя Шварценберга, и австрійской военно-политической системы [1]).

Печальны и неудобны были бивуаки союзниковъ подъ Дрезденомъ. Отраженіе штурма, слухи о предстоящемъ отступленіи наводили на войска невольное уныніе. Послѣ довольно теплаго, солнечнаго дня наступила сырая, темная ночь. Густыя тучи нависли на окрестныхъ горахъ и быстро заволокли всю долину Эльбы. Въ двѣнадцать часовъ ночи полилъ крупный холодный дождь. Во всѣхъ направленіяхъ полились мутные дождевые потоки. Бивуачные огни погасли. Люди и лошади завязали въ грязи. Мучимые холодомъ и сыростью, солдаты не могли согрѣться у огней, не могли подкрѣпить себя ни пищею, ни водкою. Продовольствіе союзныхъ войскъ далеко не было обезпечено. На всѣхъ бивуакахъ невозможно было достать ничего, кромѣ сухарей и воды. Съ завистью посматривали солдаты на позиціи непріятелей подъ Дрезденомъ. Они справедливо догадывались, что французы не только обезпечены городскими постройками отъ холода и сырости, но и снабжены въ изобиліи и съѣстными припасами и напитками. И дѣйствительно, Наполеонъ принялъ всѣ мѣры, чтобы ободрить своихъ конскриптовъ, чтобы подкрѣпить ихъ силы, истомленныя форсированными маршами. Онъ лично заботился, чтобы всѣ части были снабжены съѣстными припасами; чтобы на всѣ квартиры и бивуаки доставлено было достаточное количество водки, вина и пива. И въ то время, когда солдаты союзной арміи дрожали отъ холода и дрались за куски сухарей, французскіе солдаты утопали въ изобиліи и съ самоувѣренностью смотрѣли на предстоящій бой [2]).

---

[1]) Бернгарди, Т. III, стр. 168; Астеръ Schilderung der Kriegsereignisse in und vor Dresden, стр. 328.

[2]) Наполеонъ уже потому особенно заботился о своихъ солдатахъ, что большинство ихъ состояло изъ новобранцевъ. „Эти храбрые дѣти, замѣчаетъ генералъ Пеле“, не уступали въ храбрости старымъ сослуживцамъ, но они

Сумрачно и неприветливо было утро 27 августа [1]). Дождь не прекращался, густые, непроницаемые туманы окутывали склоны горъ, висѣли надъ долинами и низменностью; холодная сырость пронизывала до мозга костей; ружья, особенно у австрійцевъ, промокли и сдѣлались негодными къ употребленію. Вся надежда союзныхъ вождей возлагалась теперь на артиллерію, но имъ было извѣстно, что и непріятель располагаетъ весьма значительнымъ количествомъ орудій. На сторонѣ союзниковъ было, правда, весьма значительное превосходство силъ: они располагали по меньшей мѣрѣ 180,000 человѣкъ; тогда какъ Наполеонъ успѣлъ сосредоточить въ Дрезденѣ всего лишь 125,000 человѣкъ. Но какъ въ другихъ случаяхъ, такъ и теперь—союзники не успѣли воспользоваться своимъ численнымъ перевѣсомъ и распредѣлили свои массы такимъ образомъ, что Наполеонъ получилъ полную возможность разбить ихъ по частямъ.

Союзная линія тянулась по возвышенностямъ, но возвышенности эти пересѣкались глубокими оврагами; и одинъ изъ этихъ овраговъ [2]) былъ настолько глубокъ и трудно проходимъ, что могъ считаться непреодолимою преградою для войскъ, особенно въ дождливую погоду. Австрійскіе стратеги какъ видно опустили изъ виду это тяжеловѣсное обстоятельство. Они были настолько наивны, что расположили за этимъ оврагомъ все лѣвое крыло своей арміи. Крыло это было настолько слабо, оно состояло всего лишь изъ 18,000 человѣкъ австрійскихъ войскъ, что не въ состояніи было отразить натиска сколько-нибудь значительныхъ непріятельскихъ силъ, и въ тоже время не было ни малѣйшей возможности подкрѣпить его другими войсками. Наполеонъ замѣтилъ эту странную ошибку противника и сумѣлъ воспользоваться ею какъ нельзя лучше. Онъ рѣшился повести свою

съ трудомъ выносили лишенія и труды кампаніи. Одинъ изъ полковъ молодой гвардіи, потерпѣвшій въ первый день сраженія при Дрезденѣ весьма незначительный уронъ, уменьшился на другой день до одной тысячи человѣкъ. Около двухъ тысячъ выбыли изъ строя отъ изнеможенія.

[1]) 15-го августа ст. ст.

[2]) Оврагъ этотъ назывался Плауэнскимъ.

главную атаку именно на этотъ пунктъ, а въ другихъ мѣстахъ ограничиться одиѣми демонстраціями.

Сраженіе началось въ седьмомъ часу утра сильнѣйшею канонадою. Въ продолженіи трехъ часовъ непрерывный громъ нѣсколькихъ сотъ орудій потрясалъ землю. Густыя облака пороховаго дыма, сбившись съ туманами, образовали непроницаемую сѣрую завѣсу, пронизываемую то и дѣло красными потоками артиллерійскаго огня. Всякое обозрѣніе окрестностей сдѣлалось невозможнымъ. Даже съ Рекницкихъ высотъ, куда прибыли къ семи часамъ утра союзные монархи и князь Шварценбергъ, съ своимъ штабомъ, невозможно было разобрать ничего въ разстояніи десяти шаговъ. Все способствовало какъ нельзя болѣе замысламъ Наполеона. Онъ могъ сформировать свои боевыя колонны совершенно незамѣтно отъ союзниковъ, и въ десять часовъ утра французы одновременно начали наступленіе по всей линіи. Въ центрѣ, гдѣ стояли главныя силы русскихъ и пруссаковъ, всѣ нападенія, предпринятыя войсками маршала Сенъ-Сира въ присутствіи самого Наполеона, были отбиты съ большими потерями для французовъ. На правомъ крылѣ союзной арміи наступленіе непріятеля началось гораздо ранѣе, еще съ восьмаго часа утра.—Непріятель старался утвердиться здѣсь на Пирнскомъ шоссе и атаковалъ съ этою цѣлью большими массами отрядъ генерала Рота, прикрывавшій всего лишь съ 9 баталіонами и нѣсколькими эскадронами кавалеріи этотъ столь важный для союзниковъ путь сообщенія. Само собою понятно, что Ротъ не могъ устоять противъ натиска Мортье, имѣвшаго въ своемъ распоряженіи цѣлыхъ двѣ гвардейскихъ дивизіи и большую часть гвардейской кавалеріи. Ротъ былъ оттѣсненъ до Торпы на крайнемъ правомъ крылѣ союзниковъ. Оба монарха и князь Шварценбергъ были свидѣтелями этой неудачи, но ни одинъ изъ нихъ не принялъ во время мѣръ для поддержанія слабаго русскаго отряда. Теперь, когда важная позиція была потеряна и Пирнское шоссе занято густыми массами непріятельской пѣхоты, Моро и Жомини начали настойчиво совѣтовать Александру завладѣть во чтобы-то ни стало потерянною позиціею и атаковать Мортье

ный своими чувствами, императоръ совершенно забылъ и о непріятелѣ и объ отвѣтѣ, присланномъ Барклаемъ. Князь Шварценбергъ бездѣйствовалъ и молчалъ въ эти роковыя минуты. Полнѣйшее безначаліе водворилось въ арміи союзниковъ, а между тѣмъ на крайнемъ лѣвомъ крылѣ ихъ произошла рѣшительная катастрофа.

Огромныя массы непріятельской пѣхоты и конницы, всего 40,000 человѣкъ, обрушились внезапно на слабый австрійскій отрядъ, отдѣленный отъ остальной арміи глубокимъ Плауэнскимъ оврагомъ. Австрійцы были выбиты почти мгновенно изъ всѣхъ своихъ позицій, а непріятельская кавалерія, пользуясь густымъ туманомъ, обошла ихъ лѣвое крыло. Видя себя обойденными, изнуренные утомительными переходами и голодомъ, оборванные, босые, австрійскіе солдаты не въ состояніи были противостать атакамъ кавалеріи. Лишь немногіе батальоны пытались построиться въ карре, но такъ какъ ружья, замокшія отъ дождя, не давали огня, то непріятельская конница разсѣяла и изрубила ихъ безъ всякаго труда. Паническій страхъ напалъ при этомъ видѣ на остальныя австрійскія войска. Все, что могло бѣжать, бѣжало. Двѣ бригады бросились въ Плауэнскій оврагъ и успѣли спастись, но

несчастное приключеніе, такъ скоро послѣ совершенія имъ столь далекаго пути случившееся, дѣлали сіе зрѣлище жалкимъ и печальнымъ. Всѣ сопровождавшіе его шли за нимъ съ сожалѣніемъ и вездѣ слышны были ему похвалы. Онъ жилъ послѣ сего только два дня. Тѣло его отвезено въ Петербургъ". Государь приказалъ похоронить Моро съ такими-же почестями, какъ Кутузова. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ современница: „извѣстна кончина генерала Моро. Государь окружилъ его трогательными попеченіями; семейство его осыпано благодѣяніями и смертные останки республиканскаго генерала отправлены въ Петербургъ для торжественнаго погребенія. Дворъ и городъ присутствовали на этихъ необыкновенныхъ похоронахъ въ католической церкви, убранной трауромъ и давшей послѣднее убѣжище изгнаннику. Въ торжествѣ участвовалъ дипломатическій корпусъ, состоявшій изъ старыхъ враговъ революціи и, въ довершеніе необычайности, надгробная проповѣдь произнесена іезуитомъ, а русскіе солдаты снесли гробъ въ церковный подвалъ, гдѣ Моро преданъ землѣ возлѣ послѣдняго польскаго короля, представляющаго собою другой примѣръ измѣнчивости судебъ. Посреди равнодушной толпы, собравшейся на эти странные похороны, внезапно появились двѣ фигуры, поспѣшно протѣснились къ гробу и съ плачемъ кинулись на него. То были адъютантъ

явшими на жителей отчаяніе своими неистовствами, въ мѣ-
гечко начали являться одинъ за другимъ австрійскіе вожди.
знавъ о пріѣздѣ одного изъ нихъ, Шишковъ поспѣшилъ
авѣстить его, разсчитывая узнать отъ него хотя что-нибудь
государѣ и положеніи нашей арміи [1]). Генералъ сидѣлъ
ı столомъ, при входѣ Шишкова и ужиналъ; голова его была
бвязана платками. „Не ранены-ли вы, заботливо обратился
эсударственный секретарь къ генералу". „Нѣтъ, отвѣчалъ
отъ", но скакавъ сюда въ коляскѣ, я нѣсколько разъ былъ
прокинутъ и разбилъ себѣ голову". Еще генералъ не окон-
илъ своей рѣчи, какъ въ комнату вбѣжалъ съ совершенно ра-
геряннымъ лицомъ полковникъ, также благополучно усколь-
нувшій съ поля битвы подъ Дрезденомъ; генералъ, какъ ни
ъ чемъ не бывало, тотчасъ-же предложилъ ему стаканъ вина.
До вина-ли мнѣ теперь", отвѣчалъ съ досадою вошедшій,
весь мой полкъ загнанъ въ ровъ и взятъ въ плѣнъ. Одинъ
насилу ускакалъ".

Понятно, что далеко не всѣ австрійскіе генералы были та-
іе позорные трусы, какъ анонимныя лица, являющіяся въ
азсказѣ Шишкова. Шварценбергъ и офицеры, составлявшіе
го штабъ, были, безъ сомнѣнія, люди храбрые, готовые уме-
еть впереди своихъ войскъ, но и имъ недоставало самаго
лавнаго: нравственнаго мужества и самообладанія въ мину-
ы испытанія. Когда пришла вѣсть о катастрофѣ за Плуэн-
кимъ оврагомъ, то союзный главнокомандующій былъ совер-
іенно уничтоженъ ею. Немедленно-же объявилъ онъ госуда-
ямъ, что теперь не остается другаго исхода,—какъ поспѣшно
тступить со всею арміею въ Богемію. Императоръ Александръ
ı король прусскій пытались возражать. Они говорили, что
тступленіе преждевременно, что лишь небольшая часть союз-

[1]) Шишковъ находился на счетъ ихъ въ полномъ невѣдѣніи. Во время
аступленія въ Саксонію онъ выѣхалъ вслѣдъ за главною квартирою, настигъ
е въ Коммотау, но затѣмъ принужденъ былъ остановиться въ саксонскомъ
ѣстечкѣ Маріенбергѣ, гдѣ и пробылъ въ большой тревогѣ нѣсколько дней.
дѣсь Шишковъ былъ невольнымъ свидѣтелемъ страшнаго безпорядка господ-
твовавшаго въ тылу союзной арміи и неистовствъ, совершаемыхъ австрійски-
и воинами. См. Записки Шишкова, Т. I, стр. 210—215.

[illegible] принимала участие въ сраженіи. Что [illegible]

[illegible] Швар[illegible]

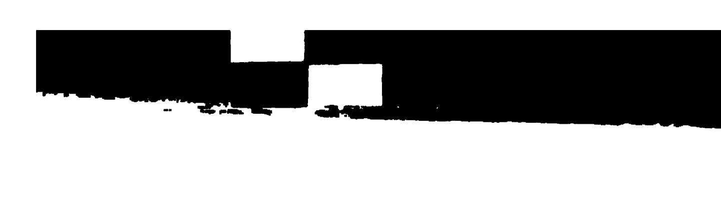
[illegible]

вальде и Ноллендорфъ; онъ могъ легко уничтожить оставленный на этомъ пути корпусъ Евгенія Виртембергскаго и преградить союзникамъ доступъ въ Теплицкую долину. Участь всей войны, судьба самихъ монарховъ висѣла на волоскѣ. Только рядъ самыхъ непредвидѣнныхъ случайностей, только самое странное и чудесное сплетеніе событій, могли спасти отъ гибели великое дѣло. Наступилъ моментъ новаго испытанія въ вѣрѣ.

Все зависѣло теперь отъ того, пойметъ-ли Наполеонъ съ своею обычною быстротою дѣйствительное положеніе дѣлъ, сумѣетъ-ли онъ схватить смѣлою рукою тѣ побѣдные вѣнцы, которые еще разъ и уже въ послѣдній разъ сулила ему судьба. Но высшая сила затмила и теперь столь ясный взглядъ завоевателя, не дала ему возможности оказаться какъ въ былое время на высотѣ своей задачи. Наполеонъ предполагалъ сначала преслѣдовать отступающихъ союзниковъ массою своихъ силъ. Онъ думалъ направить войска Сенъ-Сира по дорогѣ между Доною и равниною, т. е. параллельно движенію главныхъ союзныхъ массъ, соединить ихъ съ войсками Вандамма и предупредить союзниковъ у выходовъ въ Теплицкую долину. Другіе французскіе корпуса, какъ-то: Мортье съ гвардіею, Мармонъ и Мюратъ такъ-же должны были принять участіе въ преслѣдованіи, а во главѣ всего рѣшающаго предпріятія предполагалъ стать самъ Наполеонъ. Если-бы этотъ планъ былъ исполненъ [1]), то участь войны была-бы рѣшена, но Наполеонъ уже утромъ 28-го [2]) августа внезапно измѣнилъ свои намѣренія. Онъ совершенно остановилъ преслѣдованіе отступающаго непріятеля и вмѣсто того, чтобы поспѣшить съ массою своихъ силъ въ Богемію и запереть горные проходы у Теплица, возложилъ исполненіе этой важнѣйшей задачи на одного Вандамма. Что могло вызвать такую страшную ошибку Наполеона? Историки говорятъ намъ, что онъ

[1]) Самъ Наполеонъ, повидимому, не сомнѣвался въ полнѣйшемъ успѣхѣ. Онъ прямо говорилъ, что надѣется быть въ Богеміи раньше своихъ противниковъ, что онъ думаетъ предупредить въ Прагѣ своихъ господъ коллегъ,— какъ называлъ онъ союзныхъ государей. Бернгарди. Т. III, стр. 187.

[2]) 16-го августа ст. стиля.

ли оно и случилось действительно, было настолько ничтожное и скоропреходящее, что не могло оказать ни малѣйшаго вліянія ни на состояніе духа Наполеона, ни на его расположенія. Намъ извѣстно, что въ теченіи всего 28-го августа Наполеонъ сохранялъ свое обычное, спокойное и веселое расположеніе духа, что онъ ни на минуту не выпускалъ изъ рукъ своихъ верховной команды, что онъ ни на одну секунду не забывалъ Вандамма и его корпуса.

Гораздо болѣе значенія имѣютъ другія причины, указываемыя болѣе безпристрастными и осторожными изслѣдователями. Наполеонъ, говорятъ они намъ, получилъ въ это время извѣстія о пораженіи маршала Удино пруссаками при Гроссъ-Беренѣ и о крайне стѣсненномъ положеніи арміи Макдональда въ Силезіи. Само собою понятно, что онъ былъ разстроенъ этими вѣстями, что онъ не рѣшился покинуть свою центральную позицію подъ Дрезденомъ и углубляться въ Богемію въ тотъ самый моментъ, когда одна изъ его второстепенныхъ армій потерпѣла постыдное пораженіе, а другая стояла, по всей очевидности, наканунѣ рѣшительной катастрофы. Мы не думаемъ отрицать всего значенія указанныхъ соображеній, мы допускаемъ даже, что они могли-бы имѣть рѣшающее вліяніе на всякаго другаго полководца, но мы сомнѣваемся, чтобы они могли помѣшать Наполеону упустить изъ рукъ побѣду, которая долженствовала рѣшить всю судьбу кампаніи. И въ самомъ дѣлѣ, какое значеніе могли имѣть всѣ успѣхи Бюлова и Блюхера, если-бы Наполеону удалось уничтожить въ тоже самое время главную армію союзниковъ, полонить, быть можетъ, самихъ монарховъ и нанести смертельный ударъ коалиціи. Нѣтъ, Наполеонъ не былъ такимъ человѣкомъ, который могъ опускать подобные случаи, который способенъ былъ отвлекаться второстепенными соображеніями и забывать, что на войнѣ, болѣе нежели гдѣ-либо, слѣдуетъ ловить счастіе.

Ошибка Наполеона вытекала, по нашему мнѣнію, всецѣло изъ совершенно иного источника. И на этотъ разъ онъ представлялъ себѣ положеніе дѣлъ не такъ какъ оно было въ дѣйствительности, а такъ какъ оно было желательно для не-

го. Онъ одержалъ большую побѣду подъ Дрезденомъ, онъ захватилъ около 20,000 плѣнныхъ [1]) и увлекаясь своимъ успѣхомъ, считалъ армію Шварценберга окончательно разстроенною, почти что уничтоженною. Сначала онъ собирался преслѣдовать ее самъ, но затѣмъ остановился на мысли, что пораженіе союзниковъ можетъ быть довершено однимъ Вандаммомъ, что ему самому нѣтъ никакой надобности покидать свою центральную позицію, откуда онъ могъ такъ удобно наносить удары на всѣ стороны всѣмъ своимъ врагамъ. Принимая подобное рѣшеніе, Наполеонъ опускалъ изъ рукъ вѣрнѣйшую побѣду, но онъ все-таки разсчитывалъ съ большою вѣроятностью на успѣхъ. Во всякомъ случаѣ, онъ имѣлъ полное основаніе предполагать, что Вандаммъ уничтожитъ ничтожнаго противника, осмѣлившагося стать ему поперекъ дороги, что онъ успѣетъ во время загородить пути отступающему непріятелю и истребить его деморализованныя, истомленныя массы. Разсчетъ Наполеона былъ, такимъ образомъ, вѣренъ, насколько быть можетъ вѣренъ разсчетъ человѣческій, но Провидѣніе рѣшило покарать на этотъ разъ гордыню завоевателя.

Отступленіе союзниковъ черезъ Богемскія горы сопряжено было съ большими трудностями. Всѣ удобныя дороги заперты были непріятелемъ, приходилось пробираться по проселочнымъ путямъ и даже горнымъ тропинкамъ. Австрійская диспозиція гласила, что армія должна отступать тремя большими отрядами, что одинъ изъ этихъ отрядовъ, состоявшій изъ всѣхъ русскихъ и прусскихъ войскъ подъ начальствомъ генерала Барклая, долженъ идти на Дону по старой Пирнской дорогѣ, перейти черезъ Цегисту на новое Пирнское шоссе и двигаться далѣе на Петерсвальде и Ноллендорфъ, тогда какъ второй отрядъ, состоявшій изъ цѣлой половины австрійской арміи, долженъ направляться черезъ Диппольдиль-

[1]) Замѣчательно, что изъ числа этихъ 20,000 плѣнныхъ было всего лишь нѣсколько сотъ русскихъ и пруссаковъ, всѣ-же остальные были австрійцы. Изъ 30 орудій, отбитыхъ французами, не было ни одного русскаго или прусскаго. Убитыми и ранеными союзники потеряли въ двухъ-дневномъ сраженіи подъ Дрезденомъ около 10,000 человѣкъ.

свальде и Эйхвальдъ на Теплицъ, а третій отрядъ подъ начальствомъ Кленау, состоявшій также изъ однихъ австрійскихъ войскъ, идти крайнимъ западнымъ путемъ на Тарандъ и Фрейбергъ. Начальники отдѣльныхъ отрядовъ нашли, однакоже, невозможнымъ слѣдовать указаніямъ диспозиціи. Генералъ Кленау, узнавъ, что непріятель занимаетъ уже значительными силами Фрейбергъ, рѣшился достигнуть сначала Маріенберга въ Саксоніи и идти оттуда свободною отъ непріятеля дорогою на Комматау [1]). Съ своей стороны генералъ Барклай, соображая, что новая Пирнская дорога занята уже корпусомъ Вандамма и что съ другой стороны его лѣвому флангу угрожаетъ корпусъ Мортье, отказался идти на Дону и Цегисту и направилъ русскія войска на Диппольдисвальде, а пруссаковъ на Максенъ. Не довольствуясь этимъ отступленіемъ отъ диспозиціи, вполнѣ понятнымъ въ его положеніи, Барклай предписалъ даже отряду графа Остермана идти на Максенъ для соединенія съ главною арміею и предоставить такимъ образомъ путь на Петерсвальде и Ноллендорфъ въ полное распоряженіе непріятеля.

Распоряженія Барклая могли имѣть на этотъ разъ самыя роковыя послѣдствія, но два никѣмъ не предвидѣнныя обстоятельства спасли союзную армію отъ гибели. Вопреки ожиданіямъ, Наполеонъ вовсе не преслѣдовалъ союзниковъ и совершенно не воспользовался страшнымъ безпорядкомъ, господствовавшимъ въ ихъ отступающихъ колоннахъ. Войска двигались среди темноты ночи, подъ проливнымъ дождемъ, по извилистымъ горнымъ путямъ. То и дѣло попадались имъ на встрѣчу безконечные обозы, направлявшіеся въ Саксонію и ничего еще незнавшіе объ отступленіи; въ узкихъ мѣстахъ они совершенно заграждали пути и доводили до отчаянія солдатъ, принужденныхъ или уклоняться въ сторону отъ дороги въ непроходимые лѣса, или-же очищать путь отъ загромождавшихъ его фуръ, боченковъ, мѣшковъ и ящиковъ.

---

[1]) Еслибы Кленау исполнилъ буквально предписаніе диспозиціи, то весь его корпусъ навѣрное былъ-бы взятъ въ плѣнъ утромъ 28-го числа. См. показаніе Роткирха у Гормаѣра, Taschenbuch 1841.

Нерѣдко цѣлые полки, выбившись изъ силъ отъ усталости, и не зная куда идти далѣе въ непроницаемой темнотѣ, ложились и засыпали, какъ убитые [1]. Русскіе и пруссаки держали себя съ обычнымъ мужествомъ и не было примѣровъ, чтобы кто нибудь изъ нихъ бросалъ оружіе передъ появлявшимися тамъ и сямъ кавалерійскими разъѣздами непріятеля. Наоборотъ, въ австрійскихъ колоннахъ господствовала полнѣйшая паника [2]. Окончательно деморализованные цесарскіе солдаты спѣшили сдаваться въ плѣнъ при первомъ же появленіи непріятельскаго всадника. Другіе австрійскіе ратники составляли ружья пирамидами, снимали свои башмаки и разбѣгались по окрестнымъ селеніямъ. Французы,

---

[1] „При выходѣ изъ [illegible], хотя слухи о близости непріятеля и тревожили насъ, [illegible] не случилось съ нами ничего непріятнаго, [illegible] что въ [illegible] мѣстѣ, [illegible] противъ Теплица и [illegible] наѣхать на французовъ, натурально, наѣхали на австрійскихъ солдатъ, которые съ ружьями и во всемъ вооруженіи лежали, растянувшись версты на двѣ по дорогѣ, и всѣ, какъ убитые, спали мертвымъ сномъ. Мы съ немалымъ трудомъ должны были объѣзжать ихъ сторонкой". Шишковъ, записки. Т. I, стр. 215.

[2] „Въ австрійской арміи нѣтъ ни духа, ни настоящаго повиновенія, говоритъ Н. Н. Муравьевъ, и потому войска сіи не могутъ быть надежными, хотя солдаты и храбры, но подъ предводительствомъ тѣхъ офицеровъ, которые ими начальствуютъ, лучшій солдатъ никогда не будетъ годиться. На переходахъ люди отстаютъ и уходятъ въ селенія по сторонамъ, гдѣ проживаютъ по времени похода, [illegible] такого [illegible] состоитъ въ [illegible] Marodé, и съ симъ отличіемъ онъ какъ будто имѣетъ право уклоняться отъ службы. Черезъ сіе самое случается то, что послѣ трехъ, четырехъ переходовъ не досчитываются половины полка. Безпорядки сіи [illegible] въ австрійскихъ войскахъ, когда имъ не даютъ покойно переночевать или отобѣдать. [illegible]". Русскій архивъ 1886 г. кн. I, стр. 11.

[illegible] пришлось, по словамъ того-же Муравьева, выдерживать, [illegible] „Австрійцы не выдерживали трудовъ и не прекращавшагося дождя, [illegible] оставили свои башмаки. Погода во все время сраженія подъ Дрезденомъ была ужасная, проливной дождь [illegible] ружья не стрѣляли, на малое разстояніе ничего не было [illegible] до того растворилась, что пѣхота [illegible] въ большихъ трудахъ, и на такомъ пути и подъ такимъ небомъ [illegible] Раненымъ не было никакого спасенія. [illegible] которыя мы испытывали въ 1812 г. [illegible] при отступленіи нашемъ изъ [illegible]. Потеря наша подъ Дрезденомъ была большая, но остатки наши отступили въ порядкѣ, а австрійцы [illegible] разбѣжались какъ офицеры, такъ и нижніе чины". Русскій архивъ", 1886, кн. I, стр. 19.

слѣдовавшіе небольшими отрядами за отступающими союзниками, собирали повсюду громадную добычу. Всѣ дороги были буквально загромождены брошенными повозками, провіантомъ, оружіемъ и всевозможными предметами. Спрашивается, какая участь постигла-бы всю армію Шварценберга въ томъ случаѣ, еслибы Наполеонъ остался при своихъ первоначальныхъ намѣреніяхъ, еслибы онъ преслѣдовалъ и тѣснилъ союзниковъ, хотя частью своихъ силъ. Никто не отважится отрицать, что императоръ французовъ легко могъ-бы уничтожить при такихъ условіяхъ главную армію своихъ враговъ.

Но несравненно важнѣе было другое обстоятельство. Неизбѣжная катастрофа все-же постигла-бы Богемскую армію, еслибы отрядъ Остермана исполнилъ предписаніе Барклая и предоставилъ-бы въ распоряженіе Вандамма дорогу на Петерсвальде и Ноллендорфъ. Вандаммъ достигъ бы въ такомъ случаѣ цѣлымъ днемъ ранѣе союзниковъ Теплицкой долины, загородилъ-бы своими войсками всѣ выходы изъ тѣхъ узкихъ горныхъ ущелій, по которымъ тянулись ихъ войска и приготовилъ имъ окончательную гибель. Настоящимъ орудіемъ Провидѣнія въ этотъ рѣшающій моментъ явился молодой герцогъ Евгеній Виртембергскій, герой и по сію пору не признанный еще въ потомствѣ. Графъ Остерманъ-Толстой и генералъ Ермоловъ, на долю которыхъ выпала потомъ такая громкая историческая слава, совершенно не сознавали всей великости предстоявшей имъ задачи. Занятые прежде всего заботами о цѣлости и невредимости гвардіи, они изъявили полную готовность подчиниться распоряженію Барклая и идти на Максенъ. Тщетно возставалъ герцогъ Евгеній противъ ихъ роковаго рѣшенія, тщетно указывалъ онъ на страшную опасность, грозящую не только союзной арміи, но и самимъ государямъ, въ томъ случаѣ, если Вандаммъ запретъ всѣ выходы въ Теплицкую долину. Остерманъ не хотѣлъ и слушать пылкаго герцога; онъ продолжалъ упорно стоять на своемъ мнѣніи даже тогда, когда всѣ остальные генералы, когда самъ Ермоловъ, убѣжденные доводами герцога, выражали готовность идти на Петерсвальде и Ноллендорфъ и силою пробиваться черезъ войска Ван-

дамма. „Я не хочу, и не могу вести гвардію на вѣрную гибель“, повторялъ онъ съ какою-то болѣзненною раздражительностію. „Въ такомъ случаѣ“, возразилъ ему наконецъ Евгеній, выведенный также изъ себя, „ступайте своею дорогою на Максенъ, а я съ моимъ вторымъ армейскимъ корпусомъ направлюсь на Петерсвальде и Ноллендорфъ“. Остерманъ не могъ сомнѣваться, что герцогъ исполнитъ свою угрозу; съ тяжелымъ сердцемъ далъ онъ свое согласіе на столь безумный, по его мнѣнію, планъ, но онъ потребовалъ [1]), чтобы Евгеній взялъ на себя одинъ всю отвѣтственность и чтобы императору Александру дано было знать, что гвардія идетъ на столь отчаянное предпріятіе, единственно по настоянію герцога Виртембергскаго.

А предпріятіе было дѣйствительно отчаянное! [2]) Дорога на Петерсвальде и Ноллендорфъ была уже занята войсками Вандамма и 12,000 русскихъ должны были силою пролагать себѣ путь черезъ 40,000 непріятелей. Въ теченіи всего 28 числа происходилъ самый ожесточенный бой на Пирнскомъ шоссе. Во всѣхъ узкихъ мѣстахъ дороги, окаймленныхъ горами или пропастями, французы встрѣчали войска Евгенія и Остермана сильнѣйшимъ ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ и неоднократно пытались заградить имъ путь. Но русскіе герои, отлично сознававшіе все значеніе своего движенія, побѣдоносно преодолѣвали всѣ преграды. Не теряя времени на перестрѣлку, они штыками выбивали непріятеля изъ про-

---

[1]) Не одинъ, впрочемъ, Остерманъ заявилъ это требованіе; къ нему присоединились и всѣ генералы первой гвардейской дивизіи: баронъ Розенъ, Потемкинъ, Храповицкій. По ихъ настоянію Вольцогенъ немедленно-же отправился къ императору Александру. См. Записки герцога Евгенія и Бернгарди.

[2]) Все наше дальнѣйшее изложеніе основано на свидѣтельствахъ самого герцога Евгенія и на изложеніи Бернгарди, дополнившаго показанія герцога другими источниками и провѣрившаго ихъ критически. См. „Мемуары Евгенія“, изданные Гельдорфомъ, Т. II, стр. 123 и слѣдующія; „Записки Гофмана“, адъютанта принца Евгенія, стр. 166 и слѣд. Бернгарди Т. III, стр. 192 и слѣдующія, см. также изслѣдованіе Астера: Die Kriegserreignisse zwischen Peterswalde, Koenigstein und Priestien im August 1813 und die Schlacht beb Kulm. Важнымъ пособіемъ является также сочиненіе Богдановича, который пользовался многими рукописными оффиціальными источниками, напр. журналомъ второго армейскаго корпуса.

ходовъ и устилая путь своими и вражескими трупами, достигли вечеромъ Петерсвальде.

Первая половина задачи была исполнена. Войска Вандамма были отброшены въ сторону, или остались позади, путь въ Богемію былъ свободенъ, но самое трудное дѣло было еще впереди. Вандаммъ, не обнаружившій въ теченіи всего 28 числа [1]) ни особенной распорядительности, ни даже отваги, пытался вознаградить свою ошибку на слѣдующій день. Съ ожесточеніемъ тѣснилъ онъ отступающихъ русскихъ и не давалъ имъ покоя ни минуты. Гвардейскіе полки, шедшіе впереди, мало страдали отъ непріятельскихъ атакъ, но за то войска Евгенія, тѣснимыя громадными непріятельскими массами, были нѣсколько разъ близки къ окончательной гибели; только невѣроятное присутствіе духа и хладнокровіе герцога, остававшагося постоянно въ цѣпи застрѣльщиковъ. только львиная храбрость его солдатъ предупреждали неминуемую гибель. Уже въ самомъ началѣ боя, непріятель атаковалъ своею конницею отступающую колонну Евгенія и, пользуясь густымъ туманомъ, обошелъ ее въ тоже время съ фланговъ. Бригада кн. Шаховскаго приведена была въ полное разстройство и бросилась въ страшномъ безпорядкѣ на идущую впереди бригаду Гельфрейха. Наступилъ ужасный моментъ, казалось, что паника готова была овладѣть всѣмъ отрядомъ Евгенія; но полки Гельфрейха, лично воодушевляемые герцогомъ, сомкнувшись въ карре, стойко отбили всѣ натиски французской кавалеріи, а рѣшительная атака, предпринятая въ эту минуту русскими кирасирами, дала возможность собраться вновь разбитымъ войскамъ кн. Шаховскаго. Отступая шагъ за шагомъ передъ напоромъ непріятеля, постоянно увеличивавшагося въ числѣ, герцогъ Евгеній достигъ, наконецъ, высотъ у Ноллендорфа, гдѣ истомленныя войска его подкрѣплены были наконецъ двумя полками гвардіи. Пользуясь этимъ подкрѣпленіемъ, Евгеній въ теченіе полутора часа отражалъ всѣ покушенія непріятеля и далъ тѣмъ воз-

---

[1]) 16-го августа ст. стиля.

можность гвардіи достигнуть окрестностей Кульма у самаго входа въ Теплицкую долину.

До сихъ поръ Остерманъ и Ермоловъ дѣйствовали, повидимому, въ согласіи съ герцогомъ, хотя и мѣшали ему то и дѣло своими распоряженіями; но теперь они какъ будто вдругъ вспомнили о своей первоначальной задачѣ, спасти во чтобы-то ни стало первую гвардейскую дивизію. Оставивъ въ Кульмѣ всего лишь четыре армейскихъ баталіона, они поспѣшно двинулись впередъ къ Будину на Эгерѣ, покидая герцога на произволъ судьбы. Спасая гвардію отъ дальнѣйшихъ встрѣчъ съ непріятелемъ, Ермоловъ счелъ, однако-же, нужнымъ извѣстить австрійскаго императора о предстоящемъ вторженіи непріятеля въ Богемію. Францъ, не считавшій себя никогда героемъ, и совершенно не понимавшій значенія происходившихъ передъ нимъ событій, спѣшилъ убраться какъ можно скорѣе въ Лаунъ; но къ счастью для союзниковъ въ Теплицѣ находился уже въ это время король прусскій, недоступный по самому своему характеру ни страху, ни эгоистическимъ разсчетамъ. Король, не отличавшійся въ другое время ни особенною находчивостью, ни рѣшительностью, мгновенно понялъ, что въ этотъ моментъ рѣшается участь всей кампаніи. Ему казалось, что само Провидѣніе привело его на это мѣсто и именно въ эту минуту. Тотчасъ же далъ онъ знать Остерману, что онъ долженъ остановить гвардію у Кульма и противостать всѣми силами дальнѣйшему движенію Вандамма. „Въ случаѣ вашего дальнѣйшаго отступленія, велѣлъ онъ передать графу, всей союзной арміи грозитъ неизбѣжная гибель. Не забывайте также, что императоръ Александръ находится еще въ горахъ, и что непріятель можетъ отрѣзать ему возвращеніе въ Богемію“. Вмѣстѣ съ тѣмъ король извѣщалъ русскихъ генераловъ, что онъ принялъ уже всѣ мѣры для оказанія имъ наискорѣйшей помощи, что онъ отправилъ уже съ этою цѣлью своихъ адъютантовъ на встрѣчу всѣмъ приближающимся союзнымъ колоннамъ.

Еще разъ должна была обнаружиться воочію передъ всѣми благопопечительность Божественнаго Промысла. Кто дру-

гой какъ не Самъ Господь, говорили уже тогда всѣ вѣрующіе люди, могъ привести именно въ этотъ моментъ короля прусскаго въ Теплицъ? Если-бы Остерманъ и Ермоловъ получили приказаніе держаться въ Кульмѣ отъ какого-нибудь другаго высокопоставленнаго лица, хотя-бы отъ самого императора австрійскаго, они, безъ всякаго сомнѣнія, не обратили-бы на него никакого вниманія. Ни Францъ, ни его Шварценбергъ не пользовались въ глазахъ русскихъ генераловъ ни малѣйшимъ авторитетомъ. Иное дѣло король прусскій, личный другъ императора Александра, природный воинъ отъ головы до ногъ. Его слова имѣли рѣшительное дѣйствіе. Тамъ, гдѣ приказаніе исходило отъ его имени, гдѣ дѣло шло о спасеніи самого императора Александра, тамъ должны были исчезнуть всѣ другія соображенія, тамъ необходимо было пожертвовать хотя-бы и всею гвардіею.

Позиція подъ Кульмомъ была уже оставлена; пришлось занимать теперь другую у селенія Пристена. Здѣсь расположили русскіе генералы свои геройскіе полки, здѣсь завязался безсмертный бой, долженствовавшій покрыть на вѣки неувядаемою славою герцога Евгенія и его сподвижниковъ. Лѣвое крыло небольшаго отряда опиралось на лѣсистую возвышенность у Еггенмюле; правое растянуто было по долинѣ до болотистаго Карбицкаго луга. Гвардейскіе егеря и два армейскихъ баталіона расположились на крайнемъ лѣвомъ флангѣ у Еггенмюле; всѣ остальные армейскіе баталіоны, числомъ 14, стали въ селеніи Пристенѣ и позади его; на лѣвомъ флангѣ расположилась конница; позади лѣваго крыла построены были въ видѣ резерва 10 гвардейскихъ баталіоновъ [1]). Въ десятомъ часу утра, когда началась уже перестрѣлка съ войсками Вандамма, на поле сраженія прибылъ король прусскій. Онъ привелъ съ собою австрійскій драгунскій полкъ эрцгерцога Іоанна, успѣвшій около этого време-

---

[1]) Число и составъ нашихъ войскъ въ дѣлѣ при Кульмѣ 17-го августа (29) были слѣдующія: во второмъ пѣхотномъ корпусѣ и отрядѣ Гельфрейха числилось 5,500 ч., въ первой гвардейской дивизіи 6,300 ч., въ кавалеріи 2,500 ч.; итого 14,700 ч. Богдановичъ, Т. IV, примѣч. 13, къ глав. XXIII, „Записки Евгенія“, Т. III, стр. 153.

ни выбраться изъ горъ. Драгуны расположились на нашемъ крайнемъ лѣвомъ флангѣ.

Положеніе русскихъ войскъ и безъ того уже крайне тяжелое, почти безнадежное, ухудшалось разногласіемъ, господствовавшимъ въ средѣ ихъ вождей. Антагонизмъ между Ермоловымъ и герцогомъ Виртембергскимъ не прекращался и въ эти роковыя минуты. Адъютантъ герцога, полковникъ Гофманъ, полагалъ, что мы должны воспользоваться нашею многочисленною артиллеріею и, что въ виду этого слѣдуетъ расположить войска 2-го армейскаго корпуса не въ селеніи Пристенѣ, а позади его, дабы они не маскировали огня нашихъ орудій. Ермоловъ усмотрѣлъ въ этомъ предложеніи явное намѣреніе подвергнуть съ самаго начала величайшей опасности полки первой гвардейской дивизіи и объявилъ, что войска второго армейскаго корпуса должны во чтобы-то ни стало держаться въ селеніи Пристенѣ. Гофманъ упорно стоялъ на своемъ мнѣніи; тогда Ермоловъ, внѣ себя отъ гнѣва, замѣтилъ ему: „Вы нѣмецъ! вы измѣнникъ! вамъ, все равно, что станется съ нашею гвардіею!“ Въ эту минуту къ спорющимъ подъѣхалъ герцогъ. Ермоловъ мгновенно измѣнилъ тонъ. „А, ваше высочество“, обратился онъ къ Евгенію, „васъ всегда можно встрѣтить въ передовой цѣпи!“ Узнавъ въ чемъ дѣло, Евгеній тотчасъ-же прекратилъ споръ. Онъ объявилъ, что войска его корпуса будутъ защищать Пристенъ, но что въ случаѣ отступленія, они отойдутъ не прямо назадъ, а въ стороны, дабы не помѣшать дѣйствію нашей артиллеріи [1]).

Между тѣмъ колонны Вандамма спускались, подобно грозовымъ тучамъ, съ Ноллендорфскихъ высотъ. Непріятельскій генералъ горѣлъ нетерпѣніемъ уничтожить, какъ можно скорѣе, нашъ слабый корпусъ. Онъ не хотѣлъ дожидаться прибытія главныхъ своихъ силъ, и едва только первая колонна, бригада принца Рейса, вышла изъ ущелья, какъ онъ тотчасъ же двинулъ ее въ атаку на наши позиціи. Ван-

---

[1]) Обо всей этой сценѣ мы получаемъ самыя подробныя извѣстія отъ Гофмана,—тогда какъ другіе источники или вовсе умалчиваютъ о ней, или говорятъ только вскользь. Дневникъ Евгенія (Гельдорфъ) содержитъ въ себѣ впрочемъ ясное, хотя и короткое извѣстіе о ней. Стр. 146.

даммъ не постарался, впрочемъ, изучить, какъ должно, условія мѣстности и расположеніе нашихъ войскъ. Вмѣсто того, чтобы направить атаку на нашъ лѣвый флангъ, [1]) стоявшій на совершенно ровной и открытой мѣстности, онъ обратилъ всѣ свои усилія на наше правое крыло, гдѣ уже самыя мѣстныя условія благопріятствовали защитѣ. Наступленіе бригады Рейса отражено было лейбъ-егерями и подоспѣвшимъ къ нимъ на помощь Семеновскимъ полкомъ; французы отброшены были въ безпорядкѣ къ Кульму, половина людей ихъ и самъ начальникъ бригады остались на мѣстѣ. Эта первая неудача непріятеля сильно подняла духъ нашихъ войскъ и крайне раздражила Вандамма. Упорство французскаго генерала не знало предѣловъ. Во чтобы то ни стало, хотѣлъ онъ сбить наше правое крыло, чтобы занять, какъ можно скорѣе, всѣ выходы изъ горъ, лежавшіе вправо отъ него. Немедленно двинулъ она впередъ сначала девять баталіоновъ дивизіи генерала Мутона-Дюверне, а потомъ 14 баталіоновъ генерала Филипона. Французы выдвинули также кавалерію Корбино и многочисленную артиллерію. Селенія Страденъ и Пристенъ засыпаны были градомъ непріятельскихъ снарядовъ и зажжены на всѣхъ концахъ. Громадное превосходство силъ было на сторонѣ Вандамма, но войска наши, воодушевляемыя герцогомъ, встрѣтили натискъ французовъ съ неслыханною стойкостью. Всѣ первыя атаки непріятеля были отбиты дивизіею Гельфрейха, поддержанною Тобольскимъ и Черниговскимъ полками; когда же французы, удвоившись и утроившись въ числѣ, успѣли, наконецъ, занять пылающія развалины Страдена и Пристена, то на помощь нашимъ изнемогающимъ воинамъ по-

---

[1]) Н. М. Муравьевъ говоритъ: „На правомъ флангѣ нашемъ вовсе не было войскъ за исключеніемъ одного австрійскаго эскадрона. Съ этой стороны растилалась обширная равнина и прикрывала насъ незначительная рѣчка; у французовъ показывалось съ этой стороны нѣсколько конницы. Непонятно, зачѣмъ не послали они ее намъ во флангъ. И пѣхота ихъ легко могла-бы предупредить насъ симъ путемъ въ Теплицѣ, отрѣзать или истребить, но кажется, что Вандаммъ презрѣлъ малымъ числомъ нашихъ, ибо онъ постоянно оставался въ горахъ и пускалъ войско въ бой только малыми частями“. Записки Муравьева, „Русскій архивъ“ 1886 г. кн. I, стр. 24.

[illegible] Семеновскій полкъ. Завязалась отчаянная свалка. Семеновцы [illegible] какъ львы. Они работали штыками и прикладами. Не давали и не принимали пощады: [illegible] войска втораго корпуса [illegible] перемѣшали съ ними въ [illegible]. Два французскихъ баталіона, окруженные [illegible], [illegible] перейти [illegible]. Ожесточеніе сражающихся [illegible] съ минуты на минуту. [illegible] непріятель, получавшій [illegible] и [illegible] подкрѣпленія, видимо начиналъ брать верхъ. Уже [illegible] Семеновцевъ выбыло изъ строя, [illegible] были взяты непріятельскою [illegible]. [illegible] Ермоловъ, [illegible] на [illegible] требованіямъ [illegible], двинулъ въ атаку два баталіона Преображенскаго полка. Никто изъ самыхъ [illegible] людей не видалъ [illegible]. Преображенцы шли въ бой какъ будто на парадъ. [illegible] не [illegible] [illegible], не обращая вниманія на непріятельскіе [illegible]. [illegible] ихъ [illegible]. Они подвигались впередъ [illegible]. На лицѣ каждаго [illegible] желаніе [illegible] какъ можно скорѣе [illegible] французовъ [1]. Никто не могъ противустать ихъ [illegible] натиску. [illegible] ударомъ опрокинули [illegible] французскую пѣхоту и отбили потерянныя орудія. [illegible] пускали въ [illegible]. Преображенцы, потерявшіе [illegible] одного [illegible] второго корпуса, растрѣлявшіе свои [illegible] штыки и прикладами, принуждены были [illegible] назадъ. [illegible] и Пре-

[illegible] Н. Н. Муравьевъ, [illegible] участвовавшій въ [illegible] [illegible] войскамъ, [illegible] Ермолова [illegible] въ [illegible] замѣчаетъ, что [illegible] въ [illegible] глазахъ [illegible] [illegible]

[1] [illegible] Н. Н. Муравьевъ атаку Се[illegible]

стенъ были вновь взяты непріятелемъ, вся французская линія неудержимо подвигалась впередъ. Настала последняя отчаянная минута. О подкрѣпленіяхъ не было и слышно. Приходилось пустить въ дѣло послѣдніе резервы, два баталіона Измайловскаго и одинъ баталіонъ Преображенскаго полка. Ермоловъ, торговавшійся до сихъ поръ съ герцогомъ за каждый баталіонъ и каждую роту, понялъ, что теперь настало время ставить на карту послѣдняго солдата. Передъ атакою, онъ напомнилъ гвардейцамъ, что теперь все зависитъ отъ ихъ храбрости и самоотверженія, что вся наша армія находится еще въ горахъ, что при ней самъ государь. „Но", замѣчаетъ Ермоловъ, „мнѣ не было надобности поощрять солдатъ; столько неустрашимы были служащіе имъ примѣромъ ихъ начальники; столько каждый горѣлъ усердіемъ".

И дѣйствительно, героизмъ нашихъ войскъ достигъ въ эту минуту до своего апогея. Послѣдній солдатъ проникнутъ былъ сознаніемъ предстоящаго ему подвига. Всѣ рвались въ бой. Музыканты, барабанщики, писаря просили ружей. Какъ снѣжная лавина обрушились Измайловцы на непріятеля. Они устлали все поле сраженія вражескими трупами и еще разъ отбросили войска Вандамма къ самому подножію горъ. Но это героическое усиліе истощило наши послѣднія силы. Двѣ трети Измайловцевъ, въ томъ числѣ генералъ Храповицкій, полковникъ Мартыновъ и почти всѣ офицеры, были убиты или ранены; изъ всѣхъ нашихъ войскъ, собранныхъ подъ Кульмомъ, оставались не тронутыми только двѣ роты, а между тѣмъ съ высотъ Ноллендорфа спускались все новыя и новыя колонны непріятеля. Солнце стояло еще довольно высоко и съ нашихъ позицій было видно ясно, что Вандаммъ готовитъ новую отчаянную атаку. Кто могъ противостать ей? Исчезала послѣдняя надежда, какъ вдругъ послышались звуки трубъ, въ лѣсномъ ущельи, вправо отъ нашихъ позицій, заблистали ярко на солнцѣ мѣдныя каски кирасировъ [1]). Подобно молніи разне-

---

[1]) Н. М. Муравьевъ, записки, стр. 24.

слась радостная вѣсть по всему полю битвы. Искра надежды засвѣтилась въ сердцѣ послѣдняго солдата; она не обманула на этотъ разъ! Наша гвардейская кавалерія спѣшила на помощь своимъ изнывающимъ товарищамъ.

Въ теченіе 28 числа (16) массы союзныхъ войскъ достигли окрестностей Альтенберга, при чемъ австрійцы, направлявшіеся на Дуксъ, нѣсколько опередили русскихъ и пруссаковъ, шедшихъ на Гейерсбергъ. Императоръ Александръ со всею своею свитою провелъ ночь въ Альтенбергѣ и утромъ 29 (17) августа выѣхалъ по узкой горной дорогѣ на Дуксъ. Дождь, непрерывно лившій всѣ эти дни, пересталъ ночью; густые туманы, окутывавшіе всѣ горныя ущелья, разсѣялись уже къ десяти часамъ утра и солнце явилось во всемъ своемъ блескѣ. Восхитительная горная панорама раскинулась передъ глазами государя. Со всѣхъ сторонъ возвышались гигантскія скалы Рудныхъ горъ, изрѣзанныя темнозелеными, подернутыми прозрачною синевою, ущельями. Впереди открывалась Теплицкая котловина съ своими лѣсами, селеніями, церквами, закрытая еще кое-гдѣ бѣловатыми полосами туманнаго покрова. Вокругъ царила невозмутимая тишина. Ничто не обличало, повидимому, близости большихъ массъ войскъ, а тѣмъ менѣе сраженія, въ которомъ рѣшалась вся участь кампаніи. Молча подвигались впередъ государь и генералы его свиты, погруженные въ свои думы, какъ вдругъ влѣво отъ дороги, въ глубинѣ долины показались густые клубы бѣлаго дыма. Никто не обратилъ на нихъ особаго вниманія. Это дымъ отъ бивуачныхъ огней мелькнуло въ головѣ государя. Кавалькада подвигалась впередъ, но съ каждымъ поворотомъ горной дороги дымки становились все гуще и явственнѣе и вскорѣ заволокли все дно долины. Еще нѣсколько минутъ напряженнаго вниманія и до слуха государя началъ явственно доноситься гулъ отдаленной перестрѣлки. Тяжелое предчувствіе закралось въ сердце Александра. Онъ пришпорилъ коня, повернулъ на лѣво къ Краупену и, подвигаясь быстро впередъ по направленію выстрѣловъ, въѣхалъ на высокій холмъ, откуда открывался видъ на всю Теплицкую

долину. Послѣднія сомнѣнія разсѣялись. Случилось именно то, чего такъ опасались въ самомъ началѣ, но противъ чего не приняли въ свое время рѣшительныхъ мѣръ. Непріятель предупредилъ союзниковъ, онъ достигъ ранѣе ихъ выходовъ въ Теплицкую долину, онъ тѣснилъ превосходными силами корпусъ Остермана. Государь понялъ, что въ этотъ моментъ рѣшается участь всей кампаніи, что тутъ нельзя терять ни одной минуты времени, что необходимо поддержать слабый русскій корпусъ, какъ можно скорѣе и во чтобы то ни стало. Александръ зналъ, что изъ русскихъ и прусскихъ войскъ находится вблизи только одна конница и немедленно отправилъ на встрѣчу ей своихъ адъютантовъ съ приказаніемъ спѣшить, какъ можно скорѣе въ Теплицу. Но этого было мало. Одна конница не могла дать иной поворотъ дѣлу, особенно въ этой гористой, пересѣченной мѣстности. Необходима была пѣхота, а такъ какъ вблизи находилась только одна австрійская пѣхотная колонна, подъ начальствомъ графа Коллоредо, то государь, переговоривши на-скоро съ своими приближенными, послалъ на встрѣчу Коллоредо генерала Жомини [1]) съ порученіемъ побудить австрійскаго военноначальника измѣнить свое направленіе и поспѣшить къ Теплицу на помощь сражающемуся русскому отряду. Отдавъ эти приказанія, императоръ поспѣшилъ самъ въ Дуксъ, разсчитывая найти тамъ князя Шварценберга и условиться съ нимъ на счетъ дальнѣйшаго хода дѣлъ.

Въ Дуксѣ Александра ожидали крайне непріятныя случайности. Австрійскаго главнокомандующаго не было уже въ мѣстечкѣ, вмѣсто его, государь встрѣтилъ графа Меттерниха, совершенно потрясеннаго послѣдними несчастными событіями. Уже изъ первыхъ словъ австрійскаго канцлера, Александръ замѣтилъ, что Меттернихъ проклиналъ въ душѣ свои опрометчивые шаги въ Дрезденѣ и Прагѣ, что онъ думалъ лишь объ одномъ, какъ бы отдѣлаться по скорѣе отъ русскихъ и пруссаковъ и снискать милость и прощеніе

---

[1]) См. Le comte, Le general Jomini, sa vie et ses (oeuvres) ecrits, стр 190.

у всемогущаго Наполеона [1]). Среди разговора съ Меттернихомъ прибылъ генералъ Жомини и донесъ, что графъ Коллоредо рѣшительно отказывается исполнить желаніе русскаго государя. На всѣ просьбы и увѣщанія Жомини австрійскій генералъ отвѣчалъ одними и тѣми же словами: „Мнѣ предписано идти на Дуксъ, а не на Теплицъ; безъ особаго распоряженія князя Шварценберга я не могу уклониться отъ назначеннаго мнѣ направленія".

Поступокъ австрійскаго генерала вывелъ Александра изъ себя. Рѣшительнымъ, почти рѣзкимъ тономъ потребовалъ онъ, чтобы Меттернихъ немедленно приказалъ графу Коллоредо поворотить на Теплицъ. Канцлеръ колебался и пытался дать уклончивый отвѣтъ, но Александръ упорно стоялъ на своемъ требованіи и Меттернихъ рѣшился, наконецъ, отправить записку къ Коллоредо [2]). Записка произвела магическое дѣйствіе. Коллоредо немедленно двинулся съ двумя дивизіями пѣхоты и бригадою конницы къ Теплицу; но было уже поздно и его войска, истомленныя походомъ, не въ состояніи были достигнуть поля сраженія въ этотъ день.

Между тѣмъ императоръ Александръ поспѣшилъ самъ къ

---

[1]) Тайныя сношенія Австріи съ Наполеономъ не прекращались и по окончаніи перемирія. Уже 18 августа Наполеонъ обратился черезъ посредство министра своего Маре съ чрезвычайно интереснымъ посланіемъ къ Меттерниху. Порицая очень рѣзко предшествующее поведеніе Вѣнскаго кабинета, онъ предлагаетъ вслѣдъ за тѣмъ избрать какое нибудь мѣсто на австрійской границѣ, объявить его нейтральнымъ, собрать тамъ конгрессъ и начать мирные переговоры, не прекращая военныхъ дѣйствій. Меттернихъ отвѣчалъ отъ 21 августа, что его императоръ усматриваетъ въ этомъ предложеніи лучъ надежды, но что онъ долженъ сначала заручиться согласіемъ своихъ союзниковъ. Совершенно иначе заговорилъ Меттернихъ послѣ Дрезденскаго сраженія. Немедленно увѣдомилъ онъ Маре, что императоръ Францъ готовъ объявить Прагу нейтральнымъ пунктомъ и вступить въ мирные переговоры. Меттернихъ и его императоръ нашли на этотъ разъ возможнымъ вступить въ переговоры съ Наполеономъ, даже не увѣдомляя объ этомъ своихъ союзниковъ. Однимъ словомъ Австрія готова была измѣнить коалиціи. См. Бернгарди, Т. III, стр. 206 и слѣдующія.

[2]) Жомини съ своей стороны доказалъ Меттерниху, что если не удастся оттѣснить Вандамма, то половина союзной арміи, находящаяся еще въ горахъ, погибнетъ и самое отступленіе за Эгеръ сдѣлается невозможнымъ. См. Lecomte, стр. 190.

Пристену и, приближаясь къ мѣсту боя, напалъ на счастливую мысль направить въ тылъ Вандамму прусскій корпусъ генерала Клейста, находившійся въ это время въ горахъ въ окрестностяхъ Фюрстенвальде, всего лишь въ нѣсколькихъ часахъ отъ Ноллендорфа. Такая-же точно мысль пришла еще ранѣе въ голову королю прусскому, и еще утромъ, Фридрихъ-Вильгельмъ отправилъ къ Клейсту своего ординарца, графа Швейница съ приказаніемъ поспѣшить, какъ можно скорѣе, черезъ Гейерсбергъ въ Теплицкую долину и поддержать изнемогающія въ неравномъ бою войска Остермана [1]). Едва только исполнилъ Швейницъ свое порученіе, какъ къ генералу Клейсту явился посланецъ императора Александра, полковникъ Ф. Шелеръ и объявилъ, что русскій императоръ настойчиво требуетъ, чтобы прусскій корпусъ перешелъ на Пирнское шоссе и попытался зайти черезъ Ноллендорфъ въ тылъ Вандамму [2]). Генералъ Клейстъ не колебался ни минуты своимъ рѣшеніемъ. Обстоятельства сложились для него такимъ образомъ, что ему не оставалось въ сущности иного выбора какъ идти на Ноллендорфъ, такъ какъ всѣ остальные горные проходы были совершенно заперты отступающими обозами союзной арміи. Замѣчательно, что Клейстъ и начальникъ его штаба, генералъ Грольманъ, пришли къ рѣшенію идти на Ноллендорфъ, независимо отъ приказаній союзныхъ государей. Спустя много времени Клейстъ выражался такимъ образомъ, вспоминая о своемъ тогдашнемъ рѣшеніи: „Это сдѣлалъ Самъ Богъ; я съ моимъ корпусомъ былъ лишь орудіемъ Его всемогущей руки. Что мы пришли во время къ Кульму—это зависѣло не отъ условій и плановъ, а единственно отъ счастливаго случая. Мы хотѣли идти черезъ Богемію въ Силезію и вовсе не знали, что происходило вблизи отъ насъ. Не наша предусмотрительность, а милосердое

---

[1]) Бернгарди, Т. III, стр. 223.

[2]) Вольцогенъ въ своихъ мемуарахъ, стр. 200, ошибочно утверждаетъ, что Шелеръ былъ посланъ—Фридрихомъ Вильгельмомъ. Ошибка эта могла возникнуть потому, что по другимъ извѣстіямъ, императоръ Александръ послалъ Шелера посовѣтоваться предварительно съ королемъ прусскимъ. См. Бернгарди Т. III, стр. 229.

соизволеніе Неба привело насъ во время къ Кульму и дало намъ возможность содѣйствовать побѣдѣ" [1].

Грозныя тучи собирались надъ головою Вандамма, но онѣ могли разразиться не ранѣе, какъ на слѣдующій день, а между тѣмъ французскій генералъ имѣлъ полную возможность уничтожить стоявшаго передъ нимъ противника еще вечеромъ 29 (17) числа. Вандаммъ не расположенъ былъ, повидимому, терять времени. Замѣчая, что непріятель употребилъ уже въ дѣло послѣдніе свои резервы, онъ рѣшился на новое отчаянное усиліе. Густыя колонны французской пѣхоты вновь двинулись на Пристенъ и, несмотря на яростное сопротивленіе русскихъ, въ третій разъ завладѣли селеніемъ. Утвердившись на развалинахъ Пристена, французскіе солдаты, одушевляемые самимъ Вандаммомъ, бросились на русскую артиллерію, расположенную позади селенія. Встрѣченные градомъ картечи, они шли упорно впередъ и были уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашихъ орудій, какъ вдругъ случилось нѣчто совершенно неожиданное. Огромныя массы конницы, неизвѣстно откуда взявшіяся, внезапно обрушились на нихъ. Громовое русское ура, топотъ тысячей несущихся коней заглушили неумолкавшій до тѣхъ поръ гулъ ружейной и пушечной пальбы. То была атака прибывшей на мѣсто боя русской кавалеріи. Съ одной стороны ударили на французовъ гвардейскіе кирасиры и драгуны, подъ начальствомъ генерала Дибича [2], съ другой уланы подъ предводительствомъ

---

[1] Это было въ 1817 году, во время освященія памятника, поставленнаго королемъ прусскимъ на мѣстѣ Кульмскаго боя. Слова Клейста были сказаны въ присутствіи епископа Ейлерта. Вотъ ихъ подлинный текстъ. Das hat Gott getuan; mit mein·m Korps war ich das Werkzeug seiner segnenden Hand. Keineswegs war es Verabredung und Plan, sondern ein glüklicher Zufall, dass wir hierher kamen. Vielmehr wollten wir durch Böhmen nach Schlesien und wüssten nicht was vorging. Dass wir zur rechten Zeit und Stünde kamen und etwas zum Siege beitrügen, war eine gnädige Schiküng des Himmels, aber nicht unsere Weisheit. Eylert, Charakterzüge T. II, 347.

[2] Н. М. Муравьевъ разсказываетъ объ атакѣ Дибича: „между тѣмъ пріѣхалъ генералъ Дибичъ, бывшій генералъ-квартирмейстеромъ при Барклаѣ. Увидя тѣсное положеніе наше, онъ поскакалъ къ л-гв. драгунскому полку и велѣлъ ему за собою слѣдовать; но драгуны не знали его въ лице и никто съ мѣста не тронулся, пока онъ не показалъ своей звѣзды. Одинъ драгунъ по-

принца Карла Гессенскаго. Ошеломленные внезапнымъ появленіемъ конницы, французы не успѣли построиться въ карре. Въ дикомъ безпорядкѣ бросились они назадъ къ Пристену. Цѣлые баталіоны были истоптаны и изрублены. Все поле покрылось трупами. Пятьсотъ человѣкъ было взято въ плѣнъ. Солнце заходило и къ полю битвы подходили все новыя и новыя союзныя войска. Сначала явилась русская вторая кирасирская дивизія и австрійскіе драгуны; затѣмъ прибыли первая гренадерская и вторая гренадерская дивизіи, а также отрѣзанные наканунѣ французами полки второго армейскаго корпуса. Но и Вандаммъ получилъ также сильныя подкрѣпленія. Его самоувѣренность не была еще поколеблена. Убѣжденный, что за нимъ слѣдуетъ вся французская армія, онъ прекратилъ атаки въ седьмомъ часу вечера съ твердымъ намѣреніемъ возобновить ихъ на слѣдующее утро.

Наступила темная ночь и на полѣ битвы собрались императоръ Александръ, король прусскій, князь Шварценбергъ, генералы Барклай, Милорадовичъ, Толь, Жомини и Дибичъ. Всѣ они выражали свое изумленіе и радость по поводу геройской стойкости русской гвардіи; всѣ сознавали, что эта стойкость спасла союзную армію отъ окончательной катастрофы, но ни одинъ изъ союзныхъ вождей не высказывалъ въ этотъ моментъ твердой надежды на побѣдоносный исходъ предстоящаго на другой день боя. Общее настроеніе было въ высшей степени тревожное. Никто не зналъ, что Наполеонъ остался со всею массою своихъ войскъ въ Саксоніи. Всѣ были твердо увѣрены, что французы массами идутъ въ Богемію вслѣдъ за отступающими союзниками, что корпусъ Вандамма составляетъ только авангардъ ихъ арміи. Мысль,

---

скакалъ за нимъ, потомъ другой, третій, и наконецъ весь полкъ пустился въ атаку въ безпорядкѣ. Ермоловъ, увидя сію атаку, которая сдѣлалась безъ его приказанія (?), послалъ брата моего Александра остановить драгунъ; но было уже поздно: драгуны опрокинули часть непріятельской пѣхоты, а другую загнали въ болото. Нѣкоторые изъ драгунъ завязли въ болотѣ, другіе-же заскакали французамъ въ тылъ за селеніе Даленъ, вскакали въ селеніе и выгнали къ намъ на чистое поле стрѣлковъ, которые, увидя, что ихъ готовились встрѣтить, остановились. Драгуны порубили ихъ и присоединились къ намъ уже спереди". Записки, стр. 25.

[illegible] армія. [illegible] въ [illegible]. [illegible] Шварценбергъ и его [illegible] Дрезденомъ [illegible] и [illegible] Вандамма въ Теплицъ [illegible]. [illegible] Чтобы предотвратить [illegible] Шварценбергъ [illegible]. [illegible] 100,000 французовъ Макдональдъ [illegible] могли имѣть самымъ [illegible].

[illegible] этихъ колебаній, князь Шварценбергъ [illegible] былъ [illegible] изъ виду самое ближайшее и существенное. Онъ не [illegible] даже [illegible] вопроса: слѣдуетъ ли удерживать позицію подъ Кульмомъ, или отвести войска назадъ на [illegible]. Вопросъ этотъ былъ рѣшенъ вмѣстѣ императоромъ Александромъ и королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ, безъ всякаго участія князя Шварценберга. Австрійскій фельдмаршалъ [illegible] на этотъ разъ безусловно волѣ союзныхъ монарховъ и предоставилъ въ ихъ распоряженіе всѣ находившіяся вблизи австрійскія войска. Александръ и Фридрихъ-Вильгельмъ, посовѣтовавшись съ генералами Барклаемъ, Толемъ и Дибичемъ, рѣшили не только защищать позицію подъ Приденомъ, но и атаковать на слѣдующее утро Вандамма всѣми силами. Тотчасъ же посланы были

Шварценбергъ отправилъ своего адъютанта графа Лихтенштейна къ Блю[illegible] [illegible] Militärisches Wochenblatt 1844, стр. 2?—2?.

приказанія генералу Клейсту поспѣшить своимъ движеніемъ къ Ноллендорфу, а всѣ войска, сосредоточенныя подъ Пристеномъ, подчинены были командѣ Барклая. Генералъ Толь, ознакомившись съ мѣстными условіями, составилъ диспозицію къ атакѣ. Онъ предполагалъ ограничиваться на лѣвомъ крылѣ и въ центрѣ обороною, но обойти въ тоже время непріятеля на правомъ крылѣ и подать руку приближающемуся Клейсту. Союзныя войска, состоявшія въ этотъ день изъ 40,000 человѣкъ, расположены были слѣдующимъ образомъ. На лѣвомъ крылѣ стояли русскіе гренадеры и армейская бригада Пюшницкаго, сзади ихъ расположились четыре баталіона австрійцевъ и третья русская кирасирская дивизія. Въ центрѣ соединены были подъ начальствомъ Милорадовича остатки корпуса принца Евгенія, легкая гвардейская кавалерія, гусарскій Лубенскій полкъ, 1 и 2-я кирасирскія дивизіи. На правомъ крылѣ, кромѣ нѣсколькихъ полковъ русской и австрійской кавалеріи, стали двадцать баталіоновъ австрійцевъ подъ начальствомъ графа Коллоредо.

Настало утро 30-го августа и солнце поднялось во всемъ своемъ блескѣ. Союзники предполагали начать атаку въ 8 часовъ утра, но Вандаммъ, совершенно не сознававшій опасности своего положенія, предупредилъ ихъ. Уже въ 7 часовъ французскія батареи открыли огонь по всей линіи и густыя массы непріятельской пѣхоты устремились вслѣдъ затѣмъ на наше правое крыло. Неоднократно бросались французы на селенія Страденъ и Пристенъ, но встрѣчаемые сильнѣйшимъ огнемъ нашихъ орудій и гренадеровъ, каждый разъ принуждены были отступать назадъ съ большими потерями. Между тѣмъ наше лѣвое крыло, руководимое Толемъ, въ свою очередь перешло въ наступленіе. Два баталіона дивизіи Коллоредо заняли почти безъ сопротивленія деревню Карбицъ, а союзная кавалерія атаковала съ успѣхомъ непріятельскую батарею, расположенную на Ваплингской высотѣ и захватила нѣсколько орудій. Вслѣдъ за тѣмъ двинулась впередъ вся дивизія Коллоредо. Послѣ упорнаго боя австрійцы завладѣли Стризовицкими высотами, расположили на нихъ свою артиллерію и подвинулись къ самому

[illegible] Клейст. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] французовъ [1].

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] въ Вандаммѣ [illegible] у Ноллендорфа [illegible] Императоръ Александръ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Клейста [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Клейстъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Императоръ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

Появленіе какихъ то войскъ у Ноллендорфа замѣчено было также непріятелемъ, но на его сторонѣ никто не сомнѣвался, что то были давно ожидаемыя главныя силы французовъ. Самъ Вандаммъ находился нѣсколько минутъ въ полнѣйшемъ заблужденіи и разослалъ на всѣ стороны гонцевъ съ изображаемою радостною вѣстью. Подобно электрической искрѣ пронеслась по всей французской линіи вѣсть, что на поле битвы прибылъ самъ императоръ съ главною массою своей арміи. Энтузіазмъ охватилъ мгновенно солдатъ Вандамма. Поле битвы огласилось радостными восклицаніями и громкими звуками трубъ и барабановъ. Вся французская

---

[1] Объ атакѣ [illegible] см. въ особенности записки Толя у Бернгарди, Т. III, стр. 244 и слѣдующія.

линія двинулась впередъ и стремительно ударила на наши войска. Въ этотъ моментъ съ высотъ Ноллендорфа раздались пушечные выстрѣлы и нѣсколько ядеръ легли въ самую середину наступающихъ французскихъ колоннъ. Еще минута и послѣднія сомнѣнія разсѣялись. Невѣдомое войско оказалось прусскимъ корпусомъ Клейста. Уже пруссаки расположили свои орудія поперекъ Пирнскаго шоссе и начали громить отсюда французовъ, уже густыя колонны ихъ пѣхоты двинулись на деревню Арбезанъ въ самомъ тылу непріятельскихъ позицій, когда Вандаммъ понялъ, наконецъ, свою роковую ошибку.

Никогда еще ни одинъ полководецъ ни испытывалъ такой ужасной и внезапной перемѣны счастія, никогда еще переходъ отъ полнѣйшей самоувѣренности къ безвыходному отчаянію не былъ такъ рѣзокъ и стремителенъ какъ здѣсь. Вандаммъ, не обнаружившій за послѣдніе дни ни особенной осмотрительности, ни находчивости, выказалъ въ эту послѣднюю минуту необычайную твердость и присутствіе духа. Онъ съ разу понялъ всю великость опасности, всю неизбѣжность пораженія и моментально принялъ всѣ мѣры, чтобы спасти отъ истребленія хотя часть своего корпуса. Онъ двинулъ часть своихъ баталіоновъ на Арбезанъ съ приказаніемъ до послѣдней крайности держаться въ этой деревнѣ противъ пруссаковъ. Всю свою артиллерію онъ выдвинулъ впередъ и предписалъ ей задерживать сильнѣйшимъ огнемъ наступленіе русскихъ и австрійцевъ. Канониры должны были оставаться при орудіяхъ до тѣхъ поръ, пока будутъ разстрѣляны послѣдніе снаряды и пожертвовать собою для спасенія остальной арміи. Самъ Вандаммъ со всею своею конницею и 20 баталіонами пѣхоты рѣшился стремительно броситься на пруссаковъ и силою проложить себѣ путь черезъ ихъ массы. Отчаянное предпріятіе французскаго вождя едва не увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. Французская кавалерія ударила на пруссаковъ такъ внезапно и съ такою яростью, что прусскіе баталіоны, совершенно не ожидавшіе подобнаго натиска, были съ разу приведены въ полное разстройство. Тщетно пытались Клейстъ и другіе прусскіе генералы возстановить порядокъ въ своихъ потрясенныхъ войскахъ. Тщетно принцъ

Августъ прусскій, соскочивъ съ коня и взявъ въ руки знамя второго Силезскаго полка, пытался ободрить солдатъ и вести ихъ на встрѣчу непріятелю. Нѣсколько сотъ человѣкъ бросились вслѣдъ за нимъ, но французская кавалерія неслась впередъ какъ бѣшенная, опрокидывала одинъ за другимъ прусскіе баталіоны, наскакала на прусскую артиллерію и изрубила канонировъ. Непріятельская пѣхота спѣшила воспользоваться открытымъ для нея путемъ. Бѣглымъ шагомъ подвигалась она къ Ноллендорфу, перестрѣливаясь съ отступающими пруссаками. Самъ Вандаммъ находился при ней. Спасеніе было уже, повидимому, близко, когда въ тылу французовъ явились новые враги.

Едва только замѣтилъ Барклай появленіе пруссаковъ у Ноллендорфа, какъ тотчасъ же отдалъ приказъ всѣмъ войскамъ своимъ двинуться впередъ. Союзная кавалерія стремительно бросилась на непріятельскія орудія и завладѣла ими послѣ отчаяннаго сопротивленія. Немногіе баталіоны, оставленные Вандаммомъ у Кульма, атакованные превосходными силами, были частью истреблены, частью принуждены положить оружіе. Вся масса союзныхъ войскъ быстро подвигалась впередъ и вскорѣ настигла бѣгущаго непріятеля. Французы атакованы были теперь со всѣхъ сторонъ. Русскіе и австрійцы напирали на нихъ съ тылу, пруссаки, оправившіеся отъ своего смятенія и подкрѣпленные вновь прибывшими войсками, тѣснили ихъ спереди и съ фланговъ. Ужасъ и отчаяніе овладѣли солдатами Вандамма. Паническій крикъ: „спасайсь, кто можетъ", раздался въ ихъ рядахъ. Но уже отрѣзаны были всѣ пути къ спасенію. Лишь одна французская кавалерія, успѣвшая заскакать далеко впередъ, спаслась отъ гибели и пробралась горными тропинками въ Саксонію. Толпы пѣшихъ французскихъ солдатъ старались укрыться въ лѣсахъ, но преслѣдуемые по пятамъ не одними союзниками, но и вооруженными крестьянами, принуждены были вскорѣ сдаться въ плѣнъ. На полѣ битвы господствовалъ страшный хаосъ. Повсюду происходили самыя потрясающія сцены. Тамъ нѣсколько французскихъ баталіоновъ пытались построиться въ карре, но были

сбиты и опрокинуты своею собственною бѣгущею артиллеріею; тамъ совершенно деморализованные непріятельскіе солдаты грабили свой собственный обозъ и багажъ офицеровъ, тутъ казаки и уланы гнали передъ собою цѣлыя тысячи плѣнныхъ. Никто не въ состояніи былъ разобраться среди дикаго безпорядка. Многіе, особенно на сторонѣ пруссаковъ, не знали на чьей сторонѣ была побѣда. Самъ Клейстъ считалъ одно время весь свой корпусъ совершенно уничтоженнымъ и ожидалъ, что французы могутъ захватить его самого въ плѣнъ [1]).

Но скоро положеніе дѣлъ уяснилось. Огонь прекратился повсемѣстно, густыя облака дыма разсѣялись и громадное поле битвы предстало въ совершенно иномъ видѣ. Силы непріятеля, недавно еще столь грозныя и стройныя, исчезли съ лица земли. Повсюду валялись груды человѣческихъ и лошадиныхъ труповъ. Вся земля была усѣяна брошеннымъ оружіемъ, покинутыми орудіями, зарядными ящиками, фурами, обломками и остатками всевозможныхъ предметовъ. Въ различныхъ направленіяхъ стояли и двигались колонны союзныхъ войскъ. Отовсюду вели громадныя толпы плѣнныхъ. Въ ихъ числѣ находились почти всѣ непріятельскіе начальники. Генералъ Кіо со многими офицерами сдался въ плѣнъ пруссакамъ у Арбезана. Начальникъ штаба перваго корпуса, генералъ Гаксо, пытался спрятаться съ нѣсколькими офицерами въ лѣсу, но узнавъ, что вблизи находится генералъ Милорадовичъ, поспѣшилъ отдаться въ его руки. По словамъ очевидца [2]), онъ вышелъ изъ лѣсу и въ виду собственныхъ солдатъ упалъ на колѣни передъ русскимъ генераломъ. Несравненно достойнѣе держалъ себя свирѣпый и угрюмый Вандаммъ. Онъ пытался сначала спастись бѣгствомъ, но былъ вскорѣ настигнутъ и взятъ въ плѣнъ русскими егерями. Егеря думали доставить свою

---

[1]) О послѣднемъ днѣ Кульмскаго сраженія кромѣ цитированныхъ уже сочиненій Бернгарди и Богдановича, записокъ герцога Евгенія, Гельдорфа, Гофмана, Муравьева, см. еще сочиненія Астера, Тьера, Т. XVI, Водонкура и другихъ.

[2]) „Милорадовичъ", замѣчаетъ Н. М. Муравьевъ, „великодушно простилъ ихъ и былъ весьма радъ сдѣлать театральную сцену". Записки, стр. 29.

знатную добычу въ главную квартиру, но казаки и гвардейскіе гусары отняли у нихъ на дорогѣ Вандамма и привели его къ императору Александру [1]).

Государь принялъ вѣжливо, но холодно непріятельскаго генерала, пріобрѣвшаго во всей Германіи самую печальную извѣстность своею адскою жестокостью. Вандаммъ, завидѣвъ государя, сошелъ съ своего боеваго коня и поцѣловалъ его на прощанье. Грубый и мрачный предсталъ онъ передъ лицомъ своего великодушнаго побѣдителя. Императоръ приказалъ отдать плѣннику его шпагу и обратился къ нему съ нѣсколькими словами утѣшенія. Вандаммъ отвѣчалъ грубыми, отрывочными фразами; его надменность была такъ велика, что онъ не снялъ даже шляпы предъ государемъ. Всѣ присутствующіе были крайне возмущены грубымъ поведеніемъ Наполеоновскаго генерала [2]); но Александръ не обратилъ на него никакого вниманія и приказавъ отправить его въ Теплицъ, поспѣшилъ къ своимъ побѣдоноснымъ войскамъ.

Сердце государя было полно самыми возвышенными и радостными чувствами. Объѣзжая поле сраженія, Александръ убѣждался на каждомъ шагу и въ величости побѣды, и въ страшныхъ жертвахъ, принесенныхъ нашими войсками. Громадное поле сраженія было повсюду завалено трупами убитыхъ и тысячами раненыхъ. Потери, понесенныя союзными войсками, были чрезвычайно велики, но главная часть ихъ приходилась на долю нашей гвардіи и втораго армейскаго корпуса. Эти геройскіе отряды, затмившіе своею стойкостью баснословныхъ героевъ древности, лишились въ теченіи цѣ-

---

[1]) „Мнѣ не удалось видѣть Вандамма, говоритъ Н. М. Муравьевъ, который также былъ взятъ въ плѣнъ. Говорили, что онъ началъ было важничать въ Теплицѣ, но что великій князь его унялъ. Когда его повезли, то въ Лаунѣ жители приняли его каменьями, такъ что фельдъегеръ съ нимъ ѣхавшій, едва могъ отдѣлаться отъ нихъ. Вандаммъ извѣстенъ былъ въ Германіи по своей жестокости, онъ грабилъ болѣе другихъ французскихъ генераловъ и дѣлалъ жителямъ насилія всякаго рода. Вандамма привезли въ Москву, гдѣ дворянство наше принимало его съ почетомъ и позволяло ему говорить всякія наглости". Записки, стр. 29. О сценѣ въ Лаунѣ говоритъ подробно Шишковъ, записки. Т. I, стр. 217.

[2]) Bernhardi, T. III, стр. 253.

лаго ряда битвъ 6000 человѣкъ убитыми и ранеными, т. е. какъ разъ половины всего своего состава. Въ послѣдній рѣшительный день битвы союзники потеряли убитыми и ранеными около трехъ съ половиною тысячъ человѣкъ. Уронъ непріятеля былъ еще болѣе громаденъ. Одиннадцать тысячъ убитыхъ и раненыхъ остались на полѣ битвы; десять тысячъ человѣкъ было взято въ плѣнъ; три орла, четыре знамени, 82 орудія, весь обозъ корпуса Вандамма достались въ добычу побѣдителямъ.

Но что значили всѣ эти побѣдные трофеи въ сравненіи съ нравственными и военными результатами, достигнутыми Кульмскою побѣдою? Союзная армія, стоявшая еще за день передъ тѣмъ на краю гибели, ошеломленная, деморализованная Дрезденскимъ погромомъ, одержала нежданно и негаданно блестящую побѣду. Она не только отразила смертельный ударъ, направленный въ ея тылъ, но и истребила одинъ изъ лучшихъ и многочисленнѣйшихъ корпусовъ всей непріятельской арміи. И весь этотъ спасительный результатъ былъ достигнутъ вопреки всѣмъ диспозиціямъ главной союзной квартиры, благодаря геніальной находчивости одного изъ второстепенныхъ вождей, благодаря сверхчеловѣческой стойкости горсти русскихъ людей, благодаря, наконецъ, цѣпи самыхъ невѣроятныхъ и чудесныхъ случайностей [1]). Еще разъ обнаружилось во всемъ непроницаемомъ величіи мудрое руководительство Божественнаго Промысла, еще разъ Господь поднялъ Свою десницу надъ мятущимися народами, низложилъ гордыню сильныхъ и осѣнилъ щитомъ Своимъ слабаго числомъ и доспѣхами, но сильнаго духомъ и вѣрою.

---

[1]) Какъ смотрѣли на исходъ Кульмскаго боя союзные государи (т. е. Александръ и Фридрихъ-Вильгельмъ) видно изъ слѣдующаго. Фридрихъ-Вильгельмъ объявлялъ, что побѣда достигнута при помощи Всевышняго, онъ прислалъ 6000 желѣзныхъ крестовъ для раздачи русскимъ героямъ; онъ повелѣлъ поставить памятникъ на мѣстѣ боя. Александръ и въ частныхъ письмахъ (см. напр. письмо къ княгинѣ Волконской) (Сборникъ Историческаго Общества) и въ публичныхъ заявленіяхъ приписывалъ чудесный успѣхъ единому Богу. Черезъ годъ онъ праздновалъ годовщину Кульмскаго боя торжественнымъ молебствіемъ на Царицыномъ лугу. Въ тотъ же самый день и въ воспоминаніе того же событія онъ повелѣлъ учредить комитетъ для раненыхъ.

Воздавая въ глубинѣ души своей честь и хвалу Ему Единому, Господу силъ, Александръ старался въ то же время возблагодарить отъ перваго до послѣдняго всѣхъ участниковъ безсмертнаго Кульмскаго боя. Не обращая вниманія на подносимые къ нему со всѣхъ сторонъ побѣдные трофеи, онъ спѣшилъ изъявить прежде всего благоволеніе войскамъ и начальникамъ ихъ. Онъ подъѣзжалъ къ каждому полку, привѣтствовалъ отличавшихся, милостиво разговаривалъ съ офицерами. Онъ озаботился участью страдальцевъ и спѣшилъ пролить елей утѣшенія на раны безчисленныхъ жертвъ побоища. Объѣзжая поле сраженія, онъ приказывалъ подбирать раненыхъ. Возвращаясь въ Теплицъ и нагнавъ на пути обозъ съ ранеными, онъ останавливался безпрестанно, распрашивалъ ихъ и старался облегчить по мѣрѣ силъ своихъ ихъ участь. И здѣсь, на полѣ битвы, онъ избѣгалъ шумныхъ восторговъ и побѣдныхъ кликовъ, и здѣсь онъ являлся прежде всего не грознымъ побѣдителемъ, а ангеломъ утѣшителемъ страждущихъ.

Щедрою рукою разсыпалъ Александръ награды, лишь одного изъ героевъ считалъ онъ невозможнымъ наградить достойно его заслугамъ. Возлагая на полѣ битвы знаки ордена св. Владиміра Равноапостольнаго на герцога Евгенія, императоръ сказалъ ему: „Я знаю все, чѣмъ мы вамъ обязаны; самоотверженіе есть высшая добродѣтель“ [1]).

---

[1]) Герцогъ Евгеній говоритъ въ своихъ запискахъ, что систематическое умалчиваніе о немъ и о его корпусѣ во всѣхъ оффиціальныхъ реляціяхъ, столь несовмѣстимое съ высокимъ чувствомъ справедливости, присущимъ императору Александру, вытекало по всей вѣроятности изъ какихъ нибудь высокихъ государственныхъ соображеній, заставлявшихъ его не допускать герцога занять такое положеніе, которое могло-бы обратить на него общее вниманіе свѣта. Герцогъ замѣчаетъ также, что генералъ Дибичъ, (впослѣдствіи фельдмаршалъ) старался систематически зачернить и оклеветать его въ глазахъ императора Александра, а впослѣдствіи и императора Николая. Не такъ относились къ герцогу русскіе люди вообще и въ особенности его сослуживцы. Въ арміи Евгенія боготворили за его геройское мужество и истинно рыцарскій характеръ. Кутузовъ сказалъ императору въ Вильнѣ въ концѣ 1812 г., указывая на Евгенія: Voilà un jeune Prince qu'on aime a la folie. On se fait tuer pour lui par jouissance“ (т. е. „вотъ молодой принцъ, котораго любятъ до безумія. Умираютъ съ радостью за него“). Записки Евгенія, Т. I, стр. 154—55.

Шумная радость господствовала въ станѣ союзниковъ. Да и было чему радоваться! Побѣда подъ Кульмомъ совпала съ вѣстью о двухъ другихъ великихъ побѣдахъ. Оружіе союзниковъ восторжествовало одновременно на всѣхъ трехъ театрахъ войны: въ Богеміи, Силезіи и Бранденбургѣ; всѣ три союзныя арміи увѣнчались одновременно безсмертными лаврами. Маршалъ Удино, исполняя предписанія своего повелителя, двинулся въ самомъ началѣ кампаніи на Берлинъ, имѣя въ своемъ распоряженіи около 100,000 человѣкъ. Бернадотъ, на сторонѣ котораго было значительное превосходство числа, оправдалъ во всѣхъ отношеніяхъ ожиданія Наполеона. Онъ только говорилъ, шумѣлъ, принималъ геройскія позы, но тщательно избѣгалъ встрѣчи съ французами. То и дѣло твердилъ онъ о своей рѣшимости вступить въ бой, но указывалъ въ то же время на ненадежный составъ своей арміи, на большое количество ландверовъ, никогда еще не бывшихъ въ дѣлѣ, на вѣроятность прибытія самого Наполеона съ огромными силами, и когда французскіе колонны начали надвигаться со всѣхъ сторонъ на Берлинъ, онъ вдругъ объявилъ своимъ подчиненнымъ, что намѣренъ предоставить Берлинъ непріятелю и отступить за рѣку Шпрее. Но прусскіе генералы Бюловъ и Тауенцинъ на отрѣзъ отвѣчали кронъ-принцу, что они скорѣе погибнутъ со всѣмъ своимъ войскомъ на полѣ битвы, нежели отдадутъ непріятелю свою столицу. Бернадотъ принужденъ былъ уступить; онъ далъ разрѣшеніе пруссакамъ двинуться на встрѣчу непріятелю, подкрѣпилъ ихъ даже частью русскихъ войскъ, но самъ съ своими шведами остался благоразумно позади, ожидая къ какимъ результатамъ поведетъ безумная отвага пруссаковъ.

Результаты получились, однакоже, самые неожиданные. Пруссаки, быстро двигаясь впередъ, атаковали отдѣльныя французскія колонны при Бланкенфельдѣ, Гроссъ-Беренѣ и Бельцигѣ и послѣ ожесточеннаго боя нанесли имъ страшное пораженіе. Ничто не могло сравниться съ свирѣпою храбростью ландверовъ. Въ схваткѣ при Бельцигѣ они истребили штыками и прикладами цѣлыхъ три четверти непріятельскаго отряда. Нигдѣ не давали они и не принимали по-

щады. Потерявъ около 12,000 убитыми, ранеными и плѣнными и почти всю артиллерію, Удино отступилъ къ Виттенбергу на Эльбѣ, почти вовсе не преслѣдуемый кронъ-принцемъ. Бернадотъ двигался такъ медленно, что прошелъ съ своими войсками въ теченіи 11 дней всего лишь 80 верстъ. Не сдѣлавъ ровно ничего противъ непріятеля, онъ пытался, однако-же, присвоить въ своихъ донесеніяхъ [1]) честь успѣха себѣ и своимъ шведамъ.

Совершенно иной духъ господствовалъ въ главной квартирѣ Силезской арміи. И здѣсь, правда, не было недостатка въ разногласіяхъ и недоразумѣніяхъ, и здѣсь и самолюбивый генералъ Іоркъ постоянно не ладилъ съ главнокомандующимъ и его штабомъ, а генералъ Ланжеронъ уклонялся не разъ самовольно отъ исполненія предписаній Блюхера, но все же здѣсь геройскій духъ престарѣлаго вождя проникалъ всю армію, начиная отъ генераловъ и оканчивая послѣднимъ солдатомъ, а товарищество между русскими и пруссаками, испытанное на безчисленныхъ поляхъ битвъ, соединяло Силезскую армію въ одну плотную массу, превращало ее въ боевой мечъ коалиціи. Едва только Наполеонъ поспѣшилъ на помощь къ Дрездену, какъ Блюхеръ тотчасъ же остановилъ отступленіе своей арміи и рѣшился атаковать всѣми своими силами Макдональда. Наполеоновскій маршалъ, не зная ничего о намѣреніяхъ союзнаго главнокомандующаго, съ своей стороны продолжалъ наступать на Блюхера. Обѣ арміи, ничего не зная о томъ, шли другъ на друга, и столкнулись почти что неожиданно на берегахъ горной рѣчки Кацбаха. Французы наступали самоувѣренно и крайне неосторожно. Подъ проливнымъ дождемъ они переправились черезъ Кацбахъ и начали взбираться на крутое и высокое плато, противоположнаго берега, но достигнувъ высотъ, подверглись яростному нападенію пруссаковъ и русскихъ. Въ теченіи нѣсколькихъ часовъ солдаты Макдональда защищались съ мужествомъ отчаянія, но были подъ конецъ сбро-

---

[1]) Подробности о пораженіи маршала Удино можно найти во всѣхъ цитированныхъ нами выше общихъ сочиненіяхъ изъ русскихъ, въ особенности у Богдановича.

шены съ высотъ къ берегамъ Кацбаха. Страшная участь постигла бѣгущихъ непріятелей. Всѣ горныя рѣчки, лежавшія на пути ихъ, вздулись отъ непрерывныхъ дождей и выступили изъ береговъ. Уже на берегахъ Кацбаха, французы, принужденные переправляться черезъ рѣку подъ сильнѣйшимъ огнемъ союзной артиллеріи, тысячами гибли въ бушующемъ горномъ потокѣ, но еще болѣе страшная участь ожидала ихъ на берегахъ рѣки Бобера. Тщетно пытались они пробраться къ затопленнымъ мостамъ, когда ихъ настигли преслѣдователи. Дивизія Пюто, совершенно отрѣзанная отъ другихъ французскихъ войскъ, сожгла свой обозъ и рѣшилась обороняться до послѣдней крайности, но, атакованная со всѣхъ сторонъ русскими войсками отряда Ланжерона, была истреблена совершенно. Тысячи пали съ оружіемъ въ рукахъ, тысячи потонули въ рѣкѣ. Самъ генералъ Пюто, болѣе ста офицеровъ, три тысячи рядовыхъ, два орла, 16 орудій достались въ добычу побѣдителямъ.

Неутомимо тѣснилъ Блюхеръ разбитую армію Макдональда. Его войска не давали непріятелю ни минуты покоя, по всѣмъ дорогамъ захватывали они тысячи плѣнныхъ, отбирали орудія, обозы. Только за Кнейсою собрались, наконецъ, остатки арміи Макдональда, только на берегахъ ея пріостановилось преслѣдованіе, такъ какъ бѣгущимъ французамъ удалось своевременно разрушить всѣ мосты черезъ эту рѣку. Блюхеръ принужденъ былъ дать роздыхъ своимъ утомленнымъ войскамъ. Старый боецъ могъ быть доволенъ результатомъ своихъ усилій [1]). Его войска покрыли себя неувя-

---

[1]) Императоръ Александръ, стоявшій выше всякихъ партейныхъ, частныхъ интересовъ, имѣвшій въ виду лишь одну общую, великую цѣль, лучше кого либо другаго сумѣлъ оцѣнить великое значеніе Кацбахскаго сраженія и безсмертную заслугу главнокомандующаго Силезской арміи. Вотъ какимъ рескриптомъ почтилъ онъ Блюхера въ день полученнаго имъ извѣстія о побѣдѣ: „Въ числѣ прекраснѣйшихъ для меня минутъ сего похода считаю тѣ, когда я могу изъявлять вамъ особенное мое благоволеніе за блистательную вашу храбрость, за быстроту вашихъ движеній, за смѣлость вашихъ дѣйствій. Въ то самое время, когда мы одерживали славную побѣду, я снялъ съ себя знаки ордена св. Андрея Первозваннаго, коего жалую васъ кавалеромъ. Я не полагаю, чтобы это могло сколько нибудь увеличить выраженіе моей признательности, но

засмою славою. Ко[illegible] изъ руки. Они взяли [illegible] рядныхъ ящиковъ. [illegible] лоръ. Армія Ма[illegible] стояла теперь [illegible].

Никогда еще [illegible] Наполеонъ [illegible] повторенныхъ [illegible] отъ начала [illegible] вилось [illegible]. Его наступательное [illegible] женіе на [illegible] ніемъ. Его [illegible] что [illegible]. Его [illegible] армія [1]. Кампанія, начатая такъ блистательно, приняла внезапно самый печальный оборотъ. [illegible] Дрездена [illegible] Кацбахѣ, при Гросъ-Беренѣ и Кульмѣ. Армія [illegible] убитыми, ранеными и плѣнными. Она потеряла 250 орудій. Она была потрясена и деморализована цѣлымъ рядомъ неудачъ. Всякій другой на мѣстѣ Наполеона былъ-бы глубоко потрясенъ такимъ рядомъ неудачъ, но Наполеонъ, обреченный на гибель самимъ Провидѣніемъ, не утратилъ ни на одну минуту ни своей самоувѣренности, ни своего гордаго презрѣнія

[illegible]

[1] [illegible]

[illegible] Napoleon als Feldherr. T. II, стр. 27[illegible].

къ врагамъ. Онъ подавалъ видъ, что всѣ неудачи, понесенныя его маршалами, не могутъ имѣть никакого вліянія на общій ходъ войны; осыпая жестокими укоризнами Вандамма, порицая Макдональда и Удино, онъ собирался исправить всѣ ихъ ошибки и извѣщалъ міръ о новыхъ предстоящихъ своихъ побѣдахъ. Но его дѣйствія начинали уже явно противорѣчить его словамъ. Все рѣже и рѣже сверкали проблески его прежняго генія, все глубже и глубже погружался онъ въ непроницаемый мракъ самомнѣнія, окутывавшій его со всѣхъ сторонъ. Прежняя орлиная ясность и проницательность взгляда исчезли. Рѣшительность и быстрота уступили мѣсто долгимъ раздумьямъ и колебаніямъ. Прежняя непоколебимая твердость начала переходить въ какое то тупое упрямство. Уже онъ дошелъ до того, что ослѣпляемый страстью и ненавистью, началъ придавать первенствующее значеніе вещи очевидно второстепенной, взятію Берлина, что послѣ Кацбаха и Кульма онъ вновь двинулъ на столицу Пруссіи 100,000 армію и далъ тѣмъ возможность союзникамъ нанести новый тяжелый ударъ его и безъ того уже истощающимся силамъ. При Денниницѣ французы понесли новое страшное пораженіе отъ пруссаковъ, несмотря на то, что ими предводительствовалъ на этотъ разъ храбрѣйшій изъ храбрыхъ, маршалъ Ней. Они потеряли 8.000 убитыми и ранеными, у нихъ взято было 13 тысячъ плѣнныхъ и 80 орудій. Правда, и послѣ этого новаго удара союзники все еще не рѣшались дѣйствовать противъ Наполеона наступательно; но неравенство силъ, почти незамѣтное въ началѣ войны, быстро возрастало теперь съ каждымъ днемъ. Уже армія Наполеона уменьшилась до 250,000 человѣкъ, тогда какъ его противники, присоединивши къ себѣ резервную армію Бенигсена, довели свои силы вновь до 400,000 человѣкъ. При такомъ страшномъ неравенствѣ силъ исходъ борьбы становился уже несомнѣннымъ. Наполеонъ могъ продлить еще сопротивленіе, могъ дать еще союзникамъ цѣлый рядъ битвъ, но его окончательное пораженіе сдѣлалось теперь лишь вопросомъ времени, и притомъ времени короткаго.

Въ союзномъ лагерѣ, гдѣ лишь немногіе возвышенные

умы прозрѣвали до сихъ поръ вмѣстѣ съ императоромъ Александромъ конечную цѣль борьбы, только въ первыхъ числахъ сентября сознаніе, что война не можетъ окончиться на этотъ разъ какимъ нибудь компромиссомъ, сдѣлалось наконецъ болѣе или менѣе всеобщимъ. Правда, Меттернихъ и императоръ Францъ не дерзали еще и въ это время помышлять о низложеніи Наполеона, да это низложеніе и не входило вовсе въ ихъ разсчеты, но они рѣшились по крайней мѣрѣ соединиться тѣснѣе съ Россіею и Пруссіею и формулировать болѣе достойныя и широкія цѣли войны. Уже шесть дней [1]) спустя послѣ Кульмской битвы, Австрія подписала союзный договоръ съ Россіею и Пруссіею. Договоръ опредѣлялъ, что державы не положатъ оружія до тѣхъ поръ, пока Австрія и Пруссія не будутъ возстановлены въ своихъ прежнихъ размѣрахъ, пока не будетъ уничтоженъ рейнскій союзъ, а участь герцогства Варшавскаго предоставлена въ ихъ безусловное распоряженіе.

Александръ не могъ скрыть отъ себя, что Теплицкій договоръ заключалъ въ себѣ формальное отступленіе отъ принциповъ, такъ торжественно провозглашенныхъ въ Калишѣ, но скрѣпя сердце, онъ долженъ былъ уплатить эту тяжелую цѣну за австрійскій союзъ. Онъ хорошо понималъ, что Австрія не можетъ раздѣлять ни его идеальныхъ стремленій, ни его твердаго рѣшенія низложить окончательно Наполеона, но онъ въ тоже время твердо надѣялся, что сила событій сама собою поведетъ его союзниковъ далѣе, нежели они предполагали. Чудесныя событія трехъ послѣднихъ недѣль укрѣпили его еще болѣе въ незыблемомъ уповании на помощь Всевышняго. Ни на минуту не сомнѣвался онъ, что Провидѣніе, избравшее его своимъ орудіемъ для низложенія темныхъ, демоническихъ силъ, приведетъ его къ желанной великой цѣли, вопреки всѣмъ усиліямъ враговъ и проискамъ лжедрузей.

---

[1]) Договоръ въ Теплицѣ подписанъ былъ 9-го сентября нов. стиля.

T. 15

